

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

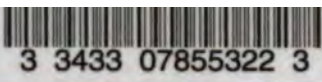
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

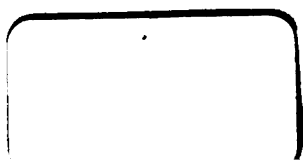
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

*QCA
Moskvityan

МОСКВИТЯНИНЪ,

7691

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ.

1856.

ТОМЪ II.

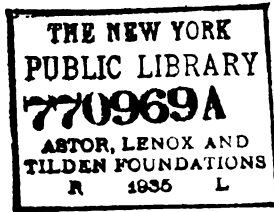
№ 5.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. СТЕПАНОВОЙ.

1856.

19

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Августа 1 дня,
1856 года.**

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

NOV 20 1856
LIBRARY
NEW YORK

А К С Ю Т А .

СТИХОТВОРНАЯ ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ глуши пустынной и далекой
Среди Воронежскихъ степей
Есть хуторъ. Близъ него широко
Лежитъ дорога. Тамъ коней
Гоняють съ Дону косяками,
Обозъ идетъ, скрипя возами,
Порой, подъ свиню ракичь,
Цыганскій таборъ здѣсь гостить;
И по степи необозримой
Синья стелется дымокъ:
Цыганъ и прасоль огонекъ
Разводятъ, и кусокъ любимой,
Сидя подъ фурую, тохолъ
Кладеть въ дымящійся котель.

* * *

И степь ковыльная, глухая,
Вокругъ поселка мирно спить.
Чу, гдѣ-то пѣсня удалая
Протяжно по полю звучить!

Заря горить, и съ поля жница
 Спѣшить, веселая дѣвица,
 И пѣсню звонкую поеть;
 За нею сторбившись бредеть
 Съ серпомъ и съ граблями старушка,
 И въ слѣдъ имъ мѣрною стопой
 Старикъ съ сѣдою бородой
 Везеть копну; сноповъ кладушка
 Телѣгу давить и гнететь
 И степью громоздко идетъ.

* * *

И вотъ семья домой приходитъ,
 Хозяинъ въѣхалъ на гумно.
 Старуха оцущью находитъ
 Изъ сѣнецъ дверь. Въ избѣ темно
 И пусто. Возъ старикъ задвинулъ,
 Съ своей лошадки упряжь скинулъ,
 Огню добылъ, фонарь нашелъ,
 Дозоромъ дворъ весь обошелъ.
 «Ну, нынче кончили работу,
 «Хозяйка, то-то я усталъ!»
 Ложася на печь, онъ сказалъ,
 «И ужинъ будетъ мнѣ въ охоту.»
 И щей горшокъ въ печи кипить,
 Хлѣбъ-соль готова, столъ накрыть.

* * *

Горячій уголь ярко рдятся,
 Свѣтло пылаеть красный жаръ
 И по избѣ уже струится
 Ухи пахучей сизый паръ.
 Въ быту крестьянскомъ рѣдокъ лѣтомъ
 Особый ужинъ; вставъ со свѣтомъ
 Хозяйка рано топить печь,
 Обѣдъ готовить и безъ свѣчъ
 Транезы утренней остатки
 На ужинъ подаетъ въ потьмахъ.

Но если разведеть очагъ,
 То вѣрно блюда будутъ сладки
 И ужинъ будетъ не простой —
 И нынче вышелъ день такой.

* * *

Сосѣдней степи содержатель
 Вчера гостилъ у старика.
 Хозянкъ ласковый пріятель
 Привезъ въ гостинецъ судака
 Да стерлядей; за тѣмъ топила
 Старуха печь — уху варила.
 Хозяинъ нѣжился и ждалъ
 Отвѣдать рыбки; онъ дремалъ,
 Спокойною и свѣтлой думой
 Его перемежался сонъ.
 Доволенъ былъ и веселъ онъ
 Обычно строгій и угрюмой.
 Онъ беззаботно отдыхалъ
 И про былое поминалъ.

* * *

И правда, было, тѣмъ былое
 Ему припомнить; долгій вѣкъ
 Онъ жилъ, и время зналъ иное.
 Онъ былъ дворовый человекъ
 Въ помѣстьѣ знатномъ и богатомъ,
 Въ семьѣ ихъ двое жило съ братомъ,
 Всему имѣнью головой
 Былъ Прохоръ, братъ его меньшей.
 Онъ былъ прикащикъ дѣльной, строгой,
 Умѣлъ внушать почтенье, страхъ,
 И мужиковъ держалъ въ рукахъ,
 Но честенъ былъ — и кралъ немного,
 Въ два года разъ запоемъ пилъ
 И мало денегъ накопилъ.

* * *

За то ужъ старшій братъ Кирило, —
 Такъ будемъ звать мы старика, —
 Былъ трезвъ и твердъ; въ немъ вѣсу было
 Пудовъ двѣнадцать, и рука
 Была съ ведро, могучи плечи.
 И голось грубъ, и кратки рвчя,
 Какъ крылья брови, хмурый взглядъ,
 Обычаемъ мужиковать,
 Онъ въ дворнѣ знатнымъ не казался,
 Лакеемъ сроду не служилъ
 И лапти и зипунъ носилъ.
 Онъ былъ кузнецъ, и такъ остался
 Неграмотный простраудинъ —
 И видѣлъ въ землю на аршинъ.

* * *

Имѣнье Прохоромъ держалось,
 Кирилою держался домъ.
 Во всей деревнѣ отдавалось
 Ему почтенье; какъ съ отцомъ,
 Прикащикъ жилъ со старшимъ братомъ,
 И всякій кумомъ, всякій сватомъ
 Пафнутыча имѣть желалъ.
 По вѣсѣмъ крестинамъ занималъ
 На вышкахъ онъ любое мѣсто,
 Мирскою сходкой правилъ онъ,
 И — баришу отдавъ поклонъ,
 Женихъ, пришедшій за невѣстой,
 Ему подарокъ заносилъ:
 Онъ даже знахаремъ прослылъ.

* * *

Судьбой домашнею, простою,
 Вполнѣ бы онъ доволенъ былъ;
 Но было горе, что семьею
 Его Господь не надѣлилъ.

При всей своей великой власти
 Кирило вовсе не по страсти
 Женился, какъ-то ужь давно,
 Пришлось такъ; и суждено
 Его женѣ, Агафѣ, было
 За нимъ работать и молчать
 И вѣкъ покорно доживать.
 Она боялась и любила
 Кирилу, онъ былъ строгъ и лихъ;
 Но не было детей у нихъ.

* * *

Счастливей, нѣтъ ли, въ дѣлѣ этомъ
 Досталась Прохору въ удѣлѣ
 Судьба другая: ужь со свѣтомъ
 Онъ былъ знакомѣ; смотрѣлъ
 Дворецкимъ важнымъ и свѣсивымъ,
 Зналъ грамотъ, писалъ курсивомъ,
 Всегда во фракѣ, при часахъ,
 И увлекателемъ въ рѣчахъ.
 Въ Москву онъ пригонялъ обозы
 И съ господами тамъ живалъ,
 Кузнецкій мостъ онъ посвщалъ
 И сердца не избѣгъ завѣзы —
 Влюбился, и женой въ семью
 Привезъ московскую швею.

* * *

Но жизнь въ деревнѣ показалась
 Московской дѣвушкѣ скучна;
 Какъ угождать ей ни старалась
 Во всемъ Кирилина жена,
 Хоть вѣжилъ самъ ее Кирило,
 Она все плакала, грустила,
 Сначала Прохоръ утѣшалъ
 Ее, потомъ, сердиться сталъ;
 Днемъ уходилъ отъ горя, ночью
 Всю съ ней бранился на пролетъ.

Такъ съ нею маялся онъ годъ —
И, всей семьѣ на радость, дочку
Жена объ Святкахъ родила
И отъ чахотки умерла.

* * *

Какъ дочь родилась, тутъ же вышелъ
Въ семействѣ на крестинахъ споръ:
У Прохора, Кирило слышалъ,
Съ женой былъ прежде разговоръ,
Чтобъ дочь у нихъ была Татьяна,
Въ честь столь любимаго романа,
А сынъ Евгений; только братъ
Не дался Прохору подъ ладъ,
Его повѣрья были крѣпки —
Онъ по преданью имя ей
Желалъ, а черезъ восемь дней
День приходился Полухлѣбки.
Онъ переспорилъ — и она
Была Аксиной названа.

* * *

И вотъ у нихъ дитя; а дѣти —
Богатство, счастье мужика,
Съ дѣтьми и радость есть на свѣтѣ,
Съ дѣтьми и жизнь ему легка!
Случалось мнѣ видать дорогой,
У двери хижины убогой
Лежить маститый старичекъ
И дремлетъ сладко, подъ шумокъ,
На подгороженной постелѣ.
Въ селѣ остался старъ и младъ,
Вокругъ него толпа ребятъ,
Надъ нимъ ребенокъ въ колыбели —
И онъ съ дѣтьми, и самъ дитя,
Кончается вѣкъ полу-шутя....

* * *

О жизнь отрадная, простая!
 Кто ознакомить насъ съ тобой?
 Кто явить намъ, страна родная,
 Твое довольство и покой?
 И кто, о Русская природа,
 О быть великаго народа,
 Постигнешь образъ твой и звукъ?
 Дабудеть это дѣло рукъ
 Пѣвцовъ грядущихъ поколѣній!
 Вы, предъизбранные судьбой!
 Я вѣрю, правдой и хвалой
 Прославить Русь грядущій геній,
 И, орлій зря ея полеть,
 И онъ, какъ Пушкинъ, воспоеть!

* * *

«Впередъ, впередъ, моя исторья!»
 Прикащикъ ниръ приготовляя
 И дочь крестить отца Григорья
 Онъ благочиннаго позвавъ,
 И пригласилъ весь околодокъ.
 Мадеры, рому, разныхъ водокъ
 Возъ цѣлый въ городѣ купилъ,
 И каждый гость провозносилъ
 Ему желанье благъ душевно.
 Кирило даже хмѣлень сталъ —
 Впервые въ жизнь онъ подгуляя,
 Сидя съ кумою Тимофевной.
 Онъ самъ племянницу крестилъ,
 Онъ этимъ гордъ и счастливъ былъ.

* * *

И вѣренъ искреннему слову
 Онъ сталъ Аксютинымъ отцомъ:
 Мать умерла, онъ ей корову
 Купилъ и выкормилъ рожкомъ.

И все село тому дивилось,
 Какая нежность въ немъ родилась,
 Какъ онъ ребенка полюбилъ!
 За нимъ онъ нянькою ходилъ.
 Бывало, въ старомъ полушубкѣ,
 Онъ на порогъ съ ней сидитъ,
 «Агу»-нить съ ней и говорить,
 Играть въ *ладушки* и въ *губки*,
 И не заглядеть цѣлый день
 Ни на гумно, ни въ половень.

* * *

Ему заботы были эти
 Такъ новы, онъ такъ счастливъ былъ:
 Онъ сильно въ первый разъ на свѣтѣ
 Живое существо любилъ.
 Дитя онъ нежилъ и покоилъ,
 Объ немъ впередъ онъ планы строилъ —
 И въ жизни въ первый разъ мечталъ:
 «Какъ выростеть, какоебъ далъ
 Онъ ей приданое, быть можетъ,
 На волю выкупить ее...
 Вотъ это было бы житье!
 А тамъ какъ если Богъ поможетъ,
 За ней бы деньги къ деньгамъ взять,
 Да за купца ее отдать»...

* * *

Здоровъ, и радостенъ, и свѣтелъ,
 Ростеть ребенокъ третій годъ.
 За нимъ Кирило не замѣтилъ,
 Что Прохоръ снова горько пьетъ;
 Онъ на работахъ не бываетъ,
 Съ купцами въ городѣ гуляетъ,
 Отбился отъ дому, и радъ,
 Что ужъ за нимъ не смотритъ братъ.
 Шю время, долголь, коротко-ли,
 Нашъ Прохоръ очень захворалъ,

Къ нему и лѣкаръ прїѣзжалъ,
 Рецептъ оставилъ поневолю;
 Рецептъ однако жъ не помогъ
 Ни сколько, — онъ въ постелю слегъ.

* * *

И умеръ Прохоръ, и осталась
 Аксюта круглой сиротой.
 Кирилъ много доставалось
 Тогда терпѣть, — совѣсть иной
 У нихъ порядокъ заводился.
 Его прижали, онъ сердился,
 Но самъ управы не искалъ;
 Молчалъ, терпѣлъ и только ждалъ,
 Что скоро баринъ самъ прибудетъ
 И старыхъ слугъ вспомнятъ.
 «Онъ деньги за себя внесетъ,
 «А можетъ баринъ такъ разсудитъ»....
 И вотъ на праздники зимой
 Прїѣхалъ баринъ молодой.

* * *

«Прїѣхалъ баринъ!» И взметалась
 Вся дворня въ разныхъ суетахъ.
 Кирилъ смутно показалось,
 Какъ будто онъ почувалъ страхъ
 Впервые въ жизни. Онъ боялся
 Не за себя; онъ оставался
 Охотно вѣчно крѣпостнымъ, —
 Чего ему? домкомъ своимъ
 Онъ жилъ покойно; въ сумкѣ старой
 Нарочно онъ заплать нашилъ,
 И въ ней таинственно хранилъ
 Давно цѣлковые подъ нарой.
 И съ этой бы сумой на вѣкъ
 Въ деревнѣ былъ онъ человекъ.

* * *

Не то, не то его смущало
 И онъ боялся не того:
 Его, сердечнаго, пугала
 Судьба племянницы его.
 Кирило самъ съ собой толкуеть:
 «Какъ? дочь прикащика свѣкуеть
 «Дворовой дѣвкой? что за статьи!
 «Гакъ нѣтъ, тому же не бывать:
 «Онъ къ барину пойдетъ съ поклономъ,
 «Онъ деньги за себя отдастъ,
 «А тамъ—Его святая власть...»
 И такъ на ложъ сна со стономъ
 Онъ думу кровякую гадалъ,
 И ночи цѣлыя не спалъ.

* *
*

Тонимъ предчувствіемъ не даромъ,
 Большаго онъ событія ждалъ,
 И съ дворней на поклонъ къ боярамъ
 Въ хоромы трепетно вступалъ.
 И господинъ его замѣтилъ,
 Приветною улыбкой встрѣтилъ:
 «Кирило, кстати, мнѣ съ тобой
 «Сказать два слова милой мой,
 «Пойдемъ!» И въ залъ и въ гостиной
 Кирило съ роду не бывалъ,
 И осторожно выступалъ,
 Любуясь зеркаломъ, гардиной.
 Подъ тяжестью его паркетъ
 Трещить,— онъ входитъ въ кабинетъ.

* *
*

И сталъ у притолки Кирило
 И руки опустилъ по швамъ.
 Ему лицо не измѣнило:
 Ни по бровямъ, ни по усамъ

Движенія не пробѣгало.
 Хоть сердце билось и стучало,
 Но духомъ онъ не оробѣлъ
 И въ землю пристально глядѣлъ.
 И началъ баринъ: «Ну Кирило,
 «Не стало брата твоего,
 «Заслуги прежнія его
 «Мнѣ памятливы; мнѣ жалко было
 «Что я его ужъ не застаю.»
 Кирило кланялся, молчалъ.

* * *

«И такъ» — помѣщикъ продолжаетъ —
 «Я память Прохора почтять
 «Хочу» и онъ ему вручаетъ
 Бумажникъ. «Начинайте жить,
 «На первый разъ я васъ устрою.
 «А вотъ тебѣ со всей семьей
 «Отпускную дарю я.
 «Кирило, помни же меня,
 «И не забудь благодѣянья....»
 И думаетъ Кирило мой
 «И такъ прощай, Господь съ тобой,
 «Мое бывшее состоянье!
 Иконамъ кланяется онъ —
 И въ ноги барину покловъ!

* * *

Онъ въ эту свѣтлую минуту
 Все счастье жизни испыталъ!
 Теперь, взирая на Аксюту,
 Онъ это время поминалъ.
 Ужъ лѣтъ тому минуло много;
 Но всякій день усердно Бога
 За милость онъ благодарилъ.
 Съ тѣхъ поръ онъ новой жизнью жилъ;
 Аксюта стариковъ любила,

Веселый нравъ ея, живой,
 Дарилъ имъ радость и покой.
 И вотъ любитъся Кирило
 Племянницей—она прядеть
 Волну, и пѣсенку поеть.

* *
 *

Но ктожь въ восторгѣ молчаливомъ
 На эту дву не глядитъ?
 Румянцемъ яркимъ и стыдливымъ
 Лицо веселое горитъ;
 Какъ звѣзды тихой, лѣтней ночи
 Светлы задумчивыя очи;
 Какъ зорька, утра красота,
 Зардѣлись алыя уста.
 Какіе дѣвственные звуки
 Изъ этой груди молодой
 Струятся зыбкою волной!
 Какъ полны плечи, бѣлы руки,
 Здоровьемъ дышетъ вся она,
 Дородно, сильно сложена!

* *
 *

Рабочихъ зорь полезный холодъ
 И нивы сельскія даютъ
 И свѣжій умъ, и здравый голодъ,
 И крѣпкій сонъ покоить трудъ.
 Покой усталымъ людямъ нуженъ;
 Безмолвно совершивши ужинъ
 И мирно Богу помолясь,
 Семья по лавкамъ улеглась.
 Луна веселыми лучами
 Въ окнѣ играла; ужъ крыломъ
 Пѣтухъ ударилъ; надъ дворомъ
 Небесный сводъ сіялъ звѣздами
 И часъ полночи наступалъ—
 Чу! кто-то въ двери застучалъ.

* *
 *

Друзья! зачѣмъ въ дремотѣ сладкой
 Семью тревожить намъ теперь?
 Мнѣ жаль, что въ этотъ часъ украдкой
 Незваный гость стучится въ дверь.
 Постой, пегасъ, ты знаешь слово:
 Что и Татарина лихова
 И Англичавина, ей-ей!
 Намъ гость не во время скучный.
 Крылатый конь! вздохни покуда, —
 Намъ предстоитъ далекій путь:
 Въ Москву мнѣ надо заглянуть, —
 Намъ версть пятьсотъ отсюда!
 Тамъ въ бѣлокаменной другой
 Живеть для повѣсти герой.

М. Стаховичъ.

Пальма.
 Ноября 1-го. 1854.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

М. П. Погодину.

Сидитъ Илья Муромецъ, добрый герой,
Ужъ тридцать лѣтъ сиднемъ сидитъ,
Окованъ цѣпами въ темницѣ сырой
И къ помосту цѣпью прибитъ.

И вдругъ слышитъ онъ, что въ родимыхъ лѣсахъ
Бушуетъ лихой чародѣй,
Живетъ на семи неприступныхъ дубахъ
И пѣснями губитъ людей.

Вдохнулъ богатырь—зашатался подвалъ,
Рванулъ и, какъ нити, всѣ цѣпи порвалъ,
Ударилъ на лѣво—столбы раздробилъ,
Ударилъ на право и стѣну свалилъ.

И вотъ ужъ несется къ желѣзной бронѣ,
Играетъ могучимъ копьемъ,
Какъ буря несется на бурномъ конѣ....
Вдругъ свистъ раздается какъ громъ.

Ударъ за ударомъ, сильнѣй и сильнѣй,
Подъ витаземъ конь уже палъ,
И громче поетъ обаятель—злodeй;
Но Муромецъ бодро возсталъ.

И вотъ къ нему нищій калъка идетъ,
 Въ тяжеломъ стальномъ шишакъ,
 Грудь нищаго крестъ необъятный гнететь
 И посохъ желъзный въ рукъ.

«Здорово—сказаль онъ—Илья молодець!
 «Свяленъ ты нашъ воинъ родной!
 «Но съ этимъ врагомъ ни единый боець
 «Несправится мощью земной.

«Опъ злобою духа сильнѣе тебл,
 «За нимъ вражей силы тьма тѣмъ,
 «Неможеть сразить его мышца твоя
 «Ни стрѣлой, ни мечемъ, ни огнемъ.

«Возьми-ка, надвнй мой шишакъ на главу,
 «Возьми себѣ крестъ мой щитомъ,
 «А въ руку мой посохъ, мою булаву.
 «И смѣло ступай на проломъ.

«Шишакъ то мой добрый смиренъемъ зовутъ,
 «Раскаянъемъ крестъ на груди,
 «А посохъ—желъзный, молитвенный трудъ;—
 «Ты сими тремя победы!

«Сперва победы самага ты себл
 «Оружьемъ святой нищеты;—
 «Сотри змя въ сердца—и Бога любл,
 «Отвергни гордыни мечты!...»

Сказаль, просіяль и во свѣтѣ исчезъ
 Убогій калъка старикъ!
 Но въ сердце могучее голось небесъ
 Глубокой струею проникъ.

И муромецъ повяль святыя слова,
 Облѣкъся въ доспѣхъ нищеты.
 Смиренно подъ вврой склонилась глава,
 Отринувши блескъ суеты.

И палъ передъ нимъ обаятель пввецъ,
 Могуществомъ правды сражень; —
 Безъ боя смиряется грозный боець
 И самъ отдается въ полонъ.

Какъ злой чародѣй на высокихъ дубахъ,
 Въ вѣнцѣ, на семи смертоносныхъ грѣхахъ,
 Гордясь и пируя, въ огняхъ и громахъ,
 Блудница.... сидить.

Но вотъ Илья Муромецъ—Русскій народъ —
 Отъ тяжко-грѣховнаго сна возстаетъ,
 И въ битву съ могучей неправдой идетъ,
 И съ Богомъ вездѣ победить!—

А. Цуриковъ.

Ноябрь. 1855 г.

По дорогѣ изъ Ливенъ въ Воронежъ.

МНѢНІЕ ВОЛЬФА О ТОМЪ,

КАКЪ СОСТАВЛЯЛИСЬ ГОМЕРОВЫ ПОЭМЫ.

Извѣстно, что изъ всѣхъ новѣйшихъ гипотезъ касательно предлагаемаго вопроса наиболее утвердилась послѣдняя, представленная еще въ 1795 г. славнымъ нѣмецкимъ эллинистомъ Вольфомъ въ пролегоменахъ къ его изданію Гомера. Она еще въ своемъ цѣлѣ и теперь; и теперь еще прямо и косвенно говорятъ о ней какъ въ подтвержденіе, такъ и въ опроверженіе. У насъ кажется она мало извѣстна. И если извѣстна, то болѣе по сужденіямъ о ней другихъ уже писателей, не всегда безпристрастныхъ какъ въ похвалѣ, такъ и въ порицаніи. Это побудило меня представить въ сокращеніи сію гипотезу, составляющую часть пролегоменъ автора. Касательно труда моего смѣю увѣрить читателя, что изъ доказательствъ автора я ничего не выпустилъ существеннаго, исключая нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ, въ которыхъ онъ подробнѣе раскрываетъ мысль свою для большаго убѣжденія читателя. Я даже сохранилъ всѣ его цитаты и внесъ въ текстъ нѣкоторыя изъ его замѣчаній, которыя мнѣ казались нужными къ подтвержденію его доказательствъ. Впрочемъ въ моемъ сокращеніи я выставилъ каждый параграфъ подлинника; и такъ всякій, кому угодно, можетъ легко сдѣлать

справку и повѣрить меня. Замѣчанія, сдѣланныя мною въ концѣ, подвергаю суду читателя. Можетъ быть найдутся такіе, которые раздѣляютъ мои мысли. Во всякомъ случаѣ прошу читателя быть увѣреннымъ, что я помню, съ какимъ авторитетомъ имѣю дѣло и никому не уступлю въ томъ высокомъ уваженіи, которое долженъ имѣть всякій филологъ къ великимъ познаніямъ автора въ обоихъ классическихъ языкахъ. Но если его скептицизмъ возбудилъ во мнѣ новыя сомнѣнія насчетъ того, что онъ утверждаетъ, то кто будетъ справедливо негодовать на меня за то, что я искренно высказалъ свои мысли? Теперь обратимся къ автору. Сомнѣнія свои насчетъ поэмъ Гомеровыхъ онъ начинаетъ сомнѣніями касательно употребленія письма въ Греціи, въ Гомерово время. Эта мысль кажется была главнымъ основаніемъ всей этой гипотезы о Гомерѣ, котораго существованія авторъ отнюдь не отвергаетъ, подобно нѣкоторымъ прежнимъ скептикамъ, какъ то, аббату Добиньяку, о которомъ впрочемъ упоминаетъ очень неуважительно, и италіанскому ученому Вико, о которомъ не упоминаетъ вовсе.

§ 15. Препятствія для всеобщаго употребленія письма могли встрѣтиться во-первыхъ со стороны самой матеріи. Библь или папиръ изобрѣтенъ, и въ Греціи вошелъ въ употребленіе не ранѣе VI в. до Р. X. Свидѣтельство этому находимъ мы въ комическихъ поэтахъ V в. до Р. X. Кратинъ и Платонъ, упоминаемыхъ у Поллукса (VII extr.), и въ Геродотѣ (V. 58). У перваго встрѣчаемъ слово *βιβλογράφος*, у втораго *χαρτης* у третьяго слова: *βιβλος* и *βιβλια*. И такъ въ V в. до Р. X. употребленіе папира въ Греціи уже небыло новостію. Какую жъ матерію для письма употребляли Греки до этого времени? соглашаемся, что камни, дерево, металлическія дощечки употреблялись для начертанія общественныхъ памятниковъ, какъ напримѣръ Солоновы законы были начертаны на доскахъ деревянныхъ; но такой матеріалъ для частнаго и обыкновеннаго употребленія вовсе былъ неудобенъ. Римляне по словамъ Плинія (XIII. 11), писали на полотнѣ; но о Грекахъ мы не имѣемъ

такого свидетельства. И такъ остается принять извѣстіе Геродота (l. l.), что Іонійцы употребляли для сего овечьи и козы кожи. Онъ же упоминаетъ о навощенныхъ дощечкахъ (VII. extr.). Но изъ нихъ не могли быть составляемы книги.

§ 16. Но если Іонійцы писали на кожахъ, то почему жъ не допустить, что поэтъ, ихъ соплеменникъ, пользовался тѣмъ же средствомъ?—Къ сожалѣнію Геродотъ вовсе не упоминаетъ, съ котораго времени кожи стали употребляться для письма въ Іоніи. Я думаю, что это обыкновеніе относится къ эпохѣ Олимпіадъ (къ нач. VIII вѣка до Р. X.) и заимствовано отъ восточныхъ, у которыхъ, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ варварскихъ народовъ оно постоянно утвердилось и весьма долго господствовало. Но допустивъ и это, много еще представляется препятствій съ другой стороны, именно со стороны самаго алфавита и его усовершенствованія. Допустимъ изобрѣтеніе первыхъ 11 или 16 буквъ Кадмомъ и 3-хъ или 4-хъ Паламедомъ. Достовернѣйшее преданіе приписываетъ пополненіе алфавита и изобрѣтеніе новыхъ буквъ въ VI. и V. в. до Р. X. Симониду Косскому и Эпихарму Сицилійскому, начальнику древней комедіи. (Hugin. Fab. 277. Plin. VII. 56. Tzetz. Chil. XII. 398. Schol. in Villos. Anecd. Gr. T. II. p. 187). Всѣ эти буквы потомъ размыщенные въ порядкѣ и соединенныя въ одинъ алфавитъ, состоящій изъ 24 буквъ, нѣкоторымъ Каллистратомъ, прежде всѣхъ стали быть употребляемы въ Іонійскомъ Самосѣ. Наконецъ уже въ 403 г. до Р. X. этотъ Іонійскій алфавитъ при Архонтѣ Евклидѣ введенъ въ употребленіе и въ Аѳинахъ. И многіе достоверные писатели утверждаютъ, что до этого времени Аѳиняне вовсе не знали начертанія двухъ гласныхъ долгихъ. (Euseb. Chron. ad ol. XCIV 4. Cedren. et Pasch. chron. ad XCVI. 4. Schol. ad Eurip. Phoen. 688. et ibi Valcken.) Но изъ сего не должно заключать, чтобы до окончанія алфавита, письмо вовсе не употреблялось въ Греціи. Еще до Симонида и Эпихарма были Іонійскіе и Эолійскіе лирики, которымъ безъ сомнѣнія пособіе писменъ было необходимо. Драконъ аѳинскій (въ VII в. до Р. X.) и съ небольшимъ алфавитомъ

начерталъ законы. Что жъ могло быть препятствіемъ къ составленію и большихъ книгъ, если только они были тогда въ употребленіи, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько лѣтъ до Дракона, Египецъ въ царствованіе Псимметиха былъ открыть торговлѣ Іонянь и такимъ образомъ доставлялъ возможность имѣть и папиръ. Наконецъ основательно и не безъ достаточныхъ указаній историческихъ, можно относить къ VIII и VII в. до Р. Х., ближайшимъ къ Лакедемонскому Ликургу употребленіе писменъ, въ дѣлахъ общественныхъ, или государственныхъ (*publicus usus*) гораздо обширнѣйшее нежели каковыя надписи.

§ 17. Но отъ сего публичнаго употребленія писменъ сколь далеко до частнаго и всеобщаго, доказательствомъ служить то, что никакого не упоминается памятника въ семь родѣ, относящагося къ вѣку Ликурга и слѣдующему (IX и VIII в. до Р. Х.), никакого посланія (*epistola*), никакой поэмы, никакой книги, которой бы экземпляръ, или о которой бы преданіе сохранилось. Но что искать частныхъ писменъ въ такое время, когда самыя законы (*) не обнародывались писменно? говорю обо всѣхъ Грекахъ не исключая Іонянь. Ни одинъ писатель не упоминаетъ Іонійскихъ, ни Эолійскихъ законодателей до временъ Питтака, современника Солонова. Изъ сего слѣдуетъ, что всѣ того времени, такъ называемые законы, *νόμα*, *θεσμοί*, *νόμοι* обнародывались въ Іоніи и пограничной Греціи точно также, какъ во время Аристотеля у Агатирсовъ, и прежде, у Критянь и Лакедемонцевъ посредствомъ пѣнія, соединеннаго съ звуками музыкальныхъ инструментовъ. Постоянное историческое преданіе

(*) Были еще и въ повѣйшее время ученые, ссылающіеся на Платонова Миноса, которому онъ приписываетъ законы начертанные на мѣдныхъ скрижаляхъ. Но если принять это за историческую истину, то надо поверить и тому, что трагедія за долго до Гомера существовала у Аевнянь, какъ повѣствуется въ томъ же разговорѣ. Грамматикъ Аполлодоръ (*Bibl. III. 1. 9.*) также утверждаетъ о Миносѣ, что онъ начерталъ законы (*ὑραφαί νόμων;*) И это выраженіе о законодателяхъ въ такомъ было употребленіи у Грековъ, что многіе такъ писали и о Ликургѣ, хотя вся древность утверждаетъ, что онъ ничего не оставилъ письменнаго. *Прим. Авт.*

въ Греціи было то, что изъ всѣхъ Грековъ первые Эпизофирійскіе Локры получили писменные законы отъ Залевка (Scytnus Perieg. 313. Strabo. VI. p. 259. Cic. ad Att. VI. 1), который жилъ (по Евсеію) за 664. г. до Р. X. за 70 лѣтъ до Солона. Но эти законы, о которыхъ впрочемъ столь мало мы знаемъ, какимъ родомъ письма и на какой матеріи были начертаны, вовсе неизвѣстно. Какое же было публичное употребленіе писменъ во время Солона (за 594 г. до Р. X.), показываютъ его законы, начертанные на грубой матеріи и тѣмъ образомъ письма, который называется *βοιωτῶσφι δόρυ*, (т.-е. отъ лѣвой руки къ правой и потомъ другая строка отъ правой къ лѣвой и такъ попеременно). Едва ли частное письмо было удобнѣе этого. По крайней мѣрѣ до персидскихъ войнъ объ Аттическихъ писателяхъ нѣтъ и помину. Впрочемъ я охотно уступаю, что это искусство мало по малу входило въ частное употребленіе въ Аѣнахъ еще до Солона. Касательно же другихъ областей, именно Іоніи и великой Греціи, то я не сомнѣваюсь, что оно было въ употребленіи еще въ VIII и VII в. до Р. X. и что имъ пользовались если не Асій, Евмень, Арктинъ прославившіеся въ началѣ Олимпіадъ эпическими стихотвореніями, то по крайней мѣрѣ Архилохъ, Алкманъ, Пизандръ, Аріонъ и ихъ современники. Но не могу допустить этого относительно всей Греціи; и вообще такое употребленіе писменности, какое требуется при составленіи большихъ твореній (*institutum conscribendorum librorum*) должно отнести къ вѣку Талеса, Солона, Пизистрата и такъ называемыхъ мудрецовъ греческихъ; т.-е. къ тому вѣку, когда начала образоваться рѣчь прозаическая. Но если проза въ это время начала входить въ употребленіе, то должно заключить, что искусство письма и необходимыя къ тому матеріальныя средства были уже довольно доступны; и кто бы сталъ писать прозой не имѣя самонужнѣйшаго средства къ пособию памяти? И если Гомера рѣчь весьма далеко отступающая отъ того характера, который сообщаютъ языку, въ дѣтствѣ народовъ, необыкновенныя тропы и странныя образы порождаемыя воображе-

ніем (*horror terrorem et imaginum*); весьма чистая въ словахъ и выраженіяхъ, плавная и ровная въ своемъ теченіи, предвѣщала, такъ сказать, близкое возрожденіе прозы, которая однако жъ болѣе трехъ вѣковъ не входила въ употребленіе, то я не вижу тому никакой другой причины кромѣ затрудненій со стороны средствъ необходимыхъ ко введенію писменности.

И такъ ввести въ употребленіе письмо и заняться обработкою языка прозаическаго, мнѣ кажется одно и то же. Я не говорю, что бы этотъ языкъ не существовалъ и прежде сего времени; но дерево, металлы, камни не могли доставить способъ къ его усовершенствованію. И такъ для меня очень понятно, почему тѣ, которые не могли употребить для письма удобной матеріи, какъ законодатель Солонъ, и Гиппархъ сочинитель краткихъ нравственныхъ изреченій, не включаются древними въ число прозаическихъ писателей. Теперь, если писателями новаго рода литературы считаются только тѣ, которые составляли большія книги (*justa volumina*), какъ то: Кадмъ Милетскій, Ферецидъ Сирійскій и другіе современники Пизистратидовъ (ибо это есть всеобщее преданіе древности), то это служитъ важнымъ доказательствомъ, что составленіе книгъ (*librorum confectio*) какъ у Іонійцевъ, такъ и у прочихъ Грековъ началось не ранѣе сего вѣка.

§ 18. Теперь обратимся къ самому Гомеру. Извѣстно ли было ему искусство письма? ни Евстафій, ни Схولیасты ничего не говорятъ объ этомъ. Но несомнѣнно этотъ вопросъ занималъ еще александрійскихъ грамматиковъ, и на ихъ изысканіяхъ основывается слѣдующее извѣстіе Іосифа Флавія (противъ Апіон. I. 2. р. 439.) «Поздно и съ трудомъ узнали Еллины писмена. Тѣ, которые говорятъ о древнѣйшемъ ихъ употребленіи, хвалятся, что они научились имъ отъ Финикіянъ и Кадма. Никто однако жъ не можетъ указать ни одной того времени сохранившейся надписи, ни на храмахъ, ни на общественныхъ приношеніяхъ. И въ разсужденіи тѣхъ, которые столько лѣтъ вели войну подъ Троею долго недоумѣвали и изслѣдывали, было ли извѣстно имъ письмо. На-

конецъ убѣдились болѣе въ той истинѣ, что они употребленія писменъ не знали. Вообще же весь Греки согласны, что нѣтъ у нихъ ничего писменнаго древнѣе поэмъ Гомеровыхъ. Но онъ жилъ послѣ временъ Троянскихъ. И говорятъ, что даже и онъ не оставилъ писменныхъ поэмъ своихъ, но что они составлены по вѣстному пѣнію, и по этому много заключаютъ въ себѣ разнорѣчій.» Хотя одинъ только этотъ авторитетъ мы имѣемъ касательно нашего вопроса, но онъ тѣмъ важнѣе, что написанъ противъ ученѣйшаго толкователя Гомера, и мы незнаемъ ни одного древняго, который бы утверждалъ или защищалъ противное мнѣніе. Недавно прибавился къ этому еще одинъ схолиастъ, который самъ по себѣ былъ бы маловаженъ, еслибъ не заимствовалъ своего извѣстія изъ тѣхъ же александрійскихъ грамматиковъ. (См. scol. ad Dionys. Thracis Gramm. ap. Vilhois. Anecd. Gr. T. II. p. 182). Но что значать весь авторитетъ, если въ самомъ Гомерѣ мы имѣемъ стихи, въ которыхъ по мнѣнію многихъ уже упоминается о письмѣ. Изслѣдуемъ теперь, основательно ли такое мнѣніе?

§ 19. Указываютъ на два мѣста. Одно Ил. VII. ст. 175., въ которомъ говорится о жребіяхъ. Но весь разговоръ совершенно противорѣчитъ тому мнѣнію, что дѣло идетъ о писменахъ, или буквахъ, которыя герои начертали на своихъ жребіяхъ. Еслибъ это было такъ, то глашатаю вовсе ненужно бы было, взявъ выпавшій жребій, приносить его каждому герою, для узнанія, кому изъ нихъ принадлежитъ онъ. Еслибъ это было написанное имя, стоило бы только провозгласить его. По этому и слово *ἐπιγραφεῖν* въ ст. 187 мы должны принять въ значеніи: наръзать, начертать какія нибудь мѣтки, или знаки. Въ другомъ мѣстѣ (Ил. VI. 168) смыслъ сомнительнѣе. Здѣсь употреблено слово *σηματα*, знаки (весь знаютъ *Φοινικῶν σηματα Κάδμου*); *πιναξ πτυκτός* сложенная, или, буде угодно, запечатанная табличка. И здѣсь то всего удивительнѣе согласіе всехъ древнихъ толковниковъ, которые слово *γραφεῖν* (начертывать), объясняютъ словомъ *χαράσσειν* или *ξέειν* (надрѣзывать), а *σηματα* словами *ἔϊδα*

λάτινα (нѣкоторыя изображенія, или фигуры), наконецъ слово πιναξ (табличка) словомъ σαις или ξυλάριον (дощечка, или кусокъ дерева). Удивительно, повторяю, что тѣ самыя, которые впрочемъ съ такимъ усердіемъ сообщаютъ Гомеру всю свою новую премудрость, здѣсь толкуютъ его совсѣмъ не такъ, какъ бы мы отъ нихъ ожидали. И такъ былъ какой нибудь поводъ, почему они видѣли въ этомъ мѣстѣ знаки, а не подлинныя буквы. Къ этому прежде всего могло побудить ихъ слово δείξει (показать); и никогда Гомеръ, сколько мнѣ извѣстенъ языкъ его, не употребилъ бы этого слова говоря о письменномъ посланіи. Такимъ образомъ понятно для насъ и употребленное во 176 ст. слово ἰδέσθαι (увидѣть). Какого же рода были эти знаки, и какъ ихъ понимали древніе грамматики, намъ неизвѣстно. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что между родственниками были въ обыкновеніи нѣкоторыя символическіе знаки для сообщенія въ отсутствіи своихъ мыслей о дѣлахъ наибольшей важности, и въ особенности этотъ родъ *συμφόρων σημειῶν*, пагубныхъ знаковъ въ вѣкъ вражды, убійствъ и мщенія.

§ 20. И такъ въ Гомерѣ нѣтъ не только упоминанія письменности, но даже нѣтъ намека на самыя первыя начала ея. Нигдѣ не упоминается ни о *книгахъ*, ни о *чтеніи*, ни о *писаніи*, ни о *писменахъ*, (*litterae*). Во столькихъ тысячахъ стиховъ все относится только къ слуху и ничего ко чтенію; никакихъ условій, ни договоровъ иначе, какъ изустно; никакого извѣстія о дѣлняхъ древнихъ, кромѣ молвы и памятниковъ неписменныхъ, и отсюда безпрестанное воззваніе къ музамъ; (*) никакой надписи на камняхъ и гробницахъ, о которыхъ иногда и упоминается; однимъ словомъ никакихъ надписей, ни чеканеной мѣди, ни денегъ; никакого употре-

(*) Отсюда-то, говоритъ авторъ, у нашихъ поэтовъ принято и освящено *обыкновеніемъ*, что у первыхъ поэтовъ произошло отъ твердаго *убѣжденія*, какъ-то: влѣхновеніе, сообщаемое Аполлономъ и музами, которыми никто не вѣрять; слово *пою* иногда у такихъ статотворцевъ, которые и произнести порядочно не могутъ; надежда привлечь *слушателей* своими пѣснями, которыя часто сочиняются только для наборщиковъ, и ими читаются не иначе какъ по складамъ.

бленія письма въ дѣлахъ домашнихъ и торговлѣ; никакихъ географическихъ списковъ, (tabulae); (*) никакихъ гондевъ для пересылки писемъ, и вовсе никакихъ писемъ.

§ 21. Неужели такое молчаніе есть только случайное? Можетъ быть мнѣ возразятъ что этимъ только доказывается, что искусство письма неизвѣстно было во времена войны Троянской, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы поэтъ жившій послѣ того спустя два вѣка не зналъ его. Не входя въ подробнѣйшее объ этомъ разсужденіе, я замѣчу только, что не болѣе какъ дважды или трижды я нашелъ въ немъ этотъ родъ утонченнаго искусства, которое употребляютъ поэты образованнѣйшаго вѣка когда хотятъ представить съ точностію старые обычаи при описаніи древнихъ событій чтобы поддержать очарованіе читателя. Мнѣ и самому показалось бы невѣроятнымъ, что бы стихотворцы сочиняли поэмы свои только съ помощію памяти, и посредствомъ ея же одной могли бы сообщать ихъ, если бы не подтверждалъ моего мнѣнія господствовавшій въ древности обычай чтенія ихъ и вся исторія рапсодовъ.

§ 22. Теперь забудемъ наши бібліотеки, и чрезъ нихъ приобретаемую ученую славу. Намъ должно перенестись мыслию въ другія времена и другой кругъ дѣйствій человеческихъ, когда столько изобрѣтеній почитаемыхъ теперь за необходимыя къ счастливой жизни, равно были неизвѣстны и мудрецамъ и невѣждамъ. Чего искалъ Гомеръ сочиняя свои пѣсни? какой ожидалъ награды отъ трудовъ своихъ? бессмертной славы? но это вовсе чуждо тому времени и въ сочиненіяхъ его нѣтъ ни малѣйшаго на это намека. Правда, онъ говоритъ, что какъ добрыя, такъ и злыя дѣла предаются въ стихахъ памяти потомства; но онъ же говоритъ, что новая пѣсенка всего пріятнѣе для слушающихъ (Одисс. I. 351). И такъ для пѣвца того времени вся награда состояла въ похвалахъ и рукоплесканіи слушателей. Это мы знаемъ изъ его Фемія и Демодока (Одисс. I. 326. VIII. 62.

(*) Не знаю, такъ ли я перевелъ это слово; потому что вовсе не понимаю, что разумѣть подъ нимъ авторъ. *Прим. изд.*

XVII. 518), также изъ прекраснаго разговора Платонова, въ которомъ рапсодаъ Ionъ излагаетъ свою обязанность и изображаетъ сцену своего дѣйствія. Но такъ какъ все то, что повѣствуется о рапсодахъ, способствуетъ къ узнанію жизни первыхъ пѣснопѣвцевъ, которыхъ мѣсто они заступили, то скажемъ о нихъ немногое.

§ 25. Рапсодамъ обязаны мы сохраненіемъ Гомеровыхъ пѣсней; они же указали Грекамъ путь къ сценической и ораторской декламации (actio). Отсюда слово *ῥαψοδία* въ обширномъ смыслѣ говорится и о пѣніи рапсодовъ, и сами они какъ у лексикографовъ Гезихія и Тимея, такъ и у Діодора Сицилійскаго (XIV. 109. XV. 7) называются *ῥαψοδοὶ ἑλωῖν*. Не справедливо думаютъ, что рапсоды воспѣвали только Гомеровы поэмы. Ихъ искусство обнимало стихотворенія Гезіода, всѣхъ эпиковъ лириковъ и сочинителей Ямбовъ (Plat. Legg. 11. p. 658. D. Ion. p. 530. V. Athen. XIV. p. 620. C.) Этотъ способъ сообщать свои произведенія свѣту, долгое время былъ единственнымъ, такъ что по свидѣтельству Діогена Лаертійскаго (IX. 18.) Ксенофанъ (въ VI в. до Р. X.) самъ воспѣвалъ (*ῥαψοδῆσαι*) свои стихотворенія. Что касается до Гомера, то, какъ его стихотворенія считались превосходнѣйшими изъ всѣхъ, то между рапсодами составилъ особенный родъ или классъ пѣвцовъ его, подъ названіемъ Гомеридовъ, сперва у Хиосцевъ, потомъ и въ другихъ мѣстахъ. Впрочемъ, хотя имя рапсодовъ позднѣе Гомера, но самое искусство гораздо древнѣе. И чѣмъ далѣе мы углубляемся въ древность, тѣмъ въ бѣльшей находимъ ихъ почести и уваженіи, ибо они были единственными хранителями пѣснопѣвнѣй вдохновенныхъ поэтовъ до употребленія писменъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сначала сами поэты обнародывали такимъ образомъ свои творенія. Это явствуетъ изъ того, что изобрѣтеніе искусства рапсодовъ приписывается Гезіоду и другимъ его современникамъ. (Nicol. ap. Schol. Pind. Nem. II. et Athen. I. c.) Со времени же Терпандра Лезбосскаго въ XXXIV Олимпіадѣ (въ VII в. до Р. X.) до Кинета Хиосскаго, особенно знаменитаго по своему искусству въ LXIX.

Олимпіадъ, (въ VI в. до Р. Х.) она воспѣвали не только чужія стихотворенія, но и свои собственные, и ни одного почти не было рапсода, который бы въ то же время не былъ хорошимъ поэтомъ. И вотъ отчего изъ этихъ временъ дошли до насъ многія стихотворенія, произведеніе сихъ рапсодовъ, которыя переходя отъ одного къ другому въ послѣдствіи ходили подъ чужимъ именемъ, и наконецъ остались вовсе безыменными.

§ 24. И такъ пѣснопѣвцы (*αῶδοι*) во время Гомера составляли классъ людей, по своему искусству столь же особенный, какъ наприм. врачи, домостроители, лепщики, предвѣщатели, но уваженіе имъ оказываемое было гораздо больше. Оставались ли они въ своемъ отечествѣ, или странствуя по разнымъ городамъ, появлялись въ народныхъ собраніяхъ и на пиришествяхъ царей, вездѣ считались любимцами боговъ, вездѣ были въ уваженіи у людей. Эта же почесть и этотъ же родъ жизни были удѣломъ и рапсодовъ. (Одисс. XVII. 383. Гезіодъ. В^у р^у. 25. Нумп. in Apoll. 165). Но этого времени не должно смѣшивать съ позднѣйшимъ; Сократовымъ, когда съ измѣненіемъ нравовъ, и съ распространеніемъ просвѣщенія, искусство ихъ и сами они лишились прежняго уваженія (Хеп. Т. S. IV. 2. 10) и небольшая плата за трудъ сдѣлалась ихъ наградою (Plat. Io. p. 535. E.). Спрашивается, какимъ же образомъ пѣснопѣвцы заучивали стихотворенія, если не существовало писменъ?—Поклонники музъ, Мелеты, Мнемы, Анды передавали другъ другу стихотворенія изустно. Не должно удивляться столь необыкновенной памяти, когда и въ цвѣтущее время наукъ еще мы находимъ въ Аѳинахъ людей отлично образованныхъ, которые могли читать наизусть всю Иліаду и Одиссею (Xenoph. Sympos. III. 5). И Платонъ утверждаетъ справедливо, (Phaedr. p. 274. E.) что объ этой способности не должно судить по тому времени, когда изобрѣтеніе средствъ остановило ея совершенствованіе; что изобрѣтеніе писменъ сколько способствовало къ распространенію познаній, столько жъ принесло вреда для изощренія памяти. Впрочемъ здѣсь дѣло идетъ не объ отлич-

ныхъ какихъ нибудь людяхъ, одаренныхъ памятью необыкновенною; но объ особенномъ классѣ людей, которые во всю свою жизнь упражнялись только въ томъ, чтобы сочинять стихи и воспѣвать ихъ публично, или заучивать и пѣть сочиненныя другими. И новая исторія представляетъ намъ подобный классъ людей въ Бардахъ, Скальдрахъ и Друидахъ. О сихъ послѣднихъ Цезарь (В. G. VI. 14.) и Мела (III. 2.) говорятъ, что ихъ наука, которой многіе изъ нихъ посвящали даже 20 лѣтъ своей жизни, состояла въ томъ, что бы заучивать множество стиховъ (*versuum*) безо всякаго писменнаго пособия. Какъ бы я желалъ, чтобы хоть такое скудное преданіе оставили намъ Греки о своихъ пѣснопѣвцахъ и рапсодахъ! Торнтонъ (въ *Transact. of the Americ. philosoph. Society at Philadelphia. vol. III. p. 314.*) утверждаетъ, что въ отчизнѣ Оссіана еще и теперь есть старики, которые помнятъ такое множество старинныхъ пѣсней, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ могутъ дать работу самому скорому писцу и утомить его диктованьемъ. Вѣроятно, что способъ такого изузнаго ученія былъ тотъ же, который въ послѣдствіи долго господствовалъ на театрѣ, въ хорахъ, и въ самыхъ школахъ до изобрѣтенія писменъ. Въ чемъ же онъ состоялъ показываютъ самыя слова. О поэтахъ говорится обыкновенно, *διδάσκειν δράματα docere*, учить (актеровъ) какъ играть піесу, выраженіе равнозначущее нашему: отдать свою піесу на театръ; объ актергахъ говорится, *μαθησείν, discere partes*, учиться, какъ играть свою роль; отсюда названія: *διδάσχαλοι, ὑποδιδάσχαλοι, ἀντιδιδάσχαλοι, διδύραμβοδιδάσχαλοι* и др. Однимъ словомъ: какъ искусству тѣлодвиженій учились наглядно, такъ и стихи заучивали посредствомъ слуха, съ голосу самаго поэта.

§ 25. Несправедливо думаютъ, что отъ такого изузнаго ученія, Гомеровы поэмы тотчасъ бы измѣнились. Могло бы это произойти только при случайной наслышкѣ; но здѣсь дѣло идетъ о правильномъ и постоянномъ способѣ заучиванья. Правда, еще александрійскіе критики приписывали произхожденіе разнообразныхъ чтеній въ Гомерѣ рапсодамъ.

И нельзя отвергать, что подобныя перемены могли произойти какъ иногда отъ нетвердости самой памяти при живомъ и пылкомъ произношеніи, такъ и отъ восторга самаго рапсода если онъ былъ одаренъ пѣвическимъ талантомъ, и находилъ свое собственное выраженіе болѣе приличнымъ и сильнымъ. И здѣсь то особенно обвиняютъ Кинета и учениковъ его въ томъ, что между разнообразными переменами онъ вставлялъ въ Гомеровы поэмы даже свои собственные стихи (Schol. Pind. l. c. et ex eo Eustath. ad Il. p. 6. inf.) И такъ, я очень вѣрю, что если бы мы имѣли Гомера изъ чтенія такихъ рапсодовъ, и не очищеннаго послѣдующими критиками, то онъ былъ бы въ весьма нестройномъ видѣ, подобно гимнамъ, дошедшимъ до насъ подъ именемъ Гомеровыхъ. Впрочемъ эти самыя гимны свидѣлствуютъ о поэтическихъ способностяхъ рапсодовъ. Изъ Пиндара и Плутарха (De musica) намъ известно, что рапсоды предъ начатіемъ чтенія Гомера произносили какой нибудь гимнъ въ честь какаго нибудь божества. И вотъ какимъ образомъ эти гимны сочиненныя рапсодами, дошли до насъ подъ именемъ Гомеровыхъ. Касательно самаго чтенія или пѣнія Гомеровыхъ поэмъ, должно замѣтить, что изъ нихъ читались только отдѣльныя части и безъ всякаго между ними порядка. Отсюда каждая часть получила и особенное названіе (Эліанъ. U. N. XIII. 14. Аристот. пѣт. XVI. Герод. II. 116). Но эти части сначала были гораздо продолжительнѣе, и не сходствовали, какъ известно изъ свидѣтельства Евстафія, съ позднѣйшимъ Аристарховымъ раздѣленіемъ на книги, или пѣсни. Такимъ образомъ рассказъ у Алкиноя (ἀπολόγος Ἀλκίνοῦ,) включалъ 4 или 5 книгъ Одиссея, т.-е. столько, сколько удобно было прочесть въ одно торжественное собраніе. Но въ этомъ раздѣленіи частей, вѣроятно въ продолженіе многихъ вѣковъ, не соблюдалось непреложныхъ правилъ, когда все дѣло зависѣло отъ времени и мѣста чтенія, также отъ дарованій и произвола рапсодовъ.

§ 26. Теперь слѣдуетъ вопросъ: какимъ же образомъ безъ искусственнаго пособія памяти, могли быть предначер-

таны уиомъ и въ такой связи составлены столь великія поэмы? Дайте Гомеру, какія хотите дарованія, все однако жъ ему нужны будутъ орудіе и матеріаль для ихъ начертанія. И дѣйствительно, если всѣ первобытныя стихотворенія не были пространны; если единственный способъ ихъ обнаруженія, какъ во время Гомера, такъ и долго послѣ него, былъ только посредствомъ публичнаго пѣнія, какое употребляли, какъ мы видѣли, первые рапсоды до Кинета; если во все не вѣроятно, и ни на какомъ свидѣтельствѣ не основано, чтобы нѣсколько рапсодовъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней собирались для пѣнія столь великихъ поэмъ (ибо это было единственное средство выслушать ихъ до конца); то необходимо слѣдуетъ, что самый порядокъ вещей недопускалъ составленія столь обширныхъ твореній, и для запечатлѣнія ихъ въ памяти, требовалось необходимо пособіе рукъ и письма, чтобы хотя для друзей своихъ представить столь великія поэмы во всей полнотѣ ихъ. Но допустимъ на минуту, что Гомеръ, пусть онъ только одинъ,—зналъ тайну письма; какую бы онъ извлекъ изъ этого пользу кагда никто не могъ читать его? И такъ если и для драммъ гораздо меньшихъ по своему пространству можно посвятить только ограниченное продолженіе времени, то гдѣ бы онъ нашелъ слушателей, которые бы имѣли терпѣніе выслушать отъ начала до конца его поэмы? Изъ сего слѣдуетъ, что и не было никакой для него побудительной причины къ составленію столь продолжительныхъ и въ такой непрерывной связи изложенныхъ твореній.

§ 27. Теперь представляются затрудненія, заключающіеся въ самой формѣ и стройномъ расположеніи частей обихъ поэмъ Гомеровыхъ. Кто не знаетъ, сколь много и притомъ справедливо, было сказано въ похвалу ихъ? Хотя все это впрочемъ болѣе должно быть отнесено къ Одиссею, нежели къ Илиадѣ. Ибо, что касается до сей послѣдней, то хотя предложеніе (*πρὸς ἄρχης*,) помѣщенное въ началѣ поэмы и общааетъ нѣсколько сраженій во время отсутствія Ахиллеса, но вовсе не предполагаетъ болѣе XVIII пѣсней. Остальныя

пѣсни уже не заключаютъ въ себѣ никакихъ пагубныхъ слѣдствій отъ гнѣва Ахиллесова на Агамемнона и Грековъ и содержатъ только прибавку вовсе отдѣльную отъ того, что обѣщано въ предложеніи, такъ что если всѣ рапсодіи привести къ одному заключенію; то хотя вся Иліада будетъ относиться къ славу Ахиллеса преимущественно предъ всеми греческими и троянскими героями; но ко гнѣву его только большая часть ея. Сомнительно, смотрѣлъ ли Гомеръ и самъ на своего героя также, какъ смотрятъ на него новѣйшіе учителя пѣтяги. Событія имъ описываемыя не были имъ выдуманы, а преданы ему молвою. И если все произошло въ такомъ порядкѣ, какъ представлено въ поэмѣ, то несомнѣнно и другіе поэты сохранили бы тоже расположеніе и связь въ частяхъ ея, не употребляя никакого искусства и слѣдуя только одному внушенію природой даннаго смысла. И не ужели при такомъ множествѣ мнѣовъ этой войны нашелся только одинъ человекъ, который могъ составить столь стройное и во всѣхъ частяхъ своихъ совершенное стихотвореніе? Не ужели при такихъ условіяхъ, произошло бы далеко отличное отъ этого твореніе, если бы и четыре поэта принялись за это дѣло?

§ 28. Одиссея поражаетъ болѣе сомнѣній. Въ ней удивляетъ не то единство, которое всѣ дѣйствія и событія направлены къ возвращенію Улисса въ отечество; но то, что судьба Пенелопы и Телемака и домашнія злополучія героя, соответственно времени и ходу дѣла столь искусно соединены со внѣшними его приключеніями, что мы съ самаго начала поставленные въ средину событій съ нетерпѣливымъ любопытствомъ и безпокойствомъ ожидаемъ конца странствованій героя, и не можемъ оставить поэмы не дочитавъ ее до конца. Однимъ словомъ, въ ней нельзя не видѣть произведенія въ высокой степени художественнаго. Но это то самое искусство и долженствовало быть чуждымъ для такого поэта, который воспѣвалъ только отдѣльныя рапсодіи, и который, если бы вздумалъ образовать изъ нихъ подобную поэму, то долженъ бы былъ пѣть только для себя одного. И такъ

путешествіе Телемака къ Нестору и Менелая, пребываніе Улисса на островъ Огигіи, прекрасный разсказъ его Феакійцамъ о своихъ приключеніяхъ и проч. могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльныя поэмы сочиненныя Гомеромъ безъ всякаго отношенія къ цѣлому, и которыя въ такомъ видѣ долго были воспѣваемы, пока въ образованнѣйшемъ вѣкѣ нашелся человекъ, который вздумалъ составить изъ нихъ одно великое цѣлое, разумется, исключая, прибавляя, измѣняя что ему казалось нужнымъ для этой цѣли. Правда описывались приключенія и другихъ героевъ на возвратномъ пути изъ подѣ Трои подѣ названіемъ *ῥόστια*; (*) но ни по многочисленности, ни по разнообразію они не представляли такого обилія, чтобы могли служить къ составленію большихъ поэмъ. И такъ если взять изъ Иліады или Одиссеи, отдѣльно 4 или 5 рапсодій большаго пространства, напр. изъ трехъ или четырехъ пѣсней, то едва ли найдутся въ нихъ признаки той связи, необходимой для состава цѣлаго, которая была бы съ самаго начала указана умоначертаніемъ поэта.

§ 29. Знаю, что здѣсь противопоставятъ мнѣ авторитетъ Аристотеля. Но Аристотель судилъ о Гомерѣ, когда его поэмы были уже окончательно составлены. И древніе грамматикѣ касательно главнаго дѣйствія Иліады вовсе не слѣдовали мнѣнію Аристотеля. По ихъ словамъ, какъ явствуетъ изъ сочинителя трактата о Гомеровою поэзіи и изъ Евстафія, Гомеръ описываетъ дѣла Грековъ и Троянъ подѣ Иліономъ, и, что иногда прибавляютъ, храбрые подвиги Ахиллеса. Но важнѣйшимъ авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ могутъ служить намъ поэты циклическіе и другіе процвѣтавшіе послѣ Гомера. Не многое намъ о нихъ извѣстно (см. Fabric. В. G. Т. 1. Неупе. Exc. 1. ad Virg. Aen. II). Но въ этомъ немногомъ особенно замѣчательно то, что ни одинъ цикликъ не понималъ и не усвоилъ этого Гомеровскаго искусства. Прочтите недавно изданныя содержанія поэмъ ки-

(*) Сочинителей сихъ поэмъ мы теперь не знаемъ даже и по имени. Упоминаемые Казавбономъ (in Athen. IV. 14) и другими, суть новѣйшіе и занимавшіе свои повѣствованія у Гомеровыхъ современниковъ. *Прим. Лст.*

прійскихъ и пяти другихъ (In ineditis Fasc. 4. Bibl. antiq. litt. et artium novissimae Goetting.). Разсмотрите другія того времени поэмы или содержанія поэмъ, Генеалогіи боговъ и героевъ, Діонизіаки, Тебанды, Епигоны, Навпактики и др. Правда, въ нѣкоторыхъ найдете одного героя (ибо бѣльшая часть изъ нихъ чрезвычайнао кратки), но ни въ одной не найдете, какъ въ Иліадѣ, главнаго дѣйствія украшеннаго разными эпизодами. Даже позднѣйшіе поэты, Пизандръ, Паниазисъ, Антимахъ, вовсе не думали располагать такимъ образомъ свои поэмы. Неужели не постарались бы они усвоить себѣ это искусство, если бы нашли его въ Гомерѣ? самъ Аристотель всѣмъ предпочитаетъ его въ этомъ отношеніи. Хотя должно замѣтить, что философія искусства часто самыя случайности приписываетъ предъизбранной цѣли. Такъ напр. никто бы не порицалъ Иліаду за недостатокъ единства дѣйствія, если бы она оканчивалась XVIII-тою пѣснью. И необходимо ли нужно было исчисленіе кораблей во II-й пѣсни? И еслибъ его небыло, то не показалось ли бы смѣшнымъ требовать того отъ поэта, что требуется отъ историка?

§ 30. Но хотя древніе и не видали въ Гомеровыхъ поэмахъ той художественной связи, которую находятъ изслѣдователи искусства, нельзя однако жъ не допустить ее. Самое содержаніе поэмъ и ходъ (ordo) басни, могъ побудить кого бы то ни было къ устройенію таковой связи. Ктожъ устроилъ ее, самъ ли Гомеръ, или постороннія руки? въ доказательство моихъ подозрѣній насчетъ послѣдняго, предложу слѣдующее.

Есть вставки, сдѣланныя для связи, столь очевидныя и столь неумѣстныя, что всякой разъ, какъ я при чтеніи дохожу до нихъ, никакъ не могу убѣдить себя, чтобы онѣ существовали въ первоначальномъ планѣ поэмы. Давно я сообщилъ свои замѣчанія друзьямъ моимъ, и вотъ неожиданно въ разсужденіи одного изъ этихъ мѣстъ, мои замѣчанія оправдались словами одного древняго грамматика. Это мѣсто находится въ XVIII кн. Иліады, ст. 356—368 и представляетъ нелѣпую вставочную связь между описаніемъ военныхъ

дѣль и прибытія на Олимпѣ Ѳетиды. Въ лучшихъ сколіяхъ касательно сего мѣста, приводится вкратцѣ замѣчаніе нѣкотораго Зенодора, (*) который утверждалъ, что эти стихи не принадлежать къ разряду обыкновенныхъ вставокъ, не принадлежать также и грамматикамъ, а вставлены еще первыми діаскевастами (о нихъ послѣ) для связи двухъ рапсодій. Такихъ вставокъ еще болѣе находится въ Одиссеи. Представлю одну, и надѣюсь, что всѣ со мной согласятся.

И такъ, въ IV книгѣ Одиссеи послѣ описанія пленительной бесѣды Менелая съ Телемакомъ, къ которой поэтъ возвращается уже въ XV кн., слѣдуютъ 4 стиха (IV, 620—625) самыя грубыя какъ по странности выраженія, такъ и по обоюдности смысла, и не представляющія ни тѣни Гомеровской рѣчи. И такихъ мѣстъ я нашелъ нѣсколько и въ остальной части IV книги. Касательно же этихъ четырехъ стиховъ, я не сомнѣваюсь, что и прежде ломали надъ ними голову и разногласили толкователи. Евстафій принимая эти стихи за переходъ къ женихамъ Пенелопы, противъ обыкновенія языка долженъ былъ принять слово *δατυμόνας* за прислужниковъ, и *ἀλοῦχος* за служанокъ. Новѣйшіе толкователи, Барнезій и г-жа Дасье относятъ ихъ къ пиршеству Менелая, хотя способъ выраженія мысли совершенно этому противорѣчить. Но какъ бы кто ни судилъ о нихъ, только эти стихи представляютъ такую запутанность и сбивчивость мыслей, что ихъ никакъ нельзя принять за Гомеровы. Что, если бы кто нибудь изъ древнихъ исправителей, выкинулъ изъ текста эти досадные 4 стиха, что вѣроятно они дѣлали часто, и предложилъ бы мѣсто подобное находящемуся въ XVII кн. ст. 166, или 625-мъ стихомъ началъ бы новую книгу? я думаю, никто бы не подозревалъ въ рассказъ отсутствія связи. Но дѣло случилось сверхъ ожиданія, и не смотря на всѣ ихъ старанія исправлять и украшать Гомера, од-

(*) Слово Зенодора мнѣ показалось сначала типографической ошибкой им. Зенодота; но прибавленное *quidam*, кажется, не можетъ быть поставлено при лицѣ, столь известномъ. При томъ авторъ указываетъ на венеціакскія схолиа, а не на Евстафія. *Прим. Изд.*

нако жъ Пилемънь, убитый въ V кн. (ст. 578), появляется снова въ XIII. И много подобнаго оставлено ими, что позднѣйшіе критики своими отыѣтками (obelis) и исправленіями, старались привести въ порядокъ и согласіе сообразно съ назначеніемъ эпопеи (*).

§ 31. И такъ Гомеръ не былъ творцемъ двухъ поэмъ въ томъ видѣ единства и послѣдовательности, въ какомъ мы ихъ теперь видимъ. Это есть плодъ усилій многихъ вѣковъ и людей. Мы упоминали о нѣкоторыхъ небольшихъ вставкахъ. Что, если найдемъ цѣлыя рапсодіи, которыя не принадлежатъ ему? Извѣстно, что еще древніе грамматикѣ, Аристофанъ Византійскій и Аристархъ сомнѣвались въ подлинности послѣднихъ двухъ пѣсней Одиссеи, начиная отъ 297 ст. XXIII пѣсни; было сомнѣніе и насчетъ послѣдней пѣсни Илиады. Можно доказать, что не только эта часть Одиссеи съ нѣкоторыми другими, необходимыми для надлежащаго состава поэмы, но и послѣднія 6 пѣсней Илиады не принадлежатъ Гомеру, а какому нибудь даровитому рапсоду слѣдующаго вѣка. По крайней мѣрѣ я, какъ только въ непрерывномъ чтеніи дохожу до этихъ частей, всегда замѣчаю въ нихъ нѣчто такое, что—я увѣренъ—давно было бы принято учеными за поддѣльное, если бы съ давняго времени не утвердилось на своемъ мѣстѣ. И такъ, пусть изслѣдуютъ со всемъ тщаніемъ въ этихъ послѣднихъ пѣсняхъ необыкновенность словъ и выраженій, и сколь велика она (потому-что въ самой первой кн. Илиады есть слова только однажды встрѣчающіяся), особенный характеръ мыслей (sententiarum) и ихъ построенія (conformatio), слѣды чуждаго подражанія въ томъ, что заимствовано у Гомера, недостатокъ силы и духа Гомеровскаго, мѣста слабыя и нелѣпыя напр. въ Илиадѣ XXI ст. 273. слл. и въ великой части чудеснаго заключающагося въ этой книгѣ, также въ слѣдующей XXII, (въ которой впрочемъ много и прекраснаго); далѣе въ XXIII ст. 88 слл.,

(*) Хотя впрочемъ не всегда удачно. Напримѣръ Пилемънь такъ ими и оставленъ. Въ самомъ мѣстоописаніи Троійскаго поля есть нѣкоторыя развогласія, критиками не уничтоженныя. *Прим. Авт.*

наконецъ въ послѣдней ст. 247, с.л. 602, с.л.; потомъ въ Одиссеѣ XXIII ст. 310, с.л. XXIV ст. 24, с.л. Вся сіи мѣста. и пѣсьма многія имъ подобныя, достойны тщательнѣйшаго разсмотрѣнія. Теперь я ограничиваюсь однимъ только указаніемъ не забывая о томъ, сколько это придастъ вѣса предъидущимъ доказательствамъ.

§ 32. Теперь обратимся къ историческимъ преданіямъ о Гомеровыхъ поэмахъ. По свидѣтельству Геркилида Понтійскаго, Ликургъ первый сообщилъ Пелопонезскимъ Грекамъ Гомеровы стихотворенія, полученныя, или по Плутарху, списанныя имъ въ Іоніи отъ потомковъ Креофила, эпическаго поэта, и друга Гомерова, у которыхъ по свидѣтельству тогожь Плутарха они сохранялись писанныя. Изъ этого можно вывести только то заключеніе, что потомки Креофиловы принадлежали къ классу пѣснопѣвцевъ (*οἰδοῦν*) или рапсодовъ, которые научили Лакедемонцевъ пѣть Гомеровы стихотворенія, или дали Ликургу въ сопутники пѣвца, который бы пропѣлъ ихъ въ Лакедемонѣ. Нельзя вѣрить и Эліану, будто бы всѣ рапсодіи обѣихъ поэмъ были известны Ликургу. (V. Н. XIII, 14). Вѣроятно одно то, что до Ликурга Спартанцамъ были известны только немногія рапсодіи, и что въ его время, можетъ быть и по его собственному старанію, число ихъ умножилось, и съ того времени въ Лакедемонѣ Гомеровы пѣсни были въ особенномъ уваженіи (Plat. Legg. III. p. 680, С. Plut. Apophth. Lac. p. 223, A. Aelian. V. Н. XIII, 19).

Потомъ въ продолженіе трехъ вѣковъ до самаго Солона ничего мы не знаемъ болѣе о Гомеровыхъ стихотвореніяхъ кромѣ того, что они воспѣвались по частямъ рапсодами, какъ сказано выше. Но о Солонѣ повѣствуютъ (Diog. Laërt. 1, 57), что онъ оставилъ, чтобы рапсоды воспѣвали Гомеровы стихотворенія послѣдовательно, или преемственно (*ἐξ ὑποβολῆς ῥαψωδῆσθα*). Трудно понять истинный смыслъ сего сказанія. Если полагать, что Солонъ, вмѣсто одного рапсода ввелъ многихъ для пѣнія въ торжественныхъ собраніяхъ, то это маловажно. И такъ я думаю, что въ этомъ преемственномъ

льшии Солонъ хотѣлъ, чтобы рапсоды соблюдали порядокъ и послѣдовательность въ рапсодіяхъ, и чтобы такимъ образомъ была непрерывная связь между ними. Впрочемъ это относится къ одной только Аттикѣ, и я не думаю, чтобы Солонъ былъ первый, который этимъ учрежденіемъ подалъ поводъ къ совокупленію всѣхъ Гомеровыхъ рапсодій въ двѣ поэмы. Несомнѣнно въ Іоніи, отечествѣ Гомера, еще до Солона положено было этому начало. Въ его же время вѣроятно Гомеровы пѣсни стали тамъ появляться уже и въ письменномъ видѣ (см. § 17).

§ 33. Наконецъ мы слышимъ голосъ исторіи. Всеобщее преданіе, если сравнить всѣхъ историковъ объ этомъ предметѣ, (Cic. Orat. III, 34. Pausan. VII. 26, p. 594. Ioseph. c. Apion. 1, 2. Aelian. V. II. XIII. 14. Liban. Panegyг. in Iulian. T. 1. p. 170, Reisk. Suidas v. Οἴμηρος. Anonym. ap. Allat. de patria Hom. c. 5) и вывести изъ нихъ всеобщее заключеніе, будетъ то, что *Пизистратъ, первый представилъ въ писменахъ пѣснопѣнія Гомера и въ той связи и порядкѣ, въ которомъ теперь ихъ читаемъ.* Новѣйшіе критики, видя изъ нѣкоторыхъ вышеприведенныхъ историковъ, что Гомеровы пѣсни до Пизистрата были разсыяны и въ безпорядкѣ, полагаютъ вообще, что онъ собралъ ихъ и привелъ въ прежній порядокъ, какъ сдѣлалъ бы и всякій обыкновенный критикъ; несправедливо. Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ, при сравненіи ихъ между собою и въ особенности съ словами Іосифа и Эліана, всякій согласно со мною выведетъ то заключеніе, что Пизистратъ изъ многихъ отдѣльныхъ поэмъ, или пѣсней, которые никакой не имѣли связи между собою, составилъ такъ сказать свое собственное цѣлое по своему плану и умовачертанію. Это мнѣніе или преданіе, господствовало даже и въ позднѣйшее время. Достоинно примѣчанія, что Лейпцигскія схолии и Евстафій (p. 785, 41) говорятъ, что X-я книга Иліады сочинена Гомеромъ какъ отдѣльная поэма и внесена въ одинъ составъ Иліады уже Пизистратомъ.

§ 34. Но невѣроятно, чтобы столь великій подвигъ внести такую связь между отдельными и несвязными рапсодіями, чтобы они составили наконецъ одну цѣлую поэму, могъ совершиться вдругъ чрезъ одного Пизистрата. Кажется, не безъ основанія еще нѣкоторые древніе приписывали сыну его Гиппарху то, что общее мнѣніе приписало ему и Солону. (Plat. Hipparch. p. 228 В.) Въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ Павзанія даже упоминаются друзья Пизистратовы, участвовавшіе въ трудѣ его. Замѣтимъ, что это время было цвѣтущее для лирической и дидактической поэзіи; тогда же возникала и совершенствовалась трагедія и комедія. И такъ возможно, что многіе поэты того времени способствовали Пизистрату и Гиппарху любителямъ и покровителямъ изящныхъ наукъ и мужей ученыхъ, въ трудѣ ихъ. И исторія въ числѣ друзей ихъ предастъ намъ славныя имена Орфея Кротонскаго, сочинителя Аргонавтикъ, Ономакрита Аѳинскаго, послѣ Гиппархомъ изгнаннаго, Симонида Косскаго и Анакреонта Теосскаго. (Herodot. VII. 6. Plato l. c. Suid. Tom. II, pag. 719). Вѣроятно для такого труда они имѣли болѣе времени и способности, нежели самъ Пизистратъ. Особенно можно такъ полагать объ Ономакритѣ, котораго извѣстныя всѣмъ пополненія Орфея и Музея, должны быть относимы къ самому началу письменности.

Какъ бы то ни было, но работа надъ Гомеромъ вдругъ не могла быть приведена къ окончанію. Новые рапсоды, которыхъ пѣсни писались послѣ Пизистрата, вѣроятно каждый въ свою очередь представляли что либо новое, что болѣе или менѣе требовало исправленія и переменъ въ пѣсняхъ Гомеровыхъ. Что же теперь мы узнаемъ въ доказательство этого мнѣнія? Въ недавно изданныхъ знаменитымъ французскимъ Эллинистомъ Виллуазономъ Венеціанскихъ схолихъ къ Гомеру упоминается о какихъ-то Діаскевастахъ, и о нѣкоторыхъ вставкахъ сдѣланныхъ ими въ Гомеръ, которыя потомъ александрійскими критиками отвергнуты, какъ недостойныя Гомера. Кто жъ были эти Діаскевасты? Обратимся къ значенію слова. Сравнивая схолиі къ Аристофановымъ обла-

камъ, ст. 552 и 591, съ 4-мъ содержаніемъ этой комедіи въ изданіи Кустера, видимъ, что древніе учителя (*magistri*) слову *διασκευάζειν* давали тоже значеніе, какое слову *ἐπιδιασκευάζειν*, такъ что касательно драммы, оно имѣло тоже значеніе, что *ἀναδιδάσκειν*, т.-е. пересмотрѣть вновь, или вновь поставить пѣсу съ перемѣнами, пополненіями, выпусками и проч. Сценическіе поэты дѣлали это весьма часто, потомъ и другіе, напр. Аполлоній Родосскій. Такъ поступалъ и Платонъ въ лучшихъ своихъ разговорахъ. Также дѣлали Диаскевасты и съ Гомеромъ. И такъ это были необыкновенные какіе нибудь теперь намъ неизвѣстные критики, но исправители (*exactors, seu politores*) поэмъ Гомеровыхъ, которые трудились надъ нимъ или вмѣстѣ съ Пизистратомъ, или послѣ его вскорѣ. По этому Греки не имѣли опредѣленнаго текста Гомеровыхъ поэмъ до александрійскихъ критиковъ. Чему яснѣйшимъ доказательствомъ служить то, что въ мѣстахъ приводимыхъ изъ Гомера, у Гиппократы, Платона, Аристотеля и другихъ того времени писателей мы встрѣчаемъ не только разницы въ словахъ отдѣльныхъ, но даже многіе примѣчательные стихи, которыхъ вовсе не читается въ теперешнемъ текстѣ, и о которыхъ ни въ Евстафій, ни въ древнѣйшихъ и ученѣйшихъ схолиахъ вовсе не упоминается.

§ 35. Также, я думаю, было сдѣлано Диаскевастами и съ остальными пѣснопѣніями Гомера и Гезіода, и вообще всѣ стихотворенія сходныя по формѣ и содержанію, были ими соединяемы въ одно цѣлое, каковы *κατάλογον ὑμνῶν*, *Νοῦα μευαία*. Также, я думаю, случилось нѣсколько послѣ Пизистратидовъ и съ циклическими и другими многими стихотвореніями, которыя едва теперь извѣстны намъ и по имени, но существовали еще въ вѣкъ Птолемея. Къ тому же времени по видимому относятся и лживыя надписи, когда Гомеру въ особенности и Гезіоду приписывалось все, что было въ томъ же тонѣ и того же содержанія. Такимъ образомъ еще Геродотъ отвергалъ подлинность Гомеровыхъ Кипрій и Елигоновъ (II. 117. IV. 32); другіе отвергали гимны. И мало

по малу начинали возражаться сомнѣнія. И кто бы ожидалъ, что еще до александрійскихъ грамматиковъ могло возникнуть сомнѣніе, одному ли автору принадлежать двѣ поэмы? Но это дѣйствительно такъ. И венеціанскія схоли часто опровергають извѣстный классъ людей не допускающихъ одного сочинителя, и называютъ ихъ особеннымъ словомъ *χοριζομετες*. А что они были еще прежде, нежели основались славнѣйшія школы грамматиковъ, я имѣю много тому доказательствъ.

§ 36. (*) Слѣдующій періодъ исторіи Гомеровыхъ твореній отъ Пизистрата до Зенодота также довольно теменъ. И это весьма достойно сожалѣнія потому, что въ этомъ періодѣ именно должно искать начала всего толкованія, бывшаго въ употребленіи у древнихъ. Потому что прежде нежели вѣкъ богатый всеми запасами учености обратился на это дѣло, философы, софисты и другіе, высшаго образованія люди, уже пытались объяснять Гомера. Вскорѣ стараніе собирать списки, породило необходимость изъ разнообразныхъ чтеній рапсодовъ избирать наилучшія и такимъ образомъ проложило путь къ тщательнѣйшей критикѣ. Скажемъ объ этомъ нѣсколько подробнѣе.

Въ началѣ сего періода и почти до Периклова времени, Греція пользовалась своимъ Гомеромъ и другими пѣснопѣвцами болѣе посредствомъ, слуха, нежели чтенія. Немногіе тогда заботились о письмѣ; чтеніе было трудно и неудобно. И такъ все вниманіе обращено было только на привлекательное пѣніе рапсодовъ. Въ числѣ славнѣйшихъ рапсодовъ этого вѣка, упоминается Кинетъ около LXIX Олимпіады, современникъ Пиндара, который изъ Хиоса переселился въ Сиракузы, или тамъ наиболѣе прославился своимъ искусствомъ (Схол. Пинд. ad Nem. II. рг.) А такъ какъ посвятившіе себя сему искусству почти всю свою жизнь употребляли на

(*) Весь этотъ § и половина слѣдующаго переведены вполне, какъ наиболѣе занимательные въ томъ отношеніи, что въ нихъ заключается исторія того высокаго уваженія, которое было возбуждено во всѣхъ классахъ людей къ Гомеровымъ поэмамъ П. П.

изученіе поэта, то можно подумать, что они были и первыми его толковниками. Но на это не имѣемъ мы ни какихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ изъ древнихъ писателей. Слова Платона въ его Іонѣ (р. 530. С.) могутъ отнесены быть ко всякому спеническому актеру. Впрочемъ здѣсь идетъ дѣло не о рапсодахъ Платонова времени. И такъ я не сомнѣваюсь, что введеніе толкованія, и прежде всего историческаго (*πραγματικῶν*) должно отнести къ древнѣйшимъ философамъ. Значеніе словъ въ этомъ вѣкѣ еще не было слишкомъ темно, ибо тотъ же образъ выраженія употреблялся у всѣхъ отличнѣйшихъ поэтовъ. И такъ вида, что эти поэмы почитались за священныя и прославлялись во всемъ народѣ, что изъ нихъ почерпаемы были правила добродѣтельной жизни; замѣчая при томъ, сколь много находится въ нихъ ложнаго, смѣшнаго и неприличнаго касательно божества и природы, философы начали своимъ толкованіемъ поправлять басни, и приспособлять ихъ къ физическому и нравственному ученію своего собственнаго вѣка, наконецъ сказанія историческія и все прочее облекать покровомъ глубокой премудрости. Въ этомъ родѣ уже около LXIII Олимпіады, когда умеръ Пизистратъ, трудились Ѳеагенъ Регійскій, потомъ Анаксагоръ Клазоменскій, Метродоръ Лампсакскій, Стесимбротъ Ѳазскій и другіе того же времени. Напротивъ того не многіе другіе, какъ Пивагоръ, Ксенофанъ, Гераклитъ, не боялись обвинять Гомера въ нечестіи за столько лживыхъ, хотя прекрасными стихами рассказанныхъ, вымысловъ. Сократъ истинный мудрецъ, только въ шутку употреблялъ аллегорическое толкованіе (*). Ему нѣкоторымъ образомъ слѣдовалъ Платонъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ мудрствуетъ престопадно. Но въ томъ сочиненіи, въ которомъ онъ представляетъ образецъ благоустроеннаго и въ высокой степени благодѣтельнаго общества, ясно выражаетъ, что въ Гомерѣ онъ вовсе не находитъ того, что заключаютъ въ себѣ эти аллегоріи. А такъ какъ этотъ философъ, сколько мнѣ извѣстно, первый, изъ

(*) См. Ксеноф. Memorab. 1, 3, 7.

нѣкоторыхъ родовъ поэзіи и въ особенности изъ драматическаго, заключилъ существо ея въ подражаніи, и при томъ тѣ дѣла, которыхъ касалось это подражаніе считалъ мало-важными и подверженными безпрестаннымъ измѣненіямъ (ибо истину и постоянство онъ приписывалъ только идеямъ), то это искусство, такъ какъ уже на три степени удаленное отъ небесной истины, считалъ пустымъ, достойнымъ презрѣнія и невѣрнымъ руководителемъ жизни. И такъ Гомера и трагиковъ со всеми рапсодами, хоревтами и музыкантами исключилъ изъ своего гражданства. Главное мнѣніе Платона о поэзіи было схвачено Аристотелемъ въ извѣстномъ и славномъ сочиненіи; правда онъ его исправилъ, все однако жъ не изложилъ такъ, чтобы оно могло быть приспособлено ко всемъ родамъ поэзіи, такъ напр. поучительный родъ у него совсѣмъ выключенъ. И послѣ Аристотеля кажется ни одинъ изъ философовъ не понялъ надлежащимъ образомъ сущности сего искусства и не объяснилъ исторически. Ибо между тѣмъ какъ Эпикурейцы отвергали всякую поэзію и музыку и не полагали въ Гомеровыхъ вымыслахъ никакой науки, прочія секты съ великой охотою обращались къ древнимъ аллегоріямъ (*ὑπονομα*), въ особенности стоики: Зенонъ, Клеантъ и Хризиппъ, и изъ ихъ то сочиненій бѣльшею частію заимствовано то, что мы находимъ у Гераклида или Гераклита, у Корнута и Евстафія. Но противъ нихъ возсталъ Аристархъ, утверждавшій, что должно придерживаться простаго смысла словъ и почитавшій все это ученіе за чистое болтовство. Но его голосъ не отвлекъ философовъ отъ ихъ вздорной страсти. Даже и въ послѣдующіе вѣка небыло почти ни одного изъ нихъ, который бы ни навязывалъ Гомеру какого-то тайнаго ученія или по крайней мѣрѣ коренныхъ положеній своей секты. По этому-то остроумно говорить Сенека: (Ер. 88). «Если въ Гомерѣ находятъ всѣ сіи разнообразныя секты, то понятно, что въ немъ нѣтъ ни одной изъ нихъ.» Сюда же относится изслѣдованіе Фаворина, Лонгина, Эномая и другихъ о томъ, былъ ли Гомеръ философъ? Какое же о семъ имѣлъ мнѣніе Порфирій, явствуетъ какъ изъ его схо-

лій, такъ и изъ отдѣльныхъ сочиненій. Именно съ сего наиболѣе времени, Греки опять начинаютъ впадать въ ту болѣзнь, которая вездѣ заставляетъ ихъ отыскивать таинственныя или историческія аллегоріи. Сямъ-то оружіемъ защищалъ Гомера Проклъ противъ Платона; такъ Симплицій видѣлъ въ басняхъ покровы истинной мудрости; такъ наконецъ въ последнее время, что бы не называть многихъ, Михаилъ Псалль, другъ Евстафіевъ, и Никифоръ Грегорасъ — одинъ объяснялъ обѣ поэмы, другой странствованія Улисса.

§ 37. Но возвратимся къ тому, отчего мы уклонились. Касательно древнихъ мало намъ извѣстно, какимъ образомъ выполняли они прочія обязанности толковниковъ. Потому-что изъ Платонова *Юна* и одного примѣчательнаго мѣста у Аристотеля, въ которомъ упоминаются *α αρχαιο 'Ομηροι'* (*) какъ извѣстный классъ людей ученыхъ занимающихся мелочами и тонкостями на подобіе Мазоретовъ, я заключаю что древніе толкователи не въ одномъ вышесказанномъ предметѣ употребляли трудъ свой, но пытались объяснить между прочимъ самое искусство поэта.

Гораздо лучшія кажется оказали заслуги въ объясненіи Гомера софисты во время Перикла, которые по обыкновенію своему включая въ свой кругъ занятій всѣ науки служація къ благородному образованію, не забывали и грамматическихъ наставленій и чтенія отличнѣйшихъ поэтовъ. И такъ мы находимъ, что Продикъ тонко разсуждалъ о истинномъ значеніи словъ и ихъ происхожденіи (*Plat. Charm. p. 163 D. Men. p. 75, E. Cratyl. p. 384 B.*), а Протагоръ и Гиппій Елейскій обратили вниманіе на тѣ предметы, которые собственно принадлежатъ къ ученому объясненію (**). Съ какимъ успѣхомъ, теперь не нужно изслѣдывать. Потому-что первыя попытки обратить эти предметы въ форму науки столь трудны, что и отличнѣйшымъ умамъ не постыдно сдѣлать

(*) *Metaphys. XII, p. 450 B. Duval. (XIV, extr.)*

(**) О Протагорѣ см. *Aristot. Poët. 19. О Гиппій Plat. Hipp. II, pr. Cic. de Or. III 32* и вообще о софистахъ *Isocrst. Pannthen.*

ошибку въ такихъ вещахъ, которыхъ по истеченіи столѣтій не можетъ и ученикъ не знать безнаказанно. Къ этому роду принадлежитъ мнѣніе Протагора касательно употребленія повелительнаго наклоненія глаголовъ; а именно, онъ порицалъ поэта за то, что онъ не довольно почтительно сдѣлалъ воззваніе къ музѣ. А Гиппій у Платона въ своихъ доказательствахъ (*επιδειξισιν*) рассуждая о Гомерѣ и другихъ поэтахъ отвѣчаетъ на всѣ сомнѣнія и вопросы о ихъ мнѣніяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ. Отсюда понятно, что эти *προβλήματα*, или *απορείαι* (недоумѣнія) и *λύσεις* (рѣшенія), въ которыхъ столько положили труда въ послѣдствіи александрійскіе ученые, (*) начали быть въ употребленіи еще въ школахъ философовъ и софистовъ. Изъ этого то источника должно выводить начало критики филологической, которую могли возбудить во многихъ мѣстахъ эти *απορείαι*.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

§§ 15, 16, 17, 18. Авторъ допускаетъ, что кожи для письма въ Іоніи, отечествѣ Гомера, вошли въ употребленіе еще въ началѣ VIII вѣка до Р. Х. (**). Большая часть ученыхъ, основываясь на Геродотѣ, относятъ существованіе Гомера къ IX вѣку. Если ей два—не скажу достовѣрные и положительныя факты, но два на вѣроятностяхъ основанныя умозаключенія (ибо самъ авторъ утверждаетъ только на предположеніяхъ, относя употребленіе кожъ въ Іоніи къ VIII в.) столь сближаются между собой по времени, то несомнѣнно и самъ авторъ не постоялъ бы за какое нибудь полвѣка, чтобы отнести это употребленіе кожъ и ко времени Гомера. Солоновы законы могли быть начертаны на грубыхъ доскахъ отнюдь не по недостатку матеріи, а для прочности. Ибо должно было ихъ выставить въ открытомъ мѣстѣ для всеобщаго чтенія. Потому, это относится къ Атикѣ, а от-

(*) Porphirii Schol. ad II. IX, 694.

(**) О письмахъ Лидійцевъ и Мидявъ еще до времени Креза упоминаетъ Геродотъ въ своей исторіи (I, 93 99 123 135).

тиюдь не къ Іоніи, которая, по свидѣтельству самаго автора (§ 17), далеко опередила Аттіку литературными произведеніями. И въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго, когда и въ новѣйшее время въ Европѣ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ родахъ наукъ и искусствъ, одна страна беретъ преимущество предъ другою. Въ исторіи греческой литературы особенно должно обращать вниманіе на то, чтобы не смѣнивать разныхъ эпохъ и областей Греціи. Такъ напр. У Аѳинянъ восходитъ заря наукъ и литературы только со времени Пизистратидовъ. «Но у Азіатскихъ, Сицилійскихъ и Италійскихъ Грековъ словесность уже процвѣтала, лирическая поэзія дошла до совершенства. Въ Азіи и на островахъ, процвѣтали отличившіе геніи особенно въ области поэзіи еще до Пизистратидовъ и до Архонта Солона (въ XLVI, 3 Олимп.). Упоминается великое число поэтовъ, излагавшихъ древніе мифы и въ числѣ ихъ сказанія о Трозѣ, которыхъ мы называемъ циклическими, и которыхъ существованіе, по преданію, относится еще къ началу Олимпіадъ. Въ числѣ ихъ Арктинъ Милетскій, который въ своей Эѳіопидѣ описалъ дѣянія Мемнона, Лескей Лесбосскій, котораго относятъ къ XXXIII Олимпіадѣ, извѣстнѣйшій авторъ малой Иліады, Стазинъ Кипрскій, авторъ стихотвореній кипрскихъ и Аѳтійскія, сочинитель странствованій героевъ (*Νόστωρ*) на возвратномъ пути изъ подъ Трои; Пизандръ изъ Камира съ острова Родоса, сочинитель Гераклеи около XXXIII Олимпіады; ибо Паніазисъ, дядя или двоюродный братъ Геродота, авторъ другой Гераклеи и Антимахъ авторъ Фиваиды, жили позднѣе. Что же касается до славнѣйшихъ лирическихъ поэтовъ, то Терпандръ, Алкманъ, Алцей, Сафо, жили еще въ XXX Олимпіадѣ и еще древнѣйшій ихъ сочинитель Ламбодъ, Архилохъ относится къ XX, XXIII, XXVII Олимпіадѣ. Во времена же Пизистратидовъ славны были имена Стезихора, Ивика, Анакреонта, Симонида и до нихъ еще прославились Фалесъ, семь мудрецовъ и Фересидъ, наставникъ Пифагора. Вотъ цвѣтущее время Іоніи, которое должно отнести къ вѣку Гигеса и его преемниковъ царей Лидійскихъ. И что

же? въ исторіи Іонійцевъ однако жъ ничего не упоминается о Гомерѣ! Гдѣ жъ скрывались его рапсодіи?»

«И такъ должно глубоко укоренить въ душѣ ту мысль, которую я высказалъ давно, а именно, мы забываемъ, что вовсе не имѣемъ исторіи, а только отрывки изъ исторіи. И ни одного почти не найдете народа, о которомъ бы мы имѣли столь скудныя свѣдѣнія, какъ объ Іонійцахъ, въ особенности касательно того времени, когда начала развиваться у нихъ литература. Все, что мы говоримъ о чтеніи и писаніи рапсодій, относится къ Аѳинянамъ; какое жъ мѣсто занимали циклическіе и лирическіе поэты Іонійцевъ, незнаемъ. Вѣроятнымъ кажется, что употребленіе письма у нихъ началось гораздо раньше, по причинѣ древнѣйшаго употребленія кожъ (*τῶν δερῶν*). Но что сдѣлалось съ ихъ письменными памятниками, сохранились ли они до времени Платона, Александра и александрійскихъ грамматиковъ; всѣ ли древнѣйшіе лирики и какіе внесены были въ александрійскую бібліотеку, мы незнаемъ. Мнѣ кажется, что въ Азійи и на островахъ, очень рано истребились памятники славныхъ писателей и сохранились только тѣ, которые принесены были въ Грецію; такъ сохранилась исторія Геродота, сперва Галикарнасскаго, потомъ Фурийскаго, и еще прежде его стихотворенія Гезіода, который изъ Эолидской Кумы переселился въ Беотію. Если мы размыслимъ все это, то должны будемъ признаться, что мы болтаемъ какъ дѣти о важнѣйшихъ дѣлахъ древняго времени.» Гейне (*Ехс. II, Sect 4, ad Iliad. XXIV*). Вотъ превосходное замѣчаніе. Пусть изъ него читатель увидитъ, сколь мы должны быть осторожны въ сужденіи о Гомерѣ, и можемъ ли такъ смѣло опровергать голосъ всей древности. Не должно впрочемъ скрывать, что тотъ же самый писатель, въ томъ же разсужденіи (несколько выше), сомнѣваясь, чтобы въ такой глубокой древности могъ явиться столь великій гений, говоритъ о времени предшествовавшемъ его появленію и о состояніи областей населяемыхъ Греками, такъ: «Пелопоннезъ подпавшій власти Дорійцевъ погруженъ былъ въ варварство, прочія страны

Греція и самая Аттика нимаю не отличаясь ни обработкою полей, ни устройствомъ городовъ въ самонужнѣйшихъ вещахъ терпѣли недостатокъ; Ионійцы съ Эолійцами недавно поселившіеся въ приморскихъ странахъ Азіи, едва положили первое основаніе того цвѣтущаго состоянія, до котораго они достигли въ послѣдствіи.» Последнее основано только на предположеніяхъ. Исторія говоритъ, что переселеніе Ионянъ произошло почти за 150 лѣтъ до появленія у нихъ Гомера, и что еще до своего переселенія они знали уже писмена, принятыя ими еще отъ Гефирейцевъ, прибывшихъ съ Кадмомъ изъ Финикіи въ Грецію, которыя они и называли Финикійскими; что для письма употребляли кожи, и это названіе кожъ такъ у нихъ утвердилось, что даже во время Геродота книги устроенныя изъ папира они иначе не называли, какъ кожами. Вотъ что говоритъ намъ исторія! (см. Герод. V. 57. сл.) Послѣ этого можемъ ли мы съ увѣренностію сказать, въ какой мѣрѣ наслаждались Ионійцы гражданскимъ благосостояніемъ и досугомъ, который столь необходимъ для развитія талантовъ. Авторъ представляетъ еще препятствія заключающіяся въ несовершенствѣ алфавита; но кому неизвѣстно, сколько въ употребленіи писменъ бываетъ условнаго? Мы пишемъ: *пришелъ* и *пришолъ*, и произносимъ то и другое начертаніе одинаково, для нѣкоторыхъ же звуковъ и доселѣ не имѣемъ буквы, напримѣръ *прилежъ*, *утахъ*. И если вѣрить Еврипидову схолиасту, то Аѳиняне даже во время Еврипида не знали употребленія гласныхъ долгихъ и напримѣръ вмѣсто *τα δῆμα*, писали *τα δῆμα*, и такъ дательн. единственн. по начертанію сходствовалъ съ именительнымъ множеств., одно только произношеніе отличало ихъ. Письмо отъ правой руки къ левой не представляетъ никакихъ затрудненій. Пусть испытаетъ это всякій. Прибавьте силу привычки и увидите, что это обстоятельство не стоило того, чтобы и упоминать о немъ. Остается еще возраженіе: отчего никакой книги изъ IX вѣка 1) не упоминается и 2) не сохранилось до того времени, когда появились въ Грецію славные писа-

тели? Первое несправедливо, потому-что о самых Гомеровыхъ поэмахъ Гераклидъ Понтійскій, писатель IV вѣка до Р. Х., Эліанъ и Плутархъ повѣствуютъ, что они были привезены въ Лакедемонъ Ликургою изъ малой Азіи. Вѣроятно эти писатели утверждали это, основываясь на другихъ древнѣйшихъ писателяхъ. Мы не смѣемъ утверждать, что это истина, и говоримъ только въ опроверженіе словъ автора, будто *не упоминается* ни объ одной книгѣ изъ IX вѣка. Вторая часть возраженія похожа на то, какъ если бы напр. кто нибудь предложилъ вопросъ, отчего не сохранилось до насъ ни одной рукописи отъ времени Цицерона или Виргилія? Если же законодатели въ древности не употребляли письменъ для начертанія законовъ, то это было сообразно съ самымъ существомъ первобытныхъ обществъ. Какъ бы ни былъ грамотенъ законодатель, но если, говоря вообще, самое общество безграмотно, то онъ для введенія законовъ письменныхъ, долженъ напередъ этихъ дикарей, занятыхъ житейскими нуждами и не имѣющихъ для сего довольнаго досуга, или по крайней мѣрѣ великую часть изъ нихъ сдѣлать напередъ грамотными. Но это невозможно. Всякій такой дикарь возразилъ бы ему: Какъ? я долженъ бросить свое поле, оставить попеченіе о домѣ и стадахъ своихъ, чтобы учиться твоему искусству, безъ котораго такъ хорошо умѣли обходиться отцы наши?—Отсюда то необходимо должна была вытекать та простота и немногосложность постановленій, которыми отличается древнее законодательство. Таковы были законы Ликурговы. И дѣйствительно. Что мы въ нихъ видимъ? Говоря вообще, только такого рода политическія учрежденія, которыя будучи одинъ разъ приведены въ исполненіе, оставались навсегда непрѣмными. А для этого довольно было только одного изустнаго объявленія въ собраніи народа. Учредить общественные столы, раздѣлить землю на равныя участки, ввести извѣстныя гимнастическія упражненія, скажемъ болѣе, учредить даже сословіе судей, предоставивъ имъ право въ приговорахъ своихъ руководствоваться или естественнымъ чувствомъ справедливости, или су-

ществующими обычаями, особенно въ такомъ обществѣ, въ которомъ равенство правъ и имѣній устраняло всякія многосложныя тяжбы—для этого нѣтъ нужды въ писменности. И такъ эти законы болѣе касались права политическаго, нежели гражданскаго; что же касается до многосложныхъ и разнообразныхъ случаевъ послѣдняго, то, чтобы такіе законы могли быть изустные, а не писменные, этому никто не повѣритъ (*). Временныя полицейскія распоряженія также могли быть изустно объявляемы на рынкахъ чрезъ глашатая, пусть даже при сопровожденіи флейты, какъ повѣствуетъ Аристотель о скиоахъ Агатирсахъ. И такъ не недостатокъ матеріаловъ, а условія заключающіяся въ степени образованности и въ духъ народа были причиною, что законодатели не обнародывали своихъ законовъ писменно. Доски для этого были въ Лакедемонѣ, также какъ и въ Аѣнахъ (**).

(*) Это видѣть ясно мудрый законодатель еврейскій; по этому и учредилъ особенную касту или общество Левитовъ, которыхъ и обязалъ быть хранителями и толкователями закона, давъ имъ разныя льготы и преимущества. Можно сказать утвердительно, что еслибъ хотя одинъ греческій законодатель имѣлъ столько силъ, чтобы учредить въ своемъ народѣ такое общество грамотныхъ судей и блюстителей закона, какое мы видимъ въ Левитахъ, то Греція въ самой глубокой древности имѣла бы писменные законы. О Левитахъ см. Вѣрозакош. ХХХІ, 9 слл.

(**) О Лакедемонянахъ особенно должно замѣтить, что ни одинъ народъ въ Греціи не чуждался столько литературныхъ занятій у себя дома, сколько они даже и послѣ Ликурга (Isocr. Panath. *3.) Что особенно покажется удивительнымъ, если мы рассмотримъ, что ни одно Ликургово постановленіе прямо не препятствовало этому. Можно согласиться, что его уставъ не былъ благопріятенъ для краснорѣчія; но нельзя этого сказать касательно поэзіи. И однако жъ Лакедемонцы не имѣли своихъ поэтовъ; (Алкманъ не ихъ уроженецъ, Vell. 1, 18) и если въ какихъ нибудь чрезвычайныхъ случаяхъ нужно имъ было содѣйствіе музъ, то они охотно приглашали чужестранныхъ поэтовъ (см. Эліан. Var. Hist. XII. 50) Не то же ли можно сказать о нихъ въ этомъ случаѣ, что послѣ ихъ, вставшіе при видѣ приближающагося къ нимъ старца въ Аѣнскомъ театръ, сигналы объ Аѣнянахъ, что Аѣнляне знаютъ, что хорошо, но этого нехотятъ дѣлать. И такъ Ликургъ, не вводя у нихъ писменныхъ законовъ, зналъ съ какимъ народомъ онъ имѣеть дѣло. Не онъ сотворилъ характеръ народа, а онъ только умѣлъ направить его во благо общее. И кто теперь можетъ заключить о всѣхъ попыткахъ великаго законодателя? Кто знаетъ, не хотѣлъ ли онъ, вводя Гомеровы стихотворенія у Спартанцевъ, возбудить въ нихъ вкусъ съ высокой поэзіи? Иначе, зачѣмъ ему вводить ихъ?

Далѣе авторъ говоритъ, что для прозы собственно нужна письменность и потребныя къ тому орудія. Эта мысль была высказана еще прежде его Гиллисомъ (*Hist. de la Grèce. Ch. 1, n. b.*) Я признаюсь откровенно, что соглашаясь на это, не могу однако жъ понять, почему не тоже самое необходимо для поэта сочиняющаго рапсодіи въ двѣ или три тысячи гекзаметровъ? И такъ весь этотъ пунктъ я оставляю, какъ вовсе для меня непонятный. Наконецъ авторъ соглашается, что стихотворцы VIII вѣка ближайшаго къ Гомеру, могли писать стихотворенія, только небольшія, каковы лирическія. Опять непонятно, какимъ образомъ, если были кожки для написанія небольшихъ стихотвореній, не достало ихъ для большихъ?—Единственный авторитетъ, на которомъ авторъ, какъ на краеугольномъ камнѣ основываетъ все свое зданіе, авторитетъ Юсифа Флавія, не требуетъ никакого особеннаго замѣчанія. Надлежащимъ образомъ оцѣнить его можетъ всякій.

§§ 19, 20, 21. Слѣдуютъ два мѣста изъ Гомера, которыми нѣкоторые хотѣли воспользоваться въ доказательство того, что письмо въ Гомерово время было извѣстно, и которыхъ мнѣніе авторъ опровергаетъ. Что касается до перваго изъ сихъ мѣстъ, то конечно греческимъ героямъ довольно было какойнибудь хорошо округленной палочки, чтобы начертить на ней хоть мѣлкомъ, или наръзать ножемъ какіянибудь знаки. Если даже допустить, что грамотность въ этомъ вѣкѣ существовала, все однако жъ возможно, что даже и знатныя лица сначала не все были грамотны. Говорятъ, что и у насъ, уже въ вѣкѣ грамотности, бывали подобные примѣры. Посмотрите на любопытное 10-е примѣчаніе Робертсона ко введенію въ исторію Карла пятаго. Правда, онъ приписываетъ безграмотность знатныхъ лицъ средняго вѣка частію и недостатку матеріаловъ; но еслибъ эти лица хотѣли, то изобрѣтательность человѣческая не оставалась бы въ усыпленіи; но пренебрегали письмо, не радѣли и о матеріалахъ для письма. Дюгескленъ, конетабль Франціи, въ X'V вѣкѣ, не умѣлъ ни читать ни писать, болѣе двухъ согъ

лѣтъ спустя уже по изобрѣтеніи бумаги (*) Слѣдовательно и не ставилось въ укоризну и стыдъ столь славнымъ лицамъ, что теперь послужило бы въ стыдъ и мѣщанину. Что жъ такое Гомеровы герои?—Эго наши рыцари средняго вѣка. Тѣ же войны, тѣ же битвы, поединки и страсть къ отважнымъ предпріятіямъ были съ младенчества единственною цѣлію ихъ жизни. И такъ, еслибъ Гомеръ изобразилъ этихъ героевъ грамотными, то поступилъ бы противъ всехъ принятыхъ понятій своего вѣка. Да и нельзя же было ему поступить въ этомъ повѣствованіи противно сказаніямъ своего времени; онъ разсказалъ съ точностію то, что принималъ отъ другихъ. И такъ, въ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего ни къ подтвержденію, ни къ отрицанію писменности. Второе мѣсто гораздо любопытнѣе и достойно подробнѣйшаго разсмотрѣнія.

Прежде всего должно замѣтить, что если письмо было изобрѣтено такъ рано, какъ говорить о томъ преданіе о Кадмѣ, то нельзя же, чтобы тайна его была неизвѣстна, и въ продолженіе вѣковъ не переходила отъ одного къ другому. Самъ авторъ (въ 50 зам. къ 20 §) относитъ начало писменности (разумѣется говоря такъ по предположеніямъ) къ IX вѣку, слѣдовательно къ Гомеру. Все затрудненіе, какъ мы видѣли, полагается онъ только въ недостаткѣ матеріаловъ. Но неужели, если Гомеръ зналъ письмо, не могъ бы онъ пособить своей памяти начертывая хотя первыя буквы каждаго стиха, даже и на доскѣ чисто выстроганной? — Знаю, что авторъ по своему обыкновенію, возразилъ бы на это: гдѣ же упоминаются такія доски?—Но кто будетъ упоминать о нихъ говоря о писателѣ? Древніе обыкновенно говорятъ: Гомеръ повѣствуетъ, говоритъ то и то, какъ и мы говоримъ: Это пишетъ Ломоносовъ, Державинъ, но никогда не гово-

(*) Il ne sut jamais ni lire, ni écrire, à l'exemple de presque tous les nobles de son temps. Dès sa plus tendre enfance, il ne respiroit que les combats. «Il n'y a pas de plus mauvais garçon au monde,—disoit sa mère — Il est toujours blessé, le visage déchiré, toujours battant ou battu.» Такъ изображаютъ своего героя французскіе историки. И вотъ картина воспитанія Гомеровыхъ героевъ въ ея истинномъ видѣ!

римъ: эти слова напечатаны на бумагѣ въ книгѣ, заключающей въ себя сочиненія Ломоносова. Только случайно узнаемъ мы у Эсхила и автора Ватрахомиахин, что въ ихъ время писали на дощечкахъ (*δελτοι*). По этому и мы въ свою очередь спросили бы автора: Если Эсхиль даже и въ то время, когда обрѣтенъ былъ папиръ, писалъ еще свои трагедіи на дощечкахъ, натертыхъ воскомъ, то почему Гомеръ на такихъ же дощечкахъ не могъ писать своихъ рапсодій? Сейчасъ мы увидимъ нѣчто весьма подходящее къ этому.

Прежде всего я расскажу самое происшествіе, переведа изъ Гомера со всею точностію тѣ слова, которыя составляютъ предметъ спора. «Прѣтъ, царь Аргосскій, желая погубить своего вассала Веллерофонта, и не рѣшаясь этого сдѣлать самъ, послалъ его къ своему тестю Іовату, царю Ликійскому, и далъ (или вручилъ) Веллерофонту *гибельные знаки, начертивши (γρῶψας) на дощечкахъ, крѣпко сложенныхъ, много вещей пагубныхъ*, и приказалъ ему *показать* (эти знаки или дощечки) своему тестю. Черезъ нѣсколько дней по прибытіи Веллерофонта въ Ликію, Іоватъ пожелалъ *увидѣть тотъ знакъ*, который онъ принесъ ему отъ Прѣта. Когда же *получилъ злой знакъ* своего зятя, то приказалъ напередъ Веллерофонту умертвить чудовище, Химеру и т. д.» Предварительно должно припомнить, что это событіе нисколько не принадлежитъ къ связи дѣлъ, описываемыхъ въ *Иліадѣ*. Это рассказъ одного изъ единоборцевъ о славныхъ подвигахъ своего предка, Веллерофонта. Следовательно Гомеръ не могъ, и не имѣлъ нужды ничего ни прибавлять, ни убавлять, сообразно съ своими идеалами, во всей этой исторіи, и долженъ былъ просто повторить ее со всею точностію, какъ *древнее преданіе*, которое онъ принималъ именно *въ этихъ словахъ* и слышалъ можетъ быть еще отъ своего дѣда, отъ рассказчиковъ досужихъ, или и отъ другихъ поэтовъ. Стало быть это мѣсто не говоритъ ни въ пользу, ни противъ письменности. Такъ-бы мы сказали, еслибъ хотѣли какъ нибудь отдѣлаться отъ докучныхъ скептиковъ. Но я признаюсь, что сколько разъ ни читалъ это мѣсто, всегда мнѣ казалось

(можетъ быть найдутся и другіе, которые испытали тоже) всегда мнѣ казалось, что въ этомъ повѣствованіи содержится нѣчто большее, и что здѣсь дѣло идетъ именно о *письмѣ*, т.-е. о буквальномъ выраженіи нашихъ мыслей.

Если Прэтъ и Іоватъ употребляли между собой условные знаки, имъ только извѣстные, то какая была нужда первому начертывать ихъ на такихъ складныхъ дощечкахъ, которыя потомъ слѣдовало еще (что допускаетъ и самъ авторъ) запечатать съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Веллерофонтъ не могъ видѣть сихъ знаковъ? какъ такіе условные знаки могли быть ему извѣстны? — Далѣе, кому покажется вѣроятнымъ изобрѣтеніе безчисленнаго множества знаковъ для всѣхъ возможныхъ случаевъ? Воображать же, что въ вѣкъ героическомъ такіе знаки употреблялись только для чьей нибудь погибели, есть совершенная нелѣпость. Но допустимъ, что въ этомъ вѣкѣ, который теперь по прихоти автора, превращенъ въ вѣкъ всѣхъ злодѣяній, именно для этого употреблялись такіе знаки: какимъ образомъ Веллерофонтъ, зная это обыкновеніе, не подозрѣвалъ, что можетъ быть дѣло идетъ о его погибели, особенно когда столь тщательно старались скрыть отъ него начертаніе? И что могло уверить Прэта, что Веллерофонтъ, зная этотъ злодѣйскій обычай, не подумаетъ раскрыть этихъ дощечекъ? И такъ это были знаки, извѣстные и Веллерофонту; а такіе знаки могли быть ни что иное, какъ писмена, или буквы.

Обратимся теперь къ словамъ: *показать и видѣть*, которыя по мнѣнію автора не могли быть употреблены, еслибы дѣло шло о *письмѣ*. Перенесемъ мысленно ко временамъ открытія Америки. Пусть Прэтъ, Іоватъ и Веллерофонтъ будутъ Испанцы знающіе *письмо*. Сдѣлаемъ свидѣтелемъ всего того, что происходитъ между ними, Американца, которому тайна писменъ вовсе неизвѣстна. Какъ онъ назоветъ буквы, рассказывая всю эту исторію о Веллерофонтѣ также безграмотнымъ землякамъ своимъ? — Онъ назоветъ ихъ знаками, или въ единственномъ числѣ знакомъ, потому-что вовсе еще не знаетъ, состоитъ ли начертаніе изъ частей отдѣльныхъ, или пред-

ставляють одно ціле. Теперь слова: *показать и видеть*, слѣдуютъ уже естественно изъ самаго образа представленія этого дикаго. Кто читаетъ, тотъ на его языкѣ: *видитъ, разсматриваетъ знаки*; кто отдастъ эти знаки, тотъ *показываетъ* ихъ. И такой способъ выражаться о письмѣ долженъ ствовать бы господствовать долгое время даже и послѣ того, какъ нѣкорые изъ сихъ дикарей уже и сами научились бы грамотѣ. И такъ, въ Гомеровыхъ *знакахъ* слышенъ отголосокъ стариннаго языка изъ того грубаго вѣка, въ которомъ полюдскіе люди получили первое понятіе о чудесномъ дѣйствіи писменъ. Такъ они ихъ назвали, и этотъ способъ выраженія перешелъ и въ Гомерово время. Не знаемъ ли мы достоверно, что у Іонійцевъ даже во время Геродота, сохранилось древнее обыкновеніе называть книги кожами? то же должно разумѣть и о сихъ знакахъ. И нѣтъ сомнѣнія, что Гомеръ и его современники подъ сими знаками разумѣли письмо. Съ симъ то древнимъ языкомъ въ цвѣтущій вѣкъ Римской поэзіи, соображаясь, Виргилій воспѣвалъ:

Insanam vatem adspicies, quae rure sub ima
Fata canit, foliisque notas et nomina mandat.

Чудесный поэтъ—неподражаемый въ самомъ подражаніи! чего же требуетъ авторъ? онъ желалъ-бы видѣть у Гомера буквы (Υράμμαα) или посланіе (ἐπιστολή), и вмѣсто *видѣть*, читать (ἀναγινώσκειν, ἀναλέγεσθαι). Посмотримъ, можно ли допустить то, чего онъ требуетъ.

Въ 51 зам. къ 20 § онъ самъ говоритъ, что слова Υράφη и Υράμμα принадлежатъ позднѣйшему вѣку. И дѣйствительно, этихъ словъ совсемъ нѣтъ у Гомера, другими словами, онъ ихъ вовсе не знаетъ, такъ какъ и слова ἐπιστολή. Чѣмъ же теперь авторъ убѣдитъ насъ, что Гомеровы *знаки* не суть буквы или вообще писаніе? очень возможно, что слово употребительное въ одномъ вѣкѣ, вовсе небыло въ употребленіи въ другомъ, для выраженія того же понятія, и получало другое значеніе. Я думаю, всякій языкъ представить довольно такихъ примѣровъ. Еще болѣе, въ самое цвѣтущее время греческаго языка въ разныхъ областяхъ Греціи употреблялись

разныхъ слова для выраженія одного и того же понятія, на-
примѣръ, для выраженія слова читать, въ общемъ языкѣ употре-
блялось слово ἀναγινώσκειν, ἀναλέγεσθαι; но Геродотъ, сооте-
чественникъ Гомера употребляетъ первое только въ смыслѣ
узнавать и убѣждать; ἀναλέγεσθαι, только въ смыслѣ подби-
рать. что упало на-земь; для чтенія же употребляетъ слово
ἐπιλέγεσθαι, не употребительное въ семъ смыслѣ у другихъ
писателей. Такъ книги въ одной области называются папи-
ромъ, въ другой кожей. Знаю, что этимъ нельзя еще дока-
зать, что подъ Гомеровыми знаками точно разумются буквы;
но нельзя же доказать и противнаго мнѣнія. Перейдемъ къ
слову читать, котораго требуетъ авторъ отъ Гомера.

Здѣсь я бы спросилъ опытнѣйшихъ языковѣдцевъ, на-
ходится ли въ какомъ нибудь языкѣ такой глаголь, который
бы самъ по себѣ безъ всякаго побочнаго понятія, содержалъ
въ себѣ одно только это значеніе? что касается до греческаго,
то онъ при всемъ своемъ богатствѣ представляетъ великую
скудость въ выраженіи этого понятія; онъ вовсе не имѣетъ
глагола, который бы опредѣленъ былъ именно только для
выраженія того дѣйствія, которое выражаетъ нашъ глаголь:
читать. Ἀναγινώσκειν значитъ: узнавать, распознавать и
только по смыслу рѣчи получаетъ значеніе чтенія. И оба
эти значенія узнавать и читать столько ему общи, что Апо-
лодоръ въ своемъ повѣствованіи этого же прикличенія вмѣсто
обычнаго ἀναγινώσκειν употребилъ слово ἐπιγινώσκειν —
слово по мнѣнію автора вовсе не употребительное въ смыслѣ
читать (Зам. 36. къ 18 §); но всякій видитъ, что эти слова
по понятію тождественны. Другое въ общемъ языкѣ упо-
требительное слово ἀναλέγεσθαι, кромѣ читать, значитъ еще
собирать, слагать, счислять и также распознается только
по смыслу рѣчи. Геродотово ἐπιλέγεσθαι, также имѣетъ два
значенія читать и собирать. Какого жъ авторъ требуетъ отъ
Гомера слова для выраженія слова читать? (*) безъ сомнѣ-
нія одного изъ сказанныхъ нами, ибо никакого другаго
Греческій языкъ не знаетъ. Но ἀναγινώσκειν съ дополнитель-

(*) См. его 51 зам. къ 20 §.

нымъ *σημα* у Гомера весьма обыкновенно, и употребляется о всякихъ знакахъ, какого-бы рода они ни были. Такъ въ Одиссеѣ (кн. XIX. ст. 250) Пенелопа по описаннымъ примѣтамъ или знакамъ узнать, что ей дѣйствительно говорятъ объ Улисѣ (*σημασι' ἀναγνούση*). Въ первомъ мѣстѣ о жребіяхъ героевъ, того же происхожденія и силы слово (*ἐσημηνάσθη*) употреблено о начертаніи, или если угодно, о нарязаніи знаковъ на жребіяхъ. Теперь обратите вниманіе на разбираемое нами мѣсто. Не заключается ли въ понятіи *видѣть*, понятіе *узнать*? «ловать пожелалъ *видѣть* знаки своего зятя и когда *увидѣлъ*» — еслибы Гомеръ по обыкновенію хотѣлъ продолжать описывать ходъ дѣйствія и къ слову «когда *увидѣлъ*» прибавилъ-бы «то *узналъ*» — какое бы другое слово для сего употребилъ онъ кромѣ слова *ἀνεγνώ*? но будемъ объяснять Гомера самимъ Гомеромъ. Всѣ согласятся, что слова о ловатъ совершенно сходствуютъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ говорится объ Аяксѣ узнавшемъ свой жребій. Какъ объ этомъ его дѣйствиіи выразился Гомеръ?— *Γνώ δὲ κληρου σημα ἰδων*. Не сии ли же самые слова мы можемъ употребить о ловатъ узнавшемъ знаки своего зятя? — *γνώ δὲ Προϊτου σημα ἰδων*? я думаю, никто не будетъ въ этихъ обонхъ примѣрахъ дѣлать привязки, что здѣсь употреблено *ἐγνώ*, а не *ἀνεγνώ*, если только не совсѣмъ не знающій греческаго языка. И такъ если Гомеровы *знаки* суть буквы, то слово читать найдено, и нѣтъ никакой возможности уничтожить смыслъ его въ Гомерѣ. А что оно уже содержится съ словъ *видѣть* (*ἰδεσθαι*), то кажется достаточно доказано. Не маловажную помощь къ утверженію нашего мнѣнія находимъ мы и въ словѣ *πιναξ* дощечка, отвѣчающемъ совершенно употребительному въ позднѣйшее время слову *δέλτος*. Непонимаю одного, почему аторъ утверждаетъ, что Гомеръ, сколько онъ его знаетъ, говоря о письмѣ или дощечкѣ, не употребилъ-бы слово: *показать* (*δείξαι*). Смиряемся предъ великимъ Эллинистомъ, но справедливо замѣтимъ, что утверждать такъ не вразумивъ насъ, на чемъ онъ основываетъ свое убѣжденіе, значить во зло употреблять авторитетъ свой. Перейдемъ теперь къ слову *ὑράφειν*.

Говоря объ этомъ словѣ авторъ преимущественно уже основывается на авторитетѣ схолиаствоѣ. Безспорно, мы весьма многимъ имѣ обязаны, т.-е. потому, что въ иное время, особенно когда дѣло идетъ о языкѣ, самый простолудинъ знаетъ болѣе, нежели чрезъ нѣсколько вѣковъ потомъ, самый великій ученый. Но такіе мѣста всегда у нихъ очевидны. Всегда въ нихъ можно отличить умное отъ пошлаго и нелѣпаго. Представимъ для примѣра небольшую выписку насчетъ всего этого мѣста изъ Евставія, котораго здѣсь цитуетъ авторъ (зам. 46. къ § 19.) αἱ παλαιαί, ὁποῖόν τι καὶ αἱ Ἀιγύπτια ἐποίουν, ζωῖδιά τινα ἱερογλυφούντες καὶ λοιποῦς δὲ χαρακτηρισῆρας εἰς σημασίαν αὐτῶν λέγειν ἐβούλοντο, οὕτω καὶ αὐτοὶ, καθὰ καὶ τῶν τινες ὕστερον Σχυθῶν ἐσημαῖνον, ἃ ἤθελον, εἰδὼτά τινα καὶ πολυειδῆ γραμμικὰ ξέσματα ἐγγράφοντες ἢτοι ἐγγλύφοντες πᾶσι x. т. л. — Σήματα φησὶ ἐγκεκολλημένα πᾶσι πτυκτῶ x. т. л. т.-с. «Подобно Египтянамъ, которые для выраженія своихъ мыслей, употребляли въ гіероглифахъ изображенія нѣкоторыхъ животныхъ и другіе характеры, и древніе Греки, такъ какъ нѣкоторые и изъ позднѣйшихъ Скиновъ, выражали, что хотѣли, знаками, начертывая, или справедливѣе сказать, нарѣзывая нѣкоторыя фигурки и разнообразныя линіи на дощечкахъ и проч. — **Знаки**, (о которыхъ говорить Гомеръ) были выдолблены на складныхъ дощечкахъ.» Что бы сказалъ авторъ такому схолиасту нашедши такое замѣчаніе о древнихъ Грекахъ въ такомъ мѣстѣ, которое бы не касалось его любимой мысли? — «Враль! сказалъ-бы онъ, — что ты усиливаешься привести въ ясность то, о чемъ не имѣешь никакого понятія? чего ты тутъ не напуталъ? — и египетскіе гіероглифы, и нѣкоторыя фигурки и линіи! къ чему ты говоришь о такихъ знакахъ, о которыхъ и помину нѣтъ ни у одного писателя, (иначе ты бы намъ указалъ его) и пренебрегаешь Кадмовы, о которыхъ всѣ говорятъ согласно? Къ чему употребляешь всѣ усмія, чтобы слово *ὑράρειν*, *чертить*, *царапать* подвести къ значенію *выдабливать* (*ἐυχολάπτειν*)? еслибы это было такъ, то почему изъ множества словъ синонимическихъ: *ξρειν*, *ξύειν*,

χαράσσειν, ἀμύσσειν, γλύφειν, εὐχολάπτειν — изъ всѣхъ этихъ словъ за нимъ однимъ собственно въ послѣдствіи утвердилось значеніе *писать*? Но допустимъ, что оно имѣло въ древности и то побочное, или даже главное понятіе, о которомъ ты говоришь; соглашаемся, что наприм. на жребіяхъ, если это были какіе-нибудь кусочки дерева, можно нарѣзать какія-нибудь мѣтки; но удобно ли это сдѣлать на тоненькихъ дощечкахъ, на которыхъ должно было представить много вещей *пагубныхъ*? Не удобнѣе ли было это сдѣлать какой-нибудь кисточкой, или хоть спичкой, обмакнутой въ какое-нибудь чернило хоть изъ сажи? а это искусство известно и дѣтямъ.» Такъ бы сказалъ нашъ авторъ, сколько я знаю его пылкій характеръ, при другомъ случаѣ. Но теперь, когда дѣло идетъ о утвержденіи своего мнѣнія, и схоластики для него важны. (*)

Но считали ли самые грамматикѣ такое толкованіе за несомнѣнное и положительное? Тотъ же Евстафій (47 зам. къ 18 §) говоритъ, что «нѣкоторые грамматикѣ давали высшій смыслъ слову: знаки, принимая ихъ за буквы, потому что знаки звуковъ, мыслей и дѣйствій суть буквы.» И такъ толковали это мѣсто и одинъ изъ схоластовъ приводимый авторомъ въ 47 зам. къ 19 § и Плутархъ. Какъ же основываться на авторитетъ такихъ людей, которые приводятъ столь противоположныя мнѣнія, этимъ самымъ показываютъ, что они не понимаютъ этого мѣста? И это очень естественно. *Σήματα* уже потеряло для нихъ то особенное значеніе,

(*) Нельзя здѣсь не замѣтить, что и самъ великій филологъ сдѣлалъ великій промахъ въ истолкованіи словъ Аполлодора, объ этомъ же приключеніи Веллерофонта, (Apolloed. Bibl. 11. 3. 1.) а именно: утверждая, что Аполлодоръ не принималъ Гомеровыхъ *знаковъ* за буквы, онъ принимаетъ его слово *ἐπιστολή* за вѣякое посланіе, какого бы рода оно ни было и поэтому утвердительно говорить, что употребленное у Аполлодора слово *ἐπιγνώσις* отнюдь не значить *читать*, а только *узнать*. Кто бы повѣрилъ, что бы Вольфъ сдѣлалъ такую ошибку? и однакожь это действительно такъ. Самъ Аполлодоръ въ концѣ главы объясняетъ слово *ἐπιστολή* словомъ *ὑράματα*, буквы, слѣдов. слово *ἐπιγνώσις* не имѣетъ у него другаго значенія кромѣ значенія *читать*. Это объяснить можно только неосмотрительностію. См. зам. 36. къ 18 §.) (См. сказанное на стр. 55.

которое оно имѣло во время Гомера, слѣдующіе за нимъ ἰδέσθαι и δεῖξαι еще болѣе навели на нихъ сомнѣніе. И они насчетъ сего мѣста оставались въ такомъ же невѣдѣніи, въ какомъ мы теперь. И такъ въ этомъ недоумѣніи остается только избрать то мнѣніе, которое вѣроятнѣе и сообразнѣе со смысломъ цѣлаго повѣствованія. Но такъ понимали это мѣсто и всѣ новѣйшіе толкователи и переводчики до Вольфа, хотя замѣчаніе Евстафіево не было имъ неизвѣстно. (*)

Не моихъ познаній потребно, что бы рѣшить, какое первое имѣло значеніе и какъ произошло слово ὤραφεν. Авторъ въ 10 зам. къ 12 § говоритъ, что оно принадлежитъ къ числу звукоподражательныхъ (*ὀνομαστοπελοημιέων*, такъ говоритъ и Евстафій) и для указанія значенія, какое оно, кромѣ разсматриваемыхъ нами двухъ мѣстъ, имѣетъ у Гомера, приводитъ еще слѣдующія мѣста: II. δ. 139. λ. 388. ν. 553. ρ. 599. φ. 166. Odys. χ. 280. ω. 228. Несомнѣнно послѣднее изъ сихъ мѣстъ выражаетъ истинное значеніе сего слова, именно: *язвить посредствомъ оцарапыванья*, или однимъ словомъ *царапать*, какъ наприм. въ этомъ мѣстѣ, поверхность кожи на тѣлѣ. Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ оно значитъ: *сдѣлать на поверхности тѣла остриемъ оружія рану безъ дальнѣйшаго его углубленія внутрь тѣла*. — И такъ, прибавляетъ онъ, у Гомера оно не имѣетъ значенія, *изображать*, стало быть по этому оно и незначитъ у него *писать*. Можно

(*) Изъ новѣйшихъ писателей приводимыхъ авторомъ, онъ какъ кажется, преимущественно удивляется остроумію Ж. Ж. Руссо и въ 54. зам. къ 20 §, приводитъ изъ него мѣсто, изъ котораго видно, что и Руссо сомнѣвался въ писменности поэмы Гомеровыхъ. Но въ этомъ же самомъ мѣстѣ Руссо, упоминая исторію Веллерофонта ясно видитъ въ Пратовыхъ знакахъ *письмо*, и потому чтобы быть послѣдовательнымъ, отвергаетъ подлинность этого мѣста въ Гомерѣ. И такъ и глубокомысленный и остроумный писатель (*vir acutissimus* какъ называетъ его авторъ) ломалъ голову надъ этимъ мѣстомъ и принужденъ былъ согласиться на мнѣніе другихъ новѣйшихъ критиковъ. Да не возражаютъ здѣсь, что Руссо не зналъ по-Гречески. Не было для него недостатка въ людяхъ знающихъ по-Гречески, что бы съ точностію перевести это мѣсто. Что касается до замѣчанія Евстафіева, то оно не могло быть ему неизвѣстно даже изъ перевода Г-жи Дасье. Но онъ не могъ съ нимъ согласиться, и съ пернаго взгляда оцѣнилъ умъ схоластика. См sur l'origine de langues.

ли ожидать такого вздорнаго заключенія отъ столь славнаго филолога? какъ будто одно только это слово обречено было на то, чтобы у одного и того же писателя оно не могло быть употреблено въ переносномъ значеніи, и какъ будто царапать можно только остриемъ оружія или терновыми иглами (какъ въ указанномъ нами мѣстѣ), и нельзя того же сдѣлать на доскѣ гвоздемъ, стилемъ, грифелемъ и по подобію этого, потомъ всякимъ орудіемъ, наприм. перомъ и проч. и какъ будто нарезанные знаки героевъ на жребіяхъ не были изображенія. Подобно этому и мы употребляемъ въ такомъ же смыслѣ звукоподражательное слово чертить, или начертывать. Тотъ же звукоподражательный характеръ слова *писать*, находитъ самъ авторъ въ новѣйшихъ европейскихъ языкахъ.

Знаю, что скептики спросятъ: И такъ употребленіе писменъ должно относить и ко временамъ войны Троянской?— На это мы можемъ отвѣчать только слѣдующее: Извѣстно, сколь темны и разнообразны преданія Грековъ о томъ, кто первый ввелъ у нихъ писмена. Геродотъ (V. 58.) и еще древнѣйшій его писатель, Діонисій Милетскій (Diodor. Sic. III. 67.) относятъ это изобрѣтеніе къ Кадму, другіе приписываютъ другимъ. (*) Дѣло въ томъ, что еслибъ это открытіе было позднѣйшее, то нельзя, чтобы виновникъ его, случай или поводъ и мѣсто изобрѣтенія, остались сомнительными и неизвѣстными съ достовѣрностію. И такъ несомнѣнно, что это открытіе въ самой Греціи, принадлежитъ самой отдаленной древности. Самъ авторъ, теряясь въ своихъ розысканіяхъ, наконецъ говоритъ (§. 14.): «Допустимъ, что Кадмъ ввелъ буквы; допустимъ, что показалъ свое чудесное искусство беоійскимъ дикарямъ; надѣлимъ ихъ досугомъ и способностію учиться. — Пусть немногіе для немногихъ, сдѣлали попытку въ писаньи (**) или нарезали на мѣди, кото-

(*) Классическое мѣсто объ этомъ у Плині старш. (VII 56.). Смотрите еще кромѣ нашего Автора (§ 14.), Липсія къ Тациту (Ann XI. 14.) и Каззаубона къ Светонію (Claud. 41.).

(**) И такъ небольшая цыдулка Протова могла быть написана?

рую недавно (т.-е. предъ прибытіемъ Кадма?) (*) стали отливать, небольшіе стихи и надписи; какъ далеко еще эта грубая работа отстоитъ отъ удобнаго и легкаго употребленія этого искусства, всякій видитъ.» Нѣтъ. Мы этого не видимъ и думаемъ, что если вырѣзываютъ уже слова на мѣди, то не возможно, чтобы не находились люди, которые могли и читать и писать ихъ. Но обратимся къ Троянскимъ героямъ.

Спрашивается, если искусство письма было извѣстно Прѣту и Іовату, то почему Троянскіе герои его не знали? — Мнѣ кажется потому же, почему и благородные рыцари средняго вѣка не все были грамотны. Въ первобытныхъ обществахъ (анархія рыцарскихъ временъ приблизила европейскіе государства къ первобытному состоянію), гдѣ нѣтъ еще искусствъ, гдѣ слѣдовательно нѣтъ раздѣленія работъ, гдѣ всякій самъ для себя долженъ быть и плотникъ, и сапожникъ и что угодно, гдѣ слѣдовательно люди въ десять разъ болѣе заняты нуждами житейскими, чѣмъ наши простолыдины, гдѣ возникаютъ (между такими народцами) безпрестанныя раздоры и войны; гдѣ благороднѣйшій классъ обращаетъ все свое вниманіе на одно только оружіе, чтобы сохранить свой домъ и стада свои отъ расхищенія, или самовольнымъ нападеніемъ предупредить ударъ опаснаго и сильнаго сосѣда; гдѣ и не чувствуютъ нужды въ грамотности и вовсе не думаютъ, что ей должно учиться съ дѣтства; гдѣ самыя законодатели (какъ мы видѣли въ Ликургѣ), хотя сами грамотные, не могутъ ввести письменности въ законы; тамъ безъ сомнѣнія не можетъ быть тайна писменъ извѣстна многимъ; и потому неудивительно, что Ахейскіе рыцари, бывшіе подъ Троею, говоря вообще, писменъ не знали. Но если они уже давно было обрѣтены, то несомнѣнно между ними были Прѣты и Іоваты, которымъ они было извѣстны. Не вдругъ же всякое изобрѣтеніе распространяется между всеми. Если принять нужду за мѣрило всеобщаго употребленія ка-

(*) Или предъ временемъ Гомера? — Авторъ не сказалъ этого ясно. Но сколько можно понимать мысль его, послѣднее вѣроятнѣе.

кого бы то ни было искусства, то употребление письма тогда только по необходимости может распространиться между всеми, когда общество получает письменные, религиозные или гражданские уставы. До того же времени письмо известно только весьма малому числу и в особенности только такому классу, который по необходимости должен знать его. Так в средние века оно принадлежало в особенности духовенству; а во времена героических песнопевцамъ, или рапсодамъ. И такъ нѣтъ сомнѣнiя, что оно известно было Гомеру, бывъ изобрѣтено гораздо прежде его. — И что доказываетъ самое названiе людей, столь обыкновенное у него и у Гезіода (*μῆρορες ἄνθρωποι*): люди *говорящіе раздѣльными звуками*, или раздѣльною рѣчью? Мнѣ кажется въ этомъ вѣкъ простомъ, нельзя было получить и понятiя о раздѣльной рѣчи людей, не разложивъ ее напередъ на слоги и буквы. А этого нельзя было сдѣлать безъ письма. Такъ и схоласти объясняютъ это слово. Но тутъ-то мы и не хотимъ ихъ слушать (см. Евстаф. къ Иліад. 1. 250).

Наконецъ авторъ желалъ бы, что бы Гомеръ въ своихъ поэмахъ упоминалъ о книгахъ, о чтенiи, о письменныхъ договорахъ, о перепискѣ, даже о почтальйонахъ.... Всякій легко можетъ видѣть всю нелѣпость такого требованiя.

§§ 22, 23, 24, 25. Сколь ни плѣнительна для воображенiя картина первыхъ песнопѣвцевъ начертанная авторомъ, но люди повѣряющіе все мѣриломъ опыта замѣтятъ здѣсь, что авторъ смѣшалъ самыхъ поэтовъ съ рапсодами. Въ 9 замѣчанiи къ 12 § онъ разсуждая о словѣ поэтъ (*ποιητής*), говоритъ, что «это слово, кажется позднѣе Гезіода, и не прежде вошло въ употребленіе, какъ тогда, когда *музыка отъ искусства сочинять стихи отдѣлилась*.» Желательно было бы знать эту курьезную исторію, и какимъ образомъ сочинялись стихи подъ музыку. Въ утѣшеніе читателей онъ обѣщался поговорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ; но сколько знаю, не исполнилъ своего обѣщанiя, и такъ изъ этихъ словъ видно, что Гомера онъ дѣлаетъ пѣвцомъ или музыкантомъ въ точномъ смыслѣ сего слова. Мы не можемъ ни-

какъ согласился съ такими романтическими понятіями; какъ существо дѣла, такъ и самый опытъ опровергаетъ ихъ. По мнѣнію всѣхъ, сочинитель пѣсней и пѣвецъ или чтець ихъ, какъ бы вы его ни назвали *αὐδὸς*, *ραψῳδὸς* вовсе не одно и то же. Они содержатся между собой точно въ такомъ же отношеніи, какъ въ наше время драматическій поэтъ и актеръ. Безспорно, могли быть люди обладающіе и тѣмъ и другимъ талантомъ, какъ напр. говорятъ о Мольерѣ. Такъ и рапсоды могъ быть въ то же время и хорошимъ поэтомъ, и обратно. Могъ быть слѣдовательно и Гомеръ хорошимъ рапсодомъ, т.-е. могъ и самъ хорошо декламировать или пѣть свои стихотворенія. Но допустимъ, что онъ не имѣлъ этой способности; неужели столь великій геній долженъ былъ обречь себя на вѣчное молчаніе? и неужели природа въ древнія времена тѣхъ только надѣляла поэтическими талантами, которые имѣли хорошій органъ или голосъ? Отсюда слѣдуетъ: 1) что степень уваженія къ самому творцу пѣсней и провозглашателю ихъ, не могла быть одинакова. Безспорно, умный, даровитый и образованный рапсода, каковъ упоминаемый у нашего автора, Кинеть, могъ также пользоваться уваженіемъ; но чтобы ни говорилъ къ ихъ чести авторъ, мы имѣемъ однако жъ болѣе положительныя доказательства въ противную сторону. (Xenoph. Sympos. 3. Memorab. IV. 2. 10. Plato in Ione.) Самая достоверная исторія говоритъ, что хотя они были хорошіе чтецы, но люди пошлые и мало образованные. И это можно утверждать не только о времени Сократа, но и о древнѣйшемъ. И дѣйствительно, при столь всеобщемъ и повсюду распространившемся обыкновеніи слушать рапсодовъ, гдѣ было найдти столько людей между ними истинно образованныхъ? 2) что несправедливо судятъ, которые смѣшиваютъ самага Гомера съ этими бродящими пѣвцами Повторяю, что могъ онъ быть и чтецомъ и пѣвцомъ отличнымъ, но чтобы безъ этого чтенія или пѣнія онъ долженъ былъ онѣмъ — вотъ въ чемъ ошибка. Но эта ошибка однако жъ такова, что нѣкоторые принимая это за правду, приравнили Гомера даже къ бродящимъ нищимъ,

которыхъ простонародныя сказанія и пѣсни многимъ случилось слышать, приравниали, я разумью по ремеслу его или промыслу, ибо впрочемъ иногда и великій поэтъ можетъ жить въ бѣдности. Замѣтимъ еще, что въ этихъ §§ мы еще невидимъ никакого различія Гомеровъ съ прочими рапсодами. Но мы возвратимся къ нимъ въ концѣ замѣчаній, гдѣ авторъ намъ представитъ ихъ въ новомъ, яснѣйшемъ свѣтѣ.

Теперь я попросилъ бы читателя, особенно если онъ не чуждъ наслажденій доставляемыхъ музыкаю, обратить вмѣстѣ со мной вниманіе на такой предметъ, на который въ исторіи Гомеровыхъ стихотвореній вообще не обращаютъ потребнаго вниманія. Я говорю о пѣніи. Безспорно, можно пропѣть даже съ сопровожденіемъ музыкальнаго инструмента небольшую пѣсенку не только безъ утомленія, но и къ удовольствію слушателей. Но вообразите себѣ самое прекрасное; самое художественное пѣніе: достанетъ ли силъ для пѣвца, что бы выдержать, и для слушателя, что бы выслушать безъ утомленія пѣніе цѣлой рапсодіи и еще, по мнѣнію автора, гораздо обширнѣйшей, нежели тѣ, которыя мы теперь знаемъ? Не забудьте при этомъ, что если музыка будетъ столь пльнительна, то сила и значеніе словъ будутъ совсѣмъ потеряны для слушателей, и они будутъ внимать только музыканту, а не Гомеру. Авторъ совсѣмъ не справедливо причислилъ Терпандра къ рапсодамъ. Терпандръ былъ поэтъ-музыкантъ, изобрѣтатель семиструнной лиры, и имя его принадлежитъ къ исторіи греческой музыки, а отнюдь не къ исторіи рапсодовъ; и въ такомъ смыслѣ говорятъ о немъ и древніе писатели (*). И такъ если онъ сочинилъ музыку для Гомеровыхъ гекзаметровъ, то несомнѣнно для того, чтобы показать свой музыкальный талантъ, какъ это бываетъ и въ наше время. Но дадимъ ему мѣсто между рапсодами. Посмотримъ, что изъ этого слѣдуетъ. И такъ если Терпандръ сочинилъ такую музыку, то стало быть его пѣніе не походило на пѣніе обыкновенныхъ рапсодовъ, т.-е. если бы напѣвъ Гомеровыхъ

(*). См. Плутарха (de Mus. 5, 6).

гекзаметровъ былъ утвержденъ давнишнимъ употребленіемъ, то на что бы вводить новую музыку? Теперь, такъ какъ намъ извѣстно, что обыкновенные расподы не были искусные музыканты и не сопровождали, какъ мы знаемъ изъ ихъ исторіи, своего пѣнія лирою, то стало быть музыка Терпандрова для обыкновенныхъ расподовъ осталась вовсе безъ употребленія. Отсюда вытекаетъ другое заключеніе, слѣдующее: Если при такой художественной музыкѣ самое содержаніе стиховъ, буде слушатели не знаютъ ихъ на память, для нихъ будетъ невнятно и даже совсѣмъ потеряно, и поэтому они не въ состояніи будутъ судить, соответствуетъ ли вполнѣ музыкальное выраженіе силъ и значенію словъ; если и въ наше время даже при театральной декламациі тотъ лучше можетъ судить объ искусствѣ актера, кто предварительно знаетъ піесу, нежели тотъ, кто въ первый разъ ее слышитъ, то что изъ этого слѣдуетъ? — Заключеніе собственно не принадлежащее къ изслѣдованію, о которомъ теперь идетъ рѣчь, но весьма важное для исторіи Гомеровыхъ твореній, — заключеніе то, что въ половинѣ VII вѣка до Р. X. Гомеровы стихотворенія столь были извѣстны европейскимъ Грекамъ, что они уже въ состояніи были слушать ихъ въ предложеніи на музыку. Другихъ расподовъ, пѣвцовъ и мѣстъ музыкантовъ мы не знаемъ, если только не причислить всѣхъ таковыхъ къ расподамъ, потому только, что для своего пѣнія сопровождаемаго лирою, необходимо же они должны были избирать какое нибудь мѣсто изъ какого нибудь славнаго поэта. Но всѣ согласятся, что въ такомъ пѣніи нельзя выслушать даже и половины теперешней расподіи. И самые писатели такихъ музыкантовъ не называютъ расподами. Наконецъ авторъ указываетъ намъ распода, одареннаго поэтическимъ талантомъ, Кинета, и указываетъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы показать, сколько отъ такихъ людей могло произойти измѣненій въ первобытномъ видѣ поэмъ Гомеровыхъ. Допустимъ это вразсужденіи словъ и даже нѣкоторыхъ стиховъ отдѣльныхъ, но что касается до содержанія цѣлыхъ мѣстъ и господствующей въ нихъ главной мысли

поэта, то отнюдь этого допустить невозможно. Возьмемъ въ примѣръ этого же самаго Кинета. Схолиастъ Пиндара (*) говоритъ о немъ, что онъ дѣлалъ вставки въ Гомеровыхъ поэмъ. Откуда это сдѣлалось извѣстнымъ этому схолиасту? не иначе, какъ изъ тѣхъ самыхъ извѣстій, которые переходя отъ одного поколѣнія къ другому, дошли и до него отъ самыхъ современниковъ Кинетовыхъ. Кинетовы же современники могли это узнать только изъ слѣженія его рукописей съ тѣми рукописями, которыя были въ рукахъ ихъ. И еслибъ не было послѣднихъ, то какъ они могли узнать, что принадлежитъ Гомеру и что Кинету? Стало быть въ VI вѣкѣ до Р. X. текстъ Гомеровыхъ поэмъ столько уже былъ утвержденъ, что нельзя было сдѣлать въ немъ никакихъ важныхъ вставокъ безъ того, что бы ихъ не замѣтили.

До сихъ поръ мы говорили только о рапсодахъ отличныхъ по музыкальнымъ и поэтическимъ талантамъ, какихъ несомнѣнно было весьма немного. Обратимся къ рапсодамъ обыкновеннымъ, которыхъ число повсюду было весьма велико. «Отецъ мой — говоритъ одинъ собесѣдникъ на пиршествѣ у Ксенофонта (Соп. iv. 3) — заботясь о томъ, чтобы сдѣлать меня хорошимъ человѣкомъ, заставилъ меня выучить всѣ Гомеровы стихотворенія, и теперь я могу прочесть *наизусть всю Илиаду и Одиссею*. — По развѣ ты забылъ, — говоритъ ему другой собесѣдникъ — что и *всѣ рапсоды* также ихъ знаютъ? — Ну, какъ мнѣ это забыть — возражаетъ первый, когда я ихъ слушаю почти *каждодневно*.» Если въ просвѣщенномъ вѣкѣ, вѣкѣ Сократа было ихъ, какъ видно изъ сихъ словъ, такъ много, то во времена древнѣйшія было ихъ столько жъ, или даже и больше. Къ этимъ-то рапсодамъ преимущественно мы должны обратить вниманіе. Эти простоумные (*πᾶν ἤλιθιοι* Xenoph. Memor. IV 2. 10.) люди (хотя не безъ нѣкоторыхъ претензій какъ увидимъ скоро), не имѣя высокихъ способностей, вѣроятно не искажали Гомера, ибо не думали, что могутъ писать стихи лучше его, и

(*) Ad. Nem. 2.

если дѣлали ошибки въ стихахъ его, то вовсе безъ намѣренія, только по слабости природы человѣческой, и я увѣренъ, что въ ихъ пѣсняхъ Гомеръ точнѣе былъ передаваемъ, нежели въ пѣсняхъ рапсодовъ одаренныхъ пѣтическими талантами. И кто знаетъ, не такіе ли простые рапсоды шепнули и слушателямъ Кинета: «Смотрите, что этотъ господинъ дѣлаетъ. Вѣдь того, что онъ читаетъ вовсе нѣтъ въ нашемъ Гомерѣ. Соберите нашу братью, и посмотрите, если въ нашихъ спискахъ то, что онъ читаетъ.» Обратимся къ нимъ.

Изъ вышешприведенныхъ мѣстъ мы видимъ, что число ихъ было велико, что вообще это были люди, хотя не великаго образованія, однако жъ имѣли столько таланта въ органѣ и голосѣ, что могли привлекать слушателей произношеніемъ стиховъ Гомеровыхъ, что они знали наизусть всю Иліаду и Одиссею и изучали ихъ по рукописямъ (Хенорф. I. I) во времена Сократовы, что изъ цѣлыхъ этихъ твореній избирали для пѣнія или чтенія только отдѣльныя мѣста, (чего иначе и быть не могло), называемыя рапсодіями и что читали или пѣли ихъ наизусть. Теперъ любопытно знать, каковъ былъ образъ ихъ пѣнія? Нашъ авторъ не говоритъ объ этомъ ничего, или все то же что ничего; ибо какое заключеніе можно вывести изъ словъ сего въ 61 замѣчаніи къ 23 §, что «ихъ произношеніе или дѣйствіе (actio) не сходствовало ни съ театральнымъ, ни съ ораторскимъ.» Укажемъ читателю, если онъ любознателенъ и желаетъ основываться на авторитетахъ, на мнѣніе о семъ же предметѣ г-на Гейне, высказанное имъ во 2 экскурсѣ, въ 3 отдѣленіи къ 24 кн. Иліады, и еще на справедливѣйшее Нича въ его пролегоменахъ къ Платонову Іону (гл. 2, 1). Но какъ на семъ преимущественно Платоновомъ сочиненіи основываются всѣ ихъ сужденія, и какъ въ немъ представляется самъ рапсодъ, говорящій о своемъ искусствѣ, то я думаю, что сдѣлаю лучшую услугу читателю представивъ ему на лицо сего самаго рапсода. Пусть изъ словъ артиста, онъ составитъ себѣ, какое можетъ, понятіе о его искусствѣ. И такъ прошу выслушать:

РАЗГОВОРЪ (*)

СОКРАТА СЪ РАПСОДОМЪ ИОНОМЪ.

СОКРАТЬ. Здравствуй Ионъ. Откуда ты къ намъ прибылъ? не изъ дому ли — изъ Ефеса?

ИОНЪ. Никакъ нѣтъ Сократъ. Но изъ Епидавра, съ праздника Эскулапіева.

С. Не учредили ли Епидаврійцы состязанія рапсодовъ въ честь своего бога?

И. Да; и не только это; но и въ другихъ изящныхъ искусствахъ.

С. Такъ ты состязался? — Расскажи же намъ о своихъ успѣхахъ, и какъ ты подвизался.

И. Я получилъ первую награду, Сократъ.

С. Добрыя вѣсти. Теперь намъ съ тобой надо подумать о томъ, какъ бы одержать побѣду на праздникъ Панатейскомъ.

И. Не сомнѣваюсь и въ этомъ Сократъ, если будетъ угодно Богу.

С. Часто я завидую вамъ рапсодамъ въ отношеніи къ вашему искусству; и справедливо. Быть въ такой прекрасной одеждѣ, которая столько жъ служить къ украшенію, какъ и соотвѣтствуетъ искусству вашему; особенно же по необходимости бесѣдовать всегда какъ съ прочими поэтами, такъ преимущественно съ Гомеромъ, превосходнѣйшимъ изъ нихъ и божественнѣйшимъ, и изучить не только его стихи, но и самыя мысли — все это возбуждаетъ зависть, потому что нельзя быть рапсодомъ не понимая словъ поэта; рапсодъ для слушателей долженъ быть истолкователь его мыслей. А это хорошо выполнить не понимая того, что говоритъ поэтъ, невозможно. — Все это такого рода, что есть, чему позавидовать.

(*) Я перевелъ только тѣ мѣста изъ этого разговора, которыя нужны къ нашему дѣлу, все же прочее выпустилъ.

И. Правда твоя Сократъ; я много употребилъ труда на эту часть моего искусства, и увѣренъ, что всѣхъ лучше говорю о Гомерѣ, такъ что ни Митродоръ Лампакійскій, ни Стесимвротъ Тазійскій, ни Главконъ и никто изъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ толкователей Гомера, не могъ представить столько прекрасныхъ замѣчаній о Гомерѣ, какъ я....

Онъ жв. Скажи мнѣ Сократъ, отчего это происходитъ, что если кто нибудь говорить о другомъ какомъ нибудь поэтѣ, то я вовсе не обращаю вниманія, совершенно чувствую себя не въ силахъ сказать что нибудь хорошее, и какъ будто нахожусь въ усыпленіи; если жъ кто нибудь скажетъ хотя одно слово о Гомерѣ, я тотчасъ пробуждаюсь, напрягаю вниманіе, и слова мои льются.

С. Это не трудно понять любезный Іонъ. Всякому очевидно, что ты разсуждаешь о Гомерѣ не такъ, какъ знающій дѣло, или какъ человекъ ученый. Если бы ты былъ въ состояніи говорить о немъ, какъ ученый, то могъ бы говорить и обо всѣхъ поэтахъ. Допускаешь ли ты, что поэзія составляетъ одно цѣлое?

И. Допускаю.

С. Стало быть, если кто обниметъ какое нибудь искусство все вообще; то и обо всѣхъ искусствахъ способъ сужденія будетъ одинаковъ (*). А чтобы понять то, что я хочу сказать, угодно ли тебѣ меня выслушать?

И. Весьма охотно Сократъ. Я васъ мудрецовъ съ удовольствіемъ слушаю.

С. Желалъ бы я, чтобы это была правда. Но мнѣ кажется, что мудрецы — это вы рапсоды, актеры и еще тѣ, которыхъ стихотворенія вы *воспѣваете* (*ᾄδετε*); что касается до меня, то я говорю только правду, какъ свойственно человеку простому, необразованному....

Онъ жв. Теперь скажи (*εἰπε*) мнѣ искренно Іонъ, о чемъ я спрошу тебя. Когда ты хорошо читаешь (*εἰσθης*, го-

(*) Здѣсь Сократъ выразился недостаточно; потому и спѣшитъ объяснить мысль свою.

воришь) стихи, и наиболее удивляешь зрителей — когда напр. воспѣваешь (*ἄδης*) или Улисса порывающагося въ двери, открывающаго себя женихамъ Пенелопы и разсыпающаго у ногъ своихъ стрѣлы; или Ахиллеса устрѣмляющагося на Тектора; или что нибудь плачевное объ Андромахѣ, Гекубѣ или Пріамѣ; что тогда — бываешь ли ты въ своемъ умѣ, или внѣ себя, и вдохновенной душѣ твоей кажется, что она присутствуетъ при самыхъ тѣхъ событіяхъ, которыя совершаются въ Итакѣ, или подъ Троею и вообще во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ говорится въ твоихъ пѣсняхъ?

І. Какъ живо ты представилъ этотъ примѣръ, Сократъ! Скажу откровенно: когда я *произношу* (*λέγω* говорю) что нибудь плачевное, глаза мои наполняются слезами, когда же что нибудь страшное или изумительное, волосы мои становятся дыбомъ отъ страха и сердце бьется.

С. Что жъ мы должны сказать объ этомъ Іошѣ? Уже ли тотъ челоуѣкъ въ своемъ умѣ, который будучи украшенъ разноцвѣтною одеждою и золотыми вѣнками, среди жертвоприношеній и празднествъ, не лишаешь ни одного изъ своихъ украшеній, вдругъ заплачетъ; или будучи окруженъ болѣе нежели дватцатью тысячами людей, дружески къ нему расположенныхъ, покажетъ знаки страха, когда никто не отнимаетъ его украшеній и не обижаетъ его?

І. Да, по истинѣ, о такомъ челоуѣкѣ нельзя сказать, что онъ въ своемъ умѣ.

С. А знаешь ли ты, что и многихъ изъ зрителей вы приводите въ тоже расположеніе души?

І. О, я это очень хорошо знаю, потому что всякій разъ вижу ихъ съ своего возвышенія плачущихъ, и изображающихъ во взорахъ своихъ страхъ и изумленіе, когда они внимаютъ *словамъ* моимъ (*ταῖς λεγομένοις*). Впрочемъ и должно мнѣ тщательно замѣчать это. Потому что если я заставлю ихъ плакать, то самъ буду смѣяться получивши деньги; если жъ заставлю ихъ смѣяться, то самъ заплачу лишась денегъ.

(Далѣ Сократъ доказываетъ Іону, что какъ поэты получаютъ вдохновеніе отъ музъ, такъ рапсоды получаютъ его отъ любимыхъ ими поэтовъ, и потомъ продолжаетъ:)

С. Такъ Іонъ, и ты принадлежишь къ числу тѣхъ, которые одержимы (вдохновенны) Гомеромъ; поэтому—то если кто запоетъ (ᾄδῃ) что нибудь изъ другаго поэта, ты спишь и не находишь, что сказать; но если кто начнетъ что нибудь напѣвать (φθέγγεται μέλος) изъ этого поэта, ты тотчасъ пробуждаешься, душа твоя приходитъ въ безпокойство, и ты говоришь свободно, потому что не по наукѣ ты говоришь о Гомерѣ, но по божественному вдохновенію, такъ какъ приведенные въ изступленіе какимъ нибудь божествомъ живо слышатъ пѣснь (μέλος) только того божества, которымъ они одержимы, и на эту пѣснь готовы у нихъ и сообразныя тѣлодвиженія и слова; другимъ же пѣснямъ они не внимаютъ... Вотъ отвѣтъ на то, о чемъ ты меня спрашиваешь, отчего ты находишь слова, когда говоришь о Гомерѣ и не находишь ихъ, когда дѣло идетъ о другихъ поэтахъ; т. е. ты сдѣлался отличнымъ хвалителемъ (ἐπαινέτης) Гомера не по наукѣ, не по знаніямъ, а по небесному вдохновенію.

(Потомъ доказавши Іону, что онъ въ наукахъ и искусствахъ довольныхъ свѣдѣній не имѣетъ, Сократъ заключаетъ:)

С. Выбирай теперь Іонъ, что лучше, утверждать неправду, или остаться вдохновеннымъ.

І. Большая разница Сократъ. Гораздо лучше считаться вдохновеннымъ.

С. И мы готовы уступить тебѣ эту честь — честь быть вдохновеннымъ, но не ученымъ хвалителемъ Гомера.

Если читатель обратитъ вниманіе на рапсода, изображеннаго въ семь разговоръ, то несомнѣнно скорѣй увидитъ въ немъ чтеца, нежели пѣвца въ томъ смыслѣ, какъ мы принимаемъ эти слова нынѣ. Человѣкъ въ произносимыхъ имъ стихахъ выражающій всѣ разнообразныя страсти и входящій во всѣ положенія, въ которыхъ онъ поставленъ поэтомъ — такой человѣкъ можетъ быть только или самый искусный

пѣвецъ-музыкантъ, или хорошій чтець, декламирующий съ одушевленіемъ и страстію стихи поэта. Но перваго допустить нельзя, 1) потому что, какъ мы видѣли выше, такимъ музыкальнымъ образомъ можно пропѣть только нѣсколько стиховъ, а не цѣлую рапсодію; 2) извѣстно, что пѣвцы обыкновенно сопровождаютъ свое пѣніе звуками инструмента, какъ это мы видѣли въ Терандрѣ. Но о рапсодахъ намъ достовѣрно извѣстно, что не только они сами не сопровождали своего пѣнія лирою, но даже никогда и не имѣли при себѣ музыканта. Извѣстно также, какъ явствуетъ и изъ сего разговора, что у Грековъ особенныя были состязанія для музыкантовъ и рапсодовъ. И такъ, чтобы принять это за пѣніе, остается только допустить, что это пѣніе было самое простое, самое однообразное, въ которомъ каждый стихъ выражаемъ былъ однимъ и тѣмъ же напѣвомъ, какъ это намъ случалось слышать у бродящихъ нищихъ. Но 1) въ такомъ пѣніи нельзя выразить разнообразныхъ страстей и положеній, какъ мы это видимъ въ Ionѣ. 2) Такое монотонное пѣніе должно бы было утвердиться съ давнихъ временъ и переходить отъ одного поколѣнія къ другому; а этого у рапсодовъ вовсе не видно, и всякій изъ нихъ хвалится своимъ собственнымъ пѣніемъ. 3) Необходимое слѣдствіе всякаго однообразнаго и вѣременемъ утвержденного пѣнія есть то, что почти всегда не одинъ уже человекъ является поющимъ, а совокупляется ихъ нѣсколько, какъ это бываетъ у бродящихъ нищихъ, и такимъ образомъ является часто цѣлый хоръ, выполняющій свою музыку. Но у Грековъ рапсодъ вездѣ одинъ именно потому, почему и у насъ никогда не можетъ быть двухъ чтецовъ декламирующихъ одни и тѣ же стихи въ одно и то же время.

Взвѣсивъ всѣ сіи доказательства я думаю никто не будетъ сомнѣваться, что рапсоды были чтецы, декламирующие стихи Гомеровы, а отнюдь не пѣвцы въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово. Авторъ вездѣ говоритъ о рапсодахъ, какъ о пѣвцахъ. И ему должно было утвердить это мнѣніе потому, что не допуская писменъ, онъ видѣлъ въ

пѣніи не только важное, но едва ли не единственное средство къ затверживанію стиховъ, какъ это мы видимъ въ деревенскихъ ребятишкахъ, которые съ напѣвомъ затверживаютъ множество пѣсенъ, перенимая ихъ у отцевъ своихъ. Но это никакъ не можетъ быть доказано относительно поэмъ Гомеровыхъ. И такъ да не обманываетъ насъ слово *пѣть* (*ᾄδειν*), употребляемое у греческихъ поэтовъ. Обратите вниманіе на тѣ мѣста въ Платоновомъ разговорѣ, гдѣ говорится о произношеніи стиховъ, и которыя мы означали курсивомъ. Тамъ слова: *говорить*, *произносить* (*λέγειν*, *ἔπειν*) и *пѣть* (*ᾄδειν*) употребляются одно вмѣсто другаго. Самъ Гомеръ въ одной поэмѣ проситъ музу, чтобы она пѣла, въ другой чтобы она повѣствовала, или говорила. Которое жъ слово въ собственномъ и которое въ переносномъ смыслѣ? — Напѣвъ и ритмосъ въ такой тѣсной связи между собою, что первый не можетъ быть безъ втораго. Первый есть матеріальная сторона музыки, второй, духовная. Если вамъ извѣстенъ ритмосъ вальса, польскаго и проч. то имѣя эту духовную сторону музыки, вы легко найдете и матеріальную; ибо звуки сами по себѣ до безконечности разнообразны. Однимъ словомъ: въ ритмосѣ уже содержится музыка. И такъ понимали это Греки. Всякій стихъ какъ произведеніе извѣстнаго ритмоса, былъ уже для нихъ произведеніе музы, музыка, и всякое изустное произношеніе такого стиха сообразно его ритмосу называлось уже пѣніемъ. И потому вовсе неосновательно подтруниваетъ авторъ съ такой желчью надъ новѣйшими поэтами. Всякій стихъ имѣетъ ритмосъ, даже силлабическая версификація не лишена его. И прекрасная декламація хорошаго актера есть уже нѣкоторымъ образомъ пѣніе. И такъ и новѣйшіе поэты могутъ говорить, что они поютъ, такъ же могутъ дѣлать воззваніе къ музѣ, какъ и Гомеръ, который сочиняя стихи свои, вѣроятно столько жъ думалъ о пѣніи сколько и самая его муза (*). Впрочемъ это не касается тѣхъ

(*) Самъ авторъ прекрасно выразился въ 12 § о сихъ иносказаніяхъ. Прицац Вуда, что онъ уже слишкомъ буквально понималъ Гомера, онъ говоритъ: «Въ доказательствахъ Вуда много невѣрнаго, много пристрастнаго; онъ го-

стихотвореній, которыя именно назначались для пѣнія, какъ вы гимны, оды и проч. Обратимся къ рапсодамъ.

Мы уже видѣли, что это были страстные и вдохновенныя чтецы, или говоря по гречески, пѣвцы Гомеровыхъ твореній. Но это еще не все. Изъ Платонова Юна читатель замѣтилъ, что они не только читали стихи Гомеры, но и объясняли его и превозносили похвалами, и это дѣлали съ такимъ же энтузіазмомъ. Изъ этого мнѣ кажется, можно заключать, что едвали они читали полныя рапсодій, или если читали, то отнюдь не пространнѣе тѣхъ, которыя показываютъ намъ самыя надписи, сохранившіеся на теперешнихъ рапсодіяхъ. А такихъ рапсодій, судя по надписямъ, можно до сорока насчитать въ Иліадѣ: припомнимъ, что если авторъ включаетъ 4 или 5 теперешнихъ рапсодій въ одинъ рассказъ у Алкиноя, то это дѣлаетъ онъ совершенно произвольно, или можетъ быть основываясь на словахъ Платона (*De Rep.* X. 614, B.). Но въ этомъ рассказѣ, судя по надписямъ, заключается до девяти подраздѣленій. По крайней мѣрѣ совершенно съ цѣлію тронуть сердца слушателей, рапсоды должны были избирать мѣста наиболее любопытныя, наиболее патетическія, разумѣется, сообразуясь съ обстоятельствами, расположеніемъ и образованностію слушателей. Какъ бы то ни было, но отсюда только мы можемъ понять, какимъ образомъ рапсоды могли сдѣлаться толкователями и хвалителями

ворять, что самыя философскія сочиненія писанныхъ, было у Грековъ мало до самаго Сократа; что въ самомъ Гомерѣ прославляется память какъ единственная хранительница дѣяній; что она же считается матерью музъ, а самыя музы называются пѣвицами; какъ будто можно было стихотворцу передѣлывать басни однажды принятыя и утвержденыя, и какъ будто кто нибудь изъ тѣхъ поэтовъ, которые въ послѣдствіи употребляли папиръ и трость, могъ ввести въ стихи свои на мѣсто Мнемозины новую богиню — изобрѣтательницу папира. Подобныя басни остаются, хотя дѣйствія и нравы перемѣняются; такъ какъ въ языкахъ слова остаются, но самыя значенія измѣняются сообразно времени и образу дѣяствій. Какъ прекрасно все это сказано, и какъ было бы кстати приложить это къ вышесказаннымъ Гомеровымъ знакамъ! Очень жаль, что такое прекрасное сужденіе авторъ отнесъ къ однимъ мѣстамъ и не обратилъ вниманія на то, что какое мѣсто въ дѣйствіяхъ и явленіяхъ занимаютъ именъ и символы, то же мѣсто занимаютъ въ выраженіи слова иносказательныя.

Гомера. При чтеніи каждаго изъ этихъ мѣстъ, необходимо должно было сдѣлать введеніе и показать въ какой оно связи или содержаніи съ цѣлою поэмой, и что въ немъ особенно замѣчательнаго, говоря языкомъ толкователей, въ историческомъ, экзегетическомъ и эстетическомъ отношеніи. И вотъ какимъ образомъ рапсоды въ тоже время были чтецами, толкователями и хвалителями Гомера. И на этъ то прекрасныя вещи претендуеъ добрый Юнъ въ Платоновомъ разговорѣ.

Чтожъ теперь думать намъ о Гомеровыхъ Феміи и Демодокѣ, этихъ пѣвцахъ на пиру царей и вельможей сопровождающихъ свое пѣніе лирами? — Авторъ указываетъ намъ на нихъ, какъ на представителей древнихъ поэтовъ. Но неужели въ самомъ дѣлѣ такіе пѣвцы существовали? Авторъ этому вѣритъ. Если это подлинно было такъ, то я думаю, особенно хороша была ихъ музыка? — Уже ли въ Гомерѣ нѣтъ ничего идеальнаго? — Послѣ этого должно вѣрить и тому, что и Ахиллъ прекрасно игралъ на лирѣ, и воспѣвалъ на досугъ дѣянія древнихъ героевъ; должно повѣрить и тому, что онъ своимъ громовымъ голосомъ, издали приводалъ въ бѣшенство лошадей и въ ужасъ воиновъ Троянскихъ. — И есть еще ученые, которые представляютъ намъ картину героическихъ временъ по Гомеровымъ поэмамъ! Что касается до насъ, то мы никакъ не позволимъ себѣ впасть въ такое ученое суевѣріе, чтобы миѣи и символы принимать за дѣйствительныя вещи. Мы убеждены, что Гомеръ какъ въ изобрѣтеніи, такъ и въ выраженіи есть поэтъ въ высокой степени идеальный. — Надо же было, чтобы трапеца царская была обставлена всѣмъ, что только служить къ насыщенію тѣла и увеселенію души. Является поэтъ-рапсодъ. Можно было его и выдумать, особенно если это было нужно къ намѣренію поэта. Впрочемъ незнаю, можетъ быть въ тѣ времена такіа пиршества безъ такихъ лицъ и понадобились. Онъ читаетъ новое свое произведеніе, разумѣется объ Улиссѣ, о Троѣ, такъ же сообразно съ намѣреніемъ Гомера; восхищается всѣхъ своими стихами. На языкѣ поэтическомъ — это пѣвецъ, сопровождающій свое пѣніе ли-

рою. Отнимите у него музу, — вы уничтожите мнѣ, символъ вдохновенія; отнимите лиру, вы отнимите символъ поэзіи; уничтожьте названіе пѣснопѣвца, вы уничтожите языкъ иносказательный, языкъ пѣитической, и всѣ таковыя мнѣ, символы и иносказанія изобрѣтены были до Гомера. И если не принимать ихъ въ такомъ смыслѣ, то я не понимаю, почему бы не разумѣть буквально и слова Гезіода, который увѣряетъ, что самыя музы научили его пѣснопѣвнью? ("Ерр. 660).

Въ примѣръ того, какъ можно заучивать стихотворенія изустно, авторъ приводитъ намъ Друидовъ, основываясь на словахъ Цезаря и Мелы, который списывалъ Цезаря; удивительно. Когда этотъ же Цезарь говоритъ утвердительно, что Галлы поклоняются Юпитеру, Минервѣ, Марсу, Аполлону и Меркурію, то ни одинъ ученый ему не вѣритъ и доискивается, какія подъ сими именами разумѣть божества, которыми Галлы поклонялись? когда же повѣствуетъ объ ученіи Друидовъ по слуху (*), то охотно ему вѣрятъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Цезарь не только не говорилъ самъ съ Друидами, но едвали ихъ и видѣлъ, а слышалъ о нихъ только отъ ихъ соотчичей, которые, разумѣется, наговорили ему о своихъ духовныхъ лицахъ множество чудесностей. Припомните, что они въ стихахъ своихъ преподавали ученіе о богахъ, о природѣ, о пространствѣ земли и цѣлаго міра, даже о движеніи свѣтилъ небесныхъ; какія прекрасныя сказки! но допустимъ, что все это правда. Допустимъ, что во время ученія, дисциплина была столь строга, что ни одинъ ученикъ, хотя украдкою отъ учителя, не смѣлъ въ пособіе своей памяти употребить ни одной буквы. (А забудьте, что по словамъ Цезаря, Галлы знали писмена, и употребляли ихъ, только въ другихъ случаяхъ!) Допустимъ, повторяю, что все это правда. Но при этомъ не должно терять изъ виду, что по словамъ того же Цезаря, Друиды составляли особенную корпорацію, имѣющую свое особенное ученіе и свои школы, въ которыя родители

(*) B. G. VI. 14. Magnam ibi numerum versuum ediscere dicuntur cet.

съ юныхъ лѣтъ посылали дѣтей своихъ, и гдѣ на образованіе и ученіе ихъ посвящалось даже двадцатилѣтнее время. Мы уже видѣли, какое важное мѣсто въ доказательствахъ автора занимаетъ сторона отрицательная. Наприм. утверждал, что въ Гомерово время не было писменъ, онъ повторяетъ безъ умолку: Гдѣ жъ упоминается о книгахъ? гдѣ говорится о письмѣ? Спросимъ же его и мы въ свою очередь: Гдѣ жъ упоминается о школахъ рапсодовъ, въ которыхъ бы они съ юныхъ лѣтъ получали образованіе? существовали ли въ какое бы то ни было время — древнее, среднее, новѣйшее — такія заведенія? — Нигдѣ, никогда. Послѣ этого остается одно заключеніе, что рапсоды образовались какъ и въ наше время — актеры. Кто чувствовалъ себя способнымъ и имѣлъ охоту къ этому званію, тотъ и дѣлался рапсодомъ изучая посредствомъ рукописей Гомеровы пѣсни, какъ это было и во время Сократа. Что касается до соотечественниковъ Осціана, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, если они съ малыхъ лѣтъ затверживаютъ по голосу, или напѣву множество пѣсенъ. Развѣ мы не видимъ того же въ деревенскихъ пѣсенникахъ (*)?

Наконецъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, что Гомеровы поэмы заучивались изустно, авторъ приводитъ намъ нѣкоторыя слова, сюда, по его мнѣнію относящіяся: *διδάσκειν*, *μαθήσασθαι* и проч. Вотъ подлинно необыкновенное доказательство; это точь въ точь отвѣчаетъ Латинской фразѣ: *verba dare*. Можно ли было ожидать такого ничтожнаго примѣра

(*) Это дѣло впрочемъ остается на совѣсти повѣствователя. Но опытъ увѣряетъ, что самыя народныя пѣсни безъ письма не могутъ сохраниться. Знаемъ ли мы теперь, какія пѣвались въ народѣ пѣсни во времена Владиміра, даже Іоанна III. И такъ, что бы Гомеровы поэмы могли быть сохраняемы безъ пособія писменъ, необходимо, что бы очень долго и постоянно существовала такая школа, въ которой бы учились пѣть ихъ на память. И если по мнѣнію автора, Пизистратъ первый написалъ Гомеровы поэмы, то необходимо, что бы такая школа существовала до самаго его времени. А это не могло быть безъ того, что бы какой нибудь авторъ хотя изъ тѣхъ грамматиковъ, которые сохранили намъ преданіе о Пизистратѣ, вонсе не упомянулъ о такомъ важномъ обстоятельстве въ исторіи Греческой литературы.

отъ столь славнаго критика? Неужели общее слово учить (*διδάσκειν*) значитъ только: учить безграмотнаго на память читать стихи? когда вошла въ употребленіе фраза *διδάσκειν δράματα*? — Во время образованія Греческаго театра, а въ это время письмо было уже во всеобщемъ употребленіи. И такъ актеры въ это время не были безграмотны. И какому автору достало бы довольно терпѣнія учить безграмотныхъ? отчего авторъ не испыталъ этого самъ прежде чѣмъ увѣрять насъ? Стоило бы только взять какую нибудь театральную піесу, созвать безграмотныхъ крестьянъ и сдѣлать опытъ. Наконецъ кому не извѣстно, какимъ образомъ произошла эта фраза? Извѣстно, что всякій драматическій поэтъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ для представленія своей піэсы на театръ, или для составленія хора собиралъ свою труппу. Понятно, что собравши такимъ образомъ извѣстныхъ ему артистовъ, онъ долженъ былъ объяснить имъ, чего отъ cadaго требуетъ въ исполненіи его роли, какое мѣсто требуетъ наибольшаго эффекта въ произношеніи, какое гдѣ прилично тѣлодвиженіе, особенно, я думаю, долженъ былъ онъ обращать вниманіе на хоры, гдѣ должно было разнообразныя метры подводить подъ музыку. Если этого не бываетъ въ наше время, то отъ того, что артисты составляютъ у насъ классъ вовсе независимый отъ автора піэсы; но у древнихъ, актеръ въ точности долженъ былъ выполнять то, чего хотѣлъ поэтъ. Само собой понятно, что не всегда же самъ поэтъ непременно исполнялъ эту должность. Онъ могъ возложить эту обязанность и на другаго. И въ этомъ смыслѣ распорядитель піэсы, кто бы онъ ни былъ, назывался *учителемъ* (*διδάσκαλος*), отсюда и выраженіе: учить, какъ играть піесу *διδάσκειν δράμα*), равнозначущее употребительному у насъ: ставить піесу на театръ. Тоже должно разумѣть и о хорагахъ, или собирателяхъ хоровъ для какихъ нибудь празднествъ, отчего и названія: *хоро-дидураμνο-дιδάσκαλοι*. Но о раисодахъ мы ничего не читаемъ подобнаго. Никогда не составляли они труппы, или общества; учились случайно слушая другъ друга, какъ и наши актеры, потому то и не-

встрѣчаемъ мы нигдѣ имени учителя *ραψοδοῦς* (*ραψοδοῦς δάσχαλος*). О Гомерѣ нечего и говорить; у него и помину нѣтъ объ учителяхъ пѣснопѣвцевъ, если только не причислить сюда музу, единственную ихъ наставницу (*).

§§ 26—32. Въ этихъ §§ столько сказано необыкновеннаго, столько противнаго общему смыслу, столько унижительнонаго для Гомера и самаго искусства, столько противнаго всемъ прежде принятымъ мнѣніямъ, что невольно придешь въ изумленіе. Впервыхъ авторъ утверждаетъ, что для сочиненія небольшой поэмы, наприм. такой, которая обнимаетъ даже 4 или 5 нынѣшнихъ рапсодій, довольно было одного пособия памяти. а для сочиненія большой, потребно было уже пособіе письма. Не понимаю, почему тотъ, кто можетъ сочинить четыре тысячи стиховъ на память, не можетъ сочинить и еще четыре тысячи и такъ далѣе хотя до 25 тысячъ. Если же столько нельзя сочинить безъ пера, то не сочинишь безъ него и двухъ тысячъ. Если же мысль автора та, что въ такомъ великомъ твореніи необходима художественная связь частей, которой безъ пособия письма устроить невозможно, то опять непонимаю, почему можно удержать въ памяти безъ пособия пера, дѣйствія, мысли и картины и нельзя сдѣлать того же касательно самаго плана и распредѣленія частей поэмы. Наконецъ утверждаетъ, что Гомеру нельзя было писать великой поэмы еще и потому, что ея нельзя прочесть въ одно засѣданіе. Новая нелѣпица! но что мѣшало пригласивъ сегодня Демодока для прочтенія одной рапсодіи, пригласить его на другой вечеръ для прочтенія другой и такъ далѣе до окончанія всѣхъ рапсодій. Неужели Гомеръ не могъ этого сдѣлать хотя для друзей своихъ; ибо вѣроятно были же въ его время люди, которые плѣнялись его поэмами. Даже въ собраніяхъ народа могли быть читаны въ такомъ распредѣленіи части поэмы. Стоитъ ли все это какого нибудь опроверженія? Тогда бы можно было насъ увѣрить,

(*) Фемій говоритъ Улиссу (Од. 31 347). Ἄνταδιδάχτος δ' εἰμι θεός τε δέ μοι ἐν φρεσὶν ἄμας Πάριτος ἄς ἐνεφύσεν.

что Гомеръ писалъ небольшія поэмы, когда бы каждая изъ нихъ составляла особое цѣлое. И неужели Геркулесы, Тезеи, Язоны, Веллерофонты и другіе герои, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ поэмахъ не могли доставить ему для сего достаточной матеріи? — Но когда въ Иліадѣ (не говорю объ Одиссеѣ, въ которой планъ такъ простъ, что единство поэмы очевидно само собою) — когда въ Иліадѣ я вижу во всѣхъ рапсодіяхъ ту же сцену дѣйствія, тѣ же дѣйствующія лица, ту же цѣль ихъ дѣйствія, не говорю о единствѣ характеровъ, о натуральной послѣдовательности событій, то кто меня уверитъ, что составитель этихъ частей столь былъ простомысль, что вовсе недумалъ составить изъ нихъ одно цѣлое, когда онъ сами собою уже принадлежали къ одному цѣлому? Что бы употребить примѣръ изъ Цицерона, это все то же, что нѣсколько буквъ безъ намѣренія разсыпанвыхъ на землѣ, вдругъ сами собою составляютъ цѣлое предложеніе. Это чудо! — но не то же ли самое чудо мы дѣлаемъ изъ поэмъ Гомеровыхъ? Такъ судьба всегда наказываетъ скептиковъ! Выдавая намъ общепринятое мнѣніе за несбыточное, они въ замѣнъ предлагаютъ намъ такое, котораго несбыточность превосходитъ всякое вѣроятіе. Очевидно, что всѣ эти предположенія, истекаютъ изъ того мнѣнія, что Гомеру письмо было неизвѣстно. Какъ будто авторъ доказалъ это несомнѣнно; и какъ будто надѣливъ такую огромную память поэтовъ, не самъ же онъ чрезъ это допустилъ возможность составленія поэмъ великихъ. Оставалось посягнуть на то единство, которое столь удивительно въ Иліадѣ, и которое указано самымъ предложеніемъ сего чудеснаго произведенія.

Нельзя составить себѣ унизительнѣе понятія, нежели какое представляетъ намъ авторъ о Гомеровою Иліадѣ. По его мнѣнію никакого труда не стоило написать ее. Такъ какъ всѣ эти мифы о войнѣ Троянской ходили въ народѣ, то стоило только собрать ихъ, переложить въ гекзаметры — и вотъ вамъ цѣлая поэма, трудъ доступный всякому поэту. Но мы спросили бы его: какъ онъ теперь узналъ, что въ Гомеровыхъ поэмахъ принадлежитъ ему собственно, и что

народнымъ сказаніямъ? и въ какую форму отлиты у него, какъ, и гдѣ помѣщены эти самыя сказанія? Не можемъ ли мы указать мѣста великихъ писателей, изъ которыхъ видно, что и въ этомъ отношеніи они смотрѣли на него, какъ на творца мифовъ и какъ на оракула языческой теологіи (*)? Но допустимъ, что Гомеръ воспользовался этими мифами и преданіями. Не всякій ли эпическій поэтъ дѣлаетъ, или долженъ дѣлать тоже? Не въ томъ дѣло откуда заимствованъ матеріалъ для зданія, а въ томъ, какъ художникъ воспользовался имъ для сооруженія зданія. Приведемъ примѣръ изъ исторіи новѣйшей литературы. Не всѣ ли трагедіи Шекспира основаны или на историческихъ извѣстіяхъ, или на сказаніяхъ народныхъ? Не вся ли трагедія Цезарь заимствована изъ Плутарха? — и однако жъ одинъ изъ славнѣйшихъ стихотворцевъ новѣйшаго времени, одаренный самъ блестящими и разнообразными способностями — Вольтеръ удивлялся красотамя ея (**). И такъ можно быть творцемъ, заимствуя матеріалъ и изъ чуждыхъ сказаній. Но обратимся къ единству дѣйствія въ *Иліадѣ*, котораго никакъ не допускаетъ авторъ. Намъ извинять здѣсь, если мы, не посвященные въ таинства философіи, не примемъ на себя труда опредѣлить это метафизическое, понятіе. Искренно признаемся, что этотъ трудъ намъ не по силамъ. Благодаримъ Творца природы за то, что это неопредѣлимое понятіе столь однако жъ присуще уму человѣческому, что всякій простолюдинъ, одаренный общимъ смысломъ, слушая самый простой разсказъ, всегда выразитъ неудовольствіе, если замѣтитъ въ цѣломъ отсутствіе единства. И такъ будемъ судить посредствомъ сравненій, оставя въ сторону всѣ отвлеченныя понятія.

Возьмемъ такой примѣръ: мы имѣли отечественную войну въ 1812 г. съ однимъ изъ великановъ новѣйшей исторіи, сколько важную для нашего политическаго благосостоянія, столько и для нашей военной славы. Подвижники наши,

(*) См. Гейне къ *Эліадѣ*. Экскурсъ III къ 23 кн., стр. 566, 67.

(**) См. его предисловіе къ *Бруту*.

чувствуя свое высокое призваніе, старались отличить себя другъ предъ другомъ въ битвахъ за спасеніе и славу отечества. Многіе пали на полъ чести, многіе сохранены судьбою для дальнѣйшихъ подвиговъ, но все отличились доблестью и въ минуту испытаній покрыли себя славою. Наконецъ настаетъ для нихъ счастливая минута. Ослѣпленный гордостью завоеватель уступаетъ наконецъ силъ духа, терпѣнію и упорному мужеству народа Русскаго и доблестямъ героевъ. Онъ бѣжитъ съ позоромъ изъ предѣловъ Россіи. Потеря войска и возбужденный имъ духъ мести въ тѣхъ, которые оскорблены имъ прежде, предсказываютъ его скорое паденіе. Вотъ моментъ вдохновенія поэтическаго для Русскаго поэта. Онъ беретъ лиру, воспѣваетъ хвалу Царю, отчизнѣ, древнихъ лѣтъ героямъ, новымъ подвижникамъ, живымъ, падшимъ. Даетъ каждому свой характеръ, свою сцену дѣйствія, заимствуетъ краски отъ обстоятельствъ, общаго мнѣнія и молвы, которыя заступаютъ здѣсь мѣсто народныхъ преданій. Кто можетъ не признать единства въ этомъ стихотвореніи? на чемъ оно основано, читатель увидитъ легко (*). Теперь если принять каждое изъ тѣхъ отдѣльныхъ строфъ, которыя мы читаемъ въ Пѣвцѣ Жуковскаго, какъ будто за маленькую, отдѣльную рапсодію, то изъ всего стихотворенія выдетъ маленькая Илиада. Тоже самое имѣлъ въ виду и Гомеръ въ своей великой поэмѣ. Подвиги славныхъ Греческихъ героевъ подъ стѣнами Трои составляютъ предметъ ея. Но съ какимъ искусствомъ Гомеръ выбралъ моментъ для своей поэмѣ!

Извѣстно, что никогда истинное мужество и сила мудрыхъ совѣтовъ не является во всемъ своемъ блескѣ, какъ въ минуту несчастій, въ минуту испытаній. И это несчастіе постигло Грековъ, когда славнѣйшій изъ вождей ихъ, тотъ, кому суды назначили быть главнымъ мстителемъ за безчестіе нанесенное всей Греціи, оставилъ ихъ, обиженный главнымъ предводителемъ. Надменный своею властію, и полагаясь на храбрость вождей

(*) Мы думаемъ, на погребеніи врага, такъ что еслибы поэтъ хотѣлъ превратить свою лирическую пѣсню въ Эпосу, то далъ бы ей слѣдующее предложеніе: Воспой о музѣ гибель Наполеона и славу Россійскихъ героевъ.

и многочисленность войска, Агамемнонъ думалъ обойтись безъ него. Повидимому все обещало ему успѣхи. И вотъ всѣ Греческіе герои, всѣ мудрые совѣтники выступаютъ на сцену, каждый въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Если бы на сценѣ дѣйствія оставался Ахиллесъ, то ихъ подвиги при немъ не были бы столь замѣчательны и потерялись бы въ его подвигахъ, какъ свѣтъ луны и звѣздъ терлется въ лучахъ солнца. Уже выборъ этого момента для поэмы показываетъ автора одареннаго гениемъ. Какъ поступилъ бы циклическій поэтъ, еслибы эти же подвиги выбралъ за предметъ своей поэмы? Онъ бы представилъ подвиги Улисса, Діомеда, Нестора и проч. каждаго особенно, описалъ бы разныя сраженія и проч. но что жъ бы изъ этого вышло? небольшія отдѣльныя поэмы, а не одна поэма заключающая въ себя одно цѣлое. Положимъ, что онъ заключилъ бы единство поэмы въ главной цѣли дѣйствія — разрушеніи Трои; но тогда необходимо должно бы было рассказывать всю исторію этой десятилѣтней войны съ самаго начала. Но это-то и было предметомъ поэзіи циклической, которую мы соответственнѣе съ нашими понятіями, назовемъ историческою. И изъ такой исторіи Гомеръ сдѣлалъ бы двадцать поэмъ, каждую не менѣе Иліады. Но это превосходитъ человѣческія силы. Допустимъ за предметъ поэмы самое взятіе и разрушеніе Трои. Но тогда Гомеръ долженъ бы былъ поступить, какъ Виргилій; выбрать предшествовавшія этому дѣйствія, притворное удаленіе, коня и проч. но въ этой поэмѣ подвиги героевъ не были бы уже показаны во всемъ своемъ блескѣ, и слава ихъ не была бы предметомъ поэмы. Великое войско предводимое храбрыми вождами, въ располхъ захватываетъ городъ, зажигаетъ, разрушаетъ его — здѣсь видно мужество толпы, а не мужество предводителей. Эта картина годилась только для эпизода, а отнюдь не для цѣлой поэмы; и если бы кто подобно автору, (см. его предислов. къ изд. Гомера 1795) желалъ видѣть въ Иліадѣ описаніе разрушенія Трои, тотъ былъ бы похожъ на такого судью искусства, который бы въ картинѣ Брюлова считалъ за главный предметъ картины пожаръ Везу-

вія, а не ть чудесныя группы, въ которыхъ съ такой славою проявился талантъ художника. Предметъ искусства, есть человекъ. И его то изобразилъ Гомеръ безсмертною своею кистию въ тьхъ разнообразныхъ положеніяхъ и такими красками, которыя только могутъ возбудить въ насъ сильнѣйшее участіе къ судьбѣ человечества. Но посмотрите что послѣдовало за выборомъ этого момента, т. е. гнѣва Ахиллесова.

Обиженный сынъ богини умоляетъ ее, чтобы она склонила Юпитера отмстить его обиду. Юпитеръ внемлетъ ея прошенію. Онъ самъ хочетъ мстить за оскорбленнаго героя. И вотъ новый міръ открывается воображенію поэта. Весь Олимпъ приходитъ въ движеніе. Боги и богини раздѣляются на обѣ стороны. Враждуютъ между собою. Съ этимъ рычагомъ вся судьба предстоящихъ дѣйствій въ рукахъ поэта. Нужно ли немедленно заставить Агамемнона начать битву!— Юпитеръ посылаетъ ему обманчивый сонъ, который обнадѣживаетъ его побѣдою. Надобно ли продлить войну, которая готова прекратиться по причинѣ сдѣланнаго договора? Минерва внушаетъ Пандару мысль пустить злую стрѣлу въ Менелая и проч. Правда, можетъ быть Гомеръ уже слишкомъ часто, можетъ быть иногда даже неумѣстно (по нашимъ понятіямъ) употребляетъ чудесное. Но герои его не менѣе однако жъ являютъ во всемъ своемъ блескѣ. Они употребляютъ необыкновенныя усилія совѣта и воли, являютъ во всемъ своемъ величій и славу въ борьбѣ съ окружающими ихъ препонами, и наконецъ изнемогаютъ предъ волею громовержца. Они должны наконецъ прибѣгнуть къ помощи обиженнаго героя и молить его о содѣйствіи. Пусть читатель слѣдуетъ за порядкомъ дѣлъ и дальнѣйшимъ развитіемъ главной мысли поэта, которая вся состоитъ въ прославленіи героевъ Греческихъ подѣ Троєю; онъ увидитъ, что ни избрать для сего момента, ни связать событій, ни привести ихъ къ концу ожидаемому искусству, нежели какъ это сдѣлалъ Гомеръ, невозможно. Онъ увидитъ, что всѣ эти дѣйствія міра небснаго и земнаго заключаются въ одной побудительной причинѣ — въ гнѣвѣ Ахиллеса. И вотъ на чемъ

основывается все единство поэмы. Мало ли было подвиговъ и сраженій во время десятилетней осады? Сколько подвиговъ совершилъ до сего времени самъ Ахиллесъ! принявъ все это въ соображеніе, пусть всякій разсудитъ самъ, составлялъ ли Гомеръ отдѣльныя поэмы, или обнималъ духомъ своимъ одно великое цѣлое, которому столько удивлялся глубокомысленнѣйшій изслѣдователь искусства — Аристотель.

Путаясь во всѣхъ возможныхъ придирахъ и мелочахъ грамматическихъ, авторъ находитъ, что если принять гнѣвъ Ахиллеса за главное, то послѣднія 6 рапсодій излишни, потому что со смертію Патрокла, гнѣвъ Ахиллеса прекращается, и что принявъ ихъ въ поэму слѣдуетъ переменить предложеніе, и принять наприм. хоть такое, какое онъ предлагаетъ, а именно:

Κῦδος ἄειδε θεὰ Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος,
 "ὄσδ' εἰὼς βασιλῆϊ κοτεσσάμενος ἐνὶ νηυσὶ
 Κεῖτο, Ἀχαιοὶ δὲν τε καὶ αὐτῷ ἄλγ' ἔδωκεν,
 Αὐτὰρ ὄλοσάμενος Τρῶσιν καὶ Ἑκτορι δῖω.

т.-е. «Воспой о муза славу Ахиллеса, сына Пелеева, который, пока въ гнѣвъ на царя сидѣлъ на корабляхъ, причинилъ пагубу ему и Грекамъ; но когда возсталъ, то былъ причиною гибели Троянъ и славнаго Гектора.» Не знаемъ, что сказать объ этой пародіи. Насмѣшка ли это вообще надъ эпическими поэтами, или *нѣмецкая аккуратность*. Знаемъ только, что въ обоихъ случаяхъ она скорѣй способна возбудить жалость къ автору, который такъ некстати вздумалъ поправлять Гомера, и учить Аристотеля. Желательно было-бы угадать, какъ бы поступилъ съ нимъ за такую поправку Алкивиадъ. Но спросимъ его оставя шутки: Еслибы отдѣлить сн 6 рапсодій, кто-бы тогда могъ понять, сколь былъ великъ Ахиллесъ, и что значило удаленіе такого героя со сцены битвы? Авторъ думаетъ такъ, приводя въ примѣръ *Виргилія*, который оканчиваетъ свою поэму смертію Турна. (*) Но я увѣренъ, что сравнивая объ поэмы безъ всякихъ ученыхъ предразсудковъ, всякій скорѣй будетъ со-

(*) См. его предисловіе къ изд. Гомера, 1795 г.

гласень сказать, что *Виргилій* не кончилъ своей поэмы, нежели найдеть излишекъ въ *Гомеровою*, которая только со смертию *Гектора*, получаетъ удовлетворительное окончаніе (*). Но авторъ, не желая допустить этого художественнаго единства, обращается къ новому софизму, а именно, онъ утверждаетъ, что Гомеру въ *Иліадѣ* и ненужно было никакое искусство, ненужно было и помышлять ни о какомъ единствѣ «ибо вся эта поэма, точь въ точь, въ такомъ же порядкѣ и связи, съ тѣми же мѣстами и подробностями, давно уже ходила въ народѣ, такъ что какой бы разскащикъ, пусть ихъ будетъ хоть четверо — какой бы разскащикъ ни принялся за это дѣло, вышлабы точно такая же поэма.» Если читатель вникнетъ хорошо въ смыслъ этихъ словъ, то онъ увидитъ, что въ нихъ содержится именно слѣдующая мысль, которую мы выразимъ такъ отъ лица автора: «Милостивые государи! многое говорилъ я въ опроверженіе единства въ *Иліадѣ*, много потратилъ доказательствъ, что Гомеръ не писалъ столь великихъ поэмъ, а писалъ только небольшія и не имѣющія связи между собою; но какъ есть еще упорные старовѣры, которые не хотятъ вѣрить словамъ моимъ, то я уже вынужденнымъ нахожусь сказать, что эта поэма въ этомъ видѣ, въ этой связи и полнотѣ, существовала еще до него и ходила въ народѣ.» Мысль автора именно эта. Другаго смысла изъ словъ его нельзя и вывести. Но чтобы мы возразили на это, еслибы ктонибудь другой, а не *Вольфъ*, предложилъ это мнѣніе? — Жалкій софистъ! — сказали бы мы ему — отвѣчай же намъ теперь, какаѣ нужда была Гомеру сочинять маленькія отдѣльныя поэмы, когда въ народѣ готова уже была для него цѣлая, великая поэма? Не самая ли необходимость заставляла его сочинить или разсказать эту большую поэму? или ты забылъ, что дѣлая невольню Гомера сочи-

(*) Гейне справедливо почитаетъ за необходимую и послѣднюю книгу *Иліады*, въ которой описывается выкупъ и погребеніе *Гекторова* тѣла уже и потому, что для славы *Ахиллеса* необходимо требовалось, что бы жестокій его поступокъ съ тѣломъ *Гектора* былъ смягченъ какимънибудь съ его стороны подвигомъ великодушнаго. (Exc. I ad *Iliad.* XXIV).

нителемъ этой поэмы, говоришь противъ себя самаго? — скажи же наконецъ намъ, что, по твоему, Гомеръ сдѣлалъ? изъ этой одной великой поэмы, только нѣсколько отдѣльныхъ маленькихъ? — Признайся же наконецъ, что все твои софизмы ничего не доказываютъ, и дробятся о безсмертныя поэмы Гомера, какъ волны о скалу, утвержденную вѣками. — Наконецъ авторъ допускаетъ искусство связи въ Одиссею. Только отказываетъ въ немъ Гомеру. Удивительно. Если это искусство есть даръ природы, а не искусство въ собственномъ смыслѣ, если этотъ всеобъемлющій взглядъ есть исключительная принадлежность гения, то какъ отказывать въ этомъ Гомеру? Разумѣется авторъ повторитъ намъ свою любимую пѣсню: если допустить такую связную поэму, то должно будетъ ее выслушать до конца; ктожь могъ выслушать такую великую поэму? — На этотъ вопросъ мы уже отвѣчали выше, т.-е. чего нельзя выслушать въ одно засѣданіе, то можно выслушать въ пять, въ десять засѣданій. Определенное время для слушанія ни сколько не препятствуетъ сочиненію большой поэмы, нусть хотя эта поэма поется, а не читается.

Теперь допустивъ существованіе двухъ великихъ поэмъ, кому покажется необыкновеннымъ и не естественнымъ, что рапсоды списываютъ изъ нихъ прекраснѣйшія мѣста, заучиваютъ ихъ и съ восторгомъ декламируютъ, или на пирахъ вельможей, или въ собраніи любопытствующей толпы, собранной или досужимъ временемъ, или какимъ нибудь праздникомъ? Развѣ не могли изъ великихъ поэмъ быть читаемы такимъ образомъ отдѣльныя мѣста подъ названіемъ рапсодій? и развѣ не съ одинакимъ удовольствіемъ и любопытствомъ слушали ихъ какъ въ древнѣйшее время, такъ и во время Сократа, когда несомненно Гомеровы поэмы, уже были во всей полнотѣ своей, и когда списки ихъ находились повсемѣстно? Отчего авторъ хочетъ непременно, чтобы эти части были особенныя поэмы? представлю одну изъ тѣхъ рапсодій, на которыя указываетъ авторъ. Увидимъ, можно ли въ ней допустить отдѣльную поэму. Известно, что Улиссъ самъ отъ своего лица рассказываетъ свои приключенія Алкиною. И

этотъ разсказъ занимаетъ четыре теперешнія рапсодіи. Это по мнѣнію автора особенная поэма. Но я спрашиваю, сообразно ли не только съ простодушіемъ того времени, но даже съ самыми строгими правилами искусства, составляя небольшую поэму, заставить своего героя съ самаго начала поэмы, рассказывать свои приключенія въ первомъ лицѣ? Неужели трудно было Гомеру поставить тамъ онъ, гдѣ теперь мы читаемъ я? Самый простой взглядъ на этотъ разсказъ какъ на отдѣльное цѣлое, этого требовалъ. Присоедините еще хотя одну предшествующую рапсодію; чтобы не начать прямо съ этого я, все однакожь съ перваго взгляда увидите, что это не отдѣльная поэма, а часть великой поэмы и съ удивленіемъ спросите, какъ незамѣтилъ этого авторъ? Чтожь бы теперь на это онъ могъ отвѣчать намъ? нельзя было бы ему не согласиться, что это правда. И такъ онъ, не обвинуясь отвѣчалъ бы намъ, что это поправка того лица, которое соединило Гомеровы маленькія поэмы въ одно цѣлое. Воля ваша, а мы этому вѣрить не можемъ. Попробуйте переимѣнить это я на онъ. Увидите, что должно переимѣнить все расположеніе поэмы и начать ее не иначе, какъ странствованіями Улисса съ самаго начала отплытія его-изъ подъ Трои; и такъ передѣлка онъ на я слишкомъ велика и требовала въ поправщикъ такого же великаго генія, каковъ Гомеръ. Кто-бы ни былъ этотъ поправщикъ, но имя его было-бы еще славнѣе Гомерова. Ибо съ поэтическимъ даромъ, ему необходимо было соединить столь же тонкій вкусъ, и такое жъ познаніе искусства, какимъ обладалъ въ древности одинъ только Аристотель. И такъ мы этому вѣрить не можемъ. Ссылаемся на самаго автора. Въ 30 § онъ указываетъ намъ на небольшія, частію вѣльпныя, частію неумѣстныя вставки, сдѣланныя для связи частей поэмы, которыя, по словамъ его, гораздо бы лучше было совсѣмъ выкинуть, нежели оставить тамъ, гдѣ мы теперь ихъ видимъ. Ктожь сдѣлалъ эти вставки? — Тотъ же, кто соединялъ части поэмы въ одно цѣлое. — Искусень же былъ этотъ воображаемый авторомъ составитель поэмы Гомеровыхъ, который внесъ такое прекрасное единство въ

Илиаду, такъ искусно включилъ странствованія Улисса въ средину Одиссеи, такъ плѣнительно заставилъ его самого рассказывать о своихъ приключеніяхъ и не замѣтилъ нелѣпости этихъ вставокъ и, что еще смѣшнѣе, столь былъ забывчивъ, что Пилемена, умершаго въ первыхъ пѣсняхъ, оставилъ живымъ въ послѣдующихъ! Тогда какъ въ большей части этихъ мѣстъ, хотя бы они были вставлены и другими, или самимъ Гомеромъ, требовалось одного почерка пера, чтобы уничтожить ихъ не вредя нисколько единству поэмы.

Изъ сего слѣдуетъ, 1) что въ твореніяхъ столь отдаленной древности могло что нибудь и потеряться, могло быть перемѣшано переписчиками, или рапсодами, могло быть перенесено съ одного мѣста на другое, могло быть отъ себя вставлено рапсодами, однимъ словомъ: могло быть все то же, что бываетъ со всякими древними хартіями. (*) 2) Что такихъ исправителей Гомера, какихъ воображаетъ авторъ, вовсе не существовало. И что писалъ ли, или не писалъ Гомеръ своихъ твореній, явленія въ его рукописяхъ произошли бы также, и заключеніе, отсюда выводимое авторомъ, что Гомеръ не сочинялъ великихъ поэмъ, вовсе не основательно.

Остается еще одинъ вопросъ. Предположивъ, что Гомеровы поэмы дѣйствительно составились изъ небольшихъ отдѣльныхъ поэмъ, еслибы намъ вздумалось разложить обѣ великія поэмы, на эти меньшія части, и такимъ образомъ въ

(*) Выписываю слова другаго славнаго критика (Гейне. Eux. II, Sect. 2. ad *Iliad.* XXIV.) касательно той испорченности, которой въ продолженіи времени могли подвергнуться Гомеровы поэмы. «Умноженіе алеазита—говорить онъ — и переизна буквъ такъ какъ я измѣнившееся произношеніе, не могли однакожь нанести такихъ глубокихъ ранъ этому прекрасному тѣлу (Гомеровымъ поэмамъ), чтобы оно было отъ того вовсе обезображено; онъ могли оставить на немъ только небольшія, маловажныя пятна. Важнѣйшая порча могла произойти, и кажется, произошла отъ рапсодовъ, что видно въ весьма многихъ мѣстахъ, гдѣ они то пополняли мысли новыми стихами, то повторяли стихи на память вовсе въ неприличномъ мѣстѣ, иное выпускали, иное прибавляли отъ себя, подобное тому, что затвердили изъ другихъ рапсодій.» Допустимъ, что это правда. И судя по той отдаленной древности, изъ какой шли эти сочиненія, нельзя и не допустить въ нѣкоторомъ отношеніи этой истины.

этомъ цѣломъ, отыскать тѣ небольшія поэмы, изъ которыхъ оно составилось, чѣмъ бы мы должны были руководствоваться въ этомъ дѣлѣ? Своимъ собственнымъ произволомъ, какъ это позволилъ себѣ сдѣлать авторъ, въ 29 §, указавъ намъ на путешествіе Телемака, островъ Огигію и на разсказъ Улисса, какъ на отдѣльныя поэмы? но если позволить себѣ такой произволь, то всякую и изъ нашихъ поэмъ можно будетъ т.-о. дѣлить на части, особенно дополняя, отымая и вставляя, что намъ заблагоразсудится. И по какому праву теперь стали бы насъ укорять въ этомъ, когда составители поэмъ Гомеровыхъ употребляли по мнѣнію автора въ составленіи ихъ, ту же вольность? Отсюда возникаетъ новый вопросъ: Если Гомеръ писалъ небольшія отдѣльныя поэмы, то нельзя же, чтобы каждая изъ нихъ не имѣла своего заглавія, какъ мы видимъ, что всѣ древнія не только дошедшія до насъ, но и недошедшія и извѣстныя намъ по именамъ однимъ — всѣ имѣютъ свои заглавія. *Иліаду* и *Одиссею* мы уже должны отвергнуть, потому что эти заглавія даны составителями двухъ большихъ поэмъ, составленныхъ изъ малыхъ. И такъ остается прибѣгнуть къ названіямъ рапсодій, чтобы найти между ними истинныя названія этихъ небольшихъ сочиненій. Но если въ этомъ дѣлѣ быть послѣдовательнымъ, то этого выбора себѣ позволить невозможно. Если брать въ уваженіе надписи, то должно брать всѣ безъ исключенія и судя по каждой, дѣлать особенную поэму; посмотримъ, что изъ этого выдетъ. Правда, есть нѣкоторыя заглавія показывающія отдѣльное цѣлое, наприм. въ *Иліадѣ*: *Храбрость Діомеда*, *подвиги Патрокла*, *храбрость Менелая*; но не говоря о томъ, что для яснаго представленія сцены дѣйствія и знакомства съ дѣйствующими лицами, нужно знать предъидущее, сколько наприм. въ 5 книгѣ содержится вовсе непринадлежащаго къ Діомеду, и такъ и въ другихъ? но и такихъ названій въ обоихъ поэмахъ, весьма немного. Всѣ же прочія принадлежатъ къ весьма небольшимъ отдѣленіямъ и указываютъ только на мѣста, отличныя въ поэмѣ, наприм. *единоборство Гектора съ Аяксомъ*, *разговоръ Гектора съ Андромахою*,

и проч. Въ некоторыхъ очевидно само собою указаніе на предъидущее: наприм. *нарушеніе клятвы* (кн. IV); *переходъ дѣлъ въ прежнее положеніе* (кн. XV); *прекращеніе гнѣва* (кн. XIX); надъ некоторыми изъ нынѣшнихъ рапсодій, находятся по два и по три названія къ разнымъ упоминаемымъ въ нихъ дѣйствіямъ относящихся, наприм. надъ второй теперешней рапсодіей три надписи: *сонъ*, *попытка*, *списокъ караблей* или *Беотія* (замѣтьте: последнее названіе заимствовано глупѣйшимъ образомъ отъ того, что списокъ войскъ начинается съ Беотійцевъ.) (*) Какъ же теперь судить о Гомеровыхъ поэмахъ по симъ надписямъ? принять все заключающееся подъ ними за отдѣльныя поэмы, разумѣется выкидывая все служащее ко взаимной ихъ связи и послѣдовательности? предпочитать одну надпись другой нельзя. Несомнѣнно всѣ они перешли къ намъ съ древнихъ временъ, ибо некоторыя изъ нихъ упоминаются у Геродота, Платона и Аристотеля, хотя не какъ отдѣльныя поэмы, а какъ части двухъ поэмъ великихъ, *Иліады* и *Одиссеи*. И эти то части по свидѣтельству Эліана, и избирались для пѣнія рапсодами. — И такъ, слѣдуя этому плану, мы должны будемъ *Иліаду* и *Одиссею* разбить въ такіе мелкіе куски, предъ которыми бесѣда у Алкиноя покажется огромною поэмою. — Но оставимъ всѣ эти нелѣпности, обратимся къ тѣмъ слѣдствіямъ, которыя мы необходимо должны вывести изъ такого разсмотрѣнія рапсодій. 1) Всѣ сіи надписи отнюдь не принадлежатъ грамматикамъ; ибо упоминаются у древнѣйшихъ писателей; нѣтъ нужды говорить, что не принадлежатъ и Гомеру, да еслибъ и принадлежали ему, то они отнюдь не мѣшаютъ цѣлости поэмъ его; а принадлежатъ рапсодамъ, которые, смотря потому, какія мѣста брали для чтенія изъ цѣлой поэмы, такъ ихъ и надписывали. 2) Теперь понятно также, какимъ образомъ

(*) Авторъ (въ § 39) предлагаетъ какъ отдѣльныя поэмы слѣдующія рапсодіи, изъ *Одиссеи*: *Νιπτρα* (Γ), *Μηστῆροφον'α* (Χ), *Νεχιμ'α* (Λ), *τὰ ἐν πύλῳ*, *τὰ ἐν Λακεδαι'μονι* (Γ Δ), изъ *Иліады*: *Ἀγῶν ἐπιταφίος* (Ψ), *Ὀπλοποια* (Σ), *Λιταί* (Ι), *Λαμῶς* (Α). Пусть читатель разсудитъ самъ, могутъ ли быть сіи части особеными поэмами?

могло произойти новѣйшее раздѣленіе, сдѣланное александрийскими грамматиками, или справедливѣе, однимъ изъ нихъ, Аристархомъ. Онъ принялъ Гомера съ такимъ раздѣленіемъ на рапсодіи, какъ мы теперь сказали. Видя, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ достаточную полноту, другія же весьма мелки, или смѣшаны съ посторонними дѣлами; зная при томъ, что такое раздѣленіе произвольное и неосновательное вовсе не принадлежитъ Гомеру, онъ разсудилъ дать поэмамъ новое раздѣленіе, умѣйшее и основательнѣйшее, которое бы при возможно равной полнотѣ книгъ, сохранило однако жъ порядокъ прежнихъ рапсодій. Такимъ образомъ слишкомъ большое число ихъ онъ рѣшился ограничить числомъ буквъ алфавита, къ чему, по увѣренію Евстафія, присоединилась та мысль, что этимъ числомъ буквъ выражается все, заключающееся въ области ума людей. говорящихъ раздѣльными звуками, *μερόπων ἀνθρώπων*. — Остроуміе, весьма естественное въ вѣкъ грамматиковъ. Посмотрите однако жъ, какъ онъ поступилъ добросовѣстно. Сдѣлавъ свое раздѣленіе, онъ однако жъ оставилъ неприкосновенными надписи прежнихъ рапсодій, смотря потому, какія, и сколько входило въ каждую книгу, что бы тѣ, тоторые имѣли у себя экземпляры съ прежними надписями, могли быть увѣрены, что расположеніе частей и послѣдовательность ихъ, останутся въ прежнемъ видѣ. (*) Гейне думаетъ, что такое новое раздѣленіе частей могло иногда подать поводъ къ повторенію нѣкоторыхъ стиховъ

(*) Доказательствомъ этому служить и то, что списки, полученные Аристархомъ изъ разныхъ городовъ (*αἱ κατὰ πόλεις*) и отъ разныхъ лицъ (*αἱ κατ' ἄνδρας*), (см. авт. § 39), о которыхъ упоминаютъ дошедшіе до насъ схоласти, вовсе не имѣли никакой разницы ни между собой, ни съ Аристарховой рецензіей касательно порядка и послѣдовательности рапсодій, иначе, какъ бы не упомянули объ этомъ схоласти, когда не забыли упомянуть о нѣкоторыхъ маловажныхъ вариантахъ въ самомъ текстѣ, которыя нашелъ Аристархъ въ этихъ спискахъ? Потому то у всѣхъ ученыхъ древности жившихъ послѣ Аристарха, утвердилось мнѣніе, вѣроятно отъ него перешедшее, что порядокъ и расположеніе рапсодій остались въ томъ же видѣ, какой былъ данъ имъ еще Пиндаромъ, *qui primus Homeri libros (т.-е. рапсодіи) confusos antea sic disposuisse dicitur, ut nihil habemus. Cic. Orat. III. 34.* о Пиндарѣ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

для связи одной части съ другою. (Ехс. II. Sect. 2. ad *Hiad.* XXIV.) Едвали такое мнѣніе основательно. Аристархъ былъ грамматикъ не только остроумный, но вмѣстѣ и добросовѣстный. Съ удовольствіемъ выписываемъ о немъ слова нашего автора (§ 50): «Хотя многіе изъ древнихъ частію явно, частію скрытно обвиняютъ Аристарха за излишнюю смѣлость въ исправленіи, уничтоженіи и исключеніи стиховъ хорошихъ; никто однакожъ не говоритъ, чтобы онъ сдѣлалъ какой нибудь замѣтный подлогъ въ Гомеръ, или вставилъ стихи своего сочиненія. Это явствуетъ и изъ того, что мы сказали выше о его способностяхъ, т.-е. что онъ имѣлъ умъ довольно образованный къ ощущенію красотъ поэзіи, но вовсе не имѣлъ дара писать стихи. И такъ чтобы сказать о немъ въ немногихъ словахъ наше мнѣніе, если онъ гдѣ погрѣшилъ по излишней смѣлости, свойственной тому вѣку и существу самага дѣла, или по чрезмѣрно уже тонкой осмотрительности (*nimia sobrietate acuminis*); то однако жъ съ такимъ благоговѣніемъ, тщательностію и осторожностію поступалъ въ своемъ дѣлѣ, что не пустилъ въ свою рецензію ни одного стиха, который бы не носилъ на себѣ печати Гомеровскаго духа, или по крайней мѣрѣ печати древности.» Что жъ теперь думать о текстѣ Гомеровомъ, который господствуетъ въ наше время, и который мы читаемъ? Вотъ что говорить объ этомъ Гейне (Ехс. II. S. 2. ad II. XXIV.): «Нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ во всей цѣлости и того же самага Гомера, который находился въ рукахъ александрійскихъ грамматиковъ, и въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ изданъ ими. Погрѣшности, сдѣланныя въ немъ послѣ того времени переписчиками или грамматиками, не столь важны, чтобы могли породить сомнѣніе. Притомъ онъ болѣею частію уничтожены учеными, другія могутъ быть уничтожены; напротивъ многое въ нашемъ текстѣ, при теперешнемъ усовершенствованіи критики, читается нынѣ гораздо исправнѣе, нежели въ тѣхъ экземплярахъ, которые находились въ рукахъ грамматиковъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ я давно сказалъ, что мы имѣемъ текстъ Гомера гораздо исправнѣе, нежели текстъ

Виргилія.» Надо замѣтить, что текстъ Аристарховъ не дошелъ до насъ во всей своей цѣлости. Тотъ, который мы имѣемъ, пересмотрѣнъ вновь разными грамматиками и составленъ по замѣчаніямъ разныхъ критиковъ, уже въ ближайшихъ вѣкахъ по Р. Х. (см. нашего автора § 41), но это однако жъ нисколько не должно насъ тревожить насчетъ его исправности, какъ это явствуетъ изъ вышеприведенныхъ словъ Гейне. Онъ продолжаетъ: «Такъ какъ Аристарховъ трудъ въ исправленіи Гомерова текста наиболѣе былъ въ славѣ по его дарованіямъ, и по критикѣ того времени, то я не сомнѣваюсь, что его чтеніе должно быть принято за основаніе въ нашихъ рецензіяхъ. Но вездѣ ли можно возстановить это чтеніе, и вездѣ ли это нужно — вотъ въ чемъ сомнѣваюсь.» Да простятъ намъ это отступленіе. Можетъ быть оно не будетъ излишнимъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ читателей, которые не бывъ знакомы съ классиками, пожелаали бы узнать, въ какой мѣрѣ исправенъ тотъ текстъ Гомера, который мы теперѣ имѣемъ. Обратимся къ автору.

Сомнѣнія насчетъ послѣднихъ двухъ пѣсней Одиссеи давно уже весьма остроумно и основательно разрѣшены славною г-жею Дасье; самъ авторъ согласуется съ ея доказательствами, но въ послѣднихъ шести пѣсняхъ Илиады онъ видитъ постороннюю работу. Благодаримъ. Тутъ онъ многимъ поступаетъ въ нашу пользу. Разсудите сами — оставить въ собственности Гомера XVIII пѣсней Илиады! Это со стороны автора важная уступка. Не забудьте, онъ приписываетъ постороннимъ рукамъ только связь между ними. Что же касается до Гомеровскаго духа, то онъ повсюду узнаетъ его исключая только эти докучныя VI пѣсней. Незнаемъ, въ какую принялъ сторону это авторово сужденіе другой славный элленистъ, Гейне; только онъ тогда же объявилъ, что относительно вставокъ и слабыхъ мѣстъ въ этихъ книгахъ, онъ не находитъ большой разницы съ предъ-идущими. Тутъ то завязалась жестокая схватка между нѣмецкими учеными. Вольфу показалось крайнѣ обидно, что Гейне хочетъ отнять у него славу нововвводимаго скептицизма. Вотъ онъ и на-

паль на него самым жестокимъ образомъ, такъ что въ этомъ спорѣ много говорить пострадала личность Гейне. — Впрочемъ какое намъ до этого дѣло? пусть себѣ бранятся нѣмецкіе ученые. Намъ дай Богъ, что бы русскіе книжные люди этому не подражали. — Должно еще прибавить, что Гейне въ послѣдствіи предлагалъ автору и просилъ его, чтобы онъ въ этихъ шести пѣсняхъ разобралъ сомнительные мѣста, и указалъ, въ чемъ именно онъ видитъ эту разность. Но авторъ не внялъ этой прозбѣ; такъ это дѣло и осталось нерышеннымъ, но что до этого? — Вся эти вставки не могутъ уничтожить красоту, которыми исполнено это высокое произведеніе и нисколько не вредятъ единству его и цѣлости. Впрочемъ какъ знать? Можетъ быть въ иномъ мѣстѣ и самъ добрый Гомеръ не безъ грѣха — *bonus dormitat Homerus?* — не вся же слабыя мѣста вышли изъ рукъ постороннихъ.

§ § 32 — 36. Нельзя не удивляться, видя, какъ авторъ обращается во всѣ стороны не зная, какъ бы уладить дѣло о Ликургѣ. Съ одной стороны преданіе господствовавшее еще во время Платона (Гераклидъ говорятъ былъ ученикъ его. О Креофилѣ упоминаетъ самъ Платонъ. *De Rep.* X, 600, В.) оправданное некоторымъ образомъ всегдашнимъ уваженіемъ Лакедемонцевъ къ Гомеру; съ другой стороны незнаніе писменъ, можетъ быть, и въ самомъ Ликургѣ, влекутъ его совершенно въ противоположныя стороны. И такъ, что бы согласить все это, онъ допускаетъ, что Ликургъ привезъ съ собой изъ Іоніи одного рапсода, который пропѣвши нѣсколько новыхъ рапсодій (иначе какъ они могли быть извѣстны Лакедемонцамъ въ вѣкъ безграмотности?) откланялся Спартамъ и возвратился въ свое отечество. Вотъ что автору кажется вѣроятнымъ, а намъ, смѣшнымъ. Лучше бы вовсе отвергнуть это преданіе, какъ это сдѣлалъ Гейне, нежели толковать его такимъ образомъ. Тѣ, которые допускаютъ грамотность въ вѣкъ Ликурга (онъ жилъ говорятъ лѣтъ 80 спустя послѣ Гомера) не найдутъ ничего невѣроятнаго въ этомъ пре-

даніи. Но основательно можно сдѣлать вопросъ: чтожь сдѣлалось потомъ съ этими твореніями Гомера въ Лакедемонѣ? продолжали ль ихъ списывать, или они въ послѣдствіи затерлись? Вотъ здѣсь то надо припомнить прекрасныя слова Гейне, что мы знаемъ не исторію, а только отрывки изъ исторіи.

Обыкновенно въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ предположеніямъ. Но что они значать въ дѣль исторіи, и могутъ ли дополнять ее? — Если Ликургъ привезъ съ собой изъ Іоніи Гомеровы поэмы, то способны ли были къ ощущенію красоту ихъ его соотечественники въ самомъ началѣ гражданскаго устройства, при самомъ, такъ сказать, переходѣ изъ первобытнаго состоянія въ гражданское? По этому Гомеръ долго еще долженъ былъ оставаться у нихъ въ небреженіи. Такіе примѣры бывають и во времена болѣе образованныя. Я думаю, Мильтонъ многимъ читалъ свою безсмертную поэму; и однако жъ, ктобы повѣрилъ, что онъ при своей жизни съ трудомъ найдетъ книгопродавца, который бы взялся ее напечатать, и что его поэма почти сто лѣтъ будетъ лежать въ забвеніи у его просвѣщенныхъ соотечественниковъ? Чтожь теперь заключить о Спартанцахъ?... Но преданіе о Ликургѣ, почитатель Гомера, сохранилось.... Геній законодателя понималъ чудеснаго Гомера; честь и слава ему! — Наконецъ мало по малу Европейская Греція пробуждается изъ сна своего. Лакедемонцы, спустя около 150 лѣтъ послѣ Ликурга, уже приглашаютъ къ себѣ и слушаютъ Тиртея, Терпандра, жаркаго ревнителя поэмъ Гомеровыхъ, Алмана. Чтожь дѣлають наши Аѳины? — Снова должны мы признаться въ незнавіи исторіи. Наконецъ настаетъ вѣкъ Солона, вѣкъ Пизистратидовъ. Обратимся къ тому, что въ этомъ вѣкѣ сдѣлано для Гомера.

Прежде всего должно обратить вниманіе на то, какимъ образомъ изъ *многихъ*, частію даже *противоположныхъ* мнѣній писателей, авторъ извлекаетъ *одинъ* голосъ исторіи. Онъ указалъ намъ тѣ мѣста, въ которыхъ говорится о трудѣ Пизистрата надъ Гомеромъ. Нельзя не согласиться, что

мнѣнія Цицерона, Эліана, Либанія, Суида, Евстафія и неизвѣстнаго грамматика, дѣйствительно сходны между собою. Они говорятъ, что «Рапсодіи Гомеровы, которыя носились въ публикѣ (или въ рукописяхъ, или въ пѣніи рапсодовъ, этого они не говорятъ, но разумѣется само собою) отдѣльно и безо всякой связи между собою, собраны Пизистратомъ въ двѣ поэмы и расположены въ томъ порядкѣ, въ которомъ дошли и до насъ.» Вотъ ихъ мнѣніе. Суидъ прибавилъ только, что рапсодіи собраны въ порядкѣ многими, но въ особенности Пизистратомъ. Но Павзаній говоря о томъ же выразился такъ темно, или справедливѣе сказать, глупо, что не знаетъ, какое сдѣлать заключеніе изъ словъ его; онъ говоритъ, что «Пизистратъ приказалъ собрать бывшія безъ связи (*διεσπασμένα*), и въ другихъ мѣстахъ *ἀλλὰχού*, (удивительно какъ глупо!) *сохраняемыя въ памяти (μνημόνευόμενα)* пѣснопѣнія Гомера.» Это значить только, что кромѣ рапсодій, бывшихъ у Пизистрата въ рукописяхъ, онъ приказалъ собирать и списывать такія, которыя въ другихъ мѣстахъ читались по изустному преданію. Эту неясность уяснить не нужно. И столь темно выраженное свидѣтельство не достойно того, чтобы на него указывать. Но и изъ этихъ словъ нельзя вывести того заключенія, что Пизистратъ первый предалъ письму Гомеровы поэмы. Въ этомъ случаѣ Павзаній долженъ былъ сказать: *повсюду*, а не *въ другихъ мѣстахъ*. Прочіе писатели всѣ говорятъ только: *собралъ и привелъ въ порядокъ*. — Кто жъ этотъ писатель, который говоритъ то, что утверждаетъ авторъ? — Иудей Юсифъ, изъ котораго выписка приведена въ § 18. — Авторъ въ числѣ приведенныхъ имъ писателей указываетъ и на него. Но въ этомъ случаѣ онъ дѣлаетъ большой промахъ. Юсифъ ни слова не говоритъ о Пизистратѣ. Онъ говоритъ только, что Гомеръ не оставилъ поэмъ письменныхъ, а что они написаны по изустному преданію послѣ. — Кѣмъ написаны? — онъ не говоритъ ничего, такъ что изъ словъ его слѣдуетъ заключеніе вовсе невыгодное для автора. И дѣйствительно; если эта исторія о Пизистратѣ была столь оглашена, то почему

Иосифъ не упомянулъ его имени? — И такъ, что *Пизистратъ собралъ и расположилъ рапсодинъ*, объ этомъ есть преданіе; но что онъ первый приказалъ написать ихъ — это ложь и выдумка Вольфа.

Любопытно изслѣдовать, откуда родилось такое мнѣніе о Пизистратѣ. Древнѣйшіе писатели, наприм. Платонъ, Аристотель вовсе ничего не говорятъ объ этомъ трудѣ Пизистратовомъ. И такъ несомнѣнно это мнѣніе родилось у александрійскихъ грамматиковъ. Но изъ какихъ источниковъ они его заимствовали, вотъ чего никакъ теперь узнать невозможно. Но что отъ нихъ оно перешло къ упомянутымъ писателямъ, я заключаю изъ словъ Цицерона. Известно, сколь для Цицерона всегда былъ важенъ авторитетъ славныхъ писателей. Если гдѣ приводитъ онъ какой нибудь случай засвидѣтельствованный ими, то никогда не умолчить, что это наприм. сказалъ Платонъ, Аристотель, Фукидидъ и проч. Посмотрите жъ какъ онъ говоритъ о Пизистратѣ. «Кто въ это время (семи мудрецовъ), какъ повѣствуютъ, былъ образованнѣе Пизистрата? чье краснорѣчіе отличалось обильнѣйшею ученостью?» — Онъ превозноситъ его какъ Ораторъ. (*) И что жъ потомъ прибавляетъ? — «Говорятъ, что и рапсодинъ Гомеровы, бывшія до него въ безпорядкѣ, онъ первый расположилъ такъ, такъ мы теперь читаемъ (*qui primus Homeri libros, confusos antea, sic disposuisse dicitur, ut nunc habemus*).» Говорятъ, все равно что: есть молва, разумѣется можетъ быть и справедливая, однако жъ такая, за которую ручаться не можно. (**) Вотъ какъ выражается объ этомъ дѣлѣ древнѣйшій и ученѣйшій писатель! Что касается до прочихъ, которые говорятъ утвердительно, то все они, какъ читатель видитъ, люди бездарные и жившіе много лѣтъ спустя послѣ Р. X. Отчего же ни одинъ изъ нихъ не указалъ намъ, отъ кого заимствовалъ онъ это извѣстіе?

(*) Безъ преувеличенія ораторскаго онъ говоритъ о немъ въ другомъ мѣстѣ (Brut. 7) такъ: *Opinio est et eum, qui multis annis ante hos fuerit, Pizistratum multum, ut temporibus illis, valuisse dicendo.*

(**) Также говорить и Евстацій: *Ῥαψῶδιν*. откуда видно, что и александрійскіе грамматикки не иначе говорили о Пизистратѣ.

Но что говорить другой авторитетъ, который гораздо важнѣе грамматиковъ? Самъ авторъ соглашается, что еще Соломонъ приказалъ рапсодамъ въ цѣни соблюдать порядокъ рапсодій. Это извѣстіе заимствовано Діогеномъ Лаерціемъ изъ историка Діевхида, жившаго по мнѣнію Гейне (Ехс. II. S. 4. ad II), послѣ временъ Александра Македонскаго. Стало быть, связь между рапсодіями была еще прежде Пизистрата?— Не буду говорить еще о третьемъ важнѣйшемъ прочіихъ преданіи, которое сохранилось намъ въ одномъ изъ разговоровъ помѣщенныхъ между Платоновыми, потому что авторъ не принималъ его въ уваженіе. И такъ, пусть Пизистратъ соединилъ рапсодіи (что онъ первый приказалъ написать ихъ — эта ложь уже изобличена выше); что жъ изъ этого слѣдуетъ? По мнѣнію автора, онъ долженъ былъ въ этомъ трудѣ, инныя стихи вставлять, инныя выкидывать, перемѣнять, однимъ словомъ дѣлать то, что авторомъ сказано въ § 28; а чтобы работа его не столь была затруднительна, то вотъ авторъ даетъ ему въ сотрудники и поэтовъ. Всѣ они трудятся съ Пизистратомъ въ перестройкѣ многихъ маленькихъ поэмъ въ двѣ большія; поправляютъ, перемѣняютъ, вставляютъ, выкидываютъ и проч. — Удивительно! какъ можно такъ смѣло утверждать такую нелпность? Можетъ ли быть, чтобы какой нибудь славный стихотворецъ дѣлалъ вставки въ другомъ славномъ стихотворцѣ, если это не для забавы! и чтобы сказали рапсоды, которые знали всего Гомера наизусть, увидѣвъ его въ такомъ нарядѣ? И подозрѣвалъ ли хотя одинъ грамматикъ Пизистрата въ такихъ поддѣлкахъ? Можно ли было указывать на Евстафія, который говоритъ, что X книга Иліады сочинена Гомеромъ, какъ отдѣльная поэма и внесена послѣ въ составъ Иліады Пизистратомъ? отъ какого Гомерова современника Евстафій получилъ это извѣстіе?— Но пусть такъ. — Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Только то, что Иліада вся сочинена Гомеромъ, какъ одно великое цѣлое, кромѣ X пѣсни, которая одна только сочинена имъ, какъ отдѣльная поэма. Можно ли выбрать глуше свидѣтельство и простодушнѣе имъ воспользоваться, нежели какъ выбралъ и привелъ его противъ себя же самаго

авторъ? — Какая жь была причина побудившая Пизистрата собрать Гомеровы пѣсни? — Поэтъ, который у Грековъ считался не только превосходнѣйшимъ изъ всѣхъ, но и священнѣйшимъ, естественно могъ возбудить въ чловѣкѣ одаренномъ умомъ, отличномъ (какая нужда? пусть это будетъ Пизистратъ;) желаніе собрать все то, что разносилось подъ его именемъ. Разумѣется этотъ чловѣкъ необходимо обратится преимущественно къ тѣмъ лицамъ, у которыхъ находятся списки Гомера, т.-е. къ рапсодамъ. И такъ отъ нихъ Пизистратъ получилъ списки, болѣе или менѣе полные, болѣе или менѣе поврежденные отъ вставокъ, пропусковъ, разныхъ чтеній и проч. Если дать мѣсто предположеніямъ, то для пересмотра этихъ списковъ онъ долженъ былъ собрать людей книжныхъ (по своему времени) и препоручить имъ не новое составленіе текста, а выборъ лучшаго, или, чего собственно долженствовало желать онъ, *истиннаго* текста поэмъ Гомеровыхъ (*). При этой мысли могъ ли этотъ почитатель Гомера позволить себѣ самому дѣлать въ немъ вставки и поправки? Не дастъ ли онъ строгое приказаніе своимъ книжникамъ (назовемъ ихъ діаскевастами), что бы они сличая списки, держались въ нихъ чтенія ближе подходящаго (по ихъ разумѣнію) къ духу поэта? — Пусть теперь составится особый классъ людей книжныхъ, которые будутъ заниматься для желающихъ исправленіемъ Гомерова текста. Въ чемъ будетъ состоять ихъ работа? — Въ томъ же, въ чемъ теперь

(*) Такія явленія мы видимъ и у другихъ народовъ, которые получили изъ древнихъ временъ писмена, составляющія для нихъ священныя завѣты ихъ предковъ. Такъ Мазореты были исправителями и блюстителями чистоты священныя книгъ у Евреевъ. Такъ и въ христіанской церкви многіе учителя повѣряли и исправляли отъ ошибокъ переписчиковъ священныя книги. Мы имѣли такой примѣръ въ ревностномъ патріархѣ Никонѣ. Да не возражаютъ намъ, что эти книги требовали наибольшаго наблюденія за ихъ исправностію, какъ ознаменованныя особенною печатію святости. Не должно забывать, что мы говоримъ о язычникѣ, который также желалъ имѣть во всей чистотѣ творенія своего священнаго поэта. Припомните, въ какомъ уваженіи имѣли его, и какой таинственный смыслъ извлекали изъ поэмъ его многіе языческіе философы, какъ то явствуетъ изъ послѣднихъ §§ авторава разсужденія, переведенныхъ нами.

состоитъ она для филологовъ издающихъ и досель творенія древнихъ писателей — въ исправленіи текста. Да не возражаютъ намъ, что въ это время не могло быть истинныхъ понятій о критикѣ филологической. Довольно, если цель исправителей была таже во все времена, цель имѣть сколь можно исправнѣе текстъ своего священнѣйшаго поэта. Разумѣется они могли дѣлать большія ошибки. Это можемъ мы заключить и изъ того, что Платонъ и Аристотель приводятъ изъ Гомера нѣкоторые стихи, которыхъ теперь не имѣется въ нашемъ текстѣ. Но это можно сказать только о немногихъ стихахъ, а отнюдь не о рапсодіяхъ. И если бы рапсодіи такъ были до Пизистрата перепутаны между собою, какъ полагаегь авторъ, (по причинѣ ихъ безсвязности между собою), то какъ бы до александрійскихъ грамматиковъ не дошло ни одного такого списка? — Отъ сего то и родилось у нихъ ложное заключеніе. Они знали, что рапсодіи пѣлись отдѣльно. Кто жъ расположилъ, или собралъ ихъ въ надлежащемъ порядкѣ? Это сдѣлано еще до нихъ. И такъ если это было дѣйствительно Пизистратъ съ сотрудниками, то они говорятъ совершенную правду. Не забудьте однако жъ, что при этомъ они вовсе не говорятъ, что Пизистратъ дѣлалъ отъ себя вставки и проч.; эта ложь принадлежитъ автору. Но такъ какъ ихъ мнѣніе о Пизистратѣ не основано ни на какомъ древнѣйшемъ авторитетѣ (что несомнѣнно изъ словъ Цицерона), то мы думаемъ, что рапсоды въ списываньи рапсодіи всегда сохраняли порядокъ, назначенный самимъ безсмертнымъ творцемъ ихъ. И какъ бы они могли отступить отъ этого порядка, когда многіе изъ слушателей могли знать его изъ самыхъ преданій? Нельзя однако жъ не допустить, что не вездѣ связь между рапсодіями соблюдалась ими строго. Очень возможно, что они выпускали иногда такіе мѣста, которыя хотя связывали одну рапсодію съ другою, но не входили въ планъ ихъ чтенія. Отъ того и произошли эти пробѣлы, которые потомъ (можетъ быть) діаскеласты весьма неудачно восполнили стихами, неумѣстно перенесенными также рапсодами въ другія части поэмы. Но

пусть сдѣлають опытъ. Выкиньте хоть тѣ мѣста, которыя указаны авторомъ. Конечно произойдутъ пробѣлы; но потерпите ли отъ того скольконибудь цѣлость и единство поэмы?— Да не подумаетъ читатель, что мы взводимъ на автора необылицу, потому-что въ разбираемыхъ нами §§, авторъ не говоритъ ясно о вставкахъ, перемѣнахъ и проч. сдѣланныхъ въ Гомеръ Пизистратомъ. Но припомнимте, что онъ сказалъ въ § 28. Чтобы понять яснѣе мысль его, возьмемъ слѣдующій примѣръ. Вообразите себѣ машину, составленную изъ многихъ частей. Разберите эти части, каждую отдѣльно. Вотъ Иліада въ пѣсняхъ рапсодовъ. Соберите потомъ эти части опять въ одно цѣлое — это будетъ трудъ Пизистрата по мнѣнію грамматиковъ. Теперь представьте себѣ, что эти части отнюдь не устроены такъ, чтобы изъ нихъ выходила одна цѣлая машина, слѣдовательно каждая часть представляетъ нѣчто отдѣльное, самобытное. Но вдругъ является человекъ, который замѣчаетъ, что посредствомъ винтовъ и разныхъ связей, онъ можетъ изъ нихъ составить, и составляетъ одну цѣлую машину — это будетъ работа Пизистрата по мнѣнію автора.

Представимъ наконецъ результатъ излѣдованій автора его собственными словами, которыя выпишемъ изъ его предисловія къ изд. Гомера 1795. «Если въ послѣднихъ рапсодіяхъ сихъ поэмъ есть слѣды довольно показывающія, что онъ не принадлежатъ тому же поэту, который сочинилъ первый; если разность дарованій, выраженія и проч. судя по характеру древней поэзіи, столь велика, что бывъ указана, легко можетъ быть узанною людьми одаренными тонкимъ вкусомъ; если въ срединѣ поэмъ и особенно въ концѣ вставокъ сдѣланныя рукой искусства для составленія одного цѣлаго будутъ приписаны другимъ сочинителямъ, а не тому, которому приписывается цѣлое твореніе, то дѣло кончено. — Знаю, сколь трудно найти здѣсь средину указуемую законами критики. Потому что если съ одной стороны по тѣмъ же причинамъ, на которыхъ основываются и прочія подозрѣнія, явствуется, что какъ въ Иліадѣ такъ и въ Одиссѣе

ткань начата и доведена до нѣкотораго предѣла тѣмъ самымъ поэтомъ, который первый приступилъ къ сочиненію (къ чему онъ побужденъ былъ какъ исторіею дѣлъ Троянскихъ (*serie cycli Trojani*), такъ и любопытствомъ слушателей и своимъ великимъ гениемъ); то съ другой стороны можетъ быть не возможно даже и вѣроятнымъ образомъ опредѣлить, съ какого мѣста начинается основа новой ткани. Впрочемъ, если не обманываюсь, можно будетъ доказать очевиднымъ образомъ, что Гомеру принадлежитъ большая часть поэмъ (*carminum*), прочее Гомеридамъ, которые уже по указанному пути довершали остальное (*praescripta lineamenta persequentibus*); потомъ съ новымъ и необыкновеннымъ трудомъ (*novis et insignibus studiis*) части отдѣльныя (*corpora*) приведены въ порядокъ (*ordinata*) и изложены на письмѣ Пизистратидами, и потомъ различнымъ образомъ обработаны (*variis modis perculta*) діаскевастами; въ нѣкоторыхъ же мало-важныхъ вещахъ и критиками, которыхъ трудъ служить основаніемъ и нѣнѣ господствующему чтенію. Вотъ что было предметомъ моего изслѣдованія въ пролегоменахъ».

Вотъ вкратцѣ содержаніе изслѣдованія автора. Къ сожалѣнію оно порождаетъ еще нѣкоторыя новыя недоумѣнія, которыя необходимо здѣсь высказать: 1) Кто такіе эти Гомериды? Выше авторъ смѣшалъ ихъ съ обыкновенными рапсодами, что и справедливо. Если бы они писали такія же поэмы, какъ Гомеръ, то какъ бы умолчали имена свои? Откуда такое самоотверженіе въ честь Гомерова имени? отчего не дѣлали того же поэты циклическіе? если рапсоды выдавали чужое произведеніе за Гомерово, чтобы привлечь къ себѣ болѣе вниманія славнымъ именемъ поэта, то это въ *чтець* очень понятно. Но что бы сочинитель какой нибудь поэмы (припомните, что авторъ говоритъ о древнихъ поэмахъ, а именно, что они были маленькія и отдѣльныя) что бы такой сочинитель умолчалъ свое имя и выдалъ эту поэму за произведеніе своего товарища по ремеслу, нѣкотораго Гомера — это невозможно. Представьте это въ при-мѣръ. Пусть такой Гомеридъ явится въ собраніи и объявивъ,

что будетъ пѣть Гомера, запоетъ свою поэму, хоть наприм. какую нибудь изъ послѣднихъ рапсодій Иліады. Слѣдствіемъ будетъ или похвала, или порицаніе. Если хвала, то неужели онъ умолчитъ, что эта поэма сочинена имъ? О порицаніи не нужно и говорить, потому что никто его поэму и не приметъ за Гомерову. Скажутъ, что тогда своихъ именъ не объявляли. Но какъ же дошли до насъ имена Гомера, Гезіода и другихъ поэтовъ? Какимъ бы то образомъ ни было, но только тѣмъ же путемъ дошло бы до насъ имя хоть одного изъ этихъ Гомеридовъ. Намъ укажутъ на Кинета. Но онъ не сочинялъ поэмъ и не выдавалъ ихъ за Гомеровы, а дѣлалъ только какія-то въ немъ вставки, которыя тотчасъ были замѣчены. Впрочемъ, что касается до какихъ нибудь маловажныхъ вставокъ или переѣвъ, то мы допускаемъ ихъ и въ обыкновенныхъ рапсодахъ. Но важной вставки никакой нельзя было сдѣлать. Это аксіома, что въ гениальномъ произведеніи если несовсѣмъ не возможно, то очень трудно сдѣлать какой нибудь подлогъ важный и значительный; слѣдовательно такихъ Гомеридовъ, поддѣльвателей поэмъ Гомеровыхъ, не существовало никогда. И объ этомъ вовсе не говоритъ исторія. Она говоритъ (см. Схол. ad Pindar. Nem. 2), что симъ именемъ назывались сперва родственники Гомера, которые первые воспѣвали его пѣсни отъ него же ими полученныя; что послѣ ихъ, этимъ именемъ назывались всѣ рапсоды воспѣвавшіе пѣсни Гомеровы — и это не сомнѣнная истина. Еще Пиндаръ упоминаетъ о такихъ рапсодахъ, Гомеридахъ (Nem. 2); но отличаетъ самаго Гомера и называетъ пѣсни его божественными (Pyth. IV. 493. Nem. VII. 29. Isthm. IV. 65). И это имя Гомеридовъ, чтецовъ или пѣвцовъ Гомеровыхъ пѣсней сохранилось и до временъ позднѣйшихъ. Припомните, какъ говоритъ о себѣ въ вышеприведенномъ разговорѣ Платона рапсодъ Іонъ. То-есть, что онъ вовсе не обращаетъ вниманія, когда рѣчь идетъ о другомъ какомъ нибудь поэтѣ, но тотчасъ приходитъ въ восторгъ, когда упомянуть о Гомерѣ. Вотъ что такое Гомеридъ. Въ другомъ мѣстѣ того же разговора, Іонъ говоритъ Сократу: «Я такими похвалами превознесъ Гомера, что считаю себя достойнымъ

получить въ награду золотой вѣнецъ отъ всѣхъ Гомеридовъ. т.-е. отъ моихъ товарищей.» И такъ не будемъ искажать исторіи своими выдумками (*). И какая въ этомъ нужда? что бы объяснить, что послѣднія 6 рапсодій въ Илиадѣ слабѣе первыхъ? Но развѣ не бываетъ, что наприм. въ одной части творенія какой нибудь стихотворецъ покажетъ болѣе силы духа и дарованій, чѣмъ въ другой? И такъ никакой сочинитель, который бы вздумалъ писать поэмы въ духѣ Гомеровскомъ не принялъ бы имени Гомерида, т.-е. чтеца Гомерова. Этимъ онъ чрезвычайно бы себя унижилъ. Вѣроятно, онъ постарался бы сдѣлать имя свое столько жъ славнымъ, какъ и Гомерово. Разсудите сами. Не въ такомъ же ли отношеніи къ Гомеру былъ бы этотъ пѣснопѣвецъ, какъ и Виргилій, который писалъ свою поэму такъ же идя по слѣдамъ Гомера, и такъ же велъ свою ткань по его основъ?

Но возможенъ случай, на который можетъ быть указалъ бы намъ авторъ, а именно: если бы этотъ сочинитель (или сколько бы ихъ не было), или, какъ онъ называетъ, Гомеридъ вздумалъ бы наприм. окончить недокончанныя Гомеровы поэмы; тогда дѣйствительно могло бы случиться, что имя такого дополнителя и осталось неизвѣстнымъ, именно потому, что конецъ поэмы слылъ бы такимъ образомъ съ предыдущимъ въ одно цѣлое; а такъ какъ поэтъ, составитель большей половины, былъ уже извѣстенъ, и у всѣхъ въ великой славы, то возможно, что и все остальное въ продолженіе вѣковъ было бы приписано ему одному. Я прошу здѣсь не смѣшивать понятій. Допуская этотъ случай, я говорю о дополнителѣ поэмъ Гомеровыхъ, а отнюдь не о такомъ поэтѣ (или поэтахъ), который (или которые) пишеть въ Гомеровскомъ духѣ, такъ же какъ и онъ, небольшія безсвязныя или отдѣльныя рапсодіи, и какихъ намъ авторъ представляетъ въ Гомеридахъ. Но здѣсь рождается недоумѣніе, такъ ли мы понимаемъ автора, который къ сожалѣнію часто выражается весьма неопредѣленно. И такъ

(*) Послѣдователи Вольфа выдумали даже какую-то школу Гомеридовъ. Опровергать такіа грезы, которыя не утверждаются ни на какомъ преданіи, и основываются только на одномъ имени чтецовъ-Гомеридовъ, значить попусту терять время.

Авторъ говоритъ, что эти Гомериды сочиняли свои поэмы идя уже по слѣдамъ указаннымъ Гомеромъ, только по его мнѣнію, трудно опредѣлить съ достовѣрностію, откуда именно беретъ начало новая ткань. Это мы совершенно допускаемъ, особенно если связь ведена искусно. И такъ пусть это будетъ для насъ неизвѣстное—х. Но съ другой стороны авторъ выдаетъ за несомнѣнное, что бѣльшая часть творенія принадлежитъ Гомеру, и что въ послѣднихъ рапсодіяхъ обихъ поэмъ, особенно въ шести заключающихъ Илиаду, виденъ трудъ чужой руки. Это значитъ, что новый сочинитель только оканчивалъ поэмы, и это авторъ выдаетъ за несомнѣнное. Отсюда слѣдуетъ то заключеніе, что если Гомериды придѣлывали конецъ къ Гомеровою ткани, то стало быть находили въ предшествовавшемъ трудъ начало и средину уже готовія; оставалось только эту ткань довершить, что бы составить такимъ образомъ одно полное цѣлое. Стало быть они видѣли во всемъ предыдущемъ извѣстный порядокъ и послѣдовательность до самаго того предѣла, съ котораго, по ихъ мнѣнію, слѣдовало начать новую и послѣднюю работу. А это значитъ, что они видѣли во всѣхъ Гомеровыхъ рапсодіяхъ порядокъ, взаимную связь и единство въ цѣломъ. И такъ Гомеровы рапсодіи были уже въ связи и порядкѣ еще до этихъ Гомеридовъ. И такъ они составили одно цѣлое, къ которому оставалось придѣлать только окончаніе. И если трудъ Гомеридовъ довершилъ и это, то что жъ оставалось дѣлать Пизистрату? — Послѣ этого справедливо можно бы было обратить слѣдующія слова къ нашему автору: «М. Г. не сами ли вы теперь допускаете, что Гомеровы поэмы еще въ древнѣйшія времена существовали въ той же связи, въ томъ же расположеніи и видѣ, въ которомъ дошли и до насъ, и что Гомеръ никогда не писалъ такихъ маленькихъ, отдѣльныхъ поэмъ, какія вы предполагаете? неужели можно утверждать такую нелѣпицу, что Гомеровы маленькія поэмы только случайно годились къ началу и срединѣ, а маленькія поэмы Гомеридовъ также случайно пришлись только къ концу тѣхъ большихъ поэмъ, которыя потомъ составлены Пизистратомъ? — И такъ ваше зданіе разрушается само собою, или лучше сказать, вы сами его разрушаете.»

А. К.

Я долженъ, въ подкрѣпленіе моего мнѣнія представить здѣсь замѣчаніе, сообщенное мнѣ однимъ изъ друзей моихъ (*) — замѣчаніе не только остроумное, но что еще важнѣе, вполне справедливое. По его мнѣнію, еслибы Гомеръ былъ такой же пѣснопѣвецъ, какъ наприм. Демодокъ, то выведя этого пѣвца на сцену, онъ сдѣлалъ бы величайшую нелѣпость; потому именно, что на пиру Алкиноя онъ такимъ образомъ представилъ бы самъ себя. Всякій читатель, котораго воображеніе не разстроено романтизмомъ нѣмецкихъ ученыхъ, согласится, что Гомеровы Фемій и Демодокъ суть лица столько жъ идеальныя сколько и ихъ современники Циклоны и Сирены. Какъ же можно было ихъ представить такому же пѣвцу, съ теми же атрибутами, съ какими онъ самъ вышелъ на сцену? Чтобы понять это яснѣе, представимъ такой примѣръ. Известно, что Виргилій писалъ стихи и читалъ такъ же, какъ и мы теперь ихъ пишемъ и читаемъ. На пиру Дидоны выставленъ у него пѣвецъ Юпасъ токъ въ токъ такой же, какъ Демодокъ Гомеровъ. Теперь пусть Виргилій на мѣсто этого пѣвца выставитъ такого поэта, какіе существовали въ его время. Тогда онъ скажетъ наприм. такъ: «Вотъ на пиръ Дидоны является поэтъ и начинаетъ читать слѣдующіе, сочиненные имъ. стихи!» Неужели такая нелѣпица не возбудила бы всеобщаго смѣха? Не сказалъ ли бы тогда ему всякій читатель: «Въ своемъ ли ты умъ любезный поэтъ? ты забылъ, что выступаешь здѣсь самаго себя. Мы знаемъ очень хорошо, что стихи, которые твой поэтъ читаетъ, суть твоего сочиненія!» Эта нелѣпость въ Гомеръ была бы еще ощутительнѣе потому, что его Демодокъ поетъ стихи объ Улиссѣ и о Троѣ, что именно нужно было къ его намѣренію. Главный законъ всѣхъ искусствъ изящныхъ требуетъ, чтобы истина пѣщическая строго была соблюдаема во всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ, и чтобы въ изображеніи событій древняго времени было сколь возможно болѣе устраняемо все то, что можетъ вывести насъ изъ очарованія напоминаніемъ нашего времени. Эту истину знаютъ и сказочники. Отсюда слѣдуетъ, что Гомеръ стихотворецъ вовсе не былъ подобенъ

(*) А. П. Д. Съ удовольствіемъ я назвалъ бы его имя вполне, если бы онъ самъ не воспротивился моему желанію.

пѣвцамъ Фемію и Демодокѣ, и что никогда не восхвалялъ подъ музыку своихъ пѣсней, а сочинялъ, писалъ ихъ, и читалъ друзьямъ своимъ также, какъ бываетъ это и въ наше время, или у себя дома, или въ какой нибудь бесѣдѣ. И такъ тѣмъ, которые вѣрятъ Фемію и Демодокѣ и ихъ пѣснямъ, совѣтуемъ отъ души вѣрить также и плѣнительному пѣнію Сиренъ, особенно, когда ихъ пѣсня приведена Гомеромъ собственными ихъ словами: Δεῦρ' ἄγε и проч. Выразимъ же все это мнѣніе въ слѣдующей дилеммѣ: Во время царя Алкиноя или существовали пѣснопѣвцы подобные Гомеру, или не существовали. Если существовали, то выводъ одного изъ нихъ на сцену, Гомеръ долженъ былъ заставить его пѣть тѣ самые стихи, которые точно принадлежатъ, или могли бы принадлежать этому пѣвцу, извѣстному всѣмъ; если же не существовали, то Гомеръ могъ приписать этому неизвѣстному пѣвцу и свои собственные стихи, за то вся прочая обстановка и принадлежности, долженствовали все быть въ обыкновеніи времени Гомеровскаго, другими словами: этотъ пѣснопѣвецъ долженствовалъ быть вовсе не похожимъ на поэтовъ Гомерова времени, или, какое родится въ васъ чувство при мысли, что у Алкиноя поются Гомеровы стихи; и поются такимъ пѣснопѣвцемъ, который точь въ точь сходствуетъ съ Гомеромъ. Если мы слышимъ Гомеровы стихи изъ устъ Сиренъ; то ихъ поютъ такія существа, которыя не только въ Гомерово время, но и никогда не существовали. Теперь пусть читатель выберетъ изъ нашей дилеммы ту часть, какую ему угодно; мы остаемся при послѣдней, и заключаемъ, что Гомеръ былъ просто стихотворецъ, а вовсе не пѣвецъ подобный Фемію и Демодокѣ, которые по этому суть лица идеальные (*).

(*) Мы уже видели, какъ Вольфъ понимаетъ Гомерова Фемію и Демодока. Гейне, другой толкователь Гомера, принимаетъ и то, что они поютъ за подлинное ихъ произведеніе. Слова его очень любопытныя; не могу ихъ не выписать, что бы подѣлиться удовольствіемъ съ читателемъ. «Память и молва о войнѣ Троянской, еще прежде сочинителя Одиссеи (замѣтьте, онъ не называетъ Гомера въ доказательство своего строгаго скептицизма) уже была оглашена въ пѣсняхъ древнѣйшихъ поэтовъ; повѣствуется (не говорить гдѣ), что Улиссъ у Алкиноя слушалъ такого пѣвца повѣствующаго о событіяхъ подъ Трою; отсюда ясно видно, что Гомеръ не былъ первымъ пѣвцомъ войны Троянской, когда самъ упоминаетъ о другихъ, которые еще прежде его принимались за это дѣло». Удивительно до чего доходитъ романтизмъ немецкихъ ученыхъ. Выдуманый Гомеромъ пѣвецъ и выдуманная Гомеромъ пѣсня, и выдуманная съ намереніемъ объ Улиссѣ, принимается какъ документъ историческій! И эти господа сомнѣвающіеся въ существованіи Гомера, не сомнѣваются въ существованіи Фемію и Демодока!

С Т И Х И,

ЧИТАЕМЫЕ ВЪ ГОРОДѢ

Нереславль-Залѣсскомъ,

на данномъ обѣдѣ жителями, морякамъ 32-го флотскаго экипажа при проходѣ ихъ въ г. Архангельскъ 9-го марта 1856 года ().*

Есть для Русскихъ имена,
Съ которыми сопряжена
Россіи честь, Россіи слава:
Кагуль, Бородино, Полтава,
Рымникъ, Очаковъ, Кадыкъ-Ларь.
Чесма, Синопъ, Москвы пожаръ,
Парижъ и Альпы—всюду слава!
Балканы, Эрзерумъ. Варшава.
Карсъ, Эриванъ и Измаиль,
Березина. Адрианополь; —
Но громче ихъ заговорилъ
Святой страдалецъ Севастополь...
Въ честь нашу и во стыдъ врагамъ.

(*) Объ этомъ обѣдѣ было уже напечатано въ Московскихъ Ведомостяхъ текущаго года въ № 43-мъ. на стр. 379, гдѣ упоминается и о стихахъ, писанныхъ Д. А. Демядовымъ въ честь Севастопольскихъ героевъ. Недавно мы имѣли случай получать эти стихи и не безъ удовольствія даемъ имъ мѣсто въ нашемъ журналѣ, въ дополненіе къ напечатанной статьѣ. *Ред.*

Онъ несклонилъ позорно выю!
Нездался онъ еретикамъ,
Незапятналъ собой Россію!
Онъ не поднесъ врагу ключей —
Лишь груду пепла и камней,
Нерастворенныя палаты,
Нашли злодѣи ренегаты....
Кому же честь за этотъ бой?
О комъ святыхъ церковей молитвы?
Кому жъ поклонъ земли родной, —
Привѣтъ Царя за эти битвы?
Вамъ, нашимъ братьямъ и друзьямъ,
Вамъ, Черноморцамъ, морякамъ....

Д. Демидовъ.

РЪЧИ, НЕКРОЛОГЪ И ОТЧЕТЪ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

Императорскаго Московскаго Университета

12 Января 1856 года.

Въ этомъ почтенномъ памятникѣ жизни Московскаго Университета за 1855 годъ въ особенности обращаетъ наше вниманіе рѣчь ординарнаго профессора, доктора правъ, Сергія Орнатскаго «О единствѣ всеобщаго, высшаго закона правды, въ сравненіи со множествомъ и разнообразіемъ положительныхъ законовъ въ разныхъ чело-вѣческихъ обществахъ».

Эта рѣчь г. Орнатскаго составляетъ явленіе весьма любопытное, не только въ Русской юридической литературѣ, но вообще во всей современной Русской литературѣ. Она въ высшей степени самобытна, какъ содержаніемъ мыслей, такъ и формою изложенія. И тою и другою стороною она во многихъ мѣстахъ не по духу времени, нѣ въ гармоніи съ господствующимъ вкусомъ. Сперва взглянемъ на ея недостатки, а потомъ и на похвальные ея качества. Расположеніе рѣчи неудачно, — отъ чего она не имѣетъ единства и удобовѣстности въ понятіи читателя. Содержаніе ея сходно съ содержаніемъ знаменитой Энциклопедіи Законовѣдвнія Неволнина; но у этого великаго мастера юриспруденціи идея правды, построенная въ твердую, стройную и ясную систему постепеннаго ея развитія въ народахъ міра, движется снѣгло, торжественно сквозь рядъ философовъ, посвятившихъ жизнь свою на созерцаніе чело-вѣческаго духа и правды его, отвѣственно отъ положительныхъ законодательствъ

Проведши такимъ образомъ идею правды чрезъ область умознанія, Неволинъ возвращается къ первымъ вѣкамъ гражданскихъ обществъ, ориентируется, становится лицомъ отъ востока на западъ, и потомъ изъ точки Восточнаго покоя вѣчной правды, идетъ на западъ, въ мѣръ движенія, бурь, переворотовъ, которымъ подвергалась она въ положительныхъ законодательствахъ. Отъ того ученіе Неволина и ясно и убѣдительно. Ему не нужно было останавливаться на пути и высчитывать всѣ причины даннаго состоянія положительныхъ законодательствъ. Оно было ясно само собою, изъ всего предыдущаго: высота этого солнца гражданскихъ обществъ, идеи правды, объяснила все — однимъ разомъ. Способъ изложенія генетическій! Г. Орнатскій не имѣетъ историческаго духа въ разработкѣ своей науки. Ему все представляется дѣломъ одного произвола; онъ по преимуществу догматикъ. Г. Орнатскій начинаетъ съ того, что Богъ, создавши мѣръ, тварей неодушевленныхъ и одушевленныхъ, предписалъ имъ законы, которые онъ исполняютъ отъ вѣка неуклонно и непреложно; вѣщамъ же тварей поставилъ человека, одаривъ его разумомъ и волею. — Богъ сотворилъ человека правого. Чувственная сторона человека подчинялась разумному духу, и жизнь его была гармоніею всѣхъ его силъ, душевныхъ и тѣлесныхъ. Еслибъ первозданный человекъ, родоначальникъ безчисленнаго потомства и всѣхъ возможныхъ человеческихъ обществъ, не разрушилъ этой гармоніи дѣйствіемъ своей свободы; то какъ онъ самъ, такъ и всѣ безчисленныя общества, отъ него происшедшія, образовали бы царство мира, любви и правды, и тогда у людей не было бы закона, кромѣ закона нравственнаго, правящаго помышлениями и дѣяніями. Тогда не было бы раздѣленія между закономъ внутреннимъ и вѣшнимъ. Но, съ возникновеніемъ брани между духомъ и тѣломъ, при существованіи однако жъ свободы, возникли различныя степени отклоненія отъ вѣчной правды и приближенія къ оной, не только отдѣльно въ лицахъ, но и въ цѣлыхъ обществахъ человеческихъ. Отсюда произошли различныя законодательства, съ безчисленнымъ разнообразіемъ въ ихъ положеніяхъ и правилахъ. Открылось различіе между идеаломъ и дѣйствительностію, между закономъ внутреннимъ—нравственнымъ, и вѣшнимъ—гражданскимъ. Безчисленное разнообразіе положительныхъ законодательствъ, г. Орнатскій возводитъ къ тремъ кореннымъ причинамъ. Первая причина лежитъ внѣ человека. Это географическое положеніе общества на земномъ шарѣ, гдѣ условіями законодательствъ служатъ: климатъ, равнины, горы, степи, пустыни, почва земли, моря, рѣки, озера и проч. и

проч. Вторая причина лежитъ въ самомъ чловѣкѣ или чловѣчскомъ обществѣ. Здѣсь условіями законодательства служатъ: племя, характеръ, нравы, религія, науки, искусства народа. Третья причина разнообразія законодательства заключается въ историческихъ событіяхъ каждаго народа. Каждая изъ этихъ коренныхъ причинъ представлена ораторомъ съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, исключая нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ законодательное явленіе, лежащее въ природѣ обществъ, представлено у него явленіемъ случайнымъ, какъ напримѣръ: явленіе феодализма въ европейскихъ государствахъ.

Каждая изъ этихъ статей, взятая отдѣльно, вѣрна, полна въ своемъ содержаніи и прекрасно закончена; но взятыя вмѣстѣ, въ цѣломъ, онѣ неимѣютъ единства, какъ бы заволакиваютъ свѣтъ вѣчной правды, непоказываютъ отношенія явленій къ моментамъ исторіи народа и къ моментамъ всемірной исторіи.

Личный характеръ оратора сильно выразился въ изложеніи озваченныхъ предметовъ, и по моему мнѣнію, такой характеръ составляетъ первокласное достоинство въ ораторѣ-юристѣ. Въ рѣчи до очевидности замѣтно сильное богословское и философское образованіе профессора. Это не простое, литературное благоговѣніе къ Создателю міра, а отчетливое, горячее, пламенное сознаніе догматовъ Христіанской Вѣры, на основаніи коихъ возрасли, красуются и благоденствуютъ христіанскія общества и государства. Профессоръ крѣпко вѣритъ въ существованіе добра и зла на землѣ, въ свободу чловѣческаго духа и вмѣняемость его дѣяній, вѣритъ въ усовершенство рода чловѣческаго при руководствѣ вѣры, въ славу чадъ Божіихъ, искупленныхъ отъ вѣчнаго рабства кровію Богочловѣка. Отъ того всѣ его положенія тверды, рѣшительны и повелительны. Вѣрный назначенію своей науки, онъ строгъ и нелицепріятенъ къ дѣяніямъ мысли и воли народовъ. Онъ безпощадно бьетъ заблужденіе, гонитъ пинками, корабельнымъ канатомъ гонитъ всѣхъ ложныхъ боговъ и ложныхъ мудрецовъ изъ храма науки. Онъ грубо обращается съ Римлянами, и даже классическое ихъ законодательство, къ которому онъ самъ равнодушенъ, неутоляетъ его негодованія противъ ихъ разбойнаго, грабежнаго поведенія съ слабѣйшими народами міра, — Французамъ же, законодателямъ тряпичныхъ модъ и всякаго непостоянства, завѣщаетъ *нескончаемую борьбу анархіи съ законною властію*.

И эта рѣчь, исполненная неопровержимыхъ юридическихъ истинъ, облечена въ оригинальную внѣшность. Мышленіе профессора носитъ печать самой строгой учебной дисциплины. Каждая мысль

его выправлена, бодра, объективна до отверженія всякой субъективности, не боязлива передъ укоренившимися предрассудками и общимъ мнѣніемъ, и готова ударить на нихъ всею силою науки. Это не просто собраніе истинъ, а цѣлый строй, армія юридическихъ мыслей и каждая изъ нихъ подобна русскимъ воинамъ, которыхъ можно убить, но не опрокинуть. Мертвые — онъ еще стоятъ, и стоятъ съ угрожающимъ видомъ отмщенія. Орнатскій оригинально берется за каждый предметъ, входящій въ составъ его рѣчи. Онъ забираетъ его съ корнемъ, со всеми прикосновенностями, со всеми сродниками, со всемъ его потомствомъ, и ставитъ въ свои желѣзные ряды аргументовъ.

Конечно, эта манера оратора захватываетъ иногда духъ читателя, — за то и ораторъ понимаетъ эту трудность, и мчится съ ужасною быстротою въ закругленіи каждой своей мысли. Видно что г. Орнатскій учился словесности не по синтаксисамъ новѣйшаго изобретенія, а долго работалъ надъ Платономъ и Аристотелемъ, надъ Демосфеномъ и Цицерономъ, долго трудился надъ составленіемъ періодовъ, хриій, ораторскихъ рѣчей, диссертаций и даже проповѣдей. Отсюда крѣпость, періодичность и точность выраженія. Никто не скажетъ, что у г. Орнатскаго нѣтъ слога, круглоты, или централизации мыслей; у него не встрѣтите распушенности, распоясанности, разорваннаго теченія мыслей. Это потокъ, и потокъ непрерывный. Языкъ рѣчи неизобилуетъ тропами и фигурами; онъ вездѣ правиленъ, приличенъ, силенъ, однимъ словомъ, это почтенный языкъ юриспруденціи. Но къ сожалѣнію достоинство изложенія не вездѣ выдержано у г. Орнатскаго. Размѣры его періодовъ напоминаютъ двѣ эпохи греческаго міра: циклопическую и эллинскую. Есть періоды рѣшительно допотопнаго построенія. Это не то, что длинный нѣмецкій періодъ, гдѣ умъ писателя вязнетъ въ топяхъ глубокомыслія; это періодъ богатырскій, быстрый, но требующій отъянно широкихъ грудныхъ полостей, какія нынѣ уже не встрѣчаются. Отъ такихъ періодовъ занимается духъ читателя, и не мудрено, что Галаховъ подберетъ ихъ въ свою Христоматию, для показанія юношамъ, чтобы они такихъ періодовъ не строили. Но тамъ, гдѣ мысль г. Орнатскаго укладывается въ общую человѣческую мѣру слова, періоды его представляютъ плавное волнованіе или атлетическій размахъ рѣчи, напоминающіе изящную рѣчь эллинскаго построенія.

Такимъ образомъ рѣчь г. Орнатскаго представляетъ и важныя достоинства въ содержаніи и выраженіи, и довольно крупныя недостатки въ планѣ и въ выраженіи. Это великолѣпный обзоръ по-

ложительных законодательствъ. Если профессоръ-ораторъ есть показатель науки и слова въ высшей обители наукъ въ данное время ея исторіи, то я увѣренъ, что отдаленный потомокъ, прочитавъ рѣчь г. Орнатскаго, между прочимъ скажетъ: Профессоры-юристы такого-то года или неумѣли, или нехотѣли приноровляться ко вкусу современной публики, но нельзя имъ отказать въ добросовѣстности и въ прекрасномъ знаніи своего дѣла. — Вообще же не привлекательность юридическихъ сочиненій объясняется самымъ характеромъ науки, которая, правду сказать, не совсемъ изящна, и не совсемъ доступна. Отпечатокъ сухости, строгости, лежитъ на самыхъ студентахъ юридическаго факультета. Они слишкомъ сосредоточены, справочны, цитатны, и все это вслѣдствіе характера ихъ науки. Въ утѣшеніе имъ я долженъ сказать слово покойнаго достопочтеннаго ихъ попечителя, Д. П. Голохвостова: «юристы, по моему мнѣнію, говорятъ онъ, составляютъ плотину, сдерживающую напоръ водъ многихъ, и отводящую эти воды въ жолобъ, гдѣ онѣ могутъ смолотъ всякую добрую снѣдь на потребу человечеству». Д. П. Голохвостовъ любилъ юриспруденцію. — и я ее люблю.

М. М.

СИЛЛОГИСТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Въ смѣси литературнаго отдѣла Московскихъ Ведомостей (№ 68. 1856 г.) помѣщенъ, яко бы полученный изъ (*глуши*) чрезъ *сотрудника* ихъ отъ одного *простаго* и *положительнаго* человѣка слѣдующій силлогизмъ:

«*Посылка 1-я.* Возвръніе на предметъ можетъ быть только двоякое: *ложное* или *неложное*.

«*Посылка 2-я.* Слово: *Русское* не есть синонимъ ни ложнаго, ни неложнаго.

«*Заключеніе.* Слѣдовательно слово: *Русское*, къ возвращенію приложено быть неможетъ.»

Цѣль и смыслъ всей статейки съ такимъ силлогизмомъ очевидны: по мѣрѣ силъ и возможности, поразить Русскую Бесѣду съ ея русскимъ возвращеніемъ и всѣхъ, кто держится этого возвращенія. Конечно, поэтому только и избрана силлогистическая форма доказательства, какъ самая ясная и несокрушимая: въ противномъ случаѣ это было бы не больше, какъ смѣшной фарсъ, но смѣшной не на счетъ Русской Бесѣды и ея русскаго возвращенія.... Обстановка: *глушь*, *сотрудникъ*, *простой* и *положительный* человѣкъ и проч. — весьма

подозрительна и, вѣроятно, обманываетъ развѣ тѣхъ только, кто принялъ участіе въ выпускѣ этой силлогистической утки. Стремленіе же иныхъ всячески противодействовать русскому воззрѣнію извѣстно уже давно и изъ разныхъ статей, — даже видно и изъ этой. Здѣсь я читаю: «иные утверждаютъ, что это выраженіе (русское воззрѣніе) и логическое и удобопонятное, другіе же отрицаютъ въ немъ не только логику, но и самый смыслъ» — и далѣе, *какъ* подтвержденіе послѣдняго мнѣнія, читаю самый силлогизмъ. — Спрошу мимоходомъ: Гг! давно ли смыслъ и логика не въ ладахъ и разошлись такъ, что могутъ быть другъ безъ друга? и какъ вы это понимаете? и какъ это можетъ быть? и какой смыслъ не въ ладахъ съ логикой?...

Незнаю, будетъ ли и какъ будетъ отвѣчать Русская Беседа за себя и за свое *русское* воззрѣніе противъ такого силлогизма. Что до меня касается, то я, не имѣя чести принадлежать ни къ какой сторонѣ — ни *за* ни *противъ* русскаго воззрѣнія, а слѣдственно и не защищая и не опровергая его, желаю, только въ качествѣ любителя силлогистики — не болѣе, сказать нѣсколько словъ объ этомъ силлогизмѣ и, что для меня еще главнѣе, о томъ, какія мысли, при чтеніи его, пришли мнѣ въ голову.

Толковать съ *простымъ* человѣкомъ, который, статься можетъ порядочно и не слыхивалъ, что такое логика или силлогизмъ, — толковать о томъ, каковъ долженъ быть силлогизмъ по содержанію и формѣ и удовлетворять ли его силлогизмъ тому и другой въ строгомъ смыслѣ, — толковать обо всемъ этомъ съ *простымъ* человѣкомъ я, теперь и здѣсь, положительно не желаю. Впрочемъ нельзя незамѣтить, что мѣньшая.... Простой человѣкъ, вѣроятно, по простотѣ своей положительно не знаетъ (или не хочетъ знать, — что впрочемъ несовмѣстно съ простотою), что въ силлогизмѣ издавна принято называть посылки, въ извѣстномъ отношеніи, болѣею и мѣньшею, и называетъ ихъ, въ томъ же отношеніи, первою и второю, — нововведеніе, которое неприятно изумить, какъ и меня, всѣхъ любителей силлогистики и, какъ неразумное, конечно, будетъ отвергнуто. — И такъ мѣньшая посылка въ силлогизмѣ простаго челоуѣка должна быть выражена иначе, наприм. хоть такъ: Русское воззрѣніе неможетъ быть ни ложнымъ ни неложнымъ (*). Это мнѣ

(*) Да и весь силлогизмъ долженъ быть выраженъ проще и яснѣе — такъ: воззрѣніе можетъ быть или ложное или истинное; русское воззрѣніе неможетъ быть ни ложнымъ ни истиннымъ; слѣдс. оно неможетъ быть и воззрѣніемъ.

кажется необходимымъ потому, что въ силлогизмахъ собственно не-
 можетъ быть и рѣчи ни о несинонимахъ (*) ни о синонимахъ, а еще
 болѣе потому, что иной въ этомъ силлогизмѣ, пожалуй, найдеть
 четыре термина. Четыре термина! въ силлогизмѣ!! Простой чело-
 вѣкъ! Понимаете ли вы, что дѣлаете? Вы, конечно, того неведая,
 положительно испровергаете все зданіе силлогистики, которое въ
 теченіе столькихъ вѣковъ, такими трудами столькихъ мастеровъ съ
 подмастерьями воздвигнуто, утверждено и признано непоколебимымъ
 всеми, свѣдущими въ этомъ дѣлѣ. — Но можетъ быть, простой че-
 ловѣкъ *схитрилъ*, т. е. находя что мѣншая посылка, переведенная
 на простыя слова, подобно тому, какъ мною сейчасъ сдѣлано, слиш-
 комъ бросается въ глаза своею... особенностью, укуталъ ее ино-
 сграннымъ словомъ, — не всякій, де, пойметъ? Можетъ быть; но,
 повторяю еще, хитрость нелегко уживается съ простотою. Впрочемъ
 и то сказать, эта хитрость весьма не хитра и можетъ обморочить
 развѣ того, кто ни аза несмыслить въ силлогистикѣ. — Далѣе, къ
 мѣншей посылкѣ, кратко, но ясно, опредѣлительно и положительно,
 должна быть присовокуплена причина, почему въ ней сочетаются
 подлежащее съ сказуемымъ такъ, а не иначе; потому что въ этомъ-
 то и состоитъ споръ между защитниками и противниками русскаго
 воззрѣнія, это-то и можетъ дать хоть какое нибудь значеніе силло-
 гизму. Дайте же причину: ибо здѣсь, какъ и во многихъ другихъ
 случаяхъ, по русской пословицѣ, — только съ именемъ Иванъ... Не-
 достаточно выкинуть силлогистическій фокусъ, который можетъ пу-
 стить пыль въ глаза только непонимающимъ дѣла и отуманить
 ротозвѣвъ: надо строить силлогизмъ, если вы на то рѣшаетесь, фун-
 даментальный, прочный, способный если не испровергнуть против-
 ника, то озадачить его такъ, чтобы онъ нескоро оправился. Если
 имѣете силы, стройте такой силлогизмъ; а неимѣете силъ, такъ
 лучше и неберитесь, — несрамитесь. Nunquam tentabis, ut non
 perficias, — говорить одинъ глубокомысленный историкъ. — Можно
 нѣкоторымъ образомъ даже угадывать, какая причина скрывается при
 мѣншей посылкѣ, — если только тутъ есть какая нибудь хитрость;
 но, не забывая впередъ, я желалъ бы, чтобы простой человѣкъ самъ

(*) Не поставлено ли слово синонимъ вмѣсто слова эпитетъ? Отъ простаго
 человѣка статья можетъ и это. А вѣдь выходить: Фодоть, да не тотъ!
 Впрочемъ и это предположеніе нѣкоторыхъ, желающихъ какъ нибудь повѣсть
 или оправдать силлогизмъ, ни на волосъ неоправдываетъ дѣла. Въ силлогиз-
 махъ идетъ рѣчь о другомъ.

сказалъ ее просто, безъ обиняковъ, безъ крѣпкихъ, положительно, ясно и въ самыхъ краткихъ словахъ. Это весьма нетрудно сдѣлать; ибо, къ чести строителя этого силлогизма, желю думать, что, составивъ такую меньшую посылку въ своемъ силлогизмѣ, онъ имѣетъ въ запасъ достаточное для ней основаніе. Сдѣлайте же это, простой человѣкъ, какъ знаете или хоть по этому примѣру: — о вслкомъ силлогизмѣ можно говорить или серьезно или шуточно; объ этомъ силлогизмѣ нельзя говорить ни серьезно ни шуточно, — ибо серьезнаго разговора онъ незаслуживаетъ, а шуточный разговоръ о немъ можетъ показаться обиднымъ его строителю; слѣдственно и проч. Вотъ видите, какъ легко строить подобныя силлогизмы; и мнѣ кажется, — если впрочемъ необманываетъ меня самолюбіе, что мой силлогизмъ хоть и пародія, а лучше, *основательныя* вашего силлогизма. — Тогда я, опять таки въ качествѣ только любителя силлогистики, охотно потолкую съ вами о вашемъ силлогизмѣ: въ нынѣшнемъ литер. мірѣ, который такъ вопіетъ противъ схоластики, хриі и проч. и такъ забавно издѣвается надъ ними, вы неповѣрите, какъ пріятно встрѣтить что нибудь, надъ чѣмъ можно отвести душу. Удовлетворительна ли будетъ причина ваша для вашихъ противниковъ, — это не мое дѣло; мое дѣло — силлогизмъ, по содержанию и формѣ. Заключение во всей формѣ къ силлогизму можно и не прибавлять, — дайте только посылки большую и меньшую съ основаніемъ; люди, знающіе толкъ, сами, безъ вашего указанія, увидятъ, что выходитъ или не выходитъ изъ вашихъ посылокъ; а люди, незнающіе толка, при всѣхъ вашихъ *и такъ, слѣдственно* и проч. непоймутъ, какъ и такъ ли выходятъ ваши мысли одна за другой, и подостыниству не оцѣнятъ вашего силлогистическаго искусства, — слѣдственно не въ коня кормъ. — За тѣмъ любитель силлогистики имѣетъ честь раскланяться съ простымъ человѣкомъ — положите ѣно до будущаго исправленнаго и дополненнаго изданія его силлогизма. Но... позвольте, позвольте. Такъ и есть! Воззрѣніе есть родовое (или, пожалуй, видовое) понятіе, а русское воззрѣніе — понятіе видовое (или, пожалуй, недѣлимое): а, такъ ли? Что принадлежитъ роду, какъ признакъ его; то принадлежитъ и виду и недѣлимому, то же какъ признакъ его: а, такъ ли? Отъ рода къ виду и недѣлимому, отъ цѣлаго къ части заключеніе слѣдуетъ: а, такъ ли? Такъ ли все это, простой человѣкъ?... Что же вы дѣлаете? Положительно, стыдъ и срамъ! Вы, — къ чести вашей желаю думать, по невѣдѣнію, — положительно нарушаете первыя, основныя правила всякаго умозаключенія. Должно выходить такъ: воззрѣніе (какъ родъ) можетъ быть или

ложное или истинное; следовательно и русское воззрѣніе (какъ видъ этого рода) можетъ быть или ложное или истинное. А у васъ что выходитъ? Да въ семинаріи, надъ которою вы (что мудреного?) такъ высокомерно-милостиво изволите въ своихъ повѣстяхъ, романахъ и т. д. глумиться и потѣшаться, но въ которой вамъ не мешало бы поучиться силлогистикѣ (тамъ учать этому не шутя) и прочей схоластической гимнастикѣ, тамъ предательски вамъ измѣнлившей, быть можетъ, въ самомъ рѣшительномъ случаѣ, васъ бы за такую эрготерію положительно тово.... И однако жъ вы, на свою голову, пускаете въ печать такую нелѣпицу! И однако жъ иной, пожалуй, сочтетъ ее за сухую истину! Вотъ здѣсь такъ можно, говоря вышеприведенными словами, отрицать не только логику, но и самый смыслъ. — Выше замѣтилъ я, что все это мнѣ кажется въ некоторомъ рода мистификаціей; но если дѣло было дѣйствительно такъ, какъ тамъ рассказывается, то тѣмъ хуже. Тѣмъ хуже и потому, что желая поддержать свое мнѣніе, такъ неловко высказываютъ враж. духъ, уже высказанный во многихъ статьяхъ того же содержанія, и иныхъ читателей вводятъ въ заблужденіе. Но я отбился отъ моего строителя силлогизма. И такъ, расклавявшись съ нимъ — и только персонально съ нимъ — до будущаго исправленнаго и дополненнаго изданія его силлогизма, обращаюсь къ главнѣйшей части моей замѣтки, т. е. къ мыслямъ, которыя, при чтеніи его силлогизма, пришли мнѣ въ голову.

1) Желательно было бы, чтобъ всѣ споры въ литературѣ нашей (разумеется по преимуществу текущая, журнальная и газетная, литература) приведены были къ кратчайшей силлогистической формѣ, хоть по образу этого образцоваго силлогизма. У меня тысяча и одна причина желать этого! — Тогда все вышло бы на свѣжую воду. Примите въ разсчетъ и то, что не всякій же читатель имѣетъ возможность и досугъ разобрать и обсудить, что вѣрно и что ложно въ широковысказательныхъ, напыщенныхъ, заносчивыхъ и туманныхъ критикахъ, антикритикахъ, рекритикахъ и т. д., — въ иныхъ нескончаемыхъ теоріяхъ Пушкина или умозрительныхъ построеніяхъ Гоголя, гдѣ умъ за разумъ заходитъ и гдѣ писатели забываютъ, что, *qui non vult intelligi, debet negligi*, — въ иномъ многословномъ и надутомъ пустозвонѣ, въ соизвѣстныхъ хитросплетеніяхъ для поддержки своего мнѣнія во что бы то ни стало, съ страннымъ упорствомъ, которое по истинѣ напоминаетъ слова Сенеки:

Catonі ebrietas objecta est, at facilius efficiet quisquis objecerit hoc crimen honestum, quam turpem Catonem, — въ софистическомъ крючкотворствѣ, съ помощію котораго иной, безъ основательнаго образованія, безъ твердыхъ и постоянныхъ убѣжденій, перебывающійся со дня на день добычею мыслей, пойманныхъ кое какъ и кое откуда, часто съ вѣтра, изъ газетной и журнальной литературы, пуще и рвительнѣе всѣхъ толкуеть обо всемъ и вкось и вкривь, — и т. д. Конечно, къ чести или не къ чести (незнаю) такихъ писателей надо замѣтить, что они и сами путаются и читателей, вслѣдъ за собою, заставляютъ путаться въ этомъ лабиринтѣ, по большей части, невинно, безхитростно, безъ задней мысли, по увлеченію безъ оглядки; но я остаюсь при своемъ желаніи. — И такъ, гг. писатели, старайтесь подражать строителю силлогизма въ Моск. Вѣдом., старайтесь приводить свою мысль въ кратчайшую и простѣйшую силлогистическую форму, старайтесь разсвѣять и привести въ порядокъ этотъ хаосъ и мыслей и выраженій, пугающій читателя. Тогда и сами вы и читатели ваши яснѣе и скорѣе поймутъ, что дѣло и что не дѣло въ вашемъ дѣлѣ. А то въ мутной водѣ....

2) Русская Бесѣда съ русскимъ воззрѣніемъ можетъ быть спокойна противъ такихъ строителей подобныхъ силлогистическихъ машинъ. Этого мало: она, по моему, должна желать, чтобъ почаще и позадорнѣе вооружались противъ нея подобными всесокрушающими доказательствами; ибо многіе, желая вредить своимъ противникамъ своими дѣйствіями, *тѣмъ* самымъ содѣйствуютъ ихъ пользѣ, — а это не бездѣлица!

3) Простой строитель силлогизма, желая услужить противникамъ Русской Бесѣды и русскаго воззрѣнія, спроста сослужилъ имъ такую службу, которая, по крайней мѣрѣ, — положительно не стоитъ благодарности, и чуть-чуть не напомнилъ было басни Крылова: Пустынникъ и медвѣдь. — *Hinc illa infelicis monumenti inscriptio: turba se medicorum perisse!* (Плин.)

Недавно поднятый, горячій споръ о торговлѣ, говорятъ, идетъ къ концу: проповѣдникъ свободной торговли, выбитый изъ своихъ прежнихъ ретраншементовъ противниками, строить новые; но противники надѣются выбить его и отсюда и заставить сознаться, что онъ неправъ. — Тоже можетъ случиться и въ спорѣ о русскомъ воззрѣніи. А я, какъ любитель силлогизмовъ, желалъ бы, чтобъ этотъ

споръ продлился — и притомъ именно на силлогизмахъ. Я желалъ бы этого и потому, что, быть можетъ, нашелъ бы случай сказать что нибудь объ общечеловѣческомъ воззрѣнн и т. п., объ этомъ благовидномъ и заманчивомъ, но, на мои глаза, не во всѣхъ отношеніяхъ одобрительномъ космополитизмѣ своего рода, который такъ усердно и, съ иныхъ сторонъ, такъ неразумно (такъ мнѣ кажется!) у насъ проповѣдуютъ некоторые господа.

1855 г. Юня 23,

Л.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Вышелъ 5-й N журнала Сельскаго Хозяйства, издаваемого отъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Содержаніе его слѣдующее: *Отдѣленіе первое*—1) Актъ въ Московской Земледѣльческой Школѣ, 2) Отчетъ о Земледѣльческой Школѣ за учебный 1854—1855 годъ, г. *Анненкова*, 3) Практическія замѣчанія по сельскому хозяйству, г. *Пузанова*; *Отдѣленіе второе* — 4) Протоколъ засѣданія комитета льняной промышленности, бывшаго апрѣля 27 дня и приложеніе къ протоколу, 5) О способахъ усовершенствованія льнянаго волокна для ручнаго и машиннаго пряденія, г. *Истинскаго*, 6) Протоколъ засѣданія Комитета Шелководства, бывшаго апрѣля 20 дня, 1856 года и приложеніе къ протоколу, 7) О русскихъ шелкахъ, *И. В. Залогина*, 8) О шелководствѣ въ имѣніи *Е. В. Курносой*, 9) Наблюденія надъ произрастаніемъ шелковицы и выкормкою шелковичныхъ червей, произведенныя въ Варшавскомъ Ботаническомъ саду, г. *Гануша* съ примѣчаніемъ г. *Каулина*; *прибавленіе*—10) Записки Юрьевскаго Общества Сельскаго Хозяйства: хозяйственные вопросы, предложенныя Юрьевскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства въ 1855 г., 11) О добыванн дегтя изъ бересты, г. *Гребнера*, 12) Нѣсколько хозяйственныхъ замѣчаній, измеченныхъ изъ опыта, *его же*, 13) Отчетъ Юрьевскаго Общества Сельскаго Хозяйства за 1855 годъ.

Записки Горыгорьцкаго Земледѣльческаго Института, изданныя Департаментомъ Сельскаго Хозяйства Министерства Государствъ Книжка V. С. П. Б. 1856 г. Увѣрены, что теперь нѣтъ въ Россіи образованнаго человека, который не зналъ бы о существованіи, значеніи и важности Горыгорьцкаго Института, и потому не станемъ говорить о немъ вообще, а прямо приступимъ къ его запискамъ. Это, съ одной стороны отчетъ въ годовыхъ трудахъ, по ученой, учебной и практической дѣятельности Института, его членовъ и воспитанниковъ; съ другой, это — сборникъ ученыхъ статей по Сельскому Хозяйству, писанныхъ по разнымъ современнымъ вопросамъ науки, отъ части лицами, которыя своимъ воспитаніемъ обязаны институту. Оставляя до другаго, болѣе удобнаго времени разборъ статей, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ, обратимъ здѣсь вниманіе читателя на первый отдѣлъ, на отчетъ по Горыгорьцкому Институту, по соединенному съ нимъ училищу и по его учебной фермѣ, за прошедшій годъ 1855. Предметы преподаванія, *въ Институтѣ*, состояли: въ Законѣ Божіемъ, Руской словесности, Энциклопедіи Сельскаго хозяйства, и въ наукахъ, со всеми ея частями, въ Ботаникѣ, Зоологіи, Минералогіи, Химіи, Физикѣ, Математикѣ, Геодезіи, Механикѣ, Правовѣдѣніи, Сельской Архитектурѣ, Кадастраціи, Медицинѣ и ветеринарномъ искусствѣ, Энциклопедіи Камеральныхъ наукъ, Бухгалтеріи и Нѣмецкомъ языкѣ. Мы назвали только главнѣйшіе роды свѣдѣній, опуская ихъ подраздѣленія. Предметами преподаванія *въ Горыгорьцкомъ земледѣль. училищѣ* были: Законъ Божій, Русскій языкъ, Ариѳметика, Географія, Исторія, Технологія, Архитектура, Естествовѣдѣніе, Полеводство, Скотоводство, Лѣсоводство, Скотоврачеваніе, Законовѣдѣніе, Чистописаніе. Дѣятелями въ этихъ заведеніяхъ, или членами ученаго сословія были: директоръ института — Войно-Куринскій, Инспекторъ Целлиинскій, совѣтникъ правленія Адъюнктъ Азаревичъ, въ должности младшихъ Професоровъ — Шмидтъ, Краузе, управляющій учебною фермою — Михельсонъ; Адъюнкты Королевъ, Рего, Гинцель; прочіе преподаватели: законоучитель православнаго исповѣданія протоіерей Золотовъ, — римско-католич. Ксендзъ Рымша; старшіе учителя: Раздольскій, Ввицковскій; младшіе: Вильбоа, Жебенко, Совѣтовъ, Коссовичъ, фонъ-Бремзень. — Студентовъ въ институтѣ было къ 1855 г. 199; въ томъ числѣ вольноприходящихъ 109; пансіонеровъ казеннокоштныхъ 24, своекоштныхъ 34, и т. д. Въ IV курсѣ находилось, въ этомъ году, 30, и изъ этого числа выпущено 8 отличныхъ, съ правомъ на степень

агронома; остальные съ званіемъ дѣйствительныхъ студентовъ. — Въ училищѣ было 80 учениковъ, и въ томъ числѣ вольноприходящихъ было 24, пансіонеровъ казеннокоштныхъ 21, своекоштныхъ 26, и т. п. — Въ V классѣ находилось 9 учениковъ, изъ которыхъ 8, какъ люди свободнаго состоянія, выпущены съ правами, Высочайше дарованными, и съ званіемъ управительскихъ помощниковъ; а девятый, Евдокименко I, окончившій курсъ наукъ съ самымъ отличнымъ успѣхомъ, какъ человекъ крѣпостной, возвращенъ владѣльцу.

Изъ переменъ, происшедшихъ въ преподаваніи, по институту, отмѣтимъ, что и тамъ Логикѣ не посчастливилось. Для облегченія студентовъ въ слушаніи общихъ предметовъ, говорить отчетъ, преподаваніе отдѣльно Логики упразднено и предложено излагать лишь логическую терминологию.

На Горыгорьской учебной фермѣ, состояло къ 1855 г. 103 воспитанника изъ Государственныхъ крестьянъ, 17 помѣщичьихъ, и 4 Еврея. Классное ученіе на фермѣ начиналось 7 января, продолжалось до конца апрѣля; потомъ возобновлялось 1 октября и продолжалось до 10 декабря, ежедневно съ 2 часовъ до 6 $\frac{1}{2}$ по полудни. — При чемъ проходили воспитанники Законъ Божій, Сельское Хозяйство, общія понятія о природѣ, скотоврачеваніе, овцеводство, и т. п. Изъ IV класса выпущено 56 воспитанниковъ, изъ которыхъ двое крѣпостныхъ возвращены еще въ сентябрѣ, по требованію ихъ владѣльца.

Главные занятія воспитанниковъ фермы состояли въ практическихъ работахъ по полеводству и луговодству, по огородничеству и пчеловодству, скотоводству, сельскимъ работамъ и ремесламъ.

Слишкомъ тридцать человекъ въ годъ, спеціально образованныхъ, для службы по Министерству Государственныхъ Имуществъ, для устройства сельскаго хозяйства въ частныхъ владѣніяхъ, и вообще для внесенія свѣта науки въ сельскую промышленность русскаго народа—это не маловажная заслуга института и училища передъ отечествомъ.

Желающіе ближе познакомиться съ «Записками» могутъ за умеренную цѣну 80 к. приобрести изданіе въ М. Горкахъ, Могилевской губ., Оршанскаго уѣзда, при институтѣ, или въ Москвѣ, на Zubовскомъ бульварѣ, въ справочномъ Депо Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Спѣшимъ извѣстить публику, что наконецъ открыта давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемая подписка на *Живописную Исторію Россіи* Авг. Роппольта. Это довольно громкое названіе дано Сѣверной Пчелой изданію, которое у Роппольта носить скромное имя Русской Имперіи, *L'Empire des Russies*; и все таки это довольно громкое названіе не выражаетъ всей заительности и важности дѣла, препринятаго знаменитымъ московскимъ литографомъ. *L'Empire des Russies*, съ одной стороны, есть портретная галлерей тѣхъ героевъ русской древности, которые съ призванія князей, владѣли въ Руси, держали и давали судъ и правду, скрѣпляли союзъ народа, собирали русскую землю и наконецъ сообщали ей размѣры полусвѣта. Съ другой стороны, изданіе должно представить Живописное обзорнѣе русской земли и русскаго народа, разстѣяннаго въ трехъ частяхъ свѣта, въ Европѣ, Азій, Америкѣ, за Кавказомъ и Ураломъ, по Волгѣ и Днѣпру, у морей Бѣлаго и Чернаго, Балтійскаго и Каспійскаго, и у Океановъ Сѣвернаго и Тихаго. И всѣ предметы, избранные для изображенія, хромо-литографированы съ роскошнымъ изяществомъ, достойно имени Государя, которому посвящено изданіе, — достойно своего великаго предмета, — достойно нашего вѣка, — достойно событія, которое должно служить поводомъ къ явленію первыхъ выпусковъ *L'Empire des Russies*. Роппольтъ хотѣлъ, чтобы Европа, собирающаяся быть въ Москвѣ свидѣтельницами ввѣчанія Государя Александра II на Русское царство, могла видѣть и оцутить весь блескъ вѣнца, вручаемаго Богомъ Русскому Царю. Наконецъ, желая дать въ своемъ изданіи мѣсто всемъ знаменитымъ родамъ Русской Имперіи, Роппольтъ приглашаетъ первыхъ подписчиковъ доставить въ его мастерскую имена ихъ и гербы для того, чтобы составить, такъ сказать, дагерротипъ современности. Послѣ сказаннаго нѣтъ нужды говорить о самомъ Роппольтѣ; замѣтимъ однакожь, что онъ первый изобрѣлъ хромо-литографію, или искусство писать на камнѣ красками, золотомъ и серебромъ, какъ въ настоящемъ изданіи; что изъ его заведенія вышло великолѣпное изданіе видовъ Русской Древности; что его мастерская образовала много художниковъ, по этой части, приурочила искусство хромо-литографіи Москвѣ и Россіи (*), и теперь

(*) См. Сѣверную Пчелу, за мартъ, 1856 г.

представила Европѣ чудную выставку русскаго царства въ его Государяхъ, владѣніяхъ, шарахъ. Изданіе состоитъ изъ 4 томовъ текста, въ которомъ 100 листовъ украшено изящными заглавными буквами, и написано *травами*, выражаясь по старинному; томы въ большой листъ и оттиснуты на бумагѣ самой изящной; изъ 200 картинъ, изъ которыхъ 67 представляютъ портреты, а 133 разные предметы изъ Русской Исторіи. Изданіе сдѣлано въ числѣ 400 экземпляровъ; выходитъ выпусками, имѣющими по 5 картинъ въ каждомъ, и стоящими 5 р. с.; появляется въ каждые полтора мѣсяца, по выпуску.

Первые подписчики, платящіе впередъ всю сумму изданія, приглашаются представить въ литографію Роппольта свои имена, отчества и гербы, которые будутъ хромофотографированы на особомъ листѣ, въ концѣ 1-го тома. Вторые подписчики платятъ впередъ за три выпуска. И всѣ получаютъ изданіе, безъ платежа въсowychъ. Литографія Роппольта находится на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ подъ N 66.

Древнѣйшая долговая книга г. Риги.

Въ N 131 сего года S. Petersb. Z. помѣщена статья подъ этимъ заглавіемъ. Отсюда мы заимствуемъ нѣкоторыя мѣста для Москвитянина.

Въ архивѣ рижскаго магистрата сохранилась до нашего времени пергаментная рукопись изъ XIII столѣтія. Она замѣчательна не только какъ памятникъ старины, но и по своему содержанію. Наши летописцы и историки не знали ея или, по крайней мѣрѣ, не пользовались ею, потому что нигдѣ не встрѣтишь ссылки или указанія на нее.

Первыя долговныя росписки въ этой рукописи отъ 1286 года. Каждая отдѣльная росписка занимаетъ мѣсто, по бѣльшей части, только одной строки; но число ихъ во всей книгѣ доходитъ почти до двухъ тысячъ. До конца XIII вѣка эта книга была въ постоянномъ употребленіи, а послѣ того долговныя записи встрѣчаются только изрѣдка, — цѣлые года нѣтъ ихъ, и послѣдняя изъ нихъ отъ 1339 г.

Въ 2000 почти росписокъ встрѣчается болѣе 3000 именъ. Ежегодно попадаютъ здѣсь въ большомъ количествѣ имена Русскихъ и Литовцевъ, которые сдаютъ свои товары, или получаютъ

чужіе, или кредитуются. Главный предмет продажи и главное средство уплаты—воскъ. Кроме того, какъ предметы продажи, часто встрѣчаются: хлѣбъ, соль, конопель, дерево, мѣха. Много есть ивстныхъ именъ изъ купечества, дворянства, и духовенства, которые являются какъ продавцы, или покупщики, или заимодавцы и ведутъ дѣла торговыя даже съ Готландомъ и Франціей. Въ теченіе XIII вѣка сюда были привлечены выгодами торговли, и отчасти остались на постоянное жительство купцы изъ Любека, Бремена, Мюнстера, Кельна, Брауншвейга и т. д., изъ Готланда, Швеціи и Англии. Торговья сношенія съ Россіей и Литвою, представляются весьма значительными; потому что между записями почти третья часть именъ русскихъ и литовскихъ. Отсюда становится понятнымъ, почему въ слѣдующемъ (XIV) столѣтіи въ древнѣйшей городской книгѣ г. Риги (пергаментная рукопись, хранящаяся въ рижской городской библіотекѣ) уже упоминаются *русская улица*, *русская церковь* съ кладбищемъ, *русская гильдія* и *русская слобода* передъ песочными воротами (Sandpforte), а Русскіе какъ владѣльцы домовъ въ городѣ.

Кромѣ указаній на движеніе торговли и на вызванныя ею отношенія къ иностраннымъ городамъ, долговая книга показываетъ намъ и то, изъ какихъ нѣмецкихъ городовъ въ первое столѣтіе по основаніи Риги сюда переселялись. Имена мѣстныхъ жителей, которые, какимъ бы то ни было образомъ, принимали участіе въ торговыхъ дѣлахъ и сношеніяхъ, и которыхъ потомки являются и въ позднѣйшее время такъ или иначе, могутъ доставить разнообразную добычу историческому изслѣдованію. Такимъ образомъ долговая книга представляетъ богатый матеріалъ для біографій и генеалогіи, а также и для метрологіи тогдашняго времени.

Форма внесенныхъ въ долговую книгу записей весьма проста: она болѣею частію ограничивается краткимъ указаніемъ должника, довѣрителя, количества долга и времени уплаты.

Рукопись долговой книги составляетъ *in folio*; корешокъ книги изъ краснаго сафьяна, который впрочемъ по древности давно уже полинялъ; дубовыя доски съ застежками. Теперь въ ней 50 вполнѣ или отчасти исписанныхъ листовъ; а есть ясныя слѣды, что многіе не исписанные листы и между ними даже отчасти исписанные вырваны, вѣроятно для того, чтобъ воспользоваться пергаментомъ.

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ.

1856.

ТОМЪ II.

№ 6.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. СТЕПАНОВОЙ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 1 дня,
1856 года.**

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

ВЗГЛЯДЪ НА ТО ВРЕМЯ,

КОГДА СОВЕРШИЛАСЬ КОРОНАЦІЯ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,

**съ описаніемъ фейерверка, даннаго по
этому случаю противъ Времени.**

Ст. С. М. Любецкаго.

Ровно за 94 г. предъ нашимъ временемъ приготовлялись въ Москвѣ пышныя торжества для коронаціи такой Государыни, которую, послѣ Петра *Перваго*, смѣло можно назвать *Второю*. Слѣдующія послѣ этой коронаціи еще памятны нѣкоторымъ ветеранамъ, разумѣется, немногимъ памятны, особливо коронація Императора Павла 1-го (тоже вполне блистательная, совершенная въ день Свѣтлаго Воскресенія, 1797 г. апрѣля 5-го дня); но коронація Императрицы Екатерины II-й сохраниена для насъ только по устнымъ преданіямъ и по немногимъ печатнымъ. ⁽¹⁾ Въ описываемое мною время, Екатерина II-я была въ полномъ развитіи своей красоты, соединенной съ поражающимъ величіемъ; она роди-

(1) Къ числу которыхъ принадлежитъ находящаяся у меня брошюра, весьма рѣдкая, подъ названіемъ: *описание аллегорическаго изображенія фейерверка, въ заключеніи великихъ торжествъ, даннаго по случаю коронаціи Императрицы Екатерины 2-й, 1762 г. (на Французскомъ и Русскомъ языкѣ).*

лась 1729 г. апрѣля 21-го (по преданію — въ достопамятнѣйшій день основанія Рима); на престолъ вступила 1762 г. іюня 27-го, въ день полтавской битвы, слѣдовательно на 33 г. своей жизни. Екатерина была самаго веселаго и любезнаго нрава; эти качества, вмѣстѣ съ необыкновеннымъ умомъ, выказывались въ ней еще въ то время, когда она была Велик. Княжною; она любила веселиться и видѣть всѣхъ, окружающихъ ее, веселыми и довольными. Къ 29 іюня, ко дню тезоименитства Императора Петра III-го, готовились пышныя торжества въ Петергофѣ, но вдругъ скоропостижная смерть Государя прекратила всѣ эти приготовленія; до самой коронаціи Екатерины, по причинѣ траура, при Дворѣ были только официальные съѣзды придворныхъ особъ; торжествъ и празднествъ никакихъ. Въ концѣ августа Государыня отправилась изъ Петербурга въ Москву, гдѣ ожидали ея съ нетерпѣніемъ; надобно замѣтить, что не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ, выключая придворныхъ чиновъ, выдали ее немногіе; даже бывши Императрицею, она рѣдко показывалась народу; но если куда выѣзжала, то со всею пышностію: впереди, предъ каретою ея, вѣхалъ взводъ Лейбъ-Гусаръ въ блистательныхъ мундирахъ, сзади сопровождалъ ее подобный отрядъ Гвардіи. Если выѣздъ ея случался поздно вечеромъ, то путь ея освѣщался факелами; появленіе ея на какой нибудь улицѣ производило необыкновенное восторженное волненіе въ народѣ.

Въ Москвѣ собирались праздновать два торжества: коронацію Императрицы и заключеніе мирныхъ условій, (какъ и у насъ теперь) съ Австріею и Даніею. Кто не знаетъ великодушнаго заступничества Императрицы Елизаветы за Австрійскую Императрицу Марію Терезію? Прусскій Король-Герой, Великій Фридрихъ II, быстрымъ натискомъ своей, хотя немногочисленной, но лучшей, — въ то время, въ Европѣ, въ стратегическомъ отношеніи, арміи, такъ стѣснилъ Австрію, что ей, безъ помощи Россіи, пришлось бы согласиться на невыгодное размежеваніе своихъ земель; но, по смерти Елизаветы, Императоръ Петръ III-й, вполне оцѣнившій доб-

лестныя качества друга своего Фридриха, приказалъ вспомогательному русскому войску, бывшему подъ начальствомъ Графа Чернышева, оставить союзныхъ Австрійцевъ и присоединиться къ Прусской арміи. Готовилась новая борьба между бывшими союзниками....

Голстинія, по прямому наслѣдству, принадлежала Императору Петру III-му; вступивъ на престоль, онъ объявилъ на нее права свои; Данія не хотѣла сдѣлать этой уступки; Петръ началъ приготовляться къ войнѣ съ нею. Наши полки двинулись уже за границу и дошли до Помераніи, два сильные флота русскіе должны были выступить изъ Ревеля; Петръ хотѣлъ лично предводительствовать своими войсками, но смерть его приостановила всѣ эти дѣйствія; Екатерина же, принявъ бразды правленія надъ Русскимъ государствомъ, совершенно прекратила готовыя вспыхнуть объ эти войны; на югозападъ приняла она нейтралитетъ, а съ сѣвера приказала воротиться своимъ войскамъ; обладая такимъ государствомъ, каково Русское, она не желала имѣть претензій на Голстинію. Во всемъ замѣтно было великодушіе ея, совмѣстное съ достоинствомъ ея сана; принесши за собою небольшое приданое, она, въ вознагражденіе того, въ продолженіе царствованія своего, сдѣлала для Россіи большія приобрѣтенія и оружіемъ, и политикою. ⁽¹⁾ *На земль миръ — чловѣцѣмъ благоволеніе, блаженни миротворцы...*

Въ продолженіе всего августа, сообщеніе между столицами было непрерывное, какъ казенное, такъ и частное, не смотря на то, что Петербургско-Московская дорога была тогда ужасная, въ полномъ значеніи этого слова. ⁽²⁾

⁽¹⁾ При ней прибрѣтены 6-ть губерній, Курляндія, Таврида; Россія раздвинула свои границы до Днѣпра, Чернаго моря и къ Балтійскому заливу. Въ началѣ царствованія ея было только 16 губ., она оставила послѣ смерти своей 46; она соорудила крѣпости, порты и множество новыхъ городовъ; въ Россіи прежде жителей считалось до 20 мил.; послѣ оказалось ихъ до 36 мил.; доходъ простирался до 21 мил., она возвысила его до 45 мил., она распространила флотъ и умножила войско до 560 тмс.

⁽²⁾ Еще Цари Алексѣй М. и Петръ I-й прилагали большое стараніе о содержаніи въ хорошемъ состояніи большихъ дорогъ. Петръ I-й въ 1712 г.

Извѣстно, какъ лѣсисты и болотисты губерніи Новгородская и Петербургская, а дорога чрезъ нихъ была гдѣ неровна, гдѣ песчана, гдѣ грязно-глиниста; про проѣздъ чрезъ Валдайскія горы нечего уже и говорить: *горе* — горы называли ихъ тогда; уже ночью не пускайся, въ то время, въ дальнія дороги; тогда не только не имѣли идеи про нынѣшнюю самокатную дорогу, по чугуннымъ скатертямъ, но не ѣзжали и по шоссе, за неимѣніемъ его; да не только эта, но и вообще большія дороги большею частію пролегали чрезъ большіе лѣса; мосты, перекинутые чрезъ встрѣчавшіяся рѣчки и овраги, были очень сомнительны. (²) Кто не слыхалъ, на примѣръ, о муромскихъ дебряхъ, съ существовавшими въ нихъ нѣкогда разбойниками, (*historique*), о песчаной зыби этой дороги, растягивавшейся на нѣсколько десятковъ верстъ — по которой тянулись обозы, какъ караваны, тащимые дромадерами по Сахарскимъ степямъ? Богатые, разумѣется, не претерпѣвали такихъ неудобствъ, такихъ душевныхъ и тѣлесныхъ потрясеній, какъ бѣдные; они ѣзжали большимъ поѣздомъ, но все-таки съ безпокойствомъ; собираясь въ дальнюю дорогу, служили напутственные молебны, а иные предварительно писали духовныя, на всякій случай; тогда еще не было исправныхъ капитанъ-исправниковъ. — Къ

приказалъ профессору морской Академіи Феркверсону проложить прямую дорогу между Москвою и Петербургомъ. Прежде большія дороги состояли въ вѣвннн *Ямской Канцеляріи*; (*ямъ* — отъ слова *емлю*, беру, т.-е. прогонннн деньги) но съ 1775 г. вообще почты уллучшились, а съ ними и устройство дорогъ, особенно съ того времени, когда главная почтовая дирекція поступила въ завѣдываніе Ген. М. Безбородко, по ходатайству котораго учреждено было *Главное почтовое правленіе*.

- (²) Въ одномъ архивѣ сохраняется прекуръзное дѣло двухъ помѣщиковъ понудили устроить мостъ чрезъ рѣку; одинъ изъ обязанъ былъ поставить половину моста на одной сторонѣ рѣки, а другой на противоположной; эти господа не согласились на выборъ мѣста, для построенія моста, сохраняя неприкосновенность пахатныхъ полей своихъ. Одинъ выбралъ мѣсто, какое считалъ для себя удобнымъ и построилъ половину моста; другой же выбралъ свое мѣсто и также построилъ свою половину моста; каждый считалъ себя правымъ, потому что требованіе мѣстнаго начальства было исполнено; разумѣется, началась тажба, которая въ то время была самая продолжительная (въ прош. ст.), а бѣдные путешественники должны были, какъ говорится, *сидѣть у моря...*

довершенію же всего, въ то время, большія дороги были безлюдны, селенія на нихъ отстояли одно отъ другаго на большое пространство. Разумѣется, по случаю коронаціи Императрицы, С. Петербургско-Московская дорога исправлялась, но она шла зигзагами, слѣдовательно пространства между столицами было тогда больше, нежели теперь. Екатерина, въ послѣдствіи времени, обратила на все это мудрое свое вниманіе: она издала нѣсколько указовъ, относящихся до дорогъ, почтовыхъ станцій и пр. — Для любознательныхъ и любопытныхъ, кстати, для дополненія обзора тѣхъ временъ, помѣщаю вкратцѣ эти указы ея:

Когда почтарь отвезетъ почту, эстафету или курьера, на другую станцію, то оному не больше тамъ дозволяется кормить лошадей, какъ только три часа; а по накормленіи ѣхать съ поспѣшностію на свою станцію, не заѣжая никуда (30 дек. 1769 г., пунктъ 5).

Ежели ямщики чинить будутъ въ проѣздѣ почты: безпорядки, замедленія, пьянство, споры и нескорое запряженіе лошадей, то на каждой станціи, при собраніи всѣхъ ямщиковъ, чинить виновнымъ наказаніе (тотъ же указъ, пунктъ 6).

Неоднократно смотрѣть, чтобы малолѣтніе на станціяхъ почтарями не стояли, и были бы почтари не меньше 18 л. (тотъ же указъ, ст. 7).

Почтарямъ отъ 1-го дек. по 15 марта, также по просуи до 15 сент. вести курьеровъ по 12 верстъ въ часъ, а просто проѣзжающихъ по 10 в. въ часъ; въ прочее же время года, (т. е. въ худое) курьеровъ возить по 11 в. въ часъ, а проѣзжающихъ по своей надобности по 8 в. въ часъ; (3 ноября 1770 г.)

Почтовые чемоданы и курьеровъ, везти въ часъ по 12 в., а ординарную почту на фурахъ по 8 в. въ часъ (23 нояб. 1773 г.).

По грязнымъ и болотистымъ мѣстамъ, вмѣсто мостовыхъ, дѣлать изъ мелкаго лѣса, а гдѣ нѣтъ лѣса — изъ камыша,

гати, шириною въ 4 саж., которыя насыщать не толсто крупнымъ пескомъ (24 іюля, 1791 г.).

За правило имѣть, что бы почтовые станціи отнюдь не болѣе, какъ отъ 20 до 30 верс. были.

Эти два послѣдніе указа подтверждены были 1797 года Императоромъ Павломъ.

Къ этому же году принадлежитъ указъ: наблюдать, что-бы подорожныя въ столицъ были подписаны рукою Императорскаго Наслѣдника, изъ прочихъ же мѣстъ, что бы выдаваемы были подорожныя за подписаніемъ губернаторовъ, а изъ чужихъ краевъ — за подписаніемъ пословъ или Министровъ Имп. Величества.

Въ то время обыкновенные прогоны во всѣхъ губерніяхъ и во всякое время года платились по двѣ коп. (асс.) за версту, за каждую лошадь; а за первыя станціи отъ столицъ вдвое, (1783 г. апрѣля 4).

Екатерина приказала большія дороги обсаживать деревьями и обрывать рвами. (1781 г. 26 іюля) (1).

Да что говорить о большихъ дорогахъ, когда въ то время и въ самой Москвѣ мостовыя устроены были только по большимъ улицамъ, и то многія изъ нихъ были бревенчатыя; на нихъ, въ послѣдствіи времени, сдѣлана была земляная насыпь, на которой уже и устроены нынѣшнія мостовыя. Тогдашнія мостовыя были выпуклыя на срединѣ, а на краяхъ ихъ, близъ домовъ, или длинныхъ, тянувшихся заборовъ, находился стокъ воды; въ ненастье шли по срединѣ мостовой, гдѣ было суше, перепрыгивая съ камня на камень; но пѣшихъ часто сгоняли оттуда проѣжіе экипажи. Впрочемъ, надобно замѣтить, въ то время имѣли право шибко ѣздить только священники съ требами, медики и акушерки. Тогда многія дороги въ нашей столицѣ пролегали косвенно, упираясь въ какой нибудь тупой переулочъ или зданіе, или

(1) Дорожный календарь или указатель новыхъ дорогъ Россійской Имперіи, Москва, 1805 года.

выходили на пустыри, ⁽¹⁾ гдѣ безвозвратно прогуливались семейно разными животныя. Улицы тогда не были такъ форменны, какъ теперь, съ двоеряднымъ фрунтомъ домовъ; тротуаровъ и поготово не существовало. Уличные фонари были также въ рѣдкость; въ темные вечера, (разумеется, я говорю о бѣдномъ класѣ людей, богатые прокатывались въ своихъ зеркальныхъ каретахъ, ⁽²⁾ и берлинахъ спокойно) пѣшеходы ходили съ своими фонарями. На большихъ улицахъ кое-гдѣ встрѣчались освѣщенные барскія палаты, внутри огромными люстрами, а снаружи — у подъѣздовъ, гранеными фонарями.

Темноту улицъ усугубляло и то, что крикуны, (въ родѣ нынѣшнихъ ночныхъ сторожей) прохаживаясь въ 10-мъ часу

⁽¹⁾ Которые находились даже близъ Кремля, напримѣръ, на рѣчкѣ Неглинной; (она въ то время еще существовала) зимой, когда она замерзала, на масляницѣ, на ней, въ дополненіе къ москворѣцкимъ, строили лубочныя комедіи и происходили ожесточенные кулачные бои; монсеевская площадь, подлѣ охотнаго ряда, и самый охотный рядъ были также почти не заселены и представляли большіе пустыри. Около Покровскаго собора, или Василія Блаженнаго, *что на реу*, дѣйствительно существовалъ нѣкогда огромный ровъ, въ которомъ росли деревья и водились дикія собаки. На нѣмъшнихъ бульваровъ была грязь и топь и находились складочныя мѣста для всякой нечистоты. Въ земляномъ городѣ находились дачи бояръ съ прудами, съ островами, съ вѣтренными мельницами и съ лѣсами, куда хаживали за ягодами и за грибами.

⁽²⁾ У нѣкоторыхъ господъ парадныя кареты были снаружи вызолочены, стекла въ нихъ сверкали цѣльными, съ фацетами; эти блестятельныя экипажи запрягали цугомъ, т. е. въ шесть лошадей, съ кокардами на головахъ, ими правили усатые кучера, въ треугольныхъ шляпахъ; съ длинными, напудренными косами; сзади каретъ стояли высокіе гайдуки, одѣтые егерями или гусарами. Впереди этихъ каретъ бѣгали извѣстные *скороходы*; опираясь на длинныя булавы, они дѣлали размашистыя скачки, одѣты были эти *бѣгуны* или *скоробѣжки*, какъ ихъ обыкновенно еще тогда называли, въ легкія куртки, съ цвѣтными, ленточными наколками на локтяхъ и на колынкахъ, (даже и зимой) на головахъ ихъ красовались бархатныя или шелковыя шапочки съ кистями и съ страусовыми перьями. Этихъ скороходовъ кормили легко, какъ птицъ; разумеется, для того, чтобы они легче бѣгали. Господа ихъ употребляли и вмѣсто городскихъ почтальоновъ, отправляя съ разными порученіями къ своимъ знакомымъ и родственникамъ, особенно въ торжественные и именинные дни съ поздравленіями. Есть преданіе, что скороходы, посылаемые съ какимъ нибудь спѣшнымъ порученіемъ въ подмосковныя, опережали почты.

вечера около обывательскихъ домовъ, усердно колотили по ставнямъ ихъ палками и протяжно кричали: «десятый часъ! Огни гасить!» Въ послѣдствіи времени, въ концѣ прошлаго столѣтія, появились извозчики, которые, хотя и по дурнымъ мостовымъ, но волокли кое-какъ съдоковъ своихъ на дрогахъ, (смѣнившихся послѣ телѣжками и наконецъ калибрами) завѣшивая колѣна своихъ пассажировъ фартуками, отъ брызжущей грязи и отъ дождя; на спинахъ возничихъ висѣли холстинные нумера, на которыхъ черно начерчены были цифры частныхъ домовъ, т.-е. *первой* (городской чисти) *второй* и т. п.

Также для любознательныхъ, при обозрѣніи тогдашней Москвы, прибавлю, что въ числѣ городской стражи было много служителей изъ обывательскихъ домовъ, которые исполняли свою службу по очереди, по этому и костюмъ ихъ былъ не форменный; они расхаживали дозоромъ съ длинными костылями въ рукахъ. Во время царствованія Импер. Екатерины II-й внутреннее устройство Москвы стало замѣтно улучшаться. —

Въ концѣ прошедшаго столѣтія Москва была уже разделена на 20 частей ⁽¹⁾ и 88 кварталовъ: Кремль былъ въ вѣдомствѣ Оберъ-Комменданта и Гражданскаго губернатора; въ каждомъ кварталѣ находилось по 11-ть человекъ ночныхъ сторожей, которые получали жалованья по 18 р. (асс.) въ годъ. Фонари, для освѣщенія большихъ улицъ, разставлены были на столбахъ, ⁽²⁾ на растояніи 40 сажень одинъ отъ другаго; на содержаніе ихъ изъ казенной палаты отпускалось по 1 р. 30 к. въ годъ, на каждый. Въ 1782 г. открыта была Управа Благочинія; сперва при ней состояло 180 драгунъ; послѣ того, въ скоромъ времени, учреждены были два гусарскіе эскадрона, изъ вольноопредѣляющихся и

⁽¹⁾ Изъ нихъ нѣкоторые уничтожены: Таганская, Покровская.

⁽²⁾ Послѣ стали ихъ прибавлять къ обывательскимъ домамъ и заборамъ.

праздно-шатавшихся разночинцевъ, они употреблялись для наблюдёнія порядка въ столицъ, (въ родъ нынѣшнихъ жандармовъ). Въ случаѣ пожаровъ предписано было (Кн. Прозоровскимъ) людямъ, высылаемымъ изъ обывательскихъ домовъ на помощь, носить картузы по частямъ, для отличія отъ обывателей; а именно: 1-вой части: бѣлый, 2-й красный, 3-й зеленый, 4-й синій, 5-й желтый, 6-й голубой картузь и т. д. Частные пристава именовались *Инспекторами*, квартальные надзиратели — *Унтеръ Инспекторами*: при нихъ были по два комиссара. О подробностяхъ и измѣненіяхъ внутренняго состава, для управленія Москвы, я не пишу, это такъ, общій взглядъ; теперь перенесемся въ Кремль, который собирался помолодѣть для встрѣчи новой Владычицы своей.

На *Красной* или *Царской* площади еще изстари наши Цари давали пиры народу. Во время коронаціи Екатерины 2-й тамъ также (отчасти и на лобномъ мѣстѣ) приготовлены были столы съ разными закусками, заѣдками; посреди ихъ красовались быки съ раззолочеными рогами во всей натуральной одеждѣ своей, и во весь свой ростъ, съ тучными боками, начиненными разными птицами.

Конечно, многимъ странно покажется, что народный пиръ могъ помѣститься въ Кремль; но въ то время тамъ не было еще огромнаго зданія Сената, — (1) до 1790 г. онъ помѣщался въ Грановитой палатѣ, — и постоянныхъ жителей въ Москвѣ было не столько, какъ теперь. (2) Про древній и про древнѣйшій Кремль много уже было сказано (физи-

(1) Онъ построенъ въ 1785 г. Архитект. Казаковымъ; фундаментъ и цоколь его стоили 150 т. р. На этомъ мѣстѣ были три церкви, домъ Кн. Трубецкаго, конюшенный дворъ чудова монастыря и Симоновское подворье; а место, занимаемое арсеналомъ, было сборнымъ мѣстомъ *надворной пльоты*, т. е. стрѣльцовъ. *Старин. путев. по Москвѣ*.

(2) По рапорту Ген. Фельдм. Гр. Захара Григор. Чернышева Екатерину 2-ю предъ открытіемъ Московс. Губерніи, въ 1782 г. было въ Москвѣ только 125 тыс., но чрезъ 50 лѣтъ число ихъ почти удвоилось. *Матеріалы далъ полной и сравнительной Статистики Москвы*.

ономію его можно видѣть и въ моей статьѣ, въ Москитянинъ,) (1854 N 18).

1762 г. Сентяб. 22 блистательно совершилось коронаваніе Императрицы; и Кремль и всѣ предмѣстія его были затоплены народомъ: окна, балконы, вышки, кровли были будто-бы оживлены, кипѣли головами; гулъ восторга и громогласное ура долго не прерывались. Обстановка этого торжества была великолѣпная; въ караулъ были богатыри, кавалергарды, — въ шлемахъ съ перьями, въ серебряныхъ латахъ и въ великолѣпныхъ сюперверсахъ. ⁽¹⁾ Въ то время цвѣтъ на мундирахъ Русскаго войска былъ свѣтло-зеленый, у Гренадеръ шапки съ перьями разнаго цвѣта, а у мушкетеровъ шляпы скрѣплены были шнурами. У офицеровъ шарфы и темяки золотые, мундиры обложены по борту золотымъ галуномъ. У музыкантовъ были мундиры малиноваго цвѣта, обложенные по всѣмъ швамъ галуномъ; плащи у рядовыхъ — суконные, синяго цвѣта. Екатерина, вступивъ на престолъ, приняла на себя званіе полковника Семеновскаго полка ⁽²⁾.

По совершеніи коронаціи, начался рядъ торжествъ и празднествъ; не смотря на наступленіе осени, погода стояла тогда прекрасная; Государыня съ пышностію, въ сопровожденіи блестящей свиты, поѣхала смотрѣть на народный пиръ.

По большимъ улицамъ, съ утра до вечера, не только что Кремль, но и вся Москва горѣла въ заревахъ иллюминаціи; во многихъ мѣстахъ высились затѣйливыя, разцвѣченные транспаранты; нѣсколько выстроенныхъ ко дню пріѣзда Императрицы въ Москву триумфальныхъ воротъ имѣли на себѣ разныя символическія картины: на однихъ изображенъ былъ Гелиотропъ (цвѣтъ, подобный солнцу), а подъ нимъ гора съ надписью «*отъ всего міра видима буду;*» а на-

⁽¹⁾ Сюперверсъ собственно родъ одѣянія безъ рукавовъ, съ нашитыми крестами сзади и спереди изъ бѣлаго бархата, обшитаго серебрянымъ позументомъ и съ лентами по угламъ креста. Это одѣяніе носила встарину Французскіе мушкетеры.

Русск. Словеса. Т. III.

⁽²⁾ Предъ ней былъ въ этомъ званіи Имп. Петръ III-й, послѣ нея, въ 1796 г., Шефомъ этого полка былъ В. Ки. Алекс. Павловичъ.

другихъ, на скрижаляхъ закона, виднѣлся мечъ съ надписью: «законъ управляетъ, мечъ защищаетъ;» у однихъ воротъ, подъ среднимъ порталомъ, былъ представленъ орелъ, держащій въ когтяхъ своихъ громовыя стрѣлы, съ надписью: *защитеніе Величества*; далѣе — Царскій жезлъ, а подъ нимъ — полукружіемъ слова: *«жезлъ правости, жезлъ царствія Твоего»*. На иныхъ воротахъ изображенъ былъ вензель Екатерины, поддерживаемый Ангелами, а подъ нимъ Россія съ надписью: *«се достояніе твое;»* наверху вензеля, подъ золотымъ сіяніемъ, представлено было небо, а изъ него виднѣлась благословляющая рука Божія съ надписью: *«Слава Богу, показавшему намъ свѣтъ;»* на иныхъ порталахъ изображалась радуга съ надписью: *предвѣстіе вѣдра*; на иныхъ — четыре части свѣта, изъ которыхъ Европа особенно весело себя оказывала. По-всюду виднѣлись крылатые геніусы и фамы, которые въ трубу поздравленіе говорили. Сперва Государыня полюбовалась на народный пиръ, на горы пироговъ, лежавшихъ на столахъ пирамидальными возвышеніями; на иныхъ столахъ стояли и сидѣли цѣлыя стада жареныхъ птицъ, какъ живыя, а близь нихъ большіе фонтаны выметывали изъ себя красное и бѣлое вино въ огромные чаны. На ближнихъ къ Кремлю перекресткахъ стояли красныя балаганы и шатры съ цвѣтными флагами, перевитыми лентами, полоскавшимися въ воздухъ; здѣсь находились также разные лакомые, даровые припасы: груды золоченыхъ пряниковъ, маковая избойна, разные овощи и пр. Въ иномъ мѣстѣ скрипѣли размашистыя качели, въ другомъ высилась *камедь* съ акробатическими представленіями ⁽¹⁾, или толклись куклы на помостѣ; въ иномъ мѣстѣ слышался протяжный голосъ импровизатора — *разскащика*, объяснявшаго затѣйливую картины въ райкѣ, представлявшія подвиги Ильи Муромца и Соловья Разбойника, или какъ старообрядецъ поповщинскій отличаетъ старообрядца безпоповщинскаго, или какъ быкъ, сдѣ-

(1) О гуляньяхъ, костюмахъ и о прочемъ бытъ тогдашняго времени скажется еще въ статьѣ: *большое Ходынское празднество*.

лался мясникомъ, мужикъ судьейю, осель погонщикомъ, ученикъ мастера съчетъ, дѣти старика пеленають, слѣпой зрячаго ведетъ, свинья нѣжится на розахъ, мыши кота погребаютъ, какъ кумовья Федоты идуть съ работы, какъ въ платьѣ англійскаго мясника семеро одѣваются и пр. пр. ⁽¹⁾. Повсюду видѣлись разнообразныя продѣлки и фокусъ-покусы хитрецовъ тогдашняго времени. Все это восхищало народъ непритворною радостію; вездѣ раздавались веселыя восклицанія, шумный гуль, раздольныя пѣсни, звукъ дудокъ и свирѣстелокъ съ качелей, шумъ высокобьющихъ фонтановъ, дребезжаніе барабановъ, пронзительный свистъ флейтъ, сиплый звукъ бубновъ — и, посреди всей этой хаотической смѣси звуковъ, царственно раздавался кимвальный звонъ колокола, регента всѣхъ Московскихъ колоколовъ, съ высокой полки Великаго Ивана; могучій его окликъ стройнымъ аккордомъ подхватывали всѣ наши сорокъ сороковъ.... Государыня объѣзжала многія улицы Москвы; за нею тянулся огромный повѣздъ высокихъ, грузныхъ каретъ съ крыльцами по бокамъ, каретъ, подобныхъ вееру, на низкихъ колесахъ, берлиновъ и осьми-стекольныхъ лондо, въ которыхъ видѣлись распудренныя головы именитыхъ царедворцевъ, бархатные или атласные кафтаны, расшитые золотомъ или унизанные блестками, съ большими стальными или фарфоровыми пуговицами, посовые камзолы, лосинные *чинчиры* въ обтяжку. Въ иныхъ сквозныхъ стеклянныхъ каретахъ видѣлись прекрасныя роскошно-одѣтыя дамы, въ атласныхъ робронтахъ и *калмшахъ* на проволокъ, въ пышныхъ полонезахъ, въ газетовыхъ платьяхъ и въ длиннохвостыхъ робахъ съ прорѣзами на боку, съ фижмами или бочками, наподобіе распущенныхъ зонтовъ; головы тогдашнихъ щеголихъ были также распудрены, (для усиленія блеска въ глазахъ) волосяная прическа у нихъ была *à la Valliere*, или *палмсадикомъ*,

(1) Тогда въ большомъ употребленіи были, кромѣ юмористическихъ, картины религіознаго содержанія: Страшный судъ, избіеніе младенцевъ въ Вифлеемѣ, Лазарь богатый въ нѣмецкомъ костюмѣ, вдушій на седмглавомъ чудовищѣ и пр. пр.

или волосы были взбиты въ родъ лебязьяго пуха; букли, на подобіе висячихъ *авилонскихъ садовъ*; ноги въ бѣлыхъ атласныхъ башмакахъ *стерлядкою* (т. е. востроносья), шитыхъ блестками, на высокихъ каблукахъ и пр. пр. Лакеи сзади каретъ стояли одѣтые: и Турками, и Албанцами, и Сербами; были и настоящіе Арабы, (которыхъ дразнили народъ: ваксу-съэль).

Между экипажами отличалась раззолоченая карета, запряженная въ восемь красивыхъ, статныхъ, Неаполитанскихъ лошадей съ цветными кокардами на головахъ; въ ней находилась сама Государыня, въ ало-бархатномъ русскомъ платьѣ, унизанномъ крупнымъ, скатнымъ жемчугомъ, со звѣздами на груди и въ брилліантовой діадемѣ на головѣ. При появленіи ангеловидной, обожаемой Государыни, ⁽¹⁾ раздался изъ тысячи грудей и устъ нашъ богатырскій посвистъ—громкое и раскатистое ура!.. По бокамъ кареты ея ѣхали верхомъ генералъ-поручики, которые обыкновенно держали за ней шлейфъ, а во время параднаго шествія ея по Кремлю, держали за шнуры балдахинъ, покрывавшій Императрицу; конвоировали ее герольды съ жезлами въ рукахъ, бросая народу серебряные жетоны. Любя Москву и любясь ею, Государыня совершала и далекія катанья: на Покровскую улицу, (въ то время въ Покровскомъ были лучшія гулянья, особенно зимою), въ Семеновское и Преображенское, тогда тамъ были еще настоящія села; тамошнія дѣвушки, въ праздничныхъ сарафанахъ своихъ, съ открытыми головами, въ цветныхъ косникахъ, а молодицы въ шелковыхъ шубкахъ, въ кикахъ съ дробницами, веселыми пѣснями и хороводами встрѣчали царскій поѣздъ. Оттуда проѣзжала Государыня на Сокольничье поле, гдѣ происходили забавы другаго рода: тамъ собирались Цыгане. ⁽²⁾ Тогдашніе Цыгане были поэтичнѣе нынѣшнихъ, они жили ближе къ природѣ, вели жизнь раздольную, мужчины одѣвались не въ сюртуки, а

⁽¹⁾ Ее называли: богиня подъ вѣнцомъ.

⁽²⁾ Цыгане жили тогда на Филяхъ.

въ кафтаны съ перехватами и въ восточные, широкіе шаровары, а жены ихъ, хотя и въ полинялыя, но разноцвѣтныя *плахты*, (родъ епанчи) босоногія, часто въ лохмотьяхъ, съ коричневыми лицами, въ алыхъ шаляхъ, также полинялыхъ, перекинутыхъ чрезъ одно плечо; въ ушахъ ихъ мотались мелкія серебряныя монеты, вмѣсто серегъ. Тамъ плясаль у нихъ ручный медвѣдь, и затѣйливый фигляръ ходилъ колесомъ, или просто на рукахъ, поднося ноги, какъ мачты; а цыганки извивались въ національныхъ своихъ пляскахъ, или заливались въ хороводныхъ своихъ пѣсняхъ ⁽¹⁾.

Государыня со всѣми была ласкова и привѣтлива; она дозволяла подбѣгать народу къ своей каретѣ и благосклонно улыбалась на его оглушительныя восклицанія; она была очень весела и проливала веселье на всѣхъ, окружавшихъ ее. Не смотря на свободное, общественное пиршество и на роскошные пиры, вездѣ соблюдался порядокъ, даже кружала (кабаки) были покинуты престономародіемъ для того, чтобы бѣжать за своимъ *краснымъ солышкомъ*, (такъ называли Государыню), за красавицей своей Царицей.

Въ заключеніе общественныхъ торжествъ и ширей, данъ былъ противъ Кремля (къ Замоскворѣчью) великолѣпный, блистательный фейерверкъ; не смотря на тѣсныя рамы, окружавшія его, видъ на него съ мѣсть, устроенныхъ амфитеатромъ въ Кремль и съ мѣсть даровыхъ, т. е. съ крышекъ, заборовъ и съ пр. былъ эффектный: по сигналу, данному пушечнымъ залпомъ, зажегся прежде главный планъ и открылъ *великое сверху отверзтое, позорищное мѣсто* ⁽²⁾, состоящее изъ великолѣпныхъ коллонадъ и аркадъ, между которыми, на пьедесталѣ, украшенномъ разными трофеями, видна была Россія, возносящая благодарный взоръ свой на

(1) Въ то время только что вошла въ употребленіе пѣсня Сумарокова: «о мѣста, мѣста дразя и: мѣста тобою украшенны»; Сумароковъ, бывши еще кадетомъ Шляхетскаго кадетскаго корпуса, написалъ первую пѣсню: *только награда за мою вѣрность, за мою искренность*, изъ нея составили тогда минуеть.

(2) Слова брошюры.

Небо; подъ нея изображено было вензелевое имя Екатерины, на которое возлагалась Россійская корона; при этомъ явленіи въ свѣтломъ огнѣ явились слова:

Ob immortalia in patriam merita (за безсмертныя заслуги къ отечеству).

Къ основанію надеждъ благополучныхъ слѣдствій отъ сего желаемого происшествія, показалась на воздухѣ радуга, сверхъ которой поднялся потышный огонь, состоявшій больше, нежели изъ тысячи вдругъ пущенныхъ ракетъ и въ искры резсыпавшихся лустъ—кугелей, которые ярко освѣтили весь горизонтъ.

По одну сторону позорища опустилось на свѣтломъ облакѣ всеобщее благополучіе съ пальмовою вѣтвію, съ рогомъ изобилія и со словами:

Vicit amor patriae (побѣдила любовь къ отечеству.) Противъ него явилась всеобщая радость со свѣжими вѣнцами изъ цвѣтовъ и съ бряцающими кимвалами, а сверхъ нея вспыхнула блистательная надпись, содержащая въ себѣ восклицаніе: Plaudite, cives! (восплещите, граждане!)

Эти два послѣднія изображенія заключали аллегорическое представленіе главнаго плана. Потомъ начались такъ называемые: *тихіе искусствомъ сдѣланные потышные огни*. Сперва появились два огромные, огненные каскада, которые *огненную рѣку, на подобіе воды, столбами вверхъ подняли* и, въ ниспаденіи по многимъ ступенямъ, съ шумнымъ журчаніемъ составили огненный ручей.

He регулярный звучный огонь препровождалъ теченіе этой рѣки съ безпрестаннымъ выхожденіемъ и подземельнымъ стукомъ, какъ будто бы земля въ премногихъ мѣстахъ хотѣла разсытаться и выметнуть изъ себя огонь.

Этотъ страшный громъ и шумъ превратился вдругъ въ пріятную тишину; въ перспективѣ представились пальмы, освѣщенныя зеленымъ огнемъ, (эмблема надежды), между ними пустили въ шесть рядовъ достойныя удивленія—вновь изобрѣтенныя машины съ перемѣннымъ огнемъ и съ разными фигурами въ огненныхъ колесахъ.

Наконецъ всѣ эти разнообразныя и продолжительныя явленія прервались также нововымышленнымъ огнемъ: великимъ множествомъ земныхъ и воздушныхъ швермеровъ ⁽¹⁾ и разными другими огнями; глаза зрителей, следовавшіе за вспышками этихъ огней, обращались на горизонтъ, усыпанный несчетнымъ множествомъ звѣздъ и искрами швермеровъ, со всѣхъ сторонъ, въ огненномъ движеніи, до тѣхъ поръ, пока будка, болѣе, нежели изъ тысячи ракетъ состоявшая, въ сопровожденіи великаго множества лустъ и ланкугелей, съ обѣихъ сторонъ вдругъ поднявшихся, и освѣтившихъ своимъ заревомъ большое пространство неба, въ далекой вышинѣ съ необычайнымъ громомъ и трескомъ лопнула — и тѣмъ окончила дивное позорище фейерверка.

Послѣ этого начался рядъ частныхъ пиршествъ; Екатерина пребыла всю зиму въ Москвѣ; на масляной представленъ былъ на улицахъ маскарадъ или живыя картины; я не описываю этой замѣчательной потѣхи; потому что о ней говорено было многими. Считаю только не лишнимъ представить хоры, ⁽²⁾ пѣтые во время общенароднаго зрѣлища, названнаго *торжествующю Минервою*, при подвижныхъ живыхъ картинахъ или при большомъ маскарадѣ въ Москвѣ, на масляницѣ, въ 1763 г., и къ нимъ, для объясненія, прибавить очеркъ маскараднаго поезда.

Это зрѣлище уподобляютъ старобытнымъ римскимъ увеселеніямъ; начертаніе ему сдѣлалъ Фед. Григ. Волковъ, а хоры сочинилъ Алекс. Петров. Сумароковъ. Здѣсь были и *важныя* и *смѣхотворныя* отдѣленія, наприм: на высокой колесницѣ изображался цѣлый парнасъ съ своими атрибутами, и оттуда раздавался слѣдующій хоръ къ *златому вѣску*:

Блаженны времена настали,
И истинны лучемъ Россію облистали.

⁽¹⁾ Звѣзды, ракеты, дѣлающая въ воздухъ извилистое движеніе.

⁽²⁾ См. Россійск. Эрату, изд. въ С.-Пет. въ 1792 г.

Подсолнечна! впеми!
 Астрея на земли.
 Астрея во странахъ россійскихъ водворилась,
 Астрея воцарилась.
 Рокъ щедрый рекъ:
 Настани Россамъ ты, златый желанный вѣкъ,
 И се струи россійскихъ рѣкъ,
 Во удивленіе соседомъ,
 Млекою текутъ и медомъ.

А вотъ хоръ къ самому Парнасу:

Лейтесь токи Иппокрены,
 Вы, съ Парнасскія горы,
 Орошайте вы долины,
 И прекрасныя луга!
 Наполнитесь, Россіи,
 Тѣми сладкими струями,
 Кои Греція пила,
 И, вмѣя на Престолъ
 Вы Аѳинскую богиню,
 Будьте Аѳиняне вы!

Хоръ къ Мимерѣ:

Изображенной въ шлемѣ, съ щитомъ и съ копьемъ; у ногъ ея находилась сова, (эмблема мудрости,) съ математическими инструментами.

Ликовствуйте днесь,
 Ликовствуйте здѣсь,
 Воздухъ и земля и воды;
 Веселитесь народы:
 Матерь ваша, Россы, вамъ
 Отворила къ счастью храмъ.
 О Церера, и Помона, и прекрасна Флора!
 Получайте днесь,
 Получайте здѣсь,
 Безъ препятства даръ солнечнаго взора.
 О душевна красота,
 Жизни сей утѣха, жизни сей отрада,

Раствори врата
Храма своего, Паллада!

Даліе величались: Марсъ съ гигантами и богатырями въ полномъ своемъ вооруженіи, и за ними начинались уже и *смѣхотворныя* представленія, подвигавшіяся на 250 колесницъ, ⁽¹⁾ влекомыхъ волами, оглашаемыя хорами, и музыкаю роговою, струнною и духовною.

Хоръ Сатировъ, плывшихъ на колесницѣ съ фавнами:

Въ сырны дни мы примѣчали,
Три дня и три ночи на рынкѣ,
Никого мы не встрѣчали,
Кто бь не коснулся хмвля крыпкѣ.

Въ сырны дни мы примѣчали:

Шумъ блистаетъ,
Шаль мотааетъ,
Дурь летаетъ,
Хмвль шагаетъ,
Разумъ таетъ,
Зло хватаетъ
Наглы враки,
Сплетни, драки,

И грызутся, какъ собаки.

Примиритесь!

Рыла жалйте и груди!

Пьяные, пыльные люди,

Не деритесь!

На одной изъ колесницъ являлся веселый, багряный Бахусъ съ Силеномъ и съ вакханками подъ балдахиномъ, за ними двигались качели, кабаки, харчевни съ толпою прожоръ и бѣснующихся пьяницъ. За ними показывались издоимные судіи, подъячіе и картежники.

Вотъ и соогвѣтственные имъ хоры:

(1) Дѣйствовавшихъ лицъ входилось тамъ до 4000 чел.

Хоръ пѣлицъ:

Двоенныя водки, водки стекляница!
 О Бахусъ, о Бахусъ, горькій пѣница!
 Просимъ, молимъ васъ,
 Утѣшайте насъ;
 Отечеству служимъ мы болѣ всѣхъ,
 И болѣ всѣхъ
 Достойны утѣхъ;
 Вамъ въ часъ возвращаемъ кабацкій мы сборъ,
 Вирь, варь, варь, донъ, донъ, донъ!
 Прочая служба вздоръ!

Хоръ изроковъ:

Подайте картежникамъ милостыню!
 Черви, бубны, вины, жлуди, всѣ насъ раззорили,
 И, лишивъ насъ пропитанья, голодомъ поморили.

Хоръ къ обману:

Пусть мошенникъ шарить, не велико дѣло,
 Срѣзана машинка, государство цѣло.
 Къ ябедѣ приказной устремленъ догадкой,
 Правду гонить люто крючкотворецъ гадкой:
 Откупщикъ усердный на Руси народу,
 Въ прибыль государству откупаетъ воду.
 Къ общу благодѣяству кто прерветъ дороги,
 Ежели приставить ко лбу только роги,
 Таль, лаль, ла, ла, ра, ра.
 Онъ дьяволу пара.

Хоръ къ мздоимству:

Если староста бездѣльникъ, такъ и земскій плутъ.
 Знать, совсѣмъ они забыли про ременный жгутъ.
 Взятки въ жизни красота,
 Слаще меда и сота:
 Такъ-то крючкотворецъ мелить,
 Какъ на взятки крючкомъ цѣлить;

Таковъ староста богатый,
Сельской насыщавъ платой,

Таковъ весь содомъ.

Крючкотворцева жена
Такова же сатана,
А отъ этакой наследки
Таковыя же и дѣтки;
Съ сими тварьми одинаки
Батраки ихъ и соббаки;
Весь таковъ ихъ домъ.

Хоръ къ гордости:

Гордость и тщеславіе выдумывалъ бѣсъ
Шеринь-да беринь, лись, тра, фа,
Сатана за гордость низверженъ съ небесъ
Шеринь-да беринь лись, тра, фа....

Хоръ невѣжества:

То же все въ ученой рождь,
То же въ мудрой кожѣ!
Мы полезнаго желаемъ,
А на вредъ ученья лаемъ;
Прочь и азъ и буки!
Прочь и литеры всѣ съ ряда!
Грамота, науки,
Выщли въ міръ изъ ада.

* * *

Лучше жити безъ заботы,
Убѣгать работы,
Лучше вѣсть, пить и спати,
Нежели въ умѣ копати.
Трудны къ тѣмъ хоромамъ
Въ гору отъ земли подъѣзды,
Въ коихъ астрономамъ
Пялится на звѣзды.

Этотъ маскарадъ, въ продолженіе масляницы, всякій день собирався на поль, предъ Аннинскимъ дворцомъ; ⁽¹⁾ онъ двигался чрезъ всю Нѣмецкую слободу, въ новую Басманную до Блага города и возвращался по старой Басманной чрезъ мосты: Блоховъ и Салтыковъ къ зимнимъ горамъ, иллюминированнымъ разноцвѣтными фонарями.

Любопытнымъ рекомендую прочесть описаніе этого маскарада въ *Обозрѣніи царствованія Екатерины* — Павла Сумарокова, которому подробно сообщилъ объ этомъ Дмитревскій ⁽²⁾, знаменитый артистъ тогдашняго времени. Последнее время пребыванія своего въ Москвѣ, Императрица ознаменовала основаніемъ *Воспитательнаго дома*.

По случаю вѣнчанія Екатерины на царство, поднесено было ей множество стиховъ; это событіе вдохновило не только столичныхъ поэтовъ, но и иногородныхъ: во Владимірѣ Генер. пор. Заборовскому, начальнику Владим. и Костромской губ., поднесена была на этотъ случай ода, сочиненная какимъ-то секретаремъ Воскресенскимъ, ⁽³⁾ состоящая изъ 16 строфъ, (въ 10 стих. каждая,) вотъ первая строфа:

Сверхъ всѣхъ блаженствъ твоихъ, Россія,
Еще блаженство ново зришь,
И радости вкусивъ земныя,
Уже въ небесномъ чаешь быть;
Ей мнится, будто въ вѣчномъ мирѣ.
Владычица ея въ порфирѣ
На Тронѣ блещущемъ сидитъ,
И, какъ державствующій геній,

(1) Аннинскій или Головинскій (противъ Нѣмецкой слободы, за Яузкою.)

(2) Природная фамилія его была *Нарыковъ*; когда артистовъ Ф. Гр. Волкова велѣно было привезти изъ Ярославля въ Петербургъ, имъ купили тулупы, книги и, въ числѣ 14 чел., отправили ко двору Имп. Елизаветы. Тотчасъ по прибытіи ихъ туда, приказано имъ было представить піесу *Хоревъ* (Сумарокова); въ присутствіи Импер. отыгривали тѣмъ, кропили, дѣлали костюмы; женскую роль «*Оснальды*» игралъ Нарыковъ; Императ. сама приложила на голову его бриллантовый уборъ, румянила ему щеки и спросила его фамилію; Нарыковъ сказалъ ей. «Ты похожъ на польскаго графа Дмитревскаго, отвѣчала она, впередъ такъ называйся.»

(3) Печатано въ Костромѣ, въ вольной типографіи.

Противнымъ силамъ дуновеній
Умолкнуть навсегда велить.

Коронація Императ. Павла I-го была 1797 г. апрѣля 5-го. Существуютъ еще немногіе старожилы, которые помнятъ ее: въ самый Великій Четвергъ, 2-го Апр. Государь въѣхалъ запросто верхомъ, съ небольшою свитою изъ Слободскаго дворца въ Москву, что бы лично осмотрѣть приготовленія къ вѣнчанію своему. Никто его не ожидалъ. Въѣхавъ въ Кремль, онъ увидалъ тамъ приготовленныя мѣста для зрителей, они не понравились ему. «Что бы къ завтра же ихъ не было» сказалъ онъ окружавшимъ его; въ ту же ночь, по отбытіи его изъ Кремля, всѣ доски и бревна, изъ которыхъ состояли мѣста, повалили подъ Кремлевскую гору. Угощеніе народное происходило на Лобномъ мѣстѣ и на Никольской улицѣ, около рядовъ. Неизвѣстный для насъ поэтъ имѣлъ счастье поднести ему стихи съ хоромъ, сочиненныя на этотъ торжественный случай, они начинались такъ ⁽¹⁾:

Россія въ сердце, во Кремль,
По обитаемой всей вѣдомомъ землѣ,
Въ чертогахъ праотцевъ державныхъ,
Къ отечеству любовью славныхъ;
Средь башень, кажущихъ двухглавыхъ честь орловъ,
Подъ звукомъ пушекъ и колоколовъ,
Со добродѣтью уединенъ своею,
Со Августѣйшею семьею,
Царь Павелъ пребывалъ —
И милости оттолъ народу проливалъ и т. д.

Коронація Импер. Александра I-го происходила 1801 г. сентяб. 15-го; народное угощеніе тогда было на Сокольни-

(1) Напечатаны въ Универс. типогр.

чьемъ полѣ три дня; погода стояла прекрасная. Это событіе помнить еще многіе. На престолѣ вступилъ Александръ 1801 г. Мартъ 12 ⁽¹⁾ Ив. Наумовъ написалъ на этотъ всерадостнѣйшій день оду:

Настрой давно умолкшу лиру,
 Воспѣть блаженство, Аполлонъ!
 Мгновенье — и Россію сиру
 Двукратно наполнилъ нашъ стогъ;
 Мгновенье — и восторгъ священный
 Вознесъ духъ Россювъ восхищенный
 На верхъ блаженства и отрадь.
 Повсюду радостные лики,
 Ликуйте, чуждые языки!
 Со племенемъ Россійскихъ чадъ ⁽²⁾!

А вотъ начало оды (Макс. Невзорова) на день коронаванія Импер. Александра I-го:

Взнесися, какъ орелъ пернатый,
 Превыше молній и громовъ,
 Мой духъ! и радостью объятый,
 Отъ свѣтлыхъ солнечныхъ круговъ
 Простри свои веселы очи
 Къ странамъ играющей полночи,
 И съ восхищеніемъ внемли:
 Какіе клики раздаются,
 И гласы стройшыя несутся
 Отъ сѣвера по всей землѣ ⁽³⁾.

Всѣ эти стихи, не смотря на ригорическій языкъ свой,

(1) Число 12 было знаменательно для Александра I-го: 12-го Марта онъ вступилъ на престолъ, 12 г. вступилъ въ борьбу съ Наполеономъ, 12-го Юня, того-же года, Наполеонъ вступилъ на границы Россіи, 12-го Юля того-же г. было прибытіе Алекс. въ Москву, важное по своимъ послѣдствіямъ; на 12-е Октября Наполеонъ вытѣсненъ былъ изъ Москвы, и наконецъ чрезъ дважды 12 своего царствованія, скончался нашъ *Благословенный*.

(2) Последнія двѣ строки служатъ какъ бы предвѣстіемъ тому, что чуждые языки дѣйствительно ликовали съ Им. Александромъ въ 1814 году.

(3) Печатана у Люби, Геріа и Попова, въ Ушницѣ. Тшест.

не лишены поэзіи во многихъ мѣстахъ; особенно въ нихъ вездѣ замѣтна теплота чувствъ вѣрноподданическихъ къ своимъ владыкамъ; я не помѣщаю ихъ цѣликомъ, потому что они очень велики. — Коронація Им. Николая I-го намъ современна, она жива въ памяти нашей.

Теперь обратимся къ настоящему: Москва, наша бого-спасаемая Москва, не смотря на старческія годы свои, опять помолодѣла, она безсмертна; священный Кремль (граде Сионе) встрѣтилъ новаго Царя, новаго Владыку своего. Съ никогда ненасытимымъ любованіемъ, осматривая Кремль, остановимъ особенное вниманіе на Чудовомъ монастырѣ и прильнемъ воспоминаніемъ опять къ прошедшему: въ 1818 г. Импер. Александръ обрадовалъ Москву своимъ посѣщеніемъ; послѣ 1812 года она быстро обновлялась и устроивалась, стряхая съ себя прахъ и пепелъ пожарищъ. Въ то время и весь Дворъ его долго гостилъ въ первопрестольной столицѣ. Настала Св. недѣля, и въ самое это время, Апрѣля 17-го, въ обители Св. Алексѣя Митрополита, въ Архіерейскомъ домѣ, родился виновникъ нынѣшняго торжества, которому Провидѣніе опредѣлило быть *Александромъ II-мъ*. Тамъ же онъ и просвѣщенъ былъ Св. крещеніемъ, въ самой той церкви, въ которой и Великій Петръ былъ крещенъ ⁽¹⁾. Преосвященный Августинъ приобщилъ Его Св. Тайнамъ, и послѣ того Августѣйшая бабка Его, Императрица Марія Ѳеодор., возложила внука своего на руку Святителя Божія, поручая порфиророднаго младенца покровительству Божія угодника. Этотъ день и это историческое событіе должно быть извѣстно и памятно не только Москвѣ, но и всей Россіи. — Импер. Николай Павловичъ, бывши тогда еще Велик. Княземъ, по этому случаю, написалъ къ Преосвященному письмо слѣдующаго содержанія:

«Со страхомъ, свойственнымъ чловѣку слабому, и съ надеждою, непокидающею вѣрующаго, видѣлъ я приближеніе рѣшительнѣйшей минуты въ моей жизни. Не зная, что

(1) По свидѣтельству Ѳ. Туманскаго; см. записки его о жизни Петра I-го, 1787 г.

опредѣлю мнѣ Провидѣніе, радость или горестъ, я подкрѣпилъ душу мою общаніемъ и ожидалъ съ покорностію воли Божіей. Ему угодно было благословить меня счастіемъ отца: Онъ сохранилъ и мать, и младенца! Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто читаетъ въ глубинѣ души; но оно необходимо душѣ благодарной. Общаніе мое, которое спѣшу исполнить, состояло въ томъ, чтобы во имя *Александра Невскаго* воздвигнуть придѣль въ церкви Новаго Іерусалима: это смиренное прошеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемогущему свое драгоценнѣйшее благо—участъ жены и сына.

«Вась, Преосвященнѣйшій Владыко, прошу быть мнѣ помощникомъ и руководцемъ во исполненіи сего обѣта, священнаго моему сердцу. Пускай предъ алтаремъ, воздвигнутымъ благодарностию отца, приносятся молитвы и о матери, и о сынѣ, да продлитъ Всемогущій ихъ жизнь для собственнаго ихъ счастья, на службу Государю и пользу Отечеству!»

«Прося благословенія вашего и имъ и себѣ, пребываю и пр.» Пр. Августинъ усердно исполнилъ это священное и лестное для себя порученіе: еще при его жизни, въ Воскресенскомъ монастырѣ сооруженъ былъ храмъ во имя Св. *Александра Невскаго*, но освященъ онъ былъ уже преимникомъ Августина, Пр. Серафимомъ. Архимандритъ Воскресенской обители, Аполось, изобразилъ это достопамятное письмо на мѣдной доскѣ, и поставилъ ее въ сооруженномъ придѣль; Императоръ Александръ II-й, бывши еще Наслѣдникомъ Престола, посѣтивъ Воскресенскую обитель, увидѣлъ эту доску, и съ чувствомъ душевнаго умиленія прочелъ начертаніе своего рожденія; потомъ, на оборотъ доски начертилъ свое имя ⁽¹⁾.

Прошедшее для насъ славно; настоящее торжественно; будущее въ руцѣ Божіей. Озаримъ душу *надеждою* ⁽²⁾....

⁽¹⁾ Смот. очеркъ жизни Моск. Архіеп. Августина И. М. Снегирева.

⁽²⁾ Еще изстари Русскіе называли своихъ царей: Надежа — Государь.

МАНЕВРЫ ПРИ КРАСНОМЪ СЕЛѢ,

происходившіе подъ собственною командою

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й,

въ 1765 году ⁽¹⁾.

Изъ всѣхъ историческихъ преданій, касающихся до правленія Императрицы Екатерины II й, видно, что она вникла во всѣ отрасли администраціи, какъ гражданской, такъ и военной, даже духовной; не смотря на многосложность своихъ царственныхъ занятій, она находила время и для удовольствій, соединяя полезное съ пріятнымъ и на оборотъ. Современники называли ее чудомъ своего вѣка, съверною Семирамидою. Еще при Императрицѣ Елизаветѣ, Екатерина оказывала знаки своего всеобъемлющаго ума въ обсужденіи нѣкоторыхъ серьезныхъ государственныхъ дѣлъ, вследствие чего Прусскій министръ Мардфельдъ ⁽²⁾ однажды сказалъ ей: *Madame, vous regnerés, ou je ne suis, qu'un sot.* (Вы будете царствовать, или я глупецъ). *S'accépte l'augure,* отвѣчала она. (Принимаю предсказаніе).

(1) Источниками для этой статьи были разные обзоры царствованія Екатерины, но болѣе брошюра, очень рѣдкая, печатанная ровно 90 лѣтъ тому назадъ, подъ названіемъ: *Описаніе лагеря, собраннаго подъ Высочайшею Ея Императорскаго Величества собственною командою при Красномъ селѣ.*

(2) Споспѣшествовавшій соединенію В. К. Петра III съ Принцессою Ангальтъ Цербстскою Софією, названною послѣ Екатериною Алексѣевною.

Извѣстно, какъ Волтеръ, нещадившій никого изъ своихъ современниковъ, уважалъ ее: «гдѣ Екатерина, тамъ и рай.» выразился онъ въ одномъ письмѣ своемъ къ ней. Принцъ де Линь въ своихъ запискахъ сказалъ: «Екатерина во всякой участи была бы превосходною женою; званіе Императрицы болѣе всего ей приличествовало; великость души, обширный разумъ равнялись съ пространствомъ ея державы.» Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Въ Европѣ много молвятъ о Петербургскомъ кабинетѣ, но оный отнюдь не огроменъ, и только имѣетъ нѣсколько вершковъ пространства, отъ одного уха Екатерины до другаго.

И патріархальный поэтъ нашъ Державинъ сказалъ:

Екатерина въ пизкой долъ
И не на Царскомъ бы престолъ
Была бъ великою женой.

Сама же она очень скромно отзывалась о дѣлахъ своихъ: *я занимаюсь своимъ маленькимъ хозяйствомъ*, говорила она, *оно идетъ довольно хорошо.*

Но обратимся къ своему предмету. Первые незначительные маневры въ ея царствованіе были въ 1764 г. въ Ревель, въ Балтійскомъ портѣ и въ Ригѣ, вотъ по какому случаю: чтобы ознакомиться съ подданными своими въ Остзейскихъ губерніяхъ и осмотрѣть въ той сторонѣ расположенныя войска, она предприняла туда путешествіе, (20 іюня) Это путешествіе ея представляло самый триумфальный поѣздъ: отсюда, на встрѣчу ей, стекались жители городовъ и селеній, повсюду виднѣлись торжественныя ворота, слышался колокольный звонъ и пушечная пальба, дѣвицы избранныхъ фамилій, изящно одѣтыя, устилали путь ея цвѣтами. Такъ проѣхала она Нарву и достигла Ревеля. Весь городъ, въ ожиданіи ея, горѣлъ огнями иллюминацій; находившіеся тамъ пять полковъ, подъ командою тогда еще незнаменитаго Румянцева, встрѣтили ее парадно. Она остановилась въ Екатеринендаль. Начались роскошныя балы, маскарады и

объды: дворянство, рыцарство, купечество и даже простые бюргеры соревновали въ празднествахъ; при столѣ Императрицы служили дочери бургомистровъ, а сами они стояли за креслами ея; при возглашеніи здравія ея гремѣли выстрѣлы, въ честь ея пѣли нарочно сочиненныя кантаты, на ратушѣ горѣлъ разсвѣщенный вензель ея. Послѣ этихъ празднествъ, Екатерина на конѣ, въ полномъ мундирѣ, отправилась въ лагерь: тамъ произвели для нея примѣрное сраженіе, ⁽¹⁾ которыми она долго любовалась и осталась имъ очень довольна. Эти чувства выразила она командиру полковъ, Румянцеву, въ ставкѣ, за объдомъ, какъ бы предвѣщая ему скоро сдѣлаться славнымъ героемъ.

Пробывъ въ Ревель шесть дней, она, въ концѣ іюня, поплыла на корабль св. Климента къ Балтійскому порту. Здѣсь встрѣтилъ ея маститый стратигъ Минихъ, и представилъ ей зрѣлище другаго рода: морской бой; ⁽²⁾ въ полномъ удовольствіи, благодаря, съ свойственною ей мп.люстію и любезностію, посѣдѣвшаго подъ лаврами героя, она приняла его просьбу: отобѣдать у него на самомъ берегу: съ корабельныхъ и галерныхъ мачтъ раздавались, во время трапезы ея, звуки трубъ и литавръ — и богатырскій, русскій посвистъ: ура!

Наконецъ прибыла она въ Ригу. Ее встрѣтили и провожали въ этотъ городъ: генераль-губернаторъ Броунъ, фельдцейхмейстеръ Вильбоа, графъ Чернышевъ, гвардіи майоръ графъ Григ. Григ. Орловъ, двѣ конныя гвардейскія роты; по сторонамъ парадной кареты ея (въ которую она пересѣла изъ дорожной, недотѣжая до Риги) скакали генераль-адъютанты, за свитою ея вѣхалъ кирасирскій эскадронъ. Такъ прибыла она къ приготовленному для нея рыцарскому дому, на лѣстницѣ котораго встрѣтилъ ея извѣстный времен-

(1) Пять пѣхотныхъ полковъ и два конныхъ: кирасирскій и карбаверный.

(2) Еще въ 1763 г. по возвращеніи изъ Москвы, послѣ коронаціи своей, Екатерина осматривала въ Кронштатѣ флотъ и для исправленія его учредила особую комисію; въ 1761 г. предъ отбытіемъ своимъ въ Эстляндію, она вторично осматривала его.

щикъ Императрицы Анны, герцогъ Курляндскій, Биронъ, благодѣтельствованный Екатериною. Ландмаршалъ шелъ предъ ней съ серебрянымъ жезломъ. Она кущала подъ богатымъ наметомъ, ей прислуживали: Ландмаршалыша и три Ландрата. Императрица была такъ милостива и обязательна, что не отказалась отъ приглашенія на обѣдъ, который давало ей купеческое общество. На другой день прибытія ея въ Ригу, она отправилась въ Ратушу пѣшкомъ, со всею свитою своею; рамами этой живой, великольпной картины, былъ стѣснившійся народъ. Тутъ также пѣли хоры, подносили ей стихи и вѣнки изъ розъ; по окончаніи обѣда, на биржѣ, данъ былъ въ честь ея концертъ.

Цѣль Екатерины была—осмотрѣть войска, стоящія въ лагерь въ 14 верстахъ отъ Риги, подъ начальствомъ фельдмаршала Бутурлина, она отправилась туда; для нея сдѣлали среди поля богатую ставку, изъ которой она смотрѣла на маневры. Послѣ того Биронъ удостоился посещеніемъ ея въ Митавѣ; онъ встрѣтилъ и провожалъ карету ея съ сыновьями своими верхомъ. Ей сдѣланъ былъ, разумется, блистательнѣйшій пріемъ, на границѣ владѣній Бирона ожидали ее главные сановники герцога (¹). Здѣсь, въ нарочно-устроенномъ для нея шатрѣ, Екатерина завтракала и возложила на старшаго сына Биронова, Андреевскій орденъ. Около Митавы встрѣтилъ Государыню Сибирскій полкъ, и, салютуя ей, преклонилъ предъ ней знамена. Курляндцы выбѣжали изъ города, крича: виваты! Герцогиня встрѣтила державную гостью у крыльца. Императрица была такъ милостива, что за обѣдомъ привстала съ кубкомъ въ рукѣ и пожелала хозяевамъ здоровья: тогда герцогъ, со всемъ семействомъ своимъ, бросился предъ ней на колѣни и благодарилъ ее за эту честь.

При возвращеніи Государыни, въ тотъ же день, въ Ригу, сынъ герцога, Петръ, бросалъ столпившемуся по дорогѣ народу деньги; въ честь прибытія ся въ Митаву вы-

(¹) Екатерина возвратила Бирону герцогство его; будучи еще прежде возвращенъ изъ ссылки, онъ не имѣлъ его до вступленія на престолъ Екатерины.

бита была медаль. Въ Ригѣ Государыня была до 15 іюля, путешествіе ея продолжалось слишкомъ мѣсяць.

Вскорѣ по вступленіи своемъ на престоль, Екатерина приказала нарочно учрежденной воинской комиссіи собрать всѣ прежнія воинскія постановленія, тщательно пересмотрѣть ихъ, переформировать, дополнить новыми и приспособить ихъ къ настоящему времени. Такимъ образомъ, подѣ личнымъ ея наблюденіемъ, вышли новые штаты и учрежденія, относительно военной администраціи ⁽¹⁾. Во время пребыванія своего въ Москвѣ, по случаю коронаціи своей, Екатерина, среди блестящихъ празднествъ, общихъ и частныхъ, даваемыхъ въ честь ея, не пренебрегла осмотрѣть въ лагерѣ полки, собранныя подѣ командою генераль-фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова.

1765 г. лѣтомъ, (на другой годъ послѣ путешествія своего въ Остзейскія губерніи) Екатерина предприняла морское путешествіе за Красную горку, до высоты Гаривалла; тамъ осматривала она движеніе флота и бомбардированіе флотомъ нарочно построеннаго для этого случая городка, на островѣ Гориваллъ. Попеченіе ея о флотѣ, какъ извѣстно, принесло важныя результаты, особенно въ войнахъ съ Турціей и съ Швеціей.

Послѣ этого она возымѣла желаніе сдѣлать большіе маневры на сухомъ пути, чтобы лично удостовѣриться въ пользѣ новыхъ воинскихъ учрежденій, и потому, вслѣдствіе собственныхъ распоряженій ея, вѣльно было собрать войско въ главный лагерь, недалеко отъ Краснаго села, въ 50 верстахъ отъ Петербурга. Собранное войско раздѣлили на три дивизіи.

1-я дивизія находилась подѣ командою генераль-фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина: она состояла изъ полковъ лейбъ-гвардіи коннаго, Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго; изъ полевыхъ полковъ:

(1) 1765 г. учрежденъ Егерскій корпусъ; 1766 г. издана инструкція полкамъ.

Кирасирскаго Его Императорскаго Высочества и кирасирскаго 3 го.

2-я дивизія подъ командою ген. кн. Александра Михайловича Голицына изъ конныхъ полковъ Новгородскаго и Петербургскаго карабинерныхъ; изъ пѣхотныхъ: Смоленскаго, Ярославскаго, Вологодскаго, Великолуцкаго, Нарвскаго, Нашебургскаго, Низовскаго, Суздальскаго и Бомбардирскаго артиллерійскаго.

3-я дивизія подъ командою генерала Петра Ивановича Панина изъ конныхъ полковъ карабинерныхъ Архангелогородскаго и Нарвскаго; изъ пѣхотныхъ: перваго Московскаго, Рязанскаго, Тобольскаго, Кабардинскаго, Копорскаго и Псковскаго ⁽¹⁾.

Артиллерія изъ 44 полевыхъ орудій состояла подъ командою генераль-фельдцейхмейстера графа Григорія Григорьевича Орлова. Сверхъ того на этихъ маневрахъ находились легкія войска: Грузинскій гусарскій полкъ, пятисотная команда Донскихъ козакъ и 30 чел. Калмыковъ.

Ко вступленію въ назначенный лагерь опредѣлено было 15 ч. іюня, 1765 г.

Дивизія генерала Панина находилась въ Финляндіи на квартирахъ; къ 13 іюня она прибыла оттуда въ Петербургъ и проходила церемоніальнымъ маршемъ чрезъ городъ. Императрица, съ наследникомъ престола своего, смотрѣла на нее изъ покоевъ деревяннаго зимняго дома и осталась очень довольна устройствомъ ея. Прочіе полки, которые стояли около Петербурга, Императрица осматривала частію на мѣстѣ, частію на дорогѣ, во время марша ихъ, въ домъ оберъ-гоф-маршала графа Карла Ефимовича Сиверса.

На маршъ дивизіи графа Бутурлина Государыня смотрѣла съ приморской дачи графа Сиверса, сидя подъ шатромъ.

Дежурный Ея Величества генераль-адыютантъ, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, сообщилъ графу Бутурлину

⁽¹⁾ Здѣсь именуется полки для того, что, можетъ быть, нѣкоторымъ интересно знать наименованіе ихъ; многие изъ нихъ уже переименованы.

монаршее благоволеніе въ письменномъ отношеніи ⁽¹⁾ за отличный порядокъ ввѣренныхъ ему войскъ (отъ 15 іюня, 1756 г.)

16 и 17 ч. войска упражнялись въ лагерь разными экзерциціями, на что Государыня смотрѣла, не бывъ никѣмъ видима.

18-го ч. Государыня отправилась изъ Петербурга съ придворнымъ штатомъ своимъ и съ волонтерами (имена ихъ означатся въ концѣ статьи) въ Красное село, въ нарочно-построенный для нея, хотя наскоро, но помѣстительный и красивый домъ; тамъ ожидалъ ее наследникъ престола съ своимъ оберъ-гофмейстеромъ, графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ. Командиры дивизій, тотчасъ по прибытіи ея, подали ей рапорты о состояніи ввѣренныхъ имъ войскъ.

19-го Государыня слушала литургію въ приходской Краснаго села церкви; въ этотъ же день отданъ былъ приказъ, чтобы во все время лагеря, пока Ея Имп. Велич. сама имъ командовать будетъ, безсмѣнно дежурить генераль-адыютанту графу Григорію Григорьевичу Орлову, а за отсут-

(1) Для любопытныхъ помѣщаю точную копію его: За сугубое счастье почтлн, что имѣю честь чрезъ сіе вашему сіятельству объявить удовольствіе и благоволеніе Всемилостивѣйшей нашей Самодержицы о полкахъ лейбъ-гвардіи, которое они вчерашній день шествиѣмъ своимъ въ станъ, назначенный подъ Краснымъ селомъ, въ сердца Ея Императорскаго Величества произвели. Премудрая и народъ свой, Богомъ ей ввѣренный, чрезмѣрно любящая Монархиня, видя полки своей лейбъ-гвардіи въ такомъ состояніи, какого она желала, несказанно радовалася, что они предприняемымъ для пользы всего Россійскаго общества намѣреніямъ Ея Величества ревностію своею и усердіемъ точно соотвѣтствуютъ, и какъ первый Россійскихъ войскъ корпусъ служить похвальнымъ примѣромъ всѣмъ прочимъ. Чего для Ея Императорское Величество изволила Высочайше указать, собравъ всю гвардію, объявить имъ сію Монаршую милость, штабъ-офицерамъ и оберъ-офицерамъ за прилежное ихъ смотрѣніе благодарить, а унтеръ-офицерамъ и рядовымъ за послушаніе и исправность достойную отдать похвалу, и что сей ихъ поступокъ навѣянное Ея Имп. Вел. благоволеніе заслужилъ и что впредь Ея Вел. изволить надѣяться ихъ всегда видѣть такъ, какъ видѣла, съ пламеннымъ желаніемъ исполнять Ея волю. Сообща сіе, имѣю честь поздравить ваше сіятельство съ общою намъ радостію всѣхъ вѣрныхъ рабовъ Ея Вел., находящихся въ корпусъ лейбъ-гвардіи.

Графъ Г. Орловъ.

ствіемъ его съ докладами обращаться къ генераль-квартирмейстеру, князю Алексію Алексѣвичу Виленскому или къ генералу Чичерину. Генераль-адъютанту вѣчно было въ обязанность и въ мирное и въ военное время (какъ сказано въ 5 и 6 ст. наставленія) присутствовать на всѣхъ военныхъ совѣтахъ, отдавать приказы, наряды и пр., донося о томъ Ея Импер. Вел.

Сигнальную пушку приказано было поставить къ ставкѣ Ея Велич. и также туда прѣвзжать за паролемъ.

Въ 5 час. по полудни Государыня въ мундирѣ конной гвардіи, въ сопровожденіи свиты своей и деташамента конной гвардіи, отправилась верхомъ въ лагерь, гдѣ ожидали се всѣ полки, выстроенные въ двѣ линіи. Лишь только она подъѣхала къ правому крылу первой линіи, графъ Бутурлинъ встрѣтилъ ее, отсалютовалъ ей шпагою и поѣхалъ предъ ней вдоль своей дивизіи. Всѣ полки отдавали ей обычную честь. Наслѣдникъ престола въ полномъ, полковничьемъ мундирѣ и въ кирасѣ стоялъ предъ своимъ полкомъ, и когда къ нему Государыня подъѣхала, онъ, отсалютовавъ ей, поѣхалъ за ней по обѣимъ линіямъ.

Для этого осмотра Государыня употребила два часа. Войско встрѣчало ее оглушительно-восторженными привѣтствіями. Потомъ она опять подъѣхала къ правому крылу и остановилась. Между тѣмъ произведенъ былъ отъ арміи бѣглый огонь, а отъ артиллеріи пушечная пальба. Послѣ того Государыня отправилась въ ставку главной квартиры, при подошвѣ Дадуровской горы, приказавъ объявить всѣмъ, бывшимъ тогда въ парадъ войскамъ, Высочайшее свое благоволеніе, за ихъ исправность и порядокъ.

20 іюня до 11 ч. Государыня занималась государственными дѣлами, потомъ жаловала генераловъ и штабъ-офицеровъ къ рукъ. Такъ какъ тогда хотѣли произвести маневры съ цѣлію, чтобъ всѣмъ и каждому показать свои способности и искусство въ военномъ дѣлѣ, то при паролѣ отданъ былъ приказъ къ началу дѣйствій: графу Панину выступить въ походъ, бригадиру Ивану Михайловичу Измайло-

ву быть въ готовности къ походу, ожидая, когда корпусъ Павина выступить, тогда и ему стать между мызой Головиной и деревни Тонцкой, чтобы прикрыть легкими войсками лѣвый флангъ и фронтъ арміи.

По полудни въ 5-мъ часу Ея Имп. Вел. въ армейскомъ мундирѣ отправилась верхомъ къ корпусу графа Павина и приказала ему тотчасъ снять свой лагерь и выступить для занятія новаго мѣста при р. Пудости, близъ деревни Пурско, а маршь свой направить такимъ образомъ, какъ бы отъ непріятеля никакой видимой опасности не было. Это приказаніе начало исполняться съ такимъ порядкомъ и быстротою, что заслужило одобреніе Ея Вел. и привело въ удивленіе многочисленныхъ зрителей, съѣхавшихся на эти маневры, какъ изъ Пегербурга, такъ и изъ всѣхъ окрестностей его. Едва только данъ былъ къ тому сигналъ барабаномъ, какъ вдругъ, въ одно мгновеніе, повалились всѣ палатки и чрезъ нѣсколько минутъ уложены уже они были на воза. Авангардъ двинулся, и за нимъ стройно направило маршь свой все войско; не смотря на каменистую и поросшую кустарникомъ дорогу, колонны войскъ не прерывались, на что Ея Имп. Вел. смотрѣла съ особеннымъ удовольствіемъ.

Государыня отправилась впередъ на то мѣсто, на которомъ назначено корпусу разбить лагерь, на разстояніи 9-ти верстъ отъ прежняго мѣста; за ней спѣшно прибыло все войско и также быстро разбило свои палатки, какъ и сняло ихъ.

Послѣ этого Ея Имп. Вел. съ Ею Имп. Высоч. и всею свитою своею удостоила своимъ посѣщеніемъ главную квартиру командующаго генерала, и тамъ имѣла вечерній столъ, а между тѣмъ приказала, чтобы приняты были всѣ мѣры предосторожности противъ стоящаго въ близости корпуса, который почитался непріятельскимъ.

21 іюня, по окончаніи государственныхъ дѣлъ, Ея Имп. Вел. предприняла рекогносцированіе непріятельскаго лагеря, чтобы видѣть положеніе его и предпринимаемыя имъ дѣйствія. Планомъ атаки она располагала сама: полку конной

гвардія приказала она прикрывать выступленіе ея по дороге къ деревнѣ Техвиной (на протяженіи 4 верстѣ), а двумъстамъ гусаръ и командѣ казаковъ, составлявшихъ авангардъ, идти впереди въ полуверстѣ, бригадиру же Измайлову, съ его легкимъ корпусомъ, приказано было ожидать прибытія Ея въ помянутой деревнѣ, но не предпринимать никакихъ дѣйствій, чтобъ прежде времени не встревожить непріятелей. Послѣ этого Государыня, оставивъ конный полкъ гвардіи при деревнѣ, чтобы на всякій случай обезопасить отступление свое, двинула легкой корпусъ противъ праваго непріятельскаго крыла.

При первомъ наступленіи нашихъ гусаръ и казаковъ, непріятельскіе ведеты, соединясь съ своими пикетами, начали, отстрѣливаясь, отступать къ своему лагерю, и хотя главнокомандующій ихъ, графъ Панинъ, подкрѣпилъ ихъ, но счелъ за нужное придвинуть ихъ къ артиллеріи, расположенной на высотахъ. Между тѣмъ какъ наши козаки и гусары производили быструю атаку, Суздальскій пѣхотный полкъ, предводимый полковникомъ своимъ, Суворовымъ, отгнанилъ непріятеля и началъ занимать вышины одну за другою, очищая путь Ея Велич. а кавалерія, раздѣлилась по обѣимъ сторонамъ этихъ высотъ, такъ строилась, что была для легкихъ войскъ близкимъ и сильнымъ подкрѣпленіемъ, а пѣхотъ составляла флангъ.

При этой атацѣ, повелѣнія Ея Велич. исполнялись точно и успѣшно; видя сильное сопротивленіе непріятеля, была сдѣлана ему диверсія и на лѣвомъ флангѣ. Но должно было отдать справедливость и распоряженіямъ графа Панина: онъ старался показать себя сильнѣйшимъ, нежели былъ на самомъ дѣлѣ, и вслѣдствіе этого занялъ своимъ лагеремъ и форпостами болѣе мѣста, нежели ему нужно было, однакожъ такимъ образомъ, чтобы не ослабить своего корпуса. Онъ весьма искусно воспользовался высотами мѣстности, чтобы укрѣпить свой лагерь, и привелъ его въ такое положеніе, что атаковать и сбить его съ мѣста было очень трудно. По мѣрѣ наступленія на него непріятельскихъ войскъ, онъ спер-

ва дѣлалъ успѣшное сопротивленіе, а послѣ изъ оборонительнаго дѣйствія перешелъ въ наступательное, и началъ выводить изъ своего лагеря кавалерію и пѣхоту. Но Екатерина сама видѣла расположеніе непріятельскаго лагеря, и распорядилась такъ, чтобы легкій корпусъ отступилъ въ прежній свой лагерь; лейбъ-гвардейскій полкъ провожалъ ее отъ деревни Техвиной, а гусары, новоучрежденные егеря и козаки продолжали перестрѣливаться, прикрывая отступление Ел. Въ 10 часу Государыня возвратилась къ своей ставкѣ, а за ней и все войско, разставивъ форпосты.

22 іюня былъ день отдохновенія для обоихъ корпусовъ арміи, по причинѣ сильнаго дождя. Государыня принимала рапорты отъ командировъ войскъ.

23 іюня получены были извѣстія, что въ непріятельскомъ лагерѣ происходятъ большія движенія. Такъ какъ легкій корпусъ поставленъ былъ на такомъ мѣстѣ, что могъ не только подвергнуться нападенію непріятелей, но и быть отрезаннымъ, вслѣдствіе этого при пароль тотчасъ отданъ былъ приказъ: если будетъ нападеніе на корпусъ бригадира Измайлова, то, для подкрѣпленія его, быть въ готовности конному лейбъ-гвардейскому полку и бригадѣ князя Алек. Михайловича Голицына, съ двумя 12 фунтовыми пушками; самому же бригадиру Измайлову, въ случаѣ приближенія непріятеля съ большими силами, снявъ свой лагерь и отправя обозы къ горамъ, ожидать подкрѣпленія. Ему же Измайлову отправить 100 чел. гусаръ и столько же казаковъ къ Новой деревнѣ, находящейся въ 2 верстахъ передъ фрунтомъ лѣваго крыла, и велѣть оттуда примѣчать за движеніями непріятеля и обо всемъ доносить рапортомъ ген.-адъютанту.

Если дѣйствительно легкій корпусъ будетъ атакованъ, то лейбъ-гвардейскій Измайловскій и два кирасирскія полка должны немедленно подвинуться къ Новой деревнѣ и прикрывать фронтъ арміи или отрезать непріятельскій корпусъ, или, въ случаѣ отступленія его, преслѣдовать его. Въ то же время резервы всѣхъ полковъ должны построиться на лѣ-

вомъ крыль своихъ дивизій, а карабинерный Новгородскій предъ своими палатками.

По выступленіи резервовъ, гренадерскія роты должны быть въ готовности идти на подкрѣпленіе, куда будетъ нужно.

Въ 4 часу бригадиръ Измайловъ рапортовалъ, что непріятельскій корпусъ выступилъ съ своей позиціи въ большомъ числѣ, и, раздѣлясь на три колонны, кажется, такимъ образомъ учреждаетъ свой маршъ, чтобы не только устремиться на его корпусъ, но въ тоже время и обойти его съ лѣваго крыла, чтобы захватить и отрѣзать. Въ сгѣдствіе этого, Государыня тотчасъ приказала свосму генераль-адъютанту графу Орлову отправиться къ посту Измайлова, чтобы тщательнo наблюдать за движеніемъ непріятельскаго корпуса. Между тѣмъ рапорты отъ Измайлова быстро посылались одинъ за другимъ, въ которыхъ онъ извѣщалъ о поспѣшномъ приближеніи непріятеля. По этому случаю графъ Орловъ тотчасъ приказалъ конному лейбъ-гвардейскому полку и 1-й бригадѣ пѣхоты, подъ командою генераль-маіора Бекендорфа, поспѣшно идти на подкрѣпленіе легкому корпусу, а самъ графъ, прискакавъ къ нему, нашелъ уже его въ тревогѣ, лагерь его уже былъ снятъ и обозъ былъ отправленъ въ указанное мѣсто.

Гусары и козаки высланы были замедлять наступленіе непріятеля. Плоское мѣсто отъ мызы Тонцкой до бугра и роища направо и вѣтреная мельница заняты были пѣхотою съ нѣсколькими пушками, подъ командою полковника Суворова, правѣ же оттуда деревня и дорога, находящаяся между деревней и небольшимъ озеромъ, также пѣхотою, а кустарникъ егерями; кавалерія по-эскадронно разставлена была за высотами такъ, что могла скоро поспѣть на помощь, а сама была прикрыта отъ непріятельской артиллеріи, самыя же высоты заняты были пѣхотою съ пушками.

Распорядившись такимъ образомъ, графъ Орловъ отправился далѣе къ легкимъ войскамъ, чтобъ видѣть еще ближе дѣйствія непріятелей. Тутъ онъ замѣтилъ, что непріятельская армія, подъ командою графа Панина, не смотря на лѣ-

систую и болотистую дорогу, съ тяжелою артиллерією приближалась поспѣшно и въ большомъ порядкѣ. Такимъ же образомъ, выступая и на равное предъ Тоицкою мызою мѣсто, графъ Панинъ такъ хорошо прикрывалъ строящуюся пѣхоту легкими войсками своими и кавалерією, что вполне удостоился одобренія прибывшей на высоты Государыни, откуда она смотрѣла на движеніе непріятелей.

Государыня замѣтила, что третья колонна непріятельскаго корпуса направляется прямо на правое крыло Ея арміи, почему и приказала спѣшно выступить резервамъ, чтобъ непріятели не предускорили ихъ завятіемъ высотъ; генераль-маіоръ Философовъ быстро и удачно исполнилъ это дѣло.

Передніе посты нашего войска превосходною непріятельскою силою были вытѣснены съ своихъ мѣстъ, и генераль Панинъ, занявъ весьма выгодную для себя около рощи высоту, и поставя на ней пушки, подъ прикрытіемъ сильной стрѣльбы ихъ, выводилъ сперва легкое свое войско, а потомъ пѣхоту, желая вытѣснить корпусъ Измайлова, но третій кирасирскій полкъ, вслѣдствіе предварительныхъ распоряженій, сдѣлалъ диверсію на лѣвое непріятельское крыло, въ тоже время и резервы генерала Бекендорфа выступили впередъ и остановили напоръ непріятелей.

Между тѣмъ генераль Панинъ извѣстись, что третья колонна его сильно атакована, заблагоразсудилъ подкрѣпить ее и не допустить никакой опасности до своего лагеря, и по этому въ большомъ порядкѣ отвелъ свою пѣхоту въ лѣсъ, прикрывъ отступленіе свое кавалерією. Государыня остановила преслѣдованіе непріятельскаго войска.

Одною изъ двухъ колоннъ непріятельскихъ предводительствовалъ самъ г. Панинъ, другою генераль-поручикъ баронъ Дицъ, при кавалеріи же его корпуса находился генераль-маіоръ Опочининъ, при пѣхотѣ генераль-маіоръ кн. Щербатовъ, а при артиллеріи полковникъ Мордвиновъ.

3-я непріятельская колонна, подъ командою генераль-маіора Рененкампа, направлялась на правое крыло нашей

арміи, чтобъ сохранить лѣвой флангъ своей арміи отъ нашего нападенія; Государыня, услыжавъ далеко впереди отъ праваго крыла нашего сильную пушечную стрельбу, поспѣшно поскакала туда и усмотрѣла, что генераль Рененкампофъ движеніемъ своимъ старался облегчить намѣреніе генерала Панина, но встрѣтилъ сильное и готовое сопротивленіе, потому что командующій Измайловскимъ полкомъ, Василій Ивановичъ Суворовъ, принудилъ его отступить. Государыня, по случаю наступленія поздняго времени, и здѣсь остановила преслѣдованіе. Между тѣмъ г. Панинъ съ частію своей кавалеріи прибылъ на помощь къ 3-й колоннѣ своей и прикрылъ отступление ея.

24 іюня (день Рождества Іоанна Крестителя) Государыня слушала литургію въ полковой лейбъ-гвардіи коннаго полка церкви, а по возвращеніи оттуда, принимала рапорты и жаловала къ рукъ. Въ этотъ день предприняли удостовѣриться: намѣренъ ли непріятель, въ случаѣ наступленія на него всею силою, дать генеральную баталію, или уклониться отъ нея отступленіемъ.

По этому случаю при парольъ отданъ былъ приказъ:

1) Чтобы въ 4-мъ часу вся кавалерія предъ лагеремъ, у деревни Лиговой, построилась въ двѣ линіи.

2) Когда отданъ будетъ приказъ о походѣ, то маршировать двумя колоннами, а указателями дорогъ должны быть ген.-квартирмейстеръ Каховскій и оберъ-квартирмейстеръ Бекетовъ.

Государыня, прибывъ въ 5-мъ часу по полудни верхомъ, въ мундиръ пѣхотной гвардіи, къ помянутой кавалеріи, тотчасъ приказала ей маршировать въ двѣ колонны, что было исполнено въ величайшемъ порядкѣ, а сама она отправилась вслѣдъ за кавалеріею. Приблизившись на пушечный выстрѣлъ къ лѣвому непріятельскому крылу, вся кавалерія построилась въ двѣ линіи съ большою скоростію; послѣ этого небольшія команды гусаръ и козаковъ съ обонхъ фланговъ посланы были тревожить непріятельскіе пикеты и лагерь.

Г. Панинъ лишь только увидалъ приближеніе къ нему непріятелей, какъ тотчасъ принялъ твердое намѣреніе не уклоняться отъ баталіи. Онъ собралъ къ себѣ форпосты свои и пикеты, кавалерію свою перевелъ на лѣвое крыло, а пѣхоту приготовилъ къ генеральному сраженію, и лишь только началась съ обѣихъ сторонъ стрѣльба, какъ палатки въ лагерь его быстро были сняты, и пѣхота его двинулась на подкрѣпленіе своей кавалеріи.

Государыня, удостовѣрившись, что непріятельское войско готово выдержать атаку войскъ ея, приказала возвращаться въ свой лагерь, что и было исполнено въ величайшемъ порядкѣ, при перестрѣлкѣ однихъ только легкихъ войскъ, слѣдовавшихъ позади всей арміи; г. Панинъ кавалерію свою изъ подъ защиты артиллеріи выводить не хотѣлъ, но, по отступленіи непріятелей, тотчасъ возстановилъ свой лагерь.

Въ 10-ть часовъ вечера Государыня прибыла въ свою ставку.

25 іюня назначено быть новой баталіи. Утромъ, по обыкновенію, Государыня занималась отправленіемъ государственныхъ дѣлъ, потомъ принимала рапорты и жаловала къ рукъ, а между тѣмъ при пароль отданъ былъ приказъ.

1) Лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку, въ три часа по-полудни, ударить генеральный маршъ, въ три ч. съ $\frac{1}{4}$ по возамъ, въ четыре ч. сборъ—и тотчасъ выступать колоннами.

2) Походъ учредить пятью колоннами.

3) Снявъ лагерь и укладъ палатки на воза, оставить весь обозъ позади, а вычюныхъ лошадей имѣть въ готовности.

4) Всемъ выступающимъ войскамъ взять съ собою провіанта на одни сутки, и столько жъ фуража для лошадей, манерки наполнить водой.

5) Колоннамъ наблюдать, чтобъ во время марша головы ихъ были въ одной линіи, для того, чтобы придти на мѣсто сраженія всемъ въ одно время. Пятой же колоннѣ, состояв-

ней изъ легкихъ войскъ, ускорить прибытіемъ своимъ туда, чтобы атаковать непріятельскій постъ, укрѣпленный редан-тами и артиллеріею, потому что онъ расположенъ былъ на такомъ хребтѣ, который простирался почти до нашего лагерь и съ него видимы были всѣ наши движенія, которымъ они могли препятствовать.

6) Отъ легкаго корпуса отдѣлить 200 чел. гусаръ и 100 козаковъ, чтобъ они, разъѣзжая впереди, прикрывали фронтъ колоннъ, а по прибытіи арміи нашей на мѣсто, стать имъ въ третью линію, близъ парка артиллеріи.

7) При каждой колоннѣ, кромѣ кавалерійскихъ, впереди имѣть по двѣ пушки, и еслибъ непріятели задумали чинить движенію нашему какое-нибудь препятствіе, то стрѣлять изъ нихъ, не останавливаясь.

8) Какъ скоро построится фронтъ, тотчасъ изъ всѣхъ орудій, состоящихъ въ паркѣ, составить четыре батареи: двѣ по флангамъ и двѣ по срединѣ, передъ 1-й колонною.

9) Лейбъ-гвардіи конному полку быть въ эскортѣ Ея Величества и во время сраженія стоять въ 3-й линіи.

Въ назначенное время лагерь былъ снятъ съ величайшею быстротою, колонны двинулись стройно, Государыня смотрѣла на движеніе ихъ изъ своей ставки, которая была расположена на высотѣ; чрезъ нѣсколько времени она сама отправилась за войскомъ, въ сопровожденіи Наслѣдника своего Престола, всей свиты и деташамента ⁽¹⁾ кавалергардовъ; во время похода она подъѣхала къ нѣкоторымъ колоннамъ и милостиво разговаривала съ командующими ими генералами.

Бригадиръ Измайловъ, съ своимъ легкимъ корпусомъ, еще до прибытія главной арміи, данное въ 5 пунктѣ повелѣніе исполнилъ удачно: онъ вытѣснилъ непріятельскихъ гренадеръ изъ ихъ поста, овладѣлъ одною пушкою и самъ занялъ ихъ мѣсто. Вслѣдствіе чего Государыня приказала прочимъ колоннамъ, чтобы они примыкали лѣвымъ крыломъ

(1) Отрядъ, военная команда; во фронтѣ деташаментомъ называется отдѣленіе, часть эскадры, наряженная въ какую-нибудь посланку, для исполненія какаго-нибудь порученія.

къ занятому посту и деюировались ⁽¹⁾ вправо, а бригадиру Измайлову обходить правое неприятельское крыло и показывать такой видъ, что будто онъ намъревается зайти ему въ тылъ и отрезать его отъ трехъ мостовъ, построенныхъ черезъ р. Пудость, и отъ находящихся за этою рѣкою магазиновъ.

Колонны съ такою скоростію и порядкомъ деюировались, что тотчасъ могли быть ведены въ дѣло; но предварительно предъ дѣйствіемъ этого маневра нужно взглянуть на положеніе неприятельскаго корпуса: передъ правымъ крыломъ его находилась гора, сильно укрѣпленная артиллерією и разными земляными работами; на лѣвомъ крылѣ его также находилась выгодная высота, укрѣпленная редантами ⁽²⁾ и артиллерією. Первая линія пѣхоты его построена была между этими укрѣпленными возвышеніями, примыкая къ нимъ; вторая линія расположена была по высотамъ; отъ горы праваго крыла, въ заворотъ до рѣки Пудости, на которой построены были мосты; находящіяся тутъ высоты также заняты были редантами съ артиллерією, которыми прикрывались двѣ линіи праваго крыла его. На лѣвомъ крылѣ второй линіи сдѣланы были редуты ⁽³⁾, снабженные артиллерією и сильнымъ отрядомъ пѣхоты.

-
- (1) Деюировать, т.-е. строить фронтъ. Когда во время ученья или марша дѣйствующая часть войска идетъ колонною или сгущеннымъ фронтомъ, какъ-то бываетъ при переходѣ черезъ узкія мѣста, и когда потомъ нужно бываетъ выстроить обыкновенный фронтъ, состоящій изъ трехъ ширинъ, то это исполняется по командѣ начальника: *деюировать* на право или на лѣво, какъ позволить мѣстоположеніе.
- (2) *Редантъ* или *реданъ*—временныя укрѣпленія или строенія въ ретрашементяхъ, (окопъ, полевое укрѣпленіе, дѣлающееся для укрѣпленія лагерей, обозовъ и пр. Ретрашементъ имѣетъ ровъ и *паранетъ* или *брустверьъ*, т.-е. строеніе, дѣлающееся изъ земли, *фашинъ*, т.-е. сваи прутьевъ, хвороста, изъ мѣшковъ, набитыхъ землею, изъ бревень, сваленныхъ крестъ на крестъ, что называется засѣкою), которыя составляютъ изъ двухъ *фасовъ* (лицевыхъ, оборонит. линій). Этими строеніями укрѣпляются по большей части берега рѣки или моря, для недопущенія неприятеля къ берегу.
- (3) Полевое трехъ, четырехъ или пятистороннее укрѣпленіе съ одними только фасами или *подубастіонами* (бастіонъ, бульверъ или бульваръ, строеніе изъ земли или изъ камня сдѣланное. У древнихъ народовъ вмѣсто бастіо-

Кавалерія раздѣлялась на двѣ части: однимъ крыломъ примыкала она къ упомянутымъ укрѣпленнымъ вышинамъ, а другимъ, защищаемая артиллерією, широко раздвинулась по полю. Осмотрѣвъ положеніе непріятельскаго корпуса, Государыня разсудила, что если вести атаку на центръ непріятельскаго корпуса, то прежде нужно завладѣть укрѣпленными высотами, а это было довольно трудно и требовало много времени; а потому она рѣшилась вести атаку на лѣвое непріятельское крыло. Вслѣдствіе этого она приказала кавалеріи своей потянуться на лѣво, а потомъ на право, полевою же артиллерією она приказала умножить, чтобъ заставить замолчать непріятельскую. Этотъ маневръ исполненъ былъ тотчасъ въ большомъ порядкѣ, всѣ войска въ движеніи своемъ ни стѣснялись, ни прерывались.

Такимъ образомъ лѣвое непріятельское крыло было обойдено; кавалерія наша, протянувшись до лѣваго нашего крыла, заворотила за объ линіи его и во весь скокъ начала поспѣшать къ своему правому крылу и строиться, при сильной обоюдной стрѣльбѣ. Г. Панингъ, лишь только увидалъ, что наша пѣхота стала обходить лѣвое крыло его, тотчасъ стянулъ первую линію своей пѣхоты, а лѣвое свое крыло, заворота къ первой линіи, примкнулъ къ находящемуся тамъ редуту, а деревню, находящуюся близъ второй линіи его, занялъ гренадерами и пушками.

Между тѣмъ сильный огонь съ обѣихъ сторонъ не прерывался; лѣвое непріятельское крыло сильно было стѣсняемо; г. Панингъ приказалъ двумъ полкамъ первой своей линіи съ праваго своего крыла потянуться косою линією къ задней линіи, чтобъ одно крыло этихъ полковъ оставалось при помянутой вышинѣ, а другое соответствовало бы тому редуту второй линіи, на которой находилась артиллерія, третьему же полку лѣваго крыла, новоротая направо, съ непрерывною пушечною пальбою идти въ заднюю на правой

новъ были башни), обведенное ровомъ и землянымъ валомъ. Если редуты съ одной стороны открыты, то они называются полуредутами. *Булеваръ* или *бульваръ* собственно значить земляной валъ.

флангъ линію, чтобъ закрыть новое, двухъ отступающихъ полковъ построеніе. Второй линіи одному полку приказалъ онъ, идя колонною, занять въ косую линію то мѣсто, которое между первыхъ двухъ полковъ оставалось.

Государыня, усмотрѣвъ новое расположеніе непріятельскаго войска, думала и свое передвинуть на другія мѣста; но такъ какъ непріятель частию вытѣсненъ былъ изъ своего прежняго выгоднаго мѣстоположенія и время склонилось уже къ вечеру, то она остановила свое наступленіе. Когда огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился, то г. Панинъ принялъ мѣры, чтобъ при вторичной непріятельской атакѣ отступить за рѣку Пудость и стать на правомъ возвышенномъ берегу ея, и тотчасъ же отправилъ туда нѣсколько артиллеріи, пѣхоты и егерей.

Кавалерія обѣихъ сторонъ не имѣла случая къ сраженію; она прикрывала только движеніе своей пѣхоты, но не удаляясь отъ своей артиллеріи, устроенной на высотахъ. Послѣ этого Государыня приказала, разставя ведеты ⁽¹⁾ и пикеты, ⁽²⁾ дать арміи отдохновеніе. Такъ какъ съ обѣихъ сторонъ всѣ маневры производимы были съ крайнимъ искусствомъ, порядкомъ и дальновидностію; то Государыня раздѣлила свое благоволеніе на обѣ арміи и признала ихъ равно непобѣдимыми. Хотя непріятель и принужденъ былъ отступить, но занятіе новаго лагеря во всякомъ порядкѣ, въ виду превосходной силы, почитено было за очень удачное, искусное и смѣлое движеніе. Собственныя распоряженія Государыни, особенно при наступленіи войскъ ея на непріятельскую армію, единогласно были одобрены Генералитетомъ.

Послѣ нѣкотораго отдохновенія, Государыня приказала бить генеральный маршъ и возвратиться арміи въ лагерь

⁽¹⁾ Конный караулъ, поставленный близъ лагеря, крѣпости, или квартиры начальника войскъ.

⁽²⁾ Отводный, передовой караулъ; вообще пикеты составляютъ переднюю часть войска, иначе называются они *форпостами* (застава, караульня). Форпосты стоятъ и на границахъ, при таможенныхъ. У моряковъ *брандвахта*—военный фрегатъ (легкое, военное, низкобортное судно) стоящій на караулъ предъ флотомъ, или предъ входомъ въ портъ; бывають *брандвахты* и таможенныя.

тъмъ же порядкомъ. Уже поздно ночью прибыла Государыня въ свою ставку, а за ней и все войско вступило въ свой лагерь.

26 числа, въ воскресенье, по утру, Государыня слушала литургию въ полковой лейбъ-гвардіи коннаго полка церкви, а по возвращеніи Ея въ ставку, представлены ей были всь оберъ-офицеры корпусовъ лейбъ-гвардіи и артиллеріи, которыхъ она жаловала къ рукъ. Въ полдень прогуливалась она на высотахъ Далуровой горы.

27 числа поутру до 11 часовъ продолжались Ея обычныя государственныя занятія, потомъ представлены ей были всь штабъ и оберъ-офицеры дивизіи князя Александра Михайловича Голицына, а послѣ полудня дивизіа Петра Ивановича Панина, которыхъ также, съ знаками своего благоволенія, она жаловала къ рукъ; потомъ отправлялась всенощная въ собственной ея ставкѣ, послушаю наступающаго торжественнаго дня вступленія Ея на Всероссійскій Престоль (¹).

28 іюня было праздновано торжественно: поутру Государыня отправилась съ Наслѣдникомъ Престола, въ каретѣ, въ поставленную на возвышеніи, предъ лагеремъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, церковь, въ препровожденіи всего кавалергардскаго корпуса на игривыхъ коняхъ, въ великолѣпной новой формѣ. Имъ предводительствовалъ шефъ графъ Григорій Григ. Орловъ и поручикъ этого же корпуса графъ Ал. Гр. Орловъ (въ послѣдствіи Чесвенскій герой).

Прежде описанія этого торжества считаю нужнымъ, кстати, сказать нѣсколько словъ объ кавалергардскомъ корпусѣ и кое что о прочемъ, соприкосновенномъ къ тоглашнему войску.

Кавалергарды учреждены еще были Петромъ I-мъ, для торжества коронаціи супруги его, Екатерины. Императрица Елисавета учредила лейбъ-компанцевъ, свою тѣлохранительную стражу, изъ первой роты гвардіи Преображенскаго

(¹) На престоль вступила Екатерина 27 іюня, въ день знаменитой Полтавской битвы, а праздновалось это торжество 28-го іюня. Родилась она 21 апрѣля, какъ полагають, въ день основанія Рима.

полка. Императрица Екатерина II-я, вмѣсто лейбъ компанцевъ, учредила опять кавалергардскій корпусъ въ 1762 г. и тогда опредѣлены были въ него: Шефомъ—полный генералъ Гр. Гендриковъ, вахмистромъ — бригадиръ Языковъ, вице-Вахмистромъ — подполковникъ Струтинскій и три капрала маіорскаго чина. Это была настоящая царская стража—блестательная, великолѣпная, состоявшая изъ 60 рядовыхъ: капитановъ, поручиковъ, подпоручиковъ и не ниже прапорщиковъ, атлетическаго роста, богатырей по сложенію и крепости тѣла, красивой и величественной наружности, въ серебряныхъ латахъ, въ роскошныхъ и богатыхъ сюперверсахъ (1).

Въ 1762 г. въ началѣ царствованія Екатерины, вообще на военныхъ мундирахъ цвѣтъ сукна былъ свѣтлозеленый, гренадеры носили шапки съ перьями разнаго цвѣта, а мушкетеры шляпы, скръьленные бѣлыми шнурами. У офицеровъ шарфы и темляки были золотые, мундиры обложены были по борту золотымъ галуномъ; у музыкантовъ были суконные, малиноваго цвѣта, мундиры, обложенные по всѣмъ швамъ галуномъ; плащи у рядовыхъ суконные, синяго цвѣта (2). Въ этомъ же 1762 г. полковникомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка была сама Императрица Екатерина II-я, подполковникомъ Федоръ Вадковскій, маіоромъ князь Матеей Гагаринъ.

Великолѣпную стражу, въ отношеніи одежды, представляла нѣкогда гвардія Лжедмитрія; она состояла изъ трехъ ротъ, въ каждой было по 100 человекъ. Первою ротою начальствовалъ Французъ Маржереть: она была вооружена бердышами и носила парчевые мундиры съ бархатомъ. Вторая рота находилась подъ начальствомъ Англичанина Матиса Кидтсона, а третью командовалъ Шотландецъ Албертъ Лантій. Обѣ послѣднія роты вооружены были аллебардами;

(1) У французскихъ мушкетеровъ, при Людовикѣ XIII, *сюперверсы* было одѣяніе безъ рукавовъ, съ нашитыми крестами спереди и сзади, изъ бѣлаго бархата, обшитыми серебрянымъ позументомъ и съ лѣлями по угламъ креста.

(2) Весення письма Писарева 1817 г.

онѣ имѣли всеневные мундиры сѣраго цвѣта съ широкими бархатными отворотами, а въ праздничные дни красные бархатные. Каждому изъ служащихъ въ нихъ производилось жалованья по 70 руб. (что въ то время значило очень много) и сверхъ того даны имъ были помѣстья ⁽¹⁾.

Для встрѣчи Государыни, вся армія, бывшая въ лагерь, стояла въ парадѣ, батальономъ-карре, подъ командою генераль-фельдмаршала и старшаго подполковника гвардіи, графа Бутурлина; кавалерійскіе полки находились по концамъ cadaго фаса. По пріѣздѣ Государыни, отдана ей была честь со всеми церемоніями; по окончаніи литургіи, промзведенъ былъ всею арміею троекратный бѣглою огонь, артиллерія сдѣлала 101 выстрѣлъ.

Послѣ того Государыня тѣмъ же порядкомъ отправилась въ Красное село, въ свой помннутый, нарочно построенный для нея домъ и тамъ принимала поздравленія отъ множества съѣхавшихся изъ города знатныхъ персонъ и иностранныхъ министровъ. На обѣденный столъ Ея приглашено было 240 персонъ; въ продолженіе его играла итальянская инструментальная и вокальная музыка.

Весь генералитетъ, торжествуя благоволеніе къ себѣ монархини, просилъ у нея дозволенія праздновать этотъ всерадостный для всѣхъ день въ лагерь и удостоить празднованіе его Ея высокимъ присутствіемъ. По полученіи благоприятнаго отвѣта Ея, весь дворъ и многія знатныя обоого пола персоны приглашены были на балъ и ужинъ въ лагерь, 28 іюня.

Въ началѣ 8-го ч. вечера Ея Императорское Величество съ Его Императорскимъ Высочествомъ и со всею свитою своею прибыла на это торжество: ее встрѣтилъ весь генералитетъ, при играніи на трубахъ и литаврахъ. Домъ, или лучше сказать палата, въ которой былъ балъ и ужинъ, поставлена была, какъ бы волшебствомъ, въ одинъ день: она сдѣлана была вся изъ полотна, и имѣла четыре ровные фаса,

(1) Маржеретъ: состояніе Россійской Имперіи въ 17 столѣтій.

каждый изъ 30 сажень длиною и осьми сажень ширины; внутри двора ея, воздвигнуты были великолѣпныя триумфальныя ворота. Вся эта палата, по всѣмъ четыремъ фасадамъ, ровно вдоль раздѣленная, имѣла двѣ большія залы для танцевъ, съ отдѣльными помещеніями для оркестровъ музыки и четыре неотдѣленные отъ нихъ кабинета, въ которыхъ поставлены были ломберные столы, для желающихъ играть въ карты; кромѣ того тамъ находилось еще нѣсколько уборныхъ комнатъ; по угламъ всѣхъ фасадовъ стояли буфеты съ роскошнѣйшимъ разнообразнымъ содержаніемъ. Балъ продолжался до 12 часа, танцевали непрерывно, то подъ звуки одного оркестра музыки, то подъ звуки другаго. Собраніе гостей было блистательное и такъ многочисленно, что всѣ окрестныя поля покрыты были экипажами и любопытствующими, съѣхавшимися сюда какъ изъ Петербурга, такъ и изъ всѣхъ окрестностей его.

Въ 12 часовъ вдругъ началась отъ артиллеріи, помещенной близъ этой палаты, оглушительная стрѣльба; всѣ сильно вздрогнули, раздались невольныя восклицанія; это было нечто въ родѣ сюрприза: одновременно съ палатой и съ такой же быстротою, построены былъ деревянный городокъ, предъ которымъ находился земляной валъ въ 2 сажени съ половиной вышины и въ 12 сажень ширины съ пропорціональнымъ ровомъ, все это какъ будто выросло вдругъ съ домомъ и съ городкомъ вмѣстѣ, или какъ будто упало съ высоты и само построилось. Послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ залповъ, городокъ былъ подорванъ зажженнымъ подкопомъ и обрушенный валъ засыпалъ ровъ. Потомъ генералъ-фельдцейхмейстеръ представилъ блистательный фейерверкъ (*). Жаль, что въ тотъ день шелъ неоднократно дождикъ и много отнялъ эффекта у фейерверка; но несмотря на то, все таки видно было искусное составленіе и картинное расположеніе его.

Государыня смотрѣла на дѣйствіе артиллеріи и на фейерверкъ, стоя предъ домомъ, и лишь только возвратилась въ

(*) Описаніе и планъ фейерверка съ равными символическими изображеніями напечатано было на особыхъ листахъ и раздавалось гостямъ въ тотъ день.

заль, какъ вдругъ всѣ внутреннія стѣны палаты, убранныя живописными обоями, взвились вверхъ, какъ театральныя занавѣсь или декорация, и изумленнымъ глазамъ Ея представились аркады, украшенныя великолѣпными гардинами, а за ними, во всю длину фасовъ, явились столы, убранныя и сервированныя роскошно къ ужину. Въ срединѣ этихъ столовъ, во всю длину ихъ, высился ярко иллюминированный десертъ и разныя огромныя конфектныя пирожныя, изображающія формами своими славу русскаго оружія (*).

Триумфальное зданіе, посрединѣ двора, чрезъ которое Государыня входила въ палату, также было ярко и картинно иллюминировано, оно вѣнчалось брилліантовымъ вензелемъ Ея.

За столомъ кушали попарно 365 персонъ, при звукахъ музыки; за столомъ, кромѣ придворныхъ лакеевъ, служило 100 человекъ гайдуковъ, выбранныхъ по колоссальному росту своему и по представительности въ эту должность; они были одѣты въ роскошныя горящія золотомъ ливреи, нарочно для этого вечера приготовленныя.

Однимъ словомъ: все было достойно этого торжественнаго для Россіи дня. По окончаніи стола, Государыня, излививъ всѣмъ учредителямъ праздника свою искреннюю благодарность, въ два часа по полуночи возвратилась въ свой Красносельскій дворецъ.

29 іюня было новое торжество—тезоименитство Наслѣдника Престола, Его Императорскаго Высочества Павла Петровича; въ этотъ день Государыня слушала литургію въ приходской Краснаго села церкви. По окончаніи обѣдни придворный проповѣдникъ и законоучитель, іеромонахъ Платонъ, говорилъ тому дню приличное слово, въ которомъ, прославляя Божіе, въ особъ Помазанницы Его, изливаемое на Россію милосердіе, и принося теплую молитву о долголетнемъ царствованіи Ея и о здравіи Высокаго Именинника, ис-

(*) Представляющія разныя зданія: дворцы, крѣпости, бесѣдки и пр. Это было тогда въ большей модѣ: кондитеры этихъ пирожныхъ были своего рода зодчіе.

полнилъ сердца слушателей благоговѣніемъ и радостію. Самъ Именинникъ, по случаю приключившейся ему небольшой простуды, при этомъ не присутствовалъ.

По возвращеніи въ свои покои, Государыня принимала отъ сановниковъ двора обоого пола и отъ иностранныхъ министровъ поздравленія.

Объединный столъ былъ на 150 кувертовъ, вечеромъ балъ и ужинъ.

30 іюня все утро, начиная отъ 5 часовъ, Государыня занималась государственными дѣлами. Въ этотъ день роздано было на всѣ полки по нѣскольку быковъ и по погребу вина и пива на каждый полкъ, потому что наканунѣ былъ постный день; послѣ этого отданъ былъ приказъ, чтобы всѣ полки разводили изъ лагеря на ихъ квартиры.

Государыни, по окончаніи обѣда своего, простясь съ генералами, и оказавъ имъ свое благоволеніе, отправилась въ Петербургъ, и въ пять часовъ по полудни, въ вождельномъ здравіи, прибыла въ лѣтній свой домъ; за нею прибылъ туда же и Наслѣдникъ съ своею свитою.

Такимъ образомъ кончились большіе маневры (или, какъ тогда выражались: лагерь); Государыня, самолично командуя своими храбрыми войсками, удостовѣрилась въ искусствѣ ихъ и въ непобѣдимости—и послѣ оживотворила присутствіемъ своимъ столицу.

Грядущія событія вполне выказали могущество русскихъ воиновъ, ихъ ожидала безсмертная слава.

Для любопытныхъ представляю еще списокъ волонтеровъ, находившихся при свитѣ Государыни во все время маневровъ и на празднествахъ.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ.

Генералы: Федоръ Матв. Воейковъ, Петръ Ивановичъ Олицъ.

Генералъ-поручики: Алексій Петровичъ Мельгуновъ; Сиверсъ.

Генералъ-квартирмейстеръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій (послѣ прокуроръ).

Генералъ-маіоръ: Никол. Ив. Чечеринъ, Дунтень, Эссенъ, Карлъ принцъ Курляндскій, Транзе, Ал. Мих. Масловъ, Ник. Ив. Салтыковъ, Ларіонъ Матв. Кутузовъ (родитель героя, памятнаго всей Европѣ, Мих. Лар. Кутузова).

Дѣйст.-стат. содѣйникъ Дмитр. Васил. Волковъ.

Бригадиръ князь Ал. Ив. Прозоровскій.

Инженеръ-полковникъ Пурпуръ.

Полковники: князь Трубецкой, кн. Голицынъ, Волковъ, графъ Мантейфель, Курсель, кн. Долгоруковъ, Энгельгардъ, Давыдовъ, кн. П. Голицынъ, Чарторижскій, Ребиндеръ, Цеймернъ, Ушаковъ, Нероновъ.

Гвардіи-поручикъ Зиновьевъ.

Премьеръ-маіоръ Фрейголдъ.

Адъютантъ ген. Гр. Румянцева Елчаниновъ.

Иные изъ помянутыхъ въ этой статьѣ были уже маститые старцы, другіе еще возникающіе герои, обезсмертившіе себя блистательными подвигами въ славную эпоху царствованія Екатерины II-й.

С. М. Ловицкій.

О ТОРГОВЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ

СЪ ЗАПАДНЫМЪ КИТАЕМЪ (*).

1) Первоначальныя мѣры для открытія постоянной торговли съ западнымъ Китаемъ.

Издавна замѣчено, что всякая отрасль торговли, усвоившаяся на какомъ-либо, даже не довольно удобномъ мѣстѣ, требуетъ много труда и усилій, чтобы дать ей другое направленіе. Такъ случилось и у насъ. Еще въ концѣ XVIII столѣтія возродилась мысль объ открытіи новаго торговаго изъ Сибири въ Китай пути, который бы, будучи доступнѣе Кяхты для нашихъ купцовъ, не былъ затруднителенъ и для Китайцевъ. Признано на первый разъ, что Бухтарминскій край соединяетъ въ себѣ подобныя выгоды, и на него палъ жребій. Въ самомъ дѣлѣ этотъ край, сблизжался съ западною

(*) Отрывокъ изъ неизданнаго сочиненія, «Обозрѣніе торговыхъ и частію Государственныхъ сношеній Россіи съ Китаемъ и Среднею Азіею.» Этотъ отрывокъ, относясь собственно къ настоящей торговой нашей дѣятельности, можетъ еще имѣть и тотъ особенный интересъ для торговцевъ, что знакомитъ ихъ съ новымъ путемъ для сбыта и пріобрѣтенія товаровъ, чрезъ западный Китай какъ въ большихъ количествахъ, такъ и въ большемъ разнообразіи. Кромѣ того онъ представляетъ и тѣ трудности, которыя должно было преодолѣть къ достиженію нынѣшнихъ торговыхъ оборотовъ, хотя и не вполне удовлетворительныхъ, но не лишенныхъ надежды на будущее преуспѣваніе.

частью Китая, представляет возможность судоходства изъ самаго, такъ сказать, сердца Россіи, сокращая обыкновенный торговый путь между Москвою и Кяхтою изъ 5,555 на 3,653 версты. Императоръ Павелъ I слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 25 марта 1797 года начальнику Сибирской Линіи генераль-лейтенанту Штрандману, — удостоилъ и со своей стороны такую мысль Монаршаго одобренія (*):

«Я нахожу весьма основательнымъ представленіе ваше отъ 22 февраля, относительно заведенія торговаго сношенія между обитателями Бухтарминскаго края и ближайшими къ тому провинціями Китайскаго государства; въ семъ уваженіи почиталъ Я всегда Усть-Каменогорскую крѣпость пунктомъ не безважнымъ для пользы здѣшней Имперіи, почему и поставилъ тамъ Селенгинскій полкъ: чего ради не только приказано отъ Меня коллегіи иностранныхъ дѣлъ способствовать такому открытію въ семъ край торговли, и сдѣлать какъ наискорѣе нужныя съ ея стороны распоряженія; но и вамъ повелѣваю, не упускать никакого благопріятнаго къ тому встрѣтиться могущаго случая, а на сей конецъ и переписку съ китайскими чиновниками имѣть дозволяю съ тѣмъ только, чтобъ вы увѣдомляли всякій разъ о содержаніи оной помянутую коллегію. Впрочемъ, если бы вы нашли надобнымъ имѣть въ Бухтармѣ воинскія команды, то дабы не ослаблять гарнизоновъ, можете опредѣлить туда двѣ гренадерскія роты Селенгинскаго пѣхотнаго полка, и по исполненіи Мнѣ о томъ донести.»

Центромъ новаго торговаго пути избрана была Бухтарминская крѣпость (I), гдѣ въ 1798 году учреждена и таможня; но, къ сожалѣнію, торговля здѣсь не достигла тѣхъ результатовъ, какихъ отъ нея ожидали, при всей заботливости о распространеніи ея, особливо въ управленіе мини-

(*) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи т. XXIV, стр. 515. Курсивныя слова рескрипта приписаны собственною Его Величества рукою.

стерствомъ коммерціи графа Н. П. Румицова. Таможенные доходы не могли даже покрывать штатныхъ расходовъ. Причиною такого ничтожнаго торговаго оборота, главнѣйше было то, что сами Китайцы не могутъ выѣзжать за предѣлы своего отечества (по крайней-мѣрѣ безъ точнаго дозволенія) и что промѣняемые ими на Бухтармѣ товары, ограничивались единственно выдаваемыми военнoслужашимъ на пограничной ихъ линіи—вмѣсто жалованья. Но малый успѣхъ въ этомъ торговомъ предпріятіи, по видимому, не ослаблялъ надежды на лучшую будущность, — и таможня упразднена очень еще недавно (въ 1839 году по Словцову) съ оставленіемъ на Бухтармѣ вмѣсто нея таможеннаго поста, а въ Устькаменогорскѣ (II) по прежнему, таможенноѣ заставы.

Прежде всего перейдемъ къ разсмотрѣнію естественныхъ выгодъ и невыгодъ обоихъ этихъ мѣстъ, для водворенія постоянной въ нихъ торговли. Бухтарминская крепость представляетъ болѣе удобства въ торговомъ отношеніи для Китайцевъ, чѣмъ для насъ. Они могутъ пользоваться свободнымъ плаваніемъ отъ самаго Норъ-Зайсана, по теченію Иртыша; мы же отъ Устькаменогорска должны противъ теченія этой рѣки преодолевать многія трудности, проплывая между утесистыми скалами, мелями, и подводными камнями (быками), которые суживаютъ рѣчное русло, и до такой степени увеличиваютъ быстроту теченія и прибой волнъ, что при малѣйшей неосторожности гребцовъ, судно можетъ быть увлечено водою и раздробиться въ щепы. Доказательствомъ неудобства этого плаванія можетъ служить доставленіе по Иртышу серебряныхъ рудъ Зырянскаго рудника, для Алтайскихъ горныхъ заводовъ, на Устькаменогорскую или нижнюю пристань—(по причинѣ затруднительности сухопутной ихъ перевозки чрезъ горы, отдѣляющія Бухтарму отъ Устькаменогорска). Барки и лодки, отправляемыя за рудою, при ходѣ вверхъ рѣки безъ всякаго груза, достигаютъ отъ Устькаменогорска до верхней пристани, на разстояніи 150 верстъ, въ 10 и 12 дней, а обратно

на баркахъ, управляемыхъ 24 человекъ, съ грузомъ до 3,600 пудовъ и на лодкахъ при 17 человекъ съ грузомъ до 2,500 пудовъ, употребляютъ на то, при благопріятной погодѣ, не болѣе одного дня.

Иначе было бы, еслибъ торговля водворена была въ Устькаменогорскѣ—мѣсть, предназначенномъ къ тому и вышеприведеннымъ Высочайшимъ рескриптомъ. Тогда мы избѣжали бы всѣхъ описанныхъ затрудненій, да и Китайцы, доставляя туда товары водою, внизъ по теченію рѣки, пожертвовали бы однимъ развѣ лишнимъ днемъ, а сухопутно на вьючныхъ лошадяхъ или верблюдахъ, слѣдуя по лѣвому берегу Иртыша, не встрѣчали бы ни недостатка въ подножномъ кормѣ для скота, ни другаго какого-либо затрудненія.

Прибавимъ къ этому, что если ни Бухтарминская крѣпость, ни Устькаменогорскѣ не доставили всѣхъ ожидаемыхъ отъ нихъ торговыхъ выгодъ, то по крайней-мѣрѣ, представили ихъ возможность, и послужили основою къ дальнѣйшимъ, болѣе рѣшительнымъ и плодотворнымъ предпріятіямъ, на другомъ торговомъ поприщѣ въ предѣлахъ самаго Китая, какъ это въ подробности будетъ объяснено далѣе.

Между тѣмъ, нельзя сказать и того, чтобы въ сказанныхъ двухъ мѣстахъ торговли вовсе не было. По «Видамъ Государственной вѣшной торговли» за 1848 годъ (стр. 8), изъ Устькаменогорской заставы и Бухтарминскаго поста совокупно отпущено было товаровъ на 14,268 р. сер. Въ особенности вывозъ чаевъ въ Семипалатинскѣ (III), едва ли не по отголоску изъ тѣхъ же мѣсть, распространившемуся въ Китаѣ, сталъ почти постоянно увеличиваться.

По «Статистическому обзоренію вѣшной торговли Россіи» (1850, ч. 1, стр. 339).

Привезено въ Семипалатинскѣ.

	<i>Байхового чая.</i>	<i>Кирпичнаго чая.</i>
Въ 1836 г.	9 пуд.	1,411 пуд.
— 1837 —	19 —	1,008 —

— 1839 —	152 —	1,727 —
— 1838 —	10 —	1,156 —
— 1840 —	1,221 —	1,556 —
— 1841 —	1,362 —	1,714 —
— 1842 —	473 —	3,255 —
— 1843 —	755 —	4,555 —
— 1844 —	1,222 —	3,382 —
— 1845 —	2,532 —	5,515 —
— 1846 —	2,684 —	8,208 —
— 1847 —	2,404 —	5,050 —
— 1848 —	740 ¹ / ₂ —	4,667 и 32 фун.

2) Поштыни къ возстановленію караванной торговли съ Китаемъ.

По незначительности торговых оборотовъ въ Устькаменогорскъ и Бухтарминскъ, обратились-было къ возобновленію караванной торговли съ Китаемъ. Известно, что въ силу IV статьи трактата, заключеннаго 14 іюня 1728 года Россійскимъ посланникомъ графомъ Иллирійскимъ, Саввою Владиславичемъ, съ китайскими уполномоченными, Китайцы не въ правъ препятствовать отправленію нашихъ каравановъ до самаго Пекина, и даже обязаны оказывать имъ особое покровительство «встрѣчать и препровождать ихъ ради купечества.» Но каждый караванъ долженъ быть ограниченъ только двумястами челоувкъ, приходитъ и возобновляется одинъ разъ въ три года. На основаніи упомянутаго трактата, казенные и частные караваны наши были отправляемы въ Китай съ товарами для вымѣна на нихъ китайскихъ, что и продолжалось съ 1728, по 1755 годъ включительно. Рѣдко впрочемъ караваны эти достигали Пекина, и почти всегда отправлялись только изъ Селенгинска или изъ Нерчинска. По отъѣзду манифестомъ 31 іюля 1762 года казенныхъ каравановъ дозволено «всѣмъ, кто бы ни пожелалъ, съ платежемъ пошлины по тарифу какъ торговать на китайской границѣ, такъ и въ Пекинъ отправлять свои товары, со-

гласно съ IV статьею трактата.» Дозволеніемъ этимъ однакожь, мы не пользовались, имѣя въ виду одну Кяхтинскую торговлю.

Наконецъ въ 1811 году, при караванѣ, отправленномъ изъ Бухтарминской крѣпости жителемъ города Тары (Тобольской губерніи) коммерціи совѣтникомъ Нерпинымъ, посланъ былъ отъ начальника Сибирской линіи генерала Глазенапа, находившійся при немъ переводчикомъ Путимцевъ, на котораго возложено было собрать подробнѣйшія свѣдѣнія о караванныхъ путяхъ, лежащихъ отъ сказанной крѣпости въ Малую Бухарию (нынѣ Чжунгарія и Туркестанъ), о жителяхъ тѣхъ мѣстъ и тамошней торговлѣ (*). Путимцева сопровождали: прикащикъ Нерпина тарской Бухарець Роимбакъ Решевъ, нѣсколько Ташкентцевъ и Татаръ. Самъ онъ, переодѣвшись въ азіатское платье, выдавалъ себя также за Ташкентца и караванъ-башу (караваннаго голову), къ чему совершенное знаніе татарскаго языка и туземныхъ обыкновеній доставило ему всю возможность. Онъ посѣтилъ главные въ тамошнемъ краю и ближайшіе къ нашей границѣ торговые города, Чугучакъ и Кульджу, которые, какъ и все пройденное имъ пространство, описываетъ съ подробностію. Между прочимъ выхваляетъ обратный свой путь черезъ китайскій Бургасутейскій карауль и признаетъ его самымъ лучшимъ для торговцевъ, отправляющихся съ русской границы въ Чугучакъ и Кульджу, хотя нѣсколько и длиннѣе пройденнаго имъ прежде. Здѣсь, по его словамъ, не встрѣчается ни горъ, ни болотъ, ни мѣстъ безводныхъ, и почва вообще твердая, такъ что можно безпрепятственно провозить на тельгахъ всякія тяжести. Поездка Путимцева продолжалась съ 4 іюня по 18 ноября 1811 года.

Послѣ того, въ 1844 году, нѣсколько казанскихъ Татаръ, изъ поселившихся въ Троицкѣ (Оренбургской губерніи), задумали составить между собою, для караванной тор-

(*) Дневныя записки переводчика Путимцева напечатаны въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1819 года (ч. VII, стр. 99—123).

говли съ западнымъ Китаемъ, нѣчто въ родѣ компаніи, хотя при самомъ ограниченномъ капиталѣ. И въ то время, когда Англичане силою оружія на югозападной границѣ Китайской имперіи, вносили туда произведенія своихъ фабрикъ и мануфактуръ, русскіе подданные мирно, спокойно тянулись незнакомымъ путемъ чрезъ безжизненныя Киргизъ-Кайсацкія степи, по направленію къ западной границѣ. Предпріятіе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Безъ сомнѣній, подобныхъ торговыхъ попытокъ было и много, но онѣ неизвѣстны, въ особенности потому, что могли быть производимы почти исключительно со стороны живущихъ на Сибирской Линіи азіатцевъ; русскіе же торговцы, если и участвовали въ подобныхъ предпріятіяхъ, то не иначе, какъ въ паю съ азіатцами, или подъ видомъ ихъ прикащиковъ.

3) Водвореніе Русской торговли въ городахъ Чугучавъ и Кульджѣ.

Изъ предъидущаго видѣли мы, что съ тѣхъ поръ, какъ возникла первая мысль о торговомъ сношеніи съ западнымъ Китаемъ ни правительство, ни частные люди не переставали стремиться, хотя и не совсѣмъ успѣшно, къ достиженію этой цѣли. Главнымъ препятствіемъ успѣха было, какъ выше сказано, то обстоятельство, что не былъ разрѣшенъ свободный въѣздъ ни Китайцамъ въ предѣлы Россіи, ни нашимъ соотечественникамъ въ Китай. Вотъ причина, почему они, по необходимости, должны были вести торговля дѣла не прямо, но какъ бы транзитно, чрезъ разныхъ азіатцевъ, а эти послѣдніе наблюдали, конечно, болѣе собственныя выгоды и вѣроятно старались даже отдалять непосредственныя сношенія между торговцами той и другой стороны.

Напослѣдокъ, при открывшихся болѣе удобныхъ путяхъ сообщенія съ западнымъ Китаемъ чрезъ Киргизъ-Кайсацкія степи, съ поступленіемъ ихъ въ зависимость Россіи, равно какъ

можетъ быть, и отъ нѣкотораго застоя торговли на Кяхтѣ, по причинѣ внутреннихъ смутъ въ Китаѣ, — торговля эта начала значительно оживляться, и въ особенности послѣ взаимнаго принятія для нея новыхъ условій и назначенія постоянными торговыми пунктами находящихся въ китайскихъ предѣлахъ городовъ Чугучака (IV) и Кульджи (V).

Вотъ вкратцѣ содержаніе этихъ условій, заключенныхъ русскимъ и китайскимъ правительствами 25 іюля 1851 года (*).

1) «Купцы обоихъ государствъ производятъ между собою мѣвовую торговлю, устанавливають цѣну товаровъ по своему произволу.

2) «Съ привозимыхъ Русскимъ купечествомъ въ Кульджу и Чугучакъ товаровъ не взимается Китайскимъ правительствомъ никакой пошлины, и даже по поступленіи сихъ товаровъ въ руки Китайскихъ торговцевъ, въ чертѣ обоихъ городовъ пошлины никакой не должно быть взыскаемо, и товары Китайской таможнѣ не предъъявляются.

3) «Русскіе купцы могутъ пріѣзжать въ эти города съ 23 марта по 10 декабря послѣ послѣдняго этого срока до наступленія весны пріѣздъ не дозволяется, потому что на зиму снимаются пограничныя караулы, обязанные, при вступленіи каравана въ предѣлы Китая, повѣрять выданный ему отъ Россійской таможни билетъ.

4) «Въ Кульджѣ и Чугучакѣ учреждаются Русскія консульства, коимъ отводятся земли подъ стросенія. При консульствахъ будутъ устроены магазины для складки товаровъ, прибывшихъ съ Русскими караванами, и для жительства Русскихъ купцовъ. — За складъ товаровъ взимается съ купцовъ самая умѣренная плата.

(*) Заимствованныхъ изъ книги: «Статистическое обозрѣніе Сибири,» составленное по Высочайшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію, при Сибирскомъ комитетѣ, дѣйств. статс. совѣтникомъ Гагемейстеромъ, въ трехъ ч., въ б. 8 л. листа. Спб. 1854 г. Изъ этой же книги, обогащенной множествомъ важныхъ фактовъ, относительно Сибири и о смежныхъ съ нею странахъ, взяты сокращенно и другія нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ ней свидѣній, съ указаніемъ на страницы.

5) «Русскіе и Китайскіе купцы посѣщаютъ свободно другъ друга по дѣламъ торговымъ; но первыя безъ билета отъ консула не могутъ ходить по улицамъ города и предѣстій.

6) «Для пастбищъ скота выючнаго и пригоняемаго Русскими отводится особенное мѣсто.

7) «Если Русскіе купцы пригоняютъ въ Кульджу или Чугучакъ барановъ, то мѣстное начальство выравъ вымѣнивать для Китайской казны изъ десяти барановъ двухъ, выдавалъ за cadaго вымѣннаго барана по куску дабы (бумажная толстая ткань цѣною до 50 коп.)

8) «Купцы обоихъ государствъ, при промѣнѣ своихъ товаровъ не должны отпускать ничего другъ другу въ кредитъ; если же вопреки сего, кто-нибудь отпустить свой товаръ въ долгъ, и платы не получить, то ни Русскій консулъ, ни Китайское правительство жалобы не принимаютъ» (ч. II, стр. 638).

Ко ввозу въ Китай запрещены: золото и серебро въ слиткахъ, въ порошокъ и въ монетъ, огнестрѣльное оружіе и порохъ, опиумъ, билеты кредитные и банковыхъ учреждений.

Къ привозу въ Россію запрещены эти же билеты, вино и водка.

Дабы консулъ былъ въ состояніи наблюдать за исполненіемъ этихъ правилъ, каждый купецъ обязанъ объявлять ему въ Кульджѣ и Чугучакъ какъ о привозимыхъ, такъ и вывозимыхъ имъ товарахъ, и на какую таможенную караванъ направляется; при обратномъ слѣдованіи консулъ имѣетъ право досматривать товары.

Для поощренія этой вновь открывающейся торговли, всѣ отправляемые Россійскими подданными въ западный Китай товары, какъ и всѣ привозимые ими оттуда, кромѣ чая, освобождены до 1857 года отъ пошлинъ; а чай подлежитъ одинаковой съ Кяхтинскимъ пошлинѣ (стр. 639).

Въ слѣдствіе таковыхъ условій, и постановленій, консульства учреждены, и торговля на новомъ основаніи открылась. Въ 1852 она уже была нѣсколько значительнѣе предыдущихъ годовъ.

Въ Чугучакъ, по близости къ Русскимъ границамъ, собралось болѣе Русскихъ купцовъ, чѣмъ въ Кульджѣ, и торговля тамъ производилась оптовая, а въ Кульджѣ долго ограничивалась различною мѣною (стр. 640).

Основаніемъ всей торговли Россійскихъ купцовъ какъ съ западнымъ, такъ и съ восточнымъ Китаемъ служить чай, коего было доставлено въ таможи западной Сибири, по сложности: 1824—1826 годовъ, 24 пуда; 1834 — 1836, 1,041 пуд; 1844—1846, 2,144 п. торговаго, и 5,701 пуд. кирпичнаго; 1850 — 1851, 11,928 пуд. торговаго, и 8,079 кирпичнаго. Въ одномъ 1852 году доставлено торговаго чая 11,379 пуд., зеленого $1\frac{1}{4}$, цвѣточнаго 34 и кирпичнаго 7,553 пуда (стр. 644).

Сверхъ чая, чрезъ Семипалатинскую таможию были доставлены изъ Китая и другіе товары именно:

	Въ 1850	1851	1852	1853 до 1 сент.	
Издѣлій бумажныхъ на	6,527	5,850	5,583	1,846	руб.
— шелковыхъ —	29,317	12,296	5,830	2,960	—
— фарфоровыхъ —	794	540	141	69	—
Серебра въ ямбахъ —	1,058	4,179	1,219	—	—
Шкуръ звѣриныхъ —	—	—	1,013	2,973	—
Пшеница сарачинскаго —	1,431	905	483	563	пуда.

Не считая въ томъ числѣ небольшихъ количествъ ревеню, румянъ и разныхъ мѣлкихъ издѣлій, торговля которыми не объщаетъ большаго развитія и на будущее время.

Въ замѣнъ всѣхъ означенныхъ товаровъ отпущено изъ Россіи въ Китай, чрезъ ту же таможию:

	Въ 1850	1851	1852	1853 до 1 сент.	
Издѣлій бумажныхъ на	65,040	1,916	50,548	123,250	руб.
— шерстяныхъ —	3,473	1,946	3,302	5,250	—
Суконъ и драдедама —	16,206	23,585	16,375	52,307	—
Металла въ дѣль —	50,501	28,076	14,469	12,529	—
Мѣховъ — — — —	1,048	1,274	703	51,349	—
Кожъ — — — —	21,422	26,825	8,614	35,939	—

Кожаныхъ издѣлій на	390	212	200	190	руб.
Сундуковъ — — —	953	3,055	874	3,106	—
Мишурь и позументовъ —	914	2,692	1,004	7,774	—

Изъ этого видно, что предметы отпуска въ Китай и оттуда въ Россію стали разнообразнѣе, а равно усилился вывозъ тѣхъ товаровъ, которые и въ прежніе годы отправлялись въ западный Китай (стр 645).

4) Тольи противъ и въ защиту раздѣленія Кяхтинской торговли.

Были люди (а можетъ статья есть еще и теперь), которые не одобряютъ направленія торговли съ Китаемъ какимъ — либо новымъ путемъ, отстаивая единство и недѣлимость Кяхтинской торговли, не смотря на всѣ существующія въ ней уступки въ пользу Китайцевъ и неудобства движенія, заключающіяся въ отдаленности нашихъ торговыхъ рынковъ, и въ затрудненіяхъ, поставляемыхъ самыми путями сообщенія. — Одни говорятъ: «1) удвоивъ или утроивъ число торговыхъ *отверстій* на Китайской границѣ, нельзя съ тѣмъ вмѣстѣ надѣяться соотвѣтственнаго разширенія торга, потому что количество главныхъ отпускныхъ товаровъ остается то же; 2) допустивъ даже умноженіе отпускныхъ товаровъ, все должно вымѣнивать главнѣйше китайку и чай, двѣ статьи которыхъ, и при настоящихъ ограниченнѣхъ вымѣнахъ, некуда сбывать; 3) чрезъ раздѣленіе, сокративъ торгъ на Кяхтѣ, отнимутся къ немаловажному вреду на толь большомъ пространствѣ дороги, прибыли привоза и продовольствія, а съ тѣмъ и жители этого тракта оскудѣютъ.» Другіе отвѣчаютъ: «1) съ умноженіемъ торговыхъ *отверстій* въ обширныя владѣнія Китая, безъ сомнѣнія, увеличатся требованія нашихъ отпускныхъ товаровъ, слѣдственно и мѣстныя ихъ количества должны у насъ пріумножиться, такъ что уловъ только Иртышской бѣлки (?) могъ бы тогда поверстаться съ цѣлымъ Кяхтинскимъ отпускомъ; 2) можно вымѣнивать серебро, чрезъ Кантонъ въ Китай вливающееся (?),

если бы несходно было принимать чай, бумажные и шелковые материи; 3) придорожные жители, изобилуя землями и угольями, не въ такомъ находятсѣ состояніи, чтобы заботиться въ пользу ихъ возвышать цѣны товаровъ отъ излишняго провоза, и что товары изъ ближайшихъ рукъ взятые, можетъ быть, пошли-бы чрезъ наше посредство за Вислу, при уменьшеніи провозныхъ издержекъ (*).»

Такъ говорили и писали за тридцать лѣтъ, когда не была еще развита золотопромышленность въ Сибири, когда не открылось соперничество Европейскихъ издѣлій на Китайскихъ рынкахъ и не было внутреннихъ смуть въ Китаѣ. Съ того времени, первая во многомъ измѣнила обстоятельства Сибири, а послѣднія не могли не имѣть вліянія и на застой нашей Кяхтинской торговли. Но нисколько не могли быть тому причиною торговля наши сношенія съ западнымъ Китаемъ. Известно, что Кяхтинскую торговлю производятъ купцы только двухъ областей Китая — Шаньсинской и Шеаньсинской (**), преимущественно чаемъ, получаемымъ изъ Фу-цзяна, гдѣ существуютъ лучшія чайныя плантаціи. Они доставляютъ его сперва въ городъ Калганъ лежащій на пути возлѣ великой Китайской стѣны, оттуда же въ Кяхту. Если не отъ близости мѣсторожденія чаевъ къ нашей сѣверо-восточной границѣ съ Китаемъ, то отъ давней привычки, торгующіе на Кяхтѣ Китайцы, едва ли предпочтутъ новый торговый путь прежнему. Должно полагать, что сюда явятся новые дѣятели, въ особенности изъ юго-западныхъ областей Китая, омываемыхъ Желтою — рѣкой (Хуань-Хо), по соседству ихъ съ такъ называемою прежде Малою Бухаріею, нынѣ же Чжунгаріею и Туркестаномъ (VI).

Авторъ «Статистическаго обозрѣнія Сибири» говоритъ гораздо еще рѣшительнѣе объ этомъ предметѣ. Вотъ его слова:

(*) Письма изъ Сибири Н. Словцова, въ Октябрьской книгѣ Азіатскаго Вѣстника 1835, стр. 346, 347.

(**) Повѣствованія о Сибири и пр. Н. Семивскаго примѣч. 47, стр. 147.

«До открытія законной торговли Россійскихъ купцовъ въ Кульджь и Чугучакъ, нельзя было находить тамъ другихъ товаровъ, кромѣ потребныхъ для азіатскаго рынка; но въ тоже время жили въ этихъ городахъ уже комисіонеры Китайскихъ торговыхъ домовъ, черезъ которыхъ можно было выписывать и лучшіе товары. Были тамъ даже капиталисты, вѣрившіе пріѣзжимъ иностраннымъ купцамъ товары въ долгъ, срокомъ до одного года.

«Все это доказываетъ нѣкоторую степень гражданственности и торговой самостоятельности, и потому торговля въ западномъ Китаѣ должна имѣть то огромное преимущество, предъ производимою на Кяхтѣ, что купцы Русскіе будутъ находиться среди многочисленнаго туземнаго населенія, будутъ сообщаться непосредственно съ нимъ, узнавать его потребности и познакомятся съ тѣми произведеніями края, которыя могутъ идти на обмѣнъ русскихъ товаровъ. Торговля съ восточнымъ Китаемъ, производимая нынѣ на Кяхтѣ, не иначе можетъ, въ этомъ отношеніи сравниться съ Кульджинскою, какъ если будетъ перенесена изъ Кяхты въ Калганъ. Правильная торговля въ западномъ Туркестанѣ (прежней Малой Бухаріи) такъ еще нова, что обороты 1852 и 1853 годовъ никакъ не могутъ дать полнаго понятія о будущемъ ея развитіи; но постепенно возрастающій привозъ чая, появленія высшихъ сортовъ его и убѣжденіе, что онъ ни въ какомъ случаѣ не обходится дороже привозимаго чрезъ Кяхту, могутъ служить достаточнымъ ручательствомъ за будущій успѣхъ Кульджинской торговли, когда будутъ приняты мѣры для устраненія тѣхъ неудобствъ, которыя нынѣ тяготятъ надъ Русскимъ купечествомъ и ставятъ его въ положеніе, столь невыгодное сравнительно съ Ташкентцами и Бухарцами.» (ч. II стр. 642 и 645).

5) Будущіе виды въ дальнѣйшему развитію нашей торговли въ западномъ Китаѣ.

Изъ сравненія нашихъ торговыхъ оборотовъ и производимыхъ западными Европейцами съ Китаемъ оказывается,

что ввозъ и вывозъ ими товаровъ, заключаютъ и такіе предметы, которые могутъ быть усвоены или усилены и съ нашей стороны. Таковы, на примѣръ, изъотпускныхъ товаровъ: льняныя и пеньковыя ткани, мѣдь, желѣзо, стекло, хрусталь, шерсть, и пр. Первые изъ этихъ товаровъ, отчасти сбываются и нынѣ, но шерсть вовсе не ввозится въ Китай; между тѣмъ какъ иностранцы продаютъ ее огромное количество. Въ одинъ 1844 годъ доставлено было ими туда этого товара на 3,771,010 долларовъ, считая каждый въ 1 р. 35 к. (свыше чѣмъ на пять милліоновъ рублей серебромъ) (*). Изъ вывозимыхъ же товаровъ: шелкъ—сырецъ ограничивался у насъ съ 1824 по 1846 среднимъ числомъ 140 пудами ежегодно (**), тогда какъ Англичанами вывезено было только въ 1846 году 18,500 кипъ шелку, полагая въ каждой 104 англійскихъ фунта (до 43,839 п. 12 ф.); сахарный песокъ почти не требуется въ Россію, Англичанами же вывезено было и его въ 1844 году на 379,854 доллара (520,399 р. 98 к. сер.) (**); фарфоровыя и фаянсовыя издѣлія, составляющія важную отрасль Китайской промышленности, также очень мало нами требуются (VII).

Для большаго оживленія торговой дѣятельности въ западномъ Китаѣ, было бы не бесполезно проникнуть и въ городъ Яркендъ (VIII), который лежитъ на рубежѣ Китая въ двѣнадцать переходахъ отъ Малой Кульджи (по другимъ свидѣніямъ нѣсколько далѣе), и обращалъ на себя вниманіе еще Петра Великаго, хотя собственно и не въ торговомъ отношеніи, а по вымыскѣ изъ песковъ золота, которая тамъ и донинѣ производится. Послѣ того Китайцы овладѣли Яркендомъ, и онъ считается однимъ изъ важнѣйшихъ рынковъ тамошняго края. Кромѣ другихъ товаровъ, сюда достав-

(*) Новѣйшія свидѣнія о торговлѣ Европы, и Сѣверной Америки съ Китаемъ, Л. Самойлова. Спб. 1848, стр. 48.

(**) Статистическое обозрѣніе вѣншей торговли Россіи, Г. Небольсина. Спб. 1850, ч. II, стр. 102.

(***) Тамъ же стр. 46—49.

ляются въ большомъ количествѣ: чай изъ среднихъ областей Китая, также сахаръ невысокаго сорта, дорогіе металлы, фаянсъ и мускусъ. Все это преимущественно идетъ въ Бухару и другіе города Средней Азіи, и развѣ транзитно достигаетъ къ намъ. Китайцы постоянно живутъ въ Яркендѣ, мало вмѣшиваясь въ управленіе краемъ, а предоставляя то болѣе туземному начальнику изъ Мухаммеданъ, извѣстному подъ именемъ Гакимъ-бега, или Акимъ-бека. Кромѣ Китайцевъ сюда прѣзжаютъ съ товарами Тибетцы, Бухарцы и другіе торговцы изъ Средней Азіи, также и христіанскіе купцы съ востока — Армяне, по мнѣнію Бёрнса (*) (Burncs). Самимъ же туземцамъ въездъ въ Китай строго воспрещенъ.

Ознакомленіе нашихъ купцовъ на Яркендскомъ рынкѣ съ произведеніями Тибета, можетъ возродить въ нихъ охоту обратиться и въ эту страну, досель для насъ недоступную, да и меркантилизмъ Англичанъ, едва ли еще въ нее проникъ, не смотря на многія къ тому попытки. Такъ-какъ торговля нерѣдко напутствовала къ изученію невѣдомыхъ странъ и въ другихъ многихъ отношеніяхъ, то чрезъ нее, можетъ быть, и мы достигнемъ до исполненія намѣренія Императора Александра Пврваго, предполагавшаго съ такою целью отправить въ Тибетъ чрезъ Кашгаръ и Яркендъ ученую миссію, которой сопутствовать приглашаемъ былъ и знаменитый Гумбольдтъ. Война 1812 года, по собственнымъ его словамъ, воспрепятствовала совершенію этого великаго предпріятія (IX) (A Humboldt, *Asie Centrale*, т. II, р. 439).

Между тѣмъ Англійскій путешественникъ Муркрофтъ почти въ то же самое время достигъ Тибета и сообщилъ довольно свѣдѣній о физическомъ состояніи этой страны, ея промышленности, торговлѣ и проч. Хотя и прежде его посѣщали уже Тибетъ нѣкоторые изъ вѣропроповѣдниковъ Римской церкви, каковы: Груберъ и д'Орвиль въ 1661 году,

(*) Путешествіе въ Бухару Александра Бёрнса, въ трехъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго Георга Мина. Изданіе П. В. Голубкова, Москва 1850 (т. III, стр. 321).

Андрада въ 1625, Деидерій и Фрейре въ 1715, Гораций де Пенабилла въ 1719 и 1742; а въ 1783 году, отправляемъ былъ туда же Остъ-Индскимъ генераль-губернаторомъ, офицеръ английской пѣхоты Тёрнеръ (Turner) для поздравленія Банцинъ-Рамбуци (второго главнаго Ламы владыющаго Малаымъ Тибетомъ), съ возрожденіемъ его въ тѣлѣ малаго ребенка. Но первыя, имѣя въ виду одну цѣль — распространеніе Слова Божія между язычниками, а послѣдній исполненіе возложеннаго на него порученія, мало доставили свѣдѣній, которыя бы выходили изъ круга принятыхъ ими на себя обязанностей. Еще менѣе оказалъ услуги бывшій въ Тибетъ въ позднѣйшее время, изъ неудавшагося въ 1816 году посольства въ Китай Лорда Амгерста, Англичанинъ Мяннингъ. Онъ, по словамъ Эйрса, при посѣщеніи своемъ 1828 года Парижа, въ бесѣдахъ съ нимъ, Абель-Ремюза и Клапротомъ, передалъ много подробностей, — подтверждавшихъ или исправлявшихъ то, что было уже имъ самимъ извѣстно о Тибетѣ. Но «къ сожалѣнію, говоритъ Эйрсе, этотъ Англичанинъ былъ до того безпеченъ, что и не подумалъ записывать своихъ наблюденій въ такомъ краю, о которомъ все могло бы быть для насъ еще ново.» Изъ всего сказаннаго можно заключить, что кромѣ важности торговыхъ видовъ, самая наука должна ожидать богатой жатвы любопытныхъ и полезныхъ свѣдѣній изъ Тибета (X).

6) Пути сообщенія съ Чугучакомъ и Кульджею.

Такъ-какъ Чугучакъ и Кульджа признаны на первый разъ главными мѣстами для торговли нашей съ западнымъ Китаемъ, то бросимъ еще взглядъ на пути сообщенія съ ними. Отъ Москвы: до Семипалатинска считается 3,353 версты, до Чугучака 3,850, до Кульджи 4,200, до Кяхты же 13*

5,555 верстъ. Въ первомъ случаѣ менѣе 2,202, другомъ 1,705 и последнемъ 1,358 верстами. Караванная дорога въ означенные города изъ Бухтарминска, Устькаменогорска, Семипалатинска и Троицка (по «Статистическому обозрѣнію Сибири» ч. II, стр. 635) пролегаетъ чрезъ Аягузскій казачій постъ (нынѣ городъ), находящійся въ 130 верстахъ отъ Балхашъ-нора, на берегу рѣки Аягуза, впадающей въ него съ сѣвера. Этимъ путемъ считается до Чугучака: отъ Бухтарминскаго поста 406, Семипалатинска 510, Троицкой таможи 1,500 верстъ; а до Кульджи отъ Семипалатинска 862 версты, отъ Аягуза до укрѣпленія Кональскаго, лежащаго при подошвѣ горъ Ала-тау въ 292 верстахъ (по показанію П. И. Небольсина въ статьѣ приведенной ниже, въ 357 верстахъ). Дорога въ Кульджу продолжается повозочная, далѣе чрезъ Ала-тау на вьючныхъ верблюдахъ. Оттого многіе предпочитаютъ повозку въ Кульджу чрезъ Чугучакъ, гдѣ дорога повсюду ровная, хотя кругу болѣе 100 верстъ: либо и вовсе не отправляются въ Кульджу, а промѣниваютъ товары въ Чугучакъ (XI), который потому же показанію въ 170 верстахъ отъ Аягуза. Изъ многихъ притоковъ Балхашъ-нора замѣчательны по величинѣ своей двѣ рѣки: Аягузъ вытекающая съ высокихъ горъ на сѣверо-востокъ, въ 500 верстахъ отъ озера, и рѣка Или, которая беретъ начало съ сѣверной покатости хребта Мусарта, подъ названіемъ *Саль*, а въ срединѣ теченія носить имя *Текесъ*, и впадаетъ въ юговосточный край озера нѣсколькими рукавами, образующими дельту на 50 верстъ въ ширину, имѣя всего теченія по показанію Китайцевъ 1000 ли (*), равныхъ круглымъ числомъ нашимъ 540 верстъ. Первая изъ этихъ рѣкъ быстра, мѣстами очень узка и неизвѣстно, въ какой мѣрѣ можетъ быть судоходной; но Или при 250 саженьяхъ самой большой ширины и отъ 2¹/₂ до 8 аршинъ глубины, судоходна отъ Кульджи до устья.

(*) Китайская путевая мѣра ли содержитъ въ себѣ 1897¹/₂ англійскихъ футовъ или 271¹/₁₆ русскихъ сажень.

Подробности эти относятся собственно къ тому, что при бѣльшемъ распространеніи торговли нашей въ западномъ Китаѣ, не можетъ ли затруднительное сухопутное сообщеніе съ Кульджею отчасти замѣниться водянымъ? — По крайней-мѣрѣ немалую подають къ тому надежду находящееся почти на пути озеро Балхашъ и впадающая въ него рѣка Или (*). Это озеро есть одно изъ значительнѣйшихъ въ тамошней странѣ, послѣ Аральскаго, которое оттого и туземцы предпочтительнѣе называютъ денгисъ—море, какъ и Аральское (XII).

Заклучимъ посильный нашъ очеркъ о торговлѣ съ западнымъ Китаемъ, искреннимъ желаніемъ, чтобы голосъ нашъ не былъ голосомъ вопіющимъ въ пустыню, и вмѣстѣ будемъ утѣшаться пріятною надеждою, что недалеко то время, и мы еще доживемъ до него, когда не только рѣчныя суда, но и самыя пароходы будутъ волновать грозный Иртышъ, двигая произведенія нашихъ фабрикъ и мануфактуръ вверхъ его, а китайскихъ внизъ; что тогда оживится и Тобольскъ, много потерпѣвшій отъ принятаго съ нѣкотораго времени направленія большой Сибирской дороги, вмѣсто него черезъ Ишимъ; возстанетъ и Тюмень, соединяющаяся съ Тобольскомъ посредствомъ рѣкъ Тобола и Туры, по обоимъ берегамъ которой раскинуть, и гдѣ недавно учрежденная ярмарка не достигла еще ожидаемаго отъ нея развитія. Даже довольно на первый разъ и того, если Тобольскъ сдѣлается только складочнымъ мѣстомъ для русскихъ и китайскихъ товаровъ; но Тюмень ожидаетъ лучшей будущности, по сближенію своему съ внутренними нашими губерніями и по невыгодному для ярмарки положенію Ирбита, не пользующагося ни водянымъ, ни порядочнымъ сухопутнымъ сообщеніемъ. Тогда, безъ сомнѣнія, отъ новыхъ поселеній, вызванныхъ торговою дѣятельностію, оживятся болѣе и пустынные берега Иртыша.

(*) Пишутъ, что одинъ предприимчивый человекъ вздумалъ уже построить на Балхашъ-портъ и пароходъ, по примѣру Аральскаго моря. Желаетъ ему успѣха, а о выгодѣ нечего и говорить — она несомнѣнна.

ДОПОЛНЕНІЯ

къ статьѣ

**о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ запад-
нымъ Китаемъ.**

I.

БУХТАРИНЦСКАЯ КРѢПОСТЬ.

Лежитъ подь $49^{\circ} 36'$ с. ш. и $101^{\circ} 15'$ в. д. отъ Ферро, на правомъ берегу рѣки Бухтармы, въ одной верстѣ отъ слиянія ея съ Иртышемъ. Такъ-какъ берегъ Бухтармы, возвышающійся здѣсь до 8 сажень надъ водою, состоитъ изъ гранита, расположеннаго на подобіе глинистаго сланца горизонтальными плитами, то довольно необыкновенное это геологическое явленіе, подало поводъ къ первоначальному названію и самой крѣпости *Плитняжною*. Она окружена валомъ и не глубокимъ рвомъ, обнесеннымъ рогатками. Съ западной стороны имѣетъ построенныя изъ кирпича ворота; внутри крѣпости каменные: магазины и пороховой погребъ, деревянные: домъ для коменданта, казармы и гауптвахта; внѣ крѣпости всѣ строенія деревянные, именно: церковь, во имя св. Великомученицы Екатерины, таможня, соляной и провіантской магазины и обывательскіе дома числомъ до 150. Эти свѣдѣнія относятся къ давней бытности моей на Бухтармѣ, по не отысканію позднѣйшихъ; не думаю однакожь, чтобы онѣ устарѣли и тѣмъ еще болѣе были бы излишни, потому что относятся къ мѣсту довольно важному въ торговомъ отношеніи и близкому къ Китаю. Правда, Энциклопедическій Лексиконъ, подь словомъ «Бухтарма»

(1836 т. VII, стр. 474) упоминаетъ объ этой крѣпости; но столь же ошибочно и неверно, какъ и о другихъ постороннихъ предметахъ, тутъ же включенныхъ. По его словамъ: находящійся близъ крѣпости Бухтарминской рудникъ, золото-содержащій, а не мѣдный, какъ въ самомъ дѣлѣ; Сиреновъ открылъ Сиреновской рудникъ — вмѣсто Зырянова и Зыряновскаго рудника; теллурий (металлъ) найденъ въ 10 верстахъ отсюда — вмѣсто 40 верствъ — въ Заводинскомъ рудникѣ и т. д. Наконецъ, что Бухтарминская крѣпость заложена для воспрещенія входа въ тамошнюю долину Зюнгорама и защищенія отъ ихъ нападений приходящихъ изъ Индіи большихъ каравановъ, которыхъ торгъ, начиная съ 1825 по 1829 годъ простирается до 10,000 р. ежегодно. — По крѣпость построена около 1771, а Дзюнгарія или Чжунгарія (слѣдуя произношенію о. Іакинѳа пріуроченному имъ къ китайскому, едва ли вѣрному, но многими принятому), совершенно порабощена Китайцами еще въ 1756 году; каравановъ же изъ Индіи никогда тамъ не бывало. (Очевидно, все это взято не изъ собственныхъ источниковъ, а извнѣ, въ чемъ нерѣдко грѣшитъ этотъ, такъ называемый «Лексиконъ», обогащенный, впрочемъ, многими, даже до избытка, положительными свѣдѣніями, которыя выкупая почти неизбежныя въ столь разнородныхъ статьяхъ погрѣшности, производитъ истинное сожалѣніе объ остановленіи этой единственной, такъ сказать Русской Энциклопедіи, на XVII томѣ).

Ц.

Устькаменогорскъ.

Подъ 49° 57' с. ш. и 100° 18' в. д. отъ Ферро. Въ 1720 основана здѣсь крѣпость, наименованная въ 1822 году городомъ. Названіе Устькаменогорска дано этому мѣсту или по положенію его на правомъ берегу Иртыша, при крутомъ поворотѣ горъ, сопровождающихъ эту рѣку, или по ней самой выходящей изъ горъ на степныя пространства,

будто изъ какихъ-нибудь колоссальныхъ воротъ. Укрѣпленіе состоитъ изъ землянаго вала, окруженнаго рвомъ, за которыми замѣтны кой-какія постройки. Близъ укрѣпленія, отдѣльно отъ него, находится и самый городъ, съ каменною церковью и нѣсколькими деревянными домами, частью казенными и частью обывательскими. Вверхъ по Иртышу, верстахъ въ двухъ, есть еще немного деревянныхъ домиковъ, мазанокъ и войлочныхъ юртъ; — послѣднія принадлежатъ Киргизамъ и другимъ азіатцамъ. Все населеніе крѣпости и города (по показанію доктора Мейера, спутника профессора Ледебуря) составляло въ 1826 году до 2,000 душъ. Между жителями болѣею частью казаками и людьми служащими или отставными, есть и зажиточные торговцы изъ Русскихъ и азіатцевъ. Но въ словахъ г. Чихачева, что «Устькаменогорскъ съ своими мечетями (въ мое время не было ни одной, да и г. Мейеръ позднѣе о нихъ не говоритъ) и съ окружающими его юртами имѣетъ совершенно восточный видъ» — столько же правды, какъ и въ тѣхъ, что «Барнаулъ носить только названіе города, а въ сущности не что иное, какъ большая деревня», — между тѣмъ какъ это мѣсто одно изъ лучшихъ въ тамошнемъ краю. Профессоръ Ледебуръ, посѣтившій Барнаулъ прежде г. Чихачева, многія похвалы свои заключаетъ тѣмъ, что здѣсь, «въ пяти тысячахъ верстахъ отъ столицы, съ удивленіемъ видите вы гнѣздо Европейской образованности». Можно бы и еще поговорить объ ученomъ путешествіи г. Чихачева по Алтаю, изъ котораго заимствованы приведенныя мною слова, если бъ это было здѣсь уместно. Оно издано въ Парижѣ 1845 года, подъ заглавіемъ: *Voyage Scientifique dans l'Altai oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine.*

III.

Семипалатинскъ.

Подъ 50° 24' с. ш. и 97° 56' в. д. отъ Ферро, въ 200 верстахъ отъ Устькаменогорска. Основанная здѣсь въ 1718 году крѣпость, чрезъ нѣкоторое время наименованна была го-

родомъ и потомъ опять крѣпостью, а съ 1822 года постоянно уже считается въ числѣ городовъ: сначала Омской области, въ настоящее время же Томской губерніи. Самая крѣпость, по неудобству своего положенія, нѣсколько разъ переносима была съ одного мѣста на другое. Теперь она находится въ 15 верстахъ отъ старой крѣпости къ востоку, на правомъ крутомъ берегу Иртыша. Старая крѣпость была о четырехъ деревянныхъ стѣнахъ съ башнями, а нынѣшнюю ограждаютъ обложенный камнемъ валъ и сухой ровъ. Внутри ея красивая каменная церковь, домъ коменданта, казармы, гауптвахта и разныя другія строенія, занимаемыя преимущественно военными чиновниками. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крѣпости, на самомъ берегу Иртыша, замѣтны основанія трехъ каменныхъ зданій или палатъ, а въ верстѣ отъ нихъ еще четырехъ, которыя всѣ вмѣстѣ подали поводъ и къ названію крѣпости Семипалатною. Во время Миллера (1734) существовали еще значительныя остатки этихъ семи палатъ, описанныя и изображенныя въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1818 г. (ч. III, стр. 73 — 85, таб. XIII). Городъ находится въ полуверстѣ отъ крѣпости, при устьѣ рѣчки Семипалатинки, впадающей въ Иртышъ. Въ немъ жителей 7,593 души — Русскихъ, Татаръ, Киргизовъ, Ташкентцевъ, частію Нѣмцевъ и Жидовъ. Строенія всѣ деревянныя, и кромѣ обывательскихъ домовъ, четырехъ мечетей, гостиняго двора и ветхихъ таможенныхъ зданій, въ сѣверной сторонѣ есть много и Киргизскихъ юртъ. Все это и пестрота жителей придаютъ этому городу азіатскій видъ. Отсюда издавна производится караванная торговля съ Ташкентомъ, Чугучакомъ, Кульджею, Кашгаромъ, Кашемиромъ и проч. болѣе азіатцами, которые посылаютъ также и Русскія ярмарки, съ вывозимыми изъ тѣхъ мѣстъ товарами.

IV.

Городъ Чугучакъ.

Онъ же и Тарбагатай, а по-китайски Суй-цзинъ-ченъ, находится въ прежде-бывшей Джунгаріи или Дзюнгариіи, разстоя-

нѣмъ (по свидѣтельству Путимцева) отъ Бухтарминской крѣпости прямымъ путемъ въ 446, а другимъ, болѣе удобнымъ, въ 595 верстахъ; огражденъ четырёхугольною стѣной до $2\frac{1}{2}$ сажень въ высоту и 150 сажень въ длину, съ четырёхугольными башнями по угламъ, въ 5 сажень вышиною, и съ воротами по срединѣ каждого бока стѣны, которыя также съ башнями. Все складено изъ необожженнаго кирпича, на глинтъ, и выбѣлено глиною же. Вокругъ стѣны обсаженной съ обѣихъ сторонъ ветлами, снаружи проведенъ небольшой ровъ, наполняемый водою изъ двухъ рѣчекъ, изъ которыхъ одна течетъ возлѣ самаго города. Въ немъ, съ предмѣстьями на западной и восточной сторонахъ (по Путимцеву) до 600 домовъ. Изъ жителей большую часть составляютъ купцы, ремесленники и земледѣльцы. Тѣ и другіе пребываютъ тамъ только временно. Постоянными же должно считать однихъ сосланныхъ за преступленія изъ Китая, занимающихся преимущественно казеннымъ земледѣльствомъ, которое вообще въ Чугучакъ и его окрестностяхъ въ удовлетворительномъ состояніи, особенно въ изобиліи родится пшеница, просо, и ячмень, но сарачинскаго пшена почти вовсе нѣтъ. Садоводство посредственное. Огородныхъ овощей много, всего же болѣе табаку. Скотоводство у соседственныхъ Калмыковъ, называемыхъ Торгоутами (перебѣжчики съ Волжскихъ степей) и Улкотами (древнѣйшими обитателями), очень порядочное. Первые охотно промѣниваютъ скотъ на серебро, а послѣдніе болѣе стараются объ умноженіи своихъ стадъ, не обращая избытковъ въ продажу.

V.

Городъ Кульджа.

Иначе Или, а по-китайски Хонъ-цонъ-ченъ. Названіе свое Или получилъ онъ по рѣкѣ того же имени, вытекающей за 200 верстъ изъ горъ Текестъ и Талки и впадающей почти въ такомъ же разстояніи въ озеро Балхашъ-норъ. Этотъ

городъ стоитъ на правомъ возвышенномъ берегу рѣки. Онъ такъ же какъ Чугучакъ, обнесенъ каменною стѣной въ три сажени вышиною, и съ десятью воротами; сверхъ того защищенъ ветхою кирпичною стѣной въ аршинъ толщины, протирающеюся сажень на сто по крутому берегу Или. Другихъ вышнихъ укрѣпленій Кульджа не имѣетъ. Число домовъ не превышаетъ 40,000; они вообще малы, и между ними только китайскія кумирни отличаются великолѣпиемъ. Есть и мечети, наружности, какъ обыкновенно, незавидной. Улицы тѣсны и нечисты. Постоянными жителями можно считать Китайцевъ, называемыхъ Кара-Китатъ и Тупгановъ, гордящихся своимъ происхожденіемъ отъ Темиръ-Аксака. Последніе содержатъ мухаммеданскій законъ; говорятъ же какъ по-турецки, такъ и по-китайски. Не смотря на незначительное число осѣдлыхъ жителей, Кульджа кажется всегда многолюдною отъ стеченія окрестныхъ жителей, равно какъ торговцевъ и разныхъ ремесленниковъ изъ Китая и западныхъ азіатскихъ владѣній. Улицы, харчевни, и чайныя дома, хотя ихъ очень много, почти всегда набиты этимъ народомъ; къ тому же и сами жители, особенно одинокіе, объедаютъ и ужинаютъ почти всегда въ харчевняхъ, даже и семейные часто изъ нихъ получаютъ кушанья. Чайныя дома также не бываютъ пусты. Тунганы содержатъ еще особые дома для азардныхъ игръ; ихъ преимущественно посѣщаютъ Китайцы. Этотъ городъ называется еще и Большою Кульджею, для отличенія отъ Малой Кульджи, лежащей на томъ же берегу р. Или къ югу, въ трехъ дняхъ караваннаго хода. Она втрое меньше той и хотя также обнесена обычною и неизбежною здѣсь стѣною, но глиняною съ обѣихъ сторонъ отштукатуренною, на каменномъ фундаментѣ, и только съ шестью воротами; кромѣ того этотъ городокъ окруженъ ровомъ съ текучею водою, проведенною изъ высшихъ мѣстъ. Впрочемъ произведенія его, торговля, жители и обычаи ихъ, частные и общественные дома и проч. почти таковы же, какъ и въ Большой Кульджѣ, такъ что онъ составляетъ какъ будто бы некоторый родъ ея предмѣстія. Подробнѣйшія

свѣдѣнія какъ объ этихъ двухъ городахъ, такъ о Чугучакѣ и другихъ смежныхъ съ ними, можно найти въ упомянутомъ выше путешествіи Путимцева (которое желательно бы, для пользы возникающей въ этомъ краю торговли, видѣть въ новомъ изданіи), равнымъ образомъ въ статьѣ П. И. Небольсина «Очерки торговли Россіи съ Средней Азіей»—въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (1855 Кн. X, стр. 346—349).

VI.

Первые изъ присвоившихъ имя Туркестана Малой Бухаріи, были Абель-Ремюза, Мальтъ Бренъ и напѣ о. Іакинѣ, которымъ слѣдовалъ и Е. Ѡ. Тимковскій далъ тоже названіе этой странѣ, потому что «жители ея будто бы сами именуютъ себя Турками и говорятъ по-турецки» (Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію. Спб. 1824 ч. I стр. 13 и ч. II стр. 76). Но выводы Клапрота въ его *Asia Polyglotta* (Paris, 1823 p. 23 et Suiv.) уничтожаютъ такое заключеніе. Онъ говоритъ: «Бухарцевъ не должно болѣе считать Турками; ибо доказано уже, что осѣдлые жители Большой и Малой Бухаріи суть Персіяне, а потому и принадлежать къ Индо-Германскому племени. Кочующіе же между ними Турки суть пришельцы, а не коренные тамошніе обитатели.» Сверхъ того должно замѣтить, что издревле существуетъ городъ Туркестанъ на правомъ берегу Сыръ-дарьи, и область того же имени, граничащая къ сѣверу съ Киргизъ-Кайсацкими песчаными степями, къ востоку съ рѣкою Чуемъ, къ югу съ Закаменными Киргизами, а къ западу съ Большою Бухаріею. Принятіе въ географіяхъ двухъ Туркестановъ, почти по соседству лежащихъ, не произведетъ ничего, кромѣ замѣшательства, особливо безъ отличенія ихъ какими-нибудь прилагательными именами, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ. Есть же Малая Азія, Малая Татарія, Малый Тибетъ и проч., почему же не быть и Малой Бухаріи, тогда какъ она еще можетъ предъявить не менѣе тѣхъ, правъ на свое названіе?

VII.

Сверхъ приведенныхъ торговыхъ статей, для насъ въ особенности можетъ быть важенъ вывозъ свинца и ртути какъ по изобилію этихъ предметовъ въ Китаѣ, такъ и по предстоящему на нихъ, кромѣ обыкновеннаго употребленія, требованію для горной промышленности. Свинецъ необходимъ для Алтайскихъ заводовъ, при извлеченіи изъ рудъ серебра, которымъ нынѣ, по недостатку собственнаго свинца и по не полученію его болѣе отъ Перчинскихъ заводовъ, довольствуются они съ одного частнаго завода, устроеннаго въ Киргизской степи. Въ случаѣ же закрытія этого завода, при оскуденіи снабжающихъ его рудъ (не въ точности еще изслѣдованныхъ), или по другимъ обстоятельствамъ, предполагается выписывать свинецъ изъ Санктпетербурга. (Стат. Обзоръ Сибиря, 1854. ч. II, стр. 424), при всей дороговизнѣ столь отдаленной перевозки, а иногда и встрѣчѣ съ непредвидимыми затрудненіями. Ртуть начала входить въ употребленіе и на нѣкоторыхъ золотыхъ промыслахъ въ Сибиря, для окончательнаго извлеченія золота изъ песковъ, и едва ли вскорѣ не водворится этотъ способъ и на всѣхъ прочихъ, гдѣ золото, по мелкости его уносится водою, и только посредствомъ сортучиванія можетъ быть сохранено. (тамъ же ч. I, стр. 218). Алтайскіе заводы, вмѣсто убыточнаго свинцованія серебряныхъ рудъ, могутъ также обратиться къ амальгамациі ртутью, когда окажется возможность извлекать и терявшееся при первоначальныхъ опытахъ соединенное съ серебромъ золото, въ чемъ нынѣшніе успѣхи, технической химіи, и подобныя производства на С.-Петербуржскомъ монетномъ дворѣ, довольно обнадеживаютъ.

VIII.

Г о р о д ъ Я р к е н д ъ .

Также Яркендъ, называемый въ географіяхъ еще и Еркеномъ, лежитъ на берегу большой рѣки того же имени, вытекающей изъ отраслей Гималайскаго хребта. Этотъ городъ,

какъ и прочіе здѣсь, обнесень глиняною стѣной, и отвсюду окруженъ горами; только восточная сторона рѣки, образуетъ плодородную равнину. Жителей до 50,000; изъ числа ихъ 5,000 Китайцевъ, 12,000 Мухаммеданскихъ семействъ (Узбековъ), прочіе же разныхъ племенъ. Въ окрестностяхъ Яркенда, какъ и Кульджи, живутъ Калмыки, которые по словамъ Бёрнса, имѣютъ будто бы странный обычай отличать своихъ начальниковъ прикрѣпляемыми къ ихъ ермолкамъ (развѣ шапкамъ — Калмыки ермолокъ не носятъ) оленьими рогами.

IX.

Правда, путь отъ Яркенда въ Тибетъ не легокъ, въ особенности съ товарами на выючныхъ животныхъ, которыя, какъ и хозяева ихъ при перевздахъ чрезъ высокія горы и въ тѣснинахъ подвергаются многимъ лишениямъ и даже опасности. Пересѣкающія этотъ путь горы извѣстны подъ названіемъ Кара-Корумскихъ и смежаются съ хребтомъ Гиндукушъ, простирающимся отъ Гималайскаго хребта. По замѣчанію Бёрнса «Кара-Корумъ, хотя самъ по себѣ и не высокій хребетъ, однакожъ, высота его надъ моремъ должна быть весьма значительна, потому что при перевздѣ чрезъ него, путешественники испытываютъ затруднительность въ дыханіи, подвергаются рвотѣ, головокруженію и потерѣ аппетита. Лучшимъ средствомъ противъ всего этого служить имъ чай» (тамъ же стр. 324). При началѣ пути, продолжаетъ Бёрнсъ, на сѣверъ всѣ воды текутъ въ рѣку Яркендъ, и дорога идетъ въ проложенныхъ ими тѣснинахъ, гдѣ какъ увѣряютъ, она, на извѣстномъ небольшомъ разстояніи, пересѣкаетъ какую-то рѣчку 360 разъ. Удобнѣйшее время для совершенія пути изъ Яркенда въ Тибетъ, есть мѣсяцъ іюнь, когда всѣ перевалы бываютъ свободны отъ снѣга и разтаиваетъ ледъ въ ущеліяхъ и низменностяхъ, на которомъ, въ другое время, необходимо вырубать ступени, чтобы можно было ѣхать, (какъ это случается на одномъ перевалѣ, называемомъ Энги-

Даббинъ). Этимъ труднымъ путемъ достигаютъ Тибета не прежде 40 дней, между тѣмъ какъ Киргизы изъ степей съ стадами рогатаго скота, употребляютъ на него не болѣе 20 дней, конечно отъ болѣе доступности проходимои ими мѣстности.

Х.

Многія извлеченія изъ свѣдѣній, собранныхъ Муркроутомъ и Тёрнеромъ, помѣщены въ «Живописномъ путешествіи по Азіи» составленномъ Эйрье (Eugène), которое переведено на русской Е. Коршемъ и издано въ 1840 году А. Шириевымъ, въ шести томахъ въ 8 д. л., съ литографированнымъ атласомъ достопримѣчательныхъ предметовъ въ 4 д. л. Дополненіемъ къ этой книгѣ можетъ служить: «Описаніе Тибета», переведенное съ Китайскаго о. Такиномъ и изданное имъ въ 1828 году, съ путевою картою и планомъ Будаинскаго дворца въ Хласъ, равно съ разными поясненіями, полученными имъ лично въ Пекинѣ отъ бывшихъ тамъ Тибетцевъ. Этимъ «Описаніемъ» отчасти пользовался и Эйрье, изъ котораго и мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя отрывки, нечуждые нашему предмету. Тибетъ, по преимуществу, страна гористая, но не лишенная и плодоносныхъ равнинъ; климатъ его соответствуетъ болѣе мѣстностямъ, чѣмъ географическому положенію. Горы изобилуютъ золотомъ, серебромъ, мѣдью и другими металлами. Въ храмахъ Ламайскихъ монастырей (которыхъ число свыше 3,000) нрѣдко видны идолы изъ чистаго золота, или серебра, мѣдные же безчисленны. Самыя кровли нѣкоторыхъ храмовъ и зданій на солнцѣ горятъ отъ позолоты. Есть въ горахъ лазурикъ, бирюза, яшма и другіе цвѣтные камни кремнистой породы. — Чрезъ рѣчки во многихъ мѣстахъ перекинутаы желѣзные мосты. Равнины покрыты сарачинскимъ пшеномъ и прочими хлѣбными растеніями; а на холмахъ въ избыткѣ рождаются виноградъ и разныя фруктовыя деревья. Искусство рѣзбы изъ камня и дерева въ Тибетѣ заслуживаетъ особенное удивленіе: оно можетъ спорить съ самою природою, далеко превосходя

все видимое въ этомъ родѣ въ другихъ странахъ. (Но не должно забывать, что все это говорить Китаецъ, незнакомый съ великими произведеніями классической древности и позднѣйшихъ временъ). Тамъ отлично также приготавлиются шелковыя и шерстяныя ткани. Много вывозится изъ Тибета буры, напатыря, янтарю, вонючей комеди (*assa foetida*), копытчатого ревеню и т. д. Изъ многочисленныхъ животныхъ въ особенности замѣчательны буйволы, называемые *лкъ* (*Bos grunniens*), черные и пестрые, домашніе и въ дикомъ состояніи; козы съ мягкою волною и пухомъ, служащимъ для приготовленія дорогихъ шалей; дикія овцы и длинношерстные козлы; малорослыя свиньи и куры. Изъ иностранныхъ товаровъ, Китайцы привозятъ въ Тибетъ: золотыя и серебряныя парчи, чай, табакъ и мѣха разнаго рода; Индійцы: драгоценные камни, жемчугъ, бѣлые ситцы (и товары англійскихъ фабрикъ). Бухарцы: байки, камки, шали, разныя выбойки (въ томъ числѣ и русскихъ фабрикъ). Но сомнительно показаніе Муркрофта (Жив. пут. по Азіи т. III, стр. 93), будто бы многочисленные Русскіе караваны приходили съ товарами чрезъ Яркендъ въ Тибетскій окружный городъ Гертокъ, или Гортопъ, лежащій близъ Ладака.)

XL

Должно впрочемъ замѣтить, что на показанныя здѣсь разстоянія заграничныхъ мѣстъ, нельзя безусловно полагаться, по несходству ихъ ни съ прежними о томъ свѣдѣніями, ни между собою. Такъ, напримѣръ, переводчикомъ Путимцевымъ опредѣлено было разстояніе отъ Бухтарминской крѣпости до Чугучака въ 446 и другимъ удобнѣйшимъ путемъ въ 595, вмѣсто теперешнихъ 406 верстъ, а до Кульджи въ 731 и 870 — вмѣсто 960 верстъ. Но по вычету 3,353 верстъ отъ Москвы до Семипалатинска изъ 3,850, показанныхъ до Чугучака и 4,200 до Кульджи, остатокъ ограничить разстояніе отъ Семипалатинска до Чугучака только 497 и до Кульджи 847 верстами, тогда какъ по присоединеніи къ 406 верстамъ между Бухтарминской крѣпостью и

Чугучакомъ, 500 верстѣ числящихся по почтовымъ станціямъ отъ Семипалатинска до Бухтарминска, составитя отъ перваго мѣста до Чугучака болѣе 700 верстѣ. Невѣрность этихъ основныхъ чиселъ простирается и на прочія, отъ нихъ зависящія. По важности разстояній заграничныхъ мѣстъ въ торговомъ отношеніи, едва ли можно держаться однихъ Китайскихъ источниковъ, сообщенныхъ въ статьѣ іеромонаха Палладія Каѳарова, помѣщенной въ «Запискахъ Русскаго Географическаго Общества» 1850, кн. IV, (а не 1849, кн. III), и перешедшихъ оттуда въ «Статистическое обозрѣніе Сибири». Да и вообще въ этомъ случаѣ мало можно имѣть довѣренности къ показаніямъ азіатцевъ, и отъ незнанія ихъ другихъ способовъ къ опредѣленію путей сообщенія, кромѣ не постояннаго хода выючныхъ животныхъ, и отъ склонности къ преувеличеніямъ и лукавству.

ХІІ.

Б а л х а ш ь - н о р ь

Лежитъ въ юго-восточной части Киргизскихъ степей, и только сѣверо-восточный его уголь, при устьѣ рѣки Лепсы, опредѣленъ въ 1834 году астрономически подъ $46^{\circ} 20', 22''$ с. ш. и $96^{\circ} 2' 51''$ долготы отъ Ферро (по запискѣ и картѣ Я. В. Ханькова.—Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ Т. X). Окруженъ со всѣхъ сторонъ песками; берега его обросли высокимъ камышемъ (достигающимъ иногда до 4 сажень); далѣе же верстѣ на 10 отъ озера растетъ въ избыткѣ саксауль—обыкновенное топливо въ тамошнихъ песчаныхъ степяхъ. Длина озера 450 верстѣ, самая большая ширина (по вышеприведенной картѣ) не свыше 100 верстѣ. Вода въ немъ горьковатая. Кромѣ рѣкъ Аягуза и Или, о которыхъ прежде сказано, въ озеро это вливаются съ востока рр. Лепса и Караталь, съ впадающими въ первую р. Аксу, вторую Коксу и наконецъ Біенъ теряющаяся въ пескахъ. Отъ этихъ семи рѣкъ и весь край между тѣмъ озеромъ и горнымъ хребтомъ Ала-тау, сливетъ

Семиръченскимъ. Въ Балхашъ-норъ такое же изобиліе и тѣхъ же породъ рыбы, какъ въ Норъ-Зайсанъ и Иртышъ; поэтому предположено и здѣсь учредить казачью войсковую рыбалку, по примѣру Зайсанской. Въ камышахъ его, какъ и другихъ тамошнихъ озеръ, водится множество кабановъ, которыхъ Киргизы, по Мухаммеданскому своему заблужденію, считая нечистыми, въ пищу не употребляютъ; но живущіе въ окрестностяхъ Казаки не гнушаются ими, и сверхъ собственнаго продовольствія большое количество вывозятъ на Линію для продажи. Камыши, пески и ближнія горы наполнены разными родами дикихъ птицъ, какъ-то: гусей обыкновенныхъ и красныхъ, лебедей, журавлей, куликовъ, драфъ, фазановъ и проч., которыя въ камышахъ и самомъ озерѣ, по незамерзанію его на срединѣ, отчасти даже и зиму ютъ; лѣнливые Киргизы ими не занимаются, а поселившіеся здѣсь казаки, обратили и на этотъ предметъ свое вниманіе. Они ловятъ птицъ въ камышахъ сѣтями, или когда птицы линяютъ, просто загоняютъ ихъ въ засады, и бьютъ палками. Въ пескахъ около Балхаша и рѣкъ Лепсы и Каратала водятся и черепахи средней величины, но ихъ вовсе не промышляютъ (все это болѣе или менѣе заимствовано изъ любопытной и дѣльной статьи г. Коломогорова «О промышленности и торговлѣ въ Киргизскихъ степяхъ Сибирскаго вѣдомства», напечатанной въ Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1855 кн. I. Отд. II, стр. 1 — 38). Нѣтъ сомнѣнія, что при бѣльшемъ заселеніи нашемъ Киргизскихъ степей и развитіи между Киргизами лучшихъ понятій и условій общественной жизни, мы откроемъ еще много предметовъ народнаго богатства и научимъ самихъ Киргизовъ ими пользоваться.

Г. Спасскій

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

РУССКАГО КУЩА О ВОСПИТАНІИ,

по поводу статьи г. Даля ().*

Въ 7-мъ N Морскаго Сборника г. Даль помѣстилъ коротенькую статейку, подъ заглавіемъ: «замѣтки на статью о воспитаніи дѣтей». Не смотря на ея сжатость, не смотря на слишкомъ общій взглядъ автора, статья эта признана нѣкоторыми статьею замѣчательною. Изъ такого отзыва ясно видно, какъ у насъ рады всему тому, что относится до насъ самихъ, до близкихъ намъ, до нашей обыденной жизни. А что ближе всего, какъ не дѣти? что больше всего занимаетъ насъ въ жизни, какъ не они? для чего мы хлопчемъ отъ утра до ночи, какъ не для нихъ? и кто изъ насъ не пожелаетъ того, чтобы дѣти его не были, какъ выражаются у насъ, балбесами? Поселянинъ ли, важный ли сановникъ — равно стараются для своихъ дѣтей и равно желаютъ, чтобы они были воспитаны. Разумется, понятія о воспитаніи того и другого различны по положенію ихъ въ общественной жизни, но относительно тождественны: одинъ желаетъ, чтобы они были у него не дураки, и другой тоже, но по сво-

(*) Редакція рада помѣстить эту статью, какъ доказательство вниманія, какое обращаетъ у насъ теперь все общество на существенные вопросы. Замѣтимъ только, что почтенный авторъ неправильно взглянулъ на статью г. Даля, который не думалъ представить полнаго трактата воспитанія, а хотѣлъ указать только на нѣкоторыя злоупотребленія. *Ред.*

ему. Да, воспитаніе великое дѣло! Отъ воспитанія зависитъ участь вашего сына, вашей дочери, положеніе ихъ въ свѣтъ, участь человѣка, какъ брата, участь вашего ближняго, участь гражданина, отдѣльно взятаго изъ общества цѣлаго государства, или какъ дробь взятая отъ цѣлаго; словомъ воспитаніе важно для каждаго изъ насъ какъ единицы и важно для цѣлаго государства. Будь я воспитанъ на основаніи положеній новѣйшей философіи, а не просто русскій купецъ, воспитанный здравомысліемъ моимъ отцемъ, по правиламъ его здоровой логики и на основаніи его умнаго смысла, то, по поводу воспитанія я процитировалъ бы столько изъ теорій гг. Шлегеля, Фихте, Лессинга, Гегеля, Спинозы и имъ подобныхъ, что у другаго, порядочнаго человѣка, вся мозговая система переверотилась бы на изнанку. И къ чему бы все это повело? Ровно ни къ чему, развѣ къ излишней запутанности. Чтобы не вдаваться въ излишнія философскія умствованія, я опредѣлю порусски въ два-три слова, что такое воспитаніе.

Отъ глаголовъ питать, воспитать происходитъ воспитаніе. Воспитаніе двоякое: физическое и духовное. Какъ чело-вѣку необходима пища матеріальная, такъ точно необходима ему и пища духовная. Это уже общій законъ природы. Первое является потребностію съ рожденіемъ каждаго изъ насъ, второе же тогда, когда чело-вѣкъ уже начинаетъ сознавать, что онъ есть существо, резко отдѣленное отъ другихъ существъ своимъ разумомъ; потому это послѣднее должно быть разумное, основанное на здоровомъ смыслѣ. Изъ такого опредѣленія ясно видно, что то и другое для каждаго изъ насъ необходимо, какъ общія необходимыя потребности чело-вѣка. Но вотъ вопросъ: кто долженъ быть руководитель? Отвѣтъ очень простъ: воспитатель. Вслѣдъ за тѣмъ являют-ся другіе вопросы: кто долженъ быть воспитатель? Каковъ онъ долженъ быть? и какъ долженъ приступать къ воспитанію и какъ воспитывать? На послѣднихъ двухъ вопросахъ г. Даль и остановилъ свое вниманіе въ статьѣ «замѣтки на статью о воспитаніи детей.»

Выше я сказалъ, что статья г. Дала слишкомъ сжата и обща. Пусть авторъ не сердится на эту мою выходку: я говорю по убѣжденію, а не изъ какихъ нибудь литературныхъ видовъ и не изъ желанія блеснуть оригинальностью мысли или опрокинуть его мнѣніе—нѣтъ, а только доказать, что несовершенно вѣрно имъ сдѣлано опредѣленіе и указать, что объ такомъ важномъ предметѣ нельзя говорить общими мѣстами. Ужъ если онъ хотѣлъ высказать свое мнѣніе, то долженъ былъ высказать вѣрно, ясно, удобопонятно для каждаго. Сказать, что воспитатель долженъ непременно заслужить любовь воспитанника—не достаточно: онъ скажи, какъ достичь этого, какими путями, тогда вполне будетъ опредѣлено положеніе. Это все равно, если я скажу, что какой-нибудь городничій непременно долженъ заслужить вниманіе гражданъ,—это мы знаемъ, мнѣ скажутъ, но какъ—этого не знаемъ; но если я прибавлю: по этому онъ долженъ исполнить свои обязанности свято, не брать взятки, не притѣснять, вотъ тогда для всѣхъ будетъ ясно. Положимъ, г. Даль и приводитъ примѣры изъ своей школьной жизни и какъ бы хочетъ ими показать, на что долженъ обращать вниманіе воспитатель и на что нѣтъ, но это не вполне опредѣляетъ значеніе. Нельзя допустить, чтобы почтенный авторъ или хотѣлъ доказать именно то, что только тогда воспитатель приобретаетъ любовь воспитанника, когда онъ позволяетъ имъ строить разныя башни и шалости, потому что это не сообразно съ понятіемъ о воспитаніи; если же на оборотъ, то это страшная ошибка; вѣдь неравна шалость! Вся статья его высказана подобнымъ образомъ неопредѣленно, неясно и слишкомъ обща; потому я хочу, сколько достанетъ силы, показать на всѣ недостатки ея и прибавить то, что недосказано.

Я уже говорилъ, что такое воспитаніе по понятію, но еще ни слова не сказалъ о томъ, какъ оно прилагается въ жизни практической и при этомъ какими руководствами пользуются; а потому необходимымъ махожу для полноты, объяснить и эти положенія. У насъ два рода воспитанія: воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ и воспитаніе домашнее,

а это послѣднее раздѣляется еще на три вида: воспитаніе въ домахъ высшаго сословія, воспитаніе въ домахъ средняго сословія и въ домахъ купеческихъ и наконецъ въ домахъ низшаго класса людей. О воспитаніи въ учебныхъ заведеніяхъ нечего и говорить; за воспитанниками этихъ заведеній слѣдить зоркое око отца, отца монарха и особливое начальство, воспитателями избираются болѣе или менѣе благонадежные люди, болѣе или менѣе знающіе свое дѣло, руководствующіеся правилами, издаваемыми для нихъ; но въ домашнемъ воспитаніи нѣтъ ни особливаго надзора за воспитанниками, ни за воспитателями, кромѣ одного отца семейства, и нѣтъ положительныхъ правилъ для руководства; слѣдовательно о немъ нужно говорить много, много и много. Въ сущности воспитаніе должно бы быть одинаково какъ въ томъ, такъ и въ другомъ родѣ воспитанія, но на самомъ дѣлѣ выходитъ иначе. Въ домашнемъ воспитаніи, какъ я уже сказалъ, нѣтъ ни определенныхъ правилъ, ни руководства, а потому каждый воспитатель воспитываетъ своихъ питомцевъ по собственному своему убѣжденію, основанному на собственномъ своемъ взглядѣ на воспитаніе, и на основаніи своего собственнаго метода, имъ созданнаго. И Боже! какое иногда бываетъ это воспитаніе! Мнѣ кажется, лучше бы остаться совершенно не воспитаннымъ, нежели изуродованнымъ по правиламъ новѣйшаго воспитанія подъ руководствомъ какого нибудь француза—сапожника или нѣмца—портнаго, по крайней мѣрѣ не воспитанный остался бы тѣмъ, чѣмъ одарила его природа, а не былъ бы тѣмъ, что называется: ни то, ни се, межеумкомъ.

По двумъ причинамъ дѣти нѣкоторыхъ лицъ не поступаютъ въ учебныя заведенія: или по прихоти, или по необходимости. Отцы богатыхъ и зватныхъ, или какъ ихъ называютъ, аристократовъ, полагаютъ, что дѣти ихъ въ заведеніи не могутъ получить той свѣтскости и развязности, необходимыхъ условій гостинной, рѣшаются воспитать ихъ дома, и для того выписываютъ какого нибудь француза или нѣмца, и сдаютъ ему своихъ дѣтей съ рукъ на руки, не заботясь, что

изъ нихъ будетъ. Средній классъ имѣеть другія причины: или за неимѣніемъ правъ на преимущества помѣщать своихъ дѣтей въ некоторыя заведенія, или за неимѣніемъ въ нихъ вакансій, или за дальностію разстоянія боятся оставить ихъ въ чужомъ домѣ на квартирѣ безъ надзора и т. п.; а низшій классъ людей, кромѣ затрудненій, какія встрѣчаются въ среднемъ классѣ, не могутъ помѣщать и потому, что дѣти ихъ, кромѣ занятій, помогаютъ имъ въ работахъ обыденной жизни, такъ сказать стараются, чтобы у нихъ шла рука объ руку полезное съ необходимымъ. Изъ этихъ двухъ послѣднихъ классовъ можетъ быть исключеніемъ купечество, которое часто дѣлаеть изъ подражанія знатнымъ, и потому точно также передаетъ дѣтей своихъ воспитательно иностранцу; но только съ тою разницею, что къ нимъ болѣе всего попадаютъ они такіе, которые и сами хорошенько не знаютъ, что они такое, нѣмцы или французы или испанцы. Не думайте, чтобы я, ставя исключеніемъ купечество, хотѣлъ показать, что средній классъ болѣе заботится о воспитаніи чисто національномъ, отыскиваетъ воспитателя чисто русскаго; совсѣмъ нѣтъ, отцы этого класса точно также заражены общемою заразою воспитать дѣтей на заморекій ладъ, и стараются добыть себѣ хоть какого нибудь нѣмца или француза, но только подешевле, не заботясь объ томъ, кто онъ такой и имѣеть ли понятіе о воспитаніи; для нихъ все равно, былъ ли онъ прежде сапожникъ или портной или лакей, лишь бы онъ былъ иностранецъ по паспорту, достаточно и этого. Странная зараза и самая вредная. Мнѣ замѣтять, что воспитаніе, какъ и воззрѣніе на науку (о которомъ въ послѣднее время такъ много толкуютъ) должно быть общечеловѣчно, следовательно: будетъ ли воспитывать дитя французъ или испанецъ или русскій, онъ долженъ воспитывать общечеловѣчно. Совершенно справедливо, но вотъ дѣло въ чемъ: въ французѣ есть что-то, что не по плечу русской натурѣ, такъ точно есть и у испанца что-то, чего не варить философскій желудокъ нѣмца, словомъ въ каждой націи есть своя особенность, только ей одной присущая, и бывши

какимъ нибудь образомъ передана другой націи, искажаетъ ее. Смѣшеніе это бываетъ чаще всего при воспитаніи и безошибочно можно сказать: смѣшеніе насильственное. Какъ бы ни былъ добросовѣстенъ воспитатель другой націи, онъ незамѣтно передаетъ эту свою особенность воспитаннику, какъ бы ни старался отклонить себя отъ этого, и никогда не отклонить, потому что она присуща ему, она невидимо переливается въ его питомца. Но объ этомъ поговорю въ своемъ мѣстѣ, а теперь займусь объясненіемъ домашняго воспитанія воспитателями.

И такъ, нанятый французъ Рожеръ или нѣмецъ Готлибъ начинаютъ свое воспитаніе. (Конечно, вслѣдствіе можетъ догадаться, что я говорю и о воспитательницахъ). Первымъ долгомъ почитается уѣзтихъ гг. выходцевъ, чтобы дитя сидѣло прямо, умѣло разшаркиваться съ незнакомыми и съ знакомыми, потомъ начинается кутанье отъ простудъ и сквозныхъ вѣтровъ, одѣванье и разодѣванье по модному журналу, а потомъ уже дѣлается наставленіе, что дѣлать и чего не дѣлать. И какъ все это дѣлается? Все на свой иностранный ладъ, а не порусски. Счастливъ, стократъ счастливъ тотъ, къ кому попадется воспитатель русскій, разумѣется, добросовѣстный, и благоразуменъ будетъ тотъ, кто будетъ стараться отыскать его. Въ наше время нѣтъ недостатка и въ русскихъ. Возставая противъ воспитателей другой націи, пожалуй подумаютъ, что я возстаю и противу знанія языковъ, нѣтъ, не о томъ рѣчь идетъ: пусть матушка Россія знаетъ всѣ европейскіе языки, говоритъ на каждомъ, какъ на своемъ родномъ; а о томъ, что при воспитаніи необходимо обращать вниманіе на три обстоятельства, обстоятельства въ высшей степени важныя, именно: климатъ, религія и національность.

Какъ тропическое растение, пересаженное въ почву суроваго климата, не можетъ расти безъ искусственной поддержки, безъ теплицъ и разныхъ подмогъ, такъ точно и человѣкъ, перешедшій изъ одной полосы его въ другую, не можетъ быть доволенъ послѣдней, потому что она ему не

по натурѣ, и потому будетъ стараться воссоздать ту природу, въ которой онъ родился и выросъ. Кому не известно какъ все жители южныхъ странъ чествятъ нашу зиму за то, что она у насъ не такая, какъ у нихъ? Каждый переселенецъ непременно будетъ думать, что не только ему одному необходимо поддѣлываніе подъ ту природу, въ которой онъ родился, но и каждому; будетъ думать, что этотъ климатъ также немочень и вреденъ для каждаго, какъ и для него; между тѣмъ какъ другому вредны все перемены. Такъ точно чужеземный воспитатель, съ самаго начала воспитанія, начинаетъ передѣлывать природу дитяти на свой ладъ: или кутать тогда, когда бы не слѣдовало, или надѣвать куцее платье тогда, когда нужно бы было одѣть его въ шубу. Отъ такихъ несообразностей естественно бываетъ то, что онъ или простуживается или дѣлается прямо больнымъ. Словомъ, такое ненормальное воспитаніе дѣлаетъ его физически изнѣженнымъ; а съ разстройствомъ физическимъ непременно является разстройство и душевное. Какого же добра ждать отъ такого воспитанія? Наши предки, въ 30 градусовъ мороза не боясь простуды, высылали своихъ дѣтей кататься на горы безъ подвязанныхъ ушей и съ голыми руками, а иногда и просто съ открытой головой, и дѣти ихъ, утвердительно можно сказать, были гораздо здоровѣе дѣтей нынѣшняго воспитанія. Не ясно ли, что на это обстоятельство необходимо обращать вниманіе при воспитаніи?

Потомъ религія. Священная обязанность воспитателя слѣдить за всѣми дѣйствіями своего воспитанника, руководить его, заставлять привыкать къ исполненію предписанныхъ условій человеческой жизни, всуклонно исполнять обряды той религіи, какую исповѣдуютъ отцы его и онъ самъ, пріучать къ исполненію обязанностей христіанина по той религіи. Положимъ, условія человеческой жизни, т.-е. жизни общественной, условія суть общія для всего человечества, по этому кто бы ни руководилъ воспитанникомъ, онъ не можетъ погрѣшить, потому что долженъ руководить его по общимъ

правиламъ; но въ дѣлѣ религіи—совсѣмъ другое. здѣсь воспитатель различной религіи съ воспитанникомъ на каждомъ шагу будетъ грѣшить противъ совѣсти и грѣшить безсознательно. Хотя бы онъ былъ отлично образованный человекъ, благонамбранный, старающійся отклонить себя отъ религіознаго вліянія на воспитанника, но все таки подчинится убъжденіямъ исповѣдуемой имъ религіи и незаметно передастъ свой взглядъ на нее воспитаннику. Возьмите любого протестанта или католика, подносящаго скоромный супъ больному во время поста, скажетъ ли онъ, что ему дастся это только по болѣзни, и что въ другое время грѣшно, или будетъ ли настаивать, чтобы дитя съ благоговѣніемъ смотрѣло на иконы святителей грекороссійской церкви—никогда. Предположимъ даже, что онъ и скажетъ, но безъ убъжденія, безъ настойчивости. Но какое же горе, если тотъ же воспитатель, да безъ уваженія къ той религіи, которую исповѣдуетъ его воспитанникъ! Согласитесь, что такого рода воспитатель вноситъ въ семейную жизнь будущаго семьянина, другой взглядъ на религію его предковъ. Съ уклоненіемъ религіозныхъ убъжденій, дитя мало по малу уклоняется и отъ исполненія нравственнаго закона, и не стыдятся начинать дѣлать то, что противно догматамъ его вѣры. Достаточно и этого, кажется, какъ вредно имѣть воспитателя съ различными убъжденіями въ религіи съ воспитанникомъ. Прежде это было необходимо для Россіи, но въ настоящее время, благодаря попеченію правительства, она не нуждается, и въ ней есть воспитатели никакъ не хуже заморскихъ выходцевъ; она начинаетъ смотреть въ свои русскія очки, а не въ заграничныя. Не правда ли, что религія имѣетъ великую важность при воспитаніи и не великое ли зло воспитатель другой религіи съ воспитанникомъ?

И наконецъ національность. Каждый народъ имѣетъ свои собственныя вѣрованія, свои убъжденія, свой собственный характеръ, свою фizioномію, свои нравы, обычаи, свои преданія и тѣмъ отличается отъ другихъ народовъ. Все это передается съ кровію изъ поколѣнія въ поколѣніе. И это-то

называется національностью. Отнимите у Француза вѣтренность, непостоянство, онъ не будетъ Французомъ; внесите распашную жизнь русскаго въ философскую, упругую жизнь нѣмца, онъ не будетъ нѣмцемъ; словомъ все чуждое, если только оно необщечеловѣчно, внесенное въ другую національность, сначала дѣлаетъ ее ни тою, ни другою и уже по времени смѣшанною національностью. Такой переходъ болѣе всего совершается при двухъ условіяхъ: при завоеваніи одного народа другимъ и при воспитаніи дѣтей воспитателями различной націи съ воспитанниками. Въ первомъ случаѣ какъ бы по праву сильного, а во второмъ незаметно пришлый элементъ переливается въ другую національность, какъ съ молокомъ кормилицы переходить къ дитяти ея привычки, ея характеръ и наклонности. Но какими бы путями ни перешелъ чуждый элементъ, онъ не можетъ совершенно подавить туземнаго, потому что послѣдній перелить съ кровію изъ поколѣнія въ поколѣніе, и потому часто бываетъ, что дитя, воспитанное совершенно подѣ условіями другой націи, имѣетъ болѣе наклонностей къ той, къ которой онъ принадлежитъ по рожденію. Во время этихъ проявленій является борьба и оканчивается иногда вредомъ для той или другой стороны. Меня спросятъ: что я этимъ хочу доказать? — то, что пришлый элементъ, если только онъ не присущъ всему человечеству, вреденъ для каждаго народа какъ язва, какъ зараза. Отъ того святая Русь и крѣпка, что до сихъ поръ вѣрна сама себѣ; ее соединяетъ вѣра, она съ убѣжденіемъ любитъ Царя, исполняетъ все то, что завѣщали ей предки, строго держится за свое собственное, ей одно принадлежащее, и на все пришлое (опять таки оговариваюсь: если оно есть частность, а не общечеловѣческое) смотритъ недоверчивыми глазами, какъ бы на бродяжничество. Вотъ доказательство, по которымъ я полагаю вреднымъ воспитателя, родившагося въ разныхъ полосахъ климата, исповѣдующаго другую вѣру и различной націи съ воспитанникомъ.

До сихъ поръ я говорилъ о тѣхъ вопросахъ, когорыхъ г. Даль не касался въ статьѣ своей, но теперь перехожу

прямо къ тѣмъ, на которыхъ онъ остановилъ свое вниманіе.

Г. Даль въ статьѣ своей говоритъ: «воспитатель долженъ быть чистъ, непороченъ во всѣхъ отношеніяхъ, словомъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ сдѣлать воспитанника по идее о воспитаніи, и плохой тотъ воспитатель, который смотритъ на свое занятіе, какъ на средство къ пропитанію или къ приобрѣтенію; онъ даже не совѣтуетъ быть воспитателемъ тому, кто не убѣжденъ въ себѣ быть имъ по понятію. Прекрасно! Позвольте же спросить: много ли найдется такихъ совершенствъ, и гдѣ вы ихъ найдете? Если будете искать такъ, какъ искалъ Діогенъ, такъ и тогда едва ли найдете. На всѣхъ сошлюсь, что такой воспитатель существо идеальное. Меня спросятъ—почему? А вотъ почему: такъ какъ Кай смертенъ, следовательно всѣ люди смертны. Вотъ видите ли почему. (Примѣръ то и пригодился) Мало этого, я приведу еще поговорку одного городничаго, которую онъ при всякомъ удобномъ случаѣ ввертывалъ въ оправданіе себя; онъ говорилъ: эхъ господя! безъ грѣха вѣкъ не проживешь, и безъ стыда рожу не износишь. Грубая поговорка, но вѣрная. Если мы будемъ на все смотреть съ этой точки зрѣнія, то ко всякому занятію и къ каждой должности можно примѣнить ипотезу г. Даля, наприм. судья не долженъ и думать быть судьей, если онъ чувствуетъ себя взяточникомъ, не безпристрастнымъ, докторъ не долженъ брать пера въ руки, если онъ сознаетъ себя шарлатаномъ; между тѣмъ выходитъ не такъ. Дай Богъ, что бы и на самомъ дѣлѣ было то, какъ предполагаетъ г. Даль, да не только въ однихъ воспитателяхъ, но и во всѣхъ, что бы каждый брался за обязанность, возлагаемую на него, съ тѣмъ сознаніемъ, что онъ именно можетъ быть тѣмъ, чѣмъ должно быть; тогда бы и желать нечего. Выводъ г. Даля справедливъ, какъ истина не опровержимая, но трудно исполнимая, потому что, какъ я уже доказалъ, что одинъ Богъ безъ грѣха; следовательно нисколько не погрѣшу, если скажу при этомъ, что изъ золъ самое меньшее, если воспитатель будетъ скрывать то отъ воспитанника, чего ему не нужно знать. Въ самомъ началѣ статьи онъ говоритъ: ска-

жуть, — воспитатель будь чѣмъ можешь внѣ своихъ обязанностей, лишь будь при воспитанникѣ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, это не должно быть такъ, — онъ долженъ быть именно всегда тѣмъ, чѣмъ долженъ быть по понятію о воспитатель. А я скажу такъ: потому что, опять повторю, это меньшее зло, будь онъ на сторонѣ, чѣмъ онъ хочеть, но кажись тѣмъ въ глазахъ воспитанника, чѣмъ онъ долженъ быть, и веди его къ назначенной цѣли. Нечего и говорить о томъ, кто найдетъ такого воспитателя, какого предполагаетъ г. Даль, онъ счастливъ, сто кратъ счастливъ. Нельпо бы было опровергать мнѣніе г. Далия, но нельзя и не сказать, что такихъ воспитателей не много найдется. Гоняясь за воспитателями подобнаго рода можно сдѣлать застой въ воспитаніи: покуда я отыскиваю его, сынъ мой уростеть и будетъ дуракъ дуракомъ. Конечно каждый видитъ, что я не хочу сказать, что бы воспитатель былъ челоуѣкъ безъ всякаго сознанія и внѣ своихъ занятій дѣлалъ бы что хогуль, былъ бы самымъ безнравственнымъ челоуѣкомъ, такой челоуѣкъ не можетъ быть терпимъ и не при такой священной обязанности, а только показать, что каждый изъ насъ не безъ слабостей, и что эти слабости нельзя принимать слишкомъ строго. Если судья будетъ пристрастный, или взяточникъ или докторъ шарлатанъ, то тотъ и другой не могутъ быть терпимы, будутъ ли они дѣлать тайно или явно; но воспитатель если и согрѣшитъ въ чемъ на сторонѣ, то не велика бѣда, лишь бы этотъ грѣхъ не былъ извѣстенъ воспитаннику и не имѣлъ бы на него вліянія. По моему мнѣнію вся задача воспитателя состоитъ въ томъ: сознавать, что обязанность его священна, что ему порученъ челоуѣкъ, который отъ направления долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ назначенъ быть здѣсь на землѣ. Съ такимъ сознаніемъ кто бы онъ ни былъ, какихъ бы ни былъ качествъ челоуѣкъ, онъ будетъ воспитателемъ добросовѣстнымъ и исполнитъ свой долгъ какъ челоуѣкъ. Согласитесь, что челоуѣкъ съ такимъ взглядомъ на свой долгъ мало что будетъ удерживать себя отъ какихъ нибудь нравственныхъ проступковъ; нѣтъ, онъ будетъ съ большою на-

стойчивостью отклонять воспитанника отъ нихъ, если они будутъ въ немъ проявляться, зная, по опыту, что это зло. Не лишнимъ считаю привести здѣсь цитату, которую привелъ г. Даль, только въ другомъ случаѣ, — именно: по моему хотѣ пей, да только дѣло разумнѣй.

Остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какое долженъ обращать вниманіе воспитатель на воспитаніе, или лучше сказать: какъ долженъ руководить воспитанникомъ. Этотъ вопросъ самый трудный и разнообразный; здѣсь нѣтъ положительныхъ основаній для воспитателя и нѣтъ правилъ: все зависитъ отъ условій. Г. Даль хотѣ и опредѣляетъ ихъ одною любовью воспитанника къ воспитателю; но этого не достаточно; по моему мнѣнію мало одной любви, нужно, что бы онъ любилъ, уважалъ и боялся своего воспитателя. Можетъ быть, онъ предполагалъ, что съ любовью является и уваженіе, а за тѣмъ и исполненіе всѣхъ желаній воспитателя, — нѣтъ, это ошибка. Мы часто видимъ, любятъ когонибудь за его простоту, за то, что онъ на все смотритъ сквозь пальцы. Такихъ людей обыкновенно у насъ называютъ простофилями, простаками. Такой взглядъ г. Дала слишкомъ общъ. Мнѣ замѣтить, что здѣсь понимается любовь воспитанника за разумныя дѣйствія воспитателя; а я отвѣчу: какъ въ общественной жизни всегда бываетъ упорство невольды противу разумныхъ дѣйствій человека, потому что невольда не терпитъ умнаго человека; такъ точно и въ дѣлѣ воспитанія, если еще не болѣе, ибо каждое дитя есть еще невольда: оно тогда сознаетъ благоразумныя дѣйствія благоразумными, когда вступить въ возрастъ вполне понимающаго, но до тѣхъ поръ смотритъ на нихъ какъ на варварство, какъ на эгоизмъ воспитателя, если сей послѣдній прежде не искалъ любви его другими какиминибудь средствами. Но положимъ и такъ, что основа всего воспитанія, какъ г. Даль полагаетъ, есть любовь воспитанника, но какими путями она пріобрѣтается воспитателемъ, — онъ не говоритъ, а это то

намъ и нужно: нужно мнѣ какъ отцу, нужно другому какъ воспитателю. Я желаю знать эти пути пріобрѣтенія для соображеній, а воспитатель желаетъ знать ихъ для руководства. Мы говоримъ: онъ его любитъ и сейчасъ же спрашиваемъ: чѣмъ онъ заслужилъ эту любовь? Г. Даль хотя и приводитъ примѣры изъ школьной жизни, и какъ бы тѣмъ хочетъ показать, что воспитатель, давая развиваться дитяти подъ вліяніемъ склонностей, (не оговариваясь: на что онъ долженъ обращать вниманіе и на что нѣтъ) можетъ пріобрѣсть любовь воспитанника, но, по моему мнѣнію, этимъ онъ никогда не пріобрѣтетъ, а испортитъ воспитанника, такъ испортитъ, что носъ и не поправишь. Къ тому же такая недосказанность и неясность можетъ ввести въ заблужденіе отца и воспитателя: они будутъ думать, что можно допустить дѣлать все воспитаннику, предполагая, что дурное искоренится временемъ или какъ говорятъ: вырастетъ — перебьется, исправится; особливо очень могутъ ошибаться люди начинающіе, люди не убѣдившіеся въ томъ, что въ воспитаніи руководители не книжныя правила, а собственный свой разумъ и полное знаніе характера воспитанника. Нѣтъ, любовь воспитанника не такъ пріобрѣтается.

Выше я сказалъ, что воспитатель долженъ непременно пріобрѣсть любовь, уваженіе и полное повиновеніе воспитанника. На этихъ данныхъ основывается зданіе воспитанія, и счастливъ тотъ воспитатель, который пріобрѣтетъ ихъ. Не такъ дешево и не такъ скоро достаются эти данныя воспитателемъ и не каждый въ состояніи выполнить задачу пріобрѣтенія ихъ. Чтобы они проявились въ воспитанникѣ, нужно быть воспитателемъ вполне понимающимъ самое значеніе воспитанія, быть умнымъ, вполне образованнымъ человекомъ, воспитаннымъ въ доброй школѣ и съ самымъ мягкимъ характеромъ, съ такимъ, который могъ бы гнутья по произволу его. Я не хочу этимъ показать, чтобы каждый непременно имѣлъ такой характеръ отъ природы, а только то, что бы онъ былъ под-

чинить волю его: Умный человекъ, съ какимъ бы ни былъ характеромъ, можетъ переломить себя. Съ такимъ взглядомъ на воспитаніе, воспитатель изъ молодой природы можетъ дѣлать все что угодно, какъ изъ воску. Первая его обязанность состоитъ въ томъ: узнать природу воспитанника, его характеръ, привычки, наклонности и даже физическіе недостатки и для этого необходимо, прежде начала воспитанія, сойтись съ нимъ какъ можно ближе, сдѣлаться его братомъ, другомъ. Такое дружеское расположеніе пріобрѣсть не мудрено: стоитъ только какъ можно чаще бывать вмѣстѣ съ воспитанникомъ, ласкать его, даже играть съ нимъ, если бы и въ куклы, спускаться на его шалости, которыя въ другое время хотя бы были и не простительны (онъ можетъ ему замѣтить, но только не съ строгостію ментора), подчиняться его прихотямъ, словомъ—быть его товарищемъ во всемъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ всматриваться въ него, замѣчать, что въ немъ слишкомъ выдается. Это первое. это, такъ сказать, ключъ къ воспитанію. Въ такомъ началѣ двѣ находки для воспитателя: первое — онъ пріобрѣтаетъ любовь воспитанника, второе — узнаетъ въ немъ всѣ достоинства и недостатки, характеръ, наклонности. Молодая натура не любитъ скрытничать, она все выскажетъ, что у ней есть на душѣ, лишь бы только ей попался человекъ по сердцу. А кто же можетъ быть ближе, и не будетъ ли ей миль во всѣхъ отношеніяхъ, какъ такой воспитатель? Слѣдовательно такъ только достигнута цѣль, т.-е. воспитатель пріобрѣлъ расположеніе, узналъ его всѣ изгибы природы, слѣдуетъ уже тогда начинать правильное воспитаніе. Но и здѣсь нужно дѣйствовать благоразумно, не поворачивать слишкомъ круто, а слегка, по немногу, иначе вмѣсто любви и расположенія найдетъ ненависть, а мало такъ и упорство, словомъ дѣйствовать такъ, какъ бы вы пріохочиваете его къ азбукѣ. Мнѣ замѣтить, что это можетъ быть примѣнимо только при началѣ воспитанія. — Все равно когда бы-то ни было: въ срединѣ ли, въ началѣ ли воспитанія. Возмите это положеніе за правило и примѣните его къ возрасту, — вотъ и дѣло съ концемъ.

Переходя отъ приготовленія къ правильному воспитанію, какъ я уже замѣтилъ, воспитатель не долженъ круто поворачивать, а постепенно, такъ сказать, незамѣтно выходить изъ положенія товарища — въ положеніе воспитателя. Съ перваго шага онъ долженъ слегка замѣчать ему, что должно дѣлать и чего не дѣлать и мало по малу возвышать свой голосъ. Воспитанникъ, видя его еще полутоварищемъ, будетъ съ охотою исполнять всѣ его приказанія. Если воспитанникъ будетъ дѣлать то, что, хотя бы и не входило въ кругъ его воспитанія, но ему можетъ быть полезнымъ въ будущемъ, долженъ позволять, но замѣтить, что это должно дѣлать въ свободное время; если онъ что спалитъ, то на первый разъ, слегка дать ему понять, что это дурно; словомъ не быть слишкомъ мягкимъ и не слишкомъ жесткимъ, а держаться золотой середины. Я имѣлъ честь знать такихъ воспитателей, которые, не успѣвъ переступить порогъ въ домъ отца воспитанника, или только что получивъ должность воспитателя, выказывали свои права, какъ бы желая тѣмъ дать знать, что де ты смотри держи ухо востро. Какъ хотите, а такой воспитатель дрянъ, его сей часъ же должно выгнать пемелой (провинціальное выраженіе), онъ вмѣсто пользы сдѣластъ вредъ. — Но болѣе всего воспитатель долженъ быть справедливымъ, какъ можно стараться быть строже къ себѣ въ дѣлѣ обвиненія воспитанника, а равно и въ наградѣ, стараться не придавать большой важности дѣтской шалости, и не слишкомъ быть слабу къ значительному поступку, и главнѣе всего не допускать воспитанника лгать, довести до того, что бы не было тайнъ между ними. Ложь, такой порокъ, который стоитъ только допустить, то ни время, ни усилія воспитателя не изгонять его изъ воспитанника. При такихъ условіяхъ воспитанникъ естественно долженъ будетъ уважать воспитателя, а съ уваженіемъ должно быть и полное подчиненіе, будетъ стараться избѣгать непріятныхъ столкновеній изъ опасенія огорчить любимаго имъ друга-воспитателя.

Вотъ мое мнѣніе вообще о воспитаніи и о воспитателѣ

и вотъ все то, что, по поводу статьи г. Даля, я находилъ нужнымъ сказать. Можетъ быть, найдутся люди (чему я буду очень радъ, потому что умъ хорошо, а два лучше), что мнѣніе это найдутъ шаткимъ, взглядъ мой на воспитаніе невѣрнымъ взглядомъ, и возраженія противу статьи г. Дала не основательными, и еще пожалуй разбранять, но пусть ихъ; я рѣшился высказаться и высказался такъ, какъ понимаю, какъ понимаетъ русскій купецъ и какъ должно, по моему мнѣнію, понимать каждому.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ

Г. Вернадского:

Еще о внешней торговле, помещенной в N 75 Моск. Вѣдом.

Въ виду цѣлыхъ системъ, господствовавшихъ въ торговлѣ Европы, и уступавшихъ мѣсто только новымъ системамъ; въ виду меркантилизма, протекціонизма, либерализма, попеременно волновавшихъ міръ и общественное мнѣніе; вопросъ о внешней торговлѣ не можетъ не быть важнымъ, занимательнымъ, общественнымъ вопросомъ. Не говоримъ о частныхъ интересахъ, которые повсюду возбуждаются при вопросѣ; потому что такъ называемые частные интересы принадлежатъ, въ этомъ случаѣ, миллионамъ людей, принадлежатъ цѣлымъ сословіямъ, купечеству, фабрикантамъ, землевладельцамъ, принадлежатъ всемъ классамъ всехъ государствъ, всемъ народамъ всего свѣта. Этимъ объяснимъ только обстоятельство, что вопросъ о торговлѣ составляетъ живую часть науки о народномъ богатствѣ, и изъ этого выводимъ, что такой вопросъ, для своего установленія, требуетъ всесторонняго изученія, посредствомъ предложенія всему обществу, въ журналахъ, вѣдомостяхъ, газетахъ, для возбужденія и вызова отовсюду мнѣній, сужденій, которыя только вмѣстѣ взятыя, сличенныя и обсужденныя, могутъ содѣйствовать истинному пониманію дѣла. Положенія Политич. экономіи о торговлѣ не могутъ не быть отвѣченными и общими, далеко не порывающими вопроса, столько положительнаго какъ напр. вопросъ о Русской торговлѣ съ Англіей, Франціей, Испаніей, шерстью, виномъ, саломъ

т. д. Поблагодаримъ же г. Вернадскаго за то, что онъ поднялъ этотъ вопросъ и предложилъ на судъ общества и литературы. Не

при этомъ пожалѣемъ искренно, что онъ предложилъ вопросъ не въ томъ видѣ, въ которомъ исходъ рѣшенія былъ бы облегченъ для общества и литературы, и способъ рѣшенія остался бы на отвѣтственности общества и литературы. Масса возраженій, возбужденныхъ его статьею, доказываетъ несомнѣнно, что авторъ, въ такомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ, не безъ погрѣшностей противъ ясности, точности, даже скромности, подобающей истинѣ. Доказательствомъ всѣхъ такихъ грѣховъ можетъ служить, между прочимъ, статья отвѣтная, которой заглавіе выписано нами. Правда, г. Вернадскій взваливаетъ всю вину за возраженія и спорность вопроса на своихъ противниковъ, да на новость идеи; но, по нашему убѣжденію, несправедливо; разберемъ эту статью.

«Никакая новая идея, говоритъ авторъ отвѣта, въ началѣ статьи, не можетъ осуществиться безъ ожесточенной борьбы,» и т. д. Предполагая мысль вѣрною, авторъ долженъ былъ употребить крайнюю осторожность, ясность, точность въ выраженіяхъ, для того, что бы не токмо не вызвать, но предупредить *борьбу ожесточенную*, не ведущую къ дѣлу, къ истинѣ, и отдаляющую успѣхъ истины всѣмъ промежутомъ дѣйствія ожесточенія, страсти. Не отвѣтную статью свою долженъ онъ начинать этимъ положеніемъ, а самую начальную мысль свою о внѣшней торговлѣ, въ самомъ ея зародышѣ, и тогда, вѣроятно, дѣло бы что нибудь выиграло. Но мысль автора не вѣрна. Съ какой стати человѣку, вообще столько любящему новости и переменны, вооружаться и ожесточаться противъ новой мысли? И гдѣ эта новость? Внѣшняя торговля не новая идея; она старше каждаго изъ насъ, старше каждаго изъ народовъ, старше исторіи. Свобода внѣшней торговли опять не новая идея; кому неизвѣстно, что многіе, съ давняго времени, хлопочуть о свободѣ внѣшней торговли; что Политич. Экономія давнымъ давно толкуеть о свободѣ этой торговли, что въ Англіи была лига въ пользу этой свободы, и пр. и пр. И такъ ожесточенная борьба, вызванная статьею г. Вернадскаго о свободѣ внѣшней торговли, одолжена своимъ появленіемъ не новости идеи, а постороннимъ обстоятельствамъ. Съ другой стороны, наше читающее общество не такъ мало образовано, и наша литература, пишущее общество, не такъ строптиво, чтобы изо всякаго вопроса, и самаго избитаго, поднимало борьбу ожесточенную. Причина и поводъ къ борьбѣ въ изложеніи вопроса и дѣла, которые, по своей важности, требовали отъ автора очевидныхъ доказательствъ, убѣдительныхъ доводовъ, точныхъ опредѣленій, безъ увлеченія, безъ ожесточенія. Да и не видимъ мы ожесточенія въ самыхъ возраженіяхъ,

сколько их ни случалось читать намъ; ожесточеніе на сторонѣ авторъ; и образчикъ всего раздражающаго и задирающаго имѣемъ въ его отвѣтной статьѣ. Сколько одной брани позволилъ себѣ г. Вернадскій! Уже въ первомъ періодѣ своей статьи авторъ говоритъ о какихъ-то *личныхъ интересахъ*, затронутыхъ его положеніями, — далѣе хвалится добросовѣстностію своей мысли и объясняетъ возраженія какимъ-то *вознагражденіемъ за поддержку*, или по-просту подкупомъ; распространяется, что его *истина колетъ глаза*, что ему *возражаютъ опрометчивость и недобросовѣстность, старый умъ со старыми преданіями, да большіе барыши*; еще далѣе авторъ честитъ противниковъ жидами, евреями, а себя одного называетъ *сторонникомъ дѣятельности и труда*, и даже (*implicit*) соловьемъ Крыловской басни, котораго противники хотѣли бы заставить поучиться у пѣтуха, что ли. Но довольно; очень грустно встрѣчать ожесточеніе и брань въ дѣлѣ столько разумномъ, какъ наука, и въ области столько святой, какъ общая польза, общественное благо. Вина всему этому въ недоумѣніи, въ неясно положенномъ вопросѣ, въ неточно доказанномъ началѣ, вина въ авторѣ, который поднялъ вопросъ безъ должнаго, всесторонняго, осторожнаго разсмотрѣнія. Доказательствомъ неточности, сбивчивости положеній автора можетъ служить также отвѣтная статья, которую разбираемъ. Мы уже упоминали о взглядѣ автора на новостіи идеи. Не очевидно ли, что авторъ останавливается на явленіи, на событіи, на фактѣ, и не добирается до причины? Не въ новости идеи лежить ея задорность, а въ туманности и неясности какъ основаній идеи, такъ и возможныхъ ея слѣдствій, да еще въ томъ, что ко всякой идеѣ прискивается ревнивый хозяинъ, который изъ-за нея часто поднимаетъ шумъ оглушающій. Кто хочетъ сказать міру новую идею, долженъ ясно и точно сознать ее, ясно и точно изложить, забывая по возможности, свою личность. Идея стѣбитъ многихъ личностей. Впрочемъ новыхъ идей, волнующихъ міръ, очень мало, да и тѣ являются рѣдко, и, болѣею частію, составляютъ продуктъ цѣлыхъ поколѣній, въковъ, отъ чего онѣ бывають безличны, безхозяйны. Сколько труда стѣбитъ историку добираться до первыхъ виновниковъ той или другой идеи; и не потому ли исторію реформаціи начинаютъ съ отдаленныхъ средневѣковыхъ папъ, а исторію революціи, кажется, съ Людовика XI, или Франциска I-го? Потомъ авторъ отвѣтной статьи *самъ* сравниваетъ явленіе, произведенное въ рус. литературѣ его статьею, съ волченіемъ на поверхности воды, въ которую бросили камень, напоминалъ тѣмъ известную рус. по-

говорку. Зачемъ же было бросать булыжные камни тамъ, гдѣ шло дѣло объ уясненіи ученаго вопроса? Далѣе въ четвертомъ періодѣ своей статьи г. Вернадскій говорить, что «только внѣ дѣйствительности и жизни мы можемъ создать фантастическіе образы безусловнаго добра и зла.» Что это такое? Вѣдь это отрицаніе всѣхъ идей и всякой идеи, которыя служатъ основаніемъ наукъ, разуму, человѣческой жизни! Мы привыкли, и справедливо, называть безусловнымъ добромъ — честь, истину, добродѣтель, право, законность и т. д. Неужели все это фантастическіе образы, не имѣющіе въ себѣ никакой реальности и не составляющіе для чловѣка ничего дѣйствительнаго? Изъ-за чего же вы бьетесь и ведете ожесточенную борьбу и брань? Стоитъ ли ваше дѣло вниманія, котораго ищете у общества? Но, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе авторъ теряетъ хладнокровіе, требуемое ученымъ достоинствомъ. Такъ онъ говорить о своихъ противникахъ: «въ тревожное время, въ нашей литературѣ, вышли съ убѣжденіемъ и открыто противъ Англій и Турціи не они, а я; да помнить это тѣ, которые поднимаютъ камень. Что дѣлали вы тогда, и что дѣлали я?» Противъ этого Quos ego можно сказать многое. А если ваши противники выходили противъ враговъ отечества съ другими, можетъ быть, болѣе сильными средствами, пожертваніями, капиталами, личною борьбою? Если они станутъ доказывать, что хвалиться подвигами не должно, въ ожиданіи признанія со стороны общества, и довольствуясь одобреніемъ совѣсти? Но авторъ ни чего не слышитъ и продолжаетъ: «возставая противъ враговъ, мы помнимъ типъ нашей родной (sic) природы, осуществившейся (sic) въ образѣ Великаго Петра (sic): ни предъ кѣмъ не сгибая колѣнь, онъ уму и истинѣ учился и у враговъ своихъ!» Оставивъ въ сторонѣ всю несообразность сравненій, тѣмъ болѣе, что Петръ В. ни у кого уму не учился; согласимся съ авторомъ въ томъ, что ему надо многому поучиться у его противниковъ.

Спрашиваемъ у всякаго, что поучительнаго, занимательнаго въ такой ожесточенной борьбѣ для общества? Стоитъ ли печатать такіе отзывы, предполагая даже, что они вызываются задоромъ возражателей? Правда, авторъ, осыпавъ бранью своихъ противниковъ, дѣлаетъ въ одномъ мѣствѣ видъ, что защищаетъ науку и ученые авторитеты Смита, Селъ, какъ будто есть у нихъ на Руси соперники, завистники; но тутъ же прибавляетъ ясно, что нападки на свою статью принимаетъ онъ за нападки на свою личность, и потому отвѣтною статью собственно защищаетъ свою личность; и мы видимъ, какъ онъ ее защищаетъ. Мы возстаемъ противъ обраще-

шя къ личности, въ дѣлѣ науки; наука должна быть и выше личности и дороже личности. Займемся же дѣломъ, помимо личности, считая его далеко не вполне выясненнымъ, еще требующимъ многихъ и разностороннихъ соображеній; и позволимъ себѣ, съ своей стороны, сказать два—три слова о внешней торговлѣ, не гонясь за названіемъ либерала, не боясь прозвища протекціониста, ища не словъ и названій, а существа дѣла.

Свобода внешней торговли есть вопросъ науки и жизни, и притомъ отдѣльно науки и жизни, какъ по причинѣ различія теоріи отъ практики, такъ и по свойству науки, къ области которой вопросъ относится. Политическая экономія—наука новая, еще не установившаяся; стремящаяся укрѣпиться пока въ области отвлеченія, да въ положеніяхъ логическихъ, и еще не образовавшая для себя началъ, равно необходимыхъ къ теоріи и въ практикѣ. Понятно, что и вопросъ о свободѣ внешней торговли скорѣе имѣетъ въ ней видъ гаданія, предчувствія, желанія, но ни въ какомъ случаѣ не начала яснаго, твердаго, полнаго очевидныхъ слѣдствій. Сама политико-экономія спорятъ о вопросѣ; тѣмъ менѣе можно требовать безусловнаго довѣрія къ известному положенію со стороны публики. Государства порываютъ и порываютъ дѣло о внешней торговлѣ различно; частные люди не всегда согласны съ началомъ; откуда же взять въ жизни доказательство *именно въ пользу свободы внешней торговли*? Политическая экономія доказываетъ свободу этой торговли пользою, одною пользою, разумется, для народовъ и государствъ, и для частныхъ лицъ и производителей. Но и государства не видятъ этой пользы, ибо не принимаютъ начала свободы для своей внешней торговли, и частные производители не находятъ въ этомъ началѣ своей пользы, ибо противъ него часто и сильно возражаютъ; вообще ты и другіе, какъ бы, говорятъ политико-экономамъ: оставьте насъ заботиться о собственной пользѣ, послушайте своего начала: *laissez faire*. Изъ-за чего вы ратуете, за кого вы боретесь! И чѣмъ докажете пользу свободы внешней торговли? Одно общее положеніе несомнѣнно вѣрно, что внешняя торговля необходима тамъ, гдѣ известный продуктъ не можетъ быть произведенъ въ странѣ, по законамъ ли природы, напр. сахарный тростникъ не родится на тундрахъ Сибири, или по законамъ человеческого, умнаго разсчета, напр. продуктъ обходится дорого, при собственномъ, домашнемъ производствѣ. Необходимый продуктъ не можетъ быть произведенъ въ странѣ, и его добываютъ внешнею торговлею. Но вы идете далѣе, спускаетесь съ облаковъ отвлеченія,

исходите къ жизни, и рѣшаетесь опредѣлить, что можетъ произвести природа известной страны и народъ известнаго государства, и чего не можетъ дать ни сила природы, ни умъ народа. Вы хотите опредѣлить возможное и невозможное напр. почти для полміра, какова Россія, и почти для семидесяти милліоновъ русскаго народа. Какъ же избѣгать тутъ ошибокъ громадныхъ? Положимъ, что возможное для Россіи вы опредѣлите по существующему, по статистикѣ, которая говоритъ о томъ, что есть; и станете утверждать, что Россія должна производить, по вычисленію г. Вернадскаго, деготь, смолу, спиртъ, масло, взренье и вѣроятно печенью; но какъ и чѣмъ докажете невозможное для той же Россіи? Что на тундрахъ Сибири не растетъ сахарнаго тростнику, и что на Воробьевкѣ не находится алмазовъ, что ихъ тамъ нельзя искать,—это достоверно, несомнѣнно; объ этомъ можно говорить вообще, какъ о законѣ; но осталшая, безконечная масса произведеній для рѣшенія вопроса объ ея невозможности, въ различныхъ краяхъ Россіи, должна содѣлаться предметомъ безконечныхъ попытокъ, вѣковыхъ опытовъ. Можетъ, конечно, Полит. экономія обратиться, въ этомъ случаѣ, къ естественной исторіи, къ Флорѣ и Помонѣ Россіи, но и эти науки частію зависятъ отъ опыта, и вовсе молчатъ о вопросѣ, будетъ ли для насъ дешевле добывать сахаръ изъ русской свекловицы, или выписывать его изъ Америки. Сверхъ того возможно напр. что на первыхъ порахъ, наши суковныя фабрики принесутъ намъ только убытокъ; но почему не надвѣяться, что впоследствии убытки вознаградятся сторицею? Вѣдь Пол. экономія должна имѣть дѣло съ пользою общою, съ пользою общества, которое существуетъ не для одного даннаго момента и не для одного настоящаго поколѣнія. Вообще Полит. экономія оказала бы величайшую услугу промышленности народной, подвергнувши изслѣдованію всестороннему вопросу о возможномъ и невозможномъ для ея дѣятельности, и опредѣливши, на этомъ основаніи, выгоды или невыгоды различныхъ распоряженій тарифа; безъ такихъ изслѣдованій, въ борьбѣ ученыхъ съ событіями, или въ спорѣ съ заводчиками и людьми опытными въ своемъ дѣлѣ, публикѣ приходится стать на сторону послѣднихъ.

Скажемъ болѣе. Основное начало или понятіе Полит. экономіи само въ себѣ заключаетъ обильный источникъ неразрѣшимыхъ споровъ, недоразумѣній, шаткости положеній. Основаніемъ Полит. экономіи полагаютъ, какъ известно, представленіе о пользѣ, которою мотивируются всѣ вопросы науки. Но, съ одной стороны, невоз-

можно обобщить и возвести въ значеніе научнаго начала отно- сительное представленіе пользы, измѣняющееся по времени, мѣсту, лицамъ и ихъ положеніямъ; съ другой стороны, нельзя примирить существеннаго, вѣчнаго различія между общею и частною пользою, пока ученые не найдутъ понятія и начала болѣе высокаго, поръ- шающаго эту борьбу равныхъ понятій. Замѣнили, правда, слово *польза* словомъ *цѣнность*, но, полагая, что цѣну имѣеть только полезное, Полит. экономія досихъ поръ основывается на представ- леніи о пользѣ, весьма шаткомъ, не ясномъ, не точномъ. И здѣсь-то корень и источникъ для разнообразныхъ, противорѣчныхъ ученій политико-экономовъ, для недоверчивости къ ихъ ученіямъ публики, и для постоянной борьбы изъ за ихъ положеній въ литературѣ.

Пора прикннуть политико-экономамъ къ положительному быту общества, и оставить часто бесплодное вращеніе въ облакахъ от- влеченія. В. Рошеръ, по изложенію г. Профессора Бабста, ⁽¹⁾ далъ тому блестящій примѣръ и сдѣлалъ къ тому удачный шагъ. Для Пол. экономіи открывається новое, историческое, положительное, на- ціональное направленіе, основанное на изученіи дѣйствительнаго быта народа и народовъ, при посредствѣ ученаго соображенія пра- вительственныхъ мѣръ и законовъ страны, этихъ двигателей и хра- нителей вѣковой, опытной народной мудрости. Того требуетъ ука- занный нами недостатокъ Политич. экономіи въ высшей идеѣ, по- рывающей столкновение понятій о пользѣ. Представленіе о пользѣ не можетъ служить основою для науки; научной идеѣ для Полит. экономіи должно искать выше и глубже, не въ пользѣ, а въ трудѣ, по А. Смиту, въ дѣйствіяхъ челоуѣка, и въ источникѣ дѣй- ствій, въ свободѣ, а съ тѣмъ вѣсть въ законахъ и правѣ. Не да- ромъ самъ г. Вернадскій, въ ответной статьѣ, прибѣгаетъ, въ край- ности, подъ защиту положительныхъ, отечественныхъ законовъ. Въ законахъ государства есть распоряженія и установленія по всемъ вопросамъ Полит. экономіи. Изученіе этихъ законовъ, изученіе тщательное, съ объясненіемъ причинъ ихъ и мотивовъ, дастъ уче- ному возможность сознать потребности дѣйствительнаго быта, раз- мѣры разстоянія, существующаго между теоріей и практикой, и средства для основательнаго сужденія о положеніяхъ той и другой. Дѣло этихъ законовъ и Полит. экономіи одно и тоже. Такъ напр., обращаясь къ главному предмету статьи, всякій видитъ, что свобода внѣшней торговли должна находиться въ связи съ понятіемъ о свободѣ

(1) Въ Майск. Книжкѣ Рус. Вѣстника.

торговли, что свобода торговли не можетъ быть понята безъ опредѣленія свободы промышленности, которая необходимо зависитъ отъ установленія свободы труда, дѣятельности, распоряженія силами и капиталомъ, отъ свободы личной, составляющей предметъ законодательства и права. Личность и дѣятельность, свобода и трудъ—это неотдѣлимые понятія, которыя, входя въ составъ двухъ трехъ наукъ, освящающихъ ту или другую ихъ сторону, не перестаютъ составлять одно существо. Личность и свобода челоука выражаются въ разумной его дѣятельности. Трудъ свободенъ, если нѣтъ препятствій къ разумному его употребленію; трудъ разуменъ, если онъ въ гармоніи съ закономъ свободы и не нарушаетъ чужаго права, и если онъ въ гармоніи съ природою предмета, и не противорѣчитъ цѣли усилій. Разумность перваго рода есть дѣло права, разумность втораго рода дѣло Политич. экономіи. Разорвать связь между правомъ и Полит. экономіею значить разорвать союзъ между условіемъ и слѣдствіемъ, и признать разумность неразумностию.

Послѣ этого мы можемъ иначе предложить вопросъ о свободѣ промышленности вообще и вышней торговли въ частности, не поражая читателя рѣзкою особенностію воззрѣнія. Что такое промышленность и свобода промышленности? Трудъ есть выраженіе для дѣятельности лица; промышленность есть трудъ и дѣятельность цѣлаго разряда или класса лицъ; свобода промышленности, какъ свобода труда, не есть простая безопасность отъ нарушенія собственности и личности, защищаемыхъ законами гражданскимъ и уголовнымъ; свобода промышленности предполагаетъ эту отрицательную безопасность, да сверхъ того требуетъ наибольшаго простора для дѣятельности и устраненія всякаго стѣсненія, даже подъ эгидою гражданского закона, напр. въ формѣ фактическаго преобладанія капитала, или въ видѣ исключительности, монополіи. Съ другой стороны, и даже для этой цѣли, возможный просторъ дѣятельности не можетъ и не долженъ быть безначаліемъ, анархіей дѣятельности, гдѣ опять необходимо явится фактическое преобладаніе силы, насиліе, монополіи, напр. преобладаніе подрядчика надъ рабочимъ, фабриканта надъ мастеровымъ, купца надъ сидѣльцемъ, капитала надъ работою, большаго капиталиста надъ малымъ и т. д. и т. д. Спрашивается, кто можетъ установить и обезпечить такую свободу? Только законъ; и потому идетъ ли вопросъ о срокѣ работы дѣтей на фабрикахъ, или о работѣ женщинъ въ рудоконьяхъ, требуютъ закона; говорится ли о торговлѣ купцевъ по деревнямъ и селамъ, или о продажѣ хлѣбовъ на корнѣ,

рѣшенія ожидаютъ отъ закона; нужно уничтожить внутреннія таможи, или понизить пошлины на границѣ, составляютъ законы, и т. д. На чѣмъ же основывается самъ законъ. въ его вліяніи на промышленность? Избѣгая техническихъ подробностей, отвѣтимъ: на началъ раздѣленія труда, освященнаго закономъ о государственныхъ сословіяхъ. Въ государствѣ одинъ изъ сословіи имѣютъ одніи права, другимъ усвоены другія, но все должны имѣть права, по мѣрѣ обязанностей къ обществу. Такъ землевладѣльцы имѣютъ особія права и особія обязанности; купцы имѣютъ свои права и свои обязанности, земледѣльцы отличаются своими правами и обязанностями отъ мѣщанъ, горожанъ и т. д. Промышленность есть одно изъ правъ, принадлежащихъ сословіямъ общества; свобода промышленности есть одно изъ выраженій для сословныхъ правъ и обязанностей. Свобода промышленности есть сложное юридическое понятіе, состоящее изъ суммы правъ, приравненной къ суммѣ обязанностей; это есть право, даруемое закономъ различнымъ родамъ и видамъ народной дѣятельности, извѣстной подъ этимъ именемъ; или свобода, сообщаемая закономъ различнымъ классамъ народа въ ихъ совместной дѣятельности. Во всеобщности начала лежитъ основа для правды закона, а въ правдѣ заключается его польза. Только справедливое полезно. На этихъ-то основаніяхъ говоримъ, что промышленность народа и свободна и должна быть свободна.

Но, понятно, что отъ свободы народной промышленности, внутри государства, къ свободѣ внѣшней торговли, къ свободѣ частію иноземнаго промысла, остается еще шагъ не малый и не легкій для мысли и для жизни. Законъ государства защищаетъ своихъ гражданъ, существуетъ для своихъ гражданъ, общаетъ права своимъ гражданамъ, потому что онъ есть законъ этихъ гражданъ. Во внѣшней торговлѣ являются чужіе, съ капиталами, могущими имѣть преобладаніе, со средствами и силами, могущими дать чужимъ вліяніе постоянное на бытіе собственнаго народа. Уравненіе, совершенное закономъ въ отношеніяхъ гражданъ, подвергается извнѣ нарушенію, со стороны иноземнаго элемента. Иноземцы не платятъ съ нами податей государственныхъ; не несутъ съ нами повинностей общественныхъ; не защищаютъ съ нами нашего отечества, не берегутъ съ нами нашего отечества, ни его чести, ни его пользы. На этомъ основаніи не считается справедливымъ, что бы иноземцы приходили въ нашу землю, селились на нашей почвѣ, и извлекали блага изъ той страны, которая куплена потомъ в кровію нашихъ предковъ; по той же причинѣ, не при-

знается за иностранцами право вступать въ управление дѣлами нашего суда, нашей вѣры, нашего образованія, которыя мы считаемъ высочайшими нашими благами. Въ Политической экономіи часто встрѣчается выраженіе: эгоизмъ, какъ основаніе для экономическаго быта (1); позвольте же закону дать хоть справедливое преимущество своимъ гражданамъ передъ чужими, которые, пользуясь правами отъ своего закона, даже не требуютъ двойныхъ правъ за одинакія обязанности. Не допуская иностранцевъ безусловно мѣшаться въ наши промыслы сельскій, фабричный и внутренней торговли; съ какой стати открывать имъ торговлю внѣшнюю, безъ условій, безъ пожертвованій, безъ пользы для нашего общества? И тѣмъ менѣе, съ какой стати предоставлять имъ право и возможность стѣснять нашу дѣятельность, нашу промышленность, превосходствомъ своихъ капиталовъ, своихъ машинъ, своихъ силъ и средствъ? Мы признаемся, что уступаемъ западной Европѣ въ политико-экономическомъ развитіи и въ гражданскомъ возрастѣ; какъ же требовать, что бы совершенно взрослый, безъ участія уравнивающего закона, совершалъ сделки съ лицомъ, не достигшимъ полнаго развитія? Полит. экономія, какъ и здравый смыслъ, говоритъ, что торговля должна быть тѣсно и договоромъ равнымъ; а какъ вы уравниете положеніе двухъ странъ, изъ которыхъ одна постоянно несетъ на рынокъ свои сырые продукты, громоздкіе, не удобоподвижные, малоцѣнные, по малости въ нихъ положеннаго труда, а другая обдѣланные изъ этихъ же сырыхъ матеріаловъ продукты, легкіе, подвижные повсюду искомые, и дорогіе по массѣ употребленнаго ума, соображенія, капитала, рукъ рабочихъ и т. п. Далѣе народъ долженъ постоянно стремиться къ своему дальнѣйшему развитію; зачѣмъ же осуждаете его на однообразное дѣло сельскаго промысла, и лишаете права умножать свой трудъ, разнообразить свои занятія, будить всѣ силы окружающей его природы, развивать свой умъ и упражнять свои способности въ различныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности? Требуя защиты и охраны закона до времени извѣстнаго, опредѣленнаго развитія русской промышленности, мы собственно сторонники труда и дѣятельности народа, и мы искренно желаемъ русскому народу и трудолюбія и просвѣщенія. Но тарифъ, говорятъ намъ, устанавливаетъ монополію въ пользу производителей, насчетъ потребителей? Такъ ли? во-первыхъ различіе между производителями и потребителями весьма искусственно и цѣврно; пот-

(1) Wirth's *Grundsätze der National-Oeconomie*, 185, 186, Köln, 1856.

ребитель только нетрудящийся лживецъ. Во-вторыхъ, что за монополія, открытая для всѣхъ гражданъ; гдѣ появляются большіе барыши, говорить Пол. экономія, тамъ усиливается соперничество. Въ третьихъ, тарифъ не въ пользу одного фабриканта, а въ пользу такъ же рабочихъ и напр. помѣщика, котораго люди работаютъ на фабрикѣ и даютъ ему возможность платить дороже за русское сукно. — Впрочемъ тарифъ на Руси, какъ навигаціонный актъ прежней Англіи, есть мѣра временная; только потребность въ немъ не уничтожается одними теченіемъ времени, а устраненіемъ причинъ, вызвавшихъ распоряженія тарифа. Изучите эти причины, докажите ихъ несостоятельность, несвоевременность, да уже тогда и нападайте на дѣйствіе тарифа.

Но есть еще сторона въ вопросѣ, такъ же опускаемая въ Полит.-экономіи, и важная въ правѣ. Дѣйствіемъ внѣшней торговли мы выходимъ изъ области внутренняго закона и вступаемъ въ сферу общаго государственнаго права. Не всегда отъ однихъ насъ зависитъ уничтоженіе, или измѣненіе тарифа. Иногда мы не можемъ измѣнить тарифа потому, что чрезъ то нарушимъ право третьей державы, какъ это было при господствѣ континентальной системы; иногда не должны мы измѣнить тарифа потому, что другія державы его не измѣняютъ, и, въ одномъ случаѣ, намъ грозитъ война, а въ другомъ — чистая потеря. И дешевое на такомъ свободномъ рынкѣ обойдется въ три-дорога. И такъ часто уваженіе къ правамъ собственныхъ гражданъ, иногда уваженіе къ правамъ иностранныхъ державъ мѣшаютъ провозгласить начало той свободы, во внѣшней торговлѣ, о которой такъ вообще говорится въ статьяхъ журнальных и газетныхъ. И добрый знакъ для нашего времени, что читатели наши не вѣрятъ всякому слову такихъ статей.

В. Лещковъ.

С. Спасское-Каблуково.

Іюль. 1856.

НА ДВА СЛОВА МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

МОСКВИТЯНИНУ. (1)

Въ литературномъ отдѣлѣ Московскихъ Вѣдомостей (N 95 нынѣшняго года) помѣщена статья подъ заглавіемъ: *два слова Москвитянину* съ подписью *ред.* По заглавію этой статьи я никакъ не могъ бы подумать, что это возраженіе противъ моей силлоги-

(1) *Примѣчаніе отъ Редакціи Москвитянина.* Начнемъ съ вопроса, какъ представляеть себѣ редакція Вѣдомостей отношеніе между редакціею и сотрудниками изданія? Если тутъ есть *солидарность*; зачѣмъ упрекать г. Л. въ то, что онъ подозрѣвалъ ее въ дѣлѣ пресловутаго силлогизма? Если нѣтъ солидарности, почему редакція Вѣдомостей обращается къ Москвитянину, а не къ г. Л? — Прибавимъ, что не считаемъ невиннымъ смѣшеніе двухъ авторовъ, изъ которыхъ одинъ подписывается полнымъ именемъ, а другой буквою Л. Согласимся, что не стоило Г. Л. выдвигать тяжелой артиллеріи противъ такихъ легкихъ кавалеровъ, каковы авторы пресловутаго силлогизма, и что было бы достаточно противоположить имъ другой силлогизмъ: возрвнне можетъ быть истиннымъ или ложнымъ; общечеловѣческое возрвнне не синонимъ ни истиннаго, ни ложнаго; слѣд. общечеловѣческое возрвнне невозможно. — Замѣтимъ, что если редакція Вѣдомостей считаетъ свой литерат. отдѣлъ кошмаромъ для Москвитянина, по тому, что Москвитянинъ часто говорить о немъ; то и Москвитянинъ долженъ счтять себя кошмаромъ для редакціи Вѣдомостей, потому, что эта редакція упорно молчитъ о немъ, говоря обо всѣхъ Москов. изданіяхъ, и усердно читал Москвитянинъ, безъ чего не могла бы обвинять его въ частомъ упоминаніи вѣдомостей. — Отплатимъ откровенностію за откровенность, и скажемъ, что г. Л., возставшій противъ силлогизма Вѣдомостей, есть одинъ изъ авторовъ, помѣщавшихъ свои статьи въ Вѣдомостяхъ. Этимъ считаемъ свое дѣло поконченнымъ съ редакціею Вѣдомостей; но не стѣсняемъ г. Л. въ его справедливомъ желаніи отвѣтить за себя. —

стической заметки въ Москвитянинъ (N 5). И какъ могъ я ожидать, что мое скромное имя смѣшаютъ съ редакціей Москвитянина, что мое дѣло, за которое я собственною особою моею отвѣчаю, смѣшаютъ съ дѣломъ Москвитянина? какъ могъ я ожидать, что, показывая некоторому господину ошибку въ его силлогизмъ, но не касаясь редакціи Московскихъ Ведомостей, воздвигну противъ себя и, что еще важнѣе, противъ редакціи Москвитянина тревогу со стороны Редактора или редакціи Московскихъ Ведомостей? какъ могъ я ожидать, что по этому дѣлу будетъ въ отвѣтъ не виновникъ силлогизма, а Редакторъ Московскихъ Ведомостей? — Какъ бы то ни было, но подъ означеннымъ выше заглавіемъ Редакторъ Московскихъ Ведомостей пустилъ статью противъ меня, Москвитянина тожъ. Москвитянинъ, конечно, постоятъ за себя противъ Московскихъ Ведомостей, а я, вашъ покорный слуга, постараюсь.

Г. Редактору Московскихъ Ведомостей, кажется, не понравился почему-то мои выписки изъ древнихъ писателей; однакожъ и здѣсь, съ его позволенія или въ крайнемъ случаѣ и безъ его позволенія я начну выпиской, и довольно значительной, изъ Цицерона. *Fero ego te, Torquate, jam dudum fero, et nonnunquam animum, incitatum ad ulciscendam, orationem tuam, revoco ipse atque reflecto. Permitto aliquid iracundiae tuae, do adolescentiae... Sed nisi tibi aliquem modum tute constitueris, coges me habere rationem meae dignitatis. Nemo unquam me tenuissima suspicione perstrinxit, quem non praeverterim. Sed mihi hoc credas velim: non iis libentissime soleo respondere, quos mihi videor facillime posse superare. Tu, quoniam minime ignoras consuetudinem dicendi meam, noli hac lenitate abuti mea: noli aculeos orationis meae, qui reconditi sunt, excussos arbitrari: noli id putare omnino a me esse amissum, si quid est tibi remissum atque concessum... Nunc tecum sic agam, tulisse ut potius injuriam, quam retulisse gratiam videar.*

Теперь сдѣлаемъ малый смотръ двумъ словамъ *Москвитянину*.

Двадцати строкъ... двадцать строкъ... нѣсколько строкъ... коротенькой и забавной замѣтки... Что хотѣть сказать этими словами? Что, де, не стоило и рукъ марать въ этой ничтожной малости?... Но у всякаго свой вкусъ. Вотъ и здѣсь противъ двухъ словъ быть можетъ, напишется двѣсти, двѣ тысячи. — Притомъ отъ чего измѣрять значеніе статей количествомъ строкъ? Такой расчетъ я повижаю только при денежномъ расчетѣ за статьи, по ихъ объему

Логическій разборъ увѣнчался полнымъ торжествомъ ученой формалистики. — Здѣсь и далѣе все дѣло по поводу силло-

гизма вамъ хочется (а какъ удастся, увидимъ) представить, какъ нѣчто забавное. Ну чтожъ? у всякаго свой вкусъ. Вамъ не нравится наприм. ученая формалистика, — пусть будетъ такъ; а помоему это вещь хорошая. Вотъ наприм. мнѣ она дала средство *поразить составителя силлогизма о русскомъ воззрѣнїи* (NB. *противъ русскаго воззрѣнїя*. Напрасно хотите смягчить.) *рѣшительною и опытною рукой*, — тогда какъ этотъ составитель, предъявляя притязанїя на ученую формалистику, но не зная ея, напуталъ уморительный силлогизмъ, котораго и оправдать не могутъ, а называютъ *теперь* (замѣтьте это) забавною замѣткою. А на то шука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ....

Съ искусствомъ стараго воина и пр. *выдвинувъ впередъ первыя начала логики*, и пр. *смѣлымъ натискомъ въ нѣсколько минутъ смьялъ своего противника*. — Какая великолѣпная картина! Какое искусное, опытное и предусмотрительное приготовленїе къ бою! Какой хитрый порядокъ этого приготовленїя! Признаюсь: глядя на вашу картину, я восхитился самъ собою, — никогда не видавъ я себя въ такомъ картинномъ положенїи. Хвала вашему искусству! Но къ сожалѣнїю, одно обстоятельство омрачаетъ торжество вашего искусства, — тутъ нѣтъ правды, и одного поверхностнаго сличенїя вашей картины съ моею статьей достаточно, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Прекрасная картина ваша — *воображаемая, несуществующая, выдуманная*.... Жаль, и мнѣ лично жаль этого обстоятельства, жаль того, что я не могу принять на свой счетъ вашей прекрасной картины.

Которыя (посылки — большую и меньшую) *онъ* (Л.) *никакъ не позволяетъ называть 1-юю, и 2-юю*. — Да! Я полагаю, что и никто, знакомый съ силлогистикой, не позволитъ этого. — Попытайтесь доказать, что это не позволенїе есть ученая формалистика и — ничто болѣе.

Подкрѣпивъ себя древними философами и пр. Отъ чего же и не *подкрѣпить* себя, коли есть чѣмъ? и почему *подкрѣпленїе древними философами* обращать въ забавное? Вотъ другое дѣло, если бъ я неумѣлъ подкрѣпить себя, немогъ или неумѣлъ воспользоваться подкрѣпленїемъ, воспользовался имъ ошибочно, противъ себя самого, не зная его силы и смысла.... Притомъ зачѣмъ извращать фактъ? Подкрѣпленїя изъ древнихъ философовъ идутъ не къ силлогизму, а къ другому, и приводятся, уже по окончанїи дѣла объ этомъ силлогизмѣ, въ прибавкѣ, гдѣ уже идетъ рѣчь не о немъ. Итакъ вы *обращаетесь*, говоря вашими же словами, *къ полемикѣ невинной и уже слишкомъ для васъ усладительной*.

Непонимаемъ. почему противникъ г. Л. долженъ непременно глумиться надъ семинаріей. Прежде всего, я непонимаю, какимъ образомъ изъ моего предположительнаго, возможнаго что мудренаго вышло у васъ *долженъ непременно*. Къ ужасу твою, кто нелюбить формалистики, я опять таки къ ней прибѣгну и поставлю на видъ ея старинное правило: а posse ad esse и твоя болва ad oportere non valet consequentia. — Потому, вы непонимаете или нехотите понять меня, — хотя я говорю весьма прямо, не загадками. Вотъ въ чемъ дѣло: строитель силлогизма, какъ видится, не знаетъ силлогистики, а хочетъ щегольнуть силлогистическимъ искусствомъ, — глазъ видитъ, да зубъ неймаетъ; по этому я и предлагаю ему поучиться этому искусству въ семинаріи. Точно также, тому, кто взялся бы за дѣло торговое или судебное, не понимая его, я предложилъ бы соответствующее дѣлу мѣсто или заведеніе, дабы сперва тамъ поучиться дѣлу. А ученіе тупое, наприм. хоть съ ошибками въ эрготеріи, не обходится безъ того. Такъ ли?

Впрямую, г. Л. позналъ на опытѣ, какъ награждаютъ и пр. Положимъ. Но опытъ. Но опытъ бываетъ чужой и собственный: первый мы видимъ на другихъ, а второй испытываемъ сами; а въ томъ и другомъ поучаемся дѣлу. Которымъ же изъ двухъ, полагаете вы, я поучался? Впрямую, вы, къ удовольствію и услажденію вашему, полагаете послѣдній, — очень хорошо! Такъ или иначе, но я позналъ эрготерію такъ, что могу *поражать* другихъ *рѣшительною и опытною рукой*, тогда какъ этимъ другимъ и опыты, также весьма впрямые, не пошли въ прокъ. — Нельзя не прибавить здѣсь, что у васъ логика слишкомъ смѣлая: изъ того, что я могу другаго отсылать къ такому или иному мѣсту или заведенію для познанія нѣкоторыхъ дѣлъ, заключать, что я позналъ на опытѣ, какъ тамъ дѣла дѣлаются, это.... это слишкомъ смѣло.

Къ сожалѣнію одно обстоятельство омрачаетъ торжество побѣды. А вотъ сейчасъ увидимъ. Врагъ... воображаемый, несуществующій.... выдуманный. Напрасно! Прежде всего, зачѣмъ же врагъ? Это ужъ черезчуръ сильно. Потому, я имѣлъ въ виду строителя силлогизма, — кто онъ, для меня все равно; а онъ есть лице весьма *дѣйствительное*, — по вашему же уврѣненію. Я не называлъ ни Сидора, ни Карпа, ни Пафнутія. Вся *ошибка* (если это и такъ, по вашему) моя въ словахъ: яко бы, весьма подозрительно, впрямую, кажется.... Чтоже необыкновеннаго въ предположеніи, до такой степени

неопредѣленномъ, и при томъ въ дѣлѣ, въ которомъ, выражаясь по простонародному, *ни лтъ ни примтъ* и которое достаточно темно? Вы увѣряете, что дѣйствительно дѣло было такъ, какъ прежде уже было рассказано. Этого увѣренія мнѣ и достаточно, — имъ бы и ограничиться вамъ, — тѣмъ болѣе, что у меня это замѣчено мимоходомъ, что для меня дѣло въ дѣлѣ, въ силлогизмѣ, а не въ побочныхъ и случайныхъ обстоятельствахъ. Въ предположеніи моемъ: если дѣло было дѣйствительно такъ, какъ тамъ рассказывается, — прибавлено: то тѣмъ хуже. Желаете, чтобъ я объяснилъ это? — За тѣмъ остальное, что у васъ сказано по этому поводу, падаетъ само собою; и я не понимаю, отъ чего вы приняли это дѣло такъ горячо и близко къ сердцу, отъ чего нашли нужнымъ *обратиться къ полемикѣ* противъ меня, быть можетъ, *для васъ и усладительной*, но безпричинной, потому, что я, повторяю, не коснулся редакціи и не вызывалъ ея противъ себя. Въ отвѣтъ долженъ или можетъ быть только стронитель силлогизма, и вамъ въ нашъ споръ мѣшаться не зачѣмъ.

А милый — для кого забыть

И прежній другъ и женскій стыдъ —

За двери прячется, боится быть въ отвѣтъ!..

Тяжелая артиллерія г. Л. — Да, правда: она тяжела для людей, къ ней не привычныхъ и слабыхъ. — *Выступилъ во всеоружіи своей ученой формалистики.* — Отъ чего же и не выступить во всеоружіи и съ тяжелою артиллеріей, если она есть? Отъ чего же и не употребить того и другой, для обезпеченія успѣха? И ужели лучше выступать въ бой съ пустыми руками? — Притомъ, противъ формалистики *забавной* замѣтки — ибо силлогизмъ ея, конечно, принадлежитъ къ ученой формалистикѣ и къ артиллеріи, которая хотѣла, да не умѣла быть тяжелою — противъ этой формалистики отъ чего же и не вооружиться также формалистикой?

Который (сотрудникъ)... участвуетъ и въ Русской Бесѣдѣ. — Вотъ это для меня ударъ, и притомъ неожиданный! Но позвольте, какъ же это? Въ Русской Бесѣдѣ онъ за русское воззрѣніе, а въ Моск. Вѣд. онъ же *противъ* русскаго воззрѣнія? Такъ-таки: помогай же, Боже, и нашимъ и вашимъ?... Ну, я бы отъ такихъ господъ далъ; а то, пожалуй, какъ разъ подсунуть такой силлогизмъ, что съ нимъ попадешь въ пренепріятную литературную свалку.

Не раздѣляя мнѣнія г. Л. (о русскомъ воззрѣніи), которое уже осуществлено имъ въ Москвитянинѣ. — Слишкомъ много чести

для меня и слишком мало чести для русскаго воззрѣнія, — тѣмъ болѣе, что я тамъ же ясно и положительно объявилъ себя ни *за* ни *противъ* русскаго воззрѣнія, не имѣющимъ чести принадлежать ни къ которой сторонѣ и пр. Вы *обращаетесь къ полемикѣ*, которая болѣе, нежели *невинна*, и *уже слишкомъ усладительна для васъ*.

Мы не нашли и теперь не находимъ нужнымъ (это какъ вамъ угодно!) *писать длинныя и скучныя разсужденія по поводу коротенькой и забавной замѣтки. Въ противномъ случаѣ г. Л. былъ бы въ правѣ упрекнуть насъ въ донкихотствъ и педантизмъ*. — Во первыхъ, давно ли, не теперь ли только эта замѣтка стала забавною? Была ли она въ вашихъ глазахъ и прежде такою? И въ такомъ ли качествѣ она пущена въ печать? Мнѣ помнится тамъ незабавное. Помнится мнѣ и то, что въ Моск. Вѣд. уже было нѣсколько статей по вопросу о русскомъ воззрѣнн *противъ* русскаго воззрѣнія, также какъ и эта *забавная* замѣтка, *имѣвшихъ въ виду обратить вниманіе читателей противъ* русскаго воззрѣнія. Какъ теперь понимать тѣ статьи? И онѣ тоже — *забавныя*? Вѣдь, нѣтъ ничего мудренаго, что кто нибудь разсмотритъ ихъ и покажетъ, что и онѣ также забавны, какъ и эта забавная замѣтка. Такъ, стало-быть, и по поводу ихъ не нужно писать длинныхъ и скучныхъ разсужденій? Такъ-таки и сказать просто на просто, что онѣ забавны — и больше ничего? Не нужно противъ нихъ ни ученой формалистики, ни тяжелой артиллеріи и ни какого оружія? Что касается до *двухъ словъ Москвитянину*, то тутъ, кажется, и раздумья быть не можетъ. — Потомъ, длинныя и скучныя разсужденія — донкихотство и педантизмъ, — очень хорошо! А пускать въ печать *забавныя* замѣтки, силлогизмы въ логическомъ отношеніи безсмысленныя — это какъ называется?... Вамъ не нравится русское воззрѣніе и для противодѣйствія ему вы печатаете статьи даже *забавныя*, даже *изъ провинціи* — не потому ли, что онѣ *противъ* русскаго воззрѣнія? А неохотники до *забавнаго*, да еще *изъ провинціи* хотятъ показать вамъ, что не всякое средство для достиженія цѣли хорошо и пригодно, что иное средство, дѣйствительно, весьма *забавно*.... Они не умѣютъ или не желаютъ дѣйствовать легкою артиллеріей и безъ оружія, какъ другіе — чтожъ? дѣло окажется, кто тутъ правъ или не правъ.

Съ нѣкотораго времени лит. Отдѣлъ Моск. Вѣд. сдѣлался кошмаромъ для Москвитянина. — Вѣроятно, Москвитянинъ возвратитъ эту любезность лит. Отдѣлу Моск. Вѣд. Вашимъ добромъ, да вамъ же челомъ! — *Москвитянинъ почти въ каждой книжечкѣ*

упоминаетъ о Моск. Вѣд. Имъ же лучше, усладительнѣе. Вопросъ въ томъ, какъ упоминаетъ. — Обратился къ полемикѣ и пр. и тѣмъ вызвалъ наше оборонительное замѣчаніе. — Позвольте, гдѣ же вы нашли полемику въ Москвитянинѣ противъ Моск. Вѣд? Въ моей статьѣ нѣтъ полемики ни противъ Моск. Вѣд. ни противъ ихъ редакціи; и вы услаждаете себя представленіемъ врага воображаемаго, не существующаго, вымышленнаго вами самими же, вы ошибаетесь. Ужели сказать, что статья помѣщена въ Моск. Вѣд., — допустимъ болѣе: сказать, что такая-то статья грѣшитъ въ томъ или въ этомъ, означаетъ виновную и уже слишкомъ усладительную для говорящаго полемику противъ нихъ? Благоразумно ли останавливаться на такихъ невинныхъ намекахъ? — Затѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, въ Москвитянинѣ (см. N 1.) сказано было противъ Моск. Вѣд. нѣсколько словъ за русское воззрѣніе, и то, вѣроятно, потому, что Моск. Вѣд. прежде всѣхъ и задорнѣе выступили противъ русскаго воззрѣнія. И такъ нѣсколько словъ въ одномъ N изъ пяти разрослись въ воображеніи Редактора Моск. Вѣд. въ: почти въ каждой книжечкѣ... полемикѣ... оборонительное замѣчаніе. Ужъ и впрямь не кошмаръ ли это? Вотъ это поистинѣ, врагъ воображаемый, не существующій, выдуманный. И за чѣмъ задорному бойцу прикидываться обороняющимся? И за чѣмъ, послѣ этого, находить ненужнымъ, по поводу коротенькой и забавной замѣтки, писать длинныя и скучныя разсужденія? — Впрочемъ никто не мѣшаетъ вамъ безпрепятственно услаждаться вашимъ воображеніемъ и къ удовольствію вашему, считать доказаннымъ, что Моск. Вѣд. усердно читаются нѣкоторыми сотрудниками Москвитянина, Москвитянинѣ, вѣроятно, отвѣтитъ вамъ тѣмъ же, т.-е., что, къ его удовольствію, и пр. А я, съ своей стороны, надѣюсь, что вы не считаете меня въ числѣ этихъ сотрудниковъ, — потому что помѣстить статейку въ теченіе года или даже десяти лѣтъ хоть въ Москвитянинѣ или въ Моск. Вѣд. не значить еще быть ихъ сотрудникомъ.

Вотъ вкратцѣ то, что я имѣлъ бы сказать г. Редактору Моск. Вѣд. въ защиту свою. На сей разъ, кажется, довольно. Впрочемъ, если этого мало, то я всегда и охотно готовъ на бой, даже — въ случаѣ надобности — во всеоружіи ученой формалистики и съ тяжелою артиллеріей. — Mais je reviens toujours à mes moutons, — гдѣ же строитель силлогизма? Или нечего ему сказать въ отвѣтъ, кромѣ pater, recsavil 1856 г. Авг. 11.

Примѣчаніе: Первоначально я не хотѣлъ отвѣчать на нападки г. Редактора Моск. Вѣд. противъ меня по тремъ причинамъ. 1., Тутъ смѣшаны два дѣла; и самое заглавіе его статьи давало мнѣ право пропустить ее безъ вниманія. — 2., Споръ уклоняется въ сторону отъ своего предмета — силлогизма. Уловка журналистовъ отвести глаза и запутать дѣло — известна. Они не рѣдко дѣйствуютъ по нравоученію басни. *fabula indicat, pessata, cum ratione nequeant, urbanitate diluenda.* — 3., Мы съ Редакторомъ Моск. Вѣд. не въ равныхъ отношеніяхъ: онъ можетъ помѣщать у себя все, что ваходитъ содѣйствующимъ его цѣли, а я не могу утруждать никакой редакціи моими статьями, быть можетъ, не соответствующими ея цѣлямъ.

Д.

ДЕПУТАЦІА ЧЕРНИГОВСКАГО ДВОРЯНСТВА ВЪ КОСТРОМѢ.

1850 года Ноября 20 дня, Дворянство Черниговской губерніи, по отслушаніи въ Храмъ Господнемъ торжественнаго молебствія о здравіи и долгодѣтіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, единодушно положило: въ памятованіе настоящаго всерадостнѣйшаго дня исполнившагося дватцати-пяти-лѣтія благополучнаго и достославнаго Царствованія Его Величества Государя Императора Николая Павловича соорудить два образа Угодника Божія Святителя Николая Чудотворца и одинъ изъ нихъ поставить въ тысящальтнемъ Черниговскомъ Каѳедральномъ Спасо-Преображенскомъ Соборѣ, какъ изліяніе предъ Господомъ Богомъ искренней молитвы о здравіи и сохраненіи обожаемаго Монарха впредь на многіе годы, а другой препроводить съ Депутатами отъ Дворянства въ Ипатьевскую Обитель Костромской губерніи, какъ смиренное благодарственное приношеніе благословенному мѣсту, даровавшему Россіи Царственный Домъ, уже около двухъ съ половиною вѣковъ постоянно ведущій ее къ славы, могуществу и истинному счастью.

Во исполненіе этого единодушнаго положенія, еще въ маѣ 1854 Черниговское Дворянство установило великолѣпный Образъ Святителя Николая въ родномъ своемъ городѣ Черниговѣ, а въ

вышшемъ 1856 отпрывило депутатовъ въ Кострому, для такого же усерднаго дара Ипатьевской Обители.

Почетное званіе депутатовъ, въ этомъ дѣлѣ, приняли на себя: Е. Прев. Господинъ Губернскій Предводитель Дворянства Бороздина; и Гг. Городницкій Предводитель Статскій Совѣтникъ Камеръ-Юнкеръ Дуининъ—Борковскій; Стародубскій Предводитель Титул. Совѣтникъ Миклашевскій; Нѣжинскій — Поручикъ Почека; Почетный Попечитель Новгородъ-сверской гимназіи Коллеж. Сов. Судіенко; Депутатъ Малаяка; Почетный Смотритель Новозыбковского уѣзд. училища Коллеж. Регистр. Ширай, и Дворянинъ Поручикъ Капцевичъ.

О пребываніи и дѣйствіи депутаціи заимствуемъ извѣстіе изъ Костромскихъ губ. Вѣдомостей.

Последніе пять дней прошедшаго мѣсяца резко выдались изъ круга нашей однообразной и, сказать по правдѣ, порядочно-таки скучной общественной жизни. Этимъ мы обязаны прибытію въ Кострому, 27 Іюля, депутаціи Черниговскаго Дворянства, состоящей изъ восьми человекъ — четырехъ Предводителей и столькихъ же Депутатовъ, въ главѣ которыхъ, съ разрѣшенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, находился и самъ Г. Губернскій Предводитель того Дворянства, Н. П. Бороздина. Она прибыла въ Кострому вслѣдствіе желанія Черниговскихъ дворянъ, утвержденнаго покойнымъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, — пожертвовать знаменитой Ипатьевской обители, игравшей въ началѣ XVII столѣтія такую важную роль въ судьбахъ нашего отечества, мозаичскій образъ Ангела Мирликійской церкви, Святителя и Чудотворца Николая. Поводомъ къ этому послужило исполненное двадцати-пятилѣтіе благополучнаго царствованія покойнаго Государя Императора Николая I-го. По этому случаю, всѣ сословія громаднаго царства Русскаго разнымъ образомъ спѣшили выразить, сколько это было возможно, патріотизмъ своихъ чувствъ къ обожаемому и горячо любимому Монарху. Въ числѣ другихъ, и Черниговское благородное сословіе, движимое порывомъ сыновней благодарности къ покойному Императору, сдѣлало то же самое. Въ общемъ собраніи своемъ оно положило соорудить два образа Тезоименитаго Государя Святаго, одинъ для своего Черниговскаго Собора, другой для нашего Ипатьевскаго монастыря; чтобы одинъ служилъ священнымъ выраженіемъ вѣроподданническихъ чувствъ его, другой—былъ памятью благодарнаго потомства къ той смиренной обители, изъ которой былъ умоленъ знаменитымъ Московскимъ посольствомъ на

колебавшийся Русскій престолъ Родовачальникъ славно царствующаго у насъ Дома—Михаилъ Федоровичъ. Благородная мысль благороднаго сословія нашла даровитаго исполнителя въ г. Сиверси—Русскомъ художникѣ, живущемъ въ настоящее время въ привилегированной странѣ пластическихъ художествъ, Италиі. Русскій художникъ, вдали отъ родины лелеявшій мысль о родинѣ и вдохновляемый римскимъ небомъ, счастливымъ исполненіемъ даннаго ему порученія вполне оправдалъ довѣріе Черниговскаго Дворянства. Образъ, привезенный въ Костромскій Ипатіевскій монастырь, весьма замѣчательнъ въ мозаическомъ отношеніи и дѣлаетъ большую честь г. Сиверсу. Въ самой Италиі, сколько мы знаемъ, въ настоящее время не много художниковъ, которые бы могли—не превзойти, а сравниться съ нимъ въ трудномъ дѣлѣ мозаики. Не говоримъ уже о чрезвычайной гладкости и полировкѣ иконы: это дѣло второстепенное. Но, главное, подборъ камней, переходы тѣней, строгая постепенность въ линіяхъ, живость и естественность колеровъ производятъ такой обманъ въ глазахъ зрителя, что стоя отъ иконы на разстояніи какихъ нибудь трехъ или четырехъ аршинъ, никто, какъ бы онъ ни былъ опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ, съ перваго раза не признаетъ эту икону мозаическою, а сочтетъ за высокую живопись. Только подойдя къ самой иконѣ и внимательно всматриваясь въ нее, вы замѣчаете оптический обманъ, произведенный на васъ твореніемъ даровитаго художника, и, не смотря на это, все-таки вы чувствуете въ своей душѣ какое-то сладкое чувство, которое, вѣроятно, чувствовалъ, только въ большей степени, самъ художникъ, такъ счастливо побѣдившій всѣ трудности исполненія. Икона, о которой мы говоримъ, имѣетъ въ ширину десять вершковъ, въ длину одинъ аршинъ; по краямъ ея серебряный окладъ, работы тоже извѣстнаго Россіи Московскаго художника, Сазикова. Кіотъ, для помѣщенія этого драгоценнаго ⁽¹⁾ во многихъ отношеніяхъ образа, привезенный также изъ Чернигова, имѣетъ въ вышину шесть, въ ширину два аршина; онъ вызолоченъ по полименту червоннымъ золотомъ и, какъ устройствомъ, такъ и великолѣпной отдѣлкой, вполне отвѣчаетъ своему назначенію. Новая святыня Ипатіевскаго монастыря поставлена въ Троицкомъ Соборѣ, предъ иконостасомъ, у южной олтарной двери, при входѣ въ придѣлъ Пре-

(1) Образъ этотъ, во всемъ сходный съ поставленнымъ въ Чернигов. Соборѣ, драгоценнѣе и въ матеріальномъ отношеніи; по отъѣмамъ значковъ, онъ стоитъ болѣе 12,000 р. сереб.

подобнаго Михаила Маленна. Освященіе этого священнаго дара Черниговскаго Дворянства происходило въ Субботу, 28 числа Іюля, въ 12 часовъ по полуночи, послѣ литургіи. Молебствіе съ водосвятиемъ совершалъ Преосвященный Филовей, Епископъ Костромскій и Галичскій, съ старшею братіею монастыря; ⁽¹⁾ послѣ чего Прото-діакономъ сказано было многолѣтіе Государю Императору и всей Августѣйшей Фамиліи. По окончаніи обряда освященія, депутація приглашена была Преосвященнымъ на чай и завтракъ. Съ этого времени начался цѣлый рядъ обѣдовъ и вечеровъ, данныхъ разными лицами и сословіями Костромской губерніи членамъ почетной депутаціи, въ благодарность за ихъ взященный и драгоценный подарокъ. Первый примѣръ Костромскаго хлѣбосолюства, послѣ Преосвященнаго, подавъ Начальникъ губерніи, Генераль-Маіоръ Андрей Ѳеодоровичъ Войцехъ. Въ этотъ день, 28 Іюля, Гг. Предводители и Депутаты Черниговскаго Дворянства радушно угощены были у него роскошнымъ и со вкусомъ приготовленнымъ обѣдомъ. На другой день, въ Воскресенье, 29 Іюля, въ домъ Дворянскаго Собранія депутація была также угощаема нашимъ дворянствомъ обѣдомъ, за которымъ присутствовали многіе военные и статскіе Чинovníки г. Костромы. Здѣсь Гг. Предводителями Дворянства—Костромскаго и Черниговскаго — произнесено было нѣсколько рѣчей; въ которыхъ, съ одной стороны, выраженъ горячій любовный привѣтъ Костромичей южнымъ братьямъ своимъ—Черниговцамъ, съ другой—объяснена цѣль прибытія въ Кострому депутаціи и руководная мысль, приведенная къ такому счастливому выполненію Первая изъ рѣчей сказана была Костромскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, А. А. Мироновымъ, Губернскому же Предводителю Черниговскаго Дворянства, какъ главному представителю и Дворянства и всей депутаціи, который, съ своей стороны, отвѣчалъ на слова А. А. Миронова тоже рѣчью. Послѣ обычныхъ тостовъ за здравіе Государя Императора и въ честь Черниговскаго Дворянства, при третьемъ тостѣ — за здравіе Дворянства Костромской губерніи, Городничскій Уздный Предводитель Дворянства, В. Д. Дунинъ-Борковскій, привѣтствовалъ наше дворянство задушевнымъ словомъ ⁽²⁾ братской, чисто славянской любви. Не отсталъ отъ дворянства и пред-

(1) Причемъ Его Высокопреосвященство, благословляя депутацію Св. Иконою Ѳеодоровской Божіей Матери, изволилъ сказать краснорѣчивое и до слезъ умиляющее слово, которое, къ сожалѣнію, не могло быть сохранено къ печати.

(2) Рѣчи эти при-семъ прилагаются.

ставитель нашего купечества, Градскій Глава и Почетный Гражданинъ А. В. Дурыгинъ. Въ благодарность за историческую память къ нашей смиренной обители, чтимой цвлюю Россію, Дурыгинъ, родъ котораго, замѣтимъ кстати, въ прежнія времена былъ извѣстенъ Москвѣ и С.-Петербургу по замѣчательной фабрикаціи полотень, даль членамъ депутаціи богатый обѣдъ, на который приглашено было многочисленное общество. Обѣдъ этотъ, бывшій 30 Іюля, былъ послѣднимъ официальнымъ обѣдомъ. Вообще замѣтимъ, что въ хлѣбосольствѣ Костромичей, издавна славившихся гостепріимствомъ, царствовала не роскошь, всегда обременительная и часто скучная, но довольство, не принужденная веселость, отсутствіе всякой манерности и полное радушіе хозяевъ. Главные тосты, произнесенные на обѣдахъ, были, во первыхъ, за здравіе Государа Императора Александра II-го, далѣе: за здравіе Губернскаго Предводителя Дворянства Черниговской губерніи и за тѣмъ — Губернскаго Предводителя и Дворянства нашей губерніи. Осмотрѣвши замѣчательныя зданія, находящіяся въ нашемъ городѣ, депутація Черниговскаго Дворянства выѣхала изъ Костромы, 31 Іюля, сохранивъ въ душахъ радушный пріемъ и братское гостепріимство Костромичей, которые и съ своей стороны долго будутъ помнить дни, проведенные такъ счастливо съ Гг. Предводителями и Депутатами Черниговскаго Дворянства.

**ГРЪЧЬ КОСТРОМСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРЕДВОДИТЕЛЯ ДВО-
РЯНСТВА.**

Ваше Превосходительство,

Николай Петровичъ!

Прибытіе Ваше съ почтенными Депутатами Черниговскаго Дворянства въ нашъ городъ, оживляя въ памяти нашей мнувшее, обращаетъ мысли и чувства къ предметамъ священнымъ и глубоко прочувствованнымъ каждымъ изъ Русскихъ: вѣрв Православной и душевной преданности Государю, не раздѣльной съ горячею любовью къ Отечеству.

Мысль увѣковѣчить потомству 25-ти лѣтіе царствованія Великаго Государа начертаніемъ несокрушимыхъ мозаичныхъ изображеній Тезоименитаго Ему Святаго Угодника, мысль постановленія од-

ной изъ иконъ въ своемъ родномъ храмѣ, другой въ той обители, которая уберегла отъ враговъ и смутъ Первоначальника Царствующаго Дома, могла возникнуть только при условіяхъ единодушія и патристическаго настроенія Дворянства древняго Православнаго глубоко преданнаго. Честь и хвала Черниговскому Дворянству, осуществившему свою заветную мысль. Просимъ Ваше Превосходительство передать предводительствуемымъ Вами Дворянамъ искреннее наше почтеніе и особенное сочувствіе къ цѣли Вашего посещенія. Сочувствіе это тѣмъ живѣе и тѣмъ задушевнѣе, что и наши мысли имѣютъ общее съ Вами въ началахъ и совпадаютъ по времени выполненія. Въ то время, какъ возникала и крѣпла Ваша мысль, мы привели къ окончанію задуманное прежде: издвигеніемъ Дворянства сооруженъ и съ Высочайшаго соизволенія открытъ памятникъ Царю Михаилу Ѳедоровичу Романову и отдавшему за спасеніе Его жизнь свою, Ивану Сусанину. Въ то время, какъ мысль Ваша приводилась въ исполненіе въ художественномъ отношеніи — осуществлялся нашъ проэктъ основанія Дворянскаго дѣвичьяго Института, которому по просьбѣ нашей дозволено именоваться «Романовскимъ», во имя державной фамиліи. И у васъ Черниговцевъ, и у насъ Костромичей одинаковы основанія мысли и одинаково единодушіе въ изъявленіи усердія и преданности Престолу. Да и гдѣ же на Святой Руси нѣтъ проявленій этого единодушія, которымъ крѣпнеть Царство и веселится сердце Царевы? Еще такъ недавно это единодушіе громаднаго Царства высказалось такъ торжественно и такъ беззаветно во всеуслышаніе и на удивленіе цѣлаго свѣта, — высказалось не словомъ, а дѣломъ. И если Вы видите здѣсь немногихъ членовъ нашей Дворянской семьи, то потому, что большинство еще не возвратилось изъ похода съ Ополченіемъ.

Отнынѣ между вами и нами, кромѣ общаго и всему Русскому Дворянству единомыслія, установляется еще общеніе духовное! Всякой разъ, когда мы будемъ молиться предъ изображеніемъ принесеннаго Вами Угодника Божія, — первая мысль по мольбѣ будетъ о Васъ, — мысль любовная и задушевная! Вы также вспомните иногда и о насъ съ сочувствіемъ. и общее чувство наше, основанное на преданности къ Престолу и любви къ Отечеству, въ духъ Православной вѣры, есть и пребудетъ съ нами и въ насъ непреложно и неизмѣнно.

Ваше Превосходительство, почитаю себя счастливымъ предложить отъ лица Дворянства Костромскаго задравный тостъ въ честь многоуважаемаго Дворянства Черниговскаго.

ОТВѢТЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРЕДВОДИТЕЛЯ ДВОРЯНСТВА.

Ваше Превосходительство.

Александръ Алексѣевичъ!

Черниговское Дворянство, въ день исполнившагося 25-ти лѣтъ славнаго Царствованія Государя Императора Николая I-го, дало обѣтъ соорудить два образа Святителя Николая Чудотворца, одинъ для Черниговскаго Собора—какъ теплую молитву вѣрноподданныхъ о здравіи Царя, другой для препровожденія, съ Депутатами Дворянства, въ Ипатіевскую Обитель, какъ смиренное приношеніе благословенному мѣсту, даровавшему Россіи Доблестный Царственный Домъ нашъ. Первый изъ этихъ образовъ мы имѣли счастье поставить въ Соборъ нашемъ еще при жизни покойнаго Государя. Нынѣ, когда Провиднію угодно было отозвать въ лучшій міръ того, кто мудростію и могуществомъ своимъ истинно и во всемъ вознеличилъ Россію, мы, избранные Дворянствомъ Депутаты, удостоились, въ присутствіи Вашемъ, принести въ благословенную Ипатіевскую Обитель второй Образъ, и, вмѣстѣ съ Вами, вознесли тамъ теплыя молитвы наши къ Богу о здравіи Государя Императора Александра II-го и всего Августѣйшаго Его Дома.—Позвольте же, Ваше Превосходительство, мнѣ, неожиданному въ эту минуту столь лестнаго для всѣхъ насъ привѣта ⁽¹⁾, выразить какъ Вамъ, такъ и всему предводимому Вами Дворянству чувство глубокой, искреннѣйшей нашей признательности за радушное и истинно-братское гостепріимство Ваше.—Здоровье Вашего Превосходительства и всѣхъ Гг. Дворянъ Костромской губерніи!

ТОСТЪ, ПРОИЗНЕСЕННЫЙ 29-ГО ІЮЛЯ 1858 Г. ГОРОДИЩЦКІМЪ УЪЗДНЫМЪ ПРЕДВОДИТЕЛЕМЪ ДВОРЯНСТВА, ВЪ ЗВАНІИ КАМЕРЬ-ЮНКЕРА, СТАТСКІМЪ СОВѢТНИКОМЪ ВАСИЛЕМЪ ДМИТРІЕВИЧЕМЪ ДУДИНЪ-ВОРКОВСКИМЪ.

Два года тому мы, Черниговскіе Дворяне, установили въ нашемъ родномъ городѣ, въ древнемъ Черниговскомъ Соборѣ, Икону

⁽¹⁾ Отвѣтъ былъ сказанъ, естественно, безъ приготовленія.

Святителя Николая, въ воспоминаніе 25-ти лѣтіа Царствованія въ Бозѣ почившаго Государа Императора Николая I-го. Нынѣ принесли мы такую же Свѣтую Икону, смиренный даръ изшѣ, въ Ипатіевскую Обитель, изъ коей изшелъ на Царство Родоначальникъ Императорскаго Дома нашего, призванный своимъ народомъ и умоленный именитыми Московскими Депутатами.

Въ то время предки наши немогли участвовать въ священномъ подвигѣ Россіянъ: древне-славянскій край нашъ, силою историческихъ событій отдѣленный отъ Руси, жилъ отдѣльною жизнью; но въ то же время разьединенія своего не преставаъ отслуживать вѣковую службу свою Московскому Царству, ограждая юное Государство отъ набговъ Татаръ, — исконныхъ враговъ его. И вотъ черезъ два столѣтія мы, Черниговскіе Дворяне, благодатнымъ внушеніемъ приведены нынѣ въ знаменитую Обитель, и настоящимъ смиреннымъ приношеніемъ Царю Царствующихъ и намъ дано выразить, въ томъ же храмѣ, наше пламенное вѣрноподданническое сочувствіе къ священному подвигу, совершенному Россією, въ 1613 году, въ стѣнахъ Ипатіевской Обители.

Неисповѣдимымъ Промысломъ Божиимъ намъ суждено принести въ древній храмъ смиренный даръ нашъ въ то многозначительное время, когда любезнѣйшее отечество наше, пройдя черезъ тяжкое истытаніе исполнской борьбы съ враждебными силами Запада, въ непоколебленной, полной крѣпости своего могущества, пріяло честный миръ, дарованный кроткою мудростію воцарившагося Государа Императора Александра Николаевича. Благоговѣнно сознавая благость Царственныхъ начинаній возлюбленнаго Монарха, мы со свѣтлою радостію пришли поклониться священному мѣсту, сохранившему на славу отечества и даровавшему намъ Родоначальника Императорскаго Дома нашего.

Да будетъ эта Святая Икона: предъ Богомъ — теплою молитвою нашею о благоденствіи Царя и Царства; предъ Государемъ — священнымъ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ нашихъ; предъ вами, Костромскіе Дворяне, — доброю памятію о насъ, древнихъ славянскихъ братьевъ вашихъ, хотя и отдаленныхъ, но тѣсно соединенныхъ съ вами несокрушимыми узами вѣры и вѣрноподданничества. Мы же свято сохранимъ признательную память о вашемъ истинно братскомъ гостепримствѣ.

За здравіе Костромскаго Дворянства!

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВСТРѢЧА

32-го ЭКИПАЖА

ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА,

ВЪ АРХАНГЕЛЬСВѢ (*).

Къ намъ на Сѣверъ съ Юга грани
Гости славные пришли,
Закаленные во брани,
Ратныхъ дѣлъ богатыри!...

Безъ сомнѣнія, 26-е мая надолго сохранится въ лѣтописяхъ Архангельска. Въ этотъ день мы, жители Сѣвера, осласлѣвлены прибытіемъ доблестныхъ защитниковъ Отечества,—32-го Экипажа Черноморскаго Флота, — явившихся къ намъ съ далекихъ отъ насъ предѣловъ Юга. Долго Архангельскъ горѣлъ нетерпѣніемъ встрѣтить желанныхъ гостей, долго готовился воздать имъ должный привѣтъ радушнымъ приѣмомъ. Такъ, еще до прибытія Черноморцевъ, у насъ съ восторгомъ были приняты всѣ мѣры къ ихъ встрѣчѣ и радушному приѣму.

Въ 10-ть часовъ утра, разнеслась по городу радостная молва о прибытіи Экипажа на судахъ Московскаго купца, Коммерціи Советника В. А. Кокорева, взявшагося доставить его на свой счетъ изъ Вологды въ Архангельскъ. Чье сердце не забилося призывами любви и признательности къ доблестнымъ воинамъ Отчизны, покрывшимъ себя безсмертною славою за незабвенную оборону Севастополя!

(*) Губ. Арханг. Вѣдомости, N 23.

Тотъ же патріотизмъ, тѣ же чувства восторга и признательности, которые встрѣчали Черноморскіе герои на всемъ пространствѣ отъ Крыма до Архангельска, въ той же силѣ отразились они и у насъ на Сѣверѣ. При первой вѣсти о прибытіи Экипажа, толпы народа стеклись къ Буяновской пристани, со всѣхъ сторонъ города. День былъ теплый; на безоблачной лазури сѣвернаго неба сіяло солнце, какъ бы привѣтствуя прибывшихъ героевъ изъ полуденныхъ странъ на дальній Сѣверъ. Народъ, движимый порывами восторга, спѣшилъ, тѣснился, горя нетерпѣніемъ встрѣтить желанныхъ гостей, посмотреть на нихъ, полюбоваться богатырями родной земли Русской. Вся площадь отъ пристани до набережной дороги вскорѣ закипѣла нѣсколькими тысячами зрителей всѣхъ званій и возрастовъ, заперствала, какъ дугъ, усыянный цвѣтами, отъ парадныхъ и гражданскихъ мундировъ и нарядныхъ дамскихъ костюмовъ. По вступленіи на берегъ, Экипажъ былъ построенъ на Буяновскомъ проспектѣ въ ротныя колонны; въ главѣ одной изъ нихъ развивался было голубой экипажный флагъ. Экипажъ былъ встрѣченъ Членами Городской Думы и Ремесленными Старшинами съ ихъ значками, подъ предводительствомъ Градскаго Главы, Коммерціи Советника А. И. десь-Фонтейнеса, вручившаго при семъ хлѣбъ и соль Г. Начальнику Экипажа, Флигель-Адъютанту Его Императорскаго Величества, Капитану 2-го ранга Попову, который и провелъ его по рядамъ Экипажа. По прибытіи Гг. Коменданта города, Генераль-Маіора, Барона В. Н. Соловьева и Исправляющаго должность Начальника Губерніи, Вице-Губернатора Э. В. Лерхе, Экипажъ былъ представленъ Г. Командиромъ Ихъ Превосходительствамъ. Вскорѣ прибылъ Г. Военный Губернаторъ и Главный Командиръ Порта, Адмиралъ С. Н. Хрущовъ и, принявъ отъ Начальника Экипажа строевой рапортъ, изволилъ пройти по рядамъ храбрыхъ воиновъ и поздороваться съ ними. Послѣ ответныхъ привѣтствій моряковъ, Экипажъ, при звукахъ музыки, осененный своимъ боевымъ флагомъ, двинулся церемоніальнымъ маршемъ по Главному проспекту къ Соборной площади. Здѣсь, Его Преосвященство Антоній, Епископъ Архангельскій и Холмогорскій, со всемъ Городскимъ Духовенствомъ, въ полномъ облаченіи, со святыми хоругвями и святою водою вышелъ изъ Кафедральнаго Собора на встрѣчу Христолюбивыхъ воиновъ, — и торжественное шествіе двинулось къ плацъ-парадному мѣсту. Здѣсь, на устроенномъ, возвышенномъ амвонѣ, Его Преосвященство, со всемъ Духовенствомъ, принесъ Господу Богу благодарственное молебствіе. На амвонѣ былъ поставленъ авалой съ

Св. крестомъ и Евангелиемъ; по сторонамъ стояли святѣя хоругви; экипажный флагъ развѣвался въ построенныхъ на плацѣ колоннахъ Экипажа. Отраднo было видѣть мирному жителю Сѣвера доблестныхъ воиновъ Юга, нѣсколько мѣсяцовъ назадъ сражавшихся у твердынь Севастополя, готовыхъ пролить кровь свою, принести свою жизнь на оltарь Отечеству,—видѣть закаленныхъ въ бою героевъ, около года твердо стоявшихъ своей грудью противъ четырехъ армій Державъ Европейскихъ, теперь же, по исполненіи святаго долга, молящихся за свое избавленіе Всевышнему Творцу. Таже пламенная молитва благодарности звучала на устахъ всего народнаго собранія за спасеніе этихъ доблестныхъ воиновъ Христіанства, не давно стяжавшихъ подъ страшнымъ огнемъ и сокрушительными ударами безсмертную славу.—По пропѣтіи: *«Тебе Бога хвалимъ»*, Его Преосвященство обратился къ неустрашимымъ защитникамъ Отечества, съ слѣдующею рѣчью:

«Христіолюбивые защитники Севастополя!»

«Слава и благодареніе Господу, за спасеніе ваше, какъ во время столь продолжительнаго пути съ Юга на Сѣверъ, такъ еще болѣе во время злаго, жестокаго обстоіянія вашего отъ враговъ! Какъ бы ни былъ труденъ сей путь, но онъ несравненно легче того крестнаго пути, которымъ надлежало проходить Вамъ въ истекшее лѣто.»

«Господь и Спаситель нашъ І. Христосъ сказалъ: никто же больше сея любви имать, да кто душу свою положитъ за други своя (Мѣ. 15. 15.). Если на комъ, то особенно на васъ, Христіолюбивые воины, сбылись сіи Божественныя слова нашего Учителя и Господа. Въ теченіе почти цѣлаго года смерть носилась надъ главами вашими и пожинала васъ, какъ классы на нивѣ; всякой день, всякой часъ вы готовы были положить душу свою за други своя: за Вѣру, Престоль и Отечество. Какихъ не пренесли вы трудовъ въ это время, какимъ не подвергались опасностямъ? Какихъ не испытали тревогъ и безпокойствъ, чувствительныхъ потерь и лишеній? И съ какимъ христіанскимъ самоотверженіемъ, съ какою преданностію воли Божіей все это перенесено было вами? Мы знаемъ, чего стоило врагамъ нашимъ ваше продолжительное, постоянное бодрствованіе, ваше истинно геройское мужество, при защитѣ одной изъ лучшихъ твердынь нашего Отечества. Исторія засвидѣтельствуетъ для потомства справедливость словъ сихъ на своихъ скрижаляхъ, а въ настоящее время всего яснѣе говорятъ намъ о вашихъ доблестяхъ самые знаки отличій, кои на украшеніи груди ваша.»

«Да не смущается сердце ваше, при мысли, что, при всѣхъ нашихъ усиляхъ къ отраженію враговъ, вамъ суждено было разстаться съ роднымъ гнздомъ своимъ. Пути Божіи не постижимы;—переселился и Авраамъ изъ земли родной въ землю Ханаанскую, и распространилъ тамъ свѣтъ истиннаго Боговѣднія; — переселился и Иосифъ изъ дома и отечества своего въ страну ему неизвестную — и прославилъ себя и весь родъ свой. Кто знаетъ, можетъ быть, Господь хочетъ, чтобъ и ваше имя — имя героевъ Севастопольскихъ — явлено было, если не всѣмъ, по-крайней-мѣрѣ, многимъ нашимъ соотечественникамъ: *да видятъ они добрыя дѣла ваши и прославятъ Отца нашего, иже есть на небесѣхъ* (Мѡ. 5. 16). Правда, кровь соотчичей нашихъ уже не льется, мы уже не опасаемся вторженія враговъ въ страну нашу, мы уже начинаемъ вкушать плоды мира, купленнаго наиболѣе вашимъ самоотверженіемъ и любовію къ Отечеству. Но мы увѣрены, что и во время мира, какъ во время войны, вы не предадитесь пагубному бездѣйствію и легкомысленной разсвѣянности.»

«Пусть не страшитъ васъ и пустынность страны нашей и суровость ея климата. Если вы, при помощи Божіей, перенесли безъ вреда для себя жаръ и зной Юга, то, безъ сомнѣнія, вы перенесете также и дождь и холодъ Сѣвера. Пустынность страны не препятствуетъ любить и уважать все родное, и вообще все истинно-доброе и прекрасное, все достойное любви и уваженія. Если вы нашли какъ бы родственное сочувствіе въ Первопрестольной Столицѣ вашей, то смѣемъ увѣрить васъ, что вы найдете его и здѣсь. Въ самомъ дѣлѣ, если соотечественники наши увѣряли васъ, что они сочувствовали вамъ въ борьбѣ со врагами Отечества, что всякой успѣхъ вашъ ихъ радовалъ, и, напротивъ, всякая потеря ихъ печалила: то думаете ли вы, что и мы — жители хладнаго Сѣвера, не принимали живѣйшаго участія въ судьбѣ вашей? Нѣтъ, возлюбленные,—мы еще болѣе скорбѣли о всякомъ не вполнѣ удавшемся предпріятіи вашемъ, о всякой чувствительной потерѣ вашей, и, напротивъ, еще болѣе радовались всякому геройскому подвигу вашему, всякой и незначительной поверхности вашей надъ врагами, и это потому болѣе, что мы сами находились въ одержаніи отъ враговъ, сами съ часу на часъ ожидали нападенія ихъ на наши веси и грады. Да; вы были близки нашему сердцу, не смотря на отдаленность вашего мѣстожительства отъ насъ. Вы видите и теперь, съ какими радушіемъ мы срѣтаемъ васъ, съ какою предупредительностію снѣшимъ выразить къ вамъ нашу любовь и расположеніе.»

«Да будет же эта любовь наша не только искреннею, но и взаимною, или лучше — да благословитъ Господь отнынѣ и навсегда всѣ дѣла и начинанія ваши ко благу любезнаго Отечества нашего, да процвѣтаетъ, — да преуспѣваетъ оно отъ силы въ силу, отъ совершенства къ совершенству, во славу имени Божія, подъ сѣнію кроткаго Монарха нашего.»

По окончаніи рѣчи и провозглашеніи многолѣтія Государю Императору, всему Августѣйшему Дому и Христолюбивому воинству. Его Преосвященство, благословивъ Экипажъ Иконою Святыя Живоотворящія и Нераздѣльныя Троицы, вручилъ ее Командиру экипажа, Флигель-Адъютанту Его Императорскаго Величества Попову, и окропилъ ряды экипажа Святою водою. При совершеніи этого священнаго обряда, военно-религіозная картина величественно представлялась глазамъ зрителей. На возвышенномъ амвонѣ, окруженномъ хоругвями, блистали отъ лучей солнца золотыя одежды духовенства; вокругъ стояли подъ ружьемъ стройные ряды Севастопольскихъ героевъ, подъ сѣнію развѣвавшагося флага, — сверкала штыки ихъ, недавно поражавшіе непріятеля: разнообразныя костюмы дамъ и парадныя мундиры чиновъ гражданскихъ и военныхъ группировались между нарядами простолюдиновъ разныхъ Губерній и одеждою иностранцевъ разныхъ націй, столь обыкновенныхъ въ нашемъ Портвомѣ торговомъ городѣ въ лѣтнее время. Все сливалось въ одно общее цѣлое, двигалось, представляя стройную массу народа, торжественно, въ безмолвіи, молящагося небу.

По окончаніи молебствія, всѣмъ нижнимъ чинамъ экипажа былъ данъ Коммиссіонеромъ Акцизо-откупнаго Коммиссіонерства Я. П. Криваксинымъ завтракъ, который радушнымъ хозяиномъ былъ предложенъ и Гг. Штабъ и Оберъ-Офицерамъ экипажа въ домѣ Начальника Губерніи. Экипажъ, сложя ружья въ козлы, быстро помѣстился за покрытыми на зеленомъ лугу столами, на которыхъ были положены мясо, солонина, булки, хлѣбъ, пироги, поставлены водка и пиво. Его Высокопревосходительство Г. Военный Губернаторъ, Адмиралъ С. П. Хрущовъ съ чаркою водки въ рукѣ подоія къ храбрымъ морякамъ, провозгласилъ первый тостъ за здоровье Государя Императора. Громкое троекратное «ура!» Черноморскихъ героевъ, сливаясь со звуками музыки при исполненіи народнаго гимна «Боже, Царя храни!», три раза потрясло окрестность. Второй тостъ былъ предложенъ за здоровье Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала; и имѣлъ послѣдствіемъ такое же сильное сочувствіе въ звукъ ура! За тѣмъ слѣдовали тосты за здоровье Его Высокопрево-

сходительства, — въ священную память доблестно павшихъ героевъ Севастополя, Начальника Экипажа Флигель-Адъютанта Капитана 2-го ранга А. А. Попова, Гг. Штабъ и Оберъ-Офицеровъ экипажа, хозяйина пира и всего экипажа, — снова единодушное, восторженное «ура!» было приветомъ моряковъ каждому предложенному тосту. Тѣ же тосты были предложены въ домъ Начальника Губерніи во время роскошнаго завтрака Гг. Офицеровъ. Во все продолженіе завтрака играла музыка какъ въ домъ Начальника Губерніи, такъ и на плацъ-парадномъ мѣстѣ.

По выходѣ изъ за столовъ, моряки взяли на плечо свои ружья. Толпы любопытныхъ окружили почти каждого изъ нихъ; спрашивали о дняхъ минувшихъ — дняхъ славныхъ — ихъ боевой жизни у твердынь Севастополя, — смотрѣли на ихъ мужественныя, воинственные лица, блиставшія отвагой и самоотверженіемъ, сохранившія у нѣкоторыхъ печать кровопролитныхъ, отчаянныхъ битвъ за Царя и Россію. Дамы также вступали съ ними въ разговоръ о ихъ подвигахъ подъ стѣнами Севастополя; спрашивали объ ужасахъ, происходившихъ тамъ во времена кровопролитныхъ событій; — а дѣти любовались ихъ Георгіевскими крестами и медалями, которыми украшены ихъ груди за подвиги при Синопѣ и незабвенную оборону Севастополя. И закаленный въ бою морякъ, вспоминая о прошломъ, съ восторгомъ и энергіей повѣствовалъ имъ о чудныхъ дѣлахъ, свершившихся въ его жизни предъ лицомъ непріятеля; рассказывалъ о своихъ подвигахъ и храбрости своихъ сотоварищей; говорилъ о превратностяхъ судьбы война подъ адскимъ огнемъ сокрушительной, кровопролитной борьбы; но при мысли, при воспоминаніи объ окровавленныхъ развалинахъ близкаго его сердцу Севастополя, о павшихъ при защитѣ его доблестныхъ Начальникахъ: Корниловъ, Нахимовъ, Истомино и прочихъ, невольно плакалъ, моли Бога о ихъ вѣчномъ блаженствѣ и успокоеніи. Такова привязанность геройскаго сердца Русскаго солдата къ отчизнѣ, которое радуется о ея славѣ и груститъ о невозвратныхъ ея потеряхъ. Кто изъ любопытныхъ не принималъ искреннаго, живаго участія въ повѣствованіи Севастопольскаго героя — моряка, простосердечно передававшего въ рассказъ свою радость и свою грусть, которыя ощущалъ онъ на славномъ для него поприщѣ войны?

По окончаніи завтрака Гг. Штабъ и Оберъ-Офицеровъ экипажа, по данному сигналу, отдѣльныя разговаривавшія толпы моряковъ, сомкнулись въ ротныя колонны, заиграла музыка, — и добле-

стный Черноморскій экипажъ въ три часа по-полудни весело двинулся по главной улицѣ города въ Адмиралтейское Соломбальское селеніе,—къ назначеннымъ для него квартирамъ.

Иванъ Погочовъ.

Храбрымъ Черноморцамъ.

Друзья! защитники и храбрые герои!
 Приветствуемъ мы васъ, въ семьѣ нашей родной.
 За Вру, за Царя, вы не падали крови!
 За честь Отечества, стояли вы горой!
 Не сокрушилъ васъ врагъ, союза трехъ-державный,
 Не устрашились вы ихъ адскаго огня!
 Великъ вашъ духъ! Онъ Русскій! Православный!
 Предъ цвлымъ міромъ онъ въ васъ выказалъ себя!
 Герои дивные! мы вами все гордимся!
 Вы радость, вы любовь, вы все теперъ для насъ!
 Съ народной гордостью, мы къ вамъ толпой стремимся,
 И Русскія сердца все молятся за васъ!

А. В — вѣ.

Архангельскъ 27 Мая.

Со времени вступленія Черноморскаго экипажа по 3-е Іюня въ Архангельскъ воцарилась какъ-бы новая общественная жизнь. Этотъ періодъ времени представляетъ почти непрерывный рядъ обедовъ и бала, данныхъ въ честь защитниковъ Севастополя. Благородное общество, Русское и иностранное купечество и прочее народное сословіе, движимыя чувствами любви и признательности къ доблестнымъ морякамъ, почтили дорогихъ гостей радушнымъ приемомъ, достойнымъ Русскаго гостеприимства, — приняли ихъ въ кругу своемъ, какъ любезныхъ детей своихъ, возвратившихся съ чужбины. Кому неотрадно было видѣть въ средѣ своей героевъ Севастополя, недавно приносившихъ жизнь свою въ жертву Отечеству?

Послѣ описанной нами встрѣчи Черноморскаго экипажа, на другой день его вступленія, 27-го Мая былъ данъ нашимъ Благо-

роднымъ Собраніемъ для Гг. Штабъ и Оберъ-Офицеровъ экипажа обѣдъ, 30-го числа балъ, а 3-го Іюня былъ данъ обѣдъ отъ купечества; 27-го и 29-го Мая и 3-го Іюня жителями г. Архангельска, Соломбальскаго Селенія и купечествомъ даны обѣды нижнимъ чинамъ экипажа.

Для этихъ обѣдовъ и бала, данныхъ въ честь Штабъ и Оберъ-Офицеровъ экипажа, обширная театральная зала Благороднаго Собранія была убрана согласно духу и цѣли праздника. Убранство ея представляло смѣсь величественнаго и блестящаго воинственнаго украшенія. Въ противоположномъ отъ входа концѣ залы былъ поставленъ портретъ Государя Императора, подъ свѣію разноцвѣтныхъ военныхъ флаговъ и штапдартовъ. Надъ верхомъ его было изображеніе чернаго парящаго орла. У подножія портрета былъ представленъ военный триумфъ, составленный изъ мѣдныхъ пушекъ, ружей, сабель и касокъ. По сторонамъ портрета горѣли двѣ пирамиды свѣчъ, поставленныхъ въ ружейныхъ стволахъ. На одной изъ устроенныхъ колоннъ была изображена модель правой стороны медали, которой бѣлое поле украшали два Царственные изъ цвѣтовъ вензеля Императоровъ Николая I-го и Александра II-го. На противоположной колоннѣ была эмблема лѣвой стороны медали, на бѣломъ полѣ которой была надпись: «За Севастополь, съ 13-го Сентября 1854 года по 28-е Августа 1855 года.» Сверху этихъ колоннъ былъ немного опущенъ голубой занавѣсъ. Въ срединѣ залы горѣла огромная люстра, составленная изъ штыковъ, соединенныхъ ружейными шомпулами, освѣщенная множествомъ свѣчъ, во кругъ которой блистали гербы съ киверовъ и касокъ. По обѣимъ сторонамъ залы, вокругъ колоннъ, длинною вереницею блистали отдѣльныя пирамиды огней, горѣвшихъ въ ружейныхъ стволахъ. Стѣны залы были украшены щитами, составленными изъ ружейныхъ курковъ, штыковъ и полусабель и освѣщены золочеными люстрами и канделябрами изъ штыковъ. Тоже блистательное освѣщеніе было въ среднемъ ярусѣ ложъ; а ложи верхняго яруса были убраны разноцвѣтными военными флагами. На другомъ концѣ залы противъ портрета, въ ложѣ Г. Военнаго Губернатора была выставлена модель вооруженнаго трехъ-мачтоваго военнаго корабля подъ парусами, украшеннаго флагами. Надъ нимъ былъ представленъ въ золотомъ полѣ составленный изъ курковъ и тесаковъ Государственный гербъ, подъ свѣію нисходящихъ на него лучей, изображенныхъ посредствомъ ружейныхъ штыковъ. По сторонамъ корабля группировались красно-голубые военные флаги. Блескъ огня и металла

производилъ великолѣпный свѣтъ, еще болѣе придававшій торжества картинѣ зальнаго убранства, изображавшаго славу Русскаго оружiя.

Не беремся описывать той радости и восторга, тѣхъ увеселенiй и удовольствiя, которые ощутило наше радушное общество въ кругу доблестныхъ моряковъ на этихъ обѣдахъ и балѣ, данныхъ въ честь ихъ незабвенныхъ услугъ Отечеству. Скажемъ только, что Архангельскъ съ радушиемъ угощалъ своихъ дорогихъ гостей тѣмъ, что имѣлъ лучшаго и цѣннаго. На обѣдахъ сотни пирующихъ, а на балѣ группы разноцвѣтныхъ дамскихъ изящныхъ костюмовъ и парадныхъ военныхъ и гражданскихъ мундировъ придавали еще болѣшiй блескъ великолѣпной залѣ. Каждый обѣдъ и балъ начинался по прибытiи Его Высокопревосходительства Г. Архангельскаго Военнаго Губернатора Управляющаго и Гражданскою частию Адмирала Хрущова, — обѣды въ 3 часа по-полудни, а балъ въ 8-мь часовъ вечера. Во время обѣдовъ много дамъ было въ ложахъ зрительницами праздника. Когда Его Высокопревосходительствомъ Хрущовымъ провозглашались тосты за здоровье Государа Императора, единодушное восторженное ура! сливаясь съ громомъ музыки при исполненiи народнаго гимна: «Боже, Царя храни!» много разъ потрясало залу. Въ слѣдъ за тѣмъ, Его Высокопревосходительство предлагалъ тосты за здоровье Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала—и снова громкое тоекратное ура! было привѣтомъ предложенному тосту. Потомъ произнесены были тосты за здоровье Его Высокопревосходительства Хрущова, и немного спустя, храбрыхъ защитниковъ Севастополя и всего присутствовавшаго общества. Въ слѣдъ за тѣмъ Гг. офицеры флота предлагали тосты за здоровье присутствовавшихъ дамъ, а дамы изъ ложъ провозглашали таковыя же за здоровье Гг. офицеровъ. При каждомъ предложенномъ тостѣ пѣнилось въ бакалахъ шампанское—и восторженное эхо ура! дружно откликалось со всѣхъ сторонъ залы, какъ выраженiе искренняго общаго сочувствiя. Во все продолженiе обѣдовъ играла музыка. Тѣ же самыя тосты предлагались послѣ бала за ужиномъ, на которомъ участвовали и дамы. Балъ начинался полонезомъ, за которымъ слѣдовали вальсъ, кадрили и прочiе танцы. Юные офицеры, украшенные орденами, принимали участiе въ вихрѣ этихъ удовольствiй—и были предметомъ одушевленiя бала. Группы танцующихъ радужными тѣнями мелькали въ волнахъ разливавшагося свѣта и довершали прелесть прекрасно-убранной залы. Здѣсь все-веселилось отъ души, и дышало простотою и изяществомъ.

Во время обѣдовъ и ужина и по окончаніи ихъ, черноморскіе герои въ краткихъ, но сильныхъ словахъ краснорѣчиво высказывали искреннюю благодарность и душевную признательность Благородному Обществу и Купечеству за ихъ радушный пріемъ. На каждое изъ этихъ привѣтствій, нѣкоторые изъ членовъ нашего благороднаго общества въ произнесенныхъ безъ предварительнаго приготовленія стихотвореніяхъ и рѣчахъ также выражали героямъ Севастополя свою радость и восторгъ видѣть ихъ въ кругу своемъ за ихъ подвиги при незабвенной оборонѣ этого города. Такъ, на обѣдѣ, данномъ Благороднымъ Собраніемъ 27-го Мая, послѣ рѣчи Капитанъ-Лейтенантъ Станюковича, выразившей чувства благодарности моряковъ Благородному Собранію за радушный пріемъ, Старшій Директоръ Конторы Государственнаго Банка Г. Афанасьевъ высказалъ имъ благодарность за безсмертныя заслуги Отечеству въ слѣдующихъ строфахъ:

Ура, молодцы — Черноморцы!
За ваше здоровье мы пьемъ!
Вы были за насъ ратоборцы,
Вы храбро сражались съ врагомъ,

И бурей войны не крушимы,
За Вѣру, Царя, край родной,
За свой Севастополь любимый, —
Стояли гранитной скалой.

Вы много дѣлъ славныхъ свершили!
Громили враговъ съ батарей;
Подъ адскимъ огнемъ — не щадяли
За родину жизни своей.

Да будетъ всѣмъ падшимъ миръ вѣчный!
Мы будемъ молиться за нихъ;
Живымъ-же — привѣтъ нашъ сердечный,
И слава — за подвиги ихъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ, на рѣчи Гг. Капитанъ-Лейтенанта Федоровича и Лейтенанта Корнилова, исполненныя скромнаго призванія ихъ подвиговъ подъ стѣнами Севастополя, выразившія также восторгъ и признательность моряковъ за радушіе благороднаго общества, — Губернскій Архитекторъ Г. Шехларевъ, отвѣчалъ имъ своимъ стихотвореніемъ:

Съ крестомъ въ груди, съ желѣзомъ въ длани,
Вы Русь святую защищали
Вы жизнь свою во брани,
Своихъ собратій искупали;

Вы все, что долгъ ведали вамъ, совершили, —
 Народа честь вы сохранили,
 Достойно васъ благодаримъ,
 Сподвижники Царя,
 И снова повторимъ
 Приветно Русское ура!...

Тотчасъ по окончаніи обѣда И. П. Пороховымъ, отъ лица всего Благороднаго Собранія, была выражена благодарность и признательность храбрымъ Севастопальцамъ въ слѣдующихъ словахъ:

Доблестные герои Севастополя!

Надо-ли говорить вамъ о безсмертныхъ заслугахъ вашихъ любезному Отечеству, о вашей храбрости и неустрашимости при незабвенной оборонѣ твердынь Севастополя, когда въ пылу жаркихъ битвъ, кровавыхъ свѣчъ за отчизну, одна грудь Русская твердо стояла противъ сильнѣйшихъ армій Державъ Европейскихъ и около года доблестно отражала непріятеля отъ стѣвъ священнаго города? Надо-ли говорить вамъ о нашихъ чувствахъ, о нашей вамъ признательности, которыя, въ настоящую торжественную минуту, волнуютъ нашу грудь, наполняютъ наше сердце,—выражать нашу радость и восторгъ, которые уже встрѣчали вы на всемъ пространствѣ отъ береговъ полуденнаго Крыма до полнотныхъ странъ Сѣвера? Нѣтъ! можетъ-ли слабое слово выразить невыразимое восторженное, счастливое состояніе нашей души, нашего сердца? Вы слышали привѣтствія краснорѣчивыхъ, ученыхъ мужей нашего Отечества; — даже женщина, вдохновенная гениемъ поэзіи и пламеннымъ чувствомъ патриотизма и призвательности, пыла вамъ про вашу славу, про ваши доблести. Храбрые герои Севастополя! Та-же святая любовь, та-же искренняя признательность къ вамъ невыразимо наполняютъ насъ,—и одна ваша увѣренность въ томъ да будетъ намъ наградою. Мы—питомцы суроваго Сѣвера,—тѣ-же Русскіе. одарены тѣмъ-же возвышеннымъ патриотизмомъ, тою-же пламенною любовью и привязанностію къ отчизнѣ и доблестнымъ ея защитникамъ. Это выраженіе чувствъ, безъ сомнѣнія, замѣтили вы при своемъ вступленіи въ нашъ городъ, когда огромныя толпы народа наперерывъ стекались отсюда въ срѣтеніе вамъ, горя нетерпѣніемъ встрѣтить васъ. — Память о славныхъ подвигахъ вашихъ не умретъ въ поколѣніяхъ отдаленнѣйшаго потомства! При мысли о минувшихъ дняхъ, вашей боевой жизни, невольно рождается въ насъ грустное воспоминаніе о тѣхъ изъ нашихъ собратій, которые подобно вамъ сражались у твердынь Севастополя, но которыхъ похитила преждевременно неумолимая смерть, увѣнчавъ ихъ подвигъ вѣнцемъ безсмертія; но радуемся, что Провиднѣе сохранило жизнь вашу для будущихъ услугъ Отечеству. Да здравствуютъ наши герои—богатыри земли Русской, да прославится ими наше Отечество и въ дни грядущіе!... Ура!...

Тѣже взаимныя выраженія чувствъ восторга и признательности были во время ужина послѣ бала, даннаго Благороднымъ Собраніемъ 30-го Мая, когда послѣ немногихъ словъ Гг. Капитанъ-Лейтенанта Станюковича, Лейтенанта Чернявскаго и Мичмана Богдановича, изображавшихъ положеніе защитниковъ Севастополя во времена кровопролитныхъ отчаянныхъ штурмовъ и продолжительной упорной осады Севастополя, съ изъясненіемъ чувства благодарности моряка къ Сестрамъ Милосердія, которыя облегчали страданія раненыхъ воиновъ и были какъ-бы Ангелами хранителями ихъ, облегчающими тяжкія ихъ болѣзни, Г. Дуркинъ отвѣчалъ:

«Герои Русскіе! Примите скромный и искренній привѣтъ отъ лицъ, живущихъ на глубокомъ Сѣверѣ, но мысляю часто блуждавшихъ съ вами среди опасностей и радовавшихся вашей геройской храбрости. Пройдутъ вѣка, а Россія, благодарное наше Отечество, вспомнитъ эту чудную годину, вспомнитъ и васъ, истинные герои! Подвиги вашей безпримѣрной храбрости будутъ нравственно-назидательнымъ урокомъ для молодаго поколѣнія: они будутъ питать, воспитывать его сердце, въ которомъ течетъ горячая русская кровь. Вы твердо приняли на себя удары врага и геройски отражали ихъ; вы заставили его каждый шагъ, сдѣланный имъ въ отчизнѣ нашей, обогреть его собственною кровію; въ непродолжительное время, вы мужественно выдержали нѣсколько приступовъ. Вы, храбрые защитники Отечества, показали врагамъ нашимъ, какъ бесполезно для нихъ малѣйшее продолженіе войны, какъ труденъ будетъ каждый шагъ, какъ дорого каждое приобретеніе, сколькихъ жертвъ будетъ стоить какое-нибудь завоеваніе; показали, какъ тягостна война съ народомъ Русскимъ, готовымъ по мановенію Царя раздѣлиться на огромныя полчища. Слава вамъ, Черноморцы! Слава о васъ не умолкнетъ.»

Подъ конецъ обѣда, даннаго 3-го Іюня Архангельскимъ купечествомъ, Г. Станюковичъ изъяснилъ общую отъ всѣхъ моряковъ благодарность купечеству за его радушный пріемъ, съ искреннимъ желаніемъ, чтобъ торговля его во время воцарившагося мира, процвѣла и распространилась. А послѣ нѣсколькихъ краткихъ привѣтствій со стороны моряковъ, съ изъясненіемъ той же благодарности ихъ купечеству за его гостепримство, которое они встрѣтили здѣсь за исполненіе ими святаго долга, по окончаніи обѣда, Г. Поромовъ снова выразилъ защитникамъ Севастополя душевную признательность отъ лица всего купечества, въ слѣдующихъ словахъ:

«Позвольте еще разъ, наши дорогіе гости, выразить вамъ отъ лица всего нашего радушнаго купечества искреннюю благодарность и признательность за ваши заслуги Отечеству.—Провиднiе, пекущееся о благѣ Россіи и ея могуществомъ, положило конецъ пагубной войнѣ. Миръ воцарился;—и вамъ, доблестные герои, суждено было явиться съ Юга къ намъ на Сѣверѣ нестрашными врагамъ война-

ми, а Ангелами мира и народнаго счастья. Довольно познани враги ваши, сколь трудна имъ борьба съ доблестнымъ народомъ, всегда готовымъ до послѣдней капли крови твердо стоять за Вѣру, Царя и Отечество. Народныя доблести отразились въ васъ въ полномъ свѣтѣ. Безпримѣрная въ лѣтописяхъ исторіи оборона роднаго вамъ Севастополя и битвы съ четырьмя сильными арміями и флотами не сокрушили, не утѣшили васъ, — и служатъ доказательствомъ вашихъ чудныхъ дѣлъ, на которыя Европа смотрѣла съ удивленіемъ. А развалины Севастополя, обгащенные кровью враговъ вашихъ, свѣдѣтельствуютъ предъ свѣтомъ о незабвенныхъ подвигахъ вашихъ! Ваши доблести подъ стѣнами Севастополя доказали ему, что грудь народа Русскаго, какъ несокрушимый гранитъ, будетъ всегда неодолимымъ оплотомъ Россіи, — доказали, что Россія всегда будетъ сильна и могущественна, что слава ея вѣкъ не погибнетъ! Такъ, миръ, миръ, павшимъ тамъ героямъ! слава, слава дорогимъ, близкимъ нашему сердцу, здѣсь присутствующимъ героямъ Севастополя!...

Потомъ, Товарищъ Предсѣдателя Архангельскаго Коммерческаго Суда, Г. Михайловъ произнесъ морякамъ слѣдующее стихотвореніе:

Мы видимъ тѣхъ, кѣмъ такъ гордились,
Съ кѣмъ жили мыслию вдали....
Мы видимъ тѣхъ, къ кому стремились
Умы со всѣхъ концовъ земли!...

Вы — наша гордость, диво міра —
Россіи славные сыны,
Отъ Черной рѣчки и Салгира
Пришли на берега Двины!

Вы — наши гости дорогие,
Краса и честь родной земли,
Севастопольцы боевые,
Герои наши къ намъ пришли. ..

Вы — въ нашемъ краѣ, вы — межъ нами!
О, сладка доля намъ дана —
Взирать на тѣхъ, чья жизнь годами
За мѣсяцы оцѣнена! —

Пусть, годы въ мѣсяцы изжиты,
И павшіе герои спятъ,
Но изъ блистательной зашиты
Лучи багрянца горять!

Лучи — на всѣхъ; и не престанутъ
На славныхъ именахъ горѣть.
На васъ, какъ мы, въ восторгъ станутъ
Потомки поздніе смотрѣть.

Послѣ каждаго привѣтствія моряковъ, провозглашались ими тосты за здоровье Благороднаго Собранія и купечества, а послѣ привѣтствій со стороны нашего общества они предлагались за здоровье присутствовавшихъ вѣнновъ Севастополя. И общее каждому тосту продолжительное ура! съ аккомпаниментомъ музыки, придавало каждому роскошному празднеству видъ торжества и общаго удовольствія. Доблестные Севастопольцы многихъ изъ привѣтствовавшихъ ихъ благодарили съ восторгомъ, поднимали на рукахъ и качали, при крикахъ ура! Спустя нѣсколько времени, послѣ окончанія обѣда, даннаго купечествомъ, при общемъ одушевленіи чувствъ, полныхъ восторга и признательности, пѣсельниками одного изъ Архангелогородскихъ Баталіоновъ были спѣты, подъ аккомпаниментъ музыки, военныя и штурмовыя пѣсни. — Но не входя въ описаніе всѣхъ удовольствій, скажемъ только, что эти обѣды и балъ, на которыхъ наше общество имѣло пріятный случай праздновать пріездъ доблестныхъ своихъ гостей, надолго оставить въ немъ много отраднѣхъ воспоминаній.

Первый обѣдъ, данный нижнимъ чинамъ, по причинѣ ненастной погоды, былъ въ каменной казармѣ Соломбальскаго селенія, а проче на тамошнемъ плацъ-парадномъ мѣстѣ, гдѣ, на зеленомъ лугу, были раскинута палатки, сверху покрытыя парусиною, а подъ ними стояли въ линію накрытыя столы, на которыхъ были приготовлены: мясо, солонина, щи, хлѣбъ, пироги, булки, поставлено пиво и водка. Во все продолженіе обѣдовъ играла музыка. Здѣсь были предложены тѣ же тосты, какъ и на завтракъ. Во время обѣда 29-го Мая, Флигель-Адъютантъ Его Императорскаго Величества А. А. Поповъ поздравилъ нѣсколькихъ доблестныхъ моряковъ съ Высочайшею наградою ихъ, за подвиги при оборонѣ Севастополя, и украсилъ ихъ грудь только-что полученными Георгіевскими крестами. Причемъ, поцѣловавъ каждаго изъ нихъ, предложилъ тостъ за здоровье кавалеровъ ордена Св. Георгія. — За обѣдомъ, 3-го Іюня, даннымъ купечествомъ, Градскій Глава, Коммерціи Совѣтникъ десь-Фонтейнестъ, послѣ вышепоименованныхъ тостовъ, предложилъ тостъ за здоровье храбрыхъ воиновъ Севастополя. Тѣ-же громкіе крики ура! привѣтствовали каждый предложенный тостъ. Вслѣдъ за тѣмъ, унтеръ-офицеръ Черноморскаго Экипажа Коноваловъ въ чувствахъ воодушевленія, предлагалъ своимъ сотоварищамъ тосты за здоровье Госдара Императора, Всего Августѣйшаго Дома, Начальника Экипажа, — за здоровье всѣхъ бывшихъ съ нимъ на бастионѣ Севастополя Офицеровъ и сотоварищей, жителей города, Соломбальскаго селенія и купечества, оказавшихъ. Экипажу радушный пріемъ, достойный Русскаго гостепримства.

Иванъ Пороховъ.

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ.

1856.

ТОМЪ II.

№ 7.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. СТЕПАНОВОЙ.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Октября 17 дня,
1856 года.**

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

САМОВАРНИЦЫ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННОГО МОСКОВСКАГО БЫТА).

I.

Около Москвы существуетъ съ незапамятныхъ вѣковъ сосновый лѣсъ, называемый Сокольниками. Неговоря о московскихъ жителяхъ, для которыхъ Сокольники служатъ любимымъ убѣжищемъ въ лѣтніе жары, они извѣстны почти въ цѣлой Россіи, какъ одно изъ замѣчательныхъ загородныхъ мѣстъ Столицы.

Эта общезвѣстность Сокольниковъ и еще то обстоятельство, что они не составляютъ главнаго предмета моего разсказа, позволяютъ мнѣ не вдаваться въ излишнія подробности ихъ исторіи и топографіи. Я скажу только, что съ нѣкоторыхъ поръ столичные жители, выезжающіе лѣтомъ на дачи, живутъ преимущественно въ Сокольникахъ, что по вторникамъ и пятницамъ бывають на Волчьей долинь гулянья иногда съ музыкой оркестра Сакса, иногда съ освѣщеніемъ разноцвѣтными фонарями.

Волчьей долиной называется въ Сокольникахъ широкая дорожка, начинающаяся у такъ называемой Слободки и идущая по направленію къ Алексѣевскому. Со времени устройства бесѣдки и шоссе въ той сторонѣ, гдѣ бываетъ знаменитое гулянье 1-го мая, Волчья долина получила названіе стараго гулянья. О гуляньѣ 1-го мая и о такъ называемомъ

новомъ гуляньѣ я говорить не буду вовсе, не потому, чтобы они небыли любопытны, но потому, что на нѣсколькихъ страницахъ небольшого разсказа всего любопытнаго не пересчитаешь.

Возвращаясь къ Волчьей долинь, скажу, что на одной сторонѣ ея выстроена большая крытая бесѣдка, носящая иногда громкое названіе Воксала. Въ дни гуляній, въ этой бесѣдкѣ играетъ музыка, а иногда бываютъ и танцы. Передъ бесѣдкой довольно просторная площадка, усыпанная пескомъ и обнесенная высокимъ рѣшетчатымъ заборомъ. На этой площадкѣ увидите вы постоянно дѣтей, играющихъ въ разные игры, катающихъ кольца, мячки, бѣгающихъ въ горѣлки, запрягающихся лошадками, смѣющихся или плачущихъ отъ паденія, что случается сплошь да рядомъ, потому что заботливыя ихъ нянюшки, позволивъ дѣтямъ играть, садятся сами поодаль на лавочку и судачать о своихъ господахъ или хозяевахъ.

Сзади бесѣдки и далѣе глубоко въ рощу, и впередъ по той же сторонѣ Волчьей долинь торгуютъ чаемъ. Не вздумайте поймать меня на словъ и вообразить что тутъ выстроены чайныя магазины. Хотя русской языкъ нашъ и считается неспособнымъ на каламбуры, но, какъ видите, и на немъ бываютъ двусмыслія. Могъ бы я сказать, что здѣсь торгуютъ самоварами, но и къ этому выраженію тоже можно придаться, потому что самоваровъ здѣсь не продаютъ, а только подаютъ вамъ ихъ на столъ на то время, пока вы пьете чай. Ну, да, любезный читатель, вы понимаете въ чемъ дѣло. Каждый день, начиная съ первыхъ чиселъ мая и до первыхъ сентября увидите вы въ этой сторонѣ рощи кипящія самовары, маленькіе столики, скамейки, стулья, диванчики и цѣлый рой дѣвушекъ, которыя подбѣгаютъ къ гуляющимъ и предлагаютъ имъ откушать чаю.

— Баринъ, пожалуйста чай кушать.

— У меня самоваръ кипить.

— Вотъ на этомъ столикъ.

— Вы у меня всегда кушаете.

— Купецъ, будете чай пить?

Вотъ возгласы, которыми встрѣчаютъ эти дѣвицы проходящихъ по Волчьей долинь.

Дѣвушки эти носятъ названіе самоварницъ.

Самоварницы не въ однихъ Сокольникахъ, ихъ можно встрѣтить въ Петровскомъ паркѣ, въ Марьиной рощѣ и даже въ Мытищахъ, но здѣсь какъ-то въ особенности и въ большомъ объемѣ развита эта торговля. Побѣжайте или подите пораньше въ Сокольники, и вы увидите, что по шоссе и по полю тянутся въ родѣ обоза торгующіе самоварами.

Впереди идетъ сама самоварница, на ней ноша легкая: въ рукахъ шкатулочка съ чаемъ и сахаромъ и маленькой узелокъ съ салфетками и чашками. За нею идетъ отецъ или мать и несутъ на плечахъ два или три самовара или везутъ ихъ въ тележкахъ. Тутъ же виднѣется жестяное ведро и кулекъ съ углями. Вода достается въ ближайшей лавочкѣ или въ бассейнѣ, а столы и стулья остаются въ рощѣ на цѣлое лѣто и на ночь складываются бережно подъ дерево.

Съ вечеренъ начинается торгъ, а самый развалъ торговли съ семи часовъ.

Между самоварницами есть и мѣщанки, и вольноотпущенныя, и крѣпостныя. Одѣваются они розно, смотря по достатку. Большая часть изъ нихъ въ ситцевыхъ или холстинковыхъ платьяхъ, на шеѣ небольшой платочекъ, голова чаще открыта, а иногда повязана косыночкой; у иныхъ есть небольшой фартучекъ; а аристократки самоварницы надѣваютъ нерѣдко платья кисейныя или шерстяныя, носятъ даже браслеты, кружевные воротнички и шелковые платочки.

Впрочемъ если вамъ придется встрѣтить этихъ самыхъ самоварницъ въ городѣ или на другомъ гуляньѣ, то вы рискуете не узнать ихъ. Они явятся передъ вами въ шляпкѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ, въ накидочкѣ, а иногда въ бурнусѣ и въ платьѣ, вовсе не напоминающемъ вамъ Сокольничью вашу знакомку.

По стеченію обстоятельствъ пришлось мнѣ прослѣдить нѣкоторое время жизнь двухъ самоварницъ и я хочу подѣлиться съ читателями своими наблюденіями и впечатлѣніями.

Наша и Таня торговали въ Сокольникахъ недалеко другъ отъ друга и были большія между собой пріятельницы.

Наша дѣвушка высокаго роста, лице ея необыкновенно было и нѣжно, но румянецъ играть на немъ очень рѣдко; волосы у ней темнорусые, черные глаза ея хотя и бойко, но приветливо глядятъ изъ подъ длинныхъ рѣсницъ; всѣ черты лица очень правильны, только носикъ слегка вздернуть со стороны ноздрей, что означаетъ по мнѣнію знатковъ фізіономій гордость и своеволие, но считается другими за особенную прелесть въ лицѣ женщины. Она болѣе худа, чѣмъ полна, но худоба эта не болѣзненная и нисколько не портитъ ея стройнаго стана.

Таня роста средняго, съ черными волосами, но на лицѣ ея нѣтъ ни смуглости общей всѣмъ брюнеткамъ, ни близны, составляющей красоту немногихъ изъ нихъ. Пухлыя щечки ея постоянно румяны, темнокаріе глаза также быстры какъ ея ножки, которыми она подпрыгиваетъ къ гуляющимъ съ обычными приглашеніями:

— Чтожь вы чай кушать?

— Вы мнѣ общали.

— Какіе вы обманщики!

Одѣвались они обѣ прилично и чисто, но небогато. Въ костюмахъ Нашей было впрочемъ болѣе простоты, а у Тани являлся иногда пестрой платочикъ или яркаго цвѣта платье.

Что касается до нравственной стороны этихъ дѣвушекъ, то между ними былъ такой сильный контрастъ, что дружбу ихъ ничѣмъ нельзя было объяснить кромѣ сродства крайностей. Папа была права тихого и кроткаго, любила отца и мать своихъ, вела себя очень степенно, почти никого не звала пить чай на свои столки; но столки ея всегда были заняты, потому, что миловидное личико заываетъ къ себѣ скорѣе и успѣшнѣе словесныхъ приглашеній. Таня была ха-

рактера веселого, безпечнаго, хохогала и свѣжлась съ утра до ночи; не только не робѣла предъ отцомъ своимъ и матерью, но порою сама на нихъ прикрикивала. Выбѣгала далеко впередъ на дорожку зазывать гостей, а иногда, особенно купцовъ, приводила къ своему столу, почти силою.

Знакомству, а впоследствии дружбѣ Паши съ Таней способствовало много то обстоятельство, что онѣ жили въ одномъ домѣ.

Въ той части Краснаго села, которая выходитъ на Красносельское шоссе, точно такъ какъ и во всемъ соседнемъ околдкѣ все небольшіе деревянные домики. Хозяева ихъ, люди небогатые, отдають двѣ или три комнаты въ наймы, а въ остальныхъ или въ остальной живутъ сами. Домикъ, въ которомъ жили Паша и Таня принадлежалъ одной дѣвицѣ лѣтъ тридцати, дочери мѣкаго чиновника, оставившаго ей только одно это небогатое наследство. Въ домикъ было четыре комнаты внизу и двѣ въ мезонинѣ. Низъ былъ раздѣленъ на двѣ половины или двѣ квартиры, въ которыхъ жили наши самоварницы, а въ мезонинѣ жила сама хозяйка.

Отецъ и мать Паши были небогатые мѣщане, старикъ занимался портнымъ мастерствомъ, а жена помогала ему во время свободное отъ хозяйственныхъ занятій и отъ торговли; она постоянно ходила съ дочерью въ рошу. Старикъ придерживался крѣпко рюмочки, нерѣдко бросалъ работу и прогуливалъ трудовыя Пашины деньги. Мы говоримъ трудовыя, а можетъ быть, кто нибудь скажетъ, что подчивать чаемъ, трудъ небольшой, особенно если за два, за три стакана платять рубль сер. и болѣе. Но вопреки этому замѣчанию мы остаемся при своемъ, и торговлю Паши считаемъ для нея трудомъ не маловажнымъ. Не одинъ разъ въ вечеръ приходилось ей поднимать, носить и ставить на столъ тяжелые самовары, переносить съ мѣста на мѣсто столы и стулья; а наружность Паши, ея нѣжное сложеніе и ея осьмнадцать лѣтъ, казалось, позволяли ей заниматься только чистымъ рукодѣльемъ, а не такою черною работою.

Впрочемъ старикъ Иванъ, такъ звали отца Паши, любилъ дочь свою и даже въ пьяномъ видѣ, никогда не обижалъ ее, хотя женѣ, ея матери доставалось иногда крѣпкое слово, а иногда и мимической выговоръ. Поведеніе отца и обращеніе его съ матерью, сильно огорчали Пашу, она скучала отъ этого цѣлые дни; но если замѣчалась грусть ея Сокольниковыми посѣтителями, то, сосредоточенная въ себя дѣвушка, всегда сейчасъ же улыбалась и увѣряла, что она не груститъ и что грустить ей не о чемъ. Впрочемъ съ этими посѣтителями или гостями на языкѣ самоварницъ, Паша не вступала въ длинные разговоры; подасть бывало самоваръ и чай, и отойдетъ въ сторону. Это не нравилось тѣмъ, которые любятъ побалагурить съ самоварницами; они сердились, общали болѣе не пить у Паши чаю; но, увидавъ ее, забывали свою досаду и садились опять за ея столикъ, можетъ быть, въ надеждѣ, что она когда нибудь смилостивится и будетъ съ ними по любезнѣ.

Въ другой половинѣ квартиры, состоящей тоже изъ двухъ комнатъ и кухни, жила Таня съ отцемъ, матерью и десятилѣтней сестрой. Отецъ Тани былъ сначала крѣпостнымъ человекомъ одного изъ вельможъ нашихъ, а потомъ откупился на волю. Еще господиномъ своимъ былъ онъ отданъ въ ученіе къ часовому мастеру, по выучкѣ женился на одной изъ барыниныхъ горничныхъ, принесшей ему по какому-то случаю въ приданое столько денегъ, что онъ могъ откупиться и открыть свое собственное маленькое мастерство. Молодость и неопытность, можетъ быть недостаточность капитала, а пожалуй еще и разсыянность, необходимая спутница медовыхъ мѣсяцевъ, сдѣлала то, что Федоръ Петровъ принужденъ былъ закрыть свое заведеніе и переехать на квартиру. Здѣсь занимался онъ починкою часовъ у сосѣдей, отыскиваніемъ для кого нибудь часовъ, продажею ихъ, мѣною и тому подобными мелочами. Такъ прожилъ онъ почти двадцать лѣтъ, и вотъ наконецъ встречаемъ мы его въ домѣ Авдотьи Дмитріевны Алексеевой у такъ называемаго Тычка (уголъ Краснаго села, выходящій на шоссе). Уже выше

назвали мы этотъ домъ домикомъ, а теперь прибавимъ, что онъ былъ весьма старенькой, въ три окошка на улицу. Заборы у него были очень вѣтки: одна сторона была не въ полномъ составѣ, двѣ или три доски вырваны вѣроятно въ дни большихъ морозовъ на улицѣ и пустоты въ кармавахъ козлыки и преданы всесожженію; а другая сторона при сильномъ вѣтрѣ со скрипомъ колыхалась и тяжелою своей лежала на росшеи подлѣ рабинь. Крыша мѣстами поросла мхомъ, а мезонинъ какъ будто отъ холода съежился къ одной сторонѣ и фасаду домика давалъ видъ подгулявшаго мужичка, заломившаго на ухо шапку. Жена Осдора, когда-то стройная, блонинка Груша, ходившая въ корсетахъ и модныхъ барынинныхъ обноскахъ, была теперь просто Петровна, уже давно не вспоминавшая объ утраченномъ величій и небрезгавшая въ праздникъ или при удачной выручкѣ мужа или дочери, хлѣбнуть рюмочку, другую простячка.

Съ малолѣтства отецъ и мать баловали страшно свою Таню, и рожденіе второй дочери Дуни, не заставило ихъ перевести на младшую своей привязанности, какъ это большею частію случается. Излишнее баловство имѣло слѣдствіемъ, что Таня уже ни въ чемъ не позволяла себѣ противорѣчить, и дѣлала все, что ей угодно, а молодой дѣвушкѣ бываетъ часто угодно многое, отчего гораздо полезнѣе было бы воздерживаться.

Въ квартирахъ по одной комнатѣ было отдано дѣвушкамъ, а родители ихъ занимали другую комнату и кухню. Уважал старшинство, мы заглянемъ сначала въ комнатки старичковъ, а потомъ пройдемъ въ убѣжище дѣвицъ. Въ комнатѣ Ивана, отца Паши, стояла широкая кровать, два стула, дубовый простой столъ для обѣда и такъ называемый катокъ, на которомъ онъ работалъ. Шилъ онъ конечно не модные сертуки и фраки, а поддевки и полушубки, а иногда чинилъ и перешивалъ старье на новый ладъ. У Таниныхъ родителей была таже самая мебель съ тою разницею, что вмѣсто котка стоялъ у окошка маленькой столикъ съ инструментами для починки часовъ, надъ кроватью висѣли

на бисерномъ голубомъ шнурочкѣ толстыя часы въ образъ луковицы, а на другой стѣнкѣ трое часовъ стѣнныхъ, съ бѣлыми деревянными циферблатами и чугунными гирлями на веревкахъ. Двое крайніе шумно и не ладно качали свои длинные маятники, а висѣвшія посрединѣ предавались покою. Было ли это спокойствіе временное или вѣчное, надо было спросить у Федора Петровича, въ руки котораго переходили они отъ сосѣдняго калашника уже одиннадцатый разъ!

Перейдемъ теперь въ комнатки двѣушекъ.

Комната Паши была не велика, но все въ ней было такъ чисто и опрятно, все разставлено въ такомъ миломъ порядкѣ, что къ обитательницѣ этого уголка можно было почувствовать невольное уваженіе. Кроватка съ двумя подушками въ бѣлинькихъ наволочкахъ покрыта чистымъ одѣяломъ, на маленькомъ столикѣ, подъ зеркальцомъ въ рамѣ изъ краснаго дерева, синяя салфеточка, у образа лампадка, полная масла, полы вымыты и выметены. На окошкахъ четыре горшка резеды и плющъ, вьющійся по черненькой рѣшеткѣ. На другомъ столикѣ, на подносѣ графинъ, стаканы, чашки, конечно не дюжинами, а три стаканчика и столько же чашекъ. На стѣнахъ двѣ три картинки, недорогія, но и небезобразныя. За отсутствіемъ шкапа, платья и салопа висятъ тоже настѣнъ, но обернуты пестрымъ одѣяломъ. Бѣлье лежитъ въ небольшомъ комодѣ, придвинутомъ къ кровати и на немъ два картончика, вѣроятно съ новой и старой шляпками. Паша вставала не рано, потому что иногда поздно возвращалась съ торговли изъ рожи. Помолясь Богу, она сейчасъ же занималась приведеніемъ въ порядокъ своей комнаты, потомъ садилась къ зеркальцу расчесывать свои темно-русые волосы. Волосы красавицы не были такъ густы, какъ бы этого ей хотѣлось, и обстоятельство это заставляло ее каждое утро лишній разъ вздохнуть съ сожалѣніемъ. Вздохи эти повторялись ежедневно, потому что никто не присутствовалъ въ комнатѣ Паши въ то время, когда распущенныя пряди волосъ ея то закрывали все ея личико, то въ беспо-

рядкъ падали на ея бѣлинькую шейку, и немогъ увѣрить ее, что коса ея прекрасна. Разчесавъ голову, переходила она къ отцу и къ матери и пила съ ними чай. До обѣда было у ней свободное время и она или брала въ руки книжку, выпрошенную у какой нибудь подруги, и читала ее не для одного процесса чтенія, а съ пониманіемъ содержанія, или заговаривала съ Таней пѣсенку. Таня забѣгала къ ней ежеминутно, и оставалась у ней недолго только тогда, когда заставала ее за книжкой. Послѣ обѣда начинались приготовленія къ отправленію въ рошу, а если оставалось еще до вечера много времени, или дурная погода заставляла просидѣть весь вечеръ дома, то дѣвушки отправлялись съ визитомъ къ хозяйкѣ или послѣдняя сама входила къ нимъ. Пили вмѣстѣ чай, болтали, пѣли и тому подобное.

У Тани въ комнатѣ царствовалъ постоянный беспорядокъ, въ которомъ подруга упрекала ее ежедневно. Платье, скинутое на канунъ валялось на столѣ, постель почти никогда не послана, стулья не обметены, лубочныя картинки изъ современной войны прибиты къ стѣнѣ гвоздиками, картонъ со шляпкой измятъ и съ проломленной крышкой, зонтикъ гдѣ нибудь наполу, и все это, по словамъ Тани, потому въ такомъ видѣ, что ей нѣкогда этимъ заняться. Къ обѣду впрочемъ и комната Тани принимала приличный видъ, потому что въ нее входила Петровна, и ласково пожуривъ свою баловницу, убирала ея комнату. Чесаніе головы было любимымъ занятіемъ Тани, она жертвовала ему не мало времени; по нѣскольку разъ въ день мѣняла свою прическу, и испомаживала нерѣдко по цѣлой банкѣ помады въ одно утро. Излишне румяный цвѣтъ лица ея не совсѣмъ ей нравился, и она часто измѣняла его въ болѣе интересную бѣлизну при помощи пузырька съ бѣлою жидкостію; но дѣлала это очень скрытно и не признавалась въ своей хитрости даже Пашѣ.

Въ Сокольники обѣ дѣвушки отправлялись почти всегда въ одно время и вмѣстѣ.

Онѣ были очень дружны, какъ мы уже сказали выше. Паша любила Таню за ея веселой характеръ. Причиняли ли

ей душевное разстройство домашня́я тревоги, или такъ безотчетно залегала грусть на молодой душѣ ея, Таня умѣла всегда развлечь ее какими нибудь смѣшными разсказами о Сокольникахъ или о сосѣдяхъ или запѣвала ей любимую ея пѣсенку. Въ характерѣ Паши было что-то меланхолическое, мечтательное и еще многое, пожалуй, вовсе не свойственное ея званію и необъяснимое ея воспитаніемъ. Она была нервна, раздражительна и пуглива на подобіе нашихъ барышень, какъ они же боялась простуды, какъ они же не могла носить толстой обуви, но дѣлала это вовсе не изъ привередничества, а напротивъ, сама удивлялась своей натурѣ и душевно объ этомъ сожалѣла. Особенно привязалась она къ Танѣ съ тѣхъ поръ, какъ послѣдняя доказала ей свою дружбу тѣмъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль ея болѣзни, не отходила отъ ея постели и ухаживала за ней какъ за родной сестрой.

Таня съ своей стороны тоже любила Пашу, можетъ быть не такъ глубоко, но сообразно своему легкому, безпечному характеру. Дома ей было весело поболтать съ Пашей, а въ роцъ дружба съ Сокольничьею красавицею льстила ея самолюбію. Къ тому же дружба эта приносила ей и пользу. Она всегда прежде подруги своей пачкала свои платья или рвала фартучки, и часто пользовалась Пашиными нарядами, которые были чисты и опрятны, и дѣлались съ большимъ вкусомъ. Конечно тутъ небыло ничего дорогаго и шитье шелковаго платья считалось эпохою въ жизни самоварницъ, но было много кокетливыхъ мелочей, дозволяемыхъ дѣвушкамъ ихъ выгодною торговлею. Въ иной вечеръ приносили они домой, цѣлковыхъ по три, а въ праздникъ дѣло доходило и до пяти. Бывали, разумѣется, дни несчастные, когда вечерняя добыча отъ самоваровъ не превышала трехъ четвертаковъ или даже полтинника, но такіе дни были очень рѣдко. Замѣчательно, что малая выручка никогда не печалила Пашу, совершенно равнодушную къ деньгамъ; за то Таня ужасно огорчалась неудачной торговлею. Въ этихъ случаяхъ она вопреки своей обычной веселости ходила какъ опу-

ценная въ воду и нерѣдко ссорилась съ своей подругой, упрекавшей ее въ излишней привязанности къ деньгамъ, называемымъ ею идоломъ.

Такъ какъ хозяйка дома займетъ нѣкоторое мѣсто въ жизни самоварницъ, а слѣдовательно и на страницахъ моего разсказа, то я познакомлю, пока есть время, и съ ней моего читателя.

Авдотья Дмитріевна Алексѣева лишилась своихъ родителей въ то время, когда она была уже способна сама распорядиться своею жизнью и судьбою. Въ эту эпоху ей было двадцать три года отъ роду. Воспитаніе ея было почему то весьма небрежно. Какъ часто случается намъ встрѣчать въ чиновническомъ кругу весьма благовоспитанныхъ дѣвушекъ, а Авдотья Дмитріевна умѣла только читать и писать и то не слишкомъ бойко; о наукахъ же и искусствахъ она не имѣла никакого понятія, а знала кой какія вещи по одному названію, слышанному ею отъ родныхъ или знакомыхъ, и презабавно для посторонняго путала многое въ разговорѣ, потому что все старалась казаться образованною и выражаться языкомъ изысканнымъ. Своею роднею, хотя впрочемъ никто не видывалъ ее и издали, любила она особенно похвастаться. Разсказами о ней прожужжала она всѣ уши своимъ жилищамъ, которыхъ никакъ не соглашалась считать себѣ равными, и всегда давала понять, что она обходится съ ними по дружески изъ снисхожденія.

«Я дворянка», это было любимое ея слово, и она находила случай повторить его нѣсколько разъ въ день.

А между тѣмъ ничто не ставило ея выше жилищъ ея. Одѣвалась она конечно нѣсколько по чище и побогаче ихъ. У ней былъ на примѣръ полинялый бархатный бурнусъ, сшитый ей еще при жизни отца, нѣсколько шелковыхъ платьевъ, остатки прежней роскоши, лисій салопъ и горностаевая муфта, составлявшая главный предметъ ея гордости передъ обитательницами нижняго этажа. Средства къ жизни ея ограничивались впрочемъ доходомъ съ дома и еще подарками, получаемыми отъ постоянно посѣщавшаго ее Алексѣя Шики-

тича. Какія были у ней отношенія съ этимъ господиномъ мнѣ хорошо не извѣстно. Я знаю только, что не будучи ея родственникомъ, онъ посѣщалъ ее каждый день, и просиживалъ у ней долго и поздно, обращался съ ней на короткую ногу, и помогалъ ей въ нуждѣ деньгами. Ходилъ онъ по нѣмецки, а родомъ былъ кажется изъ мѣщанъ; но я считаю личнымъ распространяться о совершенно безцвѣтномъ, хотя и молодомъ и миловидномъ Алексѣѣ Никитичѣ. Скажу лучше два слова о наружности г-жи Алексѣевой.

Когда я съ нею познакомился, ей минуло уже тридцать лѣтъ, но въ молодости она была вѣроятно очень хороша собою. Черные глаза и теперь еще красятъ худощавое лице ея, безбожно притираемое бѣлымъ и краснымъ притираниемъ, покупаемымъ за самую дешевую цѣну. Она небольшого роста, худа, держитъ себя всегда прямо, говоритъ на распѣвъ, безпрестанно вздыхаетъ, закатываетъ глаза къ небу и особенно любитъ разговоръ о любви, о мечтахъ и страданіяхъ и о сосѣдяхъ.

Прислуги она не держитъ и живетъ съ старухой теткой, исправляющей должность кухарки и домоправительницы.

II.

Случалось ли когда нибудь хорошенькой дѣвушкѣ или женщинѣ пройти незамѣченной хотя одну улицу? Конечно нѣтъ. По несчастію или по счастью, большая половина прекраснаго пола имѣетъ кой-какія изъянцы въ своей наружности, красавицы рѣдки. Мудрено ли, что эти рѣдкости обращаютъ на себя всеобщее вниманіе? Женщины смотрятъ на нихъ съ досадою и завистью; мужчины съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, иногда съ надеждою, рѣдко съ вѣрою, но почти всегда съ любовью.

Паша и Таил, а въ особенности первал, слыли красавицами межъ самоварницъ.

Молодежь увивалась вокругъ нихъ, какъ вьется пчела около сладенькаго цвѣточка, и подобно послѣдней жужжала

имъ въ уши любезности, просьбы, обещанія, а порою и клятвы. Холостые, а нерѣдко и женатые, гуляя по Волчьей долинь, ставили себѣ непременно и пріятною обязанностію подойти къ ихъ столикамъ, напиться у нихъ чаю, поболтать съ ними, поклониться имъ или хотя молча, пройти не въ далекъ. Многіе, отправляясь въ Сокольники, имѣли только одну цѣль поглядѣть на Пашеньку.

Подруги, различныя по характеру, принимали, конечно, различно любезности своихъ поклонниковъ. Таня слушала ихъ со смѣхомъ и бойко отвѣчала на нихъ. Паша не только никогда не отвѣчала на нихъ любезно, но обижалась ими. и всегда учтиво просила не говорить ей того, чего ей неслѣдуетъ слушать. Случалось ли, что кто нибудь изъ воздыхателей становился до нельзя смѣшонъ въ своихъ объясненіяхъ, Паша закрывала лице фартучкомъ и отворачивалась, не желая, чтобы увидали ея невольную усмѣшку. Если же гости, садившіеся за ея столикъ были подъ хмѣлькомъ, и позволяли себѣ какія нибудь вольности, то она сейчасъ же сдавала ихъ на руки матери, а сама уже не подходила къ нимъ.

Таня напротивъ любила подгулявшую компанію, поминрала сама съ нею сосмѣху, и не очень сердилась, когда кто нибудь позволялъ себѣ пожать ея пухлую ручку, или даже поцѣловать ее въ щеку. Разумѣется, послѣднее допускалось только поздно вечеромъ, когда немогли видѣть этого прочія самоварницы, всегда готовыя подсмѣяться надъ своею подругою, не смотря на то, что за ними самими водились часто грѣшки и по серьезнѣе. Стоило одной что нибудь замѣтить, какъ уже въ тотъ же вечеръ, или много на другой день объ этомъ знала вся роща.

Фитави-фатадъ,-фатала? спрашивала Лиза у Каги (*).

Фита нѣфитъ, отвѣчала послѣдняя.

Фитата-фгани фтацѣ-фталу-фтас-фтатая фнгасъ го-фгастя-фтами.

(*) — Видѣла?

— Нѣтъ.

— Таня цѣлуется съ гостями.

Фитапра-фтаво? (*)

Фита ей фта-Бо-фтагу.

Или:

Кинаду-кинашат-кинака, кина-вонь кинатоть кинаку-кинапецъ кинавче-кинара кинась та-кинаней кинаць-кинало-кинава-кинался (**).

Это обычный разговоръ между самоварницами. Нежелая, чтобы гости понимали, что говорятъ они, дѣвушки вставляютъ между каждымъ слогомъ слова или фита, или кина, зи и т. п. Иногда говорятъ они вовсе не секреты, но говорить такъ вошло у нихъ въ привычку, и рѣдко услышите вы, чтобы между собой говорили они иначе. Выдумка конечно не замысловата, но они говорятъ такъ скоро, что новичку въ этомъ разговорѣ понять ихъ нѣтъ никакой возможности.

Живя постоянно въ Москвѣ лѣтомъ, люблю я вечерами подобно всѣмъ москвичамъ, вырываться изъ душной городской атмосферы и подышать свѣжимъ воздухомъ. Изъ всѣхъ загородныхъ мѣстъ я предпочитаю особенно Сокольники и бываю тамъ очень часто, одинъ или съ товарищами.

Въ прошедшемъ году я бывалъ тамъ почти каждый день.

Пріѣдешь, бывало, часовъ въ семь вечера, и прямо на Волчью долину.

У самого вала, гдѣ останавливаются экипажи и гдѣ устроенъ черезъ ровъ широкой мостикъ, непременно задержитъ васъ человекъ въ засаженномъ сертукѣ съ подозрительною физиономіей и со щеткой или вѣнничкомъ въ рукѣ. Просите вы его или непросите, а уже онъ обмахнетъ васъ своими чистилками, и, скинувъ шапку, протянетъ руку за пятчкомъ или гривенничкомъ. Напрасно будете вы говорить ему, что вы пріѣхали въ крытомъ экипажѣ или что на ули-

(*) — Право?

— Ей Богу.

(**) — Душатка, вонь тотъ купецъ вчера съ Таней цѣловался.

цѣ послѣ дождя нѣтъ вовсе пыли. Ваши слова будутъ гла-
сомъ вопіющаго въ пустынь. Подозрительная фізіономія
сдѣлаетъ свое дѣло и волей, или неволей, а вы дадите ей
за труды.

Перейдя мостикъ, вы уже въ Сокольникахъ, но еще нѣ-
сколько десятковъ шаговъ отдѣляютъ васъ отъ бесѣдки и вы
имѣете время, если вы женщина, бросить бѣглый взглядъ
на туалетъ вашъ, или попросить сдѣлать это за васъ ваше-
го кавалера. Если бы вы и забыли необходимость этого
осмотра, то васъ соблазнить примѣръ другихъ гуляющихъ.
Поравнявшись съ бесѣдкою, вы уже отдаете себя на судъ
публики, а до тѣхъ поръ можете еще поступать по домаш-
нему.

Противъ бесѣдки устроены въ два и въ три ряда зеле-
ные диванчики и скамеечки. Въ дни гуляній они постоянно
заняты. Чтобы добыть себѣ на нихъ мѣстечко, надо имѣть
особенную ловкость и проворство на ту минуту, когда кто
нибудь изъ сидѣвшихъ встанетъ, чтобы прогуляться. Но и
при всемъ проворствѣ вы рискуете сдѣлать карамболь съ
къмъ нибудь, стремящимся къ той же цѣли только по дру-
гому направленію.

Пройдя раза два взадъ и впередъ дорожку, я обыкно-
венно сварачивалъ къ самоварницамъ и садился за чайный
столикъ. Цѣлое лѣто имѣлъ я для того, чтобы ознакомиться
почти со всеми по крайней мѣрѣ хорошенькими чайницами.
Попривыкли ко мнѣ и онѣ сами, и, бывало затормозать,
требуя каждая, чтобы я напился чаю у нея, а не у другой.
Понятное дѣло, я не на столько самолюбивъ, чтобы прини-
мать эту готовность угощать меня за чистую монету. Я
очень хорошо зналъ, что монета играетъ тутъ роль, но не
въ переносномъ, а въ ходячемъ значеніи этого слова.

Пивалъ я чай и у Паши, и у Тани, и у Лизы, и у
Дунни, и еще у многихъ другихъ. Пивалъ его и недалеко
отъ дорожки, и гораздо глубже въ рощѣ, куда по снхсхож-
денію относился мнѣ столикъ и стулья.

Едва успеете вы присесть къ столу, какъ откуда ни возьмется, словно выростетъ изъ земли булочникъ съ сухарями и булками, и хорошо еще, если онъ явится въ одномъ или двухъ экземплярахъ. Чаше васъ осадятъ человекъ пять, и каждый будетъ требовать, чтобы вы у него взяли чтонибудь къ чаю. Вы выберете изъ этихъ разнощиковъ того, чья физиономія вамъ болѣе всѣхъ понравится, и купите у него крендельковъ или сухариковъ; но, повѣрьте горькому опыту, ошибетесь въ расчетъ: крендельки и сухарики окажутся черствыми и не вкусными.

За булочниками начнутъ подходить къ вамъ продавцы папиросъ, фруктовъ и конфектъ.

Последніе особенно надоедаютъ вамъ, если вы будете съ дамами. Потомъ близко отъ васъ завертится шарманка и пискливый или осиплый голосъ запоетъ «ты постой, постой красавица моя». И наконецъ подойдетъ къ вамъ знаменитый въ Сокольникахъ Осипъ съ бубномъ, и учтиво поклонившись, спроситъ:

«Неприкажете ли плясовую?»

Отъ послѣдняго я рѣдко отказывался. Хотя хоръ Осипа состоитъ всего изъ восьми или десяти человекъ пѣсенниковъ и пѣсенницъ не то, чтобы заправскихъ, но поетъ онъ всегда русскія народныя пѣсни, а кому изъ насъ могутъ надоесть онъ? Но главная краса хора самъ Осипъ, малый лѣтъ тридцати, съ порядочною русой бородкой и необыкновенно живой физиономіей. За плясовой пѣсней съ своимъ бубномъ въ рукѣ онъ просто неподражаемъ, какъ говорится, разшевелитъ мертваго. Онъ воодушевляется, что называется, отъ головы до пятокъ, бубень его съ необыкновенною ловкостью попадаетъ и на носокъ и на каблукъ сапога его, на каждый его суставчикъ, и очень нерѣдко на голову близъ стоящаго мужичка, зазѣвавшася передъ пѣсенниками. Я очень люблю Осипа за его разудалость и всегда охотно плачу ему по двугривенному за пѣсню.

Чаше чѣмъ у другихъ самоварницъ пивалъ я чай у Паши и долго засиживался за ея столикомъ, сколько люблю-

яся самой красавицей, столько и наблюдая за ея поклонниками. Что послѣднихъ было много, говорить конечно лишнее. Тутъ были и московскіе львы, воображающіе, что имъ стоитъ только удостоить простую дѣвушку своимъ взглядомъ, чтобы увидать се у ногъ своихъ, и старички, еще неутратившіе способности таять отъ хорошенькаго личика, какъ таетъ снѣгъ отъ вѣшняго солнца, и юные студенты, готовые принять за идеалъ красоты первые попавшіеся имъ черные глазки, и военные, и статскіе, и въ особенности молодые купчики съ подстриженной бородкой или вовсе безъ бороды, блудные сынки, протирающіе глаза отцовскимъ денежкамъ.

Между послѣдними пристальнѣе и упорнѣе всѣхъ ухаживалъ за Пашей Алексѣй Авдѣвичъ Скребокъ. Онъ былъ сынъ очень богатаго купца, молодецъ, черноволосъ, виденъ собой, одѣвался по журналу, ѣздилъ на Орловскихъ рысаклахъ, и, несмотря на двадцать пять лѣтъ отъ роду, уже третій годъ женатъ. Въ Пашиньку онъ былъ влюбленъ безъ памяти. Можетъ быть, кто нибудь изъ читателей найдетъ эту любовь нѣсколько возмутительною и противною супружескимъ обязанностямъ. Я первый и вполне съ этимъ согласенъ; но чего на свѣтъ не бываетъ? При томъ же Алексѣй Авдѣичъ оправдывалъ себя тѣмъ, что жена его постоянно больна; а на руси ведется пословица, что мужъ любитъ жену здоровою. Кроме того, говорилъ онъ:

Меня женилъ батюшка на капиталѣ, а невѣсты я и не разглядывалъ. Ну, капиталъ въ оборотъ пошелъ, а невѣста не удалась.

Большаго образованія Алексѣй Авдѣичъ не получилъ, зналъ только счетную часть, умѣлъ съ покупателемъ сдѣлать дѣльце, но послѣднимъ занимался рѣдко. Попавши съ молодыхъ лѣтъ въ компанію тѣхъ купеческихъ дѣтей, которые, чуждаясь отцовскаго сословія, лезутъ въ бары, франтятъ, соряютъ деньгами, не пьютъ ничего кромѣ шампанскаго, известнаго у нихъ подъ именемъ ледера или клеко (редеръ, клико), ѣздятъ въ театръ, въ клубы, въ маскарады,

онъ и самъ свернулъ на эту фальшивую и грязную дорожку, которая до добра никому не доводитъ. Онъ отбился отъ дома, позадолжалъ, но у отца его было денегъ много и разоренія онъ не боялся.

Въ одну изъ загородныхъ поѣздокъ съ полупьяными товарищами попалъ онъ въ Сокольники, увидѣлъ Пашу и влюбился въ нее по уши. Съ этой встрѣчи, онъ являлся въ Сокольники почти каждый день; садился, разумеется, пить чай къ предмету своей страсти, и расточалъ передъ нимъ свои любезности и деньги. Первыя принимались очень холодно, а вторыя не принимались вовсе. Алексѣй Авдѣичъ рвался при видѣ своихъ неудачныхъ приступовъ и употреблялъ все средства, чтобы найти доступъ къ сердцу Пашиньки.

Узнавъ о ея дружбѣ къ Танѣ, онъ сейчасъ же познакомился съ послѣдней, подарочками и ласками скоро склонилъ ее на свою сторону; но ничего отъ этого не выигралъ, кромѣ ложныхъ обѣщаній увертливой самоварницы. Таня не разъ заговаривала дома съ Пашей объ Алексѣе Авдѣичѣ, хвалила его, увѣряла ее, что онъ ее страстно любитъ, можетъ озолотить и пр. Но въ отвѣтъ на все это слышала всегда одно:

— Что мнѣ въ немъ! вѣдь онъ на мнѣ не женится, а въ деньгахъ его я не нуждаюсь.

Не желая огорчить Скребкова, весьма выгоднаго своего гостя, Таня говорила ему, чтобы онъ не терялъ надежды, что Пашинька, дайте срокъ, образумится, и что, можно почти навѣрно сказать, полюбитъ такого хорошенькаго и богатенькаго молодчика.

Объясненія въ Сокольникахъ за чаемъ были и не удобны и кратковременны. Алексѣю Авдѣичу хотѣлось имѣть случай побольше поговорить съ Пашенькой, побольше и подольше на нее наглядѣться, и вотъ съ этою то цѣлю по наущенію Тани, познакомился онъ съ Авдотьей Дмитріевной Алексѣевой, хозяйкой Пашиной квартиры.

Знакомство было не затруднительно, Алексеева бывала часто въ Сокольникахъ и пила чай у жилищъ своихъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Тана подвела къ ней Скребкова и сказала послѣдному:

— А вотъ это, Алексѣй Авдѣичъ, наша хозяйка, Авдотья Дмитріевна.

— Позвольте, сударыня-съ, вамъ отрекомендоваться, поспѣшилъ сказать купчикъ, кланяясь и снимая шляпу; Алексѣй Авдѣевъ Скребковъ.

Очень пріятно-съ, благодаримъ за честь.

Авдотья Дмитріевна очень жаловала красивыхъ молодыхъ людей, и была очень рада новому знакомству. Она учтиво привстала, и, скрывъ зрачки подъ верхними рѣсницами, сказала:

— Помилуйте, я сама въ восторгѣ. Конечно, я дворянка, но благородный купецъ всегда возбуждаетъ мою симпатію.

— Благодаримъ покорно-съ, Авдотья Дмитріевна-съ, отвѣчалъ Скребковъ, пріосанясь при услышанномъ, но не вполне понятомъ комплиментѣ; хоша мы и не поварь-съ, а вкусъ знаемъ.

— Ха! ха! ха! какой вы острый кавалеръ!... Я и не думала принимать васъ за повара. Мнѣ будетъ очень пріятно, если когда нибудь возвращаясь на вихрь вашихъ коней изъ Сокольниковъ, вы завернете въ мою скромную хижинку.

— Какъ же съ! поставимъ себѣ особеннымъ долгомъ-съ. Я мимо вашего домика ѣзжу часто-съ. Вѣдь изволите квартировать на Тычкѣ-съ?

— Да, недалеко отъ Краснаго пруда. Конечно это не море; но по вечерамъ на закатѣ солнца я часто люблюсь его волнами, потомъ посмотрю на Алексѣевской монастырь и думаю: какъ бы уединиться въ эту скромную обитель, забыть свѣтъ....

— Помилуйте-съ, Авдотья Дмитріевна, перерывъ ее купчикъ; неужели вы хотите пойти въ монашенки-съ?

— Да, отвѣчала она мечтательно; мнѣ все такъ надоело,

ни на что не глядела бы, и съ этимъ словомъ исчезнушіе зрачки показали, что ей весьма легко исполнить свое желаніе.

Съ этого вечера началось знакомство Алексѣя Авдѣича съ Авдотѣй Дмитріевной. Онъ являлся къ ней по нѣсколь- ку разъ въ недѣлю, привозилъ конфетъ, цвѣточнаго чаю, иностранныхъ духовъ и пр. Въ разговорахъ признался онъ, что влюбился въ жилищу ея Пашу, и просилъ замолвить за себя словечко.

Авдотья Дмитріевна, сколько изъ желанія угодить услужливому молодому чловѣку, столько и по врожденной склонности ко всему романическому, обѣщалась переговорить съ Пашей серьезно; а между тѣмъ приглашала ее къ себѣ въ гости въ то время, какъ уже сидѣлъ у ней Скребокъ, или когда она знала навѣрно, что онъ прїѣдитъ.

Купчикъ никогда не являлся съ пустыми руками.

— А вотъ-съ, говорилъ онъ, входя и раскланиваясь съ Алексѣевой и съ Пашей и съ Таней, если онъ были въ мезонинѣ; вотъ-съ новыя конфеты Мопансе, взялъ я въ лучшемъ магазинѣ на Тверской, противъ дома главнокомандующаго-съ. Продаетъ такая-съ кудрявая нѣмочка и говоритъ: «возмите-съ, останегесь довольны.» Не обидьте-съ, Прасковья Ивановна, откушайте нашей сладости.

— Я не люблю конфетъ, замѣчала Паша, отъ нихъ болятъ и портятся зубы.

— Ваши зубки-съ? Да это перлы-съ, что называется жемчугъ-съ... Повѣрьте-съ не заболать, а ужъ коли больтъ-съ, такъ пусть лучше болятъ у меня-съ.

— Какой вы увлекательный! восклицала при этомъ Авдотья Дмитріевна; да васъ, кажется, полюбить каменное сердце.

— А вотъ-съ, Прасковья Ивановна меня терпѣть не могутъ-съ, говорилъ Скребокъ со вздохомъ.

— Напрасно вы такъ говорите, замѣчала Паша.

— Какъ же-съ? вѣдь вы меня не любите-съ? Подарковъ моихъ не принимаете-съ?

— Любить мнѣ васъ не слѣдуетъ, вы человекъ женатый, богатый; а я простая бѣдная дѣвушка. Принимать же отъ васъ подарки мнѣ не за что. За что вамъ дарить меня? Я для васъ ничего не сдѣлала, ничѣмъ вамъ не услужила.

— Да вы-съ моя богиня, говорилъ купчикъ воодушевляясь; я васъ люблю больше отца роднаго.... Ночи не сплю-съ, Прасковья Ивановна, все, то есть, объ васъ воображаю-съ. И нѣтъ мнѣ безъ васъ радости.... и все мнѣ безъ васъ опостылыло и жизни своей я не радъ горемычной!

— Какая любовь! вскрикивала старая дѣва, всплеснувъ руками; Алексѣй Авдѣичъ, прибавляла она, я не могу васъ слушать безъ слезъ. При этомъ она вынимала платокъ и подносила его къ глазамъ своимъ.

— Какъ вамъ не наскучить, Алексѣй Авдѣичъ, приста- вать ко мнѣ? говорила Паша.

— Помилуйте-съ, отвѣчалъ Скребковъ; это не я-съ, это любовь моего сердца-съ.... Помилосердуйте-съ, дайте хоть поцѣловать вашу ручку-съ.... Татьяна Федоровна, прибавлялъ онъ, обратясь къ Танѣ, походатайствуйте-съ.

— Ну что жъ, Паша, дай имъ руку-то, не развалишь- ся, говорила Таня.

— Какъ тебѣ не стыдно! замѣчала Паша, и, разсердив- шись, убѣгала въ свою комнату.

Подобныя встрѣчи и разговоры повторялись не разъ.

Паша оставалась непреклонною, и нисколько не соблаз- нялась заманчивыми предложеніями Скребкова. А чего не сулилъ онъ ей? и роскошную квартиру, и шелкъ, и бархатъ, и кольца, и серьги, и всевозможныя удовольствія, а денегъ безъ счету. Все эти предложенія не колебали Пашиной твер- дости, а между тѣмъ Скребковъ былъ молодъ и красивъ со- бой, а ей только минуло осьмнадцать лѣтъ. Подобное упрям- ство добродѣтели можно справедливо назвать современною рѣдкостью.

Но Паша съ раннихъ лѣтъ внимательно слушала на- ставленія своей матери, которая всегда твердила ей о томъ, что дѣвушка никого не должна любить кромѣ жениха своего.

Это наставленіе такъ усвоилось Пашѣ, такъ глубоко вкоренилось въ душѣ ея, что она считала однимъ изъ величайшихъ и не простительныхъ грѣховъ полюбить женатаго.

А Алексѣй Авдѣичъ былъ женатъ.

Впрочемъ едва ли всѣ будутъ согласны со мною, что въ душѣ молоденькой дѣвушки могутъ быть убѣжденія такъ тверды и непоколебимы, что онѣ одни могутъ удержать ее отъ соблазна. Я самъ готовъ вторить своимъ противникамъ и скажу, что въ числѣ причинъ, заставившихъ Пашу устоять противъ любезностей богатенькаго купчика, было одно весьма важное обстоятельство, а именно то, что сердце ея было не совершенно свободно.

Между обычными посѣтителями своихъ чайныхъ столиковъ, Паша уже давно замѣтила одного молодаго человека. Этотъ гость не пропускалъ ни одного вечера, чтобъ не явиться въ Сокольники, и не попросить красавицу напоить его чаемъ, но никогда не говорилъ ей никакихъ любезностей. Учтиво съ ней поздороваается, сядетъ за столикъ, напьется чаю, правда не торопясь, и уйдетъ. Прощаясь, обѣщается быть на другой день, и пожелаетъ только хорошей погоды.

Паша, наскучившая безпрестанно слышанными ей похвалами и любезностями, невольно обратила вниманіе на человека, который, посѣщая ее чаще другихъ, такъ рѣзко отъ всѣхъ отличался. Надо однакожь сознаться, что первое впечатлѣніе дѣвушки было не въ пользу молчаливаго молодаго человека. Хотя она и не любила похвалъ и любезностей отъ мужчинъ, но ей было досадно, что одинъ изъ нихъ вовсе не замѣчаетъ ея красоты, о которой всѣ прочіе прожужжали ей уши.

Эта досада понудила ее почаще взглядывать на хладнокровнаго молодаго человека, какъ будто съ цѣлю узнать, что особеннаго въ наружности того, кто отличается такъ отъ другихъ своими поступками. Каково жъ было ея удивленіе, когда ея взгляды встрѣчались со взглядами молодаго человека, и когда въ глазахъ послѣдняго она прочла не ожидаемую холодность и равнодушіе, а самое теплое чувство

любви и уваженія. Она увидѣла, что онъ не спускаетъ съ нея глазъ, и любитъся ею съ какимъ-то робкимъ восторгомъ. Понятно, что эти истины высказались не за одинъ разъ, не однимъ взглядомъ, и, пожалуй, не въ одинъ вечеръ. Сначала Паша взглядывала на молодаго человѣка искоса, и рѣдко, и на одно мгновеніе, потомъ позволила себѣ глядѣть на него прямо и дольше; и наконецъ въ одинъ тихій, теплой и ароматической польской вечеръ она заглядѣлась на своего гостя такъ долго, что послѣдній успѣлъ выразить ей своими взорами вѣроятно многое и понятное, потому что она сначала улыбнулась, потомъ вся вспыхнула и убѣжала отъ своихъ столиковъ.

Съ этого вечера молодые люди поняли другъ друга, хотя еще ни разу между собою не разговаривали. Паша видѣла что ее любятъ, и именно такъ, какъ бы ей хотѣлось быть любимой, но о любящемъ се знала только то, что онъ молодъ, не дурень собою, черноволося, высокаго роста и чисто одѣвается. А кто онъ такой, этого она не знала. Если не въ порядкѣ происшествій, то въ порядкѣ разсказа я разрѣшу этотъ вопросъ сначала для читателя.

Молодой человѣкъ, плѣнившійся Папиной наружностью и въ свою очередь обратившій на себя ея вниманіе, былъ лекаръ, не болѣе года вышедшій изъ Московскаго университета; звали его Владимиръ Ивановичъ Завьяловъ. Съ очень юныхъ лѣтъ потерялъ онъ своихъ родителей и росъ, и учился на полной свободѣ, потому что дальній родственникъ его, назначенный ему въ опекуны очень мало заботился о своемъ питомцѣ; видалъ его очень рѣдко, сначала въ гимназій, а потомъ въ университетъ, и чрезвычайно обрадовался, когда достигшій совершеннолѣтія Володя могъ освободить его совершенно отъ опекунскихъ обязанностей. Получивъ отъ опекуна небольшой капиталецъ, слѣдовавшій ему послѣ родителей, Владимиръ Ивановичъ расчелъ, что доходами съ него онъ можетъ безбѣдно проживать въ городѣ, нанялъ себѣ холостую квартиру въ недорогой части столицы, обзавелся всѣмъ необходимымъ, и сталъ готовиться къ экзамену на док-

тора. Одиноко проведенная юность, заставлявшая Володю всегда самого заботиться о самомъ себѣ, не то чтобы состарила его прежде времени, но дала ему нѣкоторую опытность, опередившую его годы. Замѣчательно, что это одиночество никогда не тяготило его. Хотя онъ не бѣгалъ общества и охотно проводилъ время въ кругу товарищей; но любилъ иногда остаться одинъ въ своей маленькой квартиркѣ и заняться письмомъ или чтеніемъ, такъ чтобы никто не мѣшалъ ему. Характеръ его довольно твердый и ровный во всѣхъ отношеніяхъ, имѣлъ одну сторону невыгодную для него самага, именно недоверчивость. Въ жизни, особенно въ жизни современной гораздо отраднѣе обманываться увлекательными призраками, чѣмъ доходить вслѣдствіе недоверчивости до истины и видѣть ее въ холодной и часто отвратительной наготѣ ея. Особенно вѣрно это замѣчаніе для молодости, которой все кажется въ розовомъ цвѣтѣ, и которой такъ много времени впереди для разочарованія. Владимиръ Ивановичъ очень хотѣлъ бы имѣть подлѣ себя друга, съ которымъ бы могъ онъ раздѣлить по душѣ горе и радости; но недоверчивость заставляла его внимательно всматриваться въ кандидатовъ на это мѣсто въ его сердцѣ, а внимательное разсмотрѣніе приводило его къ убѣжденію, что эти кандидаты не подходятъ къ созданному имъ идеалу. Искать себѣ друга между женщинами ему не приходило еще въ голову, потому что онъ такъ недавно вступилъ въ свѣтъ, что почти совершенно не зналъ женщинъ, и по своимъ понятіямъ, образовавшимся изъ книгъ, и толковъ товарищей, доврѣялъ имъ еще меньше чѣмъ мужчинамъ. Но есть чувство, которое заставляетъ человѣка забывать свои убѣжденія и дѣйствовать часто имъ наперекоръ. Нужно ли говорить, что это чувство—любовь? Кому не извѣстны выраженія: любовь слѣпа, любовь сводитъ съ ума, любовь губитъ человѣка и т. п.? Извѣстно также всѣмъ, что это чувство безотчетно овладѣваетъ душою и сердцемъ и очень рѣдко, и то по прошествіи нѣкотораго времени, позволяетъ разсудку себя анализировать. Оно то запомнило. Володю при встрѣчѣ его съ Пашею и овладѣло имъ не постепенно, не

вело правильной осады противъ его юнаго дѣвственнаго сердца, а взяло его быстрымъ, мгновеннымъ приступомъ. Володя былъ влюбленъ прежде чѣмъ успѣлъ опомниться, прежде чѣмъ успѣлъ спросить себя, можетъ ли и долженъ ли онъ любить хорошенькую самоварницу, и къ чему поведетъ его любовь эта.

Кто любилъ, а кто же не любилъ изъ насъ, тотъ знаетъ что, полюбивши разсуждать поздно, потому что всѣ разсужденія будутъ клониться къ оправданію господствующаго въ насъ чувства. Такъ было и съ Владимиромъ. Каждый день Паша пріобрѣтала въ глазахъ его новыя достоинства: ея холодная учтивость съ гостями, ея почтительное обхожденіе съ матерью, ея задумчивость, ея скромный разговоръ, ея походка, и все наконецъ, что было и чего не было, все ставило Пашу по мнѣнію влюбленнаго молодого человека гораздо выше всѣхъ подругъ ея, и дѣлало ее вполне достойной чистой и благородной любви.

Что же случилось съ этимъ любящимъ сердцемъ, когда Паша улыбнулась, и, покраснѣвши, убѣжала отъ своихъ столиковъ?... Когда оно нѣсколько поуспокоилось, и восторгъ высказавшейся любви позволилъ Владимиру придти въ себя, онъ понялъ, что Рубиконъ перейденъ, что Паша знаетъ, что онъ любитъ ее, что эта любовь не противна ей и что ему осталось убѣдить ее во всей силѣ и истинѣ этого чувства. Но какъ и когда это сдѣлать? Вотъ вопросъ, который занималъ его; когда оправившаяся отъ своего смущенія Паша подошла къ его столику, чтобы принять давно заглохшій самоваръ.

— Вы откушали чай? спросила Паша и опять зарумянилась.

— Да, отвѣчалъ Владимиръ, вынимая изъ кармана портмоне, чтобы положить на столъ обыкновенно платимую имъ сумму; я больше не хочу чаю, продолжалъ онъ, глядя страстными глазами на дѣвушку; но у меня есть, Пашинька, къ тебѣ просьба.

— Ко мнѣ? спросила все болѣе и болѣе конфузившаяся дѣвушка.

— Да, Пашинька, мнѣ нужно переговорить съ тобой, очень нужно... я бы желала впрочемъ, чтобы это было безъ свидѣтелей. Не можешь ли ты отойти хоть подалѣе въ рошу, я бы тамъ подождать тебя.

— Что вы это? сказала Паша, нѣсколько обидѣвшись, могу ли я пойти съ вами въ рошу одна?... Что обо мнѣ подумаютъ? да и за чѣмъ?

— Мнѣ нужно сказать тебѣ одну вещь....

— Такъ скажите.... теперь.

— Паша, послушай.... то, что я скажу тебѣ, говорили тебѣ вѣроятно очень многіе; но клянусь тебѣ, никто не говорилъ этого съ такимъ полнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ словъ своихъ.... Паша, я люблю тебя....

— Полноте.... сказала было Паша, начинаяшая обыкновенно этимъ словомъ отвѣты пристававшимъ къ ней любезникамъ; но на этотъ разъ не сказала ни слова болѣе.

— Ты не вѣришь мнѣ? продолжалъ Владимиръ въ полголоса, чтобы не быть услышану сосѣдними гостями и самоварницами; какъ же мнѣ убѣдить тебя? Я понимаю твою недоверчивость, одни и тѣже слова могутъ выражать и ложь и истину; но прислушайся къ моему голосу, взглядишь пристальнѣе въ глаза мои, и ты повѣришь, что я говорю правду.

И въ самомъ дѣлѣ голосъ Владимира былъ убѣдительно, онъ имѣлъ силу истины. Съ потупленными глазками стояла передъ нимъ Паша, повертывая машинально въ рукахъ конецъ своего фартучка. Какая-то волшебная сила заставила ее забыть свою обычную стыдливую осторожность, забыть, что подруги ея могутъ замѣтить, что она такъ долго стоитъ у столика молодого гостя, и сконфуженная его слушаетъ.

Когда умолкъ голосъ, заставлявшій такъ отрадно трепетать ея сердце, Паша взглянула на Владимира, встрѣтила полный любви взглядъ его; но вмѣстѣ съ этимъ увидала Таню, пристально глядѣвшую въ ея сторону. Это обстоя-

тельство заставило ее проснуться отъ пріятнаго усыпленія, она торопливо взяла со стола самоваръ и тихо сказала Владимиру:

— На насъ смотрятъ... я больше не подойду къ вамъ, до завтра.

III.

На другой день на Волчьей долинь было назначено парадное гулянье съ музыкой и иллюминаціей.

Этихъ гуляній самоварницы ожидаютъ съ полнымъ надеждъ восторгомъ. Кромъ постоянныхъ гостей ихъ являются въ этотъ день въ Сокольники многочисленныя новыя посѣтители, и торговля дѣвушекъ кипитъ за одно съ ихъ самоварами. Для этого дня выпрашиваются у сосѣдей лишнія чашки, столики и стулья, а что важнѣе всего, надѣвается лучшее платье; завиваются съ вечера волосы, повязывается красивая косыночка и пр. и пр.

— Что ты надѣнешь сегодня? спросила Пашу Тania за утреннимъ чаемъ дня, въ которое назначено было гулянье.

— Голубое кисейное, отвѣчала Паша, а ты?

— Я надѣну съ воланами, подвяжу зеленый фартучекъ, вдѣну Сергѣя Авдѣича сережки... чудо какъ будетъ хорошо. А вѣдь ты, Паша напрасно такъ съ нимъ грубиянишь... чего бы, только, чего не надарилъ онъ тебѣ!

— Лучше не говори, Тania, перебила ее Паша съ досадою... и сама-то ты напрасно приняла сережки.

— Вотъ еще, что ихъ баловать... у меня небось сережки-то сломались, вѣдь тебѣ это извѣстно; на свои трудыя что ли мнѣ ихъ покупать?..

— Ужъ лучше на трудовыя, чѣмъ брать отъ женатаго челоуѣка.

— А сама-то ты, смиренница, объ чемъ такъ заговорила въчера съ Владимиромъ Ивановичемъ?

— При этомъ вопросѣ Паша невольно покраснѣлась.

— Что? видно по лучше купчика понравился! продолжала Таня, обрадованная случаю подтрунить надъ своей подругой.

— Изъ чего ты это взяла? сказала оправившаяся Паша.

— Объ чемъ же вы съ нимъ говорили?

— Ни о чемъ ровно.... онъ спрашивалъ, будетъ ли сегодня гулянье.

— Фита Па-фта-ша! сказала Таня и погрозилаь на нее пальцемъ.

Паша снова смутилась, но не довѣряла своей тайны подругъ. А между тѣмъ еще ночью, еще рано утромъ на постели она хотѣла непременно разсказать все.

Отчего же такъ вдругъ измѣнилось ея намѣреніе?

Оттого, что Таня съ усмѣшкой заговорила о томъ, что для Паши было не только серьезно, но въ нѣкоторомъ родѣ свято. Шуточный тонъ подруги оскорбилъ ея рождающееся и вполнѣ невинное чувство.

Таня, привыкши читать на лицѣ своей пріятельницы ея ощущенія, поняла, что Паша не совсѣмъ ею довольна, перемѣнила разговоръ, стала пѣть, рѣзвиться, болтать разныя глупости и одною изъ нихъ заставила Пашу расхохотаться. Разсѣявъ такимъ образомъ облачко, набѣжавшее на бѣлинское личико Паши, самоварница подсѣла къ ней, обняла, поцѣловала ее и дружески прильнувъ къ плечу ея, сказала:

— Паша! а вѣдь ты отъ меня скрываешься?

Паша взглянула вопросительно на Таню, но встрѣтила взоръ ея, полный самаго искренняго участія. Можетъ быть эта искренность была и не совершенно истинная, можетъ быть любопытство заставило Таню прибѣгнуть къ притворству, чтобы выведать тайну своей подруги; но Паша ей повѣрила.

Да и какъ не повѣрить тому, чему вѣрить хочется?

Кромъ Тани ей некому было высказать ощущеній своего сердца, а подѣлиться ими съ кѣмъ нибудь есть необходимая потребность каждаго человѣка, а женщины въ особенности.

— Что жь я отъ тебя скрываю? спросила Паша, уже снова готовая рассказать все, что было у ней на душѣ.

— Вотъ тебѣ нравится докторъ, продолжала Таня, а ты мнѣ не признаешься.

— Нравится, повторила Паша съ стыдливою улыбкой, кто же сказалъ тебѣ, что онъ мнѣ нравится?

— Такъ чтожь?... онъ по твоему дурень?

— Я этого не говорю.

— Ну, посмотри-жо мнѣ прѣмо въ глаза... не любишь ты его?

Таня заглянула прямо въ черные глазки своей подруги. Этотъ пытливыи взглядъ, разумѣется, заставилъ вспыхнуть Пашины щечки. Чтобы скрыть свое смущеніе она крѣпко обняла Таню и почти шопотомъ сказала:

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, Таня, я, кажется, полюбила его.

— Чтожь?... онъ молодець, я давно замѣтила, что онъ не спускаетъ глазъ съ тебя... онъ тебя любитъ.... только богатъ ли онъ?

— Вотъ о чемъ заговорила!.. сказала Паша съ досадою.

— А о чемъ же говорить-то? безъ денегъ далеко не уѣдешь.

— Перестань пожалоста, тебѣ бы все деньги... а мнѣ право они и въ голову нейдутъ. Зачѣмъ они мнѣ?... Все у меня есть, да если еще Володя будетъ любить меня!.. Да нѣтъ я не заслужила ни чѣмъ такого счастья.... нѣтъ, это онъ такъ, онъ не любитъ меня... а когда бы ты слышала, какъ онъ вчера говорилъ со мною, какъ глядѣлъ на меня... я стояла передъ нимъ и сама не знаю что со мною сдѣлалось.... и стоять не ловко, а уйти не хочется.... такъ бы кажется и заплакала... но не отъ горя и не отъ досады.... а такъ сама не знаю отчего.

— Есть изъ чего плакать, что ты ему нравишься!.. Я вѣдь ужъ знаю тебя.... ты ему, небось, ни слова не отвѣтила.

— Я ужъ не помню, Таня, кажется, я ничего не сказала.

— А еще говоришь, что любишь! Изъ чего жь ему теперь догадаться, что ты любишь его?... Вѣдь онъ не свято-духъ.

— Чтожь мнѣ было дѣлать?... Я сама себя не понимала.

Болѣе часа разговоръ между двумя дѣвушками вертѣлся на одномъ и томъ же предметѣ. Паша признавалась, какъ она замѣтила взгляды Володи, какъ по немногу привыкла къ нему и полюбила его, какъ онъ хорошъ, смиренъ, добръ, а Таня то вторила похваламъ ея, то совѣтовала не огорчать холодностію молодаго барина.

Объ Алексѣй Авдѣичъ не было и помину. Почему бы это? Или Таня забыла про подарочки и про свои обѣщанія? Она точно забыла ихъ, или лучше, она о нихъ не думала, потому что голова ея была занята другою новою мыслію. Эта мысль, коли хотите, уже давно смутно мелькала въ головѣ ея, но, считая ея несбыточною, самоварница на ней не останавливалась. Теперь же, когда она увидѣла, что Алексѣй Авдѣичъ долженъ будетъ отложить всякое попеченіе добратся до сердца Паши, она рѣшилась попытаться обратить на себя его вниманіе. Чѣмъ она хуже своей подруги? также молода, также хороша, только повеселѣе, поразвязнѣе ея; такъ это не порокъ, а достоинство. Таково было по крайней мѣрѣ ея убѣжденіе. Вотъ почему она не только не отговаривала Паши отъ доктора, но напротивъ всячески старалась поддержать и развить эту склонность.

Чтобы не опоздать въ Сокольники, дѣвушки пообедали ранѣе обыкновеннаго, и занялись своимъ туалетомъ, каждая въ своей комнатѣ. Паша одѣлась очень скоро, но противъ обыкновенія съ особеннымъ вниманіемъ разсматривала въ зеркало складочки своего воротничка, нѣсколько разъ приглаживала гребнемъ и безъ того гладко вычесанные передніе волосы, и, оглядывая себя, то улыбалась, то вздыхала. Она уже хотѣла приняться за окончательные сборы и кликнула мать свою, чтобы увязывать чашки, какъ вбѣжала къ ней Таня, еще съ растрепанною косою.

— А ты еще не готова? спросила Паша съ удивленіемъ.

— Я въ одну минуту, отвѣчала Таня, дай мнѣ помаста помадки, я свою всю вымазала.

— Да чтожь ты до сихъ поръ дѣлала? продолжала Паша, доставая изъ комода банку съ помадой. Я ужъ успѣла одѣться, а ты и головы не вычесала.

— Ну, не вычесала, и весь разговоръ; давай поскорѣе помаду.

— А! вижу, сказала Паша, взглядывая пристально въ лице своей подруги, это ты подбѣливала свои щечки; охота тебѣ портить лице.

— Что вздумала! я и не воображала, проговорила Таня и убѣжала изъ комнаты очень раздосадованная, что Паша замѣтила на лицѣ ея искусственное украшеніе.

— Вѣдь она теперь еще долго прокопается, сказала Паша своей матери, соберите-ка, маменька, покуда чашки; а я схожу отъ нечего дѣлать къ Авдотѣ Дмитріевнѣ.

Когда Паша, поднявшись на лѣстницу, вошла въ комнату старой дѣвы, послѣдняя занималась тѣмъ же, въ чемъ учили сей часъ же Таню, съ тою разницей, что она была уже одѣта.

Застигнутая съ оружіемъ преступленія въ рукахъ, а именно, съ карточкой, окрашенной въ румяны, Авдотья Дмитріевна не могла отпереться, а старалась тѣмъ нибудь извинить себя.

— Здравствуй Паша, сказала она; ты ужъ готова? а я посмотрѣла на себя въ зеркало и вижу, что я блѣдна какъ полотно. Это оттого, что я мало спала, все сидѣла вчера у окна и любовалась мѣсяцемъ. Эти безсонныя ночи погубить меня; но что мнѣ жизнь?... она для меня болотная пустыня.

— А вы придете сегодня въ Сокольники, Авдотья Дмитріевна? спросила Паша.

— Хочется пойти, сегодня будетъ весело... я тамъ хоть подышу чистымъ воздухомъ.

— Приходите ко мнѣ чай кушать.... или вы можете быть будете пить у Тани?... Вы у меня, кажется, шли послѣдній разъ.

— Да, я напыюсь у Тани. Зачѣмъ же обижать ее?

— Вѣдь и я тоже говорю. Ахъ! кто-то сюда прѣехалъ... сказала Паша, услыхавъ на лѣстницѣ шаги.

Авдотья Дмитріевна зажала въ рукъ накрашенную карточку, и, взглянувъ въ зеркало, съ ужасомъ убѣдилась, что операція не была еще окончена — правая щека ея цвѣла маковымъ цвѣтомъ, а лѣвая едва достигла цвѣта розы. Но помочь горю было уже поздно. Дверь отворилась, и въ ней показался Алексѣй Авдѣичъ Скребковъ.

— Съ нашимъ почтеніемъ-съ, сказалъ купчикъ, снявъ шляпу и тряхнувъ головой, чтобы поправить свою прическу.

— Извините, проговорила сладко хозяйка; вы меня застали въ расплохъ, я только что окончила туалетъ свой...

— Помилуйте-съ... Прасковья Ивановна-съ, здоровы-ли-съ?

— Благодарю васъ.

— А я поѣхалъ промять Копчика-съ, да и думаю, семь заверну къ Авдотья Дмитревнѣ, право-съ.

— Вы право очень любезны.... Алексѣй Авдѣичъ, я вполне чувствую ваше вниманіе. Садитесь пожалуста.

— Вотъ, Прасковья Ивановна-съ, сказалъ, садясь, купчикъ.... Авдотья-то Дмитріевна не въ васъ, они вотъ чувствуютъ-съ.... а вы такъ себя ничего не чувствуете-съ....

— Почему вы знаете? спросила Паша довольно весело. Чувство, наполнявшее ее сердце, сдѣлало ее какъ-то снисходительнѣе, и она безъ обычной досады слушала выходки Скребкова.

— Какъ не знать-съ? мы знаемъ, что такое женская любовь... мы сей часъ и сами-съ про это стишокъ написали-съ.

— Какъ? вскричала Авдотья Дмитріевна, вы пишете стихи... вы поэтъ?... и ничего не скажете... какъ вамъ не стыдно.

— Поэтъ-съ?... это чтожь такое-съ? это не при насъ писано-съ, продолжалъ Алексѣй Авдѣичъ.... а вотъ этакъ, я сегодня пробѣжалъ на Копчикъ рысью, онъ и взмылился...

я и говорю Аeonасью: пройдишь шажкомъ, а самъ-то и задумался про женскую любовь, да вотъ и написалъ стишокъ про нее-сь.

— Ахъ! скажите пожалуйста... не томите насъ, говорила хозяйка, увѣренная, что и Паша, подобно ей, жаждетъ услышать стихи про любовь.

А между тѣмъ Паша едва ли слышала третье слово изъ происходившаго вокругъ нея разговора. Мысли ея были далеко и отъ Скребкова и отъ Авдотьи Дмитриевны.

— Стишокъ не мудреный-сь... сказалъ Алексѣй Авдѣичъ, извольте прислушать:

Какъ не двѣстуй осторожно,
 Какъ за ними ни смотри,
 А узнать ихъ-сь невозможно
 Въ годъ, и въ два, и въ три.
 Собой онъ прекрасны
 И прелестны по лицу;
 Но въ душѣ своей скрываютъ,
 Не узнать и мудрецу:
 Они скажутъ вамъ—люблю,
 А завтра тоже и другому.

Вотъ оно-сь....

Проговоривши безъ соблюденія мѣры эти стихи, Алексѣй Авдѣичъ самодовольно поправилъ рукою волосы. Паша стиховъ этихъ вовсе не слушала, а то она вспомнила бы, что читала ихъ въ своемъ пѣсенникѣ, и что тамъ они какъ то складнѣе и правильнѣе. Авдотья же Дмитриевна была въ совершенномъ восторгѣ.

— Прекрасно!... безподобно! говорила она; вотъ вы какой Алексѣй Авдѣичъ, поздравляю: напишите мнѣ пожалуйста эти стихи на память.

— Съ нашимъ удовольствіемъ-сь, ужотка прикажу написать у тятинки въ конторь-сь. А вамъ, Прасковья Ивановна, прикажете написать?

— За чѣмъ вамъ беспокоиться?

— Это не мнѣ-съ.... это конторщикъ Пѣтра напишетъ, почеркъ у него пребойкой.... да вамъ-съ ничего отъ меня-то не по сердцу.... Богъ съ вами-съ.... не хотите вы раздѣлить чувства души моей.... видно мнѣ такъ на роду написано.

— Вы опять за старую пѣсню, Алексѣй Авдѣичъ, перебила его Паша; вѣдь ужъ вамъ сказано, чтобы вы ея не пѣли.

— Воля конечно ваша-съ.... а я этому не причиной, что люблю васъ....

Паша начинала уже хмурить бровки, видя, что разговоръ принимаетъ обычное, непріятное ей направленіе, но появленіе Тани выручило ее изъ бѣды.

— А! здравствуйте, Алексѣй Авдѣичъ, сказала вбѣжавшая самоварница, успѣвшая окончателно принарядиться.... Паша! вѣдь намъ пора. Ужъ вы, Алексѣй Авдѣичъ, какъ хотите, а сегодня чай кушайте у меня.... все у Паши, да у Паши... слышите? сегодня у меня...

Скребковъ взглянулъ было на Пашу, надеясь, что она тоже станетъ приглашать его; но Паша молчала, и обиженный купчикъ обернулся снова къ Танѣ.

— Извольте, Татьяна Федоровна-съ, сказалъ онъ съ грустною рѣшимостію; сегодня напьемся у васъ. Хотѣли пріѣхать изъ Преображенскаго товарищи, такъ ужъ мы у васъ всѣ.

— Давно бы такъ, сказала Таня, и наклонившись къ Скребкову въ то время, какъ Паша взглянула въ окно, шепнула ему: а я вамъ ужъ кое что скажу.

— Не угодно ли до роши прокатиться на копчикъ? спросилъ Скребковъ, обрадованный надеждою услышать что нибудь для него интересное. Пролетки у меня просторныя-съ, и Авдотья Дмитріевна съ вами услдутся-съ....

— Слова эти относились къ обѣимъ самоварницамъ.

— Нѣтъ, я пойду съ маменькой пѣшкомъ, сказала Паша.

— Такъ вы-съ, Татьяна Федоровна съ Авдотьей Дмитріевной, а мы здѣсь подождемъ.... Леонасій, давай! закричалъ Скребковъ, высунувшись изъ раствореннаго окна.... доведи вотъ барышень до рощи, а я здѣсь табачку подымлю... Пожалуйте-съ, продолжалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ и Танѣ, и не взглянулъ на Пашу, какъ бы желая отомстить этимъ за ея холодность.

— Пойдемте, Авдотья Дмитріевна, сказала Таня, весьма довольная предложеніемъ купчика; а мать съ тобой пойдетъ, Паша, вели же ей, чтобы чего не забыла.

— Да, мы пойдѣмъ вмѣстѣ; такъ до свиданія, я пойду собираться.

Съ этими словами Паша отправилась внизъ. Къ чести ея мы должны сказать, что она нисколько не позавидовала своей подругѣ, отправлявшійся въ рощу на рысакѣ. Въ другое время она можетъ быть пожалѣла бы, что дорогой некому будетъ посмѣшить ее; а теперь она и въ этомъ отношеніи не жалѣла объ отсутствіи Тани. Въ головѣ ея было довольно думъ на дорогу.

Почти въ одно время вышло изъ воротъ все общество. За Пашей, накрытой шелковымъ платочкомъ, вывели двѣ старушки свои тѣлежки съ самоварами. Таня, надѣвшая большой желтый шерстяной платокъ, рѣзво прыгнула въ пролетку, а за ней помѣстилась Авдотья Дмитріевна въ бѣлой шляпкѣ съ розовыми цвѣтами и въ своемъ знаменитомъ полняломъ бархатномъ бурнусѣ. Алексій Авдѣичъ вышелъ за калитку безъ шапки и съ папиросой во рту. Раскланиваясь съ дѣвцами, онъ хотѣлъ что-то сказать имъ на прощаніе, но, не будучи большимъ мастеромъ курить, проглотилъ дымъ и закашлялся. А между тѣмъ копчикъ тронулся съ мѣста, а Паша перешла уже на другую сторону шоссе.

Дорогой пришлось Танѣ обогнать не одну изъ подругъ своихъ, спѣшавшихъ на праздничную торговлю. Съ каждой изъ нихъ Таня привѣтливо рѣскланывалась и громко звала

по имени тѣхъ, которыя сами не обращали на нее вниманія, не полагая, что ихъ товарка катить на рысакъ. Подъѣхавъ къ Волчьей долинь, Таня соскочила съ дрожекъ, назвала Аеонасья голубчикомъ и побѣжала къ самоварамъ не дождавшись Авдотьи Дмитріевны, которая опрaвляла. и отряхивала бурнусъ свой и ловко отпрыгнувала отъ услужливыхъ чищильщиковъ, увѣряя ихъ, что она нисколько не запылилась. Поспѣшность Тани объясняется нетерпѣливымъ желаніемъ разсказать своимъ подругамъ, что она прѣѣхала въ Сокольники въ пролеткахъ.

Еще только отзвонили вечерни, и чистаго, какъ говорится, народу въ Сокольникахъ не было. За бесѣдкой однако уже дымились самовары, и раздавался охриплый голосъ женщины, завывавшей какую-то цыганскую пѣсню подъ звуки шарманки, и слышались по временамъ возгласы разнощиковъ: «сигарь, папирось.»

Торговля уже началась, но торговля мѣлкая. За столиками сидѣли мастеровые и имъ подобныя незавидныя гости, приходившіе въ рощу съ своимъ чаемъ и сахаромъ. Только за однимъ столомъ и именно у вертлявой Дуняши сидѣлъ молодцоватый кучеръ, въ плисовомъ полукафтаньѣ. Рядомъ съ самоваромъ стояла передъ нимъ бутылка рома, и онъ частенько подливалъ изъ чего въ чашку, поглаживая свою густую и щегольски разчесанную черную бороду. Шарманка и пѣвица тѣшили именно этого аристократа съ козель, вѣроятно отпросившагося на весь день у господъ и рѣшившагося прогулять половину мѣсячнаго жалованья.

Ближе къ дорожкѣ, гдѣ стоятъ столики самоварницъ по богаче и по миловиднѣе, еще не было и приготовленій къ чаепитію. Маменьки и тетеньки дѣвицъ стояли сложа руки около выбранныхъ изъ тележекъ самоваровъ, а дѣвицы собрались въ кружокъ и толковали межъ собою. Къ этому-то кружку подбѣжала запыхавшаяся Таня и объявила о своемъ катаньѣ. Радость ея не нашла впрочемъ себѣ отголоска. Напротивъ того, самоварницы стали надъ ней подсмѣиваться.

— Ишь какая невидаль, прїѣхать въ пролеткахъ! сказала Лиза.

— Да мнѣ подѣ Дѣвичье общали коляску, говорила Дуня.

— А она отъ радости съ ума сошла.

— Фитаду фтара! прошептала маленькая Паша.

Когда завистливое негодованіе дѣвицъ достаточно выразилось, и каждая осталась довольною тѣмъ, что показала, что не завидуетъ Танѣ, разговоръ перемѣнился.

— Чурь!... не отбивать другъ у друга гостей, сказала Лиза.

— Разумѣется не надо, замѣтила Дуня.

— Не надо! не надо!... а сама впередъ всѣхъ выбѣгаетъ.

— Да чтожь, когда идутъ мои знакомые, а вы ихъ обступите.

— Нужно кому обступать ихъ.

— Да, вотъ вчера, прикащикъ изъ ножевой линіи шелъ ко мнѣ, а Лиза его у себя посадила.

— А ты-то гдѣ жь была?

— Гдѣ? небось я за виномъ ходила.

— Такъ, такъ, дѣвицы, не отбивать!

— Такъ, такъ!... сказали въ одинъ голосъ.

Въ эту минуту показался изъ за бесѣдки купецъ съ подстриженной бородкой въ шляпѣ и въ шинели. Подѣ руку съ нимъ шла его увѣсистая подруга жизни, повязанная шелковымъ золотого цвѣта платкомъ и въ голубомъ атласномъ салопѣ съ бѣлыми цвѣтами. Завидѣвъ эту парочку, самоварницы всею гурьбой къ ней бросились, и чуть не спшибли ее съ ногъ.

— Чтожь чай-то кушать?

— Пожалуйте.

- Ома Омичъ, ко мнѣ, ко мнѣ.
- Да у тебя и самоваръ не кипитъ.
- А у тебя еще бѣзъ воды стоитъ.
- Экая азарница!..
- Купецъ, пожалуйте....

И проч. и проч. Вотъ какъ сдерживали самоварницы свое условіе, не только звали гостя на перебой, но еще перебранивались.

Судьба однакожъ наказала ихъ за такую невѣрность въ своемъ словѣ, Ома Омичъ съ улыбочкой посмотрѣлъ на нихъ, и, не сказавъ ни слова, повлекъ супругу свою далѣе по дорожкѣ.

Появленіе его показало однако самоварницамъ, что пора приниматься за дѣло. И вотъ отправились онѣ къ своимъ маменькамъ съ приказаніемъ ставить самовары, а сами начали подвигать къ столикамъ стулья и устанавливать чашки.

Въ семь часовъ заигралъ въ бесѣдкѣ оркестръ Сакса, и средняя дорожка долины была уже полна народа.

Столики самоварницъ тоже почти всѣ были заняты и представляли собою самую пеструю и оживленную картину. Тамъ сидѣла цѣлая компанія молодежи, безпрестанно подкликавшая къ себѣ Лизу или Дуню, чтобы съ ними полобезничать; тамъ чопорно кушали чай, не снимая перчатокъ, разряженныя дамы, тамъ усживали самоваръ рядскіе молодцы, и отирали пестрыми бумажными платками катившійся потъ съ лица своего; тамъ собралась куча народа и посреди его отличался съ своимъ бубномъ Осипъ, отхватывая мастерски пѣсню, съ припѣвомъ: «Сашинька, Пашинька, что это такое?» Самоварницы суетились, бѣгали взадъ и впередъ. Кому нужна лишняя чашка, кому стаканъ, кто спрашиваетъ сливокъ, кто велитъ позвать булочника, словомъ не перечесть всѣхъ порученій и требованій гостей; а надо исполнить ихъ.

— У меня всѣ столы заняты, говоритъ Лиза, столкнувшись съ Дуней.

— А я было къ тебѣ за столикомъ.

— Нѣту, попроси у Тани.

— Таничка, маточка, дай мнѣ столика.

— Съ чего ты это взяла? Ишь расторговалась.

— Да вѣдь онъ у тебя пустой.

— Небось не пустой. Сейчасъ Алексѣй Авдѣичъ будетъ.

И въ самомъ дѣлѣ Скребковъ уже подходилъ съ троеми товарищами, только Таня его еще не замѣтила.

— Ну, Таничка, сказала Скребковъ, подойдя къ самоварницѣ. Собери-ка намъ чайку, знаешь получше. Это ты намъ столикъ-то припасла? спасибо.

Таня сначала удивилась, услыша, что Скребковъ противъ обыкновенія говорить ей ты, а не вы; но, взглянувъ на него, успокоилась.

— Ужь засыпаль, сказала она вполголоса, и стала усаживать дорогихъ гостей.

Алексѣй Авдѣичъ въ самомъ дѣлѣ съ горя хлѣбнулъ у Пуаре, и въ головѣ его уже играла булабочка.

— Таничка!.. вскричалъ онъ усѣвшись на диванчикъ; угощай гостей!.. хочу завить горе веревочкой... не любить меня Пашинька?... не надо, и безъ нея проживемъ.... Таня, какъ подашь самоваръ, съѣзди на Аюнькѣ къ Якову Савельеву, возьми намъ парочку ледерцу... ишь зачванилась больно... вѣдь мы не изъ ножевой линіи... да вѣдь и она-то не помѣщица.

Эти слова купчика были по сердцу Танѣ; она торопливо заварила чай и побѣжала къ валу, чтобы съѣздить за шампанскимъ въ кондитерскую.

— А вѣдь я правду говорю? началъ Скребковъ обратившись къ товарищамъ: хороша дѣвчонка безспорно, да ужъ не кстати ломается.

— Вѣстимо правду, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, полный

блочноурый мужина съ физиономіей, весьма напоминающей то изображение мѣсяца, которое ставили на старинныхъ часахъ, показывавшихъ теченіе луны.

— Что? развѣ лучше ея не найдемъ? замѣтить третій, высокой худощавый блондинъ, обстриженный по нѣмецки; да вотъ хоть бы Таця, чѣмъ она ея хуже?

— Хуже ли, лучше ли, а вотъ на зло полюблю ее, сказалъ Скрбковъ, ударивъ кулакомъ по столу. Да, на вотъ, полюблю. Торговать не велю, одѣну какъ куклолку, да къ Пашкѣ же чай пить пошлю.

— Что дѣло, то дѣло. Такъ ихъ учить и надо. Сама послѣ спокается.

Таня довольно скоро исполнила порученіе, на имя Алѣксѣя Авдѣича Яковъ Савельевъ отпустилъ вино безъ денегъ, да еще чѣмъ-то поподчивалъ его посланницу.

Выпивъ чашки по двѣ чаю, купчики принялись за щипучее.

— А что ты давеча обещалась сказать мнѣ? спросилъ Скрбковъ Тацю,

— А вотъ что, Алѣксѣй Авдѣичъ, отвѣчала самоварница, подойдя къ гостю поближе; напрасно вы Пашу любите.

— Ужъ я не люблю ее, сказалъ купчикъ и выпилъ разомъ стаканъ вина.

— Хорошо дѣлаете, она мнѣ призналась, что полюбила Владимира Ивановича, знаете, доктора, что у ней все чай пить.

— Призналась? гдѣ жъ этотъ докторъ-то? тутъ что ли? я пойду разнесу его.

Говоря это, Скрбковъ привсталъ съ своего мѣста, но круглолицой товарищъ его остановилъ его за руку.

— Полно, Лѣня, куда ты?... набѣдокурить недолго, да не ночевать бы въ Басманной.

— Не то Ваня, сказалъ Скребковъ, опускаясь на диванчикъ; а дѣвка-то, я вижу, этого не стоитъ. Вѣдь видишь какая оварная, и не взглянешь на насъ. Ну, такъ тому и быть... Тана! хочешь полюбить меня?

— Подnote смѣяться Алексѣй Авдѣичъ.

— Нѣтъ тутъ смѣху... хочешь или нѣтъ? говори.

— Да вы смѣетесь.

— Опять, Тана, я тебя говорю, не смѣйтесь. Вотъ и имъ безъ тебя говорилъ, что я люблю тебя.

— А Паша-то?

— Знать ее не хочу, говорилъ огъняный купчикъ, тебя волюбилъ, да и весь разговоръ.

— Вѣдь она мнѣ подруга, продолжала Тана, съ трудомъ скрывая свою радость.

— Не будетъ подруга, какъ ты будешь ѣздить на паръ сѣрыхъ, да уберу я тебя въ перья и въ лѣнты... далеко кулику до Петрова дня.

— Право вы смѣетесь.

— Заладила одно да и только. Ну, смѣюсь ли я теперь? спросилъ Скребковъ, вынимая бумажникъ и подаль изъ него Танѣ ассигнацію. Вотъ тебѣ сѣренькая, продолжалъ онъ, вонче ты послѣдній день торгуешь въ роцъ. Завтра найму тебѣ квартиру, скажи только, гдѣ хочешь.

— Да... вотъ тутъ... въ Дѣвкинѣмъ проулкѣ, у Макаровны хороши комнатки, сказала запинаясь самоварница.

— Въ Дѣвкинѣмъ такъ въ Дѣвкинѣмъ... дай ей сама задатку и перевѣжай завтра же:... а васъ, ребята, милости прошу къ ней на новоселье... Тана, поцѣлуй меня.

— Что вы, Алексѣй Авдѣичъ?... увидать.

— Пусть ихъ увидать... плевать я хочу на все... я...

— Ну, что ты расходишься такъ? замѣтилъ Скребкову одинъ изъ товарищей, вѣдь какъ въ голову попадетъ, такъ и бунитъ... Поѣдемъ лучше къ Поаре, тамъ поужинаемъ... и Таню зови.

— Ладно... къ Поаре... ѣдете... Таня, собирайся.

— Ишь разгулялись... такъ я такъ и поѣду, мнѣ небось надо шляпку надѣть, сказала Таня.

— Мы пожалуй тебя домой завеземъ.

— Развѣ что такъ.

Купчики встали изъ за стола, и, пошатываясь, отправились къ валу.

Таня поручила матери убрать столъ, и не простившись съ Пашей, побѣжала позади бесѣдки догонять своихъ знакомыхъ.

Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКАГО ОБРАЗОВАНИЯ.

I.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ СНАБЖЕНІЕ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

нужными пособіями.

1756 года, марта 5 дня, въ собраніи Правительствующей Сенатъ при подписаніи журнала, учивеннаго по доношенію Московскаго Императорскаго Университета, о учрежденіи оному Университету типографіи и книжной лавки и о прочемъ, имѣли разсужденіе: понеже Правительствующему Сенату не безызвѣстно, что въ Москвѣ на печатномъ дворѣ въ типографіи вѣдомства Святѣйшаго Правительствующаго Синода имѣются гридоровальныя мѣдныя доски съ принадлежащими къ тому инструментами, и печатные разные куншты прежнихъ переводовъ и сочиненій, и книги математическія или историческія и прочія, къ гражданству принадлежащія, а не духовныя, что печаталось до учрежденія въ С.-Петербургѣ Академіи Наукъ, которое до Синодальной типографіи не принадлежитъ, и, слѣдовательно безъ всякаго дѣйства лежать праздно, того ради, приказали въ Святѣйшей Правительствующей Синодъ сообщить вѣдѣніе, и требовать имѣющіяся въ Московской Синодальной типографіи на печатномъ дворѣ мѣдныя гридоровальныя доски съ принадлежащими къ тому инструментами, и печатные разные куншты,

прежнихъ переводовъ и сочиненій, и книги математическія, или историческія и прочія, къ гражданству принадлежащія, а не духовныя, что отыщется, отдано было для учреждающейся нынѣ вновь при Университетѣ въ Москвѣ типографіи въ Московской Университетѣ, а что какихъ гридоровальныхъ досокъ и прочаго принадлежащаго къ гражданству на печатномъ дворѣ отыщется, и въ Московской Университетѣ отдано будетъ, о томъ благоволено бѣ было въ Правительствующій Сенатъ сообщить, а въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи послать указъ и велѣть, не имѣется ли и въ вѣдомствъ оной вышесписанною жѣ, подать въ Правительствующій Сенатъ рапортъ немедленно, о чемъ и въ Московской Университетѣ послать указъ же, а въ Сенатскую контору для вѣдома сообщить вѣдѣніе.

Подлинной за подписаніемъ Правительствующаго Сената. Протоколистъ Василій Олеровъ (*).

II.

О домашнемъ обученіи.

1760 года, февраля 29 дня, въ собраніи Правительствующій Сенатъ по доношенію Московскаго Университета, конимъ объявляетъ, что хотя указомъ Правительствующаго Сената и опубликовано, чтобъ учителей иностранныхъ языковъ не принимать безъ даваемыхъ имъ по экзамену отъ Университета аттестатовъ, но какъ извѣстно, что многіе желаютъ дѣтей своихъ лучше обучать дома, хотя и безъ успѣху, не разбирая знающихъ и не знающихъ въ своей профессіи учителей, а то для того, что или сами будучи въ избираніи оныхъ не искусны, или за вредъ себѣ и безпокойство дѣтямъ щята временное ихъ отсутствіе, и чрезъ то самое вмѣсто желаемаго дѣтямъ успѣху, теряя хорошее время напрасно, дѣлаютъ лишь затрудненіи въ ихъ склонности къ продолженію ученія, но чтобъ отвращеніе того не было некоторымъ досадою, а тѣмъ мало знающимъ учителямъ въ ихъ профессіи служило бѣ остановкою, и представляетъ,

(*) Выписано изъ книги съ 1754 по 1761 годъ за № 33.

чтобъ повелѣно было публиковать какъ въ Москвѣ, такъ и другихъ городовъ въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ, чтобъ всякой желающій у себя имѣть на дому учителя, долженъ былъ платить за него, или оной учитель самъ въ годъ по тридцати рублей, а тѣ бѣ учителя, которые публично у себя на дому держать школы, платить въ годъ по шестидесять рублей, и оныя бѣ деньги вносили въ Москвѣ въ Университетъ, а прочихъ отдаленныхъ мѣстъ по близости къ тѣмъ въ губернскія и воеводскія канцеляріи, получая на то отъ тѣхъ мѣстъ квитанціи не отъменно въ декабрь мѣсяцъ съ тѣмъ обязательствомъ, что есть ли явятся тому преслушники, тобъ съ нихъ взыскивать за первой разъ штрафу сто, за другой пять сотъ, за третій тысячу рублей, въ доказательство же того, что оное не сдѣлаетъ не токмо никакого прекращенія въ ученіи, но еще и не малую принести пользу представляетъ; 1) что тѣ незнающіе учителя, принимающіеся за малую цѣну, не будутъ въ состояніи оной суммы платить, и потому ихъ профессія больше вредная, нежели полезная, при нихъ останется, 2) изъ тѣхъ учащихся дѣтей уже въ учрежденныхъ на то мѣстахъ должны будутъ обучаться, гдѣ по несравненному въ оныхъ мѣстахъ предъ тѣми учителями находящемуся знанію лучшіе и довольнѣйшіе успѣхи не теряя время по пустому приносить могутъ; 3) собираемая съ тѣхъ учителей деньги сдѣлаютъ помочь интересу, на которія можно будетъ въ приличныхъ мѣстахъ завести гимназіи, приказали: въ Московской Университетъ послать указъ, въ которомъ написать, что Правительствующій Сенатъ къ наложенію на всѣхъ учителей предписаннаго въ выше показанномъ отъ Университета представленія платежа приступить не можетъ, потому что оной платежъ единственно имѣетъ быть только къ отягощенію общества, а не учителямъ, потому что они на тотъ платежъ цѣну за ученіе становить будутъ дороже, а чрезъ то мало знающимъ учителямъ въ ихъ профессіи остановки не будетъ, а понеже въ опубликованномъ прошлаго 1757 года мая 5 дня Правительствующаго Сената указъ объявленъ Высочайшій

Ея Императорскаго Величества имянной указъ и вельно находящихся какъ въ С.-Петербургъ, такъ и въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ иностранныхъ народовъ учителей, безъ свидѣтельства въ ихъ наукахъ въ Десіансъ-Академіи и въ Московскомъ Университетѣ и безъ аттестатовъ отъ оныхъ въ партикулярныхъ домѣхъ, не держать, и самимъ имъ учителямъ школы не имѣть, и за неисполненіе по сему иманно въ томъ указѣ и штрафъ предписанъ за каждаго такового не свидѣтельствованнаго учителя по сту рублей, а тѣхъ учителей кто безъ аттестатовъ школы имѣть будетъ, вельно высылать за границу, и для того къ совершенному таковымъ мало знающимъ и безъ аттестатовъ въ домѣхъ школы имѣющимъ учителямъ истребленію Московскому Императорскому Университету въ подтвержденіе вышеписаннаго публикованнаго Ея Императорскаго Величества указа для публикованія еще сочинить формуляръ, хотя съ прибавленіемъ для таковыхъ мало-знающихъ учителей какъ съ держателей ихъ, такъ и съ нихъ самихъ денежнаго штрафа, а чтобъ таковыя учителя отъ обывателей, которыя въ противность вышеписаннаго указа оныхъ у себя держать будутъ, утаены быть не могли, то предписать въ томъ указѣ, чтобъ здѣсь и въ Москвѣ отъ полиціи, а въ городѣхъ отъ губернаторовъ и воеводъ наискрѣпчайшее смотрѣніе въ томъ было, дабы ни одинъ изъ такихъ учителей отнюдь своей профессіи распространять нигдѣ не могъ, напротивъ же того искусныхъ освидѣтельствованныхъ и аттестаты имѣющихъ учителей не токмо налагасмымъ платежемъ отягощать и въ домѣхъ желающихъ ихъ держать запрещать не надлежитъ, но чтобъ къ въѣзду ихъ изъ за границы сюда большую охоту придать, пристойнымъ награжденіемъ приласкать слѣдуетъ, и оной формуляръ сочиня, внести ко опробаціи въ Правительствующій Сенатъ. Подлинной за подписаніемъ Правительствующаго Сената. Протоколистъ Матвей Красильниковъ. Канцеляристъ Сергій Зыковъ (*).

(*) Выписано изъ производства по Московскому Университету съ 1754 по 1761 годъ книга за № 33 стр. 413—415.

III.

УЧРЕЖДЕНІЕ ГИМНАЗІЙ.

1761 года марта 20, августа 20, сентября 13, и октября 19 чисель, по указу Ея Императорскаго Величества въ собраніи Правительствующій Сенатъ по доношеніямъ Императорскаго Университета куратора, дѣйствительнаго камергера и кавалера Ивана Ивановича Шувалова, о учрежденіи гимназій и школъ для воспитанія Шляхетнаго юношества, опредѣлили: Ея Императорскому Величеству поднести отъ Сената всеподданнѣйшій докладъ (съ приложеніемъ упоминаемаго господина куратора и кавалера съ предписаннаго перваго представленія копій) съ таковымъ приношеніемъ, что Сенатъ, имѣя о сей матеріи довольное разсужденіе, признаваетъ оное весьма полезнымъ обществу и благоизобрѣтеннымъ способомъ къ совершенному приведенію шляхетнаго юношества въ наилучшее состояніе, отъ коего предвидится несумнѣнная надежда къ достиженію людей достойныхъ какъ въ воинской, такъ и въ гражданской службахъ, и проситъ Ея Императорскаго Величества Высочайшаго указа, не соизволить ли Всемилостивѣйше повелѣть въ сходственность его господина куратора учрежденія все дворянство прежде семнадцати лѣтняго ихъ возраста отнынѣ впредь ни въ какую службу не опредѣлять, а обучатца имъ въ назначиваемыхъ въ городахъ школахъ и гимназіяхъ, а потомъ въ здѣшнемъ и Московскомъ Университетѣ и въ Кадетскомъ корпусѣ, а буде кто пожелаетъ дѣтей своихъ или родственниковъ обучать у волныхъ свидѣтельствованныхъ отъ Академіи и Университета или отъ корпусовъ, гдѣ есть учрежденные школы учителей, оное имъ въ слѣдствіе имяннаго 1737 года февраля 9 дня указа дозволить, по прошествіи жъ семнадцати лѣтъ такихъ, кои пожелаютъ въ военную службу экзаменоваться въ сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ для практики оныхъ на нѣкоторое время и оставлять должно волунтерами, дабы

вступая въ действительную службу обряды и обычай воинской совершенно знать могли, а которые обучались гражданскимъ законамъ и другимъ наукамъ, тѣхъ свидѣтельствовать въ Университетѣ и въ Академіи, а потомъ по безпристрастномъ экзаминѣ опредѣлять по склонности ихъ и наукамъ и пожеланіямъ въ военную или гражданскую службу прапорщичьими чинами. Кои же въ наукахъ и болѣе семнадцати лѣтъ возраста своего быть пожелаютъ, тѣмъ оныя продолжать и до двадцати лѣтъ, и таковыхъ уже, буде по экзаминамъ явятца, что въ наукахъ приобрѣли предъ другими большое знаніе, опредѣлять въ чины подпорутчичьи, порутчичьи, и въ капитанскіе, смотря по достоинству, коиъ для того награжденія отсылать съ атестатами, прописывая макъ о наукахъ, такъ и о добромъ ихъ поведеніи въ герольдмейстерскую кантору, которой по учиненіи о ихъ дворянствѣ обстоятельныхъ справокъ съ вышеписанными атестатами представлять къ разсмотрѣнію Правительствующему Сенату, а въ службѣ имъ быть двадцать пять лѣтъ, буде болѣе продолжать не пожелаютъ, считая отъ того двадцатилѣтняго возраста; а которые въ указныя лѣта, кромѣ одной російской грамоты ничего не обучатца, такихъ писать въ военную службу унтеръ-офицерами впредъ до выслуги, пока дѣйствительно своимъ прилежаніемъ и добрыми поступками учинять себя достойными чести офицерской, коиъ же нынѣ въ службѣ написаннымъ меньше пятнадцати лѣтъ отъ роду, и хотя бѣ кто изъ нихъ чины унтеръ и оберъ-офицерскіе получили, тѣмъ науки продолжать и экзаментъ чинить, какъ выше предписано, того ради и чинами до показанного семнадцатилѣтняго возраста ихъ не повышать, кромѣ пожалованныхъ въ гвардію и въ другихъ командахъ по именнымъ Ея Императорскаго Величества указамъ, коиъ линію къ произведенію имѣть по прежнему не примѣняя къ другимъ противъ сего учрежденія; а для укомплектованія какъ сухопутного, такъ и морского Кадетскихъ корпусовъ, такожъ въ артиллерійскіе и инженерныя школы въ положенное по штатамъ число, сколько когда потребуетца опредѣлять, изъ гимназій,

какимъ же наукамъ, тожь и приличнымъ дворянству эзерциціямъ и лутчимъ поведеніямъ въ оныхъ гимназіяхъ и школахъ обучатца должно, тожь и въ протчихъ подробностяхъ, что противъ сего учрежденія касатца будетъ къ допленію. Правительствующій Сенатъ, не утруждая Ея Императорское Величество по воспослѣдованію о семъ Высочайшей конфирмаціи потребныя способы впредь возстановлять и опредѣлять имѣеть, бюджетъ кто изъ дворянъ для приращенія наукъ пожелаетъ воляжировать въ иностранныя государства, таковыхъ съ разсмотрѣнія Сената отпускать съ сроками, ибо и въ состоявшейся за подписаніемъ собственныя въ Божь почивающаго Государя Императора Петра Великаго руки 1722 года табели о рангахъ, между протчимъ въ 14 пунктѣ о коллегіи юнкорахъ изображено, чтобъ пренятствія не чинить, но всячески ихъ къ тому уважать и пріохочивать, сверхъ того кто изъ тѣхъ отпускаемыхъ въ чужіе край дворянъ просить будетъ и о вступленіи въ тамошнюю службу, но не вѣчно, тѣмъ по разсмотрѣнію Правительствующаго Сената дозволять, какъ то и при жизни Его жь Императорского Величества блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти, многіе изъ російскаго дворянства въ иностранныхъ службахъ обращались, гдѣ въ пользу отечества по разнымъ званіямъ пріобрѣли достаточное искусство, при томъ же Сенатъ заблагоразсуждая пріемлетъ смѣлость Ея Императорскому Величеству подданнѣйше представить, не соизволить ли всемиловитвѣйше указать и всему дворянству, кои по нынѣ указнымъ опредѣленіемъ въ дѣйствительную службу вступили, считая отъ двадцати-лѣтняго возраста, продблжать оную равно какъ и предписаннымъ до дватцати пяти лѣтъ, а по выслуженіи оныхъ кто просить будетъ въ отставку изъ службы военной и гражданской увольнять вѣчно безъ свидѣтельства доктурскова, изъ чего произростать можетъ общая польза, потому что деревни подъ всегдашнимъ присмотромъ своихъ помѣщиковъ придуть въ лутчее состояніе, слѣдовательно во всякихъ съ крестьянства государственныхъ сборахъ доимки не будетъ; къ тому жь на мѣста отставныхъ

слѣдующіе по старшинству и достоинству въ перемѣнѣ ранговъ Высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію пользоваться, и толь ревностнѣя по званіямъ должности свои отправлять будутъ, и кои по предписанному по желаніямъ ихъ отставку получать, такихъ уже хотябъ они и сами просили болѣе, какъ въ военную, такъ и гражданскую службы не опредѣлять для того, что къ тому способные приготовляться будутъ вышеписанные обученые, конимъ та линія и составляетца, а онымъ вовсе отставнымъ должно единственно толко земскую службу отправлять, когда востребуется по пристойности ихъ ранговъ по очереди въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они свои помѣстія имѣютъ, а между тѣмъ до воспослѣдованія на оной всеподдантѣйшій докладъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа изъ всѣхъ мѣстъ прислать въ герольдію имянныя списки, сколько такихъ дворянъ, кои ниже пятнадцати лѣтъ записанныхъ въ службу, съ которого году и по какимъ указомъ и въ какихъ рангахъ состоятъ, такожь и о томъ показать, обрѣтаются ль они въ надлежащихъ по званію ихъ наукахъ, и на чѣмъ содержаніи обучаются, а сверхъ того и по герольдіи справясь генерально о всемъ дворянствѣ, сколько отпущенныхъ по наипортамъ для наукъ на указныя два срока сочинить именной списокъ и представить Правительствующему Сенату немедленно. И какъ скоро, откуда тѣ списки присланы будутъ, оныя отсылать отъ герольдіи ко упоминаемому господину куратору, дабы смотря по числу оныхъ возможно было окуратнѣе штаты гимназіямъ и школамъ учредить. Подлинное подписали: Иванъ Цеплюевъ, Алексѣй Жеребцовъ, графъ Раманъ Воронцовъ, кн. Михайла Шаховской, Никола Пурзевъ, Алексѣй Дашковъ (*).

(*) Выписано изъ книги 1760, 61 и 63 годовъ за N 25 стр. 48—51.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЖАЛОВАНЬЕ ВЪ 1744 ГОДУ.

В Ъ Д О М О С Т Ъ,

СКОЛЬКО НАДЛЕЖИТЬ НА 744 ПО НЫНѢШНІЙ 745 ГОДЪ
НИЖЕПИСАННЫМЪ ПЕРСОНАМЪ.

ГОСПОДАМЪ ПРОФЕССОРАМЪ.	РУБЛИ.	КОП.
Делиль	5,200	—
Винцгейму	360	—
Вейтбрехту	610	—
Штелину	860	—
Гмелину	440	—
Миллеру	400	—
Лероу	460	—
Сигизбеку	550	—
Рихману	340	—
При библиотекѣ и кунсткаморѣ господи- ну Ассесору Тауберту	250	—
АДЪЮНКТАМЪ:		
Брему	240	—
Трескоту	60	—
СТУДЕНТУ:		
Кленцелту	100	—

ИНФОРМАТОРАМЪ:		РУБЛИ.	КОП.
Миллеру		24	53 ¹ / ₂
Штенгеру		400	
Гренингу		133	33 ¹ / ₂
Кеннандеру		30	33 ¹ / ₄
ПЕРЕВОДЧИКАМЪ:			
Френганку		17	15
Голубцову		40	—
Лебедеву		35	50
Сумма		10,250	85 ¹ / ₄

(*) Выписано изъ книги: Ръшенныя дѣла по экспедиціи Академіи Наукъ въ Сенатъ за N 905 со 129 по 130.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ НАПЕЧАТАН- НАГО ВЪ РУССКОЙ ВЕСЕДѢ СЛОВА

ДАШИЛА ЗАТОЧНИКА.

«Слово о Даниилъ Заточникъ» напечатано было въ первый разъ Н. М. Карамзинымъ въ Исторіи Государства Россійскаго, въ прибавленіяхъ къ VIII тому (2 изд., стр. 150—155), съ нѣкоторыми выпусками, по списку, доставленному К. Ѡ. Калайдовичемъ; рукопись, въ которой оно помѣщалось, принадлежала тогда московскому купцу А. С. Шульгину и заключала въ себѣ, въ числѣ многихъ отрывковъ духовнаго содержанія, нѣсколько Словъ Юсифа Волоцкаго на еретиковъ новгородскихъ; ея скоропись указывала на конецъ XVI или начало XVII вѣка; историографъ прибавилъ нѣсколько разнорѣчій изъ какого-то другаго списка, ему извѣстнаго.

Потомъ та же самая рукопись перешла въ бібліотеку Гр. Толстаго и отсюда уже напечатана была Калайдовичемъ въ «Памятникахъ XII вѣка (1821 г.)» съ нѣсколькими лучшими измѣненіями чтенія и съ повтореніемъ Карамзинскихъ разнорѣчій: это было первое изданіе полного текста.

Въ третій разъ напечаталъ «Слово» И. П. Сахаровъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа», по списку, сообщенному И. П. Морозовымъ, но безъ всякихъ почти измѣненій противъ первопечатнаго (впрямую того же вѣка была и рукопись).

Всѣ три поименованныхъ списка представляютъ собою образецъ *одного извода* (одной редакціи).

Другаго извода, во многомъ отличнаго, «Слово» нынѣ напечатанное. Рукопись, изъ которой оно занято, содержитъ въ себѣ: 1., «Пчелу;» 2., «Данила Заточеника *моленіе къ своему князю*

Ярославу Всеволодовичю;» 3., «Святаго и славнаго и всехвалнаго первомученика и архидіакона Стеана (житіе)». Въ осьмушку; прекрасная, четкая и своеобразная скоропись конца XV вѣка.

Третій изводъ есть собственно передѣлка и сокращеніе предыдущаго: это «*Слово Данила Заточника,*» напечатанное въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1842 г., томъ XXII, смѣсь, стр. 57—59) Гр. Д. Толстымъ, изъ принадлежащаго ему сборника въ четвертку (?), писаннаго скорописью первой половины XVII вѣка.

Каждый изъ трехъ изводовъ, различаясь болѣе или менѣе содержаніемъ, различается, какъ видите, и заглавіемъ.

По старшинству вѣка рукописей, мы такимъ образомъ получаемъ для нашего памятника *три разряда*, коимъ соответствуютъ и три различія изводовъ:

Разрядъ первый: нынѣ напечатанный памятникъ, конца XV в.

Второй: три списка одного извода (Карамзинскій, Калайдовичевъ, Сахаровскій), конца XVI или начала XVII вѣка.

Третій: списокъ (Толстовскій) первой половины XVII вѣка.

Задача наша: опредѣлить сходство и различіе разрядовъ, по рукописямъ и изводамъ; тѣмъ самымъ представить читателю текстъ памятника въ полнотѣ, освобождая отъ труда справиться въ томъ или другомъ печатномъ изданіи; разбирая текстъ, способствовать уясненію начала, происхожденія и значенія памятника; къ одному средоточію свести главнѣйшія и существенныя показанія другихъ ученыхъ, подвергавшихъ памятникъ своему изслѣдованію; присоединить собственныя положительныя данныя и болѣе-менѣе вѣроятныя предположенія.

Начнемъ со старшинства рукописей или указанныхъ трехъ разрядовъ. Съ этой стороны напечатанный нынѣ списокъ составляетъ для науки весьма важное пріобрѣтеніе, за которое не благодаримся почтеннѣйшему В. М. Ундольскому.

Доселѣ памятникъ извѣстенъ былъ по рукописямъ не выше конца XVI вѣка: разстояніе, отъ котораго страшенько дѣлать заключенія къ сочинителю изъ XII вѣка.

Теперь мы знаемъ, что памятникъ извѣстенъ былъ и хранился у нашихъ предковъ въ рукописи XV вѣка.

Но и эта рукопись списана съ другой, что доказывается многими ошибками, происшедшими отъ неправильнаго чтенія подлинника: такъ писецъ вмѣсто *яко* ставитъ *ясно*, вмѣсто *честна—чиста*, вмѣсто *сыне—спасе*, вмѣсто *рытиры*, *магистрове* (риттеры, рыцари), разставляетъ—*рыти*, *рымогистрове*, и проч.

Стало быть, подлинникъ нашего списка существовалъ и ходилъ ранѣе конца XV вѣка.

Кромѣ того, это не одинъ только списокъ, но и вольная передѣлка подлинника, ибо здѣсь, между прочимъ, самъ Даниилъ приводится какъ писатель, въ третьемъ лицѣ: «Даниилъ рече: — храбра, княже, борзо добудеши, а умныи дорогъ есть.»

Слѣдовательно *существованіе Даниила, какъ отдѣльнаго писателя*, въ томъ же родѣ содержанія, какое находимъ въ предлагаемомъ памятникѣ, признается въ XV вѣкѣ.

Признается *существованіе Даниила Заточника* и въ летописи подъ годами XIV вѣка: при описаніи побѣды, одержанной надъ Татарами въ 1378 году на берегахъ Вожи, замѣчено, что тамъ плѣнили одного священника съ мѣшкомъ ядовитыхъ травъ и, по истязаніи, онъ сосланъ былъ «на Лаче озеро, идѣже бѣ Данило Заточеникъ (Троицкая пергамина и др.)» Во 2-мъ разрядѣ списковъ сочинитель Слова именно жалуется на эту ссылку: «кому Лачъ озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горки.»

Извѣстенъ былъ Даниилъ, какъ *безсчастный*, и въ народныхъ преданіяхъ: «какъ Данило безсчастный не заслужилъ (разумется — у князя) ни хлѣба мягкаго, ни слова гладкаго.» Именно такъ описываетъ свое положеніе сочинитель Слова. Эту замѣчательную по словицу, какъ *извѣстную и древнюю*, сообщилъ Калайдовичу Гр. Н. П. Румянцевъ въ письмѣ отъ 7 декабря 1819 года, и странно, какъ Калайдовичемъ не была она обнародована и доселѣ оставалась неизвѣстною въ нашей словесности.

Одно ли и тоже лице *Даниилъ писатель, сочинитель предлагающаго Слова и Даниилъ Заточникъ или безсчастный?* Конечно, что явствуетъ изъ предыдущаго:

1.) Даниилъ писатель, упомянутый въ 1-мъ разр. сп, употреблялъ точно такія же выраженія, въ томъ же духѣ и о томъ же предметѣ, какъ это находимъ въ словѣ Заточника.

2.) Въ летописи упоминается Даниилъ Заточникъ, бывшій въ ссылкѣ: Слово, описывающее тяжесть ссылки и вымоляющее прощеніе, надписывается во всѣхъ трехъ разрядахъ именемъ Даниила Заточника.

3.) Тоже самое о ссылкѣ на Лаче озеро.

4.) Безсчастный такъ и характеризуется въ Словѣ. Не забудемъ, что нашъ народъ зоветъ именно *безсчастливыми и несчастными* тѣхъ, кои идутъ въ ссылку.

И такъ, существовалъ Даниилъ Заточникъ, несчастный княже-

скою опалюю, русскій писатель, сочинившій известное Слово, не позже половины XIV вѣка.

Замѣтьте, что мы поступаемъ осторожно и выводы свои не разъ повторяемъ: потому, что на эту точку простиралось въ наше время не мало сомнѣній, и не безъ основанія, какъ увидимъ ниже.

Теперь вопросъ: въ какомъ видѣ известенъ былъ Даниилъ, какъ писатель, нашимъ предкамъ въ древности, до конца XV вѣка и ранѣе, или въ какомъ видѣ имѣлся тогда первобытный подлинникъ Даниилова Слова?

Конечно не въ томъ видѣ, какъ представляютъ его намъ списки всѣхъ трехъ разрядовъ вмѣстѣ: ибо, не говоря о позднѣйшихъ, даже языкъ 1-го, древнѣйшаго, едва ли можетъ восходить къ половинѣ XIV вѣка.

Не въ томъ видѣ, какъ представляютъ его намъ и каждый изъ трехъ разрядовъ порознь: третій есть явно сокращеніе перваго, стершее всѣ существенныя черты, характеризующія лице, положеніе и цѣль писателя, однимъ словомъ сборникъ изреченій безъ всякой связи, намѣренно выкинутой, какъ увидимъ ниже; для перваго разряда существовалъ, какъ показано выше, свой образецъ, послужившій подлинникомъ для подражанія, такъ что самъ Даниилъ выведенъ въ третьемъ лицѣ, какъ сторонній писатель; и второй разрядъ не годится, ибо въ немъ нѣтъ словъ Даниила, приводимыхъ въ первомъ («Даниилъ рече» и проч.), и ясны позднѣйшія приписки, о коихъ ниже.

И такъ, прежде уже конца XV вѣка былъ особый изводъ Даниилова Слова, какъ по языку, такъ и по содержанію не согласный въ частности съ дошедшими къ намъ списками. А следовательно, сохранившіеся у насъ разряды списковъ и изводовъ, представляютъ только передачу или подражаніе подлинника.

Какой же, гадательно, разрядъ ближе къ древнѣйшему изводу и подлиннику? Наука, воспитанная критикою словесныхъ памятниковъ, можетъ предлагать подобные вопросы. Она можетъ и отвѣчать:

Конечно не третій разрядъ ближе, по причинамъ, выше изложеннымъ.

Изъ прочихъ двухъ разрядовъ, и тотъ, и другой могъ сохранить порознь черты подлинника, одинъ лучше въ томъ мѣстѣ, другой въ другомъ.

Какъ, вы осмѣливаетесь списки конца XVI и начала XVII вѣка ставить наравнѣ со спискомъ XV-го? Нѣтъ, списки не рав-

няемъ, а изводы: многократные опыты показываютъ, что иногда списокъ позднѣйшій сохранилъ въ себѣ часть лучшаго извода, чѣмъ древнѣйшій.

Возьмемъ изъ памятника черты основныя и существеннѣйшія, разумѣя тѣ, конми опредѣляются лице, вѣкъ, мѣстопробываніе писателя, обстоятельства сочиненія, цѣль, и т. д.

Въ 1-мъ и 2-мъ разрядѣ сп. находится слѣдующее известное мѣсто:

1-й.

Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лучше бо ми смерть, ни Курское княженіе; тако и мужевн: лучше бы смерть, не продолженъ животъ во убожствѣ.

2-й.

Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпши бы ми смерть, а не Курское княженіе; такоже и мужевн: лѣпши бы ми смерть, нежели продолженъ животъ въ нищѣтѣ.

Между тѣмъ, по лѣтописи, это сказалъ не Ростиславъ, а знаменитый членъ дома Мономахова, Андрей Владиміровичъ Переяславскій (Переяславля стараго, русскаго), прозванный Добрымъ, въ 1139 году; когда В. Кн. Всеволодъ Ольговичъ хотѣлъ удалить его изъ Переяславля, отдавая въ замѣнъ Курское княженіе: «тогда Всеволодъ, приведъ брата изъ Курьска, Святослава, и иде съ нимъ Переяславию на Андрѣя, и хотяше выпнати Андрѣя, а брата своего посадити; а Андрѣяни рече: «иди Курску». И Андрѣй тако рече, сдумавъ съ дружиною своею: «лѣпше ми того смерть, а съ своею дружиною, ва своей воочинѣ и ва дѣднѣ (дѣдинѣ), нежели Курьское княженіе; отецъ мой Курьскъ не съдѣлъ, но въ Переяслави и хочю на своей отчинѣ смерть пріяти (*).» Ясно, что имя Ростислава въ спискахъ обоаго разряда подставлено ошибочно, и потому позднѣйшимъ переписчикомъ и передѣльвателемъ.

Но какой же смыслъ имѣють эти слова, приведенныя въ сравненіе? Неужели только отвлеченный и патянутый смыслъ сравненія, что такъ точно и мужу лучше смерть, чѣмъ жизнь въ нищѣтѣ? Тогда зачѣмъ бы приводить именно это яркое выраженіе Андрѣя? Списокъ 1-го разряда, XV вѣка, даетъ намъ удонлетворительное объясненіе. Въ немъ все вращается около *Переяславля*. Сочинитель Слова называетъ князя, къ коему обращается, своимъ («княже мой», «моленіе къ своему князю»), и этотъ князь—Переяславскій: «орелъ царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами, а левъ надъ зверми, а ты, княже,

(*) Лавр. лѣтоп., II. С. Р. Л., т. I, стр. 131; спис. Р., Т.: лѣтѣ.

над Переяславцѣмъ.» Жалуясь на судьбу изгнанія, онъ прибавляетъ: «господине, пріими (меня) милостію своею; кому ти есть Переяславль, а мнѣ Гореславль: зане часть не прорасте в немъ, то есть: нѣтъ мнѣ доли въ Переяславль, я лишень его, изгнанъ, и обратилъ ся онъ мнѣ въ Гореславль; помилуй меня, вороти изъ ссылки.

Теперь, кажется, очевидна связь приведенныхъ выше словъ: какъ Андрей Переяславскій желалъ лучше смерти, но не хотѣлъ выйти изъ роднаго города Переяслава, также тяжко и мнѣ, Переяславцу, удаленіе изъ родной стороны, и лучше бы умереть мнѣ. Положеніе сочинителя было совершенно сходно съ положеніемъ Андрея: самъ Переяславецъ, и обращаясь къ Переяславскому князю, какія слова онъ могъ лучше и болѣе кстати выбрать для сравненія, какъ не слова Мономаховича?

И такъ свесеніе съ лѣтописью показываетъ важное превосходство въ показаніи рукописи XV вѣка предъ всеми остальными списками Слова, не дающими намъ въ этомъ случаѣ никакой подобной ясной черты. А эта черта, именно отношеніе къ Переяславу, даетъ возможность уразумѣть и нѣкоторыя другія стороны памятника, и даже ошибки въ его спискахъ. Такъ:

Почему писецъ или передѣльватель подставилъ вмѣсто Андрея имя Ростислава? Уже Карамзинъ и Каалайдовичъ предлагали догадку вопросомъ: «этотъ Ростиславъ не сынъ ли Юрья Долгорукаго?» Положимъ: да почему же прямо его взято имя? Конечно потому, что онъ былъ княземъ Переяславскимъ (и опять не Залѣскимъ). Не далеко было отъ дяди Андрея шагнуть къ племяннику Ростиславу, особенно для того изъ нашихъ предковъ, кто, передѣлывая или переписывая Слово, по преданію старины держался Переяслава и перечня князей его.

Еще болѣе: списокъ XV вѣка выводитъ Ярослава Всеволодовича, какъ того князя, къ которому писано Слово. Въ оглавленіи: «Данила Заточеника моленіе к своему князю Ярославу Всеволодовичю;» въ текстѣ: «мы же не умолчим, но воздагодемъ къ господину своему, всемилостивому князю, Ярославу Всеволодовичю;» «еп, рече, помани мя сыне (въ сп. «спасе») великого царя Всеволода.» Это опять потому, что Ярославъ Всеволодовичъ былъ нѣкоторое время княземъ въ томъ же Переяславѣ, и здѣсь, подобно какъ и выше, сдѣланъ шагъ отъ дяди Ростислава къ племяннику Ярославу.

Такъ въ Словѣ, по списку 1-го разряда, видимъ цѣлый рядъ

князей Переяславских: слова Андрея, вставленное имя Ростислава, действующее лице Ярослава.

На основании всего этого, думаемъ: Даниилъ Заточникъ жилъ въ Переяславль, старомъ, южномъ, русскомъ, въ немъ не имѣлъ доли, то есть по опалѣ отсюда былъ изгнанъ, сюда желалъ возвратиться и о томъ писалъ убѣдительное, просительное Слово къ своему Переяславскому князю. Это существенная черта памятника, принадлежащая подлиннику и уцѣлѣвшая въ спискѣ 1-го разряда, древнѣйшемъ.

Но вѣдь это скажутъ, догадка? Да, но въ такомъ дѣлѣ и можно руководиться только догадками, лишь бы осторожно и по дорожкѣ къ истинѣ. А если не принимаете эту догадку, какъ же иначе объясните приведенныя слова, выраженія и отношенія памятника? Знаемъ, что готовите такое возраженіе: Переяславль упоминается здѣсь какъ мѣсто изгнанія Заточника, подобно тому, какъ въ спискахъ 2-го разр.: «кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горки.» Но это возраженіе само себя опровергаетъ:

1.) Въ немъ предполагается два мѣста ссылки: въ сп. 1-го разр. Переяславль, въ сп. 2-го Лачь и т. п. Нужно решить, какой списокъ правъ.

2.) А кому рѣшить, какъ не лѣтовисы? Она говоритъ, что Даниилъ Заточникъ сосланъ былъ на Лаче озеро; следовательно, Переяславль не былъ мѣстомъ его изгнанія.

3.) Да и какъ могъ быть мѣстомъ изгнанія городъ, столь славный въ то отдаленное время, мѣстопробываніе Святителей и знаменитыхъ князей, изъ за котораго послѣдніе такъ горячо спорили и въ образецъ котораго Юрій въ Суздальщинѣ повторилъ доронія имена Переяславля и Трубежа! Другое дѣло—пустынное и уединенное мѣсто, какъ Лачь или Ляче.

4.) Сочинитель Слова говоритъ князю: «якоже дуб крепится множествомъ коренія, тако градъ нашъ твоею дръжавою; кормникъ глава кораблю, а ты, княже, людемъ своимъ;» «гвѣло крѣпится жилиами, а мы, княже, твоею дръжавою;» «гусли строятся персты, а градъ нашъ твоею дръжавою;» «ты, княже надъ Переяславци.» Какъ же этотъ городъ, свой сочинителю, гдѣ жилъ и князь его, могъ быть въ тоже время мѣстомъ ссылки, которая описывается удаленіемъ отъ князя и «свѣта очей его?»

Стало бытъ, скажутъ, при объясненіи мѣста заточенія Даниила вы отдаете преимущество показанію списковъ 2-го разряда, кои именуютъ Лачь, Бѣло-озеро, и т. п.? Нѣтъ, преимущества не отда-

емъ, а просто видимъ, что въ 1-мъ разр. говорится одно, во 2-мъ другое. Сравнимъ.

2-го разряда списки:

«Мы, княже господине, желаемъ твоея милости: зане, господине, кому Любово, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ черныя смолы; кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ съдя, плачь горки; кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы дпали: зане не процвѣте часть моя.»

То есть: смилуйся, князь, надо мною, ибо тяжело мое изгнаніе, въ такихъ-то мѣстахъ; а потому я терплю, что ужъ, видно, такова моя доля горькая. Выраженіе *зане не процвѣте часть моя*, взятое изъ Св. Писанія, имѣетъ здѣсь обычный смыслъ: не цвѣтетъ моя доля, моя судьба, не цвѣтушь удѣлъ мой.

1-го разряда:

«Ты, господине, прими (меня) милостию своею; кому ти есть Переяславль, а мнѣ Гореславль: зане часть не прорасте в немъ.»

Здѣсь совсѣмъ другой оборотъ, именно отъ прибавки послѣднихъ словъ: «не прорасте в немъ,» то есть въ Переяславль, «часть моя;» не укрѣпился, не укоренился, не процвѣлъ въ немъ удѣлъ мой; нѣтъ уже мнѣ въ немъ доли, не судьба моя быть въ Переяславль; это уже не отвѣченное выраженіе, какъ выше. Потому Заточнику горекъ Переяславль, что онъ уже не живетъ въ немъ; кому другому въ немъ радость, кому онъ Переяславль, а Заточнику Гореславль.

Замѣтьте притомъ, что гдѣ указывается мѣсто заточенія, тамъ прибавлено: «а мнѣ на немъ съдя;» ничего нѣтъ подобнаго относительно Переяславля.

И такъ выше, по сличенію со словами летописи, мы признали достовѣрность и подлинность списка XV вѣка, по коему родной городъ сочинителя Слова—Переяславль. А здѣсь, также по летописи, подлинное указаніе на мѣсто заточенія находимъ въ спискахъ 2-го разряда, согласующихся съ летописью. И подтверждается сказанное: одинъ списокъ сохранилъ въ изводѣ памятника вѣрнѣе одну существенную черту, другой другую.

И точно, списки 2-го разр. доносятъ намъ многое такое, что ближе отзывается первобытнымъ подлинникомъ и въ чемъ уступаетъ списокъ XV вѣка.

Во первыхъ, поминутое мѣсто заточенія. Согласно съ летописью, списки 2-го разр. говорятъ, отъ лица Заточника: «кому *Лачь озеро*.

а мнѣ на немъ спѣя, плачь горки.» И такъ вотъ гдѣ сидѣлъ Заточникъ. Что же значать другія мѣста, тутъ же имъ указанныя? Это окрестности озера Лачь, рисовавшіяся предъ взоромъ изгнанника: *Бьло-озеро*, по близости; *Новгородъ*, прадревній владѣтель всей той сѣверной области. Остается необъяснимымъ странное и загадочное *Любово*: въ спискѣ Шульгинскомъ оно поправлено, кажется, изъ *Любиво*; въ Карамзинскихъ разнорѣчійхъ *Боголюбиво*; въ Сахаровскомъ спискѣ *любовь*: стало быть, въ каждомъ изъ списковъ 2-го разряда разница. Калайдовичъ догадывался: «не *Любне* ли, Новгородскій городъ, о которомъ упоминается въ 1230 году? См. Новгор. лѣтоп., изданный съ пергамен. синод. списка.» Можно бы вспомнить и знаменитое Боголюбиво: но какъ оно зашло сюда?

Второе важное показаніе въ сп. 2-го разр. касается лица князя, къ которому писалъ Давидъ. Ни въ заглавіи Слова, ни въ самомъ текстѣ, нигдѣ здѣсь не говорится, кто таковъ былъ князь, вызвавшій строгостью опалы прекрасное произведеніе Заточника. Только въ одномъ мѣствѣ, и совершенно ненамбрено, обрисовано лице мимоходной чертою: «тѣмъже вопію къ тебѣ, княже мой, господине мой, одержимъ есмь нищетою, — помилуй мя, сыне великаго царя Владимирѣ!» Въ этой безнамбрениости, въ этой простотѣ рѣшительно долженъ видѣть всякій черту подлинника: кто самъ писалъ къ князю, тому не нужно было ни особенно называть его, ни стараться опредѣлять для потомковъ (это не челобятная, съ формою позднѣйшаго, и именно московскаго, титула). Сравните же съ показаніемъ списка 1-го разряда, приведенномъ выше: здѣсь три раза назначается подробно имя князя, съ явнымъ намбрениемъ подтвердить, что именно къ Ярославу, а не къ другому кому относится переписчикъ или передѣлыватель Слова, какъ бы намекая, чтобы не смѣшали Ярослава съ кѣмъ другимъ, и что, следовательно, былъ этотъ другой: а кто же другой, какъ не князь, къ которому писанъ подлинникъ, но имя котораго преобразователь подмѣнилъ уже другимъ? И однако всѣ три раза обличаютъ подстановку. Въ одномъ мѣствѣ, въ текстѣ, переписчикъ испортилъ всю рѣчь: «тѣмъ азъ вопію: помилуй мя, господине, гласомъ (вм. глаголомъ, т. е. по образу, также точно какъ....) блуднаго сына; еи, рече, помяни мя спасе великаго царя Всеволода.» Подлинникъ вѣроятно имѣлъ: «тѣмъ азъ вопію: помилуй мя, господине, глаголомъ (или даже: «вопію гласомъ») блуднаго сына: еи, помяни мя, сыне великаго царя Всеволода.» Переписчикъ видѣлъ, что здѣсь рѣчь блуднаго сына, которою обращаются Христіане грѣшники къ Спасу, и вмѣсто *сыне* вста-

вилъ спасе. И такъ это мѣсто испорчено. Другое гласить: «мы же не умолчим, но возглаголем,» и проч. (см. выше). Къ какой стати здѣсь мы? Не видно ли здѣсь передвѣщника, который уже не имѣлъ подлиннаго отношенія къ князю, какъ Заточникъ, а только передвѣлалъ его слова въ отвлеченную фразу? Наконецъ заглавіе: «Данила Заточеника моленіе к своему князю Ярославу Всеволодовичю.» Сталъ ли бы такъ писать самъ сочинитель, въ третьемъ лицѣ и опредѣляя своего князя, а не чужаго? И такъ повсюду видна рука, передвѣмывавшая или искажавшая въ перепискѣ, однимъ словомъ позднѣйшая. А потому не сомнѣваемся признать подлинность за показаніемъ списковъ 2-го разряда.

Притомъ же: «сыне великаго царя Владиміра» предполагаетъ сына или Владиміра Святаго, или Владиміра Мономаха, во всякомъ случаѣ время древнѣйшее, чѣмъ эпоху Ярослава Всеволодовича. Кто же естественнѣе могъ поставить въ произведеніи имя древнѣйшее? Тотъ, кто былъ ближе къ первобытному составу памятника или самъ сочинилъ его, или же жившій позднѣе? По обыкновенному порядку вещей въ такомъ дѣлѣ, позднѣйшій изводчикъ (редакторъ) ставитъ тѣ имена, кои къ нему ближе, а потому относительно позднѣе въ исторіи.

Кто этотъ сынъ Владиміра, къ коему писать подлинникъ и самъ «великій царь Владиміръ,» отецъ его? Нельзя при последнемъ думать на Владиміра Святаго, по большой отдаленности времени и по тому, что Переяславль не приобрѣлъ еще тогда славы и извѣстности, достался же въ удѣлъ только внуку, Всеволоду Ярославичю.

Карамзинъ остановился на Владимірѣ Мономахѣ; Калайдовичъ думалъ подтвердить это словами Митрополита Никифора, который въ посланіи «говорить, что Богъ его отъ Царское и княжеское крови смѣсилъ, напоминая сими выраженіями родство Мономаха съ императорскимъ византійскимъ домомъ». Впрочемъ, и нѣтъ большой нужды въ такомъ подтвержденіи, по примѣру даже лѣтописи, назвавшей въ одномъ мѣствѣ царемъ Изяслава Мстиславича; царемъ же, притомъ, легко могъ быть названъ князь въ произведеніи, исполненномъ витѣватыхъ выраженій и зависящемъ во многомъ отъ Священнаго Писанія и духовныхъ книгъ, въ конхъ съ самаго начала о властителѣхъ употреблялось имя царя. Другое дѣло названіе великаго, повторенное въ спискахъ обою разряда. Подъ великимъ царемъ разумѣется здѣсь великій князь.

Кто же этотъ сынъ великаго князя Владиміра Мономаха? Карамзинъ, печатая Слово по спискамъ 2-го разр., вывелъ: «сгдѣст-

венно это писано къ сыну Владиміра Мономаха, Георгію Долгорукому, коему принадлежало Бѣлоозеро.» Калайдовичъ: «слова Даниловичъ, безъ сомнѣнія, относятся къ Георгію Долгорукому.» Однако, можно утвердить *безъ сомнѣнія* только то, что это догадка и что единственная основа ея—отношеніе Бѣла-озера къ Долгорукому. Но по лѣтописи и показанію сп. 2-го разр., какъ сказано выше, мѣстою изгнанія было озеро не Бѣло, а Лаче. По списку же 1-го разр. мы видѣли мѣстопребываніемъ князя Переяславль, а Юрій никогда не былъ на значительное время владѣтелемъ Переяславскаго удѣла и, взявши 1149 года, отдалъ его сыну Ростиславу.

Стало быть, мы вправъ избирать любого изъ сыновей Мономаха: кого же, какъ не помянутаго Андрея Переяславскаго Добраго?

Андрей сынъ великаго князя Владиміра Мономаха, къ которому легко примѣнялось имя царя и который самъ былъ нѣкоторое время княземъ Переяславля.

Подобно тому, какъ дѣти прочихъ великихъ князей владѣли обыкновенно Переяславлемъ, владѣль имъ и Андрей.

Онъ любилъ этотъ городъ и, какъ мы видѣли, твердо отстаивалъ его за собою противъ Всеволода Ольговича, какъ свою дѣвину и отчину.

Съ этою любовію къ городу и съ тѣми достоинствами Андрея, которыя блистаютъ въ лѣтописяхъ, заслуживъ ему прозвище Добраго, вполне согласны величавыя описанія князя и его любви къ Переяславцамъ въ спискѣ 1-го разряда.

Андрей родился въ 1102 году, а умеръ въ 1141, генваря 22; Переяславлемъ владѣль, при незначительныхъ промежуткахъ, съ 1135 года до смерти; слѣдовательно въ теченіе шести лѣтъ, 1135—1141, мы полагаемъ сочиненіе Слова Даниловича, и такимъ образомъ согласуемъ со многими нашими учеными, отъ Карамзина и Калайдовича до настоящаго времени, которые относили происхожденіе памятника къ XII вѣку.

Данииль, до своего заточенія, былъ вѣроятно однимъ изъ Переяславскихъ близкихъ людей, или дружинниковъ, Андрея, какъ даютъ разумѣть нѣкоторыя выраженія въ спискѣ XV вѣка: «ты, княже, нас украшаеши милостію своею;» «луче бы ми тобѣ в дѣрузѣ служить, нежели в багрянціы въ боярстем дворѣ;» «злато красота женам, а ты, княже, людем своим; твою крѣпится жилами, а мы, княже, твоею державою;» «сусли строятся персты, а град нашъ твоею дръжавою;» «лев над зверми, а ты, княже, над Переяславцы;» «ты, княже, многи совокупи, не токмо своя домочад-

ца, но и от иных стран притекающая к тебе;» «не удержи богатства, но раздаван сильным, совокупляи храбрыя;» «луче един мудръ десяти хоробрующих без ума;» «да тѣм добро збирати мудрыя;» «умен муж не велми на рати хоробръ бывает;» «аще ти есмь на рати не хоробръ, но на словех ти есмь крѣпокъ;» «всякому дворяину тѣм имѣти честь и милость у князя, ноли (или ипаче удѣль его) ему мыкатися.» Однимъ словомъ, убѣждая князя возвратити изгнаннику милость, сочинитель доказываетъ, что онъ нужный и полезный членъ между окружающими князя, если не храбростию, важнымъ свойствомъ дружины, то еще важнѣйшею мудростию, а описывая свое положеніе въ изгнаніи, говорить, что онъ въ немъ «отлученъ свѣта очей княжескихъ,» и что его настоящее мѣсто — около князя. Если же такъ, то Даниль могъ быть членомъ той думы, собранной Андреемъ, которую описываетъ лѣтопись: «Андрей тако рече, саумавъ съ дружиною своею...» А слѣдовательно, онъ могъ слышать знаменитыя слова князя о Переяславѣ и потомъ, будучи самъ изгнанъ изъ города, могъ напомнить тяжесть лишенія замѣткою: «не глал бо ми князи: лучше бы ми смерть (чѣмъ лишиться Переяславля)».

Такимъ образомъ удовлетворительно объясняется и позднѣйшая передѣлка, подставившая имена Ростислава и Ярослава Всеволодовича. Именно:

Слово, писанное изъ заточенія ко князю въ Переяславль, разумѣется прежде всего должно было здѣсь распространиться, размножиться въ спискахъ, благодаря своему краснорѣчію, возбудить подражанія и съ теченіемъ времени измѣниться въ передѣлкахъ.

Вскорѣ послѣ Андрея, Переяславль увидалъ своимъ княземъ племянника его, Ростислава Юрьевича: это была первая ступень въ измѣненіи извода памятника, когда имя Андрея, произнесшаго рѣчь дружинѣ противъ Всеволода Ольговича, подмѣнено именемъ Ростислава, подъ рукою переписчиковъ (ибо переписчику, писавшему позднѣе Андрея, нужно было поддержать современность, дышущую во всемъ Словѣ). Замѣну эту сохранили два важнѣйшихъ разряда списковъ, 1-й и 2-й, сохранившіе столь замѣчательные слѣды изъ древности памятника.

Могла быть и вторая ступень извода, дальнѣйшая. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и на столѣ Переяславскомъ явился Ярославъ Всеволодовичъ, присланный отцемъ «въ Переяславль въ Русьскій княжить, на столѣ правды и двѣда своего,» въ 1201 году, и оставшійся здѣсь до 1206-го, а послѣ того, съ нѣсколькими про-

межутками, до самаго татарскаго времени. Вотъ когда явился новый изводъ Слова Данилова. Сообразуясь съ новыми обстоятельствами, переписчикъ, или, правильнѣе, преобразователь поставилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ оглавленіи и текстѣ, имя «сына великаго царя Всеволода, Ярослава Всеволодовича.» Не могли уже оставаться и другія древнія черты, рѣзко выставлявшія эпоху Заточника: выброшены выраженія о мствѣ изгнанія, объ озерехъ Бѣль и Лачъ, о Новгородѣ; удержано имя Переяслава, но потому, что оно шло одинаково и въ то время, ибо преобразователь конечно былъ также Переяславецъ, и не нарушало общаго впечатлѣнія; вмѣсто *азъ* чаще введено *мы*, вмѣсто *мой* — *нашъ*; Слово получило общій смыслъ жалобы на бѣды, на бѣдность, тяжесть положенія, или просьбы о милости, закрывая собою прежній частный случай изгнанія и моленія Данила; однимъ словомъ, Ярославъ могъ уже читать это Слово, какъ адресъ къ себѣ, и даже для его чтенія можетъ быть и было оно составлено изъ древняго, съ намѣреніемъ; самъ Данилъ попалъ въ число стороннихъ писателей, которыхъ можно было цитовать въ Словѣ.

Таковъ общій характеръ извода, переданнаго намъ въ спискѣ XV вѣка: это изводъ Переяславскій, начала XIII вѣка, возникшій на основаніи древнѣйшаго подлинника, почти черезъ столѣтіе, со многими измѣненіями.

Что изводъ составился именно около этого времени, доказательство, кромѣ имени Ярослава, еще въ слѣдующей припискѣ на концѣ:

«Се уже остави рвчи (здѣсь, стало быть, кончалась рѣчь древняго подлинника, Данилова) и речемъ сице: воскресни, Боже, судя земли! Воздвигни князя, убуди бояр, умножи силу князю нашему; укрѣпи бо ны и утверди лѣнныя; вложи ярость страшнымъ въ сердца; не дай же, Господи, в полонъ земля наша языкомъ, незнающимъ Бога, да не рекутъ иноплеменницы: гдѣ есть Богъ ихъ? Богъ же нашъ на небеси и на земли. Подай же намъ, Господи, побѣду на вся востающая на ны,» и проч.

Подобныя молитвы, по смыслу и даже складу, писались у насъ именно въ первое время татарскаго владычества. Списки 2-го разряда уже не имѣютъ этой молитвы.

Тѣмъ не менѣе, не всѣ существенныя черты Слова стерты въ этомъ изводѣ, какъ увидимся ниже.

Были, можетъ быть, и другіе изводы, того же времени, начала XIII вѣка: но ихъ мы не знаемъ. Только списокъ, служившій

Карамзину для разпорѣчій, князя называлъ Ярославомъ и потому историографъ сдѣлалъ догадку, что «Георгій (Долгорукій) могъ имѣть славянское имя Ярослава.» Но онъ не сказалъ намъ, какое въ спискѣ прибавлено отчество: если Владиміровичъ, то опять это далеко и странно; если Всеволодовичъ, то это былъ бы своеобразный изводъ, близкій къ нашему въ спискѣ XV вѣка.

Послѣ XIII вѣка могли и даже должны были явиться свои особые изводы Слова: оно такъ было заманчиво содержаніемъ, такъ красовалось изложеніемъ, коему удивляемся досель и мы, при всѣхъ передѣлкахъ, что предки наши не могли оставить безъ вниманія столь важный памятникъ и, переписывая его, воздвигали по собственному умозрѣнію, тѣмъ болѣе, что это не былъ историческій документъ. Такъ образовался изводъ, представляемый намъ въ спискахъ 2-го разряда, и образовался съ двоякимъ характеромъ. Съ одной стороны, въ немъ сохранились такія существеннѣйшія черты подлинника, какихъ не находимъ и въ изводѣ XIII вѣка, какъ то о мѣстѣ ссылки Даниила, о князѣ, какъ сынѣ Владиміра, и другія, не уступающія изводу Ярославскому. Но съ другой стороны, въ немъ есть, подобно какъ и въ послѣднемъ, своего рода приставка на концѣ, доказывающая, что на изводъ налегла уже рука позднѣйшихъ вѣвовъ, XIV, XV, и вѣроятно XVI вѣка. Прочтите:

«Сіа суть словеса, да не уже много глаголю (этимъ, конечно, кончался древнѣйшій подлинникъ, и за нимъ вдругъ начинается прибавка:). Сіа словеса зъ Даниилъ писахъ въ заточеніе(и) на Бяль озеръ, и запечатавъ въ воску, и пустихъ во езеро, и вземъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и пача ея пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Данила свободити отъ горкаго заточенія.»

Что это позднѣйшая прибавка, убеждаютъ совершенно слѣдующіе доводы:

1.) Выраженіе передъ нею показываетъ, что Слово было кончено.

2.) Довольно бы хотъ на ней остановиться: рассказана уже самая судьба Слова и Даниила. Но прибавка рождаетъ прибавку, и нѣсколько позднѣйшихъ рукъ внесли слѣдующіе слои:

Снова изреченіе, не имѣющее никакой связи: «не отмай безумному прямо безумія его, да не подобеть ему будещи.»

Послѣдующій переписчикъ замѣтилъ, что надобно, послѣ предыдущихъ вставокъ, повторить заключеніе, и начинаетъ: «уже бо

престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утель,» и далѣе нѣсколь-
ко сравненій.

Доказано уже сравненіями, что не къ стати и вредно болѣе
продолжать рѣчь, а рука дальнѣйшаго переписчика прибавляетъ мо-
литву, помѣщенную въ концѣ списка XV вѣка: «Господи, дай же
князю нашему силу Самсонову,» и проч.

И этого мало, новыя руки прибавляютъ еще два изреченія безъ
всякой связи: «Люте бѣснующемуся дати ножь, а дукавому власть.
Паче всего ненавижь стороника перетерплива.»

И наконецъ уже остановились: «Аминь.»

Ясныя приставки: воротимся отъ нихъ къ той замѣчательной
прибавкѣ, которая характеризуетъ весь изводъ, о судьбѣ, постигшей
Слово и Данила.

3.) Положимъ, самъ Даниилъ приписалъ ее: все таки-уже ко-
нечно послѣ написанія, отправленія и освобожденія, а следовательно
это все-таки приставка и, чтобъ сдѣлать ее, возвращенный дол-
женъ взять Слово отъ князя назадъ, да и черкнуть еще, въ поуче-
ніе потомкамъ.

4.) И этого однако не могло случиться. Приставщикъ обли-
чилъ себя. Онъ началъ въ первомъ лицѣ: «азъ Даниилъ,» а кончилъ
въ третьемъ: «и повелъ Данила свободити.» Тѣмъ и хороша наша
древняя Русь, что если бывали у нея затви и продвки, то онѣ
легко вскрываются.

5.) «Писахъ въ заточеніи на Бѣль озеры,» а летопись «на Ла-
че,» а самъ Даниилъ въ Словѣ: «кому Лачъ озеро, а мѣхъ, на немъ
сдѣл,» и проч. Приставщикъ помнилъ, что въ текстѣ выводится
Бѣло озеро (въ рисуемой картинѣ бѣдствія), и махнулъ его на бу-
магу.

6.) Разсказъ о рыбѣ, похитившей драгоценность, отзываясь
народной фантазіей, принадлежитъ издревле, классическимъ и но-
вымъ, европейскимъ народамъ.

Любопытенъ выводъ. Слово Данила ходило въ народѣ рус-
скомъ, подвергаясь разнымъ изводамъ и измѣненіямъ, и доказывая
тѣмъ самымъ, что оно было любимымъ и распространеннымъ чте-
ніемъ. Судьба Данила занесена даже въ летопись. Мало по малу
басня овладѣла ею и самымъ лицомъ сочинителя, какъ это всегда
водится въ подобныхъ случаяхъ: округляясь и округляясь, въ позд-
нѣйшее время, вѣроятно около XVI вѣка, она получила уже фор-
му притчи, со всеми признаками народной и даже индо-европейской
фантазіи. Допустивъ ее въ свой составъ, изводъ списковъ 2-го рав-

ряда сочинилъ, сообразно тому, и заглавіе, вполне его характеризующее: «Слово о Даниилъ Заточникъ.»

Мы имѣемъ о лицѣ Даниила Заточника свидетельства: летописи, пословицы, особаго словеснаго памятника, народной притчи. Усумнитесь ли въ его дѣйствительномъ существованіи? А усумнитесь, такъ разсмотрите еще.

Третій изводъ. Судьба вела Слово Даниила далѣе и далѣе. По прошествіи нѣсколькихъ столѣтій и послѣ нѣсколькихъ передѣлокъ въ содержаніи Слова, трудно, нелюбопытно и даже бесполезно было удерживать всѣ мелкія преданія о лицѣ сочинителя и его обстоятельствахъ. Въ XVII вѣкѣ, а можетъ быть нѣсколько и ранѣе, сочли за лучшее совсѣмъ отдѣлаться отъ имени Переяславля, мѣста ссылки, князя и даже всѣхъ почти другихъ чертъ, которыя мы называли существенными для критики. Таковъ Толстовскій списокъ, 3-го разряда, съ своимъ изводомъ. Замѣтно только, что онъ передѣлывалъ изъ того извода, который дошелъ къ намъ въ списокѣ XV вѣка и сохранилъ часть преданія въ заглавіи: «Слово Даниила Заточника.»

Если вы отвергаете существованіе Даниила Заточника, какъ извѣстнаго русскаго писателя, и принимаете Слово за сборникъ изреченій, мало по малу и въ разные времена составившійся, безъ личныхъ историческихъ отношеній, то вы становитесь на точку зрѣнія XVII вѣка, позднѣйшей рукописи и позднѣйшаго извода.

Но первые два извода, съ соответствующими разрядами списковъ, сохранили, при всѣхъ указанныхъ передѣлкахъ, довольно много и другихъ чертъ, не существеннѣйшихъ, но все-таки существенныхъ и важныхъ, касающихся лица сочинителя, его обстоятельствъ, князя, къ которому онъ писалъ, цѣли подлиннаго Слова, и т. п. Соберемъ ихъ вмѣстѣ.

За что былъ сосланъ Даниилъ? вопросъ остается безъ отвѣта напоминая безотвѣтную судьбу другаго изгнанника, на далекомъ концѣ Руси, творца замѣчательнѣйшихъ произведеній Римскаго міра.

Только это изгнаніе пало всею тяжестью на свою жертву:

Памятники XII вѣка. Второй разрядъ списковъ.

Азъ бо есмь, княже господине, яко трава блещанна. растуще за стѣнію, на нюже ни солнце сіяеть, ни дождь идетъ: тако и азъ, княже господине, всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ

Русская Бесѣда. Списокъ перваго разряда.

Азъ... акі трава, растуци в зѣсни, на нюже ни солнце сіяет, ни дождь идет... тако и азъ всѣмъ во обиде есмь, зане неоградимъ есмь страхомъ грозы твоея, акы оградомъ твердымъ.

грозы твоея, яко оплотомъ твердымъ.

Азь вѣсми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоея (повтореніе предыдущаго, немного ниже, при другомъ сравненіи).

Отечественныя Записки. Списокъ третьяго разряда:

Азь.... аки трава блещаема, въ застѣннѣхъ растущи, на шюже ни солнце сіяеть, ни дождевныя капли съ небеси идутъ, ни утренная роса падеть.

Выраженія списковъ въ двухъ разрядахъ разнорѣчатъ между собою.

Одинъ говоритъ: «меня всѣ обижаютъ, ибо всюду окружаетъ и сопровождаетъ меня страхъ гнѣва твоего, твоя опала». Другой: «всѣ обижаютъ меня, ибо я беззащитенъ, не огражденъ грознымъ твоимъ оплотомъ». Все произошло отъ частицы *не*. Теряясь въ этомъ различіи смысла и не умѣя отыскать его вѣрность въ отдаленныхъ обстоятельствахъ Данила, списокъ 5-го разряда или, лучше, изводъ его объобщаетъ мысль и недостатокъ увѣренности восполняетъ картиною, можетъ быть произвольно прибавленною, но достойною стать на виду въ нашей словесности:

«Такоже и азь отъ мнѣзвѣ обидимъ; но, аки левъ, огражденъ оплотомъ, смиренною кротостію моею, и, аки высокопарный орель, старостію одержимъ (списки другихъ разрядовъ выводятъ Данила юнымъ) и слѣпотою объять, и яко кречать бѣлъ во опутьхъ свѣдл. Но когда убо обновится яко орлу юность моя, или кречату разрешатся опутьшии? Орель убо, егда состарѣется, и отягчатся очи ему, и бываетъ слѣпъ, и возлетитъ на воздухъ и обрѣтетъ источникъ воды чисты и погрузится въ немъ трикратно: тогда оставить слѣпоту свою во источникъ томъ; тогда юнъ бываетъ орель, высоко летая, яко царь надъ птицами. А кречату егда пута разрешатся, тогда онъ напускается на стада лебединыя, и побиваетъ утята, летая по тихимъ заводямъ (нѣкоторыя выраженія напоминаютъ Слово о полку Игоревѣ и наши былины).

Приводя помннутыя слова Андрея, писатель прибавляетъ:

Такоже и мужеві: лѣпше бы ми смерть, нежели продолженъ животь въ нищеть.

Тако и мужеві лучше бы смерть, нежели продолженъ животъ во убожствѣ.

Различіе въ выраженіяхъ оказалось здѣсь также точно, какъ и въ лѣтописяхъ при словахъ Андрея: выше мы привели ихъ изъ Лаврентьевской; а по Воскресенскому списку иначе: «лучше ми того смерть со всею дружиною изъ своей огнии и дѣдишѣ пріяти, нежели Курьское взати княженіе.» Списокъ XV вѣка ближе къ по-

слѣднему. Кроме того, выпуская *ми*, онъ обобщаетъ мысль, такъ что ее каждый можетъ высказать отъ себя.

Въ тяжкомъ положеніи, изгнанникъ покушался писать къ князю: ... Покушахся написати всякъ союзъ сердца моего, и разбихъ зль, аки древняя младенца о камень. Но боюся, господине, похуленія твоего на мя... Се же бѣхъ написахъ: бѣжахъ отъ лица художства моего, аки Агаря рабыня отъ Сарры госпожи своея. Но видѣхъ, господине княже, твое добросердіе къ себѣ, и притекохъ ко обычной твоей любви....

.... Окушахся изрещи слово, — асякъ союзъ сердца моего разбихъ зль, аки древняя младенца о камень. Но боюся, господине, похуленія твоего.... Окушахся написати: се бежахъ отъ лица художства моего, аки Агарь рабыня отъ руки Сарры госпожа своея. Видѣхъ, господине, твое добросердіе, притекохъ ко обычной твоей любви....

Видимъ отсюда: покушался, и можетъ быть не разъ уже, писать изъ своего изгнанія Заточникъ, но уничтожалъ этотъ замыселъ, бѣжалъ отъ внушеній дара своего краснорѣчиваго искусства, боясь навлечь новое осужденіе со стороны князя. Наконецъ рѣшился, въ надеждѣ на бывалое расположеніе властителя, обращаясь къ этой любви (списокъ XV в. стираетъ замѣчательную черту «но видѣхъ твое добросердіе къ себѣ.»).

Въ письмѣ онъ напоминаетъ князю всѣ бѣдствія своего положенія:

Но егда веселишися многими брашны, а мене помани сухъ хлѣбъ ядущъ; или піеши сладкое питіе, а мене помани теплу воду пьющи и праха нападша отъ мѣста (Карамз. спис. «не») заѣтрена. Егда ляжеша на мягкыхъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помани подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными, яко стрѣлами, сердце пронизающе.

И насыщаяся многоразличныхъ брашен, помани мене сухъ хлѣбъ ядущаго; веселяся сладкимъ питіемъ, помани мене теплу воду пьющаго; облачаяся в красоту риз своихъ, помани мене в пенсирепемъ вретиси; лежа, господине, на мягцѣхъ постели, помани мене подъ единымъ рубомъ лежащаго, зимою умирающа и каплями дождевными, яко стрѣлами, пронизаема.

Чтобы расположить къ себѣ князя, Даніилъ расточаетъ не мало ему похвалъ и описываетъ подробно его отношенія къ подданнымъ. Большую часть подобныхъ выраженій мы увидимъ ниже, ибо ими изобилуетъ одинъ только списокъ XV вѣка или же они напоминаютъ другіе разнообразныя источники. Здѣсь замѣтимъ изъ списковъ 2-го разряда одно только мѣсто, выводящее родной городъ Даніила, состоявшій подъ властію князя: какъ гусли строятся перстами, тѣло основывается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ

коренья, «тако, говорятъ списки, и *градъ нашъ* крѣпится твоею державою».

Зачѣмъ писалъ Давіаилъ? Чтобы вымолить прощеніе, избавленіе отъ тяжести ссылки, возможность зрѣть снова очи княжескія:

Тѣмже вопію къ тебѣ, княже мой, господине мой: одержимъ есмь нищетою, помилуй мя.... Да не восплачюся рыдая, яко Адамъ рако

Тѣмже, княже мой, господине, вопію к тебѣ, одержимъ нищетою.... да не восплачюся аз, лишенъ милости твоея, аки Адамъ рая.

Списокъ 3-го разряда вставляетъ безъ всякой связи отрывокъ изъ подлинника: «да плачуся яко Адамъ, лишенъ райскія доброты.»

Княже мой, господине мой! Избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы, яко ути отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ усть лвовыхъ.

Княже, господине! яви ми зракъ лица твоего....

Избави мя, господине, отъ нищеты моея, аки серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы; исторгни мя отъ скудости моея, яко ути отъ ногтей ястребу, яко овца отъ волка.

Княже мой, господине! яви ми зракъ....

Но явилась, при всѣхъ этихъ убѣжденіяхъ, неприятная возможность. Упорствуя въ гнѣвъ, князь, пожалуй, ответить на все это: «безумецъ ты; брешешь вздоръ, какъ песь; подкрадываешься обманчивыми словами, какъ тать.» Нужно было доказать, что проситель ни то, ни другое, ни третье, и что безумецъ не въ состояніи сказать умнаго слова, а онъ не таковъ и за словомъ въ карманъ не ползетъ:

Или ми речеши: отъ безуміа мнѣ еси мольвилъ? То не видалъ есмь тебѣ полстяна, ни звездъ лутовяныхъ, ни безумна мудрость глаголюще. Или ми речеши: солгалъ ми еси аки песь? Добраго бо пса князи и боляре любятъ (а моя не такова судьба). Или ми речеши: солгалъ ми еси аки тать? Аще быхъ умѣлъ украсти, только бы не скорбѣхъ.

Цы ли речеши, княже: отъ безумія еси реклъ селико слово (кажется, разумется все Слово Заточника)? То не виделъ есмь тебѣ полстяна, ни звездъ лутовяныхъ, ни безумнаго мудрости глаголюща.... Или речеши ми, княже: солгалъ ми еси яко тать? то аще быхъ умѣлъ красти, то селико быхъ ся къ тебѣ не скорбѣлъ.... Или речеши, княже: солгалъ ми еси аки песь? То добра пса князи и боляре любятъ.

Въ списокъ 1-го разр. здѣсь каждый изъ трехъ отдѣловъ разставленъ большими промежутками, а въ промежуткахъ много вставокъ и повтореній.

Такимъ образомъ Заточнику нужно и полезно было выразить и доказать передъ княземъ всю свою мудрость и все словесное искусство. Какъ выше замѣчено, онъ гнетъ все Слово къ тому, что его необходимо возратить, что его мѣсто возль князя, что онъ необходимый членъ его думы, ибо, хотя на рати не храбръ, но на словахъ ярвокъ. Гр. Н. П. Румянцевъ, въ одномъ письмѣ къ Калайдовичу, такъ отзывался о Словѣ: «сие сочиненіе безъ сумнѣнія вниманія достойно, но конечно этого письма Данило не писывалъ, а почерпнувъ несчастныя обстоятельства его жизни какой либо древній Литтераторъ, составилъ сію жалобу, и для того-то въ ней такъ много высокопарнаго и лишняго; у глубокой печали не такой голосъ.» Подобныя мнѣнія можно встрѣтить и донынѣ: но это точка зрѣнія чисто-романтическая. Не таковъ былъ русскій человекъ въ старину: онъ не хотѣлъ ударить себя лицомъ въ грязь передъ княземъ и, сколько просилъ помилованія, столько же доказывалъ его необходимость. Одинъ почтеннѣйшій московскій ученый давно выражалъ намъ въ бесѣдѣ такъ существенную мысль Слова: «ты, князь, выгналъ человека, и плохо, тяжело ему въ опалѣ; но посмотри же и ты, взвѣсь, какого умника и дорогаго человека лишился: насъ связываютъ общія выгоды.» Все, что есть высокопарнаго, то само легко отдѣлится у насъ ниже, какъ стороннее.

Тѣмъ не менѣе, все же не ловко было выставлять свои достоинства безъ всякой оговорки; въ числѣ такихъ оговорокъ, коними смиренно прикрывается сочинитель, находимъ существенную слѣдующую:

Азь бо, княже, господине, ни за море ходилъ, ни отъ философовъ научился, но быхъ яко падаю пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупая яко медвеный сотъ: тако и азъ по многимъ книгамъ собираю сладость словесную и разумъ, и совокупихъ, яко мѣхъ, воды морьскія, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла.

Княже мой, господине! Азъ бо аще не во Аѳінехъ растохъ, ни у философовъ учихся, но быхъ падаю, аки пчела, по различнымъ цвѣтомъ: оттуду избираю сладость словесную, совокузляю мудрость, яко в мѣхъ воду морскую. Княже мой, господине! Азь пѣсмь феофрастляинъ (Феофрастъ, ни) Теренды, египетскіи мудрецы, ни финіи, калимиди, аевнистіи хитрецы....

Такимъ образомъ всю мудрость Слова сочинитель слагаетъ на книги, служившія ему источникомъ, человеку начитанному и книжнику. Это мѣсто, по выраженіямъ сходное со многими писаніями нашей древности, имѣло важное вліяніе на судьбу всего Слова, о

которой упомянемъ ниже. Уже списокъ 1-го разряда передаетъ его рѣчиству; списокъ же 3-го повторяетъ два раза съ измѣненіями. Но одинъ разъ еще держится онъ старинны:

«Азъ бо не во Аѳѳинѣхъ родился, ниже отъ философѣ учихся, но быхъ умомъ летая аки пчела, и падая по многимъ цвѣтомъ, и собирая (избирая) сладость медвеную, якоже неводъ, не держитъ воды, но множество рыбъ собираетъ.»

Наконецъ, есть еще нѣсколько мимоходныхъ выраженій, ясно показывающихъ присутствіе особаго лица, писавшаго къ князю Слово. Такова съ самаго начала высказанная задача написать и послать Слово; и еще:

Еще возвратимся на предняя слова.

Сіи суть словеса, да не уже много глаголю.

Уже бо престану глаголати.... да не возненавидѣнъ буду міру (подставка уже общей мысли, вместо «тебѣ») со многою бесѣдою....

Начах глаголати премудростию хвалися, ни велми от безумия (то, что говорилъ я въ началѣ Слова, обличало премудрость, а не безуміе....)

Се уже оставимъ рѣчи.... Уже остану много глаголати, да не во мнозе глаголаніи разношу умъ свой (свой).... да не возненавидимъ буду многою бесѣдою своею....

Сдѣлаемъ нѣсколько выводовъ изъ приведенныхъ и сравненныхъ мѣстъ:

Списки 1-го и 2-го разр. въ мелочахъ разнятся между собою.

Но, упуская изъ виду эту разность, всякой согласится, что приведенныя мѣста, въ томъ или другомъ видѣ, входили несомнѣнно въ составъ древнѣйшаго подлинника, ибо они составляютъ существенныя черты, рѣзко выдающія собою лице и положеніе писателя, равно какъ значеніе Слова.

Кое-гдѣ стираются черты древности: то есть Даниилъ вѣроятно не сказалъ бы такъ (мы не имѣемъ въ виду формъ языка, явно позднѣйшихъ). Больше грѣшить здѣсь списокъ 1-го разряда.

Также точно списки 2-го разряда простѣе; и менѣе многословны.

Списокъ 3-го разряда или вовсе выбрасываетъ всѣ эти мѣста, или, если изрѣдка удерживаетъ, то въ формѣ общаго и отвлеченнаго выраженія.

Кромѣ того, списокъ 1-го разряда присоединяетъ еще нѣсколько важныхъ мѣстъ, которыхъ не находимъ въ спискахъ 2-го. По этой одинокости мы уже смотримъ на нихъ подозрительнѣе: и однако, при всемъ томъ, не можемъ отказать имъ въ существенно-

сти. По всей вѣроятности, они также принадлежали древнѣйшему подлиннику: если же иначе, то по крайности явились не позже извода Ярославскаго, когда преобразователь кое-что развилъ изъ древнѣйшаго, примѣняя къ своему лицу или лицу новаго князя. Вотъ они (приведемъ въ томъ же порядкѣ связи, какъ двлади и при сравненіи):

«Княже мой, господине! се былъ есмь в велицеи нужи, под работнымъ яремомъ пострадахъ: все тое искусихъ, яко зло есть. Луче бы ми видети нога своя в лычницы в дому твоемъ, нежели в черленъ сапозъ в боярстемъ дворѣ; луче бы ми тобъ в дерузъ служити, нежели в багряницы въ боярстемъ дворѣ.. луче бы ми вода пити в дому твоемъ, нежели пити медъ в боярстемъ дворѣ; луче бы ми воробей испеченъ пріимати отъ руки твоея, нежели плеча бораня отъ руки злыхъ государь. Многожды бо ми ся обретается работнымъ хлѣбъ, аки пельнь, во устехъ моихъ, и питие с плачемъ растворяхъ (последнее есть безсвязная прибавка писца, вспомнившаго псаломъ)».

Можно, пожалуй, заключить отсюда, что Данилъ въ ссылкѣ поставленъ былъ въ зависимости отъ боярина того края и чувствовалъ все превосходство прямой зависимости отъ князя. А можетъ быть, здѣсь обрисовано положеніе преобразователя Слова при Ярославѣ.

Списокъ 3-го разряда опять двлаетъ уже отсюда общую мысль, примѣнимую къ каждому: «лучши нога моя въ лыченицъ на своей воль, нежели въ червленомъ сапозъ въ боярскомъ дворѣ; лучше въ ветчанъ портищъ и во издранныхъ сапозъхъ на своей воль, нежели въ багряницъ въ работъ.... Лучши вода пити на своей воль, нежели медъ въ работѣ; луче единъ воробышекъ въ своихъ рукахъ, нежели лебедь изъ чужихъ рукъ.»

Продолжаемъ выписки изъ сп. 1-го разр:

«Тѣмже, господине, приклони ухо твое в глаголы устъ моихъ, и отъ всехъ скорбей моихъ избави мя (выраженіе составлено на основаніи Св. Писанія)».

«Княже мой, не остави мене, яко отецъ мой и мати моя оставиша мя, а ты, господине, пріими милостію своею (опять на основаніи Св. Пис.)»

«Сего ради, княже мой, господине, притекохъ ко обычней твоей и нестрашиму милости, бежа убожства, аки ратника злаго, аки отъ лица змиина зовя....»

«Тѣмъ же и азъ вждахся милосердія твоего.»

«Княже мой, господине! Не отрини раба скорбящаго, не лиш

мене живота своего. Яко очи рабыня в руку госпожа своея, тако очи мои в руку твою. Яко аз раб твои, сынъ рабыня твоєя (вторая половина изъ Св. Пис.)»

«Княже мои, господине! Помяни мя в княженіи своем, яко аз раб твои, сынъ рабыни твоєя (повтореніе предыдущаго). Вижу вся челоуѣки яко солнцемъ грѣемыхъ милостію твоєю: толко азъ единъ хоужо во тмѣ, отлученъ свѣта от очию твоєю.»

Списокъ 3-го разр. снова обобщаетъ и распространяетъ выраженіе до послѣдней возможности: «солнце убо всю землю преходитъ и весь міръ лучами своими и вселенныя концы просвѣщаетъ: тако же и ты, господине, многи челоуѣки милостію твоєю грѣшн; токмо азъ, во тмѣ ходя единъ, уединяся, лишень твоєго жалованья... Солнце убо лучами своими весь міръ грѣетъ и просвѣщаетъ конца вселенныя: а ты красотою лица своего многи челоуѣки удивляешн и возвеселешн знаемые други различными добротами своими (здѣсь говорится уже не о подданныхъ князя, а о знакомыхъ частнаго челоуѣка). Яко не мощно нездравымъ очима ясно зрѣти солнца, такоже и моему уму, помраченному страстями, божественныхъ и великихъ касатися судьбъ.»

Опять списокъ 1-го разр.:

«Княже мои, господине! Все напаяются от обилия дому твоєго: толко азъ единъ жадаю милости твоєя, аки елень источника воднаго (сравненіе изъ Св. Пис.)»

«Княже мои, господине! Аще ти есмь на рати не хоробръ, но на словахъ ти есмь кровпокъ (это выраженіе уже поминали мы выше).»

«Княже мои, господине! Всякому дворянину твѣ имѣти честь и милость у князя, воли ему мыкатися, послѣдующе в скорбехъ, яко около тура с топоромъ, эки по бѣсе с клубукомъ: тоже можетъ добро видети (выраженіе это значить опять, что настоящее мѣсто Данила около князя, иначе шататься по землѣ; конецъ—пословицы).»

«Мы веселимся под державою твоєю.»

«Мы, княже, (крѣпимся) твоєю державою...» «Мы, княже, (радуемся) тобѣ...» «Градъ нашъ (строится) твоєю дръжавою,» и др. под.

«Княже мои, господине! Орелъ царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами, а левъ надъ зверми: а ты, княже, надъ Переяславцы (помянуто выше).»

«Аще есмь малоумен, обаче послушанъ гласа моего.»

«Аще бо не мудръ есмь, но поне мало мудрости усрѣтохъ, во вратехъ разумныхъ мужъ сапоги носилъ есмь, а въ смыслевыхъ в ризы»

облачкися.» Списокъ 3-го разр.: «ше мудръ есмь азъ, ни смышленъ, но мудраго ризу облачать, а смышленыхъ саюгъ послѣдъ есми (все это оговорки и извиненія).»

«Тѣмъ и азъ мутноуменъ охабихся; бояся (боюся), господице, похуления твоего, худъ разумъ имѣя. Есмь бо яко вретнище обетшало, ходяи на начинаніе (для меня это дѣло новое) душою своею и ступая опаки умомъ своимъ, ползая мыслию яко змия по камешію, не вѣды стлжанія спасенаго, ни стяжавъ крилу покаянію; окушахся глаголати, имѣя уста ненаказана, ни обузданъ языкъ страхомъ божіимъ.»

Такимъ образомъ, все эти приведенныя мѣста изъ списка 1-го разр. поддерживаютъ ту же самую связь мыслей, какъ мы видѣли и въ слѣдующихъ спискахъ обоихъ разрядовъ выше; почти тѣ же и образы, только болѣе развитыя. Хотя и видно по мѣстамъ наитіе источниковъ, но оно вовсе не господствуетъ; и любопытно, что почти всюду приставка «княже, господице,» какъ подобало писавшему главному сочинителю.

Списокъ 3-го разряда, замѣчая, что все это лично и частно, выбрасываетъ опять вонъ, какъ существенное для древняго сочинителя и подлинника, но неважное и ненужное для потомковъ. Но нѣкоторыя выраженія, обобщая, удерживаетъ, ибо, какъ сказано, сокращаетъ свою передѣлку именно по тому изводу, какой сохранился въ спискѣ XV вѣка.

Все остальное въ памятникѣ, по всемъ его спискамъ и изводамъ, мы признаемъ за *несущественное*, разумѣя, что этимъ остальнымъ нельзя съ вѣрностію опредѣлить ни вѣка, ни мѣста, ни лица сочинителя и князя, ни цѣли и значенія Слова. Не значить, чтобы этого всего не было въ древнѣйшемъ подлинникѣ: напротивъ, по нашему мнѣнію, оно тамъ было. Но съ тѣми ли всеми чертами и совершенно въ томъ ли видѣ, и не прибавлено ли тутъ то и другое выраженіе, то и другое слово, рѣшительно за то не отвѣчаемъ. Это полнота образа, вмѣстившая существенныя черты, одежда, облаченіе существеннаго содержанія: что подкрашено, что потерто, нѣтъ возможности опредѣлить.

Пам. XII вѣка. списки 2-го разр. | Русская бесѣда. списокъ 1-го разр.

Все вступленіе Слова:

<p>Вострубимъ, братіе, яко во златоконнаныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити серебряныя органы, и возвѣемъ мудрости свод. Боже, Боже мой! Вѣскую</p>	<p>Вострубим, братіе, аки в златоконнаныя трубы, в разумъ ума своего; начнемъ бити в серебряныя органы и возвѣемъ мудрости, и ударимъ в мысли ума своего, пою-</p>
---	--

ми еси оставилъ? Востани, слава моя, востани въ псалтыри и въ гуслехъ; востану рано, исповнмтися. Да разверзу во притчакъ гаданіе мое, провѣщаю во языцехъ славу мою. Сердце бо смыслаго укрѣпляется въ тѣлеси его мудростію. Бысть языкъ мой трость книжника скорописца, и увѣтливы уста аки рвчная быстрость.

ще богодухновенныя свѣрили. Да восплачются в нас душеполезныя помыслы. Востани, слава моя; востани, псалтыри и гусли. Да разверзу в притчах гаданія моя и провѣщаю въ языцехъ славу мою. Сердце смыслаго укрѣпляет веселіе его красотою, мудростію. И бысть языкъ мой аки трость книжника скорописца... увѣтливы уста, яко струя рвчныя быстрины (прибавка эта поставлена ниже).

Изображеніе несчастнаго положенія:

Азь бо есмь яко она смоковница проклятая, не имѣя плода покаянню; имѣю бо сердце аки лице безъ очію; и бысть умъ мой яко нощны вранъ на нырици, забдѣхъ, и рассыпая животь мой, аки Ханаонски царь буестію, и покры мя нищета, аки Чермное море Фараона.

Якоже бо олово гинетъ, часто разваряему: тако и человекъ пріемлетъ многія бѣды.

....Аки смоковница она проклятія (боюся). Не имѣю бо плода покаянню; умъ мой аки нощны вран на нырицы; рассыпая животь мой, яко Ханаонскихъ царь буестъ; покры мя нищета, аки Чермное море Фараона; не оста обиліе посредвъ дому моего: аки солнце на Гаваль.

Якоже олово, много разливаемо, гинет: тако и человекъ, многи бѣды пріемлетъ, худѣетъ.

Сп. 3-го разр.: Якоже олово, часто разливаемо, погибаетъ: тако и человекъ, аще многія бѣды и печали пріемлетъ, скоро погибнетъ.

Несчастнаго оставляють друзья:

Друзи же мои и ближніи мои и ти отвѣргошася мене: зане не поставихъ предъ ними трапезы многообразныхъ брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, а погнѣтающе руки въ солило, а при папаста аки врази обрѣтаются, и пакы помагающе подразити нозы мои: очима бо плачють со мною, а сердцемъ смѣютмися. Гѣмъ же не иму другу вѣры, и не на-

Друзи мои, ближніи мои отвергошася мене: зане поставлю предъ ними трапезу исполнену брашны. Мнози бо дружатся, погнѣтающе руку в солило, наслажающе гортань свои пчелинымъ дарованіемъ, а при папаста паче врази обрѣтаются, яко помагая подразитъ нозе мои: очима восплачються по мнѣ, а сердцемъ восмѣютмися. Гѣмъ же нѣсть ми вѣры

дѣйся (спис. Карамз. не падѣюся) на брата.

лти другу, ни надѣяться на брата. Аще имѣю что, то поживут со мною; аще ли не имѣю чего, то всѣ скоро отстанут от мене.

Похвалы князю, изображеніе его милостивыхъ и грозныхъ отношеній къ подданнымъ, его обязанности, его окружающіе, важное значеніе умныхъ людей при немъ, и т. д.:

Княже, господине! яви ми зракъ лица твоего (предыдущее можетъ относиться, какъ замѣтили мы, къ существеннымъ чертамъ памятника; но слѣдующее?), яко гласъ твой сладокъ и образъ твой государевъ красенъ, и лице твое светло и благоугодно, и разумъ твой государевъ якоже прекрасный рай многоплодовитъ. Азъ же худы добръ дивлюся.

Княже мои, господине! яви ми зракъ (см. замѣчаніе къ сп. 2-го разр.) и образъ твой красен; сыту истачаютъ устнѣ твои; посланія твоя яко раи с плодомъ; руще твоя исполнены отъ золота еарсиска; ланитѣ твои яко сосуд арамат; гортань твои яко крин капая миро—милость твою; вид твои яко ливан избран; очи твои яко кладязи воды живы; чрево твое бысть яко стогъ пшеничен, многи питая; глава твоя превозноситъ главу мою; и бысть выи твоя в буести яко еарави в мовнствѣ.

Видимъ, какъ здѣсь списокъ 1-го разр., распространившись, стеръ важныя черты: прибавку «государевъ» и «удивленіе» несчастнаго достоинствамъ князя. Списокъ 3-го разр. ступилъ еще далѣе и, разнообразя выраженія, отбросилъ вовсе обращеніе къ князю: «Образъ твой (такъ прямо начинается здѣсь) свѣтель въ красотѣ, и гласъ твой сладокъ, и уста твоя источаютъ сладость медвеную; глаголы твои аки Богомъ насажденный эдемскій рай; плодомъ рущѣ твои исполнены, отъ золота аравійска, и ланитѣ твои яко сосудъ, исполненъ водъ ароматныхъ; гортань твоя аки кринь сельный добровонный, ископалъ благовонное муро милости твоей; очи твои яко кладязи животныхъ водъ, напаяя многихъ; чрево твое яко стогъ пшеничный, питая многихъ; а глава твоя аки красная невѣсты мошнысты, украшена славою, а умъ во главѣ аки женихъ въ чертозѣ».

Птица бо радуется веснѣ, а младенецъ матери: тако и азъ, княже, господине, радуюся твоей милости. Весна убо украшаетъ цвѣты землю: а ты, княже, господине, оживляеши вся челоувѣкы

Земля подаетъ плодъ обилия, древета овощь: а ты, княже нашъ, богатство и славу. Вся бо притекають (притекающе) къ тебѣ примутъ отъ печали избавленіе, сироты и худыи, отъ богатыхъ потоп-

своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможъ погружаси.

лени, аки к заступнику благо. Птенцы радуются под крилома матери своеа: а мы веселимся под державою твою.... Птенцы радуются веснь, а младенцы матери: а мы, княже, тобъ.... Весна украшает землю цвѣты: а ты, княже, нас украшаеша милостию своею.

Списокъ 3-го разр. върешъ себѣ, устраняя князя и развивая образъ: «Весна украсена теплотою и красотою солнечною, и добротнннхъ птицъ глашеніемъ, и кудравыхъ древесъ шумннмъ, а земля украсена плоды сельными и благоуханными цвѣты: тако и ты украсенъ красотою лица и различными добродѣтелями твоими.»

Да не буди, княже, рука твоя согбена на подаііе убогимъ: ни чашею бо моря росчерпати, ни нашимъ иманіемъ твоего дому истощити. Якоже бо неводъ не удержитъ воды, но точію едины рыбы: тако и ты, княже, господине, не удержи злата и сребра, но роздай людемъ. Паволока, испещрена многими шелки, красно лице являетъ: тако и князь многими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ. Якоже рече Соломанъ: слава царю во мнозвхъ языцхъ; тако и тебѣ, княже, слава и побѣда велика во мнозвхъ языцхъ (ошибкою писца повторено предыдущее); тако и тебѣ, княже, слава и побѣда велика во мнозвхъ людехъ. Якоже бо похвалися Езикій царь посломъ царя Вавилонскаго, и показаша имъ множество злата и сребра; они же рѣша ему: нашъ царь богатве тебѣ, не множествомъ злата, но множествомъ воя. Занеже мужи злато добудуть, а златомъ людей не добыти.... Днвль за Буилномъ копи настави, а за добрымъ кнлземъ воевати. Многжды бо безнардіемъ полцы погибають.

Да не будетъ рука твоя согбена на подаііе убогимъ.... Якоже паволока, многими шелки испещрена, красно лице являет: тако и ты, княже нашъ, многими челоуѣки славен и честенъ во всѣхъ странахъ явися. Якоже неводъ не удержитъ воды, но избираетъ множество рыбъ: тако и ты, княже нашъ, не удержи богатства, но раздавай сильнымъ, совокупая храбрыхъ. Злата бо и градовъ тѣми добудеши. Тѣмъ и Езеки, царь израилевъ, похвалися к посломъ царя Вавилонскаго, показавъ имъ множество злата своего; они же рекоша: наши цари богатие тебе, не множествомъ злата, но множествомъ храбрыхъ и мудрыхъ.... Соломонъ рече: луче единъ мудръ десяти хоробрующихъ безъ ума; луче единъ смысленъ десяти владѣющихъ города. Данилъ рече: храбра, княже, борзо добудеши, а умныи дорогъ есть. Зане умныхъ дума добра, тѣхъ бо и полцы крѣпцы, и гради тверды; ихъ же полцы силни, а безъ думы: и на тѣхъ бываетъ побѣда. Мнози бо, ополчающеса на болашая грады, с своихъ с меньшихъ ссѣдаютъ.... Умси мужъ не велики

на рати хоробръ бывает, но кровок в замыслех: да тѣм добро збирати мудрыя. Дивия бо за Буяном кони пастят. Многожды бо и безнарядием полцы погибают.... Якоже море не наполнится, многи рѣки приемя: тако и дом твой не наполнит, множество богатства приемя. Зане руце твои яко облакъ силен, взимая от моря воды, от богатства дому твоему труся в руце неимущимъ.... Якоже бо рѣб збирает птенца не токмо своя, но и от чужих гнѣздъ приноситъ яйца — воспоет, рече, рѣб, сововетъ птенца, иже родя, иже не родя: тако и ты, княже, многи совокупи; не тоиждо своя домочадци; но и от иныхъ стран совокупи притекающая къ тебѣ, въ душе твою обычную милость.... Княже мой, господине! ни моря уполовникомъ выляти, ни нашимъ вманьемъ твоего дому истощити.

Знаменательно поступаетъ здѣсь позднѣйшій изволь, въ спискѣ 3-го разряда: изъ всего приведеннаго онъ удерживаетъ одно только общее (и притомъ чужое, Сирахово) изреченіе: «буди рука твоя на взятъе согбена, а простерта неимущимъ на подаліе;» да сравненіе съ неведомъ примѣняетъ къ литературному составу сборниковъ (см. выше). Все остальное онъ выбрасываетъ, чувствуя, что здѣсь важныя черты, характеризующія составъ древняго подлинника.

Мы же рѣшилисъ совокупить и сопоставить показанія списковъ обоого разряда, не смотря на то, что 1-й вмѣщаетъ въ себѣ довольно лишняго, ибо они взаимно пополняютъ другъ друга въ столь важномъ мѣствѣ. Вотъ смыслъ его, не разъ уже нами замѣченный выше, смыслъ, истекающій изъ древнѣйшихъ русскихъ понятій о дружинѣ княжеской, но присоединяющій къ ея храбрости, благодаря уму Давиила, еще необходимую черту, еще важное условіе — мудрость, основу княжеской думы (и дума составлялась также значительной частью изъ дружинниковъ); вотъ умозаключеніе Давиила: «собирай вокругъ себя дружину, собирай, какъ можно болѣе, не щадя богатства: ея добудешь золото, а она сама важнѣе. Но одно-

го мужества ей недостаточно: много примѣровъ тому, какъ безурядицей сильные и храбрые полки гибли. Умъ вождь всему, умъ, весьма часто даже не сочетающийся съ особенною храбростью.» Попятно уже, къ чему все это клонилось: Данилъ указывалъ на себя.

Изъ этой же связи получается нѣкоторый смыслъ приведенный въ Словѣ примѣръ Святослава, выраженіе Игоревича, неизвѣстное намъ изъ летописей и успѣвшее довестись только къ сочинителю Слова:

Якоже рече Святославъ князь, Игоревъ, идый на царя съ малою дружиною, и рече имъ: братіе! намъ ли отъ града погинути, или граду отъ насъ плвнениу быти?

Яко рече Святославъ, сынъ Олжин, идя на царьградъ с малою дружиною: невѣдомо ны есть, братіе, ити, граду ли от нас плену быти, или будет нам от града погибнути?

То есть: на что ужъ храбръ былъ Святославъ и храбра его дружина? А не положился онъ на одну эту храбрость: не извѣстно, говорилъ онъ, можетъ и сами погибнемъ. Позднѣйшая вставка прибавляетъ здѣсь, какъ увидимъ, цѣлый рядъ занятыхъ изреченій и текстовъ, доказывающихъ, что въ подобныхъ случаяхъ все зависитъ отъ Бога.

Одинокъ стоитъ въ сп. 2-го разр. слѣдующее пополненіе въ образъ двора княжескаго: «Гіуиъ бо его яко огонь трепетицею наклады, а рядовичи его яко искры: аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія порты». Не беремъ опредѣлить связи.

Мы знаемъ, что отъ изображенія князя прямой шагъ къ самому Данилу и его моленію:

Но не возри на мя, княже господине, яко волкъ на агня; но возри на мя, господине мой, акн мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ти на орютъ, ни съютъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость Божию: тако и мы, княже, господине, желаемъ твоея милости.

Господине мой! не зри на вѣтшняя моя, но зри внутреная: азъ бо одьянемъ есмь скуденъ, но разумомъ обилень.

Пусти тучю художства моего на землю.

Княже мой, господине! не зри на мя, акн волкъ на агня; но возри на мя, яко мати на младенца; и на птицы небесныя, иже ни съют, ни жнут, ни в житницу собирают, но уповают на милость Божию.

Ты же, господине, не зри на вѣтшняя моя, но воуми внутреная моя: азъ бо аще одѣнемъ скуденъ, но разумомъ обилень.

Обрати тучю милости твоея на землю художства моего.

Отстраненіе парекатій и признаки, по коимъ легко отличается безуміе отъ мудрости, какъ двѣ противоположности; стода относимъ только одно выраженіе:

Безумныхъ ни орютъ, ни сьютъ, ни въ житицы собирають, но сами ся ражають.

Безумныхъ ни орютъ, ни сьютъ, ни ткуютъ, ни прядутъ, но сами ся ражають.

Безумныхъ ни куютъ, ни лыютъ, но сами ся ражають.

Есть еще мѣсто, съ которымъ мы не знаемъ, куда дѣваться:

Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нопотырь (непотырь); а не мужъ въ мужѣхъ, къмъ своя жена владѣтъ; не жена въ женахъ, иже отъ своего мужа блядетъ; не работа въ работахъ, подъ жонками возъ возити.

Глаголетбося в мирских притчах: не потка в потках нетопырь, не звѣрь в звѣрѣхъ ожъ, не рыба в рыбахъ ракъ, не скот в скотехъ коза; не холоп в холопах, кто у холопа работает; не мужъ в мужехъ, которыи жены слушает; не жена в женахъ, которая от мужа блядет; не работа в работѣхъ под жешами повозничат.

Поелику это *притчи мірскія*, и притомъ древнія, мы не имѣемъ права выключить ихъ изъ состава древняго Слова. Но что за связь? судя по спискамъ 2-го разр., гдѣ это мѣсто читается послѣ характеристики княжескихъ думцевъ, можно находить смыслъ: «все зависитъ отъ того, кто княземъ руководитъ въ совѣтахъ; бѣда, если бабы, хотя бы во образъ мужескомъ.» По списку 1-го разр. можетъ значить: «мое мѣсто тебѣ служить, а не холопамъ твоимъ (боярамъ); работать холопу тоже, что» и проч. Можетъ быть даже, хотя и не совсѣмъ вѣроятно, что дѣло шло о женитьбѣ Даниила. Какъ бы то ни было, но только это мѣсто, упоминавшее женщинъ, подало поводъ къ обширнымъ вставкамъ въ Слово, какъ убѣдимся ниже.

Заключеніе Слова:

Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утель, рая (рона) богатство убогимъ (не совсѣмъ идетъ въ Словѣ, обращенномъ къ князю); да не уподоблюся жерновомъ, яко тѣ многія люди насыщаютъ, а сами себе не могутъ насытитися (насытити); да не возненавидѣши буду міру (уже общее выраженіе) со мною бесѣдою.... Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: рѣчь продолжена не добро—продолжена паволока.

Уже остану много глаголати, да не во миезглаголаніи разношу умъ свои (свои), буду аки мѣхъ утель, труся богатство в руке ивъмъ (лучше списковъ 2-го разр.). и уподоблюся жерновомъ, иже люди насыщаютъ, а сами себе не могутъ наполнити жита; да не возненавидимъ буду мноюю бесѣдою своею.... Глаголетъ бо ся в мирских притчах: не добро слово продолжено, но добро продолжено (сбито) колибася.

Списокъ 3-го разряда вставляетъ, какъ безсвязный отрывокъ: «Уподоблюся жерновамъ, иже многихъ насыщаютъ, а сами не насытятся никогдаже».

Господи! дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Иосифовъ разумъ, мудрость Соломонову, кротость Давидову, и умножи, Господи, вся челоувѣки подь руку его.... Аминь.

Подан же им (князю, боярамъ и людемъ), Господи, Самсонову силу, Александрову храбрость, Иосифовъ умъ, Соломонову мудрость, кротость Давидову. Умножи люди во вѣки по державѣ твои. Да ты славятъ вся страны и всяко дыханіе челоувѣче. Слава Богу во вѣки, аминь.

Заключеніе это намъ подозрительно, ибо поставлено послѣ словъ, явно оканчивающихъ памятникъ (см. выше).

Списокъ XV вѣка прибавляетъ еще нѣсколько подробностей, уже болѣе опять подозрительныхъ, по одинокости извода:

О князѣ: «Мужи глава женам; а мужемъ князь; а князю Богъ.»
«Вода мати рыбама: а ты, княже, людемъ своимъ.»

«Лев рыкнетъ, кто не ушатится? А ты, княже, речеши, кто не убьется? Якоже бо змии страшенъ свистаніемъ своимъ: тако и ты, княже нашъ, грозенъ множествомъ сильныхъ вои».

Противуположность мудраго и безумнаго: «Безумнаго аще и кнутомъ бьеша, розвязавъ на санехъ, не отимеши безумія его.» Сп. 3-го разряда: «безумнаго аще кнутомъ бьеша, а не отымеши отъ него безумія».

«Не вдалъ есмь отъ пѣска масла, ни отъ козла млека: ни безумнаго мудрости глаголюща. Како возглаголетъ, имѣя лубенъ умъ, подстенъ языкъ, мысли яко отрепи изгребни? Може ли глаголати сладко разумъ? Сука не можетъ родити жребяти: аще бы родила, кому на немъ ѣздити? Ино бо есть лодія, а иное корабль, ино ти конь, а иное лошакъ: а инъ ти есть уменъ, а инъ безуменъ.» Сп. 3-го разряда: «Не видаль (лучше) есми отъ козла масла, отъ вола млека: ниже отъ безумнаго мудрости.»

Необходимость, при храбрости, умаго распоряженія въ полку доказываетъ еще разбираемый изводъ тѣмъ: если битвою мудро распоряжаются, то еслибы и судилъ Богъ быть побѣжденнымъ, все таки не легко достанется побѣда. Свидѣтельствуютъ два историческихъ примѣра: не легко было одолѣть Ярославу Святополка, при всемъ томъ, что, за убійство брата, лежала на убійцѣ тяжкая судьба; а отъ того не легко, что у Святополка было мудрое распоряженіе. Такъ и Угры нѣкогда хорошо урядили полки свои: Бонякъ рѣшилъ судьбу битвы только глубокой хитростью своею.

«Аще уставятся полцы крѣпко, то аще ему и побѣжену быти: но крѣпко бивсел, тоже побѣгнет. Яко Святополкъ: виноват будя, избив братію, но и тако ти (но и при всемъ томъ) есть крѣпокъ; едва силою к вечеру, рече, одолѣ Ярослав. Тако и Боняк, судивы хитростію, и победи Угры у Галича: онѣмъ нарядѣвшимся на сступѣ, а сіи яко ловцы рассыпашася по земли; тако изби Угры на избои и злѣ их погуби.» Последній примѣръ особенно важень, ибо естественно къ нему было обратится Переяславцу: известно, какъ часто страдалъ Переяславль отъ набѣга Половцевъ, какъ его жители должны были хорошо знать и помнить исторію послѣднихъ, страшныхъ набѣговъ ихъ; не задолго передъ Андреемъ (1099 г.) была помянутая битва, знаменитое поражение Угровъ; самъ Андрей, женатый на внукѣ половецкаго князя, владѣвшій нѣкоторое время Владимірскимъ удѣломъ, а потому и всѣ его окружающіе, должны были помнить и поминать знаменитое событіе.

Наконецъ, списокъ XV вѣка прибавляетъ еще двѣ новыя черты къ составу Слова, двѣ особыя связи мыслей. Одна изъ нихъ говоритъ намъ, что человѣку нужно пройти путь тяжкихъ испытаній, чтобы обрѣсти въ нихъ опытную мудрость (имѣло ли это отношеніе къ судьбѣ Данила, не знаемъ; но разительность изреченій и древность пословицъ указываетъ, если не на подлинникъ, то по крайности на отдаленность и старину извода):

«Никтоже может, не оперив стрѣл, право стрѣлити: ни лѣпностію чести добыти. Зла не выдавши, добра не постигнути: не бившися со псомъ об одинъ моклакъ, добра не видати; горести дымныя не терпѣвши, тепла не видати... Аще кто не бывалъ будетъ во многихъ бѣдахъ, яко у беса на вспари, то вѣсть в немъ вѣжества: никтоже бо можетъ стрѣлою звезды выстрелити, ни в напасти смыслити; не гнавши бо ся кому после шершня с метлою о кроху, ни скакавши со стола по горохово зерно, добра не видати (последнее наминаетъ немножко экономическіе совѣты Костанжогло)». Списокъ 3-го разряда выбираетъ нѣсколько общихъ выраженій: «Никтоже бо можетъ, не оперивъ стрѣлы, стрѣлити, ни въ лѣпности чести добыти; и никтоже можетъ звезды дострѣлити, ниже въ печали смыслити добра».

Тоже самое должно сказать и о другой прибавкѣ: какъ оба разряда списковъ предполагаютъ касательно сочинителя Слова возможность женитьбы, такъ списокъ XV вѣка вводитъ еще возможность вической жизни, и по этому поводу излагаетъ объ ней свои

мысли въ древнихъ пословицахъ и картинахъ стараго быта (см. напечатанный текстъ).

Вотъ вся оболочка существеннаго содержанія памятника, вотъ одежда и плоть его.

Не судя о подлинности или неподлинности, всякой видятъ, какова эта одежда. Источники здѣсь обличаются не только по мѣстамъ, но даже почти всюду; не только имѣютъ вліяніе, какъ видѣли мы выше, но даже господствуютъ, ибо изъ нихъ почерпаются всѣ почти краски изображенія. Иногда они и не думаютъ скрываться: «якоже рече Соломонъ,» «якоже рече Святославъ,» или, если приводится выдержка изъ народной словесности устной, «глаголетъ бо ся въ мірскихъ притчахъ,» и т. п. А иногда и безъ того легко замѣтить заимствованіе. Такъ конечно всякому въ глаза бросаются древнія русскія пословицы, во всей первобытной простотѣ, изъ коихъ нѣкоторыя сохранились досель въ томъ или другомъ видѣ. Любопытны здѣсь нѣкоторые приемы творчества. Пословица «дураковъ ни орутъ, ни свють, сами родятся» получила особое развитіе благодаря тому, что писатель совершенно съ нею слилъ текстъ Св. Писанія, «воззрите на птицы небесныя, яко ни свють, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы,» и проч. Еще далѣе развила пословица глаголами «ни ткуть, ни прядутъ,» изъ текста: «воззрите кринь сельныхъ,» и т. д.

II. Бясоновъ.

(Окончаніе въ слѣд. N.)

МОДЫ, ПЛАТЬЯ И НАРЯДЫ

МОСКОВСКИХЪ ДАМЪ.

Въ чемъ заключается главное желаніе женщины? — Безспорно, въ желаніи нравиться. Но женщина можетъ нравиться умомъ, любезностью, красотою, нарядомъ....

Умъ и любезность не зависятъ отъ насъ. Къ тому же не скоро вы доберетесь до ума: я знавала женщинъ съ очень посредственнымъ умомъ, которыя слыли умницами, и женщинъ дѣйствительно умныхъ, которыхъ считали глупыми, — онѣ не умѣли выказать свой умъ. Любезность—дѣло совершенно условное. Одному нравится наивная любезность только что выпущенной институтки; другіе восхищаются любезностью современной гетеры, какойнибудь львицы аристократическаго міра; третьи безъ ума отъ непрерывной болтовни молоденькой барыни средняго круга; я знала многихъ, которые восхищались любезностью домовитой хозяйки, угощавшей своихъ гостей разными снадобьями, что называется, по горло. И такъ отгѣнковъ любезности много. Истинная любезность, по моему, только та, которая, будучи сопряжена съ образованіемъ, истекаетъ изъ него; но наше женское образованіе также не можетъ быть примѣтно для большинства общества. — Мы женщины (нынѣшняго времени), кажется, всѣ образованы на одинъ ладъ; всѣ мы бойко говоримъ по-французски, болѣе или менѣе умѣемъ играть на фортепіанкахъ, танцуемъ такъ ловко, что про насъ одинъ каламбуристъ сказалъ, *что мы очень легки въ обращеніи*; нѣкоторыя изъ насъ говорятъ по Англійски, многія поютъ романсы (правда, по большей части фальшиво); другія рисуютъ, и почти ни одна ничего, кромѣ романовъ, не читаетъ. Стало быть, женщины настоящимъ об-

разомъ не образуются и въкъ свой довольствуются школьнымъ, болѣе или менѣе механическимъ ученіемъ; стало быть, у большинства нашихъ женщинъ не ищите истинной любезности, онѣ по сю пору, какъ пресловутый Евгеній Онегинъ Пушкина, учатся

«Чему нибудь и какъ нибудь.»

И встрѣтивъ въ средѣ ихъ женщину граціозную, умную, истинно образованную и любезную, ради Бога смотрите на нее съ особеннымъ уваженіемъ. Когда нибудь я вамъ расскажу, какъ ей бѣдной трудно жить въ этомъ мірѣ всѣдневныхъ дразговъ, микроскопическихъ мелочей, официальныхъ глупостей и китайскихъ церемоній.

Мы остановились на томъ, что умъ и любезность не всегда зависятъ отъ насъ. Но красота? Пожалуй, не зная секретовъ туалета, вы скажете, что красота никогда не зависитъ отъ насъ. Но... *je vous demande pardon*—наша красота нѣкоторымъ образомъ зависитъ отъ насъ. Секреты туалета? Зависимость красоты отъ женщины? вотъ вопросы, которые, я уже вижу, мелькаютъ въ вашей головѣ, любезный читатель: вы недоверчивы, какъ всѣ мужчины; вы, вѣроятно, уже думаете, что я говорю о косметикахъ, бѣлилахъ, румянахъ, и вы думаете, что я хочу проповѣдывать моимъ подругамъ о необходимости притираний и возможности прельщать васъ разрисованнымъ лицомъ. Успокойтесь, совершенно цѣть. Секреты туалета, о которыхъ я хочу говорить съ вами, не содержатъ въ себѣ ничего *двуличнаго*, ничего *фальшиваго*, ничего *непристойнаго*. Ихъ каждая женщина могла бы открыть не красяся, но она, по вражденному чувству кокетства, ни за что не откроетъ этихъ тайнствъ. Ни одна худошавая женщина не признается, что она не любитъ носить платья съ низкимъ или очень открытымъ воротомъ, потому что не хочетъ показать худобы своей шеи и плечъ; она носитъ меховые рукава, обремененные кружевами, дабы скрыть непропорціональность своихъ рукъ, носить букли, широкій уборъ, дабы ее лице не казалось очень длиннымъ. Ежели женщина мала ростомъ, она надѣнетъ башмаки съ внутренними коблуками, и будетъ думать, что обманула всѣхъ, хотя колеблющіеся шаги, неловкая и часто громкозвучная походка изобличаетъ ее въ ея невинной хитрости; и въ добавокъ для того, чтобъ казаться выше, она носитъ безмѣрно длинное платье, которое необходимо и для тѣхъ, кто имѣетъ дурно сложенную ногу, тогда какъ напротивъ хорошо сложенная ножка, какъ бы ни было длинно платье, всегда обутая въ изящный баш-

макъ, не смотря ни на какія препятствія, выгланеть на Божій свѣтъ. Толстая барыня, полная дѣвушка и молодая дама всегда готовы выказать свои широкія, бѣлыя, роскошныя плечи, и стоически переносятъ мученія туго стянутой шнуровки. Блондиночка не сознается, почему она съ отвращеніемъ надвѣваетъ палевое платье, а брюнетка, почему она не любитъ голубаго цвѣта, хотя бы вы ясно видѣли сами, что эти оттѣнки нейдутъ къ нимъ. Не скажутъ вамъ женщины съ вздернутымъ носикомъ, почему онѣ любятъ прическу à la Pompadour, а дѣвушки съ задумчивою, блѣдною физиогноміею, предпочитаютъ расчесывать свою косу à la sainte Cécile. Это все должно быть для всѣхъ секретомъ, и секретомъ тѣмъ болѣе непроницаемымъ, что его можно удобнѣе скрыть, чѣмъ употребленіе румянъ, притираній и фальшивыхъ волосъ. И такъ та женщина, которая постигаетъ эти таинства туалета, нѣкоторымъ образомъ можетъ сказать, что ея красота зависитъ отъ нея.

И вотъ почему женщины пристрастны къ нарядамъ. Онѣ хотятъ нравиться своимъ самозваннымъ повелителямъ мужчинамъ, а мужчины же ихъ осуждаютъ за пустоту ихъ занятій, за мелочность ихъ заботъ! Дайте женщинамъ фундаментальное образованіе, дайте имъ возможность быть истинно любезными, потомъ оцените ихъ по ихъ достоинству, и онѣ не будутъ съ такимъ увлеченіемъ заниматься своимъ нарядомъ.... но до этого еще далеко, пусть вся масса мужчинъ будетъ лучше, чѣмъ она есть, пусть большинство ихъ смотритъ на женщину, какъ на своего друга, а не какъ на рабскую прихоть и игрушку любви, тогда другое дѣло, а до тѣхъ поръ не судите насъ за необходимое для насъ кокетство и за пристрастіе къ туалету. До тѣхъ поръ я напечатаю эту статью и буду просить Московскихъ дамъ обратить на нее вниманіе.

Милостивыя Государыни! кажется, я выставила достаточныя и законныя причины, почему намъ необходимы наряды, почему мы должны со вниманіемъ заниматься ими. Я увѣрена, что многія изъ васъ знаютъ въ этомъ толкъ лучше, чѣмъ я; но, можетъ быть, многія, увлеченныя страстью къ туалету, не думаютъ ни о своихъ средствахъ, ни о своемъ положеніи, хладнокровно разстраиваютъ состояніе своего семейства и изъ тщеславія желаютъ равняться своимъ уборомъ съ женщинами высшаго круга и огромнаго состоянія. Повѣрьте мнѣ, что не всегда богатство нашего наряда составляетъ его изысканство, и не всегда то хорошо, что дорого. Въ этой статьѣ я осмѣливаюсь представить тому нѣсколько примѣровъ.

Начнемъ съ головы: Дама или двѣица высшаго Московскаго круга должна быть причесана Шарлемъ или Невилемъ.

Истинный парикмахеръ долженъ быть артистъ своего дѣла; мало того, онъ долженъ обладать поэтическимъ чувствомъ, какъ истинный художникъ. Спросите по совѣсти этихъ двухъ волосочесателей, сколько разъ они, призванные убирать какую нибудь безобразную голову или съ ясными признаками монголотатарскаго происхожденія, или длинную, безмврную худощавую фигуру съ птичьимъ носомъ, (что не рѣдко встрѣтишь въ Парижѣ), невольно приходили въ недоумѣнїе, какъ подобныя лица причесать къ лицу? что сдѣлать съ одной, чтобъ увеличить ея крошечный лобъ, скрыть ширину скуластаго лица, сладить съ этими вьющимися непокорными волосами, или у другой дать надлежащую пропорцію ширинѣ физиогномїи, и составить выраженїе лицу, которое не имѣетъ никакого выраженїя? Часто парикмахеръ, взявъ гребенку, долго раздумывается; артисту нужно время, чтобъ собрать свои мысли, разлетѣвшїяся при взглядѣ на непрїятность той, которую онъ долженъ чесать; эти мысли мало по малу проходятъ, вдохновенїе возвращается, и посмотрите, какъ онъ быстро начинаетъ работать, въ десять минутъ головной уборъ готовъ, пунцовая камелїя граціозно затеривается въ вьющихся волосахъ Монгольской княжны, боковыя косы, открывая лобъ, кинуты назадъ à la reine Margot и не скрываютъ брилліантовыхъ серегъ, которыя, кажется, блестятъ еще ярче близъ этихъ восточныхъ ланитъ. Головка Татарки изъ подъ рукъ Невилы выходитъ милой головкой, достойной стать на ряду съ головками Гриведона!...

Съ своей стороны и Шарль вышелъ съ честью изъ затруднительнаго положенїа причесывать французскую головку mademoiselle Pauline. Чобъ скрыть этотъ непропорціональный крутой лобъ, онъ напустилъ на него маленькія букли, вьющіяся въ мелкія колечки, которыя, постепенно дваясь все болѣе и болѣе, оканчиваются съ обвїхъ сторонъ локнами, прикрывающими блѣдное и не пропорціонально длинное лице двѣицы. Между этими локнами пропущена нитка жемчугу и cache-reigne; бусы довершили головной уборъ, произведенный искусною рукою Шарля. Вся физиогномїа Полины проникнута какою то задумчивостью и истомой, можетъ быть, происходящей отъ мысли, а можетъ быть, и отъ утомленїа послѣ вчерашняго бала.

Имѣете ли вы, моя любезная читательница, дурную привычку употреблять бѣвила, румяна и прочїя притиранїа? Я васъ не смѣю

за это осуждать, потому что большинство женщин прибѣгаетъ къ этимъ косметическимъ средствамъ; я, съ своей стороны, согласилась бы быть лучше безобразной, чѣмъ мазать свою физиономію, красить губы, или сурмить брови. Но у всякаго свой вкусъ; и, ежели вы уже прибѣгнули къ этимъ средствамъ, держитесь ихъ крѣпко, а то насмѣшники скажутъ, что вы *двуличны*, или что ваша физиономія часто *линяетъ*. И такъ ежели вы бѣлитесь и румянитесь, то бѣлитесь и румянитесь, но непременно покупайте эти снадобья лучшаго качества. Наши молодыя актрисы, которымъ онѣ необходимы на сценѣ, берутъ ихъ у Розенштрауха и у Торбека, не жалѣйте денегъ на этотъ предметъ; а то пожалуй за дешевую цѣну купите напримѣръ на Никольской, въ домѣ Глазунова, и такъ испортите свое лице, что не исправите его никогда. Да и при употребленіи лучшихъ румянъ и бѣлилъ необходимо на ночь намазывать лице чѣмъ нибудь жирнымъ, чтобы не дупилась кожа отъ засоренія поръ, операція пренепріятная, въ особенности для замужней женщины, супругу которой придется любоваться лоснящимся лицомъ своей жены. Крашеніе губъ я встрѣчала рѣдко, и не понимаю, въ чемъ заключается прелесть этихъ коралловыхъ устъ, похожихъ на уста человека, одержимаго горячкой. Брови удобнѣе всего сурмить пылью, хотя очень гадко, но за то безвредно; и дасть натуральный цвѣтъ, въ особенности брюнеткамъ.

Но объ этомъ довольно, обращаюсь снова къ волосочесателямъ. Не всѣ Московскія дамы и дѣвицы такъ счастливы, что ихъ чешутъ Шарль и Невиль: ко многимъ эти господа посылаютъ своихъ подмастерьевъ и учениковъ, людей, которые не умѣютъ порядочно въ рукахъ держать и гребенки (имъ я не советую вѣрять своей голы) и способны удивительно обезобразить и хорошенькое личико. Сознаюсь откровенно, что меня всегда причесываетъ подмастерье Галлиси, Русскій парикмахеръ, по видимому, ученикъ знаменитаго Глазова, который самъ принадлежалъ къ школѣ великихъ куаферовъ Екатерининскаго вѣка. Не много теперь у насъ въ Москвѣ парикмахеровъ, образованныхъ въ этомъ направленіи, развѣ только одинъ мой волосочесатель, да парикмахеръ Голицинскій: правда, оба они не художники, не поэты, но у нихъ пропасть такъ называемаго такта и давнишняя рутинна. О прочихъ парикмахерахъ я ничего не могу сказать; говорятъ, что не дурны Огюсть, Марку, Бернардъ, даже Некрасовъ, но я не видала отлично убранной головы ихъ руками. Ахъ, виновата! вкусъ Некрасова я знаю: онъ много чешетъ богатыхъ купчихъ, любитъ употреблять густыя гвирланды

цветовъ, газовыя буфы, чуть чуть не цѣлыя куски дымки, не рѣдко соединяетъ все это съ лентами, и воздвигаетъ прически преувѣдательныя.

Однако дамскіе головные уборы состоятъ въ зависимости не отъ однихъ только парикмахеровъ. Къ этому разряду женскихъ нарядовъ надобно причислить шляпки, чепцы, уборочки, цветы и проч. проч. Если моя болтовня вамъ еще не надѣла, то позвольте поговорить съ вами объ этихъ предметахъ.

Безспорно, изъ всѣхъ Московскихъ модныхъ магазиновъ самый лучший магазинъ Г-жи Дюбуа, бывшій Сихлера: конечно, и въ другихъ магазинахъ вы найдете превосходныя шляпки и уборы; но тамъ *иногда*, а здѣсь *всегда* вы увидите полный и превосходный выборъ этихъ вещей. Правда, Г-жа Дюбуа противъ другихъ модистокъ беретъ дороже; но всѣ матеріалы, употребленные ею, действительно лучшаго качества. Въ ея магазинъ, такъ какъ и въ другихъ модныхъ магазинахъ, главная продажа бываетъ въ первыхъ числахъ декабря и на страстной недѣлѣ, къ этому времени устанавливаются фасоны зимнихъ и весеннихъ шляпъ. Положимте, что теперь страстная недѣля, что къ Святой вамъ, любезная читательница, необходима новая шляпка; отправляйтесь прямо къ мадамъ Дюбуа, смѣло пробирайтесь въ круглую залу ея магазина (*). Смотрите, на этомъ кругломъ столѣ стоять сотни головныхъ уборовъ, какой вамъ нужно; всѣ эти эфемерныя созданія французской искусства привлекательнѣе одно другаго. Но могу васъ увѣрить, что это не богатѣйшія и не лучшія; велите отворить шкапы, и тамъ вы увидите действительно такія прелести, которыя могутъ восхитить и не женщину, даже и мужчину съ эстетическимъ чувствомъ. Вотъ посмотрите эту креповую шляпку: она, кажется, вся составлена изъ воздуха; эта китайская роза, облитая росой, кажется, не произведеніе человеческихъ рукъ, а действительно цвѣтокъ, только лишь сей часъ отдѣленный отъ своего стебля; или вотъ эта розовая шляпа изъ пу-де-суа, гарнированная только лентами и кружевами, какая стройность во всѣхъ ея частяхъ! Не смотря на ея простоту, видно, что ее дѣлали съ любовью, также какъ вотъ и эту богатую шляпу съ перьями и блондовымъ полу вуалемъ. Какой счастливецъ достанется этотъ нарядъ? кто кинетъ за него 25 р. сер. и раза три, четыре будетъ красоваться въ немъ? Да, если уборы Г-жи Дюбуа для васъ дороги, если вы не хотите кинуть

(*) Магазинъ Дюбуа на Дмитровкѣ, въ домѣ Глѣбова-Стрѣшсва.

несколько лишних рублей, не хотите здесь купить себе наряд, все таки съездите в этот магазин, чтоб иметь понятие о том, что носить в настоящее время. Здесь всегда огромный запас чепцов, чепчиков, наколок, уборчиков из лент, бархату, блонд, цветов, марабу и проч. проч. После магазина Г-жи Дюбуа я могу рекомендовать шляпы Г-жи Шарль, накладки преемницы магазина Г-жи Анетъ, простенькіе чепчики Г-жи Латрель.

На одной улицъ съ магазиномъ Дюбуа въ домъ Засвцаго, находится бывший магазинъ Сара, который теперь состоитъ въ распоряженіи Елизы Сегино. Это заведеніе не щеголяетъ роскошью своего помещенія; здесь вы иногда не найдете ничего порядочнаго, чтобы немедленно купить. Но ежели у васъ есть время и вы хотите приобрести вещи за умеренную цѣну, то закажите, что вамъ нужно, растолкуйте, желаете ли вы богатый или простенькій уборъ, и остальное уже предоставьте на вкусъ Елизы. Она вамъ сдѣлаетъ непременно прелестную шляпу или заглядные уборчикъ, а главное не возьметъ съ васъ въ три-дорога. Это самая добросовѣстная модистка, какую я только знаю.

Шляпы и уборы Буриль можно отличить изъ тысячи: ежели вы встрѣтите соединенныя вмѣстѣ золото, ленты, блонды, цвѣты, перья или гирлянды, à la jardinière, или передъ вами мелькаетъ полувуаль, который длиннѣ вуаля, однимъ словомъ все, что называется trop chargée, смѣло можете говорить, что это вышло изъ мастерской Г-жи Буриль, все это богато, дорого, но отивно безвкусно. Однакоже въ этомъ магазинѣ находится большое количество товара, врядъ ли не болѣе, чѣмъ гдѣ бы ни было въ другомъ мѣстѣ. Кто же покупаетъ эти шляпы съ садами, эти уборы яркіе и дорогіе? У Буриль своя собственная публика и покупательницы, во-первыхъ богатые купчихи, во-вторыхъ тѣ женщины легкаго поведенія, которыя вчера бѣгали безъ самопа, въ какойнибудь оборванной накидкѣ, а сегодня мчатся на рыскахъ Хованскаго (*), завернувшись въ бархатный бурнусъ и въ шеншиловое пальто. Къ этимъ господамъ присоедините тѣхъ, которымъ мужья на ихъ имя покупаютъ имѣнья, и артистокъ нашего театра, которыя живутъ съ роскошью богатыхъ барынь, и вы увидите, что Г-жа Буриль не можетъ жаловаться на малочисленность своихъ покупательницъ. Впрочемъ, ни Лебуръ, ни Дюбуа, ни Анетъ, ни Сегино, ни весь Кузнецкій мостъ не производятъ столько шляпъ, сколько ихъ дѣ-

(*) Известный извозчакъ въ Москвѣ.

ласть Кириковъ, Истомина и Келлеръ. Конечно, это шляпы не богатя, не рѣдко довольно уродливя, но иногда очень милыя и нарядныя, въ особенноти тѣ, которыя вышли изъ мастерской Келлера. Всѣ эти шляпы, такъ называемыя, рядскія, дешевыя по большою части и продаются въ ножевой лавкѣ, въ Голицынскон галлерей и въ Московскомъ базарѣ, который состоитъ при магазинѣ Русскихъ издѣлій. Здѣсь можно купить за шесть руб. сер. бархатную шляпу, пожалуй даже съ строусовымъ перомъ. Все Московское среднее сословіе, начиная отъ небогатой чиновницы и жены лавочника (увъ! нынѣ и лавочницы уже носятъ шляпки) до супруга священника и барыни средняго состоянія, покупають здѣсь. Къ тому же Истомина, Кириковъ, Галафтьевъ, на котораго работаетъ Г-жа Келлеръ, отправляютъ сотнями шляпы во внутрь Россіи на ярмарки и въ Сибирь, такъ что у нихъ въ началѣ зимы начинаютъ уже работать весеннія шляпы, а въ июль строить уже зимнія, а то иначе они не успиють исполнить всѣ требованія и удовлетворить своихъ многочисленныхъ покушчиковъ. Разумется, у этихъ господъ, какъ и въ лучшихъ магазинахъ, продаются вмѣстѣ съ шляпами и прочіе головные уборы. Не ищите здѣсь доброкачественности матеріала и элегантности формъ. Правда, у Галафтьева иногда бывають очень миленькія шляпки; но все таки вы съ перваго раза увидите, что это скорая, небрежная, дешевая, рядская работа. Представляю здѣсь таблицу цѣнности одной и той же вещи въ разныхъ мѣстахъ.

	у дюбуа.	у сегино.	въ ряду.
Бархатная шляпа съ			
Перомъ	отъ 27 до 20,	отъ 23 до 18,	отъ 17 до 12
Шляпы атласныя или			
пу-де-суа съ цвѣткомъ.	— 18 - 15,	— 15 - 12,	— 12 - 6
Нарядная накладка съ			
перьями или блондами и			
цвѣтами.	— 30 - 18,	— 15 - 10,	— 12 - 7
Простенькій уборчикъ			
съ лентами и кружевами.	— 15 - 10,	— 12 - 6,	— 8 - 3
Чепецъ съ рюшью и			
лентами.	— 8 - 6,	— 6 - 4,	— 4 - 2
Cache реigne изъ лентъ.	— 5 - 3,	— 3 - 2,	— 2 -1-50

Въ заключеніе объ этомъ предметѣ скажу, что у Невиля, Рейсь и Бастидъ можно имѣть головные уборы, сдѣланные со вкусомъ, за очень умѣренную цѣну.

Теперь отъ головы перейдемъ къ прочимъ частямъ дамскаго туалета, будемъ говорить о платьяхъ. Это предметъ неистощимый, о немъ можно написать цѣлые томы; но я буду говорить, какъ можно короче. Однако же никакое платье почти никогда и ни къмъ не надвѣвается безъ корсета. Корсетъ для женщины дѣло великое: онъ образуетъ нашу талию, скрываетъ ея недостатки, не дозволяетъ растягиваться лифу. Многіе нападаютъ на корсетъ, говоря, что онъ разстроиваетъ наше здоровье, способствуетъ груднымъ болѣзнямъ, даже туго стянутый развиваетъ худосочіе; но, вѣроятно, эти господа забыли, что корсетъ есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ при ортопедическомъ леченіи нашихъ наружныхъ недостатковъ, и я знала многихъ дамъ и дѣвицъ кривобокихъ, съ высунувшимися лопатками, почти горбатыхъ, которыя не казались уродами единственно по милости простаго, обыкновеннаго корсета. Конечно, ежели вамъ корсетъ будетъ дѣлать какая нибудь доморощенная швея, или самодѣльная мастерица, то вы по милости ея перенесете страшныя мученія, и, можетъ быть, дѣйствительно поплатитесь своимъ здоровьемъ. Я даже не совѣтовала бы вамъ заказывать корсетъ какой нибудь неизвѣстной швевъ или покупать его за дешевую цѣну у городскихъ производителей моды; однимъ словомъ, ради Бога, любезная читательница, не гонитесь за дешевизной по этому предмету, возьмите въ расчетъ ваше здоровье и спокойствіе, и вы увидите, что это дешевое сойдеть на очень дорогое.

Знаменитѣйшая корсетница въ Москвѣ была Г-жа Банксъ; но она уже не существуетъ, ее никто не замѣнилъ вполнѣ, и покупательницы ея обратились со своими требованіями къ разнымъ мастерицамъ. Лучшими теперь считаются Мадамъ Амели, Мадамъ Орель и мадамъ Бари. У всѣхъ этихъ трехъ дамъ корсеты безспорно хороши; но въ нихъ издѣліяхъ нѣтъ той эластичности, того покоя, какіе были въ корсетахъ Банксъ. Корсеты мадамъ Амели отличаются превосходной строчкой и изяществомъ въ отдѣлкѣ. Я видѣла у ней корсетъ шитый изъ грогро муаръ, сдѣланный съ такимъ стараніемъ, что имъ можно было любоваться, какъ галантерейною вещью; но за то онъ и стоилъ дорого, за него было заплачено 35 руб. сер. Это по моему, роскошь непростительная: главное, была бы эта вещь покойна и удобна, а платить большія деньги за строчку и матерію, которыхъ никогда никто не увидитъ, есть напрасная трата денегъ. За хорошій корсетъ изъ прочнаго ластика съ глухимъ планшетомъ или машинкой съ французскими шелковыми шнурами, съ патентованными пружинами изъ застрочен-

ной въ некоторыхъ мѣстахъ резиной, платится всѣмъ этимъ тремъ мастерицамъ отъ пятнадцати до десяти рублей серебромъ.

Теперь обращаюсь къ платьямъ. Я говорила выше, что этотъ предметъ неистоимъ. Если только сдѣлать номенклатуру матерій, изъ которыхъ шьются платья, то она была бы длиннѣе номенклатуры любого царства природы. Но я уволю моихъ читателей и читательницъ отъ этого безконечнаго списка, и только скажу имъ, что одѣваніе современной женщины порядочнаго круга имѣетъ слѣдующія подраздѣленія:

Блуза для вставанія съ постели.

Утренній капоть.

Капотъ для прогулки (зимой).

Платье для визитовъ.

Платье для обѣда.

Платье для вечерняго выѣзда.

Бальное платье.

Дѣвицы не носятъ утреннихъ капотовъ, за то они имѣютъ простенькія утреннія платья. Дамъ, по принятому общественному этикету, позволено короткихъ знакомыхъ принимать въ блузы; но порядочная дѣвушка кромѣ отца и матери никому не покажется въ этомъ нарядѣ. Утреннія блузы шьются изъ всѣхъ матерій, преимущественно бумажныхъ, которыя не дороги и легко чистятся. Не смотря на то, что всѣ они дѣлаются однообразно безъ лифа и шьются какъ халатъ, разнообразіе ихъ покроевъ безконечно: есть блуза съ узкими рукавами, съ рукавами греческими, широкими, какъ старинная турецкая шуба, со складками, съ такъ называемой отръзной блузочкой. Всякая благоразумная женщина старается дѣлать этотъ нарядъ, какъ можно спокойнѣе, и, разумѣется, по эстетическому чувству, врожденному человѣку, какъ можно изящнѣе. Утренній капоть у дамъ и утреннее платье у дѣвицъ есть тотъ нарядъ, который онѣ, обыкновенно, надѣваютъ послѣ блузы, въ которомъ принимаютъ гостей и визиты, выѣзжаютъ къ роднымъ, въ городъ (какъ истинная Москвитянка я такъ называю наши ряды), въ магазинъ, а иногда и въ церковь. Эти капоты и платья шьются съ большею или меньшею роскошью, смотря по состоянію и страсти къ щегольству. Матеріаломъ для нихъ служатъ и дешевый шерстяной кашемиръ отечественнаго произведенія, и дорогая персидская термалама, и скромный городской глясе, и роскошный муаръ антикъ, легкій фуляръ и тяжелый репсъ. Эти платья и капоты шьются безчисленными разнообразными манерами съ большими

Драпри, съ лифомъ à la chevalier, съ полуоткрытымъ воротомъ, при которомъ необходима нѣя высокая манишка или modestie, съ воротомъ такъ называемымъ подъ горло, съ лифомъ, имѣющимъ одинъ или два мыса и проч. и проч. Отдѣлываютъ ихъ лентами, бахромой, бархатомъ, атласомъ, воланами (оборками), складками, шнуркомъ, кружевами, аграмантомъ, пуговицами, однимъ словомъ всякій по своей фантази, какъ умветъ и какъ можетъ. Не рѣдко случается, что отдѣлка стоитъ дороже матеріи и работы. Многія изъ Московскихъ дамъ шьютъ блузы дома, но утренній капоть или платье почти всѣ (исключенія рѣдки) отдають дѣлать портнихамъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ ремесленницъ по этой части устройства дамскаго туалета, приобрѣли особенную извѣстность. Такъ напри- мѣръ здѣсь въ Москвѣ рѣдкая женщина порядочнаго круга не знаетъ Анну Ивановну Ребристову: платья, сшитыя ею (по техниче- скому выраженію), сидятъ превосходно и удивительно спокойно. Франтихи Замоскворѣцкаго міра предпочитаютъ ей Солнцеву, ко- торая свои произведенія отдѣлываетъ чуть чуть не погремушками. А дамы высшаго круга свои простенькія платья и капоты отдають шить Латрель, Сегино, Рейсъ и проч. иностранкамъ, которыя между прочимъ часто ихъ порядочно уродуютъ, но что дѣлать? все- властная мода, которой мы женщины такъ покорны, заставляетъ ихъ давать работу этимъ модисткамъ. Впрочемъ я скажу, что Ели- за Сегино работаетъ всегда безукоризненно хорошо и въ особен- ности любительницамъ маскарадовъ рекомендую ея домино: она постигла тайну этого наряда; домино сшитое ею, хорошо скрываетъ васъ; но ежели вы захотите, то она не скроетъ изящныя линія ва- шихъ формъ. Франтихи изъ среды мелкаго чиновничества, небога- тыхъ помѣщиковъ, учителей, однимъ словомъ всего средняго мало- денежнаго сословія, имѣють своими модистками Прасковью Граціо- ты, Настасью Ежикову, Аграфену Ильину, Марью Гатаринову, Во- ронкову и проч. и проч. *ихъ же нѣтъ числа.* У нѣкоторыхъ изъ этихъ модистокъ бываетъ какое-то чутье изящное; иногда они без- отчетно дѣлають свое дѣло прекрасно; такъ небогатая швея Во- ронкова (на Спиридоновской улицѣ, въ домѣ Сонцева) дѣлала платья нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, и почти всегда безукоризненно хо- рошо. Но за то другія такъ обезобразяютъ тѣхъ, которыя ради де- шевизны вѣрятъ имъ свой туалетъ, что и самая стройная женщи- на покажется уродомъ. Зимніе капоты для прогулки, съ незапамят- ныхъ временъ преимущественно дѣлаются изъ бархата и атласа; Впрочемъ не рѣдко для нихъ употребляется термалама, французскій

кашемиръ, тяжелыя шелковыя матеріи и проч. цѣнныя ткани, употреблемыя на платья болѣе зимой, чѣмъ лѣтомъ. Подобный капоть непременно кладется на вату, отдѣляется плюшемъ, атласомъ, бархатомъ, лебяжьимъ пухомъ, мѣхомъ и т. п. Московскія дамы тѣмъ же мастерицамъ, которыя шьютъ на нихъ платья, препоручаютъ шить и капоты для прогулки.

Надо бы еще сказать объ утреннемъ капотѣ новобрачной, но объ этомъ я поговорю послѣ, ежели удастся, въ особой статьѣ подъ названіемъ: приданое невесты.

Платья для визитовъ, платья для обѣда, и платья для вечерняго выѣзда, многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, кажется, не имѣютъ никакого различія: всѣ они шьются изъ однихъ и тѣхъ же матерій, болѣе или менѣе богатыхъ, смотря по положенію въ свѣтѣ и по средствамъ. Но записныя Московскія щеголихи раздѣляютъ ихъ на почти неуловимыя категоріи: такъ онѣ говорятъ, что вѣхать на обѣдъ неприлично въ платье, у котораго высокій воротъ подѣ горло, тогда какъ платье шитое такимъ фасономъ, да въ добавокъ еще съ мантилей изъ одинакой съ нимъ матеріи, есть самый приличный нарядъ для утреннихъ выѣздовъ. Для вечернихъ посѣщеній предпочитаютъ платья съ болѣе открытымъ воротомъ и матерій свѣтлыхъ оттѣнковъ. Я полагаю даже, что эти госпожи болѣе богатая матеріи покупаютъ для этихъ платьевъ.

Но верхъ роскоши богатой и знатной Московской дамы—это ея большой туалетъ. Я не говорю о дѣвцахъ: какъ бы ни былъ изященъ ея нарядъ, все онѣ не будетъ такъ цѣненъ, какъ дорогое платье дамы; для дѣвицы необходимо что нибудь легкое, тарлатанъ гладкій или съ вышитыми воланами, тюль илюзіонъ, также очень часто вышитый шелкомъ, муслинъ суа, разныя крепы и газы, вотъ изъ чего дѣлается ея самый роскошный нарядъ. Иногда его цѣнность доходитъ до значительной суммы; не рѣдко за бальное платье балованной дочки платятъ до восьмидесяти рублей серебр. но все это ничтожно въ сравненіи съ гардеробомъ дамы, которая иногда отдаетъ за одну матерію полтора ста и двѣсти руб. сер., въ особенности за эти великолѣпныя платья изъ *velours broché* или *грого муаръ* съ воланами, на которыхъ вытканы бархатныя гирлянды. Самыя платья дамы очень обыкновенныя иногда достигаютъ до цѣнности ста двадцати руб. роскошь неимоверная, которую, право, стоило бы ограничить какимъ нибудь закономъ. Вообразите, что недавно изъ магазина Ревеля для визитнаго туалета одной новобрачной изъ купческаго сословія, купили матерію за 400 руб. сер!..

Разумьется, подобныя наряды отдають шить не иначе, какъ Дюбуа, Миангуа и Madame Amélie.

Однако нельзя ли какъ нибудь одѣться не хуже этихъ мотоватыхъ барынь и гораздо дешевле? Повѣрьте мнѣ, кто изъ насъ сама занимается своимъ туалетомъ и хочетъ сдѣлать это какъ можно экономнѣе, та вѣрно достигнетъ до этого. Напримеръ *velours broché* русской фабрики Сапожникова или Кондрашева мало чѣмъ уступаетъ французскимъ издѣліямъ, а стоитъ въ три раза дешевле, вы его можете купить за пятьдесятъ и шестьдесятъ руб. сереб. Платье *gro d'africain* съ затканными воланами, платье до чрезвычайности нарядное, можно приобрести за сорокъ и пятьдесятъ рублей. Матеріалъ шене съ превосходными узорами, баадерами, съ воланами, или такъ просто, продается отъ двадцати пяти до тридцати пяти руб. Наконецъ атласныя платья можно надѣть на самый нарядный балъ, а они стоятъ отъ двадцати до сорока руб. И такъ была бы добрая воля да вкусъ; а то можно одѣться не хуже другихъ, не раззоря себя и бѣдныхъ мужей. Такъ я знала одну молодую, умную даму, она всегда была одѣта превосходно, я почитала ее страшной мотовкой и потомъ узнала, что она, безпрестанно выезжая, не пропуская ни одного сколько нибудь значительнаго бала и праздника въ Москвѣ, издерживала на свой туалетъ не болѣе шести сотъ руб. сер. въ годъ.

Помилюйте, графиня, она имѣла этотъ сіятельный титулъ, да съ васъ Дюбуа болѣе этого переберетъ за фасоны! Дюбуа, мой другъ? отвѣчала она съ улыбкой, да я никогда не отдаю свои платья шить на кузнечій мостъ.

— А, такъ на васъ работаетъ Ребристова?

— Совсѣмъ нѣтъ, я отдаю шить свои наряды Никитиной.

— Никитиной? откуда вы выкопали такую мастерицу?

— Это не богатая портниха, она живетъ у Пречистенскихъ воротъ, въ домъ Штольцъ.

— И она вамъ отдѣлываетъ всѣ платья?

— Покрой ея превосходенъ. Что же касается до отдѣлки и фасоновъ, то я сама получаю *Moniteur de mode* и не скажу толковать съ моей портнихой, приказывая ей гарнировать мои наряды по моему вкусу.

Теперь я ясно уразумѣла, почему графиня была всегда одѣта съ отличнѣмъ вкусомъ.

Лучшія и самыя дорогія матеріи для платьевъ въ Москвѣ можно найти въ магазинахъ: Левенштейна подъ фирмою *à la ville de*

Москву, Ревель и въ магазинъ à la ville de Lion; хвалять русскій магазинъ Ипатова, но я въ немъ еще никогда не бывала. За этими продавцами слѣдуетъ магазинъ Русскихъ издѣлій, большой и малый Суровскіе ряды, гдѣ въ лавкахъ Сапожникова, Хлѣбникова, Демидова, Зубкова и проч. и проч. можно найти прекрасныя матеріи; прекрасныя легкія бальныя платья для дѣвицъ можно довольно сходно купить въ магазинъ Мещерскаго, Брюссельскомъ, у Галахтѣева, иногда даже въ рядахъ. Мофъ, термалама, фуляры и вообще всѣхъ такъ называемыхъ азіатскихъ матерій я видѣла большой выборъ и очень хорошаго вкуса въ магазинъ Баршова. Скучно только то, что здѣсь надобно торговаться, — Армяне и наши гостиннодворцы ничего не могутъ продать безъ запроса.

Теперь по отдѣлу платья я окончила мою рѣчь; но головныя уборы и платья не составляютъ еще полного туалета Московской дамы. Для нея необходимы визитки, мантильи, комали, косынки, платки, шали, бурнусы, пальто и салоны.

По части этихъ нарядовъ, въ кругу нѣкоторыхъ Московскихъ щеголей, имѣетъ большую славу заведеніе Б. Долго я не могла добраться до него: оно находится на краю города. Кто знаетъ Москву, тотъ пойметъ, каково отправляться въ такую даль, на примѣръ хоть съ Пречистенки. Право, только мы Москвичи привыкли къ подобнымъ переездамъ безъ отдыха, а то на дорогѣ непременно надобно было бы покормить лошадей. Но, не смотря на разстояніе, на скверную осеннюю погоду, я достигла своей цѣли: подѣзжаю къ какому то низенькому деревянному домику, въ которомъ скорѣе можно предполагать найти уѣздное училище или пріютъ для сиротъ, это модный магазинъ Б. По крытой галлерей проникаю въ темную переднюю, а за ней въ слѣдующей комнатѣ встрѣчаю дѣвицу, очень мило одѣтую, которая своимъ костюмомъ и манерами ни сколько не походитъ на модистку. Это, какъ послѣ я узнала, дочь Г-жи Б. На мой вопросъ, есть ли продажныя салоны, она отвѣчала утвердительно, и ввела меня въ низенькую, обширную комнату, всю уставленную въшалками, на которыхъ висѣли различныя салоны. Мнѣ съ перваго разу понравился одинъ мѣхъ чернубурой лисицы, крытый превосходнымъ лонскимъ синимъ бархатомъ. Я спросила, что онъ стоитъ; но мнѣ сказали, что этотъ сдѣланъ по заказу для дѣвицы А***. Однако можно знать, что онъ заплаченъ?

— Если вамъ угодно точно такой, можно сдѣлать за 200 руб. серебромъ.

— За двести руб. серебр?...

— Да, впрочемъ, за салопъ, этого сорту, крытый обыкновеннымъ русскимъ хорошимъ полубархатомъ, который городскіе продавцы называютъ италянскимъ, можно взять и сто тридцать руб.

— Какъ, сто тридцать руб. сер. за салопъ изъ мѣху черпобурой лисицы?

— Да съ точно такъ, это очень дешево.

— Какъ, дешево? это совершенно даромъ, хотѣла я сказать; но, взглянувъ на мою сопутницу, увидѣла, что она хохотала надъ моимъ недоумвіемъ.

— Вѣроятно ты думаешь, ма сѣге, что это настоящій мѣхъ черпобурой лисицы, успокойся, это только одинъ оптический обманъ. Здѣсь нѣтъ ни хребта, ни боковъ лисицы; на поляхъ одни хвостики, а на спицъ лапки дорогаго звѣря; нашитыя на тряпку, они то и составляютъ этотъ мѣхъ, который тяжелѣ овчиннаго тулупа и немного теплѣ той рѣдинны, которая служить ему основаніемъ.

— Такъ это выдумка, ложь....

— Да, этотъ салопъ сочиненіе Г-жи Б., перебила моя подруга.

— Точно такъ, эти салопы такъ и называются сказала продавщица. Угодно вамъ заказать или купить готовый?

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю, ужъ лучше покажите мнѣ другіе.

— Вотъ, сударыня, песцовые, они отъ 200 до 300 руб. сер. Совсѣмъ сдѣланный, какъ вы видите. Это мѣха отъ 120 до 250 руб. Это лучшаго сорта изъ того же мѣха. Они дома намъ обходятся отъ 300 до 500 руб. сер. Впрочемъ, мѣха у насъ дешевле, чѣмъ у другихъ, мы прямо имѣемъ сношеніе съ Сибирью, у насъ свой магазинъ въ Иркутскѣ. Это все тумаковые, они подороже. Покрытый бархатомъ и надобно за одинъ мѣхъ дать около 600 руб. сер., а это соболій, онъ заказанъ для купчихи Разиной за 1500 руб. сер.

Дѣвица Б. очень усердно показывала свои товары; но я, не смотря на ея предупредительность, уже недобриво смотрѣла на все; мнѣ казалось, что эти салопы, сшиты изъ лапокъ, ушей, мордочекъ и хвостиковъ различныхъ звѣрей. Къ тому же мнѣ не понравились и фасоны ихъ, въ нихъ, этихъ фасонахъ, было что то мѣщанское, богатое, но лишенное всякаго вкуса; я понимала, что

здѣсь главные покущицы Разины и т. п. дамы, которыя недавно смѣнили платочикъ на шляпку и душегрѣйку на салопъ.

— А мантильи у васъ есть? спросила моя спутница.

— Какъ же, пожалуйста въ эту комнату. И мы увидѣли огромную коллекцію богатыхъ мантилій, визитокъ, накидокъ, *sortie de bal* разныхъ формъ и наименованій. Большинство ихъ носило на себѣ отпечатокъ того же купеческаго вкуса, и цѣны на нихъ назначались баснословныя. Смотря на одну голубую мантилю, всю расшитую шелкомъ, украшенную бахромой съ какимъ то мудренымъ воротникомъ, глухими рукавами или по просту прорывами для рукъ, я подумала, что къ ней пошло бы красногранатное атласное платье, чепецъ отъ мадамъ Лебуръ, навьюченный блондами, цвѣтами и красующійся многочисленными лопостями изъ лентъ, которыя изъ вашей головы сдѣлаютъ нечто въ родъ головы Медузы. Салопъ свой я заказала шить Никитиной, мѣхъ купила въ мѣховомъ ряду у Ломова, который врядъ ли не богатѣйшій и не чествѣйшій торговецъ пушныхъ товаровъ.

Что же касается до визитокъ, *sortie de bal*, мантилій и тому подобнаго; то дорогія, нарядныя я покупаю въ магазинъ Ревеля у Г-жи Минангуа и иногда у Дюбуа. Вещи этого же разбора, но попроще, я беру въ магазинъ Русскихъ издѣлій у Кирьякова, въ Галицкой галлерей, или заказываю портнихамъ.

Къ мантильямъ причисляются кружевыя косынки. Разнообразіе этихъ нарядовъ невыразимо, цѣны тоже. Здѣсь въ Москвѣ можно найти настоящую кружевную косынку въ 300 руб. сер. и купить такъ называемую имитасьонъ за десять рублей. Кто знаетъ толкъ, кто истинный знатокъ роскоши и мотовства, тотъ оцѣнитъ богатый нарядъ вашъ: но кто любить только щеголеватый видъ, свѣжесть убора, тотъ дорогому Англійскому кружеву предпочтетъ дешевую косынку, на дняхъ лившуюся въ продажу у Галахтѣва, Мещерскаго, Ревеля, Ливена или въ Брюссельскомъ магазинѣ.

Старыя неизносимыя Турецкія шали, въ которыхъ красовались наши маменьки и бабушки, которыя доставались имъ мигренями, истерическими припадками, псевдичными и виновными маневрами; Турецкія шали, доставшіяся намъ по наследству съ градетуровыми капотами, съ мебелью краснаго дерева, выложеннаго мѣдью; и ковры, картинами мифологическаго содержанія, увы! какъ эта мебель и ковры, и онѣ вышли изъ употребленія. Но повторите мнѣ, любезныя читательницы, рано или поздно мы бросимъ французскія и англійскія шали, и снова завернемся въ настоящую ткань кашемира;

мы узнаемъ по опыту, что наши современные платки нигуда не годятся передъ произведеніемъ Азіи. Спросите теперь въ магазинъ Ревеля, много ли продается шалей, и тамъ не похвалятся ихъ сбытомъ. Развѣ только одни женихи официально покупаютъ этотъ парядъ для невѣсты.

Я жалю также, что въ Россіи мало носятъ Колокольцовскія и Мерлинскія платковъ, это просто чудо искусства и верхъ тканевого ремесла; но мы, которыя, брая Западъ, всегда готовы ему подражать, мы скоро опять станемъ поситъ эти издѣлія, ибо высшій кругъ Парижа и фашіонабельныя дамы Лондона очень дорожатъ этими платками, и тамъ они составляютъ нечто въ родѣ особеннаго щегольства.

Впрочемъ я бы никогда не совѣтовала употребленіе шалей женщинъ малаго роста, или такой, которая не умѣетъ въ нихъ драпироваться, какъ древній Римлянинъ въ свою тогу.

Статья моя выходитъ гораздо длиннѣе, чѣмъ я предполагала: мнѣ пора кончить. До болѣе свободнаго времени я оставлю разговоръ о бѣльѣ, кружевахъ, манишкахъ, воротничкахъ и проч. и проч. Теперь только скажу объ обуви. Ничего не можетъ быть для меня противнѣе, какъ видѣть женщину прекрасно одѣтую и скверно одѣтую, это среди роскоши выставка бѣдности, или, еще хуже, неопрятности. И дорого ли стоитъ наша обувь въ сравненіи съ нашимъ туалетомъ? Самые лучшіе полусапожки у Брюно пять руб. и очень удовлетворительные, у Лоскутова и Королева четыре рубля. Я не говорю ни слова о башмакахъ, потому что ихъ нынѣ почти не носятъ. Туфли, настоящія игрушки, у Королева продаются отъ пяти до двухъ руб. сер. Чулки можно приобрести дюжинами у Ревеля, Левенштейна и въ магазинъ Русскихъ издѣлій за 18 руб. сер. дюжина превосходные и очень порядочные по шести цѣлковыхъ за дюжину. Чулки шелковые предоставлены только танцовщицамъ и прочимъ женщинамъ этого разряда. Чулки домашняго вязанья употребляютъ только провинціальныя барыни и ихъ дочки.

Александра С. Ш.

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ.

1856.

ТОМЪ II.

№ 8.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. СТЕПАНОВОЙ.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 12 дня,
1856 года.**

Ценсоръ *Н. Фомъ-Крузе.*

САМОВАРНИЦЫ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННОГО МОСКОВСКАГО ВЪТА).

Окончаніе.

IV.

Паша видѣла издали протѣлки своей подруги и поняла, почему она ушла изъ Сокольниковъ не проставшись съ него; но нисколько за это на нее не посятовала.

— Ужь не думаетъ ли Таня, сказала она, рассуждая сама съ собою, что мнѣ завидно, что она ладитъ съ Александромъ Авдѣичемъ? Нужно мнѣ очень. Я очень рада, что онъ отсталъ отъ меня. Надоѣлъ мнѣ какъ горькая рѣдька, да и до него ли мнѣ?

Въ самомъ дѣлѣ ей было не до него.

Володя явился въ Сокольники еще до музыки и сей часъ-же съѣлъ пить чай за ея столикомъ.

При видѣ его, у нея какъ будто оторвалось сердце и она не вдругъ подошла къ нему; такъ, что мать ея должна была собрать чай молодому доктору.

Когда она одолѣла свое смущеніе и подошла къ Владимиру Ивановичу, тотъ разумется сталъ укорять ее въ этой медленности, но она откровенно рассказала ему все какъ было, и просила извиненія.

— Душка моя, замѣтилъ ей Володя; теперь я уже не

сержусь на тебя. Твое смущеніе есть лучшее для меня доказательство любви твоей; а она мигъ дороже всего на свѣтъ.

Эти слова лились живительнымъ бальзамомъ въ сердце Паши; но, ощущая въ первый разъ чувство любви, она еще не умѣла и не смѣла его выразить. Полная нѣмой радости стояла она передъ столикомъ своего возлюбленнаго; но молчаніе ея было краснорѣчиво и понятно ему. Онъ видѣлъ, что онъ любимъ и любимъ невинною дѣвушкою, и готовъ былъ забыть все окружающее, чтобъ къ ней броситься и разцѣловать ее; но шумъ гулянья и говоръ сосѣдей напомнилъ ему о невозможности исполненія сердечныхъ порывовъ.

— Послушай Паша, сказалъ онъ: я не могу жить такъ. Видѣть тебя и не смѣть говорить съ тобою, или сказать одно слово украдкой, когда хочется сказать ихъ тысячи, для меня невыносимо.

— Какъ же быть? осмѣлилась спросить Паша.

— Я хочу, я долженъ съ тобою видѣться, но не здѣсь и не при свидѣтеляхъ. Я знаю гдѣ ты живешь, знаю даже окна твоей комнаты. Сегодня послѣ гулянья я подожду, когда у васъ всѣ улягутся, и подойду къ твоему окну. Ты мнѣ отворишь его?

— Да о чемъ же хотите вы говорить со мной?

— Ужели тебѣ самой не хочется того же самаго? Вѣдь я вижу, что ты любишь меня, а кого любишь, кажется, слушала бы не наслушалась.

— Это правда.... я очень люблю слушать, когда вы говорите.

— Такъ послушай меня на свободѣ, а не въ этой тѣснотѣ, гдѣ мы говоримъ въ полголоса, гдѣ мы боимся, чтобы насъ не услышали. Пашинька, не спорь съ своимъ сердцемъ, вѣдь оно велитъ тебѣ исполнить мою просьбу?

— Почему жъ вы все такъ хорошо знаете?

— Все потому, что я люблю тебя. Такъ я приду сегодня, Паша, ты подождешь меня?

— Право.... я что-то боюсь.... сама не знаю.

— Да полно жь, душеянка, забудь все. Помни только, что я люблю тебя, а кто любить, тотъ ничего дурнаго не дѣлаетъ и не думаетъ.

— Ну... приходите, выговорила наконецъ самоварница.

Послѣ этихъ словъ ей стало такъ совѣстно, что она невольнo отвернулась отъ Володи. На выручку ей какъ нарочно, судьба послала Авдотью Дмитріевну.

— Паша, я къ тебѣ, сказала послѣдняя. У Тани ничего не добьешься, не отходить отъ Алексѣя Авдѣича, а больше ни на кого вниманія не обращаетъ. Я къ этому не привыкла, вѣдь я дворянка.

— А вамъ чай кушать, Авдотья Дмитріевна? спросила Паша, очень довольная, что она можетъ оправиться отъ своего смущенія. Садитесь ко мнѣ, у меня одинъ столъ не занятъ.

Сказавши это она скоро и весело собрала чай, и усадила за столъ свою хозяйку.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Паша, начала Авдотья Дмитріевна, мнѣ кажется, что Скребковъ измѣняетъ тебѣ.

— Богъ съ нимъ, Авдотья Дмитріевна, я объ немъ и думать забыла.

— Все таки со стороны Тани это не хорошо.... она твоя подруга, онъ влюбился въ тебя; а посмотри, она такъ и лебезить передъ нимъ.

— Право же, продолжала Паша, я этому очень рада. Вѣдь вы сами видали и прежде, что я не знала, какъ отъ него отдѣлаться.

— Все таки не хорошо, стояла на своемъ пожилая дѣва; на ея мѣстѣ я бы этого не сдѣлала.... а на твоѣмъ я бы умерла отъ ревности.

— Что выдумали! сказала Паша со смѣхомъ, стану я

решивать.... и при этих словах она взглянула въ сторону Володи, веснускамнго глаза съ нею.

— Когда бы она знала!.. подумала Паша.

Быстро и крѣпко провелъ этотъ вечеръ для влюбленной дѣвушки.

Нѣсколько разъ на минуту подходила она къ столыку доктора, но не оставалась передъ нимъ долго, и молодые люди только успевали шептаться словами:

— Такъ приходитъ?

— Приходите.

— А ты будешь ждать?

— Буду.

— Душка!

— Полноте.

Въ десять часовъ умолкъ оркестръ Сакса, еще черезъ часъ погасли послѣдніе шкалики и плашки; и самоварницы, отпустивъ запоздалыхъ гостей, отправились по домамъ. Волчья долина почти опустѣла, а говорю, почти, потому что кое гдѣ на лавочкахъ еще видѣлись парочки, шопотомъ говорившія межъ собою, и не обращавшія вниманія на то, что гулянье кончилось. Оставимъ этихъ полуношниковъ любоваться самихъ собою и ночною природою, и догонимъ возвращающихся домой самоварницъ.

Пять или шесть дѣвушекъ идутъ вмѣстѣ и толкуютъ о минувшемъ вечерѣ. Почти всѣ довольны выручкой, у каждой около пяти рублей въ карманѣ. Разговоры идутъ о гостяхъ.

— А вѣдь вотъ толстякъ-то Брусничкинъ не пришелъ сегодня, говорить Лиза; у меня бы еще цѣлковый въ карманъ попалъ.

— А у меня такъ вотъ всѣ были, говорить маленькая Паша; только офицеръ мой поскучился, далъ всего полтинникъ.

— Какой офицеръ?

— А съ бѣленькими-то усиками. Такой азарникъ!... поцѣлуй его, да и только.

— Ишь разгулялся, замѣчаетъ Дуви. Вотъ и кучеръ мой туда же. Возьми говорить цѣлковый, только дай поцѣловать себя. Да, вѣдь какъ подошьеть, такъ, матушки, къ тебѣ и лезеть.

— Да ты бы его къ себѣ не сажала.

— Ишь вы какія, мнѣ отъ него иной вечеръ цѣлковыхъ полтора приходитъ.

— А видѣли вы, какое колено выкинула Танюшка?

— Винтелка-то? какъ не видать! Не даромъ на рысакѣ въ рошу прибѣжала. Мать-то ея опять съ Папшей домой пошла.

— А она?

— Небось укатила съ Скребковымъ.

— Вотъ ужъ безстыдница, такъ безстыдница!

— А вѣдь не дастъ никому слова выговорить.

— Просто срамница!

— Да мы ей теперь проходу недадимъ.

— Только приди завтра.

Такъ осуждали самоварницы свою подругу, а едва ли изъ нихъ самихъ хотя одна могла сказать, положила руку на сердце, что не сдѣлала бы того же самаго.

— А гдѣ же Тана? спросила Авдотья Дмитріевна, встрѣтивъ на крыльцѣ Пашу, вернувшуюся домой часовъ въ десять.

— Не знаю, я думала—она ужъ дома, отвѣчала Паша.

— Вообрази себѣ, ее нѣтъ. Она увкала съ этимъ негодлемъ Скребковымъ. Это просто ужасъ.

Вотъ подите узнайте мнѣнїе женщинъ: давеча Скребковъ былъ очаровательный молодой человекъ, а теперь сталъ негодлемъ. Почему бы такъ? Вѣроятно потому, что въ рошѣ онъ не обратилъ никакого вниманія на Авдотью Дмитріевну.

— Ужь сей часъ и ужасъ возразила Петровна, устившая выпить шкаликъ на дорогъ, и чувствовавшая себя въ воинственномъ расположеніи духа. У васъ все ужасъ. Побѣхла дѣвчонка прокатиться... чтожь тутъ ужаснаго? Подите-ка бѣда какаѣ!...

— Она побѣхла съ пьянымъ мужчиной, замѣтила ей хозяйка дома; а ночью... нѣтъ это невыразимо!

— Шу что вы раскудахтались-то? Васъ бы пригласилъ, и сами бы побѣхали.

— Какъ смѣешь ты говорить это мнѣ? ты знаешь, я дворянка.

— Ну, вацъ дворянкой и оставаться, а я спать пойду.

— Каково, Паша? вскричала Авдотья Дмитріевна, когда Петровна захлопнула за собою дверь. Какаѣ грубѣшка! что значить низкое, необразованное сословіе!...

Въ головѣ Паши толпились мысли о предстоящемъ свиданіи, и ей вовсе не хотѣлось распространяться съ хозяйкой въ сужденіяхъ о сословіяхъ. Она пожаловалась на головную боль, и, учтиво простясь съ Авдотьей Дмитріевной, отправилась въ свою комнату.

Черезъ часъ времени, и сама г-жа Алексѣева, и жильцы ея, были въ объятіяхъ сладкаго сна. Не спала одна Паша и ждала своего милаго Володю.

Она была еще въ томъ періодѣ любви, когда это чувство объемлетъ все существо челоѣка, когда и не хочется, и не въ силахъ разсуждать о томъ, какъ и за чѣмъ любишь, когда жаждешь только одного—видѣть любимое существо передъ собою и забываешь прошедшее и будущее.

Ночь была свѣтлая. Полный мѣсяцъ, взобравшись на середину горионта, любовался собою въ зыблющейся поверхности Краснаго пруда и у дома Авдотьи Дмитріевны обвѣщала прекрасный сюжетъ для поэтической картинки. Окно Пашиной комнаты было отворено и въ немъ видѣлась

склонившаяся на руку дивная головка Пашки, а передь ней, опершись на окно, стоялъ Владимиръ Ивановичъ Завьяловъ. Можно ли передать бумажъ все то, что они говорили другъ другу, все то, что они перечувствовали въ это первое свиданіе?

Уже стала заниматься заря, когда Паша первая пришла въ себя отъ прекраснаго самозабвенія и стала прощаться.

— Ты меня гонишь... сказалъ ей съ упрекомъ Володя.

— Да вѣдь ужъ хочетъ разсвѣтать... вамъ пора, отвѣчала ему дѣвушка.

— Скажи жъ мнѣ по крайней мѣрѣ на прощанье, что ты любишь меня.

— Будто я вамъ этого не говорила?

— Я забылъ.

— Такъ вспомните.

— Любишь?

— Да.

Володя обнялъ голову Пашки и горячо поцѣловалъ ее.

— До завтра, сказалъ онъ, отходя отъ окна.

— До завтра, прошептала ему и Паша, высунувшись изъ окна, долго смотрѣла въ слѣдъ удаляющагося друга своего сердца.

Свѣжій утренній вѣтерокъ заставилъ ее оторваться отъ дорогаго слѣда и затворить окно. Скоро раздѣлась она и легла, но не для того, чтобы спать, а чтобы мечтать о своемъ счастьи. Паша была въ самомъ дѣлѣ счастлива на эту минуту. Она любила и была любима. Закрывши глаза, припоминала она каждое слово Володи, повторяла его, говорила его вслухъ, стараясь поддѣлаться подь его голосъ. Потомъ открывала глаза и съ улыбкой глядѣла на свои руки.

— Какъ онъ цѣловалъ ихъ! говорила она въ полголоса.

Уже давно взошло солнце, когда сонъ, при помощи дневной усталости самовазрница, замѣнилъ эти мечты на яву не менѣе сладкими грезами.

Паша еще спала, когда въ комнату къ ней вошла Авдотья Дмитриевна и прервала сладкой сонъ ея объявленіемъ, что Таня не почевала дома и до сихъ поръ не вернулась.

— Я этого не потерплю, говорила съ запальчивостію старая дѣва; за что считаетъ она домъ мой? за кого принимаешь меня?... Она забыла, что я дворянка. Сегодня жъ откажу ей отъ квартиры.

— Неужели ее еще нѣтъ? спросила Паша разсѣянно.

— Вообрази себѣ, нѣтъ. На что это похоже? Что скажутъ сосѣди? это пятно моему честолюбивому имени.

Авдотья Дмитриевна вѣроятно хотѣла сказать доброму имени.

Не знаю, долго ли стала бы изливать она свое негодованіе, но изліяніе это было прервано появленіемъ самой преступницы.

Таня весело вбѣжала въ комнату, но строгой взглядъ Авдотьи Дмитриевны смутить ее на самыхъ первыхъ порахъ.

— Вы ужъ дома не ночуете, сказала серьезно хозяйка; а такихъ дѣвушекъ я у себя въ домъ держать не согласна.

— Да мы и не нуждаемся, отвѣчала ей Таня, обидѣвшаяся этимъ замѣчаніемъ. Я сегодня же сама переѣзжаю отсюда, а отецъ и мать какъ хотять.

— Такъ ты пришли ко мнѣ сейчасъ же мать свою.

Сказавши это, Авдотья Дмитриевна, очень важно вышла изъ комнаты.

— Куда жъ ты переѣзжаешь Таня? спросила Паша.

— Къ Макаровнѣ, наняла у нея двѣ комнаты.... какіе обойчики!... просто прелесть. Кисея у меня есть, куплю агрантику и повѣшу занавѣски.... Говорила я тебѣ: не брезгай Алексѣемъ Авдѣичемъ.... Все бы это твое было.

— Да мнѣ этого ничего не нужно, Танюшка. А это онъ такъ снаряжаетъ тебя?

— Онъ просто влюбился въ меня безъ памяти.... ничего, говорить, не пожалю. Привезетъ мнѣ сегодня кашаусу на платье, розовую шляпку и бархатный бурнусъ.

Все это говорила Таня скоро и весело, и, казалась вполне довольною своей судьбою.

— Желаю тебѣ всего хорошаго, сказала Паша; не понимаю я только одного, какъ онъ такъ скоро полюбилъ тебя; давно ли онъ все клялся, что любить меня?

— Давно ли? давно ли? повторяла Таня.... Вотъ тебѣ и давно ли... онъ тебя просто возненавидѣлъ за твое азарничанье... а меня любить... Вотъ тебѣ и все. Ужъ торговать я не буду.... просто чудо.... Паша, ты на меня не сердись?... Вѣдь ты его не любишь... Ну, а что твой-то докторъ?..

— Ничего, отвѣчала Паша.

— То есть какъ ничего?... Ты его небось вчера видѣла?

— Видѣла.

— Ну, что жъ онъ?

— Да ничего.... ужъ я сказала тебѣ...

— Ну, я вижу, что ты на меня сердилась...

— Да право же нѣтъ, и за что же?

— За что?... известно за что, говорила Таня, за Алексѣя Авдѣича.

— Какая ты смѣшная! замѣтила ей Паша; вѣдь я не люблю его, и мнѣ до него нѣтъ дѣла. Я боюсь только за тебя. Не обманываешься ли ты, что онъ любить тебя?

— Нѣтъ, точно любить.... а впрочемъ вѣдь мнѣ наплевать. Дороги твои подарки, дешева твоя любовь.

— Однакожъ подумай, ты отойдешь отъ отца, отъ матери.... это шагъ большой.

— А далеко я отойду отъ нихъ? отъ Дѣвкина до Тычка рукой подать, сказала смѣясь самоварница. За то какъ за-

живешь! Онъ общается мнѣ коляску присылать.... я тебя съ собой брать буду.... а денегъ, Паша, у насъ куры клевать не будутъ. Однако прощай, пойду къ матери, я вѣдь ей еще ничего не говорила, да долго съ ней разговаривать нечего. Приходи жъ вечеромъ ко мнѣ на новоселье.

— Нѣтъ, я пойду въ рошу.... торговать.

— Ну, завтра. А коли не надуешь, да бурнусь и шляпку привезеть сегодня, такъ я еще приду или приѣду сама въ Сокольники.

Таня ушла къ себѣ, а Паша стала вставать съ постели. Новая жизнь Тани и вчерашнее свиданіе съ молодымъ докторомъ, мѣщаясь межъ собою, занимали ее голову.

— А я знаю навѣрно, говорила она, расчесывая волосъ, что Скребковъ Таню не любитъ, и дѣлаетъ все это на зло мнѣ. Таня не хочетъ понять этого, а убѣдить ее мнѣ какъ то совѣстно. Конечно Богъ съ ней; только мнѣ жаль ее. Толи дѣло Володя? Какъ онъ любитъ меня! и отчего это ни мнѣ, ни ему не приходятъ въ голову ни наряды, ни деньги? Жить бы и умереть съ нимъ—вотъ все, чего бы хотѣлось мнѣ. Да и онъ вѣдь говоритъ, что больше ничего не желаетъ.... Боже мой! Боже мой!... Ужели это сбудется?... но какъ же?... Почему я знаю.... онъ мужчина; ему это знать лучше.... Но неужели онъ на мнѣ женится?... Володя!...

Паша положила гребень на столъ и дала волю мечтамъ своимъ.

— Володя на мнѣ женится, думала она; соннотъ мнѣ подвѣнечное платье, повезутъ насъ въ перковь.... будетъ много народу.... огни, пѣвчіе... и Володя возьметъ меня за руку.... поцѣлуетъ меня....

Эти мечты были прерваны появившеюся въ окнѣ головою мальчика.

— Не здѣсь ли живетъ дѣвушка Прасковья Ивановна? спросилъ онъ.

Паша смутилась при мысли, что ее видятъ въ такомъ

беспорядкѣ, задернула поспѣшно занавѣску, и, показавъ изъ за все одну свою голову, отвѣчала:

— Здѣсь, что вамъ угодно?

— Вотъ ей письмо отъ Владимира Ивановича Завьялова, я подожду отвѣта, сказалъ мальчикъ и подалъ запечатанную записочку.

Паша торопливо ее распечатала и прочла слѣдующее:

«Паша! другъ мой, жизнь моя, радость моя, мое счастье! Прощаясь вчера съ тобою, я обещалъ сегодня увидать тебя, но забылъ, что сегодняшній день я не имѣю ни одной свободной минуты. Не мудрено, что я забылъ это, потому что любилъ тобою, я забываю все на свѣтъ. У меня завтра послѣдній практической экзаменъ, и я проработаю весь день въ анатомическомъ театрѣ. Паша, ты сегодня не жди меня. До завтра. Цѣлую тебя такъ горячо и крѣпко, какъ люблю; цѣлую твои ручки, глазки, щечки... но я никогда не кончу, а мнѣ пора... До завтра, моя душка... до завтра...»

«Весь твой Володя.»

Не видать до завтра Володи—это было очень грустно. Но съ какимъ удовольствіемъ перечла вѣсколько разъ Паша его записку!

Какъ онъ любить ее!... Чтожъ однако отвѣчать ему? Мальчикъ дожидается отвѣта. Самоварница никогда и никому не писала еще записокъ, и весьма затруднилась своимъ положеніемъ. После долгихъ недоумѣній, рѣшилась она наконецъ взять въ комодъ чистенькую бумажку и написала Володѣ:

«Мнѣ очень жаль, Владимиръ Ивановичъ, что сегодня не увижу васъ... благодарю васъ за ласки... приходите завтра пораньше, остаюсь известная вамъ Паша.»

Въ этихъ строчкахъ была конечно не одна ошибка правописанія, но я не выставляю ее на видъ читателю, не желая выставить смѣшнымъ то, что вовсе не смѣшно на са-

момъ дѣлѣ. Можно ли осмѣивать простую дѣвушку, за то, что, выучась грамотѣ почти самоучкой, она не знаетъ правописанія? Да, и то сказать, эта наука плохо далась женскому полу вообще. Кто изъ насъ не замѣчалъ съ улыбкой опшбочекъ въ письмахъ женщины и дѣвушекъ, окончившихъ курсъ въ институтахъ и пансіонахъ?

Написавъ эту записку, Паша акуратно свернула ее, сходила къ Авдотѣ Дмитріевнѣ за сургучемъ, и, припечатавъ своимъ крестикомъ, передала дождавшемуся мальчику, приказавъ поклониться барину.

Грустно прошелъ этотъ день и ночь для Паши. Она все тосковала, что не видитъ своего Володю и отводила только тѣмъ душу, что безпрестанно перечитывала его записку. Она не хотѣла было идти и въ роцъ, но потомъ рѣшилась сходить, въ надеждѣ, что это нѣсколько развлечетъ ее.

Въ роцѣ нѣсколько разсыяло ея появленіе Тани съ Алексѣемъ Авдѣичемъ.

Полупьяный купчикъ привелъ Таню подъ руку къ столикамъ Паши, и, усадивъ ее, потребовалъ чаю.

Таня была такъ довольна своею судьбою, что просто не слыхала подъ собою ногъ. На ней былъ синій бархатный бурнусъ и розовая шегольская шляпка. Еще завидя ее издали, самоварницы стали сбгаться въ кучу, и съ удивленіемъ передавали одна другой свои замѣчанія. Когда же Таня сѣла за столикъ, они нѣсколько приблизились, но остались въ почтительномъ отдаленіи, какъ бы сознавая, что Таня уже не принадлежитъ къ семьѣ ихъ.

— Вотъ вамъ и Таня, говорила Лиза; а мы еще хотѣли проучить ее.

— Бурнусъ-то бархатный, замѣчала Дуня.

— Подите вотъ, говорила маленькая Катя; а мы все думали, что онъ ухаживаетъ за Пашей.

— А какъ хороша шляпка!... ленты должно быть французскія.

— На долго ли только попала въ барыни-то?

За удивленьемъ послѣдовали насмѣшки, а потомъ мало по малу самоварницы разошлись по своимъ столикамъ къ великой досадѣ Тани, которая изкоса посматривала вокругъ себя, и видѣла все происходившее. Ей было обидно, что преобращеніе ея такъ мало заняло подругъ ея, и что онъ не остолбеньли на всегда отъ удивленія.

Менѣе всѣхъ была поражена Паша, подруга Тани, хотя она и не вдругъ узнала ее въ этомъ новомъ нарядѣ. Поздоровавшись съ обыкновенною холодною учтивостію съ Алексѣемъ Авдѣичемъ, она подала имъ самоваръ, и отошла къ другимъ столикамъ. Таня нѣсколько разъ подкликала ее, чтобы показать бурнусъ и шляпку. Паша осмотрѣла ихъ и похвалила безъ малѣйшей зависти. Это хладнокровіе раздосадовало Таню, а еще болѣе Скребкова; но ни она, ни онъ не сдумали лучше отмстить за то дѣвушкѣ, какъ уйдти отъ нея не простившись и оставить на столѣ только полтинникъ за чай.

У.

Владимиръ Ивановичъ Завьяловъ, стоя передъ окномъ Паши, и упиваясь блаженствомъ при видѣ красоты ея и любви къ нему, въ самомъ дѣлѣ забылъ, что его ожидаютъ на другой день прозанческія хлопоты и заботы въ видѣ экзамена.

Разставшись съ нею, онъ отправился домой, и всю дорогу былъ подѣ влияніемъ отраднаго впечатлѣнія свиданія съ самоварницей. Дома онъ и не подумалъ лечь спать, а такъ какъ уже было совершенно свѣтло, то велѣлъ подать себѣ чаю, и не усиливался отрывать себя отъ пріятно увлекавшей его мечты.

Онъ любилъ первый разъ въ жизни, а первая любовь, еще не отравленная разочарованіями бываетъ всегда сильна,

невинна и доверчива въ будущее. Она была таковою для Володи не смотря на его врожденное недоверіе къ людямъ. Просидѣвъ часа два съ сигарою за чаемъ, онъ мало по малу сталъ возвращаться къ дѣйствительности, но эта дѣйствительность все таки okayмливалась у него его лучезарною мечтою.

— Завтра послѣдній экзамень, думалъ онъ, я получу докторское званіе и могу начать практику. Это увеличитъ мои денежныя средства, а мнѣ теперъ это необходимо для того, чтобы рѣдить и утѣшать Пашу.... Я одинъ на свѣтѣ и мнѣ некому давать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ... Разумѣется, я женюсь на ней.... Что мнѣ за дѣло, если скажутъ, что это неровный бракъ.... Паша для меня чище и невиннѣй всѣхъ невѣстъ, которыхъ бы я могъ найти въ другихъ сословіяхъ. Я вижу, что она любитъ меня.... Вѣдь я не искалъ ее, настъ свела и столкнула судьба.... Заглядываясь въ началъ на ея хорошенькое личико, я конечно, не думалъ, что такъ полюблю ее, и что найду ее на столько достойной этого благороднаго чувства....

Пробило девять часовъ и Владимиръ Ивановичъ вспомнилъ, что ему пора отправляться въ анатомической театръ. Тутъ-то написалъ онъ къ Пашѣ записочку и вышелъ изъ дома.

Въ залъ анатомическаго театра онъ уже засталъ многихъ тружениковъ науки. Тутъ были и студенты, и подобно ему окончившіе курсъ, и готовившіеся къ докторскому экзамену. Представшая глазамъ его дѣятельность, сознание того, что нынѣшній трудъ его будетъ послѣднимъ, а главное, видъ обезображенныхъ и смрадныхъ труповъ, уничтожающихъ вѣру въ красоту человѣческую, затмили въ немъ на время мысль о красавицѣ Пашѣ и заставили его вполне отдаться ученому занятію.

Долго работалъ онъ надъ частями человѣческаго тѣла, отдѣляя въ нихъ покровы жилы и артеріи, и занялся наконецъ изслѣдованіемъ одного трупа, уже давно привезеннаго изъ клиники.

Въ это время заѣхалъ въ анатомической театръ профессоръ, у котораго Володя долженъ былъ на другой день

экзаменоваться. Профессоръ подошелъ къ молодому врачу, и сталъ съ участіемъ слѣдить за изслѣдованіями будущаго своего собрата. Онъ дѣлалъ ему нѣкоторыя объясненія, замѣчанія и хвалилъ его знаніе дѣла. Володя былъ очень этимъ доволенъ, какъ вдругъ скальпель скользнулъ по одной изъ жилъ, и сдѣлалъ ему не глубокую рану на палецъ лѣвой руки. Ему слѣдовало бы тотчасъ же остановиться и прижечь рану лангисомъ, потому что въ нее уже успѣла проникнуть смертоносная жидкость разложеннаго трупа; но почему-то ему стало совѣстно сейчасъ же этимъ заняться. Онъ подумалъ, что профессоръ, только что хвалившій его, укорить его въ неслѣдственности оперировація, а главное понадѣлся, что это пройдетъ и такъ. Черезъ полчаса профессоръ отошелъ отъ него, и Володя занялся своею ранкою, но было уже поздно. Палецъ оказался опухшимъ, а это значило, что ядъ проникъ въ него и сообщился крови (*).

Владимиръ сейчасъ прижегъ ранку, и, наскоро окончивъ свою работу, поѣхалъ домой.

Здѣсь почувствовалъ онъ разные припадки, изъ которыхъ появлялъ, что положеніе его не только опасно, но безнадежно. Онъ былъ самъ почти докторъ и могъ хорошо обсудить всѣ возможности спасенія; но обсуждения эти привели его къ помянутому нами заключенію.

Много ли людей, да и есть ли такіе люди, которые хладнокровно и съ твердостію выслушали бы смертный приговоръ себѣ? Надо вспомнить, что Володѣ было двадцать пять лѣтъ отъ роду, что все улыбалось ему впереди, и что онъ любилъ и былъ любимъ взаимно. Вспомнивъ это, никто не упрекнетъ его въ малодушіи, когда узнаетъ, что молодой человекъ, убѣдившись окончательно въ своемъ отчаянномъ положеніи, громко зарыдалъ и заплакалъ.

Это были слезы прощанія съ молодостію, съ жизнію, съ счастіемъ.

(*) Для несведущихъ въ медицину скажемъ, что жидкость отъ разложеннаго трупа есть самый сильный ядъ и если онъ сообщится кровяи живаго человека, то влечетъ за собою не избѣжную смерть.

Долго дились они и наконецъ перестали.

Володя глубоко вздохнулъ и сталъ мысленно приготовляться въ дальнюю, безвозвратную дорогу.

Только два обстоятельства показались ему необходимыми въ настоящую минуту. Помириться съ своего собъстною и проститься съ Пашей.

Онъ написалъ къ последней коротенькую записочку, и послалъ въ Красное село своего мальчика, приказавъ ему дорогой зайти къ священнику и къ двоимъ изъ своихъ товарищей, и просить ихъ немедленно къ себѣ.

Ядъ распространялся очень быстро. Уже лъвая рука вся опухла и онемѣла; болѣзнь близилась къ груди и достигнувъ сердца, должна была прекратить жизнь. Эту жизнь приходилось считать не днями, а часами.

Когда священникъ и друзья несчастнаго вошли къ нему, онъ попросилъ ихъ поторопиться подписать написанную имъ бумагу. Это было духовное завѣщаніе, которымъ онъ передавалъ Пашѣ все свое имущество. По просьбѣ Володи завѣщаніе это было запечатано въ конвертъ, а свидѣтели дали слово наблюсти за его исполненіемъ.

Успокоенный этимъ мірскимъ распоряженіемъ, Володя попросилъ священника напутствовать его въ жизнь вѣчную.

Все это дѣлалъ Володя не съ твердостью древнихъ мужей Греціи и Рима; нѣтъ, онъ горько плакалъ, жаловался на неумолимую судьбу свою и только послѣ совершенія христіанскаго обряда священникомъ сдѣлался нѣсколько покойнѣе. Но силы его стали уже слабѣть, дыханіе сдѣлалось тяжело и онъ легъ въ постель, сказавши:

— Ужели я ее не увижу!

Паша собиралась идти домой изъ Сокольниковъ, и увязывала съ матерью чашки и стаканы, какъ подошли къ ней двѣ самоварницы и подвели съ собою мальчика Завьялова, который, не найдя Пашини дома, отыскивалъ ее въ Сокольникахъ.

Поведеніе Пашини до сихъ поръ было такъ безукоризненно, что появленіе мальчика съ письмомъ къ ней ужасно

удивило самоварницъ, и онъ поторопились подвести его къ ней не столько изъ желанія оказать ей услугу, сколько изъ любопытства и въ надеждѣ имѣть случай упрекнуть ту изъ подругъ своихъ, которая была до сихъ поръ безъ упрека.

Паша ужасно смутилась при видѣ Володина мальчика, и еще более сконфузилась, когда онъ подаль ей записку и объяснилъ, что ему приказано непременно отыскать Прасковью Ивановну и передать ей это нужное письмо.

Что было дѣлать Пашъ?

Читать и отвѣчать въ Сокольникахъ было невозможно; но надо было на что нибудь рѣшиться, что бы хотя избѣжать этихъ несносно любопытныхъ взоровъ подругъ, которыя не отходили отъ ея столика. Между тѣмъ какое то невольное предчувствіе говорило ей, что ей грозитъ бѣда или горе.

Паша собралась съ духомъ и сказала мальчику, чтобы онъ подождать отвѣта на ея квартиру, куда она сама будетъ сейчасъ же.

Мальчикъ ушелъ, самоварницы тоже удалились, но появившіяся на лицѣ ихъ улыбки черезъ нѣсколько шаговъ обратились въ громкой хохотъ и слышались слова:

— Фита-вотъ, фита-о-фтанал!

— Фита-по-фтади, фита-у-фтазнай!

— Хороша смиренница!

Паша не слыхала этихъ возгласовъ, потому что ее томило нетерпѣливое желаніе прочесть записку Володи. Что могъ онъ писать ей? они простились до завтра.

Легко вообразить себѣ, какъ длинна показалась ей дорога отъ Сокольниковъ до квартиры, она то и дѣло торопилась мать свою, говоря:

— Что это, маменька, да вы съ мѣста не двигаетесь.

— Иду, иду, матушка, отвѣчала старушка, да что это за записку прислали тебѣ, Пашенька?

— Послѣ, маменька, все узнаете, а теперь пойдемте пожалуста поскорѣе.

Отъ калитки до своєї комнаты Паша пробѣжала уже бѣгомъ и сейчасъ засвѣтила свѣчку.

Вотъ что писалъ ей Володя:

« Паша! Я умираю, прѣзжай со мной проститься, не откажи мнѣ. Не спрашивай мальчика, онъ ничего не знаетъ. «Поскорѣе, застань меня.

И здѣсь, и тамъ твой Володя».

Паша не вѣрила глазамъ, прочла еще разъ записку, и, забывая все, кромѣ мысли, что Володя умираетъ, схватила первую попавшуюся ей подъ руку верхнюю одежду и выбѣжала къ мальчику за ворота.

— Гдѣ же? куда?.. поведемте, сказала она.

Мальчикъ подозвалъ перваго извозчика, который и повезъ ихъ на квартиру Володи.

Во всю дорогу Паша молчала. Ей ни на минуту не пришло въ голову, что извѣстіе могло быть ложное, что записка могла скрывать обманъ... нѣтъ она любила своего Володю и вѣрила ему слѣпо. Но переходъ отъ вчерашняго счастья, отъ сегодняшнихъ еще надеждъ къ возможности потерять Володю, къ необходимости простаться съ нимъ, до того ошеломило ее, что она не помнила ни себя, ни того, что вокругъ нея происходитъ.

Слова мальчика: «Извольте войти сюда», пробудили ее отъ ея страннаго самозабвенія и она вошла въ комнату, гдѣ лежалъ Завьяловъ.

— Здравствуй Паша, сказалъ Владимиръ Ивановичъ; пойдй ко мнѣ поближе, мнѣ трудно говорить громко.

Паша подошла къ самой постели.

— Могъ ли кто подумать, продолжалъ онъ, что намъ такъ скоро придется съ тобою простаться? Какъ было хорошо намъ вчера! Какъ бы хотѣлось мнѣ пожить, Паша, чтобы сдѣлать тебя счастливою! Чтожь ты молчишь, Паша? Поцѣлуй меня поскорѣе, я не могу ручаться за минуту жизни.

Дѣвушка съ рыданіями бросилась на грудь его.

— Да это неправда.... Боже!.. Володя!.. говорила она.... Какъ можно умирать тебѣ!.. что же будетъ со мною?..

— Такъ угодно Богу, говорилъ молодой человекъ, цѣлуя ее и мѣшая свои слезы съ ея слезами. Не плачь, Паша, я не забуду о тебѣ.... Когда я умру, возьми со стола конвертъ и ты узнаешь мою последнюю волю.

Папа не слушала его, и, рыдая, цѣловала его руки.

— Да, продолжалъ Володя, прерывающимся голосомъ; мы.... могли бы.... быть счастливы.... ты любишь меня... а какъ... я то.... люблю... тебя....

— Но вѣтъ... ты не умрешь!.. вскричала Паша, поднявшись отъ постели; но бездыханное, подернутое смертною блѣдностію лице Володи было отвѣтомъ на эти послѣднія слова ея.

Она страшно вскрикнула и упала безъ чувствъ у кровати.

Пріятели Володи, какъ и онъ медики, понимали грозившую ему опасность и не уходили отъ него, а были въ другой комнатѣ, и по крику дѣвушки догадались, что все кончено, и вошли въ комнату.

VI.

Послѣ шестинедѣльной нервной горячки, въ которой молодость боролась съ болѣзнію, и первая наконецъ восторжествовала, Паша встала съ постели, и первымъ выходомъ ея было посѣщеніе могилы Володи на Ваганьковѣ.

Согласно волѣ покойнаго, ей вручили оставшіяся послѣ него капиталъ и всю движимость. Последнею особенно дорожила Паша и окружила себя ею, занявъ для этого квартиру покойника, куда разумется перевезла она отца и мать своихъ.

Торговать въ Сокольникахъ она конечно перестала; но полученное ею имѣніе нисколько не веселило ее, и не прибавило ей ни малѣйшей гордости. Лучшими занятіями ея стало чтеніе и поѣздка на Ваганьково.

Такъ прошла зима.

Съ наступленіемъ весны и оживленіемъ всей природы, Паша вздохнула свободнѣе, и въ одинъ изъ майскихъ вечеровъ побжала въ Сокольники взглянуть на прошлое житіе бытіе свое.

Подойдя къ самоварницамъ, она обобщлась съ ними, какъ съ своими подругами, расцѣловалась съ ними и спрашивала о торговлѣ.

— А не слыхали ли вы чего нибудь о Таня? спросила она наконецъ.

— Да вотъ она, отвѣчала одна изъ самоварницъ.

Таня въ самомъ дѣлѣ стояла тутъ же, но ее трудно было узнать. Ея полноты и румяныхъ щечекъ не осталось и слѣда. Когда-то бойкіе, живые глаза ея совсѣмъ потускнѣли. На ней было самое дешевенькое ситцевое платье и то не вездѣ крѣпкое.

Паша отвела ее въ сторону и спросила съ участіемъ:

— Что это съ тобою, Таня? Что же Скребокъ?

— Ахъ!.. Паша!.. отвѣчала Таня со вздохомъ; не послушалась я тебя... и себя погубила... Подлый этотъ купчишка только избаловалъ меня, приучилъ къ нарядамъ... а самъ все шилъ, да въ самое Рождество выгнать изъ дому... все что было продала... а что еще послѣ было!.. что и говорить... торгую теперь взади на одномъ столижѣ. Таня заплакала.

— Полно плакать, сказала Паша; переходи ко мнѣ, будешь у меня жить, и я все для тебя сдѣлаю... я очень помню нашу прежнюю дружбу.

Съ этихъ поръ самоварницы живутъ опять вмѣстѣ.

Таня поправилась, поразвеселилась; но ведетъ себя смирно и прилично.

Паша все еще задумчива и носитъ черныя платья; но на долго ли? Она теперь выгодная невеста.

В. В.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ НАПЕЧАТАННАГО ВЪ РУССКОЙ БЕСѢДѢ СЛОВА

ДАШИЛА ЗАТОЧНИКА.

(Окончаніе.)

Останковимся особенно на мѣстахъ, занятыхъ Словомъ изъ другихъ книгъ.

Все почти вступленіе набрано изъ Псалмовъ.

Въ изображеніи несчастнаго положенія, изъ Св. Писанія заиманы сравненія съ смоковницею, лощнымъ враномъ, Фараономъ, Хавайскими царями, и т. д.

О друзьяхъ вполнѣ все изъ Иисуса Сирахова, а потому встрѣчается въ нашихъ древнихъ сборникахъ, составленныхъ изъ того же источника.

Великолепное описаніе мяжескихъ красотъ и достоинствъ по большей части изъ Пѣсни Пѣсней.

Разсказъ объ Іезекіи такой же точно, какой помѣщается въ Пчелахъ о посланъ Вавилонскаго царя къ Киру.

О златѣ и дружинѣ изъ Нестора, слова Владимира: «сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато.»

«Воспоетъ — рече — рѣб.» и проч., изъ Св. Писанія.

Изреченіе Святослава изъ источниковъ, уже неизвѣстныхъ намъ.

Выраженія: «Дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову.» и проч., повтаряются во всей нашей древней словесности на разные лады.

И здѣсь опять весьма замѣчательны многіе приемы въ дѣлѣ сочинителя или изводчика. Замѣтно, что не только одна мысль, одно выраженіе, не рѣдко одно слово подавало ему поводъ присоединить

текстъ или выписку. Такъ одно слово «воззри (на мя)» подтолкнуло прибавить цѣлый текстъ: «воззри, господине, на птицы небесныя, яко ти ни орютъ, ни свють... но уповають на милость Божию.» А когда есть текстъ, оказалось нужнымъ и примѣнить его: «такъ и мы, княже господине, желаемъ твоя милости.»

Въ прибавкахъ списка XV вѣка находимъ слѣдующее отноше-
ніе къ источникамъ:

Несторъ.

Сп. XV вѣка.

.... бысть съча зла, яка же не | Едва силою къ вечеру, — рече, —
была въ Руси.... къ вечеру же | одолѣ Ярослав.
одолѣ Ярославъ.

Передъ самой битвой, какъ извѣстно, Ярославъ призывалъ въ молитвѣ мщеніе на Святополка за кровь братнюю; о той же судь-
бѣ, назначенной братоубійцѣ, воспоминаетъ списокъ XV в.

Описаніе знаменитаго дѣла Боняка съ Уграми находимъ также
у Нестора:

«Ярославъ же, сынъ Святополчъ, приде съ Угры... и стаща
около Перемышля по Вагру.... Давыдъ иде въ Половцъ, и устрѣте
и Бонякъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на Угры.... И яко бысть
полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха отъ вой, и поча выти волчьскы,
и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози; Бонякъ же, при-
тхавъ, повѣда Давыдови, яко побѣда ны есть на Угры заутра (кро-
мѣ воинской хитрости, вотъ, можетъ быть, на что намекаетъ «су-
дивныи хитростію»). И наутрѣя Бонякъ исполчи вой своеъ, и бысть
Давыдовъ вой 100, а у самого 300, и раздѣли на полкы («яко лов-
цы разсыпашася»), и поиде къ Угромъ... Угры же исполчишася на
заступы («опѣмъ нарядившимся на сступъ»), бѣ бо Угръ 100 ты-
сящъ.... И сбиша Угры акы въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ гали-
цѣ (вотъ почему, можетъ быть, явилось въ спискѣ «у Галича»)....
Глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящъ.»

И такъ, кромѣ существенныхъ основъ въ Словѣ Данила За-
точника, вотъ какую важность имѣть для насъ сама творческая
обстановка ихъ: изъ устной народной словесности она сообщаетъ
намъ многія древнія притчи и пословицы, изъ коихъ нѣкоторыя бы-
ли бы безъ того для насъ затеряны; извлеченіями изъ письменности
свидѣтельствуемъ, какъ были распространены тѣ или другіе памят-
ники и какъ глубоко всасывались ихъ изреченія въ самый складъ
мысли и оборотъ выраженій, а иногда намекаетъ на памятники, для
насъ уже затерянные.

Скажутъ намъ: неужели, послѣ этого, вы утверждаете, что все приведенное принадлежало древнѣйшему подлиннику, тогда какъ здѣсь выписки да выписки?

Не утверждаемъ рѣшительно, а думаемъ, что такъ было: что приведенныя мѣста, болѣе или менѣе, въ томъ или другомъ видѣ, съ тѣмъ или другимъ частнымъ выраженіемъ, дѣйствительно принадлежали подлиннику, или по крайности такому первобытному изводу, который самъ стѣбитъ для насъ подлинника. И вотъ чѣмъ мы убѣждаемся:

1.) Не всѣ приведенныя мѣста заняты, то есть не ко всѣмъ мы въ состояніи подыскать источники; можетъ быть, что и откроется въ послѣдствіи: пока же не знаемъ.

2.) Если и заняты, то это еще ничего не доказываетъ: мало ли мы записываемъ, выписываемъ и вписываемъ? И все таки сочинилемъ.

3.) И естественно, что заняты: самъ сочинитель (въ укорѣ многимъ) сознается, что онъ «собиралъ по многимъ книгамъ», и говорилъ «не отъ своего разума, но отъ Божіа промысла (который выражался въ книгахъ Откровенія, въ писаніяхъ Святыхъ мужей, въ гласѣ народа, — гласѣ Божьемъ)». А все таки это сочиненіе.

4.) Дѣло въ томъ, что всѣ эти мѣста, хоть и заняты, да примѣнены къ частной цели сочиненія, къ лицу и положенію писавшаго, къ тому, для кого писано. Самый наглядный составъ выраженій и оборотовъ по большей части о томъ свидѣлствуетъ: всѣ они почти распадаются на двѣ половины. Занято оравненіе, — такъ не занято сравниваемое, то, къ чему примѣнено сравненіе, то, въ чемъ видимъ частный случай, частное лице, частное положеніе. Занята положительная, самостоятельная, всеобщая мысль, — такъ она объясняетъ частную, личную, въ жизни лица и лицъ его времени ходившую, воплощавшуюся. Сомнительныхъ мѣстъ, не обличающихъ явно такой связи, два-три; да еще два-три исключатся, можетъ быть, послѣдующею наукою: такъ за ними мы не гонимся.

5.) Но вы, скажутъ, натягиваете эту связь? Такъ укажите признаки такой натяжки, признаки, кои бы разрывали мнимую связь. А пока мы вѣримъ болѣе чутью древности, а эта древность сказала свое рѣшеніе въ спискѣ 3-го разряда: когда понадобился въ немъ сборникъ однихъ изреченій, безъ внутренней связи и сѣти, раскинутой писателемъ и подлинникомъ, тогда или обойдены приведенныя мѣста, или стерто въ нихъ то, что служить и намъ признакомъ лица, сочинителя, его положенія, подлинника, и т. д.

6.) Положимъ, что все занято: да какъ занято? И мы все такъ занимаемъ, а если не все, то къ сожалѣнію. И у насъ большинство современныхъ, ходячихъ выраженій можно подыскать въ книгахъ прочтенныхъ, да въ прожитой жизни слова: трудно бы, да и бесполезно раскрыть все эти источники. Вынесемъ ли отсюда слово выразительное, сильное? Честь источнику, честь міру человѣческому, но тутъ есть часть, есть и честь наша собственная. Выраженія, занятая въ разбираемомъ Словѣ, прочувствованы, продуманы, прожиты, усвоены, сообразованы, примѣнены: достаточно, чтобы видѣть въ нихъ подлинность, или по крайности не доказать ея отсутствія.

7.) Сошлетесь ли на пословицы и скажете, что онѣ вставлены? Устная народная слаvesность не тому насъ учить. Народъ и каждый истинный членъ его признаетъ пословицу всеобщую, сколько принадлежностью другихъ, столько же и своею; онъ не занимаетъ ея, не вставляетъ, а носить въ себѣ и въ своей жизни употребляетъ: потому заставьте-ка говорить нарочно и на подборъ пословицы, чтобы вамъ записать? И вы должны сознаться, что въ Словѣ нѣкоторыя пословицы древнія, вамъ дотолѣ и нынѣ неизвѣстныя: кто увѣрить, что онѣ сложены не самимъ сочинителемъ Слова, жившимъ за одно съ народомъ?

8.) Приведемъ, наконецъ, два примѣра, какъ усвоить, какъ воспроизводить и съ какою самобытною силою употреблялъ общенародную и книжную мудрость писатель Слова. Одинъ примѣръ уже знаете: изъ пословицы сдѣлано двѣ, изъ основы ея полный образъ, изъ семени два ростка, благодаря соединенію съ текстами Св. Писанія. Другой примѣръ:

Пчела Г. Сахарова.

Сл. 2-го разряда.

Приточникъ рече: съ мудрымъ думцею думал, князь висока стола дойдетъ. а съ безумнымъ думая, и малаго стола лишень будеть.

Пчела у насъ, 2-го извода (см. ниже).

Приточникъ рече... с мудрымъ думцею князь думая, висока стола додумаетъ; а з безумнымъ думая, и малаго стола лишень бываетъ.

Зъ добрымъ бо думцею князь висока стола додумаетца, а съ лихимъ думцею думаетъ,—и малаго стола лишень будеть.

Общій источникъ вѣтъ тремъ пользователям: и у каждаго свои особенности. Тѣмъ не менѣе въ Словѣ предполагается заимствованіе: но посмотрите же, какой оно принимаетъ видъ въ спискѣ XV вѣка, за которымъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ признать или подлинность, или примѣръ, какъ достигали наши писатели подлинности. Здѣсь читаемъ, въ томъ самомъ мѣствѣ, которое соответствуетъ спискамъ 2-го разряда: «Умныхъ дума добра, тѣхъ бо и полцы крѣпцы, и грады тверды; нѣтъ же полцы силни, а безъ думы, и на тѣхъ бываетъ побѣда: мнози бо, ополчающесе на больша грады (безъ думы или съ плохими думцами), с своихъ с меньшихъ сѣдаютъ.»

Теперь обратимся къ дальнѣйшей и заключительной судьбѣ Слова, передавшей намъ его изводы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ихъ по настоящимъ спискамъ.

Въ нашемъ обзорѣ, слѣдуя въ точности за связію Слова, отдѣлили мы въ последнемъ нѣскольکو разрядовъ содержанія, нѣскольکو общихъ отношеній, категорій,—назовите какъ угодно: 1.) лице сочинителя и князя, съ ихъ обстоятельствами въ былой дѣйствительности, положеніемъ, взаимною встрѣчею, равно какъ цѣль и способъ сочиненія первобытнаго; 2.) описаніе несчастнаго положенія; 3.) изображеніе князя въ величинѣ его достоинствъ, въ окруженіи дружины, въ связи съ нею и зависимости, въ отношеніи къ подданнымъ; 4.) моленіе о милости, избавленіи, расположеніи; 5.) устраненіе нареканій; 6.) противоположеніе мудрости и безумія; 7.) литературныя оговорки и изъясненія; 8.) розница зависимости отъ князя и отъ боярина, отъ подвластнаго; 9.) отношенія къ друзьямъ; 10.) къ женщинамъ; 11.) необходимость тяжкихъ испытаній; 12.) значеніе отшельнической жизни. Не всѣ изъ этихъ категорій получили въ Словѣ равное развитіе: одиѣ менѣе, другія болѣе; наименѣе первая, по обычаю всѣхъ произведеній чисто-народныхъ и по преимуществу нашихъ древнихъ, и отъ того-то всего труднѣе было вскрыть и опредѣлить ее. Не всѣ также открыли мы разомъ, не всѣ слѣдили параллельно; тѣмъ болѣе восходили мы отъ существеннаго и главнаго къ поверхности, оболочкѣ, подробностямъ, тѣмъ болѣе открывали; иная категорія, какъ на примѣръ первая, скоро почти вовсе исчезла у насъ изъ виду, перешла на задній планъ; другія, какъ на примѣръ о друзьяхъ, о женщинахъ, сдѣлались намъ извѣстны только въ концѣ, при разборѣ того, что *вроятно* принадлежало подлиннику.

Призваться, мы не стали бы излагать всего этого въ нашей статьѣ, еслибъ не были уврѣны, что выводы наши соответствуютъ

болте или менше дѣйствительности. А если такъ, то въ дѣйствительности, въ исторіи Данилова Слова, происходило нѣчто подобное тому, что и въ нашихъ умозаключеніяхъ. Лишь тотъ ходъ мышленія надеженъ и здравъ, который соответствуетъ дѣйствительности; и на оборотъ, дѣйствительность оправдываетъ собою здравое развитіе логическихъ понятій.

Такъ точно и находимъ мы въ разбираемомъ Словѣ.

Первая минута, когда переписчикъ, списывая Слово Заточника, подумалъ: «да зачѣмъ же мнѣ передавать въ точности толки сочинителя о самомъ себѣ? Я человекъ живой, а онъ мертвой; у него были свои связи въ жизни, у меня свои; я пишу «княже»: лучше мнѣ разумѣть и описать своего, чѣмъ бывалаго?»—первая эта минута была началомъ измененій въ Словѣ, влекла за собою первый изводъ, отступавшій отъ подлинника; и на оборотъ, первый изводъ долженъ былъ начаться съ того, чтобы измѣнить черты личныя, частныя. Мы нашли такой изводъ въ началѣ XIII вѣка и видѣли, какъ тогда уже перевернулись всѣ имена эпохи Даниловой, какъ скрылось Лачь-озеро, скрылся Андрей, появился Ростиславъ, Ярославъ. Если не тогда же, то не много спустя, вопросъ о личности сочинителя перевернулся до такой наивной степени, что въ «Словѣ Данила Заточника» процитовали Данила, какъ восторонняго писателя.

Чѣмъ болте сохранялись черты, напоминавшія лице Данила и его частное положеніе, тѣмъ вернѣе сохранялись и переписывались подлинныя его изреченія и выраженія. Понятно, почему: подлинность и цѣльность ихъ держалась именно той связью, той сътью, которую раскинулъ первый творецъ Слова, когда жизнью былъ вызванъ сказать князю Слово; подлинность и цѣльность ихъ для читателей и переписчиковъ держалась одною указкой: «это сказалъ Даниль, нужно сберечь его слово.»

Но Слово Данила не историческій документъ, укрѣплявшій въ жизни какія либо права, и не исторія народа, не лѣтопись: это личная исторія; или, что въ немъ есть историческаго, то лично и частно. Кто же былъ обязанъ цѣнить каждую черту личной исторіи, у насъ, въ древности, когда лице, только что выступало и обрисовывалось; сейчасъ же снова сливалось съ народомъ, ибо это было лице народное? Вотъ дѣло другое его изреченіе,—оно важно, его слѣдуетъ и приберечь, и переписать. А когда такъ раздѣлялось народное убѣжденіе съ лицомъ сочинителя, тогда прощай на всегда подлинность сочиненія. Тогда изреченіе и мысль любознѣты сами

по себѣ и этимъ сглаживаютъ, истребляютъ всякую память о личности писателя; личность писателя, устраниаясь съ своими жизненными отношеніями и вопросами, передаетъ полную волю общей мысли, общему выводу: круговая порука. Мысль, выраженіе правится, трогаетъ, убѣждаетъ: каждый мыслящій его перевертываетъ, убавить, прибавить, вытереть, подкрасить; съ языка сорвется другое изреченіе, похожее, родственное; припомнится слышанное, прочтенное: а съ тѣмъ самымъ, первобытная, подлинная жизнь произведенія все блѣднѣетъ и блѣднѣетъ.

Древняя Русь однако не такъ легко, не такъ скоро раздѣлалась съ подлинностью Данилова Слова, или, что тоже, съ источникомъ подлинности—личностью Данила: съ XII до XIV вѣка, оттоль въ XV и XVI, а частію и донинѣ, пронеслась память личной исторіи Данила, то въ самомъ Словѣ, то въ летописи, то въ народной притчѣ и пословицѣ. Благодаря тому, имѣемъ мы изводы 1-го и 2-го разряда списковъ, по коимъ еще можемъ до известной степени возстановить подлинность. Только въ XVII вѣкѣ, на сколько знаемъ, впервые является сборникъ изреченій, выбранныхъ изъ Данилова Слова, какъ сборникъ, а не какъ живая исторія лица: это списокъ 3-го разряда.

Такова исторія *памятника*, исторія болѣе *выпущная*; такова же исторія *его содержанія*, болѣе *внутренняя*.

Содержаніе становилось все общѣе и общѣе, распадался только на категоріи, на разряды; въ Словѣ говорится о значеніи князя, о мудрости, о безуміи, о женахъ, о друзьяхъ: довольно содержанія, чтобъ наговориться, чтобы вписать и выписать. И вотъ разумный писецъ досыта наговаривается, написывается; являются вставки, принадлежащія сколько Слову, столько же всеобщимъ важнѣйшимъ книгамъ, Св. Писанію, столько же другимъ общеизвестнымъ и ходячимъ сочиненіямъ въ древней Руси.

Переходимъ къ тѣмъ мѣстамъ разобраннаго памятника, которыя сейчасъ мы назвали вставками. Сужденія наши спускаются еще на одну ступень: всѣ эти мѣста *несомнѣнно* встрѣчаются въ другихъ книгахъ; *нѣкоторыя* изъ нихъ *могли* принадлежать подлиннику; *большая часть, по всей вѣроятности, не принадлежала*. Мы здѣсь уже забываемъ Слово Данила Заточника: мы видимъ картину общенія нашей древней письменности, видимъ ея общую исторію.

Съ этой стороны въ последнее время сдѣлано для памятника довольно много, за что особенно мы должны благодарить И. П. Са-

харова и М. И. Сухомлинова (*). Г. Сахарова, сколько намъ известно, первый замѣтилъ разительное сходство многихъ мѣстъ въ Словѣ съ текстомъ Пчелы, памятника, весьма распространеннаго въ нашей древности и хранившагося въ его библіотекѣ въ двухъ спискахъ начала XVII вѣка. Выписавши сходныя мѣста, онъ напечаталъ ихъ въ Москвитинѣхъ (1843 года, № 9, въ отдѣлѣ «русская исторія», стр. 149 — 155), присоединивъ сужденіе, отличающееся умѣренностью: «увѣренъ напередъ, что наши нововодители, уничтожающіе русскую литературу до XVIII вѣка, порадуются, что Слово Давида подверглось критикѣ, провозгласятъ прямо, что оно подложное, какъ толкуютъ они о Русской Правдѣ, о Словѣ о полку Игоревомъ, и кой о чемъ другомъ. Милостивые Государя! Изучите нашу литературу съ XI по XVIII вѣкъ, прочтите одно и то же сочиненіе въ нѣсколькихъ спискахъ, повѣрьте критически ваши изслѣдованія, и тогда уже извольте разсуждать о нашей литературѣ» Къ сожалѣнію, почтенный археологъ не успѣлъ еще тогда составить яснаго понятія о самой Пчелѣ и не совсемъ вѣрно определялъ какъ происхожденіе ея, такъ и разрады. Наиболее счастливымъ былъ здѣсь Г. Сухомлиновъ, въ двухъ своихъ сочиненіяхъ: 1.) «Замѣчанія о сборникахъ, известныхъ подъ названіемъ Пчелъ (Извѣстія II Отд. И. А. Н., 1853 г., стр. 222—234); 2.) «О псевдонимахъ въ древней русской словесности (Историч. чтенія о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II Отд. И. А. Н. 1854—1855 гг., стр. 159—220).» Въ первомъ преимущественно определены значеніе и составъ Пчелы, равно какъ приведены нѣкоторыя статьи изъ сборниковъ, между прочимъ «Разумія сложенія Варявы неподобнаго, числомъ 124,» гдѣ встрѣчаемъ замѣчательное сходство съ однимъ мѣстомъ Слова. Второе сочиненіе, превосходное во всѣхъ отношеніяхъ, вводитъ насъ въ тайны состава многихъ древнихъ памятниковъ, раскрываетъ способъ ихъ сочиненія одного изъ другаго и третьяго. Здѣсь мы видимъ несомнѣнное общеніе нашего памятника: 1.) съ «Словомъ Іоанна Златаустаго о женахъ злыхъ и самовластныхъ и язычныхъ и богобонныхъ (по списку «Златоструя,» XVI в., въ Имп. П. Библ.); 2.) съ русскимъ произведеніемъ «Словомъ о женахъ (по сп. Сборника XVI в., Тр. Серг. Лавры, N 31);» 3.) съ тѣмъ же «Словомъ о злыхъ женахъ (по сп. Сборн. XVI в., въ Рум. Муз.);» 4.) съ

(*) Содержаніе памятника, въ послѣдовательной связи, всего полнѣе обрисовано Профессоромъ С. П. Шевыревымъ въ его, известной всѣмъ, книгѣ о древней русской словесности.

«Поучениемъ Кирила Философа (по сп. Сборн. XVI в., Гр. Серг. Лавры);» 5.) съ «Пчелою (по сп. XIV—XV в., И. П. Библ.);» 6.) съ «Поучениемъ отъ святыхъ книгъ (по сп. XV в., Рум. Муз., и другому оттуда же);» 7.) съ «Словами Сираховыми (по сп. Рум. Муз.);» и т. д.

Пользуясь этими указаніями и выписками, мы присоединимъ нѣсколько и своихъ, устремляя особенное вниманіе на Пчелу, о которой судимъ нѣсколько иначе, чѣмъ было высказано досель другими, а потому должны прибавить два-три слова.

Слово Даниила Заточника, напечатанное въ Русской Бесѣдѣ, помѣщено въ рукописи рядомъ съ Пчелою: охотники радоваться (въ смыслѣ Г. Сахарова) могли этому порадоваться и убѣдиться, что Слово есть сборникъ изреченій, почерпнутыхъ изъ Пчелы. Но это доказало бы только, что они вовсе не знаютъ Пчелы вообще, а по рукописи В. М. Ундольскаго въ особенности: въ последней нѣтъ почти ни одного мѣста, сходнаго съ Словомъ, исключая случайныхъ общихъ извлеченій изъ Священнаго Писанія.

Изъ сборниковъ, предлагавшихъ, по извѣстнымъ разрядамъ содержанія, извлеченія изъ Св. Писанія, Отцевъ и Учителей Церкви, свѣтскихъ писателей, риторовъ, и т. д., на греческомъ языкѣ есть два, особенно для насъ важныхъ: Максима, и потомъ Антонія (прозваннаго, вмѣстѣ съ произведеніемъ, Пчелою, Μελισσοσ, по характеру собранія).

Изъ двухъ этихъ сборниковъ, составлялся у насъ въ переводѣ одинъ, исключительно не державшійся ни того, ни другаго, подъ названіемъ Пчелы.

Первоначальнымъ характеромъ такого сборника опредѣлилась и вся послѣдующая судьба его.

Сначала переводъ держится ближе къ подлиннику греческому, въ двухъ его видахъ, а потомъ, съ теченіемъ времени, болѣе и болѣе отстаетъ.

Какъ сначала, такъ еще болѣе впоследствии, вносятся изреченія изъ другихъ греческихъ источниковъ, вообще иностранныхъ, а потомъ и русскихъ.

Изъ этого мало по малу образуется значительное замѣшательство въ именахъ писателей и вообще въ распредѣленіи источниковъ.

Ни одинъ списокъ не ровень совершенно другому.

Простираются они во множествѣ отъ XIV в. до XVIII-го.

Кто видалъ и читалъ ихъ довольно, тотъ раздѣлитъ изводы, въ нихъ содержащіеся, на три главныхъ разряда (*):

1.) Древнѣйшій, списки коего известны и дуютъ съ конца XIV вѣка, и къ которому относится помянутая Пчела Г. Ундольскаго. Признаки: значительная близость къ греческимъ подлинникамъ, однако поколебавшаяся уже въ XV вѣкѣ; сообразованіе въ порядкѣ и числѣ главъ (конхъ обыкновенно около 70, именно 71) со сборникомъ Максима; языкъ, восходящій въ древнѣйшихъ спискахъ даже къ XIII вѣку. При этомъ изводѣ есть списки и сокращенные, но болѣею частію съ тѣмъ же порядкомъ.

2.) Отдѣлившійся отъ перваго, судя по спискамъ, поздне. Другое дѣленіе главъ, иной порядокъ, сокращенія и значительныя прибавки лишняго. Здѣсь-то встрѣчается довольно мѣстъ, близко сходныхъ со Словомъ.

3.) Изводъ, появляющійся въ XVI вѣкѣ, въ силу стремленія исправить Пчелу, сообразить съ подлинниками, упорядочить, но самъ ввавшійся въ промахи и отступленія. Очень рѣдокъ, а потому не оказываетъ особыхъ признаковъ, кромѣ помянутаго отличія отъ двухъ предыдущихъ.

Первый вѣренъ и точенъ; второй наиболее спутанъ; третій исправленъ и выказываетъ намѣренность исправленія.

Мы сдѣлали эти замѣчанія главнымъ образомъ для того: при сличеніи Слова съ Пчелою, нужно быть крайне осторожнымъ въ вопросѣ, — кто у кого занялъ?

Касаясь 1-го извода Пчелы, будемъ пользоваться текстомъ одной рукописи со Словомъ; при 2-мъ — текстомъ рукописи XVII вѣка изъ Моск. Синод. библіотеки (NN 285 — 354).

Переходимъ къ сличенію.

Выше мы замѣтили, что мѣсто въ Словѣ, сравнившее сочинителя (думаемъ въ подлинникѣ) съ Пчелою, собирающею изъ многихъ книгъ медь, имѣло важное вліяніе на исторію памятника: оно открыло ворота разнымъ выпискамъ, сняло отвѣтственность съ переписчиковъ и ближе всего устремило ихъ вниманіе на особый памятникъ, для этой цѣли и существовавшій, — Пчелу въ переводѣ. Потому это мѣсто Слова съ теченіемъ времени развилось значительно, вступая въ общеніе съ другими памятниками и располагая около себя много иныхъ изреченій:

(*) Наше дѣленіе вѣсколько не совпадаетъ съ дѣленіемъ Г. Сахарова.

Списки 2-го разряда.

Списокъ 1-го разряда.

Юнѣ возрастъ имѣю, а старѣ смы-
словѣ; быхъ мыслию яко орелъ
паряи по воздуху. Но постави со-
суды скуделничьи подѣ потокъ
капля языка моего, да накаплиютъ
ти сладчайши меду словеса устѣ
моихъ. Якоже рече Давидъ: слад-
ка словеса твоа паче меда устомъ
моимъ. Соломанъ рече: словеса
добра напаяютъ дупиу, покрыва-
етъ же печаль сердце безумно-
му.... Быхъ яко падая пчела по
различнымъ цвѣтомъ и совокуп-
ляя яко медвенный сотъ; тако и
азъ по многимъ книгамъ собиралъ
сладость словесную и разумъ, и
совокупихъ яко мѣхъ воды морь-
скія, а не отъ своего разума, но
отъ Божія промысла.

Юнѣ возрастъ имѣю, но старъ
смыслъ; и быхъ паря мыслию сво-
ею аки орелъ по воздуху.... На
словехъ ти есмь крѣпокъ. Да тѣмъ
избираю сладость словесную. со-
вокупляя аки в мѣхъ воды морь-
скія, и извѣтія словес, и рѣше-
нія притчами хитрыми. А (про-
должается противоположеніе сло-
вамъ—юнѣ возрастъ имѣю) глаго-
ливъ языкъ, и многоліствено сер-
дце, увѣтливъ уста, ясно (яко)
струя рѣчвья быстрины.... По-
стави сосудъ сердечный подъ потокъ
языка моего: искаплю сладость
словесную паче водъ араматскихъ.
Давидъ рече: словеса твоа паче
меда и сахара устомъ моимъ. Со-
ломонъ рече: устове медвени сло-
веса добрая; сладость ихъ гоило
души; уста праведнаго искаплютъ
премудрость; печаль сердцу душа
(дума) безумныхъ; безумныи бѣ
вознесетъ гласъ свои со смѣхомъ....
Быхъ падая, аки пчела, по кни-
гамъ, по различнымъ цвѣтомъ: от-
туду избираю сладость словесную,
совокупляя мудрость, яко в мѣхъ
воду морскую.

Сп. 3-го разряда: «быхъ умомъ летая аки пчела, и падалъ по
многимъ цвѣтомъ, и сбирая (избирая) сладость медвенную, якоже не-
водъ, не держитъ воды, но множество рыбъ собираетъ.»

Во всѣхъ этихъ случаяхъ сравненіе со пчелою держится еще
при тѣхъ отзвѣвахъ, которые Даниилъ дѣлаетъ о своемъ образованіи
(не во Аѳинахъ, ни у философовъ) и о способѣ сочиненія Слова (не
отъ своего разума), имѣя такимъ образомъ отношеніе къ существен-
нымъ чертамъ произведенія. Гораздо далѣе шагнулъ списокъ 3-го
разряда: давая всему произведенію смыслъ одного только произволь-
наго сборника разныхъ изреченій, онъ прямо связуетъ себя съ Пче-
лою и дѣлаетъ изъ приведеннаго сравненія одно только заглавіе,
выражая его такимъ образомъ, прямо, съ самаго начала:

«Полетая аки пчела и падая по многимъ цвѣтомъ, и собирая медвеную сладость, тако, аки доброразумный мужъ (сравненіе перевернуто на оборотъ), избирая мудрость словесную отъ многихъ писаній, къ разумнымъ и смысленымъ на большую мудрость.... Постави убо сердечный свой сосудъ подъ потокъ языка моего, да покаплетъ ти сладость словесъ, яко ароматныхъ водъ, слаждши меда и сахара, и семидальна хлѣба. Послушествуетъ ми премудрый Соломонъ, глаголя: словеса добра сладость души и тѣлу здравіе; уста сладки покрываютъ сердце печально.»

Откликаются и другіе памятники нашей древней словесности:

Поученіе Кирила философа.

«Пріиди ко мнѣ, аки пчела къ цвѣту.... да насладиши гортани свои паче меду и сахара словеса мои. Буди унѣ тѣломъ, но умомъ старъ буди.... полетай мыслию своею, аки орелъ по воздуху.»

Пчела 1-го извода.

«Исократъ (въ другихъ спискахъ: Сократъ). Якоже пчелы видим по вѣсѣмъ садомъ и зелнемъ летающа, и отъ коегождо ихъ полезная приемлюще: такоже и уноши учащеса.... отвсюду лучшая собираютъ.»

2-го.

«Яко бо пчела, падающа по цвѣтомъ, собираетъ сладость медвеную: такоже и вѣршии, приничюще во святыхъ книги.»

Слове медвеніи словеса добрая; сладость же ихъ исцеленіе души и тѣлу здравіе, почитающа словеса Божія.... Словеса добрая сладость души и тѣлу, покрываютъ печали сердцу.»

Такъ и началось собираніе меду въ Слово: трудно только разобрать, кто былъ пчелою, кто былъ цвѣткомъ.

Мѣста, почерпнутыя Словомъ изъ Священнаго Писанія, для насъ въ этомъ случаѣ не такъ важны; хотя мы и приведемъ ихъ (кромя показанныхъ выше), но они могли быть и въ подлинникѣ. Важнѣе, когда такія мѣста въ одинаковой связи почерпнуты и нашимъ Словомъ, и другими древними памятниками. Еще важнѣе, когда не узнаешь, кто у кого черпалъ.

Для выписокъ избираемъ порядокъ списковъ 2-го разряда, противъ нихъ поставимъ изъ 1-го, за нимъ изъ 3-го (онъ здѣсь уже не отстаеетъ такъ, какъ прежде); въ заключеніе соответствующихъ мѣста изъ другихъ древнихъ памятниковъ нашей словесности.

Пам. XII вѣка.

Списки 2-го разряда.

Глаголетъ бо Писаніе просящему у тебе дай, толкущему отверзи, да не лишенъ будещи царства небеснаго. Писано бо есть: возверзи на Господа печаль свою, Той тя препитаеть во вѣки.

Русская Бесѣда.

Списокъ 1-го разряда.

Глаголетъ бо Святое Писаніе: просите и примете. Давидъ рече: не суть рѣчи, ни словеса, иже не слышатся гласи их... Писано бо есть: просящему у тебе дай, толкущему отверзи, да не лишенъ будещи царства небеснаго. Писано бо есть: возверзи на Господа печаль свою, и Той тя препитаетъ во вѣки.

Изъ Священнаго Писанія.

Якоже бо Соломанъ рече: ни богатства, ни убожества не дай ми, Господи; аще ли буду богатъ, гордость восприму; аще ли буду убогъ, помышляю на татьбу и на разбой, а жены...

Сего ради Соломон глаголетъ: богатства, ни убожества не дай же ми, Господи; обогатвъ восприму гордость и буеть; а во убожствѣ помышляю на татьбу и на разбой. Убожество мужа подвигнетъ на татьбу, а жену на...

Оттуда же.—Въ Пчелѣ 1-го извода:

Соломонъ. Богатства, ни убожества не дай же ми, Господи.... егда когда насытнвсь ложь буду и реку: кто мя видитъ? или оубожав украду и поклонуся именемъ Божиимъ.

Зане, княже, господинне, богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть и въ чужей землѣ друзи имѣеть, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. Богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ, а слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ, вси нань кликнуть и уста ему заградятъ: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна.

Княже мой, господине! Богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть, и в чужемъ градѣ; а убогъ мужъ и в своемъ градѣ невидимо ходитъ. Богатъ мужъ возглаголетъ, то всѣ молчатъ и слово его до облакъ вознесутъ; а убогъ возглаголетъ, то всѣ на него кликнутъ: иже бо ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь чиста (честна).

Сп. 3-го разряда: богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть, и на чужемъ градѣ отчина ему, и мнози друзи у себя имѣеть; а убогъ мужъ и во своей власти ненавидимъ есть: занеже риза его не свѣтла, и рѣчь его не чиста. Богатъ мужъ воз-

глаголетъ, и вси умолкнуть, и умна его сотворять, и слово его до облакъ вознесутъ; а убогъ мужъ возглаголетъ, и вси людіе начнутъ глаголати ему: что въщаеши, безумне?

Изъ Св. Писанія (Сираха).—Въ Пчелѣ 1-го извода:

Сирахъ. Богату согрешившу, мнози помощницы обретошася ему, и изречение глаголь его оправдиша; богатыи возглаголетъ, — всѣ оумолкоша и слово его возвысиша до облака.

Пчела 2-го извода:

Богату соблазнившуся, то мнози, ему соблазнившуся, і нии помощницы, а оубоному никтоже другъ. Богатаго вси творять мудра; аще бы лжю глаголаь еси (есть), вси людіе истинною творять; а убогій аще истину глаголетъ, и людіе лжею сотворять. Чья риза свѣтла, того и рѣчь честна; а чья риза худа, того и рѣчь неприятна. Богать мужъ вездѣ знаемъ есть, в чожемъ градѣ иметь друзи; а оубогій в своемъ градѣ невидим ходитъ... Богать возглаголетъ, то вси умолчатъ, и слово его возвысится до облакъ; оубогъ мужъ рече мудро слово, но не послушаютъ его, и вси на него кликнутьъ; богать мужъ рече и безумно слово,—вси его послушаютъ и мудра его творять.

Азъ бо есмь, княже господине, яко древо при пути: мнози похваляють его и на огнь вмещуть.

Быхъ яко древо, стояще при пути, да вси мимоходящии секутъ а.
Сп. 3-го р.: и быхъ яко древо, стояще при пути; и вси мимоходящии путемъ твѣмъ древа того утнвають: овѣ вѣтвь, а инѣ отрасль.

Въ Поученіи отъ Святыхъ книгъ:

Иже родомъ скудъ, подобенъ есть древу при пути, яко вси мимоходящии секутъ его.

Никтоже можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити.

Никтоже бо можетъ соли зобати, ни в печали смыслити.
Сп. 3-го р.: и никто же можетъ что себе пользоваться, ни въ печали смыслити добра (не разобравъ, и потому переначено).

Въ Пчелъ 2-го извода:

Никтоже бо можетъ соли зобати ни в печали смыслити.

Всякъ бо человекъ хитритъ и мудритъ о чужей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити.

Всякъ бо человекъ у друга видитъ сучецъ въ оцѣ, а у себе бервна не видитъ (изъ Св. Пис.). Яко всякъ человекъ хитръ и мудритъ о чужей бѣдѣ, а о своей не можетъ примыслити.

Сп. 3-го р.: Всякъ человекъ о чужой бѣдѣ хитръ и мудръ, а о своей не можетъ смыслити, понеже человеку печаль умъ отражаетъ....

Въ Пчелъ 2 го извода:

Всякъ человекъ хитръ и мудръ о чужей бѣдѣ, а о своей не можетъ промыслити.

Злато искушается огнемъ, а человекъ напастьми.

Злато бо искушается огнемъ, а человекъ напастьми.

Изъ Пчелы Г. Сахарова:

Злато огнемъ искушается, а друзи и недрузи при напастьхъ показуются.

2 го извода:

Якоже бо злато огнемъ искушается, такоже и оубози страстьми.

Пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаеть, а въ печали обрѣтаетъ человекъ умъ совершентъ.

Пшеница, много мучима, чистъ хлѣбъ являет, а человекъ бѣды подемя смысленно умен обретается.

Въ Пчелъ 2-го извода:

Пшеница толкома, молома, пекома, нудима хлѣбъ чистъ являетсѣ... такоже и праведницы первѣя согрѣшивше, и потомъ очистятсѣ покааніемъ.

Молевѣ ризы изъздають, а человекъ въка печаль; печалну мужу засышуть кости.

Молевѣ (именит. Ед. числа) ризы казитъ, а печаль умъ человеку... печалну бо мужу кости засышут.

Въ Пчелъ 2-го извода:

Якоже моль ризы калятъ и червь древу пакоститъ, а сердцу

умъ: отъ печали приходитъ смерть... мужу же скорблнву засышуть кости.

Аще кто человекъ въ печали при- зреть, какъ студеною водою на- полить во знойный день.

Иже бо в печали кто мужа при- зрит, яко водою студеною на- полит в день знойный.

Въ Поуч. отъ Святыхъ книгъ:

Сыну, аще послушаешь ума человека, то яко въ день зноя студены воды напьешися.

Якоже Богъ повелитъ, тако и бу- деть: поженетъ бо единъ сто, а отъ ста двинется тысяща; надъ- яся на Господа, яко гора Сионъ не подвижится во вѣки.

Аще Богъ по нас, то кто на ны? Рече Богъ: поражу и опять со- творю, воздвигну брани и уставлю мир; нѣсть храборства, ни думъ противу Мнѣ; всяко слово Мое смерть и живот; на мышцу Мою уповаютъ вся страны; яко же Азъ рку, тако будетъ: повелю бежати, то бежат; повелю гнати, то гонят; поженетъ единъ сто, а сто двинета тмы; надъяся на Мя яко гора Сионъ не подвижится во вѣки.

Изъ Св. Писанія.

Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣть: тако и добрыя полки безъ добраго князя погибають.

Видѣхъ полкъ безъ князя (.) рече (.) великъ звѣрь безъ главы.

Въ Пчелѣ г. Сахарова:

Апполонъ Аонійскій, видѣхъ (видѣвъ) много воевъ безъ добраго воеводы, и рече: сей есть звѣрь великъ, но главы не имѣть.

Въ Пчелѣ 1-го извода:

Апаминда Фивскій, видѣвъ много воевъ безъ добраго воеводы, и рече: великъ звѣрь, но главы не имать.

Гусли бо строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ жрвится множествомъ коренія.

Якоже дубъ крепится множествомъ коренія: тако градъ нашъ твоею дръжавою; кормникъ глава кораблю: а ты, княже, людемъ своимъ... Злато красота женамъ: а ты, княже, людемъ своимъ; тѣло крепится жилами: а мы, княже, твоею державою... Гусли строятся персты: а градъ нашъ твоею дръжавою.

Пч. 2-го изв.:

Злато красота женамъ, соль оудобрение брашну, тѣмъ стоитъ жилами, гусли струятся (ошибка) перьсты, корабль правится кормникомъ.

Зане князь щедръ отецъ есть
всѣмъ; слуги бо мнози отца и ма-
тери лишаются и къ нему при-
бѣгаютъ.

Въ Пч. г. Сахарова:

Царь податливъ, или князь, аки отецъ родимый. Слуги бо мнози лишаются отца и матери и ко царю или ко князю прибѣгаютъ.

Въ Пч. 2-го изв.:

Царь податливъ, яко отецъ слугъ, мнози бо отца и матери лишаются, а к царемъ прибѣгаютъ.

Добру бо господину служба, до-
служится свободы; а злу госпо-
дину служба, дослужится больша
работы.

Добру господину служба, дослу-
жится свободы; а злу мужу слу-
жа, дослужится болшей работы.
Сп. 3-го р.: Добру господину
служба, дослужится свободы, а злу
господину служба, дослужится боль-
шя работы.

Пч. 2-го изв.:

Добру господину служба, дослужится свободы, а злу господину
служба, дослужится работы.

Зане князь щедръ, аки рѣка безъ
береговъ текуще всквозъ дубра-
вы, напаяюще не токмо челове-
цы, но и скоти, и вся звѣри; а
князь скупъ, аки рѣка, великъ
брегъ имущъ каменны: не ля
пити, ни коня напоити. А боя-
ринъ щедръ, аки кладезь сладокъ;
а скупъ бояринъ аки кладезь со-
лонь.

Князь бо милостивъ яко источ-
никъ тих, не токмо скоты напая-
ет, но и человекъ.

Въ Пчелъ г. Сахарова:

Царь щедръ, или князь, яко рѣка течеть во лузѣ сладостию медвяною, не токмо челоувки напоятся отъ нея, но и звѣря. Такожь мудрый царь или князь милостивый не токмо своя слуги поить и кормить, но и стороннихъ милуетъ. Царь или князь скупъ, яко рѣка глубока въ урвнхъ берегахъ каменныхъ: нельзя изъ нея ни самому пити, ни коня поить. Бояринъ щедръ, аки кладязь чистъ при пути и сладокъ вельми пити мимоходящимъ. Бояринъ скупъ, аки кладязь солонень, не мочно изъ него никому пити.

Пч. 2-го извода:

Царь щедръ аки река текущая безъ береговъ идетъ сквозь дубравы, напоая не токмо челоувки, но и скоты, и вся звѣря и птица. Царь скупъ яко река безъ береговъ, яко нельзя самому, ни коня напоить. Бояринъ щедръ яко добръ кладезъ сладокъ мимоходящимъ, а бояринъ скупъ яко кладезъ смрадень.

Не имѣй себѣ двора близъ кня-
жа двора; не держи села близъ
княжа села.

Сахар. Пчела:

Не имѣй нишнія близъ царева двора; не держи се. а со кня-
жинь селомъ.

Княже, госполне мой! Не лиши
хлѣба нища мудра, ни вознеси до
облакъ богатаго безумна, несмы-
сленна: нищъ бо мудръ яко золото
въ калѣ сосудѣ, а богатъ кра-
сень несмыслень, то аки паволо-
читое зголовье, соломы наткано.

Не лиши хлѣба своего нища муд-
ра, но вознеси до облакъ, яко
золото чисто, в калѣ сосудѣ; а
богат несмыслен аки паволочито
возголовье соломою наткано.

Сп. 3-го р.: Не возненавидѣть муд-
раго нища, ни вознеси же до об-
лакъ богата несмыслена: нищъ бо
мудръ, аки зерно золото въ калѣ
свѣтитсѣ, а богатъ несмыслень,
аки паволочинное зголовье соломы
наткано.

Пчела 2-го иза:

Не возносися (ся—лишнее) до облакъ богата несмыслена; нищъ
мудръ, яко золото или бисеръ в черевинѣ. Богатъ безумень въ свѣт-

мьхъ ризагъ, златомъ украсенъ, яко паволоченое зголовіе, соломы натыкаво.

Мужа бо мудра послай, мало ему кажи; а безумна послай, самъ не лѣнися по немъ итти. Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго дому пировнаго. Лѣпши слышати прѣшеніа умныхъ, нежели безумныхъ наказаніе. Дай премудру вино, премудріе будетъ. Не сѣй бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ.

Сердце бо мудраго въ дому плачевнѣ, а безумныхъ въ дому пѣра. Мужа мудра пославъ, мало ему кажи; а безумнаго пославъ, и самъ по немъ не лѣнися ити. Луче ни слышати прѣшенія мудрыхъ, нежели наказанія безумныхъ: даи бо рече мудру вино, мудрѣе будетъ... Не сѣи, рече, жита на браздахъ на мокрыхъ: ни мудрости въ сердци безумныхъ.

Сп. 3-го р.: Мудраго пославъ, вмазь ему скажи, а безумнаго пославъ, не лѣнися и самъ за нимъ поди... Очи мудраго желаютъ благихъ, а безумнаго очи въ дому пировнѣ. Луче слышати прѣшенія мудрыхъ, нежели наказанія безумныхъ... Дай премудрому вино и премудрѣе будетъ. Не сѣй жита на браздахъ, ниже мудрости въ сердци безумныхъ.

Поученіе отъ Святыхъ книгъ:

Чадо, умна пославъ на посольство, немного наказывай, а безумна пославъ, самъ по немъ иди.

Поученіе Кирила:

Не сѣй жита на браздахъ, ни мудрости на сердци безумныхъ.

Пчела г. Сахарова:

Чада умнаго пославъ въ посольство, не много кажи, а безумнаго пославъ самъ не лѣнися по немъ иди (?).

Пчела 2-го извода:

Лутча есть слышати прошенія (вм. прѣшенія) мудрыхъ, нежели наказаніе безумныхъ... Сердце мудрыхъ въ дому плачевнѣ, а безумныхъ въ дому пѣра. Мудра челоуѣка пославъ, мало ему прикажи, а много исправитъ; а безумнаго пославъ, не обленися и самъ по немъ ити.

Выборъ «отъ книгъ Ісусовыхъ, сына Сирахова» (XVII в.): На-

казаніе обще... Не сви жита на браздахъ, и на душу свою неправды.

Какъ во утль мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити; псомъ и свиньямъ не надобе злато и сребро, ни безумному мудрая; ни мертвеца розсмѣшати, ни безумна наказати. Дѣти бѣгають рода, а Господь пьянаго чловѣка.

Псомъ и свиньямъ добро ненадобі: и безумнымъ мудро слово; ни мертваго россмѣшати: ни блуднаго наказати... якоже бо (во) утлы тыковы дуги: тако безумнаго учити. Сп. 3-го р.: Якоже рече Господь: не сыплите бисера предъ свиньями, да не попрутъ его ногами своими. Во истину не надобъ самни бисеръ, ни злато: такоже безумному премудрыхъ словеса; ни мертвеца разсмѣшати, ни безумнаго научити.

Въ Пчелѣ г. Сахарова:

Добра чловѣка поучити, и онъ сердцемъ поболитъ, а лиха чловѣка учити, какъ въ утль мѣхъ воду лити.

Якоже не мочно въ холшевъ мѣхъ воды удержати, такъ и въ клеветникъ злыхъ словесъ. Ни мертвеца научити, ни безумнаго наказати.

Саломонъ рече: псомъ и свиньямъ ненадобъ злато, тако безумнымъ мудрыя словеса.

Ефремъ Сирийъ рече: люди бѣгають урода, а Богъ пьяна чловѣка.

Пчела 2-го изв.:

Добра чловѣка словомъ поучи, а онъ сердце не внемлетъ. А лиха чловѣка оучити, аки во оутлу тыкву воду лити; симъ концемъ вмещается, а другимъ изливается. Добра чловѣка оучити, аки кладез копати: исперва мало воды бываетъ, и потомъ источники потекутъ.

Псомъ и свиньямъ веудобъ есть злато, ни безумному книжная премудрость. Въ злохитрую душу не видеть премудрость.

1-го:

Плутархъ. Блудному даяти и мртвеца украсити подобно есть. Мосхионъ. Иже блудному даси, то собъ пакости твориши... Иже богатому дает, вѣсть далече мечющаго в море имѣние, или лнющаго в пучину реки.

Коли пожреть синица орла, коли каменіе вспловеть по водв, коли свиини почнеть на бълку лаяти, тогда безумный уму научится.

Ни каменіе по водв плавает: ни безумныи мудрость... коли пожрет синица орла: тогда безумныи ума научится.

Сп. 3-го р.: Когда синица орла пожреть, и камень изъ два моря вспловеть, а быстрая рѣка всплять потечеть, а хмель на водв потонеть, тогда безумный мудрости научится.

Сахар. пчела:

Коли синица орла пожреть, а вода всплять пондеть, а каменіе вверх поплонеть, а хмель погразнеть, и свииня на бълку лаять, тогда безумный уму научится.

Пчела 2-го извода:

Сеже (Соломонъ) рече: не видѣхъ камени по водв плавающе, ни слышахъ в рыбахъ гласа, ни безумнаго мудрости глаголюща.

Ни в рыбахъ гласа, ни в наказанныхъ добра дѣлающа.

Сравни у Нестора въ договоръ Болгаръ съ Русскими:

Толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонуть.

Болгарское: «Кога Дунавъ продума и риба впрогве.»

Княже мой, господиве! не море топить корабли, но ввтри; а не огонь творить разжженіе желззу, но надыманіе мѣшное: такоже и князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ.

Не море потопляетъ корабль, но ввтры: тако и ты, княже, не самъ впадаеши в печаль, но введутъ тя думцы; не огонь творитъ разжженіе желззу, но надменіе мѣшное. Сп. 3-го р.: Не море топить корабли, но сильныи ввтры; не огонь творить разжженіе желззу, но дменіе мешечное: тако и человекъ не самъ впадаетъ въ напасть, но вводятъ его думцы.

Въ Пчелѣ 2-го изв.:

Сеже (Приточникъ) рече: не морѣ топить корабль, но ввтри; тако и князь не самъ вѣдаетъ вещь (испорчено), но вводятъ думщицы. Не огонь творить разжженіе желззу, но надменіе мѣшное.

Дивье дивя, кто поймасть жену злообразну, прибытка ради. Нькогда же видѣхъ жену злообразну, привычноще къ зеркалу и мажушися румявцею, и рѣхъ ей: не зри въ зеркало, видѣвши льпость лица своего, зане большую печаль примети себя. Или речеши: женися у богата теста, чти дѣла, а ту пей, и лжѣ, и веселися въ великой радости и любви; то льпше волю ввести въ домъ свой, нежели злая жена повати: волю бо не молвить, ни зла мыслить; а злая жена бѣема бѣсится, а кротима высится, въ богатствѣ гордится, а во убожествѣ нныхъ осужаетъ. Что есть жена зла? гостница неусыпаемая, купница бѣсовская. Что есть жена зла? мирскы мятежъ, ославление уму, начальница всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спасенію. Аще который мужъ иметъ смотрѣти на красоту жены своея и на ея ласковая словеса, а дѣль ея не испытаетъ: то дай Богъ ему трясцею болѣти... Послушайте жены слова Апостола Павла, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ своей. Жены же у церкви стоять молящеса Богу и святѣй Богородицы... Жена добра вънецъ мужу своему и безпечаліе; а зла жена люта печаль, изотщаніе дому. Червь бо древо тлить, а злая жена домъ мужа своего теряетъ. Лутчи есть во углу лодѣ по водѣ тѣтити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: углая лодѣ перты помочить, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ. Льпши есть камень долотити, нежели злая жена учити; или желѣ-

Или речеши ми, княже: у богата теста женися, ту пей, ту и ажда; то лучше бы ми трясцею болѣти, ни се злою, с нелюбою, женою быти. Трасца бо тряс пустит, а злая жена и до смерти сушит... то блуд въ блудѣхъ, кто поймасть злообразну жену придатка дѣла или теста дѣла богата. То лучше бы ми бур вол видети в дому своем, нежели жена злообразна. Видѣвъ злато на злообразне женѣ, и рехо: нужно есть злату сему. Луче бы ми желѣзо варити, ни со злою женою быти. Жена бо злообразна подобна перчесу: сюдѣ свербить, а сюдѣ болит. Паки видѣхъ стару жену, злообразну, криву, зорооку, а подобну черту, ртасту, челююстаю (съ большими челюстями), злоязычну: привычнощу въ зеркало, и рехо ей: не позорун въ зеркало, но зри въ керсту. Женѣ бо злообразне недостойт приникати въ зеркало, да не въ большую печаль впадет, позрѣвши на нелѣповство образа своего.

Списокъ 3 го разряда: Или сына (испорчено) женити у богата, а повати уroda. Лучше трясцею болѣти, неже съ нелюбовною женою жити: трясавица, потрясши, покинетъ, а злая жена до вѣка сушитъ; она бо въ день трасеть, а въ ночь упокой даетъ, а со злою женою жити и не съ любовною, ни въ день отрады, ни въ ночь упокоя. Жена бо злообразна уподобися непогребенному мертвецу: ни живеть, ни умреть. Лучше бо

зо варити: желъво уварити, а злы змой затьр на дворъ, неже въ жены не научишь. Злая бо жена дому жена злообразна. ни ученя слушаетъ, ни Бога са бонть, ни людей стыдится, но вса укаряеть и вса осужаеть. Что лва злве въ четвероногихъ? и что змиѣ лютивши въ ползущихъ по земли? всего того злая жена злве. Нѣсть на земли болши жевьскія злобы: женою бо сперва правды нашъ Адамъ изгнанъ бысть изъ рай; жены ради Юсифъ прекрасны въ темницѣ затворенъ бысть; жены ради Пророка Данила въ ровъ вверже, и лвы ему нози лизаху. О злое орудіе, остро дѣволѣ! Нѣ-кому же умре жена зла, онъ же, по смерти ея, начать дѣти продавати; людіе же рѣша ему: чему продаешь дѣти? онъ же рече имъ: аще ли будетъ родилися въ мать, и они возрастши мене продадутъ.

Въ Пчелъ 2-го извода «Слово о женатъ»

Апостоль. Жены у церкви да молчать, не велить бо имъ глаголати въ церкви... Лутчи жити в пустыни со лвомъ и со змиемъ, нежели съ женою лукавою и язичною. Яко червь в дровѣ, тако мужа погубить жена злодѣвица... Безаконно бо се есть и горко, и послѣднее хула, иже кто женою обладаемъ... Жена добра въ дому, аки иравин; а зла жена, аки ладія оутла. Жена добра жизнь дому и спасеніе мужу. А зла жена пустота дому, печаль мужу... Зла жена, яко трудъ въ лядвехъ... Что бѣ зла жена? прокудлива святымъ обложница, сатонинъ празникъ, покоище змиено, оувѣтъ дьяволъ, спасаемымъ соблазнъ, безъ оувѣта болъзанъ, безъ нецеленія злоба... коза неистовая, вѣтръ свѣрь, день неведреть, гостинница жидовская... мирьскіи мятежъ, ослепленіе оуму... стрела с чемеремъ, пустота дому. Сеже, рече, или женитися оу богата тестя, прибытка ради, ту бо есть пити и ясти? Лутче бо есть трасцею болвати, нежели с нелюбовною женою жити. Что есть блудъ въ блудвхъ? Иже кто поиметь жену злообразну прибытка ради, или тестя ради богата. Лутче бо видѣти волю в дому своемъ, нежели жену злообразну. Лютеъ есть тому мужю, иже зреть на лицѣ (на лице) жен-

нѣ и слушасть лзыка ея; а не вытаеть дѣль ея. Лучше есть трясею болѣти, нежели женою обладаему быти: она бо тряспе пуститъ, а зла жена до смерти иссушитъ... Аще оу кого зла жена будетъ, то надъ чюжь мертвецъ не ходи плакатися, оу себе бо ти по вся дни в дому плачь... Нѣкому оумре жена зла; он же по малѣхъ днѣхъ нача дѣти продавати; людѣ же кленуть его; он же рече: боюся, егда како в мать будуць, то возрастуть, и они меня продадутъ... Жена зла подобна есть перечесу: суды болѣтъ, а суды свербитъ. Женѣ злобразнѣ неподобаеъ смотритися в зеркало, да не побольши печаль сотворить себѣ, позрѣвъ на нелѣпотство своего лица. Се, оувидевъ злато на женѣ злобразнѣ, и рече: нужно есть злату тому... Жельзо в человекѣхъ на двое сотворено есть, на добро и на зло, овогда имъ дѣлають, а иногда свѣются и рѣжются: такоже и жена мужевн на двое, на добро и на зло... Жена зла кротима высится, а бѣема бѣсится... Всего зла злѣя зла жена: ни Бога боится, ни священника страмяются, ни свидны чтеть; аще есть оубога, но злобою богата: всякаго оукораеъ и осужаеъ, и клевеъ, и препираеъ.

Тамъ же «Слово о старости:»

Се (?) видевъ стару жену, красавицу вапы, и рече: аще к живымъ красишися, то съблазнила еси; аще ли к мертвымъ, то не облвнися.

Пчела 1-го извода:

Соломонъ. Якоже червь в древе: такоже мужа губит жена злодѣица. Оуне жити въ вустыни со лвом и со змѣем, нежели жити с женою лзычною и сварливою. — Сирахъ. Пребывати изволи со лвом и змѣем, нежели с женою лукавою. — Димокритъ. Безаконно и горко есть и послѣдняя хула, аще кто женою обладаенъ есть. — Иродитъ. О злое зло зла жена лукава! и вѣсть много зла, паче злы жены лстывы: бѣема бѣсится, ни Бога боится жена бестудна, ни закона послушает, ни святителя чтет, ни творца стыдится: но всѣмъ досажает, и всѣхъ потязает, и всѣхъ укарает, и всѣхъ хулит (гл. 68).

Пчела г. Сахарова:

Лучше есть во утѣвъ ладѣъ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати.

«Слово о женахъ злыхъ» I. Златоустаго.

Что бо лва злѣ во четвероногихъ? Нѣсть ничтоже. Что ли страшнѣ зміа в плѣжующихъ? Нѣсть ничтоже: токмо жена зла и льстива. Лев бо и зміи влми хоуждѣше соуть жены прокоудивы: свидѣтель бо ми моудрыи Соломон глаголяи: лоуче жити съ лвом, с медвѣдем въ пустыни, нежели съ женою льстивою и лзычною... Данила льви в ровъ оустыдишася, а праведнаго Наоуфеа лезавель оуби... Ни едина бо злоба сравнается злобѣ женьскыи... и нѣсть злобы паче злобы женьскыи. Оле злое діаволе острое оружіе! Женою Адама ис породы изверже... женою цвломудренаго Іосифа связавъ в темници затвори... Жена бо бестудна никогож не обинуется, ни церковника чтет, ни чистителя срамляется, ни пророка стыдится. Оле зло всего зла злѣе—жена злаязычна... Жена же лоукава и сварлива всегда бѣсится и кротима высится.

«Слово о женахъ»

Ащели будеть жена зла, то не боится Бога, да ни мужа своего, ни святителя чтить, и не срамляется никого же... но всякого осужаеть и всякого корить, и нѣсть злобы паче женьскыи злобы. О злое оружіе діаволе, стрела сатовниа с чемерью... Червь древо сушить, а жена зла мужа погубить. Како во оутлѣ лоди вэдити, такъ з безумною женою жити... Первое Адама жена погубила.

«Слово о злыхъ женахъ»

Злаа жена дом мужа своего пусть стваряет, и самого мужа своего погубит. Что лва звѣря люте въ четвероногихъ? Что змен люте в ползущихъ по земли? Но всего того злѣе лютаа злаа жена на чловѣка. Перваго прадѣд нашего Адама из раа изгна Богъ жены ради; Іосифе прекрасныи в темнице затворен бысть жены ради... Злыа ради жены Данила Пророка в ровъ ввергоша, лвы и звѣри нозв ему лизаху... А зло оружіе острое діаволе! какъ стрѣла леташе с чемерицею оударить чловѣка... також злаа жена... Подобна естъ перечесу: здѣ свербит, а видѣ болит. Что естъ злая жена? Пагуба души, а тѣлу соухота, а оуму мятеж... Лутче естъ чловѣку тряскею лежати, нежели со злою женою жити: трясца потрясши пустит, а злая жена до смерти сушит... Лутче естъ во оутлѣ корабля плавати, нежели злон женѣ правда повѣдати: корабль оутѣ товар потопляет, а злаа жена дом мужа своего пусть стваряет и самого мужа своего погубит... Видѣ оу нѣкогого мужа злаа жена оумерла... и шед домов пачат дѣти своя продавати. И аз рекох ему:

чему, брате, дѣти своя продаешь? Он же рече: того дѣла дѣти своя продаю,—аще будут велики, родилися в матерѣ, и они възрастут велики, да меня продадоут.

Если послѣ этихъ выписокъ очевидно, что подобныя мѣста суть приписки, столько же принадлежащія Слову, какъ и другимъ памятникамъ: то къ ряду ихъ можно отнести смѣло и тѣ мѣста въ спискахъ 2-го разряда, которыя пока не находятъ еще себѣ соответствія или, иначе, для которыхъ еще не отысканъ источникъ, но которыя отзываются тѣми же выраженіями о злыхъ женахъ; такъ-вы конечно:

«Но по сему рассмотрите злу жену, иже речеть мужу своему: господине мой, свѣте очю моею! азъ на ты не могу зрѣти; егда глаголеши ми, тогда взираю на ты и обоумираю, и возрождать мя уды тѣла моего.

А чему ся хотите учить, и вы учитесь въ домѣхъ у мужей своихъ; а вы, мужи, по закону держите жены своя, поне борзо (вбо не скоро) обрести добрыхъ женъ.»

Сп. 2-го разр.: Не отмай безумному прямо безуміа его, да не подобенъ ему будещи.—Изъ Св. Пис.

Сп. 2-го разряда.

Яко же бо птица учащаетъ пѣс-
ни своя, скоро возненавидима бы-
ваетъ.

1-го.

Яко же бо птица, частящи пѣснь,
ненавидима бываетъ.

3-го:

Уподоблюся зогницъ (зегницъ?),
иже едину поеть пѣснь, того ра-
ди, ненавидима бываетъ.

Поученіе Кирила философа:

Якоже ластовница, частяще пѣсни, отгонить сладость пѣсенную.

Сп. 2 разр.: Люте бѣснующемуся дати ножъ, а лукавому власть.

Пчела 2-го извода: Люте бо бѣснующемуся дати ножъ остръ,
лукавому власть и волю.

Кромѣ того, въ спискахъ 1-го и 3-го разрядовъ есть еще нѣкоторыя мѣста, явно совпадающія съ другими памятниками нашей словесности:

Сп. 1-го разр.

3-го.

Нелюбо бо усерязъ златъ въ ноздри свини, ни на холопехъ добрыхъ (добрыхъ) порты; аще бы котлу золоты кольца во ушию,—во дну его не избыти червоты и жженія его: такоже и холопу; аще паче штры горды и булл, но укора ему своего не избыти—холопия имети.

Неудобъ есть свинь сереть златыхъ въ ноздряхъ носити, ниже холопу добрые порты. Аще котлу кольца златыя во ухахъ, во дну его не избыти отъ жженія огненнаго, ни червоты: тако и боярскій холопъ, аще бы и паче штры боярнъ (вм. буллъ) и гордылся, во укоры ему своей не избыти, всякъ молвить: боярскій холопъ.

Пчела 2-го извода.

Нелюбо въ ноздри оусерязъ злато,—ни на безумнѣхъ, ни на холопахъ добрыя порты. Аще бо бы оу котла златая дуга, а дну его ни червоты не избыти: тако и безумну, и холопу, оукора.

Соломон рече: лучше един мудръ десяти хоробрующихъ безъ ума; лучше един смыслен десяти възвѣщающихъ города,

Премудрость поможетъ мудрому паче десяти обладающихъ во градахъ.

Сп. 1-го разрада.

Да возвеселюся о щари своемъ, яко обретаю корысть многу злату; воспую, яко напоен вина, и возвеселюся, яко исполни теши путь.

Изъ Св. Писанія.

Таковы же мѣста, касающіяся поманутихъ обцихъ мыслей и выражений:

О человекѣ печальномъ и озабоченномъ:

Сп. 1-го р.: «Ржа вѣстъ желѣзо: а печаль человекѣ уму отниметъ.»

Противуположеніе богатаго и убогаго:

Сп. 3-го р.: «Богату мужу лице цвѣтетъ, понеже веселіе всегда въ дому его, а убогу мужу лице драхло, понеже печаль есть всегда въ дому его.»

Противуположеніе премудрости и безумія:

Сп. 1-го р.: Безумнымъ бо возвесеть гласъ свой со смѣхомъ; мужа мудра обратъ, глаголю къ нему, и тому пригванъ сердце; глаголетъ бо писане: възвѣщи премудрость и жива будетъ душа ваша; пригвѣпляяся премудрымъ, премудръ будетъ; мужа лукава бѣганъ, и наука его не слушанъ: очи бо мудраго во глава, а безумныи яко во тѣхъ ходятъ; мужъ мудръ смысленнымъ другъ, а несмысленнымъ недругъ (изъ Св. Пис.).

Кажа безумнаго примети себѣ досаженіе; посреди совѣщъ срамлетъ ты (тоже).

Не терпитъ вода на горахъ: ни мудрость въ сердца безумныхъ.

Яко сосуд изломлен лѣпнѣти: тако блуднаго казати.—Извлеченія изъ Сираха: «якоже сльпляяи скудѣль, тако и оучан буяго (XVII в.).»

Сл. 3-го разряда: А безумнымъ, аще бы и всея вселенныя мудрости преписалъ, а умнымъ не бывати имъ.

Ни желѣза въ водѣ разварити, ни блуднаго наказати (въ сл. 1-го и 2-го разр. это отнесено къ женщинамъ).

Мужъ мудръ смысленнымъ другъ, а несмысленнымъ недругъ (тоже въ сл. 1-го р.).

Не наказуй злыхъ, да не возненавидятъ тебе; обличай премудра и возлюбить тя (Св. Пис.).

Аща бо безумный премудрыя словеса глаголаеть, то могли бы сему и мертвыи поднѣстися.

Наконецъ, въ спискѣ 1-го разр. есть еще явная вставка: «Королязи бо и ковари» и проч. Что это такое? Предоставимъ рѣшить впоследствии, откуда взято это описаніе игръ, съ иностранными словами, плохо понятыми переписчикомъ.

Знаемъ, что нѣкоторыя отдѣльныя изреченія, нами отнесенныя къ одному отдѣлу, легко могутъ быть отнесены къ другому, при другомъ воззрѣніи или при открытіи новыхъ источниковъ. Мы старались распределить отдѣлы только на основаніи доселѣ известнаго, и по нашему воззрѣнію. Самое Слово оправдываетъ наши ошибки: каждый его изводъ разнится дѣленіемъ и размѣщеніемъ содержанія. Списокъ 1-го разряда раздѣлил все Слово на 24 параграфа, отличенныхъ красною (киварною) строкою: но все-таки и въ немъ порядокъ смѣшанъ и нѣредко замѣтны прорвхи швовъ или случаются явныя повторенія одного и того же.

Оканчивая наши замѣчанія и обозрѣваясь еще разъ назадъ, видимъ, что судьба Слова въ нашей древней словесности совершенно сходна съ судьбою всѣхъ подобныхъ произведеній иностранныхъ, классическихъ и даже восточныхъ. Какъ скоро сочиненіе имѣло наставительный или поучительный характеръ, какъ скоро оно касалось нравственныхъ и практическихъ правилъ, никогда нельзя было избавиться вставокъ. Изъ элегій Феогнида, изъ этихъ тысячи слишкомъ стиховъ, чтѣ именно принадлежало сочинителю и подлиннику? И какъ трудно отобрать черты личныя и частныя? И какъ, однакоже, отвергнуть существованіе и творчество этого суроваго изгнанника Мегары, наливавшего то желчь, то скорбь, то негодованіе, то слезы въ стихотворныхъ изреченіяхъ, нѣредко совпадающихъ съ пословицами и выраженіями другихъ писателей?

Вотъ соображенія наши. Можетъ быть—инѣ инако протолкуеть.

П. Визсоновъ.

Августъ 1856 г

МОСКВА ЗА СТОЛОМЪ.

Барскіе обѣды старихъ временъ.—Обѣдъ современнаго великожи.—Карта (Menu) по системѣ Камбасереса и Карема.—Гастрономъ средняго круга.—Чтобъ ѣсть съ удовольствіемъ, надобно ѣсть въ пріятельской бесѣдѣ.—Столъ порядочнаго человѣка.—Fumée de Gibier въ Дворянскомъ Клубѣ.—Русскій обѣдъ.— Два обѣда за разъ или атлетическое могущество московскаго гастронома.—Кормленія на манеръ порядочныхъ людей.— *Англійскій Клубъ*; время его основанія; его невзгоды; его прежнее общество; прежнее помѣщеніе; Власъ Осиповъ; перемѣщеніе; большія трактиры денегъ.—Щедрость членовъ; урочныя блюда; провинція; Аванасій; тонъ общества; инфернальная комната: не кури тамъ, гдѣ хочется, а кури тамъ, гдѣ можно; садъ Англійскаго Клуба.— *Дворянскій Клубъ*; какъ трудно достается стерляжья уха; первый кухмистеръ Дворянскаго Клуба; затрудненіе воспитанника Rocher de Capcaille угодить русскимъ желудкамъ; Сергій кухмистеръ кн. Гагарина; Емельянь.— *Купеческое Собраніе*; его прежнее помѣщеніе; его бывалый тонъ; современные балы и маскарады Купеческаго Собранія; садъ и иллюминація; кухмистеръ декораторъ.— *Нѣмецкій Клубъ*; бывшее; его благосостояніе, раздоры членовъ; серебряная ложка изъ кармана. *Казино*; Гостиницы; трактиры и рестораціи; Шевалье; обѣдъ на славу; какъ надобно хорошо пить; ужинъ въ Московскомъ Rocher de Capcaille; затрудненіе Педагога; сытная нѣмецкая кухня; Шоръ, Кошъ и Лейбъ; Ледюкъ продавецъ *пироговъ*; старинныя общія столы; джонка по рецепту Фильда; кофейная Рюмша; пиръ жрецовъ Аполлона, Талии и Мельпомены; бильярдъ Морели; заведенія Печкина; уловъ таракановъ въ ботвиньѣ; Новотроицкій трактиръ; старій Данила. Николай Савеличъ. Рыбный столъ Пѣтческаго трактира. Лучшіе блины и пироги въ Москвѣ. Машина Великобританія; обѣды студентовъ передъ кандидіями; трактиръ нѣмецкой колоніи; Тяглись въ тишинѣ; трактиръ Розальбъ; Босовогіе Ирисы съ Кузнецкаго моста; *клубы жуликовъ*; извощическія три пары. Воксаль дворовой челяди; старая харчевня на Толкучемъ рынкѣ; Петербургскій трактиръ или Волчья долина; потерянный рай тожъ.—Селянка и пироги съ янцами Ново-С.-Петербургской рестораціи.—Гдѣ можно приобрести свидѣніе о хлѣбной торговлѣ? Призаставные трактиры и кормушки для лошадей; съезныя лавочки и обжорные ряды; лучшая вѣтчина въ Москвѣ. Подвѣбная зала. Питейные дома.

Москвитянинъ обвѣщалъ года два или три тому назадъ, написать статью «Москва за столомъ»: Москва издревле слыла хлѣбосольною, искони любила и покушать сама и попотчивать другихъ; издавна славилась и калачами и сайками, и пирогами и жирными кулебяками,

и барскими обѣдами и обжорнымъ рядомъ, и пить, въ чемъ другомъ, а въ гастрономіи она не отстала отъ вѣка, усвоила вкусы всѣхъ странъ и націй, а между тѣмъ сохранила въ благородномъ искусствѣ кушать и свой народный типъ.

Было время, когда она служила тихимъ убѣжищемъ государственнымъ людямъ Россіи, послѣ тревоженій ихъ политической жизни. Старинные баре времянь Елизаветы и Екатерины, отслуживъ съ честью, а часто и со славой, отечеству и государю, удалялись изъ кипучаго жизнью Петербурга на покой въ Москву. Около этихъ старыхъ вельможъ, еще не совершенно утратившихъ свое значеніе при дворѣ, толпились ихъ друзья, сослуживцы и люди, искавшіе ихъ покровительства. Эти баре походили на римскихъ патриціевъ-патроновъ: ихъ домъ былъ всегда открытъ для ихъ пріятелей и кліентовъ; за ихъ столъ всегда собиралось многочисленное общество; у нѣкоторыхъ даже, какъ-то у графовъ Разумовскаго, Шереметева, Чернышева, Салтыкова и другихъ, были въ недѣлю разъ открыты столы для званыхъ и не званыхъ.... Да, именно и для не званыхъ; ибо всякой имѣлъ право, будучи одѣтъ въ униформу, т.-е. въ мундиръ, приходить къ нимъ и садиться кушать за одинъ столъ съ гостепріимнымъ хозяиномъ. Обыкновенно, эти непрошеные, очень часто незнакомые посѣтителі, собирались въ одной изъ переднихъ залъ вельможи за часъ до его обѣда, т.-е. часа въ два по полудни (тогда рано садились за столъ). Хозяинъ съ своими пріятелями выходилъ къ этимъ своимъ гостямъ изъ внутреннихъ покоевъ, не рѣдко многихъ изъ нихъ удостоивалъ своей бесѣды, и очень былъ доволенъ, если его дорогіе посѣтителі не чинились, и пріемная его комната оглашалась веселымъ, оживленнымъ разговоромъ. Въ урочный часъ *столовый дворецкій* докладывалъ, что кушанье готово, и хозяинъ съ толпою своихъ гостей отправлялся въ столовую. Кто былъ съ нимъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, или кто былъ почетнѣе, тѣ и садились къ нему ближе, а прочіе размѣщались, кто какъ хотѣлъ, однако по возможности соблюдая чинопочитаніе. Но кушанья и напитки подавались какъ хозяину, такъ и послѣднему изъ гостей его — одинакіе.

Столы эти не отличались ни утонченностью французской кухни, ни грудами мяса пировъ плотояднаго Альбіона. Они были просты и сыты, какъ русское гостепріимство. Обыкновенно, послѣ водки, которая въ разныхъ графинахъ, графинчикахъ и бутылкахъ, стояла на особенномъ столикѣ съ приличными закусками изъ балыка, семги,

паюсной икры, жареной печени, круто сваренных яиц, подавали горячее, преимущественно состоящее из кислых, ленивых, или зеленых щей, или из телячьей похлебки, или из разсолника съ курицей, или из малороссійскаго борща (послѣнее кушанье очень часто являлось на столѣ графа Разумовскаго, урожденнаго малоросса). За этимъ слѣдовали два или три блюда холодныхъ, какъ-то: ветчина, гусь подъ капустой, бужавина подъ лукомъ, свиная голова подъ хреномъ, судакъ подъ галантиномъ, щука подъ ящиками, разварная осетрина, сборный винигретъ изъ домашней птицы, капусты, огурцовъ, оливокъ, каперсовъ и яицъ; иногда подавалась говядья студень съ квасомъ, сметаной и хреномъ, или разварной поросенокъ и ботвинья преимущественно съ бвдугой. Послѣ холоднаго непрерывно являлись два соуса; въ этомъ отдѣлѣ употребительнѣйшія блюда были—утка подъ рыжиками, телячья печенька подъ рубленнымъ легкимъ, телячья голова съ черносливомъ и изюмомъ, баранина съ чеснокомъ, облитая краснымъ сладковатымъ соусомъ; малороссійскія вареники, пельмени, мозги подъ зеленымъ горошкомъ, фрикасе изъ пулярды подъ грибами и бѣлымъ соусомъ, или разварная сайка, облитая горячимъ клюковнымъ киселемъ съ сахаромъ. Четвертая перемена состояла изъ жареныхъ индвекъ, утокъ, гусей, поросятъ, телятины, тетеревовъ, рябчиковъ, куропатокъ, осетрины съ снятками, или бараньяго бока съ гречневой кашей. Въмѣсто салата подавались соленые огурцы, оливки, маслины, соленые лимоны и яблоки. Обѣдъ оканчивался двумя пирожными—*мокрымъ* и *сухимъ*. Къ мокрымъ пирожнымъ принадлежали: бланъ-манже, кампоты, разные холодные кисели со сливками, яблочныя и ягодныя пироги, (нѣчто въ родѣ пынѣшнихъ суфле), бисквиты подъ битыми сливками, яичницы въ плоскыхъ съ вареньемъ, (тоже что современные повара называютъ омлетомъ или французской яичницей), мороженое и кремы. Эти блюда назывались мокрыми пирожными, потому что они кушались ложками; сухія пирожныя брали руками. Любимѣйшія кушанья этого сорта были: слоеные пироги, франшипаны, левашники, дроцены, зефиры, подовые пирожки съ вареньемъ, обварныя оладьи и миндальное печенье. Сверхъ того къ горячему всегда подавались или кулебяки, или сочни, или ватрушки, или пироги и пирожки. Кулебяка до сихъ поръ сохранила свой первобытный характеръ: она и тогда была огромнымъ пирогомъ съ разнообразнѣйшею начинкою, изъ сухихъ бѣлыхъ грибовъ, телячьяго фарша, визиги, маинныхъ крупъ, сарачинскаго пшена, семги, угрей, налимныхъ малокъ, и проч. и проч.

Пироги и пирожки по большей части имели жирную мясную начинку съ лукомъ, либо съ капустой, явцами, морковью и очень рѣдко съ рвпой.

Все это орошалось винами и напитками, приличными обѣду. На столъ ставили квасы: простой, красный, яблочный, малиновый и кислыя щи. Подлѣ квасовъ помѣщали пива, бархатное, миндальное, розовое съ корицей и черное, (въ родѣ портера). Офиціанты безпрестанно наливали гостямъ въ широкіе бокалы вина: мадеру, портвейнъ, кипрское, лиссабонское, венгерское, и въ рюмки: лакрима кристи, малагу, люнель. Но болѣе всего выпивалось наливко въ ратафій разныхъ сортовъ. Послѣ полутора-часоваго обѣда хозяинъ и гости вставали изъ-за стола. Желаящіе кушали кофе; но большинство предпочитало выпить стаканъ или два пуншу, и потомъ все откланивались вельможному хлѣбосолу, зная, что для него и для нихъ, по русскому обычаю, необходимъ послѣ-обѣденный отдыхъ.

Вотъ какъ жили въ старину
Наши дѣды и отцы!...

Но и мы, современные Москвичи, достойные сыны своихъ предковъ, не утратили ни чувства гостепріимства, ни способности много и хорошо кушать. Еще покойный Грибовдовъ въ своей безсмертной комедіи говорить о Москвѣ:

Да это ли одно!... Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать, изволь,—
Дверь отперта для званныхъ и незванныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ,
Хоть честный человекъ, хоть нѣтъ,
Для насъ равнеховко;—про всѣхъ готовъ обѣдъ.

Тамъ же говорить Фамусовъ, истинный отпечатокъ Москвича:

Куда какъ чудень созданъ смѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ;
Вшь три часа, а въ три дня не сварится!

Да, кто любить хорошо покушать, тотъ вѣрно полюбитъ Москву, привольно ему будетъ въ Бблокаменной, и разставшись съ нею, онъ часто вспомнить стихи Баратынскаго:

Какъ не любить родной Москвы!
Но въ ней не градъ первопрестольный,

Не золоченны главы,
 Не гуль потьхи колокольной,
 Не сплетни вѣстницы—Москвы
 Мой умъ пльнили своевольной,
 Я въ ней люблю весельчаконъ,
 Люблю роскошное довольство
 Ихъ продолжительныхъ пировъ,
 Богатой знати хлѣбосолюство
 И дарованье новаровъ.
 Тамъ прямо весели беседы,
 Вполнѣ уваженъ хлѣбосолю;
 Вполнѣ торжественны обеды;
 Вполнѣ богатъ и лакомо столю.

Правда, мало осталось великолѣпныхъ и богатыхъ хлѣбосоловъ въ Москвѣ, мало осталось прежнихъ вельможъ, но не совсемъ еще они перевелися въ древней столицѣ нашей. Мы не назовемъ того гостепріимнаго истинно русскаго боярина, на котораго Москва давно привыкла смотрѣть съ уваженіемъ; его добродушіе и хлѣбосолюство известны всѣмъ; древняя столица наша гордится имъ — и не безъ основанія. Я буду говорить только объ его столю.

Этотъ столю—вполнѣ гастрономическій столю просвѣщеннаго XIX столѣтія. Видно, что начальникъ кухни получилъ свое артистическое образованіе въ школѣ, достойной имѣть во главѣ своей знаменитаго Карема. Кондитерскія произведенія этого дома чуть ли не лучшія не только въ Москвѣ, но и въ цѣлой Россіи. Мнѣ случилось недавно вѣст тамошняго приготоуменія *Les magous glacés* и *les ananas en tranches*, и сознаюсь, что въ этомъ родѣ я ничего не вдалъ лучше; каштаны, пропитанные сахаромъ, при своей осязательной упругости, были на языкѣ мягче сейчасъ сдѣланнаго *pâté*, а тѣло ананасовъ, разрезанныхъ въ ломтики, не только сохранило свой цвѣтъ и прозрачность, но нисколько не утратило своего аромата и даже при значительномъ присутствіи сахара, сберегло пріятно-кисловатый вкусъ, который составляетъ главное наслажденіе для любителей этого плода, и который рѣшительно утрачивается въ рукахъ почти всякаго кондитера.

Торжественные обеды нашего вельможи вполнѣ великолѣпны. Привожу для примѣра составъ одного изъ нихъ, за которымъ кушало тридцать человекъ.

Закуска или то, что Французы называютъ *Hors d'oeuvres*:

Тартинны трехъ сортовъ:

Оливки, фаршированныя анчоусами и мелко изрубленнымъ трюфелемъ.

Голландскіе сельди въ прованскомъ маслѣ.
Свѣжая зернистая икра (*).

Первая перемѣна или горячія (**):

Puret à la reine.
Супъ консоме.

Пирожки:

Каракеты изъ рису съ мозгами.
Волованы съ кнелю.
Печенія съ фаршемъ.

Вторая перемѣна—холодная:

Телятина, à la financière.
Разварныя стерляди à la Russe.
Трюфели, à la serviette.

Третья перемѣна или соусы:

Перепела на хрустакахъ подъ соусомъ osmazome съ шампиньонами.

Судакъ подъ горячимъ соусомъ изъ устрицъ.

Мацедуанъ изъ огородныхъ овощей, въ которомъ прекрасно фигурировала ранняя брюссельская капуста.

Четвертая перемѣна — жареная:

Индѣйки, при которыхъ въ видѣ ассистентовъ, находились бѣ-касы, молодые тетерева и рябчики. Все это весело улыбалось пирующимъ, изъ-подъ яркой зелени разнообразныхъ салатовъ.

Къ этой перемѣнѣ подавался бѣло-снѣжный голландскій кочан-ный салатъ, пересыпанный ломтиками огурцовъ, молодыми листьями острогона, андивела и цвѣтами капуциновъ.

Пятая перемѣна или пирожныя:

Пудингъ несельродъ, обложенный двѣнадцатыо сортами раз-ныхъ сладкихъ печеньевъ и пирожковъ. Рука артиста, сооружав-

(*) Обѣдъ былъ лѣтомъ, когда въ Москвѣ почти невозможно имѣть зернистую икру.

(**) У насъ въ Россіи собственно нѣтъ перемѣнъ, потому-что нѣтъ обыкновенія приносить прежде изъ кухни кушанья, а ихъ прямо, послѣ отпуска кух-мейстеромъ, подаютъ гостямъ; но какъ карты обѣдовъ нашихъ гастрономовъ составляются по правиламъ французской кухни, то я, какъ вѣрный пове-ствователь, позволю себѣ долженъ былъ удержать это дѣленіе.

шаго это блюдо, показывала его высокое пониманіа изящнаго. Корзинка изъ мармаладу и леденцу, въ которомъ находилось мороженое, имѣла видъ итальянской вазы, сдѣланной изъ мозаики, и разноколерные мармалады, перемѣшанные съ золотистымъ жженымъ сахаромъ, были подобраны изящнымъ узоромъ.

И наконецъ шестая перемяна — десертъ:

Состоялъ изъ превосходнѣйшихъ фруктовъ, между которыми отличались въ особенности громадные персики венусы, ананасы и мушкетельный виноградъ, (которымъ славятся Кузминскія теплицы), сей часъ только отлученный отъ лозы. За тѣмъ слѣдовали конфекты безчисленнаго множества сортовъ.

Вина достойно соперничали съ этимъ торжественнымъ обѣдомъ. Впрочемъ это обѣдъ вельможнаго боярина, но

Межъ тѣмъ однимъ ли богачамъ
Доступны праздничныя чаши?
Не мудрены пирушки наши,
Но не уступать ихъ пирамъ.

Дѣ, я никогда не забуду одного моего гостепріимнаго пріятеля; воспоминаніе объ его обѣдахъ и ужинахъ, не изгладится изъ моей памяти; думаю, что и другіе, кто раздвлялъ съ нимъ хлѣбъ-соль его, не рѣдко вспомнятъ добраго человека, который года два тому назадъ переселился въ деревню. Онъ жилъ гдѣ-то въ отдаленномъ углу Москвы, тамъ, близъ Прѣсенскихъ прудовъ. Назовемъ его хоть Ивановъ Ивановичемъ Озаревымъ.

Иванъ Ивановичъ имѣлъ независимое состояніе, душъ пятьсотъ, въ губерніи Курской или Гамбовской, не упомяну. Онъ былъ семейный человекъ. Семья его была немногочисленна: она состояла изъ жены, очень умной женщины, дочери, дѣвицы лѣтъ восемнадцати, хорошо воспитанной и талантливой, сына, находящагося теперь въ военной службѣ, а тогда бойкаго гимназиста. Озаревъ самъ когда-то учился недурно, потомъ много читалъ, не мало видѣлъ на своемъ вѣку, былъ прекрасный, весьма образованный собесѣдникъ, онъ любилъ все изящное, — а главное любилъ изящно покушать. Московскіе литераторы, художники, артисты, ученые люди находили у него радушный пріемъ, и веселою семьею садились за гостепріимный столъ его.

Иванъ Ивановичъ обыкновенно обѣдалъ въ четыре часа. Онъ любилъ, чтобъ къ нему собирались часа въ три; онъ говорилъ,

что ежели между приглашенными находилось новое лицо, которое первый раз видело общество его гостиной, то въ продолженіи этого дообѣденнаго часа оно могло ознакомиться съ прочими гостями, и садилось за столъ съ чувствомъ давно привыкшаго, обыкновеннаго поствителя, не производя и на другихъ неприятнаго ощущенія, какъ совершенно чуждое лицо въ дружеской бесѣдѣ.

Разъ, — это было въ день рожденія его жены, — насъ собралось человекъ четырнадцать. По веселой физиономіи Ивана Ивановича, который, замѣчаю въ скобкахъ, имѣлъ привычку нѣсколько разъ заглядывать на кухню, когда приглашалъ къ себѣ добрыхъ пріятелей на обѣдъ, — я догадывался, что онъ угоститъ насъ на славу. И мое ожиданіе сбылось.

За полчаса до обѣда, въ гостиной, на кругломъ столѣ, передъ диваномъ, поставили водку и закуску. Гости усердно занялись этою увертюрою обѣда. Между шестью графинями, съ очищеннымъ, желудочной, допель-кюмелемъ, тминной, джиномъ и киршъ-вассеромъ стояли двѣ бутылки стараго хереса и почтеннаго портвейна. Балыкъ, сардины, швейцарскій сыръ, который проливалъ ароматныя слезы, редисъ и копченая медвѣжина составляли закуску. *Le rôtier soup*, какъ говорятъ Французы, былъ пропущенъ.

Прошло четыре часа—мы отправились въ залу. Какъ пріятно видѣть хорошо сервированный столъ! Было-снѣжная скатерть покрываетъ его во всю длину; симметрически разставленные куверты покрыты въ видѣ трехъ-угольныхъ шляпъ легко накрахмаленными салфетками; ложки, ножи и вилки блестятъ; передъ каждымъ приборомъ маленькія вызолоченныя солонки, обставленныя стаканомъ и бокаломъ, черезъ приборъ на серебряныхъ поддонкахъ стояли бутылки подогрѣтаго лафиту и холоднаго сотерна; длина пробокъ и цвѣтъ вина заранѣе говорятъ объ его достоинствѣ; между этими благородными произведеніями Бордо перемѣшаны и вина счастливой Бургундіи, — вотъ темное нюи, свѣтлое шамбертенъ, а вотъ и добрый другъ кло де вужо; для любителей капитальныхъ напитковъ, здѣсь находится дрей-мадера, хересъ и портвейнъ въ своемъ двойственномъ видѣ. Не забыта также и граціозная бутылка стараго Юганисберга. По срединѣ стола огромная ваза со льдомъ, холодитъ двѣ бутылки редереру, и, вѣроятно, у хозяина пригволено еще этого нектора Шампаньи. По обѣ стороны вазы во всю длину стола разставлены карзины изъ разно-цвѣтнаго хрустала съ фруктами, фарфоровыя вазы съ букетами цвѣтовъ, и горки изъ серебра и тиснен-

паго хрустала съ конфектами, сейчасъ только вышедшими изъ мастерской Дубле или Фаие (*). Все это празднично, торжественно; все это, поражая взоры счастливица, приглашеннаго къ обѣду, сулить ему невыразимое наслажденіе.

Гости въ молчаніи садятся за трапезу. Первое кушанье уже говорить имъ объ искусствѣ повара. Супъ пюре изъ ершей съ налимными молоками превосходенъ. Даже жирная кулебяка, вкусная до того, что кажется, сама таетъ во рту, не можетъ затмить его. Но вотъ является второе блюдо — эта индѣйка съ трюфелями, это прославленная гастрономами всѣхъ частей свѣта *d'indou truffée*. Какой ароматы! — онъ въ состояніи даже разбудить соннаго. Теперь и понимаю эту торжественную, самодовольную улыбку, которая не оставляла полной физиономіи Ивана Ивановича. Послѣ этого поистинѣ знаменитаго блюда, подали осетрину *à la Richelieu*, этотъ красный сладковатый соусъ прекрасно гармонировалъ съ остротою каперсовъ и оливокъ. Соте изъ цыплятъ съ шампиньонами и гребешками, и спаржа шесть на фунтъ, были достойными представителями отдѣленія соусовъ. Передъ цыплятами раскупорили первую бутылку шампанскаго, и гости, занятые игрою искрометнаго *Li*, повтореніемъ тостовъ и одушевленнымъ разговоромъ, не примѣтили довольно значительнаго промежутка времени между послѣднимъ соусомъ и жаркимъ, покуда Юлія Николаевна, супруга нашего амфитріона, дѣлала салатъ. Снова налитые бакалы еще пѣнились черезъ край, какъ подали жаренаго фазана, этого аристократа дичины. Обѣдъ былъ превосходный, и я, услаждаясь квиссой фазана, размышлялъ, какое пирожное достойно заключить его. Но вотъ тарелки перемѣнены и официантъ подаетъ — окорокъ ветчины!.. Я въ недоумѣніи взглянулъ на Ивана Ивановича, — онъ, хитро улыбаясь, смотрѣлъ на меня.

Нѣтъ, думалъ я, господинъ Озаревъ, слуга покорный! — послѣ жаренаго фазана ветчину!... вѣдь, кто хочетъ другой, а я до нея не дотронусь. будь это хоть истинное произведеніе Вестфаліи. Вѣрно вы, батюшка, сошли съ ума, что вздумали такую вещь попотчивать въ заключеніе вашего обѣда.

Но вообразите мое удивленіе: когда мнѣ поднесли эту ветчину, то я увидѣлъ, что это совсѣмъ не ветчина, не соленая свинина, а пирожное, и превосходнѣйшее пирожное. Вотъ видите ли,

(*) Увы мнѣ измѣняшаго Москвъ для Петербурга.

въ чемъ дѣло? — Эта ветчина была, *ветчина бисквитъ*. Поварь взялъ три бесквитныя розовыя лепешки, вырѣзалъ ихъ формою окорока, положилъ другъ на друга, переслонивъ кievскимъ вареньемъ изъ клубники, потомъ наложилъ элеръ д'оранжеваго бламанже, которое превосходно обманывало глаза, замѣняя жиръ окорока, и въ заключеніе вмѣсто кожи, на этомъ бла-манже была сдѣлана гласировка, изъ сахара и шеколада, и все это составило такое лакомое блюдо, отъ котораго и самъ Лукуллъ не отказался бы даже послѣ своего обеда. Послѣ десерта, послѣ последней рюмки настоящаго итальянскаго мараскино, которая составляла *le dernier soup*, мы перешли снова въ гостинную, гдѣ насъ ожидалъ кофе, достойный соперничать съ кофеемъ Бардена, содержателя нашего Московскаго *Rocher de saucaille*; а здѣсь въ Москвѣ, кромѣ Озарѣва, лучше борденовскаго кофе, я нигдѣ не пивалъ.

Помню я еще ужинъ у добрейшаго Ивана Ивановича, любезный читатель. Простите мою болтливость; но я не могу удержаться, чтобъ не представить вамъ карты этого ужина. Онъ состоялъ изъ бульона *fumée de gibier*, биштекса въ красномъ винѣ, приготовленнаго за столомъ самимъ хозяиномъ въ паровой кастрюль (*), разварной лаксъ форели съ соусомъ *à la Rovigeau*, жареныхъ рябчиковъ, поданныхъ въ кастрюль, и крема *à la diplomate*.

Кстати о *fumée de gibier*, я никогда не забуду, что по милости этого *fumée* я одинъ разъ до того раскохотался въ дворянскомъ клубѣ, что не могъ дообѣдать. Это было лѣтъ шесть тому назадъ; я какъ-то запоздалъ прѣхать и не нашелъ уже свободнаго мѣста. Но не я одинъ былъ изъ отыскивающихъ себѣ помещенія за столомъ, — насъ набралось человекъ десять, кромѣ дежурнаго старшины, моего хорошаго пріятеля Н. А. Г. Последний, вошедши

(*) Для любителей гастрономіи я выпиываю проце съ приготовленія этого восхитительнаго кушанья. Берется нѣсколько кускомъ тонко наръзаннаго говяжьяго филе и подготовленнаго такъ, какъ оно готовится для биштекста. Въ паровую кастрюлю на каждый кусокъ, кладется ложка свижаго топленнаго коровьяго масла, потомъ кладется говядина, нѣсколько горчицы, гвоздики, ломтикомъ сельдерея; на пять кусковъ говядины, наливается стаканъ краснаго бордо. Крыша паровой кастрюли закрывается, кастрюля ставится на кофюрку со спиртомъ; какъ только покажется первый паръ, куски переворачиваются, потомъ снова кастрюля ставится на горячій спиртъ, и послѣ, когда все хорошо укипнѣло, кушанье готово. Это приготавливается при тонкой кастрюль, требуетъ не болѣе десяти минутъ времени.

въ наше положеніе, приказалъ для насъ накрыть особенный столъ, и самъ помѣстился съ нами подлѣ меня. Напротивъ И. А. Г. усялся какой-то привзжій господинъ, вершковъ десяти росту, широкоплечій, съ достопочтеннымъ огромнымъ чревомъ, съ толстыми лоснящимися отъ полноты красными щеками; на немъ былъ просторный сюртукъ коричневаго цвѣта съ искоркой, сѣрая брюки, ширинѣ которыхъ позавидовали бы запорожскія шаровары. На картѣ первыми блюдами были рубцы и для слабыхъ здоровьемъ *fumée de gibier*. Повидному, для нашего провинціала рубцы были не диковинка; можетъ быть, его домашній кухарь Ермошка или страпуха Акулина превосходно готовили это горячее: но *fumée de gibier* поражало его своимъ французскимъ названіемъ. Онъ важно оборогился къ официанту, и, показывая пальцемъ на карту, велѣлъ себѣ подать этого супу. Приказаніе было исполнено. Толстый господинъ сначала долго смотрѣлъ съ удивленіемъ на этотъ прозрачный бульонъ, повидному, размышляя: чтò такое подали мнѣ? — чтò это, пошло или вѣдъ? потомъ онъ обратился къ официанту и спросилъ: чтò это такое? — «Вы изволили приказать подать вамъ фюме де жибье», вѣжливо отвѣчала ему ливрейный слуга. Съ недоумѣніемъ провинціальный баринъ проглотилъ ложки двѣ этого кушанья — оно было ему не по вкусу: совсѣмъ не то, къ чему привыкъ онъ, это совсѣмъ и не то, чтò составляетъ по его мнѣнію въ высшей степени вкусное; не кисло, не солоно, не жирно; и онъ, съ рвшительностью положивъ на столъ ложку, снова сказалъ официанту: «возьми, братецъ, свою жибу. Какой дуракъ приказываетъ готовить такую дрянъ, — и подай мнѣ рубцовъ». Эта разочарованная физиономія, не лестный отзывъ старшинъ, сказанный откровенно, почти ему въ глаза, и это *жибу*, произвели то, что мы съ Н. А. Г. должны были оставить столъ, чтобъ соблюсти приличіе, и чтобъ насъ не сочли за сумасшедшихъ, — мы хотѣли до слезъ.

Но снова обращаюсь къ моему милому Ивану Ивановичу. Онъ не только умѣлъ ѣсть хорошо, онъ былъ въ состояніи ѣсть много, — завидная способность для любителей гастрономіи. Вотъ одинъ изъ *tours de force* его аппетита: какъ-то я высказалъ ему, что мнѣ очень хотѣлось бы попробовать настоящаго русскаго обѣда. Иванъ Ивановичъ, всегда готовый ко всему придратъся, чтобы поподчивать и самому покушать, вызвался угостить меня и назначилъ для этого день. Я не преминулъ воспользоваться приглашеніемъ и пріѣхалъ. Радужный хозяинъ объявилъ мнѣ, что у насъ будетъ малороссійскій

сборный борщъ, въ которомъ варилась ветчина, свинина, сосиски, говядина, курица, гусь и утка; этотъ борщъ будутъ сопровождать ватрушки; за тѣмъ явится буженина съ лукомъ, утка подъ рыжиками, жареный поросенокъ съ кашей, и слоеный пирогъ съ вареньемъ; винъ не будетъ никакихъ, но ихъ замѣнять вишневая ратафя, наливки изъ костеники, поленики и сливъ, да вместо шампанскаго, разопьемъ бутылочки двѣ или три шипучей воронежской водицы. Столъ былъ уже накрытъ, водка подана, и чтобы не портить обѣдъ, закуска состояла только изъ пансной икры и кильки. Мы уже хотѣли отправляться въ столовую, какъ явился общій нашъ знакомый Пеонъ Никандровичъ Скоромновъ.

— Помилуйте, господа, — вы садитесь за столъ, сказалъ онъ, входя въ гостиную, а я еще за три дня приглашалъ васъ кушать.

Я, грѣшный человекъ, забывъ объ этомъ приглашеніи; но Иванъ Ивановичъ, зная, что у Скоромнова кормятъ плохо, нарочно выбралъ этотъ день для угощенія меня. Однако хитрецъ пригворился, что будто бы онъ совершенно запаматовалъ этотъ день, и извинился передъ Пеономъ Никандровичемъ, что не можетъ пріѣхать къ нему, вызвавшись самъ угостить меня.

Скоромновъ неотступно приставалъ къ намъ, чтобы мы оставили приготовленный обѣдъ и вѣхали къ нему; онъ ужасно надоевъ Озареву, и тотъ далъ ему слово, что мы пріѣдемъ къ нему слѣдомъ за нимъ. Скоромновъ оставилъ насъ съ пріятною, торжествующею улыбкою.

Лишь только докучный гость съѣхалъ со двора, какъ хозяинъ велѣлъ подавать кушать.

— Помилуй, Иванъ Ивановичъ, — сказалъ я ему, гдѣ же твое слово, данное Скоромнову?

— Чортъ съ нимъ, — отвѣчалъ Озаревъ, — мы прежде побѣдимъ у меня, а потомъ побѣдемъ къ нему.

— Но, почтеннѣйшій, два обѣда разомъ не помѣстятся въ желудкѣ.

— Ты думаешь, душа моя — возразилъ мой амонтріонъ, садясь за столъ, — что у Скоромнаго можно побѣсть, — ты совершенно ошибаешься; онъ тебя угоститъ такъ, что нельзя себя и представить; вѣрно подастъ французскій красный супъ съ десятигодовой курицей, вываренной въ мочалку, маіонезъ, въ которомъ главную роль играетъ картофель и свекла, соусъ à la financière, гдѣ вмѣсто гребешковъ положены гусиныя жерновки, французскій

труфель, замѣненный смоленскимъ, который въ твердости и ароматѣ не уступитъ подошвѣ. Скоромновъ мнѣ самъ сознавался, что онъ каждый день подбѣдаетъ спаржу по пяти копеекъ за фунтъ. Ну какъ такую гадостью онъ угоститъ и насъ, да въ добавокъ разорится купить протухлаго фазана, и велитъ приготовить пломбьеръ, который, за отсутствіемъ сахару и при замѣнив сливокъ, молокомъ, будетъ крѣпче декабрьскаго льду, — тогда слуга вашъ покорный! я буду не въ духъ цѣлую недѣлю. А теперь, пообедаю дома, такъ и быть, рѣшусь на великій подвигъ, проглочу обѣдъ Пеона Никандровича.

— Какъ проглотишь?

— Такъ-таки и проглочу, какъ глотаютъ лекарство.

— Послѣ своего обѣда ты будешь въ состояніи вѣсть у Скоромнова?

— Буду.

— Не можетъ быть!

— А вотъ увидишь.

И онъ, опустошивъ тарелку борща, накладывалъ себѣ огромную порцію буженины.

Я слѣдовалъ его примѣру; мы оба вли много; наливкѣ и водянки, употребляли еще болѣе; обѣдъ нашъ шелъ скоро и черезъ три четверти часа мы встали изъ-за стола.

— Ну, теперь поведемъ къ Скоромнову, — сказалъ мой хозяинъ, выполаскивая ротъ.

Я думалъ, что онъ шутить надо мной; но мы въ самомъ дѣлѣ, отправились къ Пеону Никандровичу, а Озаревъ имѣлъ столько духа, столько сверхъестественной возможности, что влѣ у Скоромнова каждое кушанье.

И что за кушанье! Творецъ милосердый! Никогда я не былъ такъ золъ на эту нищую барственность, которая, рассчитывая каждый рубль, переступая съ копейки на копейку, хочетъ безстыдно обмануть всѣхъ и каждого, увѣряя, что и она можетъ жить аристократически. Не лучше ли было этому дураку Скоромнову угостить своихъ пріятелей двумя или тремя простыми блюдами, вкусно приготовленными, чѣмъ этими двенадцатью ядовитыми соусами, состряпанными пьянымъ поварихкой? Не лучше ли было бѣ держать простую стряпуху, чѣмъ этого бесполезнаго кухора? И для чего все это дѣлается? для того, чтобъ сказать, что у меня обѣдало сорокъ человекъ, столъ былъ изящнѣйшій, въ пяти перемѣнахъ было

четырнадцать блюдъ, и мой поваръ получилъ кухмистерское образованіе на первой кухнѣ въ Москвѣ. Такъ и хочется сказать какому-нибудь Пеону Никандровичу: не правда, господинъ Скоромновъ, не правда: вы кормите гостей своихъ скверно, къ вашимъ блюдамъ можно отнести стиль Грибоздова:

«Числомъ по болѣе, цѣною по дешевле»,

вашъ кухмистеръ не видалъ порядочной кухни и получилъ образованіе у повара вашего уезднаго предводителя, а этотъ поваръ учился въ Петербургѣ въ преслаутомъ палкинскомъ трактирѣ, гдѣ матлоты называютъ махлотомъ, кокилы—котелями, говядину глассе—говядиной на глазъ.

Но оставимъ этихъ баръ съ Плющики, аристократовъ отъ Крымскаго брода, вельможъ съ Вшивой горки, Ротшильдовъ Тупыхъ переулковъ, виверовъ изъ-Замоскворѣчья! лучше буду толковать о томъ, гдѣ можно въ Москвѣ хорошенько покушать.

А гдѣ нельзя хорошо поѣсть въ Москвѣ? Куда ни оглянись, вездѣ клубы, рестораціи, трактиры: ступай, куда хочешь, были бы деньги, да добрый аппетитъ, а за гастрономическими наслажденіями дѣло не станетъ.

Но ѣсть хорошо, ѣсть дешево и въ пріятномъ обществѣ возможно всего въ клубахъ. И такъ начнемъ рѣчь прежде всего съ нихъ.

Лучшій изъ Московскихъ клубовъ и старшій по своему учрежденію—это Англійскій. Онъ основанъ еще при Императрицѣ Екатерины II. Ни временное его закрытіе при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, ни нашествіе Наполеона, когда клубъ потерялъ все свое имущество и утратилъ значительную часть своихъ капиталовъ, не могли его уничтожить. Двадцатые годы нашего столѣтія были временемъ блистательнѣйшаго его состоянія. Благодаря двумъ-тремъ знаменитымъ вельможамъ, любившимъ посѣщать клубъ, и между ними въ особенности покойному князю Юсупову, около нихъ сгруппировалось прекрасное общество, и тогда почиталось за особенную и великую честь попасть въ члены Англійскаго клуба.

Не смотря на многолюдныя собранія клуба, изъ лучшихъ аристократовъ Москвы, нельзя было сказать, чтобъ Англійскій клубъ жилъ роскошно. Онъ помещался въ бывшемъ домѣ Муравьева, гдѣ нынѣ находится дворянскій клубъ. Давнишнимъ изпоконнымъ его кухмистеромъ былъ Власъ Осиповичъ, вольноотпущенный поваръ

Василья Львовича Пушкина. Какъ это помѣщеніе было прилично, но не великолѣпно, такъ и поваръ этотъ былъ хорошимъ кухмистеромъ, но не отличнымъ артистомъ. Столъ обходился не дорого. Квартира дешева, игра была большая, и капиталы клуба, не смотря иногда на беззаботность старшинъ и ловкость экономовъ, возрастали видимо. Къ этому не мало способствовало и мѣсто, гдѣ находился клубъ. Оно было въ центрѣ города, не далеко отъ театровъ и благороднаго собранія, которыя тогда посѣщались не такъ, какъ нынѣ: бывало отчаяннымъ приступомъ завоевываютъ билетъ на какого-нибудь Пана Гвардовскаго или Илью Муромца, а въ собраніи очень часто досчитывались до четырехъ тысячъ посѣтителей, и послѣ театра и предъ собраніемъ, члены клуба спѣшили заглянуть въ свое милое убѣжище.

Богатство дало возможность Англійскому клубу перемѣнить домъ. Перевхали въ бывший домъ Разумовскаго, гдѣ теперь помѣщается этотъ клубъ. Конечно, новая квартира въ сравненіи съ старой была въ томъ же отношеніи, какъ палаты вельможи къ дому зажиточнаго обывателя; но она потребовала лишнѣхъ расходовъ, пошло много денегъ на ея отдавку, болѣе стало выходить на освѣщеніе и отопленіе, надобно было ремонтировать садъ, котораго при прежней квартирѣ не было, явилась необходимость въ лишней прислугѣ, а между тѣмъ учредился Дворянскій клубъ и занялъ тотъ домъ, гдѣ возрастало благополучіе Англійскаго. Многіе члены послѣдняго, ставшіе членами Дворянскаго, стали постоянно посѣщать новый клубъ, — кто изъ стародавней привычки ужинать на Дмитровку, кто потому, что изъ театра ѣхать сюда было ближе, чѣмъ на Тверскую. Къ тому же и поваръ съ кухней, съ которымъ они совершенно освоились, знаменитый Власть Осиповичъ, кухмистерствовалъ въ Дворянскомъ клубѣ. Вошло было въ употребленіе лото, и сильно поддержало всѣ клубы, въ томъ числѣ и Англійскій; но, эту раззорительную игру взрослыхъ мяденцевъ запретили, и всѣ эти мѣста стали клониться къ упадку. Клубы Дворянскій, Нѣмецкій и Купеческое собраніе, сократили свои расходы; но Англійскій хотя не разсчетливо, но благородно поддерживалъ тотъ образъ своей жизни, къ которому привыкли его члены, и слѣдствіемъ этого было то, что безъ увеличенія поддержки, ему грозило растройство. Въ другихъ клубахъ произошелъ бы отъ этого громкій говоръ, но Англійскій клубъ не таковъ. Старшины предложили членамъ о необходимости при-

бавить за билеты, и въ средѣ общества почти не было объ этомъ разговора. И теперь ясно, что клубъ, благодаря щедрости своихъ членовъ, не упадетъ никогда, ибо ежели обстоятельства требуютъ снова прибавки за билеты, то эта прибавка не сомнѣнно будетъ сдѣлана.

Въ некоторые дни за обѣдомъ Англійскаго клуба подають необходимые урочныя блюда. Напримѣръ, на второй недѣль Великаго поста въ среду, всегда почти бываетъ такъ называемая большая стерляжья уха, которая, говорятъ, стоитъ клубу отъ пяти сотъ и до тысячи рублей серебромъ. Въ среду на Оминой недѣль, прихотливые члены Англійскаго клуба непременно требуютъ, чтобы былъ супъ *printanière* съ молодыми цыплятами. Въ первый обѣдъ послѣ Петрова дня неминуемо подается *Gigot de mouton*. Блины съ свѣжей икрой во время двухъ масляничныхъ обѣдовъ необходимы. Впрочемъ круглый годъ всякая *пёрвинка*, прежде всего является въ Англійскомъ клубѣ. Припасы, какъ я слышалъ, ставятся по подряду, и они превосходны, — вошли въ поговорку. Какой-нибудь лакомка покупаетъ жирную четверть телятины, какой-нибудь громадный филе или гигантскіе артишоки и спаржу, и находитъ ихъ еще неудовлетворительными для себя, торговецъ говоритъ ему: «Помилуйте-съ, да это хоть бы въ Англійскій клубъ, такъ въ пору». Какая-нибудь домовитая хозяйка, угощая своихъ гостей и потчужа вкусной водицей, получаетъ лестный отзывъ: «Питье такъ хорошо, что не уступаетъ водицамъ Англійскаго клуба» (*).

Но истинные гастрономы придерживаются пословицы: «Соловья баснями не кормятъ», требуютъ не словъ, а дѣла, не пустой славы, а питательнаго обѣда. Изъ всего, что я говорилъ выше объ Англійскомъ клубѣ, можно видѣть, что тамъ кормятъ хорошо, однако, признаюсь откровенно, я не совсемъ доволенъ кухмистеромъ этого мѣста, часто столы бывають исполнены съ неровностью: одно блюдо приготовлено превосходно, убрано такъ, что могло бы пародировать въ столовой, покойнаго обжорной памяти, Камбасереса, другое по своему вкусу и виду не могло бы занять мѣста и за обѣдомъ только что порядочнаго вѣдка. Потому не всѣ старшины Англійскаго клуба тонкіе знатоки въ искусствѣ кушать: многіе изъ нихъ составленіи

(*) Теперь ягодныя воды Англійскаго клуба, хотя и пользуются старинной славой, но не оправдываютъ ее такъ какъ прежде; со смертію славнаго по этой части Дудкина, они измѣнились.

карты доверяют повару, и иногда это меню бывает до того странно и пестро, что приводит истинного знатока в изумление. Например, нам случилось там встретить: кислая супочная щи, къ которымъ подаются пирожные стружки, и за этими щами является дикая коза, предшествующая матлоту изъ наливовъ, соусу суфле изъ рьпы, жаренымъ порослятамъ и гурьевской кашѣ. Щи съ пирожками воловаами, дикая коза, за которою будутъ подаваться жареные порослята! Гурьевская каша! этому перлу всѣхъ возможныхъ кашъ, этому капризу современнаго Лукулла, предшествуетъ суфле изъ рьпы!... Я бы, на мѣств Аэонасія, ни за что не взялся за поваренный ножъ, чтобъ готовить подобный обѣдъ, который также поражаетъ вкусъ любителя изящнаго, какъ поразила бы глазъ его картина, на которой бы какой нибудь маляръ написалъ рыбака, закинувшего удочку на другой берегъ рьки такъ, что между удой и лѣсой легко бы могла пройти барка, нагруженная стогомъ сьна. Можетъ быть, нѣкоторымъ моимъ читателямъ это сравненіе покажется страннымъ; но могу увѣрить ихъ, что настоящій гастрономъ отъ обѣда требуетъ такой же гармоніи и перспективы, какъ и истинный любитель изящнаго отъ всякаго художественнаго произведенія (*).

Но довольно говорить о столѣ, поговоримъ о самомъ клубѣ. Онъ мнѣ очень нравится своимъ аристократическимъ тономъ. Вы входите прекрасными сьнями въ офиціантскую; тихо, безъ суеты служитель снимаетъ съ васъ вашу шубу или шинель, беретъ вашу шляпу, и съ вѣжливымъ поклономъ отворяетъ дверь во внутреннія комнаты; вы вступаете въ рядъ прекрасно мебелированныхъ, ярко освѣщенныхъ, роскошныхъ залъ. Ежели вы прежде бывали въ другихъ клубахъ, васъ поражаетъ эта тишина, чинность, которая царствуетъ въ Англійскомъ; вы чувствуете, что вы находитесь въ хорошемъ, аристократическомъ кругу. Правда, и здѣсь вы иногда услышите гомерическій смѣхъ или громкій возгласъ; но не поражайтесь этими звуками, это какой нибудь Гоголевъ Бетрищевъ радуется остроумію своего собесѣдника или рассказываетъ свои воинскія похождения, храбрый воинъ, какъ вы видите, еще не отвыкшій отъ своихъ полевыхъ привычекъ. Но заглянемте въ inferнальную, — тамъ мертвое молчаніе, тамъ совершается что-то таинственное, ужасное, тамъ идетъ огромная игра. Вотъ два антагониста, два палочные героя привлекли къ себѣ общее вниманіе всѣхъ игроковъ; подлѣ нихъ сидятъ ихъ ассис-

(*) Теперь въ Англійскомъ клубѣ другой кухмистеръ.

стенты, ихъ дольщики; около обставился густой кружокъ зрителей: игра приняла громадныя размѣры, каждый поэтъ дошелъ до десяти рублей сереб. и теперь идетъ послѣдній, рѣшительный ударъ. Но вотъ infernalная пустыня; и мы отправляемся въ журнальную комнату. Какое богатство периодическихъ изданій. Иностранныя газеты всѣхъ политическихъ отбѣнокъ и всѣхъ форматовъ, многочисленное семейство разнородныхъ Revues, С.-Петербургскія ведомости, Пчелка, Инвалидъ, Московскія ведомости, Библиотека для Чтенія, Современникъ, Отечественныя записки, Москвитининъ и рядъ официальныхъ журналовъ разныхъ мѣстъ и ведомствъ мирно лежатъ другъ подле друга. Но читающихъ мало, а есть смотрящіе художественной листокъ Гима; Французскую, Нѣмецкую и Англійскую Иллюстраціи или the Punch или Dogbarbiere или Magasin pittoresque, иногда заглядываютъ въ музей естественныхъ наукъ. За этимъ периодическимъ изданіемъ я нашелъ громко-говорящаго генерала: онъ кому то доказывалъ, что помѣщенной рисунокъ арабской лошади представляеть скорѣе типъ Нормандскаго коня, чѣмъ Арабскаго скакуна. Посмотрите, сдѣлайте милость, провозглашалъ онъ какому-то толстому господину, вы сами заводчикъ, вы понимаете это дѣло, видали настоящихъ арабовъ не на картинкахъ, а въ натурѣ, развѣ эту длинную голову можетъ имѣть арабской конь, при построеніи этого рта у лошади не можетъ быть оскала, необходимаго для кровнаго восточнаго коня.... Я было, взявъ Journal des Débats, и покойно усѣвшись подле стола, хотѣлъ закурить сигару, но официантъ вѣжливо подошелъ ко мнѣ, и тихо, почти шопотомъ, доложилъ мнѣ, что здѣсь курить не дозволяется. Онъ показалъ мнѣ маленькой боковой кабинетъ, гдѣ я могъ сколько мнѣ угодно, курить, читать и лежать на мягкомъ, покойномъ диванѣ. Я тихо занялся сплетнями Французской журналистики, куда не доложили, что кушанье поставлено. Это было десять часовъ вечера. Я въ тотъ день плохо пообедалъ, аппетитъ мой былъ возбужденъ, и я отправился въ столовую. По моему выбору, меня угостили превосходной телячьей котлетой à la naturelle съ трюфелемъ, и жареной куропаткой съ салатомъ; въ добавокъ, я съѣлъ три пирожка, сдѣланные въ кондитерской Дубле, выпилъ полъ-бутылки стараго лафиту, и за все это заплатилъ два рубля девяносто копѣекъ серебромъ. У Шевалье или Мореля я бы не отдался такъ дешево. Поболтавъ съ своими знакомыми, наслушавшись съ три коробка вѣстей самыхъ неправдоподобныхъ, узнавъ обо всѣхъ новостяхъ Москвы, я отправился домой, будучи очень доволенъ своимъ вечеромъ.

Но я люблю посещать Английскій клубъ не зимой, а летомъ: его прекрасная терраса, выходящая въ садъ, отлогій съ нея сходъ и самой садъ, пропитанный ароматами левкоя, резеды, душистаго клевера, лотрису и мірабилиса, доставляютъ мнѣ превосходное наслажденіе; гуляя по тѣнистымъ дорожкамъ этого сада, я вполнѣ сознаю, что члены Английскаго клуба умѣютъ жить, и жить хорошо.

Прошлою зимою, утромъ часу въ десятомъ, когда я лишь только умылся и былъ занятъ отдышкою своихъ ногтей, ко мнѣ въ мою маленькую квартиру ввалился Озаревъ.

— Извини, душа моя, — сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку, — что я такъ рано прѣвхалъ къ тебѣ; боялся тебя не застать дома, а у меня до тебя просьба и пребольшая.

— Что тебѣ угодно, другъ мой? Ежели могу, то радъ слушать.

— Запиши меня завтра гостемъ въ Дворянскій клубъ.

— Изволь.

— Да пожалуйста отправляйся сегодня по раньше. Завтра уха, обѣдъ готовить новый поваръ, и вечеромъ цыгане.

Я по неволѣ поморщился—уха съ цыганами вмѣстѣ! да это надоно въ четыре часа отправляться въ клубъ, чтобъ захватить свободное мѣсто для записки гостя, и съ четырехъ часовъ до шести не вставать съ одного мѣста;—скука смертельная. Но я не могъ отказать Ивану Ивановичу, и далъ ему слово исполнить его желаніе.

— Однако, сказалъ я ему. — ты говоришь новый поваръ... Развѣ опять смѣнили, отказали преемнику добродушнаго и безтащаннаго Сергѣя?

Мнѣ сказывалъ Кумушкинтъ, что кухмистеръ, который смѣнилъ Сергѣя, еще болѣе своего предмѣстника, по своему искусству, походилъ на кухарку, и теперь взяли Барыковскаго Емельяна; пробный обѣдъ уже былъ, и всѣ остались довольны: но завтра, завтра, говорятъ, онъ далъ обѣщаніе превзойти и Шевалье и Бардена, я уже не говорю объ Аванасѣ и Порфирѣв. Душа моя, съвѣдай милость, похлопочи, чтобъ мнѣ попасть на это торжество кухоннаго искусства.

Я успокоилъ Ивана Ивановича, и онъ, предовольный, отправился къ Бабкову старшему (*), покупать только что привезенную вельму.

При основаніи Дворянскаго клуба, кухмистеромъ его былъ

(*) Извѣстный рыбный торговецъ.

знаменитый Власъ Осиповъ, о которомъ я говорилъ выше. Но Власъ былъ человекъ безграмотный; онъ не могъ идти современнымъ прогрессомъ онъ былъ только хорошимъ рутинистомъ и не слѣдилъ за развитіемъ гастрономіи; верхъ его кулинарнаго искусства было народное угощеніе: янтарная уха изъ стерлядей и жареная жирная телятина, вещи безспорно хорошія, но не удовлетворяющія лакомству современныхъ объѣдалъ. Общее мнѣніе членовъ клуба возстало противъ Власа, и его замѣнили Денисомъ Потемкинымъ, поваромъ Графа Бобринскаго, получившимъ свое окончательное образованіе въ Парижскомъ *Rocher de Cancale*. Переходъ былъ рзкокъ: Денисъ не могъ угодить своимъ тонкимъ, причудливымъ столомъ людямъ, привыкшимъ къ гомерическимъ блюдамъ русской кухни. Отъ него потребовали Власовскихъ кушаньевъ; воспитанникъ Парижскаго ресторатора сбился съ толку; самолюбіе его было оскорблено; онъ упалъ духомъ и, господъ членовъ, началъ кормить отвратительно. Чего было надобно ожидать давно, то и случилось: Денису отказали отъ мѣста. Я очень сожалѣлъ о немъ, — никто лучше его не умѣлъ готовить фрикасе изъ лягушекъ, карпа подъ пиканомъ или угря съ соусомъ *Ravigaut*.

Сергѣй, кухмистеръ Князя Гагарина, поступилъ на его мѣсто. Его добрая фнзіономія ясно говорила всѣмъ, что онъ готовъ отъ души услужить каждому, но отъ желанія до исполненія далеко. Сергѣй былъ бы прекраснымъ поваромъ у какого-нибудь хлѣбосольнаго барина, у котораго гости также не взыскательны, какъ онъ; но быть мастеромъ въ клубѣ, знать вкусъ и прихоти каждаго члена, умѣть съ равнымъ искусствомъ приготовить и батвинью съ осетриной для какого-нибудь степнаго помѣщика и бѣлоснежной маіонезъ съ разнообразнѣйшимъ мацедуаномъ для записнаго гастронома, — тутъ надобно умѣнье и тактъ. Присовокупите къ этому неисполнимые капризы какого нибудь Г. К***, вѣчныя жалобы Г***, что ему подали порцію хуже другихъ, или недовольство Г. М***, который, олицетворяя собою оскорбленное самолюбіе, десять лѣтъ добиваясь попасть въ очень лестное для него званіе старшины клуба, постоянно все осуждаетъ въ клубѣ; и вы поймете, что Сергѣй, при всемъ желаніи угодить, не могъ удержать своего почетнаго поста.

Послѣ него поступилъ поваръ, который такъ огорчилъ меня, накормивъ скверно, что я не взялъ даже на себя труда узнать, какъ зовутъ его, и въ полномъ смыслѣ не хотѣлъ знать его. И вотъ явился другой, Емельянъ, принадлежащій Г. Барыкову. Я не мнѣ Озарева желалъ познакомиться съ его искусствомъ.

Легко пообедав у Мореля, просмотревъ последний N Journal roug rige, я отправился въ Дворницкой клубъ. Было двадцать минутъ пятого, и я прїехалъ уже тридцать восьмымъ. Въ колонной залъ было поставлено пять столовъ; за каждымъ изъ нихъ могли только помѣститься десять человекъ; и только членъ, захватившій мѣсто за этими столами, могъ записать своего гостя. Бѣда тому неосторожному или безвѣчному, который, занявъ свободный стулъ, оставлялъ его хоть на двѣ минуты; другой немедленно садился на его мѣсто, и тотъ не имѣлъ права претендовать на похитителя. Я это зная твердо и для блага Озарева крѣпко держался на захваченной мною позиціи. А между тѣмъ, чтобъ не такъ скучать, я занялся чаемъ, который довольно порядочно подается въ клубъ. Записавши Ивана Ивановича, я увхалъ, чтобъ не знакомиться съ искусствомъ Емельяна за порціоннымъ ужиномъ. Мнѣ хотѣлось его видѣть во всей его славу.

На другой день, въ половинѣ третьяго, Озаревъ завхалъ за мной. Въ три часа мы явились въ клубъ. Въ половинѣ четвертаго, водка и закуска были поставлены въ гостивой (*). Разнообразіе закуски, превосходно составленныя тартины, фэршмаки, фаршированныя оливки и маринованныя угри уже ясно говорили объ искусствѣ новаго кухмистра. Я бѣжалъ отъ этихъ предательскихъ блюдъ, чтобъ не испортить аппетита, который берегъ для обѣда, и спѣшилъ съ Озаревымъ занять мѣсто на концѣ стола, — тамъ первому подаютъ блюдо.

Карта была составлена прекрасно: уха изъ стерлядей и кулебяка. Говядина пропущенная въ мадеръ съ аншпотами, спаржа, жаренныя куропатки и ряпчики и мороженое мозаикъ. Уха и кулебяка были такіе, что имъ позавидовалъ бы и покойный Влась; говядина была вкусная, мягкая, пухлая. Спаржа имѣла удовлетворительную полноту, а новаго роду сабайонъ, сдѣланный изъ укуса, параванскаго масла, сахару и малой дозы невареннаго желтка, показался мнѣ обьяденемъ. Жареное было румяно и сочно; мороженое разнообразно и маслянисто. И я не могъ не сознаться, что Емельянъ искусный артистъ.

Обѣды въ клубахъ, безъ вина, стоятъ рубль серебромъ; не правда ли, что это очень дешево, въ особенности сообразивъ, что вы угощаетесь въ роскошномъ помѣщеніи, при прекрасной серви-

(*) Обыкновенно, они подаются въ колонной; но въ этотъ день обѣдало двѣсти шестьдесятъ человекъ и эта зала была занята накрытыми столами.

ровкъ стола и опытной прислугѣ, что, къ вашему удовольствію, готовы не только гастрономическія наслажденія, но даже и умственныя? Въ дворянскомъ клубѣ, также какъ и въ Англійскомъ, выписывается значительное количество Русскихъ и иностранныхъ журналовъ и періодическихъ изданій. Сверхъ того, въ первомъ, т. е. въ Дворянскомъ клубѣ, находится прекрасная бібліотека; но о ней и бібліотекѣ Купеческаго собранія я буду говорить когда-нибудь въ другое время, а теперь, описавъ лучшіе два клуба въ Москвѣ, перехожу къ прочимъ общественнымъ заведеніямъ подобнаго рода.

Купеческое собраніе, или какъ его болѣе называютъ, купеческій клубъ, учреждено давно. Оно прежде помещалось на Ильинкѣ, подлѣ Биржи, во второмъ этажѣ того дома, гдѣ теперь находятся магазины Мещерскаго, Матѣе, Брюсельскій и проч. Когда-то, Купеческое собраніе отличалось своею чинностью; на его блестящихъ балахъ, танцующимъ кавалерамъ иначе не дозволялось быть какъ въ чулкахъ и башмакахъ; штатскіе же и купеческіе сынки были обязаны надѣвать бѣлые жилеты и такіе же галстуки. Сюда богатые маменьки Замоскворѣчья, Заяузья и прочихъ странъ Москвы, обитаемыхъ коммерческимъ людомъ, привозили своихъ дочекъ, одѣтыхъ въ издѣлія Лебуръ и Кашаева, обнизанныхъ жемчугами, завитыхъ брильянтами; искатели богатыхъ супружествъ шли толпою на эту ярмарку невѣсть.... Но наконецъ, навѣрное не знаю почему, а кажется по причинѣ незатруднительнаго доступа купеческаго сословія въ залы Благороднаго собранія, собраніе купеческое стало падать; оно уже было при концѣ своей погибели, какъ по предложенію одного изъ своихъ старшинъ и съ согласія членовъ, оно совершенно измѣнило свой характеръ, изъ собранія почти обратилось въ клубъ и свои чинныя балы замѣнило гульбными маскарадами, объявило претензію на гастрономію, и съ перемѣной квартиры, перемѣнило и повара.

Теперь на балы купеческаго собранія не допускаются кавалеры только въ пальто. Чулокъ, башмаковъ, бѣлыхъ жилетовъ и такихъ же галстуковъ нѣтъ и въ поминѣ. Самые балы даются рѣдко, и бываютъ совершенно безлюдны: ихъ замѣнили маскарады. До двухъ часовъ, въ этихъ маскарадахъ можно еще съ пріятностью провести время: но позже начинаются громкія оттычки шампанскаго, еще болѣе того громкія, и совершенно непринужденный безцеремонный говоръ и смѣхъ; люди пожилые или очень взыскательные уѣзжаютъ, а молодежь съ своими интимными, близкими къ нимъ масками остается допивывать ночь иногда до пяти часовъ утра.

Нельзя не отдать справедливости удобному помещению купеческого собрания (*) и роскошной его мебелировке. Очень хороша также терраса, на которой обзвдаютъ лѣтомъ, въ клубные дни. Опрятно содержимый, гнѣистый садъ, составляетъ также не послѣднее удовольствіе и удобство, особенно для лѣтнихъ маскарэдовъ, когда въ немъ играетъ полковая музыка, распѣваютъ полковые пѣсепники и при яркомъ освѣщеніи затѣйливой иллюминаціи, мелькаютъ пары, одушевленные интереснымъ разговоромъ, которой иногда они доканчиваютъ въ темныхъ углахъ сада, куда не проникаетъ свѣтъ шкалековъ и разноцвѣтныхъ фонарей.

Похваливъ въ этихъ отношеніяхъ купеческое собраніе, я не могу сказать много добраго объ его кухнѣ. Во главѣ ея долгое время стоялъ Порѣнрій, кухмистеръ Г. Секретарева. Многие восхищались искусствомъ этого повара, а я всегда находилъ, что онъ работаетъ болѣе для глазъ, чѣмъ для желудка. Щегольство уборки блюда не замѣнить его пріятнаго вкуса; дурная труфель не будетъ пріятна въ отъ того, что она проткнута шпажкой; ломтокъ осетрины толщиной чуть не въ почтовый листъ бумаги, хотя бы пересыпанный зеленью въ узоръ, не удовлетворитъ аппетиту и шестнадцати лѣтней двочки; миниатюрный окорокъ ветчины не будетъ отъ того жирнѣе, что его нога завернута въ золотистую бумагу; и давно миновалось то время, когда считалось великимъ достоинствомъ повара приготовить кушанье такъ, чтобы кушающій не могъ узнать, изъ чего оно состряпано. А все это водилось за нашимъ мастеромъ. Онъ теперь готовить въ благородномъ собраніи, это мѣсто по немъ: туда ѣздить не кушать, а повидаться съ знакомыми, поболтать съ умною маскою, или просто убить время въ пріятномъ кругу порядочныхъ людей.

Въ домъ же Благороднаго собранія, на Дмитровкѣ, помещается и Нѣмецкій клубъ. Прежде, двѣ этаго клуба шли блистательно, общество членовъ было прекрасное, не смотря на то, что управление его находилось въ рукахъ нѣмцевъ, по большой части, мастеровыхъ; тогда тамъ жилось богато, вѣлось хорошо, пилось еще лучше того, и безцеремонные балы и маскарэды нѣмецкаго клуба отличались веселостью и какою-то семейною приличностью. Но Русскіе пересорились съ иностранцами, отшатнулись отъ нихъ и съ разрѣшенія правительства завели свой, по сю пору благополучно процвѣтающій, Дворянскій клубъ. Это былъ первый ударъ и ударъ весьма чувст-

(*) Оно находится на Большой Дмитровкѣ, въ домъ Мятлева.

вительный; потому что лучшую часть, тратившую большее количество денег, составляли Русские; потомъ и самые Нѣмцы какъ то не могли расчитаться между собою, и въ сльдствіе этого многіе изъ нихъ перешли въ купеческое собраніе, а эти многіе были не простые ремесленники, а купцы, люди капитальные, и отбытіе ихъ причинило вторую потерю клуба, который теперь, почти утративъ свои капиталы, съ трудомъ поддерживаетъ свое существованіе, и главнымъ оборотомъ своимъ считаетъ лѣтнее время, когда онъ перѣзжаетъ въ воксалъ Петровскаго парка, и заманиваетъ къ себѣ многочисленную публику постороннихъ посѣтителей съ платою за входъ разнообразными увеселеніями, какъ то представленіями Раппо, Віоля, фейерверками, фокусниками, цыганами и тому подобными спекуляціями. (*) А потому, почтеннѣйшій любитель гастрономіи, не ищите здѣсь ни лакомага стола, ни ловкой прислуги, ну даже роскошнаго освѣщенія — это въ полной мѣрѣ мѣщанскій клубъ, гдѣ пьютъ болѣе очищеннаго, чѣмъ прочихъ винъ; болѣе употребляютъ пива, чѣмъ портера; гдѣ главнымъ фундаментомъ обѣдовъ и ужिनновъ служатъ говядина бульи и телячьи котлетки очень сомнительной бѣлизны, и часто приправленные перцомъ; гдѣ прислужники, подавая вамъ чай, вынимаютъ серебряную ложку изъ своего кармана, вѣроятно весьма засаленнаго объѣдкомъ какого нибудь жаркаго; въ клубъ у нѣмцевъ одна и таже салфетка подается три дня. За то обѣдъ изъ пяти блюдъ стоитъ шестьдесятъ копѣекъ и ить порцій кушанья дороже двадцати пяти копѣекъ серебромъ; а эта дешевизна для людей не очень разборчивыхъ значить очень много.

И наконецъ въ заключеніе моего сказанія о клубахъ, я долженъ упомянуть о Казино. Оно находится у Мясницкихъ воротъ, въ домѣ Застѣцкаго. Основано богатыми иностранными негоціантами, имѣетъ очень небольшое число членовъ, содержится съ удивительною опрятностью, отличается какою-то особенною тишиною, и имѣетъ особенной характеръ семейности; кушанье, всегда прекрасно приготовленное, получаетъ изъ кухни гостинницы Берляинъ, которая помѣщается съ нимъ въ одномъ домѣ, въ особенности тамъ рекомендуютъ телятину *à la fricando*.

Кстати о нашихъ гостинницахъ, трактирахъ и ресторацияхъ. Врядъ ли въ Москвѣ не они болѣе всего должны обратить на себя вниманіе любителя покушать: и кто посвятилъ себя на службу румяному Кому, для подвиговъ того они представляютъ безконечное поприще. Говорить о каждой изъ нихъ у меня не достанетъ ни

(*) Нынешнее лѣто и этого переселенія не было.

мѣста ни времени. Ограничусь представленіемъ характеристики только изъ ихъ лучшихъ или типическихъ.

Они очевидно раздѣляются на два разряда: на гостинницы и ресторации, иностранныя и русскіе трактиры. Многія изъ первыхъ впрочемъ, по большой части, заведенныя чужеземцами, содержатся русскими; вторыя, всѣ безъ изыатія, имѣютъ хозяевъ, природныхъ нашихъ соотечественниковъ.

Такъ какъ въ настоящую мою статью не входитъ разсмотрѣніе большаго или меньшаго комфорта для пріѣзжающихъ въ каждой гостинницѣ, а только разборъ ихъ кухонной производительности и удобства мѣстныхъ потребителей, то, ограничиваясь этою точкою воззрѣнія, я долженъ поставить во главѣ всѣхъ, въ первомъ классѣ, заведеніе Шевалье.

Шевалье, какъ поваръ, есть достойный ученикъ и представитель въ Москвѣ Каремовской школы, которая кулинарное искусство поставила на ту блистательную степень, до которой оно достигло въ наше время. Вы всегда найдете у Шевалье разнообразный и обильный столъ, по картѣ. Правда, вы заплатите ему дороже, чѣмъ въ другихъ ресторацияхъ, но ежели вы ѣдете для того, чтобъ только наѣсться, а не кушаете для того, чтобы съ удовольствіемъ аппетита наслаждаться удовольствіемъ лакомства,—то не ходите къ Шевалье: для васъ будутъ сносны и жесткія рубленныя котлеты Шевалдышева, и ботвинья съ крѣпко посоленной рыбой Егорова, даже не много ржавая ветчина, подающаяся въ галлерей Александровскаго сада. Ежели же вы, съ первою ложкою супа, можете достойно оцѣнить художника повара; ежели хотя немного передержанный кусокъ бѣштекса оставляетъ въ васъ непріятное впечатлѣніе; ежели вы до того тонкій знатокъ, что по близкѣ мяса можете отличить то мѣсто, гдѣ леталъ до роковой дробы предлагаемой вамъ зажареной рябчикъ; ежели вы не ошибетесь во вкусъ животрепещущей стерляди отъ заснувшей назадъ тому десять минутъ; то ступайте, ради вашего удовольствія, ступайте къ Шевалье, и ежели хотите совершенно насладиться пріятнымъ обѣдомъ, то, пригласивъ съ собой челоуѣкъ пять товарищей, накануне закажите обѣдъ, предоставивъ составленіе карты самому ресторатору, и не поскупитесь заплатить по шести рублей серебромъ съ персоны. О, тогда васъ такъ накормятъ, что вы долго, долго не забудете этого праздника вашего желудка. Еще мимоходомъ позвольте, добрый мой читатель, дать вамъ совѣтъ. Когда вы вздумаете угостить своихъ друзей и пріятелей, не садитесь за столъ болѣе двѣнадцати челоуѣкъ, и не

велите готовить менье, какъ на шестерыхъ, хотя бы васъ было двое,—иначе артиста повара вы поставите въ затруднительное положение: однимъ болѣе—онъ не будетъ въ состоянн такъ отчетливо убраться блюда; — однимъ менье—у него не достанетъ питательнаго элемента для нѣкоторыхъ соусовъ. Я это слышалъ отъ опытнйшихъ объедалъ и знаю самъ по опыту.

И такъ я предполагаю, любезный читатель, что вы послушались меня, въ числѣ не менѣе шести собесѣдниковъ, отправились въ Газетный переулокъ, къ знаменитому Московскому ресторатеру, кушать наканунѣ заказанный обѣдъ по шести рублей съ персоны, безъ вина, и я отъ души желаю, чтобъ Шевалье подалъ вамъ тотъ же обѣдъ, которымъ онъ угощалъ меня года два тому назадъ. Вотъ какъ была составлена карта этого знаменитаго вира.

Hotz d'oeuvres или закуска:

Сыръ изъ Бри.

Сардины.

Копченый языкъ оленя.

Самый обѣдъ состоялъ изъ слѣдующихъ блюдъ:

Супъ раковый бискъ съ двумя сортами пирошковъ, растегаи съ вязыгой и фаршемъ и слоеные витушки съ кшелю.

Говажій филе съ густымъ соусомъ, пюре изъ каштановъ и аншпотовъ, изъ сельдерея, петрушки и брунколи, фаршированной *aux fines herbes*.

Провансаль изъ судака (это блюдо верхъ искусства талантливаго Шевалье).

Пулярды *virgête*, прошипованныя, надушенныя, засыпанныя трупелемъ.

Цвѣтная капуста, бѣлая какъ снѣгъ, поданная по-польски съ распущеннымъ сливочнымъ масломъ и сухарями.

Жареные бекасы, съ салатомъ изъ сердечекъ маринованныхъ эртишоковъ, приготовленныхъ въ прованскомъ маслѣ и дижонской горчяцы.

Мацедуанъ изъ аванасовъ, персиковъ, мексикаиской земляники, абрикосовъ и дыни канталупы, залитыхъ сиропомъ, въ которомъ было очень чувствительно присутствие заграничнаго мараскина, старой густой малаги.

Десертъ состоялъ изъ громаднаго арбуза, шпанскихъ вишенъ, вазы разныхъ ореховъ, перемѣшанныхъ съ кувшиннымъ изюмомъ и сушеными французскими сливами, да изъ сыру пармезану, честерскаго и швейцарскаго.

Я увѣренъ, что этимъ столомъ, при орошеніи его надлежащимъ количествомъ хорошаго вина, самый взыскательный гастрономъ будетъ доволенъ.

Да, я не лишнимъ считаю присовокупить, что въ Москвѣ многіе любятъ не дурно выпить, но рѣдко умѣютъ кто нибудь пить, какъ слѣдуетъ, то-есть, съ толкомъ и со вкусомъ.

Вотъ наставленіе одного моего хорошаго знакомаго, какъ употреблять напитки за хорошимъ столомъ.

Никогда не пейте водки передъ началомъ обѣда болѣе одной рюмки. Если вы записной питухъ, то вамъ дозволяется выпить двѣ,—большая порція уже попортитъ вашъ аппетитъ. Водку пейте, какъя вамъ нравится, но лучше всего, ежелибъ вы употребляли очищенное пивное вино, прогнатоое сквозь уголь. Оно, возбуждая аппетитъ не оставляетъ никакого вкуса на языкѣ, а напротивъ очищаетъ его ото всякихъ слизей.

За обѣдомъ, послѣ горячаго, непременно надобно выпить рюмку хорошей мадеры или хересу, или портвейну, однимъ словомъ—какого нибудь капитальнаго вина, потому что, по пословицѣ, «первой кусокъ разбойникъ» и его вліяніе непременно надобно какъ можно скорѣе уничтожить, чтобъ это начальное блюдо не вредило вашему аппетиту къ принятію другихъ. Послѣ перваго холоднаго, для утоленія возникающей уже жажды вы нальете первый стаканъ добраго бордо; ежели это лафитъ,—велите его легонько подогрѣть; ежели сотерилъ, кушайте его такъ, какъ онъ вышелъ изъ погреба. Бургонскаго можете выпить стаканъ передъ послѣднимъ соусомъ. Послѣ того пропустите средне-обѣденную рюмку крѣпкаго напитка,—для этаго можетъ служить или старое кипрское вино, или достопочтенное венгерское, или, наконецъ, маленькая рюмочка коньяку или бѣлаго рому. Послѣ послѣдняго соуса, выполощите ротъ стаканомъ стараго рейнъ-вейна, и шампанское, поданное вслѣдъ за жаркимъ, покажется вамъ гораздо лучше. Послѣ десерта, передъ кофеемъ, пьютъ, обыкновенно, послѣднюю капитальную рюмку, — для этаго лучше всего служатъ ликеры, а натуры не очень крѣпкія, которыя въ продолженіе обѣда и такъ уже порядочно отуманились, употребляютъ малагу, бшшовъ, густой токай, люнель, веннъ де паль и тому подобныя, такъ называемыя, дамскія вина.

Конечно, это все сказано для истинныхъ гастрономовъ, а не для полюбныхъ тому господину, какого я разъ встрѣтилъ у Бардена; это было, кажется, тому назадъ зимы двѣ, еще до пожара большаго Петровскаго театра, (вотъ видите ли, любезный читатель,

я, какъ истинный москвичъ, считаю время особенными эпохами, по произшествіямъ, только имѣвшимъ вліяніе на жителей Москвы), и такъ это было тому назадъ зимы двѣ. Давали какой то балетъ и безтолковый водевиль; спектакль кончился поздно: мнѣ не хотѣлось ѣхать въ клубъ, чтобъ не попасть съ кѣмъ нибудь въ партію ералаша, чтобъ не засидѣться до двухъ часовъ ночи, и я отправился поужинать въ нашъ Rocher de Cancale. Посѣтителей было много, и я нашелъ только одно свободное мѣсто за угольнымъ столикомъ на право; но и тутъ уже сидѣлъ какой то господинъ, отмѣнно чисто выбритой, съ старомоднымъ завитымъ кокомъ изъ волосъ на верхушкѣ лба, въ черномъ галстукѣ, шамотанномъ на огромнѣйшее жабо, по видимому, современномъ эпохѣ двѣнадцатаго года, въ курьезной желеткѣ цвѣта хамелеонъ, въ широкомъ скюртукѣ посоваго колорита, и очень узкихъ брюкахъ, сшитыхъ изъ чернаго трико. Этотъ господинъ очень бы походилъ на провинціала, ежелибъ на рукахъ его блеснули брильянтовые перстни, на груди красовался бисерный шнурочекъ, работа какихъ нибудь прекрасныхъ ручекъ, или хоть гдѣ нибудь была воткнута стрізовая или сентиментально-эмблематическая булавочка; но всего этого не было на господинѣ, который, по важности своихъ манеръ, по тону глубокомыслия, съ которымъ онъ читалъ карту кушаньевъ на французскомъ языкѣ, не могъ принадлежать и къ міру чиновниковъ. Скорѣе всего это былъ достопочтеннѣйшій педагогъ, рѣшившійся окончить день своего тихаго кутежа ужиномъ во французской рестораціи. Но проклятая номенклатура карты, номенклатура для него совершенно не извѣстная, по видимому, страшнымъ образомъ сбивала его и ставила въ неспрiятное положеніе нерѣшительности.

Мой приходъ вывелъ его изъ недоумвнiя; я велѣлъ подать себѣ рюмку джину, полъ-порціи разныхъ шарктери, почекъ въ мадерѣ, котлетку съ трюфелями въ папильоткѣ, салатъ изъ ершей и бутылку шабли. Мой ви-за-ви повторилъ тоже приказаніе, — только шабли замѣнилъ марсалай. Тутъ я окончательно увѣрился, что это долженъ быть учитель, пить марсала! — кому это придется въ голову, кромѣ педагога или ревностнаго агронома, которые, погруженные въ свои занятія, могутъ и привыкають глотать это отравительное вино?

Съ перваго блюда я примѣтилъ, что мой сосѣдъ поступаетъ съ кушаньемъ точно также, какъ и я, и не отступно держится моего примѣра. Я къ шаркютери сдѣлалъ соусъ тартаръ, и онъ сочинилъ точъ въ точъ такой же. Я къ почкамъ потребовалъ каену

я оиъ насыпалъ къ себѣ въ тарелку этого жгучаго нектара мексиканцевъ, но слишкомъ много... преуморительно морщился оиъ отъ этого перца и сдалъ тарелку, не докушавъ порціи. Послѣ втораго блюда, въ ожиданіи котлеты въ папильоткѣ, я занялся чтеніемъ Русскаго Иивалида и не обращалъ уже вниманія на сосѣда. Я до того занялся описаніемъ подвиговъ нашихъ кавказскихъ героевъ, что не цривмтилъ и прекрасной котлеты, поставленной передо мной, которой судьба угрожала застынуть, и вмѣсто лакомаго куска обратиться въ отвратительное съдобье,—какъ вдругъ я былъ пораженъ всеобщимъ хохотомъ посѣтителей. Я оглянулся назадъ и увидѣлъ, что всѣ взоры устремлены на нашъ столъ,—посмотрѣвъ на моего сосѣда и увидавъ, что чудакъ давится кускомъ котлеты, которую оиъ, при помощи марсала, усиливается проглотить вмѣствъ съ бумагой. Чтобъ вывести его изъ затрудненія, я проворно развернулъ свою котлету и началъ ее вѣтъ; тотъ, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на меня, началъ поступать также, какъ я, и торопился допить свое вино. Сконфуженный господинъ не сталъ дожидаться салату изъ ершей и вышелъ изъ залы.

Я уже говорилъ выше, что Барденъ славится своимъ кофеемъ; но сверхъ этого и очень вкуснаго стола по картъ вы найдете у него всѣ колбасныя произведенія и гастрономическіе товары, однако гораздо худшаго достоинства, чѣмъ у Монигетти и Шевалье, хотя за ту же самую высокую цѣну. Я рекомендую въ этомъ отношеніи Девильера, преемника торговли г-жи Маттернъ.

Когда то леть тому десять назадъ я обѣдывалъ у г-жи Маттернъ. Вотъ кормила, что называется, и дешево и сердито, и на самомъ дѣлѣ опровергала ложное мнѣніе. будто не возможно быть сытымъ послѣ нѣмецкаго стола. Посудите сами, каковъ долженъ быть же-лудокъ, чтобъ переварить слѣдующій обѣдъ. Биръ-супъ съ клецками и жирнымъ филе; ветчина, снятая съ костей, и сосиски подъ шу-крутъ; телячьи головки съ изюмомъ и черносливомъ; жареное вымя съ салатомъ изъ вишенъ въ уксусъ, поданныхъ въ протертыхъ со-леныхъ сливахъ; слоеный пирогъ съ начинкой изъ миндальнаго патъ вмѣсто варенья. Не правда ли, очень сытно?—а между прочимъ это все кушанье чистой нѣмецкой кухни. А какими г-жа Маттернъ кормила свинными котлетками, такихъ, кажется мнѣ, уже никогда и не вѣдать.

Впрочемъ одна ли Маттернъ блистала на куливарномъ по-прищѣ лакомой Москвы? Кто не поминтъ знаменитаго Яра съ его супомъ à la tortue изъ телячьей головки, который нисколько не

уступалъ вкусомъ настоящему черепаховому, — съ его биѣстексомъ, съ трюфелями, съ его куропатками жареными en Perigord, въ которыхъ опять трюфель было болѣе, чѣмъ мяса, — съ его цыплятами въ Январѣ мѣсяцѣ, съ свежими бобами, — съ его кропадинами изъ молодыхъ тетеревовъ, паровыми лещами и наконецъ съ его матлотомъ изъ стерлядей? Многіе еще не забыли стараго Ледюка, продавца разнородныхъ пероговъ, а память Шора, Копа и Лейба, первыхъ содержателей общаго стола, будетъ незабвенна для всѣхъ, кто любилъ покушать хорошо и въ хорошемъ обществѣ. У этихъ людей были настоящіе общіе столы; въ назначенный часъ, по большей части въ четыре часа, сходились привычные почитатели обоеихъ половъ; тутъ были и молодые аристократы, и пожилые гувернеры, и бездомовные холостяки, и зажиточные иностранцы, и учителя музыки, (у Копа, обыкновенно, всякій почти день обѣдывалъ знаменитый Фильдъ), и артисты тогдашней Итальянской оперы, которая давала свои представленія на Апраксинскомъ театрѣ, гдѣ нынѣ Александрійскій Корпусъ, и художницы модъ съ Кузнецкаго моста, и молодыя иностранки, прекрасныя какъ Лансы, умныя какъ Аспази. Какъ только часы били четыре, горячее ставили на столъ, во главѣ котораго садился самъ содержатель гостинницы, всегда одѣтый въ черный фракъ, — манжеты его сорочки, безукоризненной бѣлизны, были отлично накрахмалены, весь костюмъ его, вся приличная особа вселяла къ нему должное уваженіе. Обѣдъ состоялъ, обыкновенно, изъ пяти блюдъ, напримѣръ: супъ au potage, съ кислыми пирожками; говядина подъ названіемъ boeuf à la mode; рѣпа, фаршированная рисомъ и облитая сабеномъ; жареная телятина и какой нибудь кремъ. Обѣдъ стоилъ на тогдашнія деньги два рубля съ полтиной ассигнаціями, или на нынѣшнее серебро семдесятъ пять копѣекъ. Конечно, дешевле этого мудрено прилично накормить порядочнаго человѣка; но выручка содержателя общаго стола заключалась не въ обѣдъ, а въ количество выпитаго вина, съ котораго онъ получалъ чистаго барыша 25% на 100. А тогда пили много, и впались до того, что, кто хотѣлъ хотя сколько нибудь отуманиться винными парами, тотъ прибѣгалъ къ жонкѣ, вареніемъ которой въ особенности славился Фильдъ. Вотъ его рецептъ для составленія этой ромовой амброзіи, переданный мнѣ однимъ изъ его учениковъ. Въ чистую кастрюлю, вылить бутылку рома; положить на нее проволочную сѣтку: на эту сѣтку кладется одинъ фунтъ съ четверкой чистаго сахара рафинада, разбитаго въ крупныя куски; ромъ зажигается и производитъ таеніе сахара, ко-

торый съ сѣтки каплетъ въ кастрюлю; при этомъ процессъ, варящій жжонку долженъ часто, серебряной разливной ложкой, мѣшать въ кастрюль, стараясь, чтобъ жженный сахаръ равно распустился по всей влагѣ, и не съѣлъ на дно, какъ это часто случается: когда сахаръ почти совершенно растаетъ, опускаютъ въ кастрюлю пять или шесть ломтиковъ ананасу, варенаго въ сахаръ; и потомъ, когда таянiе сахара окончится совершенно, сѣтку снимаютъ, въ пылающую еще влагу вливаютъ немного побольше полубутылки лафиту, потомъ, чтобъ совершенно заглушить огонь, кастрюлю закрываютъ или крышей или тарелкой. Многiе лафитъ замѣняютъ шампанскимъ; но это прилично лишь купеческимъ сынкамъ, которые вгристое Ау предпочитаютъ всему, не соображая, что въ соединенiи съ горячимъ ромомъ оно производитъ только кислоту, тогда какъ лафитъ даетъ ту неуловимую бархатность вкуса, какалъ подобаетъ хорошо сваренной жжонкѣ.

И нынѣ у насъ есть и общiе столы и кофейня на манеръ той, какалъ была заведена Ледюкомъ, но это совершенно не то, что было прежде. Однако для полноты нашего обзорнiя мы должны говорить и объ нихъ. Начнемъ съ кофейной, кажется, теперь содержателя Рюмина. Это давнишнее заведенiе, перешедшее на нашей памяти уже въ третьи руки, находится все на одномъ и томъ же мѣстѣ—противъ присутственныхъ мѣстъ, въ домъ Карновича, что прежде былъ Курманалъевой. Кофейня эта, какъ помнится мнѣ, основана Божановымъ, дочь котораго была замужемъ за нашимъ известнымъ трагикомъ Павломъ Степановичемъ Мочаловымъ. Часто покойный Мочаловъ послѣ репетицiи или послѣ спектакля приходилъ въ кофейню своего тестя, и около великаго актера толпились его товарищи и почитатели его таланта; сюда начали часто заглядывать многiе наши театральные артисты—М. С. Щепкинъ, А. А. Бантышевъ, В. И. Живокини, Д. Т. Левскiй; позже когда уже кофейня перешла изъ рукъ Божанова къ купцу Печкину, тутъ бывали Самаринъ, Максимовъ, Богдановъ, Шумскiй, который тогда только начиналъ свое театральное поприще, покойный Козловскiй; сюда приходили тогдашнiе театралы и критики, Межевичъ, Блинскiй, П. И. Артемовъ, уже отшедшiе съ литературнаго поприща въ могилу; тутъ также присутствовали К—ръ, братья Г—вы, Не—въ, К—ни, Ру—е, Ку—цкiй; А. Гр—въ, Ба—скiй, Г***, В—скiй и другiе дѣятели нашей драматической, беллетрической и критической литературы. Задумевны, веселы были бесѣды молодыхъ людей: не рѣдко, подъ градомъ острыхъ шутокъ, блестящихъ каламбуровъ,

оттыкалась пробка бутылки шампанскаго и ртзвое Лу пвпилось через край, какъ веселые пирующие; часто споры разгарались сильно, но никогда не обращались въ ссоры, ихъ прерывала или удачно сказанная острота или звуки фортепяня, за которыя обыкновенно садилась или Д—къ или незабвенный Варламовъ. Эта пріятная беседа происходила, обыкновенно, въ двухъ боковыхъ комнатахъ, куда рѣдко заглядывали лица, не принадлежавшія къ этому литературно-театральному кружку. Иногда, веселые пріатели заказывали обѣдъ по подпискѣ. Щ—въ покупалъ на общія деньги рыбу; и вкусный обѣдъ съ превосходной стерляжьей ухой и съ прочими лакомыми блюдами услаждалъ вкусъ пирующихъ: тогда эти двѣ маленькія комнаты, которыми они и въ обыкновенное время завладѣвали исключительно, окончательно запирались для прочихъ посѣтителей, которые по звукамъ музыки, по громкому говору и еще большему смѣху догадывались, что жрецы Аполлона, Гадін и Мельпомены пируютъ на славу.

Но сверхъ этихъ членовъ боковыхъ комнатъ, кофейня имѣла своихъ обыкновенныхъ, каждодневныхъ гостей. Это были любители бильярда, шашечной игры (въ которой отличался покойный непобѣдимый Селезневъ, когда то богатый купецъ, а въ то время бѣдный Московскій мѣщанинъ) и цѣлая толпа аферистовъ, закладчиковъ, процентщиковъ, хадатаевъ по дѣламъ, и мелкое чиновничество изъ каццеларій присутственныхъ мѣстъ. Теперь, увы! литераторы разсѣялись, актеры болѣе не собираются въ кофейню, остался только незанимательный и довольно грязный людъ прочихъ ея посѣтителей.

Общія столы, какъ гласятъ вывѣски, находятся въ заведеніяхъ Мореля и Печкина, но это совершенно не тѣ общія столы, какіе бывали прежде,—это просто тоже, что и всѣ современныя ресторации и трактиры, и въ добавокъ ресторации гораздо худшія чѣмъ другія. Я у Мореля обѣдалъ по картѣ. Только одинъ разъ спросилъ самыхъ обыкновенныхъ вещей и мнѣ подали неудовлетворительно—да оно и понятно; Морель вѣчно озабоченъ перестройками, учрежденіемъ тиволи, эрмитажей и прочихъ гуляній; и ему, по видимому, нѣкогда заглянуть на кухню, а безъ хозяина известное дѣло—товаръ сирота! Но что хорошаго есть въ этомъ Table d'hôte, такъ это бильярдъ, и онъ привлекаетъ сюда многихъ любителей этой игры, мы слышали, что будто бы на этомъ бильярдѣ иногда выигрываютъ и проигрываютъ довольно значительныя куши.

Общій столъ Печкина—это не что иное, какъ Русскій трактиръ втораго сорта, въ которомъ прислуживаютъ, вмѣсто половыхъ,

одвтыхъ въ чистыя бѣлыя рубашки, не бритые официанты въ сальныхъ фракахъ. Но, не смотря на эту плохую представительность заведенія, на не затѣливую его кухню, этотъ общій столъ, какъ и сосѣдній, такъ называемый «надъ желѣзнымъ» (*) трактиръ того же Печкина имѣетъ достаточное количество посѣтителей, благодаря близости присутственныхъ мѣстъ и экзерциць-гауза. Чиновники, послѣ своихъ служебныхъ занятій возвращаясь домой, одни, или съ просителями заходятъ въ свою любимую ресторацію,—въ первомъ случаѣ, они только выпиваютъ водки и отправляются по домамъ, въ послѣднемъ случаѣ, они остаются обѣдать въ своемъ любезномъ заведеніи, кушаютъ и не нахвалятся супа изъ курицы, свареннаго чуть ли не вчера, рубленыхъ котлетъ, въ которыхъ для мягкости припущено бѣлаго хлѣба, какихъ нибудь овощей подъ сабаіономъ сдвланнымъ на желткъ сомнительной свѣжести, и желе такой упругости, что его съ трудомъ отковырнешь отъ формы. Впрочемъ, иногда эти господа заказываютъ себѣ уху изъ стерлядей, которая бываетъ вездѣ хороша, ежели въ ней варилась живая стерлядь, котлетку *натюрель* съ зеленымъ горошкомъ, также блюда въ заготовкѣ не мудреое, и жаренаго каплуна, котораго впрочемъ всегда имъ подадутъ сильно пережаренаго. При подобномъ столѣ, обыкновенно, рѣчь идетъ не о томъ, что выпито, а о томъ, сколько выпито: и эта численность потребленныхъ напитковъ бываетъ громадная.

Впрочемъ не изо всехъ канцелярій столоначальники и ихъ помощники являются къ Печкину; нѣкоторые изъ нихъ всегдашніе гости Егоровскаго трактира.

За то всегда, когда мнѣ захочется хорошо и плотно поѣсть, я съ удовольствіемъ пойду въ Ново-троицкій трактиръ содержателя Морозова. въ это съвѣстное Русское заведеніе, лучшее въ цѣлой Россіи. Давно, очень давно этотъ трактиръ существуетъ въ домѣ Троицкаго подворья на Ильинкѣ. Я его помню, когда онъ находился подъ управленіемъ Корчажкина и Бубнова,—къ Морозову онъ перешелъ отъ послѣдняго. Мѣнялись его хозяева, прикащики; но поварь, маркитантъ (**) и прислужники оставались тѣже, а по этому не измѣнились и кушанья въ этой рестораціи и круглая угольная зала. Я замѣтилъ, что сюда подаютъ порціи лучше, чѣмъ въ другія комнаты, и, обыкновенно, ежели посѣщаю Новотроицкій, то обѣдаю

(*) Нынѣ Московскій

и(**) Въ троицкомъ трактирѣ кухарь, занимающійся печеніемъ пироговъ, кромѣ кулебякъ, блиновъ, растегаевъ, и приготовленіемъ въ прогъ соленой рыбы, называется маркитантомъ; онъ также варитъ шоколадъ и кофе.

или завтракаю въ этой залѣ. Рекомендую всѣмъ и каждому старому Данилу, полового, которой съ малолѣтства служить здѣсь. Если вамъ, любезный читатель, хочется очень хорошо покушать, то прикажите Данилу позвать къ себѣ повара, чтобъ потолковать о нашемъ обѣдѣ. Передъ вами явится человекъ съ добродушною широкою физиономіею, съ брюшкомъ достопочтенной толщины, одѣтый въ бѣлую куртку и такой же поварской беретъ.—это кухмистеръ троицкаго трактира, знаменитый Николай Савельевичъ: (*) онъ вамъ скажетъ, какая у нихъ есть стѣнно хорошая провизія, и подастъ вамъ изъ пяти блюдъ такой столъ, что вамъ надобно будетъ имѣть прожорливость Милона Кротонскаго, чтобъ уничтожить эти пять порцій. Впрочемъ, въ Троицкомъ трактирѣ, и не вызывая Николая Савельевича, вы можете быть увѣрены, что найдете въ постный день отменный раковой супъ, съ круглымъ пирогомъ растегаемъ изъ вязиги и разныхъ кашъ, огромныхъ оставшевскихъ раковъ и всегда сборный борщъ, лучше котораго я не ѣдалъ только у моего безподобнаго Ивана Ивановича Озарева; суточные щи съ кашками, которыхъ бы объѣлись достопочтенные наши предки, старинные бояре; разварнаго поросенка подъ хренкомъ, блага какъ кипень, жареную телятину, называемую у кухмистеровъ банкетной; отличную ботвинью съ превосходной рыбой; зимой навагу, которая выросла чуть не въ шуку; разварную лососину подъ соусомъ изъ горчицы, и такую духовую говядину, какую вы только можете найти въ одномъ Лондонѣ.

Однако не одинъ Троицкій трактиръ изъ Русскихъ трактировъ славится въ Москвѣ. Пѣвческій, находящійся внутри рядовъ, чуть ли не перещеголяетъ его рыбой. Ресторация на Варваркѣ, тоже когда то бывшая Морозова, славится своимъ чаемъ, калей, балыками и отличной икрой. Говорятъ, тамъ есть одна комната, посещаемая раскольниками, гдѣ не дозволяютъ курить табакъ. А грязное заведеніе въ Охотномъ ряду, бывшее пресловутаго Вороны, отобьетъ у всѣхъ пальму первенства въ пирогахъ и блинахъ. Разъ въ этомъ бывшемъ Вороновскомъ трактирѣ, я, наѣвшись блиновъ съ зернистой икрой, ужасно захотѣлъ пить, велѣлъ подать себѣ квасу, кислыхъ щей или лимонаду. Последняго не оказалось, и половой принесъ мнѣ кружку брусничной водички, очень вкусной. Потомъ при расчетѣ онъ не положилъ за нее ни копейки. Когда

(*) Нить; увы! Николай Савельевичъ уже не кухмистерствуетъ въ Троицкомъ трактирѣ.

я это замѣтилъ ему, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Помилуйте съ. у насъ питье подается въ удовольствіе посятителей безденежно.» Очень любезно — подумалъ я и вышелъ изъ трактира съ ужасной головною болью, — во всемъ заведеніи преотвратительно воняло масломъ отъ жаренья пироговъ и печенья блиновъ.

До сихъ поръ я говорилъ о мѣстахъ, посѣщаемыхъ, болѣе или менѣе порядочными людьми; но простонародный людъ, даже эти поддонки общества многолюднаго города, — развѣ они не имѣютъ своихъ убѣжищъ, гдѣ могутъ, не боясь осужденія и насмѣшки, по своему пить и ѣсть и совершать свои оргіи въ самыхъ грубыхъ формахъ? — Нѣтъ, для нихъ еще болѣе устроено этихъ разорительныхъ заведеній, чѣмъ для насъ. Мнѣ хотѣлось вполнѣ разсмотрѣть, какъ Москва кушаетъ во всѣхъ ея сословіяхъ; и, ежели вамъ не надовло, любезный читатель, моя болтовня, то я готовъ съ вами подѣлиться моими наблюденіями.

Вообразите, что вы со мною отправляетесь бродить по Москвѣ, и мы съ вами заходимъ въ разные трактиры, рестораціи и харчевни. Разумѣется, мы зайдемъ только въ тѣ, которые чѣмъ нибудь примѣчательны. а на другія мы взглянемъ только мимоходомъ.

Вотъ я веду васъ въ первый трактиръ подъ названіемъ Великобританія, на углу Неглинной улицы, — входъ въ него противъ экзерцизъ-гауза. Онъ прежде славился великолѣпной машиной — органъ заграничнаго издѣлія. Эта машина сначала имѣла только три вала, но потомъ здѣшніе мастера Бругеръ и Фуртвенглеръ придѣлали къ ней еще нѣсколько валовъ. Въ особенности были хорошо поставлены увертюра изъ Вельгельма Телля, Россини и вальсъ съ аріей заклатія изъ Мейербееровскаго Робера Дьявола. Покуда по распоряженію правительства не были запечатаны въ Москвѣ по всемѣстно подобныя машины, Великобританія Грабостова имѣла многочисленныхъ посятителей; теперь ея обычными гостями небогатые студенты, которые заходятъ сюда смиренно обѣдать между лекціями профессоровъ, и уроками, которые они даютъ во всѣхъ концахъ Москвы за ничтожную плату, и которые для многихъ изъ нихъ составляютъ единственное средство существованія. Это трудолюбивое юношество очень тихо кушаетъ жесткій бифштексъ, пироги съ немногимъ прогорклымъ масломъ или красноватую жареную телятину съ красною капустою, обильно орашенною пивнымъ уксусомъ. Студентъ, торопясь на кондиціи (*), тогда только начинаетъ сердиться

(*) Такъ они называютъ уроки, которые по билетамъ или по мѣсячно даютъ своимъ ученикамъ.

на подоваго, когда онъ не скоро подасть ему Стверную пчелу, Русскій инвалидъ, Библіотеку для чтенія или какой либо другой журналъ, который онъ привыкъ читать передъ своимъ умврненнымъ обѣдомъ, да иногда сердито взглядываетъ изъ подлобья, когда среди чтенія беспокоятъ его летящія изъ сосѣдней залы громкіе возгласы бильярдныхъ игроковъ. Но пойдѣте дагѣе.

Остановимтесь передъ рестораціей у Никитскихъ воротъ въ домѣ Васильчикова. Когда то она имѣла разрядъ своихъ особенныхъ поствителей: какъ ее, такъ равно и рядомъ съ ней распивочную пивную лавочку, посѣщали потерявшіе свои мѣста нѣмецкіе дядки и гувернеры; здѣсь вербовали ихъ тѣ лица, которымъ надобился подобный людъ; и очень часто прямо изъ за бутылки пива или изъ за зеленыхъ щей съ перевареной говдиной, какой нибудь Карль Карловичъ или Адамъ Ивановичъ, даже не успѣвъ кончить спора о глубокой и многозначительной политикѣ Генриха XXXVIII, владѣтельнаго князя Вальдекскаго, переходилъ наставникомъ къ какому нибудь богатому барченку, Эрсту Митрофановичу Оедулову, отецъ котораго важиль себя значительное состояніе и дворянство по ордену сватыя Анны, секретарствуя въ ***ской Гражданской Палатѣ. Но нынѣ значеніе рестораціи въ Васильчиковскомъ домѣ и близъ лежащей полпивной лавочкѣ утратилось, — въ слѣдствіе того, что нынѣ нельзя быть учителемъ безъ Университетскаго экзамена, а поэтому стало мѣше этихъ германскихъ педагоговъ, получившихъ образованіе въ мастерской какого нибудь Ввнскаго каретника, и наконецъ потому, что никто не пришелъ бы ихъ отыскивать въ эти мѣста, а обратился бы къ тѣмъ лицамъ, которыя приняли на себя обязанность, часто будучи круглыми невѣждами, рекомендовать попечительнымъ родителямъ воспитателей для ихъ молодаго поколѣнія.

Съ Никитской мы переходимъ въ Грузины, на Тишинскую площадь. Вотъ знаменитый Гвѣлисъ, про который сложена была особенная пѣсня. Всю я ее не помню, но вотъ одинъ изъ нее отрывокъ:

Что въ Грузинахъ за трактиръ,
Что тамъ за веселье!
Тамъ съ утра до ночи пѣрь —
Въчное похивье!...

Вы подымаетесь по широкой лѣстницѣ въ обширные залы; на право сидитъ цѣлый хоръ цыганокъ, — онѣ занимаютъ чаепитіемъ; къ вамъ подходитъ безобразная старуха и спрашиваетъ не прикажете ли спѣть пѣсно; разумеется, вы пришли сюда не для того, чтобъ быть дѣйствующимъ лицомъ, а наблюдать другихъ, — вы

отказываете ей, и она подходит къ молодому челоѣву въ сннеть сюртуку, который наслаждается пуншемъ съ армяннномъ ростовщнкомъ и выгнатымъ изъ службы подьячнмъ изъ Узвднаго Суда. Сннн сюртуку обрадовался возможности безумно истратнть нѣсколькo лишннхъ рублнй, заключнтъ свой кутежъ разгуломъ цыганскаго хора, изъявлъ старухѣ свое согласне; по ея мановенно, молодыя и не молодыя цыганкн роеть обсьлн чтнваго господннз;

И вокругъ гулякн молчально
Рон трактнрщнкoвъ стоять.
Но онъ махнулъ нетерпльнво, ...
Стаканы, рюмкн дребезжать,
И крикъ цыганской червой шалн
Трактнра своды огласнл.

Также безскладно поеть этотъ хоръ, какъ безтолкова гульба снннго сюртука,—вамъ грустно смотреть на эту картину, пойдете вонъ.

Идн по Садовой, мы не заглянемъ въ трактнрь Горлчева, — это заведенне точъ въ точъ тоже, что и Тнфлнсь. Не завернемъ и въ рнсторанно Шашкннн въ большемъ Казнцкомъ переулкѣ, гдѣ гуляють нзвозннкн и портнны, сапожннкн и кузнецы съ самымъ гнуснымъ разборомъ презрвннхъ лансь,—подобное заведенне ождаетъ еще насъ впередн. А вотъ лучше угадайте, что значнтъ эта надпнсь «Трактнрь Розальба.» красующаяся на бывшемъ Вороновскомъ домѣ, что на Трубнон площади. (*) Ежели вы не Москoвскнй старожнлъ, то какъ не бейтесь, никакъ не разршнте этой загадки. Дѣло вотъ видите лн въ чемъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, на сценѣ Московскаго театра былъ поставленъ великолѣпный балетъ подъ названнемъ: Розальба нлн маскарадь. Москва сходила съ ума отъ этого балета; цѣлую зиму только и толковъ было, что объ немъ; дамы носнлн мантлнн à la Розальба, мужчнны жнлеты à la Розальба, были конфекты à la Розальба, кто-то придумалъ какую то кашу à la Розальба, и вотъ смѣтлнвой челоѣвкѣ выкннулъ не бывалую штуку,—завелъ «Трактнрь Розальбу.» Дѣла пошлн у него хорошо, посѣтнтелей было много, не смотря на то, что кормнлн скверно, и находчнвой торговецъ съ барышнемъ продалъ свое заведенне.

Съ Трубы мы переходнмъ на Кузнечкнй мостъ. Недавно еще, въ домѣ Татнщнча, было трактнрное помѣщенне; оно, обыкновенно, бывало многoлюднѣе въ субботу вечеромъ; здѣсь было сборнще всѣхъ нѣжннхъ сердець, пылающнхъ страстью къ моднсткамъ и

(*) Этотъ домъ нынѣ Селнннковъ, и затѣлнная надпнсь «Розальба» недавно уничтожнлась.

швейкамъ; сюда прибѣгали босовогія посланницы, малолѣтнія ученицы съ назначеніемъ часа свиданья съ Донъ-Жуаномъ въ полосатой жилеткѣ и пестрыхъ брюкахъ. Теперь вся эта публика перемѣстилась въ трактиръ на Театральной площади въ нижнемъ этажѣ Чельшевскаго дома.

Такъ называемые жулики, засѣдаютъ въ трактиръ на Толкучемъ рынкѣ и въ Шиповскомъ домѣ. Главные притоны троечныхъ и разнопрядныхъ извозчиковъ, — это бѣлая харчевня въ Рогожской, и малая харчевня близъ церкви Василя Неокесарійскаго, въ Тверской Ямской. Тамъ Русскій людъ пьетъ съ тремя парами (*), до усталы, плохой чай, потребляя иногда чашекъ двадцать и болѣе, и до отвала ѣсть жареную баранину или коренную осетрину, соленую до того, что, когда проглотишь ея куска два, то на лбу выступаетъ крупный потъ.

Лакеи, кучера и вообще вся дворовая чаладь имѣетъ свои любимыя трактиры и харчевни. Знаменитѣйшая изъ нихъ — эта харчевня на Арбатѣ, которую они называютъ Вакзалъ. Она находится противъ церкви Николая Явленнаго. Ежели вы охотникъ до сплетней, любите узнавать, какъ живетъ вапъ ближній; то спросите тамъ себѣ завѣтныя три пары, прихлебывайте плохой чай и слушайте. Вы непременно узнаете что такая-то барыня любитъ мельшую свою дочь и зоветъ ее Пальмой, и очень не любитъ старшей, что такой-то господинъ разошелся съ своею супругой, а такая-то барыня очень сошлась съ своимъ докторомъ, что у чиновника Пышкина пропала собака, а у купца Переторгуева сбѣжала дочь, — кто говоритъ, съ офицеромъ, а кто утверждаетъ, что съ французомъ, который жилъ надъ ними въ мезонинѣ. Сплетнямъ и вѣстамъ ѣсть тамъ мѣры и конца.

Нищая братія, которая, по большой части пропиваетъ то, что выпроситъ Христа ради, ѣсть на Толкучемъ рынкѣ въ старой харчевнѣ, гдѣ даже не готовятъ, кушанья, а подчуютъ своихъ покровителей по десяти копѣекъ съ чловѣка объѣдами, купленными у лакеевъ въ господскихъ домахъ, официантовъ клубовъ и половыхъ разныхъ трактировъ. Всѣ эти объѣдки сваливаются въ одинъ котелъ и потомъ раскладываются по порціямъ. Тутъ есть и обглоданная кость рябчика и недокопченая котлета, и уже немного испортившаяся часть говядины изъ недоѣденныхъ щей, и остатокъ паншета. Все это съ удовольствіемъ не съѣдается, но доѣдается не разборчивыми покровителями старой харчевни.

(*) Шестью маленькими кусочками сахара.

Однако я вамъ скажу: какъ ни отвратительно это неопрятное убежище нищеты и тунеядства, все оно для меня сноснѣе такъ называемаго Петербургскаго трактира у Каменнаго моста, или иначе именуемаго Волчьей долиной и Потеряннѣмъ Раемъ. Въ этомъ мѣстѣ, я былъ тому назадъ лѣтъ десять или болѣе; можетъ быть, теперь тамъ и не встрѣтишь того, что я видѣлъ въ то время, но я тогда былъ пораженъ сильно. Какъ теперь помню, я и товарищъ мой, который взялся быть моимъ чичероне въ этомъ мѣстѣ, входимъ въ низкую залу, закопченную тютюномъ, котораго вѣдкой густой дымъ плавалъ темными облаками; среди этой удушающей атмосферы, за круглымъ столомъ, сидѣлъ молодой кунчикъ, въ синей сибиркѣ, очень не трезвый и игралъ на гармоникѣ известную плясовую пѣсню; передъ нимъ, размалеванная красавица, разостлавъ по грязному полу свой платокъ, плясала, бѣснуясь не хуже древней вакханки; объѣдки пирога, телятины и остатки паюсной икры, съ цѣлою батареею пивныхъ бутылокъ и почти осушеннымъ полштофомъ водки, ясно говорили, что достойная пара только лишь кончила свой ужинъ.

Почти противъ этого трактира, на набережной, въ ново С.-Петербургской рестораціи, во время зимнихъ бѣговъ, лошадиные барышники, конозаводчики и охотники до рысаковъ приходятъ изъ галлерей, устроенной на льду, отогрѣваться и пить чай. Эта ресторація славится своей солянкой и пирогами съ яицами.

Лѣтомъ и осенью, харчевня у Краснохолмскаго моста имѣетъ многочисленныхъ посѣтителей,—это бурлаки, барочные коноводы, лоцманы и прикащики хлѣбныхъ торговцевъ. Послѣдніе очень общепитательны, и за чашкою чаю съ такъ называемою кизлярскою водкой охотно вступаютъ въ разговоръ; вы легко отъ нихъ узнаете о существующихъ цѣнахъ на хлѣбъ, о удобствахъ и затрудненіи сплава по Окѣ и Москвѣ рѣкѣ, о видахъ на урожай текущаго года и о заграничномъ требованіи на вашъ хлѣбъ. Послѣ чаю, они любятъ покушать лѣвивыхъ шей съ хорошею говядиной, жаренаго гуся и кусокъ жирной ветчины.

Призаставные трактиры и харчевни каждую среду, пятницу, а въ особенности воскресенье, бывають наводнены многочисленными посѣтителями — это мужички, привезшіе въ Москву въ торговый день на продажу дрова, сѣно, солому, масло, молоко, яица и прочіе продукты. Сбывъ свои сельскія произведенія, рѣдкій изъ нихъ устоитъ противъ искушенія побывать, какъ они называютъ, въ *растерлиціи*, шащиться чайку, выпить водочки, пивка, т.-е. пива, заку-

сать ветчинки или соленой бѣлужины, жареной печенки или пожаренной даже съестъ селянику. Подлѣ той рестораціи или харчевни, гдѣ пируеть нашъ сельскій житель, навѣрное находится по близости же питейнаго дома и поляпняной лавочки мучная лавка, въ которой онъ для своей лошадки непременно купить четверку овса и передъ этой же мучной торговлей, въ ящикъ, которыхъ у лавочника на этотъ случай заготовлено довольное количество, всыплеть эту порцію своему тощему коню.

Сверхъ всѣхъ заведеній, гдѣ можно покушать начиная съ Шевалье и оканчивая гнусной старой харчевней на Толкучемъ рынкѣ, въ Москвѣ, процвѣтають еще особенныя отрасли торговли съестными произведеніями,—это во первыхъ съестныя лавочки и обжорные ряды, во вторыхъ питейные дома и въ третьихъ мелочная продажа въ палаткахъ и на лоткахъ.

Впрямую вамъ случалось не разъ среди вашей прогулки гдѣ нибудь близъ бойкаго торговаго мѣста, обращать ваше вниманіе на лавочку, помѣщенную гдѣ нибудь на углу, или какъ нибудь выпятившуюся на тротуаръ, или по крайней мѣрѣ отваливающую его своимъ грязнымъ изорваннымъ подзоромъ. По видимому эта лавочка, такъ навязчиво высовываясь впередъ, хочетъ васъ привлечь къ себѣ. Когда вы обратите на нее вниманіе, то увидите на право и на лѣво вдоль ее стѣнокъ простыя топорной работы, но опрятно вымытыя и высокоблѣнныя полки. На этихъ полкахъ въ скоромные дни лежить колбаса, ветчина, вареная печенка, печенія лица, жареная говядина, студень, и не рѣдко въ длинномъ муравленомъ противнѣ яичница на молокѣ или такъ называемая дроцена. Въ постные дни, вы здѣсь найдете паюсную икру третьяго разбора, большихъ Архангельскихъ сельдей, Богъ знаетъ почему называемыхъ Норвежскими, крепко посоленную рыбу, извѣстную подъ именемъ коренной, преимущественно севрюгу и бѣлужину, провѣсную бѣлорыбиду, заготовленную въ прокъ на мѣств ея улова, груды гречневиковъ и стопы блиновъ; кадка квасу съ нѣсколькими, плавающими въ ней ковшниками стоять гдѣ нибудь на видномъ мѣств, и сей часъ за денежку на серебро готова удовлетворить жажду проходящаго. Подложныя деревянныя тарелокъ разной величины, двѣ или три полуизломанныя вилки и деревянныя ложки составляютъ необходимую посуду этого заведенія, въ которомъ торгуетъ какой нибудь обанкрутившійся харчевникъ, пожилая солдатка или бывшій половой изъ хорошаго трактира. Надобно отдать справедливость этимъ людямъ, они другъ передъ другомъ щеголяютъ своею опрятностью;

на хозяйки или хозяйки этой лавочки всегда падают чистый фар-тукъ, они при всѣхъ безпрестанно совершаютъ омовеніе своихъ рукъ и не дѣлятся перемывать свою бѣдную посуду. Простолѣдье за три копейки серебромъ можетъ вдоволь шестаться какого нибудь изъ сихъ кушаній.

Есть мѣста, въ которыхъ этихъ лавочекъ много помѣщенныхъ другъ подлѣ друга и составляющихъ какъ бы особенный торговый рядъ,—этимъ рядамъ даютъ названіе обжорныхъ. Такихъ рядовъ я знаю въ Москвѣ два,—одинъ на Неглинной, сзади желѣзныхъ и мѣ-пальныхъ лавокъ, подлѣ лоскутнаго ряда; ходъ къ нему тѣмъ маленькимъ, узенькимъ переулкумъ, который выходитъ на Никитскую противъ экзерцицгауза. Главные потребители въ этихъ лавочкахъ—извозчики; солдаты и мужички, которые привозятъ въ Охотный рядъ произведенія своихъ огородовъ и скотоводства. Другой обжор-ный рядъ, гораздо обширнѣйшій и лучше торгующій, въ Зарядьѣ, позади церковей Варвары Христовой мученицы и Великомученика Георгія. Въ его неказистыхъ лавочкахъ, вы найдете лучшую въ Москвѣ ветчину и отличную паюсную икру. Для варки первой не далеко отъ этого обширнаго ряда устроены особенныя кухни, въ которыхъ, съ удовольствіемъ, вамъ сварятъ цѣлой окорокъ за пять копеекъ серебромъ, опустивъ его въ общій котель, въ которомъ варится до пятидесяти штукъ этого харча. Разумѣется, въ этомъ наварѣ, ветчина менѣе обыкновеннаго терлетъ пятательныхъ частицъ своихъ, и отъ того выходитъ гораздо вкуснѣе.

Съѣстные лавочки обжорнаго ряда, въ Зарядьѣ, ведутъ свою торговлю очень быстро. Этого мало, что гастрономы изъ народнаго круга лакомятся въ нихъ ветчиной, отличной провѣсной бѣлоры-бицей, семгой, пирогами и блинами, онѣ посредствомъ разнощи-ковъ распространяютъ свои произведенія по всѣмъ рядамъ Гости-наго двора и городскихъ лавокъ. Я думаю, вы не разъ видали, какъ сидѣльцы и торговцы ножевой ливніи, серебрянаго, суровскаго, ма-скательнаго, суконныхъ и прочихъ рядовъ, завтракаютъ, а очень часто и обѣдаютъ съѣстными вещами съ лотковъ. Очень часто даже господа и барыни, въ лавкѣ какаго нибудь знакомаго купца бер-ругъ себѣ завтракъ, въ полномъ смыслѣ *à la fourchette*, у какаго нибудь разнощика. Я уже выше говорилъ о превосходной ветчинѣ обжорнаго ряда; не могу не отдать также справедливости и тамош-ней провѣсной бѣлорыбидѣ, паюсной икрѣ и семгѣ. Глав-ные потребители пироговъ, блиновъ, гречневиковъ и гороховаго киселя у разнощиковъ—это кучера и городовые извозчики. Блины

и гречневика продаются отъ одной до полуторы копѣйки серебръ, за пару, пироги отъ денежки до двухъ копѣекъ серебромъ за штуку; лучшіе изъ нихъ тѣ, которые торговецъ продаетъ теплыми изъ плотно-закрытаго ящика, а самыя дорогіе—съ паточнымъ вареньемъ. Мнѣ сказывалъ одинъ молодой человекъ, будто бы онъ видѣлъ, что очень порядочныя дамы около рядовъ противъ памятника Минина и Пожарскаго изволили заниматься кушаньемъ этихъ печеній. — Грѣшнѣйшій человекъ, я не верю' ему и думаю, что это клевета, возводимая злобой на нѣкоторыхъ членовъ прекраснаго пола, хотя я самъ видѣлъ, какъ двѣ шляпки въ сопровожденіи одного, повидимому, достопочтеннаго господина у калачныхъ палатокъ, близъ Кремлевской стѣны, изволили кушать съ горячею сайкой янца, печенныя и сваренныя въ сматку, запивая водицей, принесенной изъ недалекой грѣльни близъ Спасскихъ воротъ (*). Но во первыхъ это было во время лѣтняго вечера, во вторыхъ мѣсто уединенное....

Лучшіе куски такъ сказать, въ обжорномъ ряду разбираютъ разношники; но и для черни тамъ готовится значительное количество кушаній. На Варварской площади, гдѣ, обыкновенно, толпятся плотники, каменьщики, поденщики, кучера, кухарки и пр. въ ожиданіи найма и мѣста, для укрытія отъ непогоды построены навѣсы, которыйя это престонародье называетъ «Поднебесной залой.» Вокругъ этой поднебесной залы стоятъ палатки, въ которыхъ потребляются огромныя корчаги лапши, щей, гречневой и пшенной каши, съдаются горы чернаго хлѣба, просторныя чаши студени, и выпиваются ушатъ квасу, приносимые изъ обжорнаго ряда; въ этихъ палаткахъ бѣднякъ, отыскивающій работу, за три копѣйки серебръ, удовлетворить свой голодъ, и счастливъ бы онъ былъ, ежелибъ ограничился этой здоровой трапезой, ежелибъ его не тянуло къ питейнымъ домамъ, гдѣ многіе изъ нихъ безвозвратно губятъ и нравственное и физическое свое здоровье. Но таковъ Русской человекъ,—ему необходимо и въ горѣ и въ радости *«зелено вино—крѣпка водочка»*.

I. Г.....

(*) Когда нибудь, въ другое досужное время, я буду говорить объ этой грѣльнѣ, когда поведаю басню о кондитерскихъ употребленіяхъ въ Москвѣ чаю и сбитенщицахъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Письмо изъ Болгарскаго города Софіи въ Москву.

Іюль, 1856 г. «Вы желаете знать, великодушный нашъ благодѣтель, какое число учениковъ посѣщало наше училище до начатія войны, и какое—во время военныхъ дѣйствій. Трудно опредѣлить въ точности число ихъ, въ особенности, въ послѣднее время, когда дороговизна, послѣдовавшая во время и послѣ войны, и продолжающаяся еще и нынѣ, заставляетъ родителей, болѣею частію принадлежащихъ къ сословію ремесленниковъ, отрывать дѣтей своихъ отъ первоначальнаго образованія, и отдавать ихъ въ ученье разнымъ ремесламъ. Глубоко сознають отцы семействъ, чего лишаютъ дѣтей своихъ; но нужда и дороговизна заставляетъ ихъ поступать такъ. Самыя пособія училища много способствуютъ къ тому, что преподаваніе и ученіе идутъ не такъ, какъ вы желали бы. Все это ограничивается только тѣми привошеніями, которыя мы отъ васъ имѣемъ. Книги, глобусъ и географическія карты, присланные вами,—вотъ всѣ пособія, которыми обладаетъ въ настоящее время наше бѣдное училище.

«Касательно же состоянія церкви, мы съ удовольствіемъ можемъ извѣстить васъ, что исходатайствовали у Высокой Порты позволеніе обновить митрополичью церковь, въ слѣдствіе чего, мы начали постройку, съ помощію нашихъ гражданъ, братьевъ—Христіанъ и жителей всѣхъ окружныхъ селеній. Вѣтхая церковь была нами разобрана въ короткое время, и положены новыя основанія, опредѣливъ длину храма въ сорокъ, а ширину въ двадцать аршинъ. Основанія положены твердыя, глубокія, и теперь возвышаемъ стѣны. Быстро и съ большою ревностію спѣветъ созиданіе храма Божія; этому способствуютъ усердіе не однихъ гражданъ города, но и жителей окружныхъ селъ, которыя, опредѣливъ по нѣскольку человекъ отъ каждаго села, рѣшились поддержать работу, и привести къ концу сіе благоудное дѣло. Работающіе снимаются еженедѣльно, т. е., когда одни уходятъ въ селенія, для исправленія своихъ работъ,

другіе смѣняютъ ихъ. Распредѣливъ между собою занятія, одни привозятъ на своихъ же возахъ разные матеріалы для постройки, какъ-то: камни, песокъ, известь, лѣсъ, а другіе, опытные въ дѣлѣ строенія, производятъ работы собственными инструментами, и все это производится безъ всякой платы, исключая прокормленія трудящихся.

«Невдалекъ отъ города, на одной изъ окраинъ Балкана, нашли каменные стѣны. Нѣкоторые изъ нашихъ искусныхъ каменотесовъ показали, что легко построить изъ этого камня всю церковь. Всѣ единодушно согласились, и мы надѣемся воздвигнуть храмъ нашъ, отъ основанія до купола, изъ тесаного камня. Если бы нужно было покупать этотъ камень, то большія суммы денегъ были бы потребны для его приобрѣтенія.

«Такъ какъ стѣны подняты довольно высоко, мы рѣшились возвысить три купола надъ церковью — и это наше неотложное, пламенное желаніе. Куполы эти украсятъ не только самое зданіе церкви, но и придадутъ городу величественный видъ. Если бы случилось иностранцу посмотреть на эти приготовленія и на нашу работу, онъ подумалъ бы, что мы, воздвигая столь великолѣпное зданіе, обладаемъ большими богатствами; но кому известна наша народная и церковная касса, тотъ знаетъ, что находящаяся въ нашемъ распоряженіи наличность едва была бы достаточна для уплаты работъ за одну недѣлю ихъ труда. И не смотря на это, съ надеждою на Бога и на всеобщее усердіе Христіанъ, мы начали это дѣло, и продолжаемъ его непрестанно и неутомимо, и ни одинъ день не проходитъ безъ того, чтобы созиданіе храма не двигалось впередъ.»

ЧУВСТВА РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Дней за десять тому назадъ, стало извѣстно въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ, облегающихъ ее въ нѣсколько поясовъ, что Русскій Царь торжественно вступаетъ въ сердце Россіи, первопрестольную Москву, для вѣнчанія на царство.

Быстро потекла жизненная сила Государства къ его сердцу. Потянулись люди по всѣмъ 24 дорогамъ, входящимъ въ Москву, въ каретахъ, телѣгахъ, пѣшкомъ, съ запасомъ денегъ и вовсе безъ денегъ. Разомъ, позабылись всѣ горести жизни въ семействахъ городскихскихъ и деревенскихъ обывателей, и всѣ послѣдствія минувшей войны какъ бы исчезли и переложились на радость, подобно тому, какъ въ дни свѣтлыхъ праздниковъ утихаеъ щемленіе сердца отъ всякаго горя, освѣжаясь веселіемъ духа.

Всѣ равно почувствовали, что идетъ вѣнчаться на царство Царь мира, Царь сердець. Какъ же не взглянуть на обрученіе Его съ Россіей и какъ не подышать съ Нимъ, хотя въ эти дни, одною струею воздуха.

Наполнилась Москва званными и переполнилась самоизбравшимися на пиръ. Никто не подумалъ о томъ: за чѣмъ мы нужны, кто насъ замѣтитъ. Думали другое: всякій въ своей личной единицѣ чувствовалъ частицу общаго количества и хотѣлъ одного: удовлетворить потребность души, видѣть лице Царево.

Наступилъ день 17 августа. Не будемъ говорить о той части торжества, которая составляетъ исполненіе задуманнаго, а коснемся того, что составляетъ народную сторону праздника, гдѣ дѣйствовала мысль, отдѣльно каждаго двигавшая, отдѣльно исполнявшаяся, но выразившая одно, выразившая союзъ общей любви, приносимый въ даръ грядущему на вѣнчаніе Царю.

Самый видъ Москвы измѣнился и получилъ что-то другое, особо знаменательное.... Всѣ, съ ранняго утра, одѣлись въ праздни-

ныя платья, въ лучшія, у кого какія нашлись, и пошли на встрѣчу, наполняя собою всю Тверскую, всѣ площади въ городѣ, въ Кремль, около его и все поле у Петровскаго дворца.

Едва брели старики, видѣвшіе коронованіе трехъ Царей и слезно молились, проходя мимо церквей. Твердою стопою шли свидѣтели отечественнаго жертвоприношенія Москвы въ 12 году. Стремительно обгонялъ эти два поколѣнія юный возрастъ.

Грядеть Императоръ Александръ Николаевичъ. Кланяется Ему народъ, кланяется Онъ народу.

Что чувствуетъ народъ, чего жслаеть? Ничего не жааетъ въ эту минуту и не можетъ дать отчета, что чувствуетъ, но молится въ душѣ къ Царю Царей о ниспосланіи на грядущаго къ вѣнчанію небесной благодати, все превозмогающей силою смиренномудрія.

Вступило все шествіе въ Кремль. Поздно уже ночью, стали всѣ расходиться отъ жилища Царя по домамъ. Выходя изъ Кремля, каждый тепло и усердно молился у Спасскихъ воротъ о здравіи Александра II и о безконечности Его сердцелюбиваго чувства къ народу.

По приходѣ домой, затеплились лампы у образовъ, назначились суммы для пособія бѣднымъ, ихъ молитва къ Богу доходиле. Заснула Москва къ утру 18-го Августа. Всѣ мольбы, *всп до одной*, были чисты, какъ Авелевы.

В. Кокоринъ.

НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ КОРОНОВАНИЕ

Его Императорскаго Величества

АЛЕКСАНДРА II,

САМОДЕРЯВЦА ВСЕРОССИЙСКАГО.

«Да встрѣтитъ Онъ обильный чествомъ вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудеть
Святѣйшаго изъ званій: человекъ!»

Жуковский.

Съ высотъ Кремля, раздался звонъ священный,
Отраднѣе звонъ—предвѣстникъ торжества,—
И радостно встрѣчаетъ вождельный
Въничанья день престольная Москва.

Несется гулъ по стогнамъ,—и внимаютъ
Ему съ восторгомъ сладостнымъ народъ,—
И старъ, и младъ жилища оставляетъ,
И за толпой толпа къ Кремлю идетъ.

Со всѣхъ концовъ текутъ онѣ, какъ волны,
Текутъ, однимъ желаніемъ горя,
Однимъ святымъ, глубокимъ чувствомъ полны;
Во всѣхъ сердцахъ молитва за Царя.

Но вотъ и Онъ, нашъ свѣтлый Ангелъ мира,
Властитель нашъ, заступникъ и отецъ,
Грядетъ во храмъ, гдѣ ждетъ Его порофра,
Святый слей и царственный вѣнецъ.

Господь на трудъ державнаго служенья,
 На тяжкій трудъ. Избранника призвалъ, ..
 Сольемъ же всѣ о Немъ свои моленья,
 Чтобъ Онъ Ему и силы даровалъ!

Мы мирно спимъ, довольные судьбою,
 Межъ тьмъ, какъ сонъ бѣжитъ Его очей;
 Мы подъ Его отеческой рукою
 Не вѣдаемъ тревоги мрачныхъ дней.

Свершивъ свой трудъ, мы весело, безопасно
 Подъ кровъ родной вкусить покой идемъ;
 Ему же нѣтъ его въ заботѣ вѣчной....
 Помолимся, помолимся о Немъ!

Да будетъ съ Нимъ Небесъ благословенье,
 Благій успѣхъ во всѣхъ Его дѣлахъ!
 Да сохранится вѣкъ Его правленья,
 Какъ памятникъ прекраснаго въ вѣкахъ!

И да найдетъ надежныхъ, неподкупныхъ
 Онъ слугъ Своѣ межъ подданныхъ Своихъ,
 Чтобъ замысловъ коварныхъ и преступныхъ
 Была чужда душа прямая ихъ.

Но гдѣ жъ они, сокрытые смиреньемъ!
 Сердца людей единый видитъ Богъ:
 Онъ одаритъ Царя духовнымъ зрѣньемъ,
 Чтобъ легче Онъ достойныхъ выбрать могъ.

Сограждане! дадимъ обѣтъ священный—
 Ему служить, какъ чести долгъ вслѣдъ,
 Итти стезею правды неизмѣнной:
 Нашъ трудъ Его заботы облегчить.

Царь! Нынѣ ты торжественно вѣнчаешь
 Свою главу наслѣдственнымъ вѣнцомъ,
 На рамена порфиру воологаешь,
 Даешь обѣтъ быть подданныхъ отцемъ....

Тебѣ Господь даруетъ подкрѣпленье
 Свершать Свои высокіе труды;
 Но мы уже вкушаемъ съ восхищеньемъ
 Твоихъ заботъ прекрасныя плоды.

О радуйся, нашъ Труженикъ Державный!
 Въ единый годъ правленья Своего
 Уже свершить успѣлъ Ты подвигъ славный,
 Вполнѣ достойный сердца Твоего!

Покой и миръ—отрада человѣка,—
 Они даны Твоею намъ въ удѣлъ....
 О будь всегда красой и честью вѣка!
 Будь доблестнымъ героемъ мирныхъ дѣлъ!

Твѣ бразды родной Твоей Державы
 Для счастья народа вручены;
 Но счастье не въ лаврахъ бранной славы,
 Не въ торжествахъ неустой войны.

Ты это зналъ—и мановеньемъ длани,
 Какъ Богъ, грозу свирѣпую смирилъ:
 Огонь угасъ, умолкли громы брани,—
 И твой народъ Тебя благословилъ.

Да будетъ намъ залогомъ благодатнымъ
 Такой зари плѣнительный восходъ,—
 Что счастьемъ покоя беззакатнымъ
 Въ Твой славный вѣкъ Россія процвѣтетъ;

Что будешь Ты намъ солнцемъ просвѣщенья,
 Творцомъ всѣхъ благъ, властителемъ сердець,—
 И вознесетъ Святое Провидѣнье
 Превыше всѣхъ Твой царственный вѣнецъ!

Θ. Миллеръ.

Занимаемъ изъ воспоминаія о священномъ коронованіи, принадлежащаго извѣстному перу слѣдующее описаніе.

...Соборъ уже былъ наполненъ Послами иноземными; представители всѣхъ сословій государства, можно сказать, выборные всей земли Русской, занимали мѣста свои позади трона; двѣнадцать Архіереевъ, въ золотыхъ ризахъ, съ многочисленнымъ клиромъ, ожидали, во вратахъ южныхъ, Грядущаго во имя Господне; глубокая тишина царствовала:—вступила Царица Мать, и за нею весь Царственный сонмъ Великихъ Князей и Княгинь, цвѣтущая отрасль ея благословеннаго корня,—Величественно поднялась Ова на ступени трона, ей давно знакомаго, поддерживаемая двумя сынами, и сановито возсѣла у праваго столпа подъ свѣцію, на свое мѣсто; въ полномъ смыслѣ свое: въ каждомъ ея движеніи видна была Царица; тридцатилѣтній вѣнецъ, на главѣ ея, освящался воспоминаніями минувшаго.

Вслѣдъ за тѣмъ появились, одно за другимъ знаменія Царской власти, руками сановниковъ возносимыя на ступени трона: государственныя знамя, мечъ и печать, двѣ порфиры, свитръ и держава, и два вѣнца: Императорскій великій и малый для Императрицы.— И когда все это было расположено по лѣвую сторону Царскаго престола, и всѣ уже стали на мѣстахъ своихъ, сдѣлалось внутри храма, изображающаго небо, глубокое молчаніе, Апокалиптическое, если такъ позволено выразиться, ибо всѣ здѣсь было таинственно и знаменательно, какъ бы въ книгѣ откровенія Іоаннова: «и бысть безмолвіе на небеси, яко полчаса.» (Апокал. VIII. 1).

И, послѣ сего молчанія, послышалось пѣніе ликовъ Ангельскихъ по истинѣ болѣе нежели человѣческихъ, возносившихъ мысля и сердце отъ земли на небо. Они пѣли вдохновенный псаломъ Царя Пророка: «милость и судъ воспою тебѣ, Господи», изображающій, какимъ чувствомъ должна быть проникнута душа, водворяющаяся въ домъ Божіемъ.—Это было привѣтственное пѣніе входящему Царю! Его сопровождала Россія; его срвтала Церковь, молитвою надежды и любви. — Святитель Московскій встрѣтилъ его во вратахъ собора, во имя Первосвятителя Петра чудотворца, который за пять вѣковъ предрекъ на этомъ мѣствѣ, славу Царей нашихъ: «яко взыдутъ руки ихъ на плечи враговъ ихъ», и самъ возлетѣ здѣсь нетлѣнно, во свидѣтельство имѣющаго совершиться.— Показавъ пѣли лики, Царственная Чета припадала благоговѣнно къ святымъ иконамъ, Спаса Эммануила и Богоматери Владимірской, писанной Евангелистомъ Лукою.—Это былъ самый день ея торжества, когда Церковь Россійская празднуетъ бѣгство страшнаго вѣкогда Тамерлана, изъ ея предѣловъ; это была и годовщина славной битвы Бородинской, въ которую Провиднiе спасло также Россію отъ другаго грознаго завоевателя; нельзя было лучше избрать дня, для Царскаго вѣнчанія!

Царственные Супруги взошли на возвышеніе трона и сѣли на своихъ престолахъ: Императоръ—на изящно изваянный изъ слоновой кости, Византійскій престолъ Іоанна III-го, который принесла ему въ наслѣдіе, вмѣствѣ съ орломъ Имперіи, послѣдняя отрасль Палеологовъ, Царевна Софія; Императрица—на одномъ изъ восточныхъ престоловъ, которые по временамъ присылали въ даръ Царямъ нашимъ, мощные обладатели Востока, какъ бы предчувствуя будущую, дальнюю грань расширяющейся къ нимъ Россіи.—Можно было вспомнить здѣсь слово псаломное: «предста Царица одесную тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиспещрена.» (Псал. 44).

Тогда, по бархатнымъ ступенямъ возвышеннаго амвона, тихо поднялся, въ золотомъ саккосѣ и пурпурномъ омофорѣ, удрученный годами, но еще бодрый духомъ. Святитель Московскій, за тридцать лѣтъ предъ симъ уже участвовавшій въ Царскомъ вѣнчаніи, приснопамятнаго Родителя Того, кому должешъ былъ на сей разъ самъ поднести вѣнецъ. Онъ сталъ предъ лицомъ Державнаго, чтобы внять изъ Царскихъ устъ, православное исповѣданіе его вѣры.

прежде нежели приступить къ священному короноваію Царя. ибо таковъ былъ искони обычай боголюбивыхъ предковъ. Кто не подивится здѣсь прозорливой мудрости Православной Церкви? — Не только отъ Епископа, пастыря духовнаго. требуетъ она чистаго исповѣданія Символа, но даже и отъ Самодержца, чтобы вся Церковь могла слышать, какъ вѣруетъ, Богомъ дарованный ей защитникъ, и, чрезъ сію вѣру, мирно пребывать подъ его сѣнью.

«Какъ вѣруешь?» спросилъ Святитель, и громогласно, торжественно, какъ вѣрный сынъ и заступникъ Церкви, произнесъ въ слухъ ея, Символь Православной Каѳолической вѣры, Благочестивѣйшій Государь, проникнутый до глубины души тѣмъ, что исповѣдывалъ устно, и каждое его слово проникало въ душу внимающихъ его искреннему исповѣданію. — «Благодѣть Святаго Духа да будетъ съ тобою», сказалъ Митрополитъ Царственному Исповѣднику, и возвратился къ сонму своихъ собратій. — Ихъ было двѣнадцать, по чину Апостольскому; соборно начали они совершать торжественный молебень, предшествующій вѣчанію, между трономъ и олтаремъ. Умилительныя прошенія возглашала протодіаконъ отъ лица всей Церкви: «чтобы благословіемъ Господа господствующихъ и Царя царствующихъ, благословилося Царское вѣчаніе, и десницею Вышняго укрѣпился скиптръ, и помазаніемъ святаго мѹра, воспріялъ бы Самодержецъ силу и премудрость къ правленію и правосудію; да услышитъ его Господь въ день печали и пошлетъ ему помощь отъ Святаго, и отъ Сіона заступитъ его, и дастъ ему Господь по сердцу его и весь советъ его исполнить; подчиненные ему суды не мздоимны и нелицепріятны сохранить, и да укрѣпляетъ Господь силъ оружіе его на всякаго врага и супостата.»

Утѣшительно было для сердца чтеніе пророчества Исаіи: «рече Сіонъ: остави мя Господь и Богъ забы мя; еда забудеть мати отроча свое, яко не помиловати изчадія чрева своего?—Аще же и забудеть то жена, но азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь! Се въ руку мою вписахъ грады твоя и предо мною еси прино.» — Дѣйствительно, всегда предъ лицемъ Господнимъ вѣрная Емѹ Россія, и въ рукѹ Божіей вписаны ся грады, и когда бы и матъ забыла дѣтище свое, Господь не позабудеть Православной Своей Церкви и земли нашей!

Сколь утѣшительно было пророчество, столь же назидательны слова Апостола, для всѣхъ внимающихъ ему правымъ сердцемъ: «хо-

щеши ли не боятся власти?—благое твори и имѣти будеши похвалу, Божій бо слуга есть, тебѣ во благое; аще ли злое твориши, бойся, не бо безъ ума мечъ носить; тѣмъ же потреба повиноваться, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть.» Евангеліе запечатывало заповѣдь Апостольскую, изреченіемъ самой истины, Господа Исуса: «воздадите убо Кесарева Кесареви, и Божія Богови».

Послѣ чтенія Евангелія, три Митрополита поднялись на возвышеніе трона, Новгородскій и Литовскій по сторонамъ Московскаго, и началось Царское облаченіе во всѣ знаменія верховной власти.—Какъ только облекся своею порфиною Императоръ, благоговѣнно преклонилъ Онъ главу, и Святитель, возложивъ на нее руки, возгласилъ во всеуслышаніе трогательную молитву, которая изъ всѣхъ очей исторгла невольныя слезы; старческій голосъ одушевился на краткій мигъ необычайною силою, чтобы вся Церковь приняла участіе въ столь знаменательной молитвѣ. Онъ молилъ Царя царствующихъ, избравшаго нѣкогда, чрезъ Пророка Самуила, раба своего Давида, чтобы помазать его Царемъ во Израилѣ надъ людьми своими, призрѣть отъ святаго своего жилища, и нынѣ, на вѣрнаго раба своего, котораго благоволилъ поставить надъ своимъ народомъ, искупленнымъ честною кровію Единороднаго Сына Божія. Молилъ еще удостоить его помазаніемъ елея радости, одѣть его силою свыше, возложить на главу его вѣнецъ отъ камене честна, даровать ему долготу дней и скипетръ спасенія, посадить его на престолъ правды, оградить его всеоружіемъ Святаго своего Духа, смирить предъ нимъ всѣ варварскіе языки, хотящіе браней; наипаче же всѣмъ въ сердце его страхъ Божій и состраданіе къ послушнымъ, соблюсти его въ непорочной вѣрѣ, показать вѣрнымъ хранителемъ догматовъ святой Каѳолической Церкви, да судить въ правдѣ и спасетъ сыны убогихъ и наследникомъ будетъ небеснаго царствія.»

Не все ли выражено въ сей краткой, вдохновенной молитвѣ? Плакалъ не Одинъ лишь преклонившій освящаемую главу свою подъ руки Святителя; плакали всѣ предстоявшіе, и столько слезныхъ молитвъ могли ли не проникнуть въ небо? — Митрополитъ поднесъ Государю Императорскую корону и благоговѣнно возложилъ ее на главу свою Самодержецъ, освящаемый благословіемъ Святителя, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, при таинственномъ изъясненіи знаменованія сего вѣнца: «видимое сіе и вещественное главы

твоея украшеніе, явный образъ есть, яко тебя, Главу Всероссійскаго народа, вѣнчаетъ невидимо Царь славы Христосъ, благословеніемъ своимъ утверждая тебѣ владычественную и верховную власть надъ людьми своими». Потомъ Митрополитъ вручилъ Государю скиптръ и державу, съ такимъ же высокимъ и знаменательнымъ словомъ: «прими скиптръ и державу, видимый образъ даннаго тебѣ, отъ Вышняго, надъ людьми самодержавія, къ управленію ихъ и къ устроенію всякаго желаннаго имъ благополучія.»

О мудрая Церковь! — Не только освящаетъ она каждый изъ вѣрваемыхъ ею залоговъ Самодержцу, для спасенія словеснаго стада, но и объясняетъ таинственное ихъ значеніе, чтобы вѣнчанный Властитель, христіански уразумѣвъ воспріемлемый имъ на землѣ образъ Христа, то есть Помазанника Божія, для достойнаго теченія на столь высокомъ поприщѣ. Облеченный во всеоружіе своей власти, возсѣвъ Онъ на престолѣ Мономаховъ и Палеологовъ. Началось другое вѣнчаніе, хотя и не облеченное торжественностію обрядовъ церковныхъ, но столь же трогательное, ибо оно было согрѣто всею вѣжностію супружеской любви. Императоръ позвалъ къ своему престолу Спутницу лучшихъ дней своей жизни, призванную раздѣлить съ нимъ и Царскій вѣнецъ. Она стала на колѣни предъ Супругомъ, во всей красотѣ смиренія; чистая ея душа просіявала въ свѣтлыхъ чертахъ: казалось, бѣлый Ангель Россіи слетѣлъ къ подножію земнаго ея престола, со ступеней небснаго!—Царь Русскій снялъ съ главы блистательный вѣнецъ свой, и тихо прикоснулся имъ скромнаго чела своей Супруги; потомъ возложилъ на главу ея малую корону. Слезы обоихъ Супруговъ слились въ ихъ взаимномъ привѣтствіи; Царицею поднялась облекшаяся въ порфиру, и возсѣла на свой восточный престолъ.

Тогда Императоръ воспріялъ опять скиптръ и державу, на время имъ отложенные для вѣнчанія Супруги, и протодиаконъ возгласилъ ему великолѣпный титулъ Самодержцевъ всея Руси, при громѣ орудій, при гулѣ всѣхъ колоколовъ Кремлевскихъ, утѣшительный тѣмъ, что каждое его слово есть истина, а не одна лишь память минувшей славы.—Здѣсь три царства Іоанновы: Казань, Астрахань и Сибирь, встрѣчаются съ Польскимъ и Таврическимъ и землѣ Югорской, на ледовитомъ Сѣверѣ, противопоставлена роскошная область Армянская, у подножія Арарата.—Сердцу Русскому сладостна сія картина необъятной державы, раскинувшейся на де-

вѣтую часть міра, со всеми наименованіями разнообразныхъ царствъ ея, областей и княженій, въ окраинѣ Океановъ. Во время громкаго многоглтїя происходили трогательныя семейныя привѣтствія: Царица-Мать подпѣлась съ своего престола, чтобы воздать любви вѣнчанному Сыну и Дщери. Сколько минувшаго выразилось въ этомъ настоящемъ, сколько взаимной привязанности! Тутъ не было словъ, были только лобзанія и слезы, посреди громкихъ многоглтїй; не только верные сыны Россіи, но и самые иноплеменцы, поражены были симъ зрѣлищемъ, вмѣстѣ царственнымъ и семейнымъ, и не могли удержаться отъ слезъ.

Казалось, торжество вѣнчанія уже совершилось, привѣтствія приняты, гулъ орудій и колоколовъ умолкъ; настала опять такая же таинственная тишина, какаѣ была предъ вступленіемъ во храмъ шествовавшихъ для вѣнчанія;—по еще не доставало молитвы Царской о себѣ и своемъ народѣ, и молитвы всенародной о своемъ Царѣ, и обѣ сіи молитвы были свѣше всякаго слова. Императоръ положилъ скиптръ и державу, сохранивъ однако вѣнецъ свой, и одинъ, преклонивъ колѣна на возвышеніи трона, при предстоіаніи всей Церкви, такъ помолился Богу отцевъ своихъ:

«Господи Боже отцевъ и Царь царствующихъ, сотворившій все словомъ твоимъ и премудростію своею устроившій человека, да управляетъ міромъ въ преисподоби и правдѣ!— Ты избралъ меня Царемъ и Судіею людямъ твоимъ; исповѣдую твое неизсльдимое о мнѣ смотрѣніе и, благодаря, поклоняюсь величеству твоему. Ты же, Владыко и Господи мой, наставь меня въ дѣль, на которое послалъ меня, вразуми и управи меня въ великомъ служеніи семъ; да будетъ со мною присѣдѣющая престолу твоему Премудрость; пошли ея съ небесъ святыхъ твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очами твоими и что есть право въ заповѣдяхъ твоихъ. Буди сердце мое въ рукахъ твоихъ, дабы все устроить къ пользѣ вѣтренныхъ мнѣ людей и къ славѣ твоей, да и въ день суда твоего, не постыдно воздамъ тебѣ слово: милостію и щедротами Единороднаго твоего Сына, съ нимже благословенъ еси, съ Пресвятымъ и благимъ и животворящимъ твоимъ Духомъ, во вѣки, амишь.»

Не такъ же ли, въ книгѣ Царствъ, юный Соломонъ, молитъ ливившагося ему Господа, воцарившаго его, вмѣсто Давида отца его, даровать ему сердце смысленное, чтобы судить въ правдѣ людей

Божихъ и разумѣвать посреди добра и зла? (3 Царствъ III. 9) Не такъ ли опять, уже во дни своей славы, когда создалъ храмъ Богу отецъ своихъ, и слова господня исполнила сей храмъ, простеръ Соломонъ руки свои къ Богу горь, предъ лицомъ всѣхъ іереевъ и всего народа, и помолвися о вѣрннхъ ему людихъ?—Вездѣ отголосокъ ветхозавѣтныхъ преданій въ Православной Церкви Нового Завета, не отступающей отъ стези отцевъ. Твердо, внятно произнесъ благочестивый Государь сію колывопреклонную молитву; въ каждомъ словѣ отзывалось чувство, какимъ былъ онъ проникнуть но въ голосъ его былъ отголосокъ слезъ, которыя горьки, въ глазахъ его, свѣтлѣе алмазовъ его вѣнца.

Всталъ Онъ, и въ свою очередь вся Церковь преклонила колѣна, при предстояніи одного лишь Державнаго, высоко надъ своимъ народомъ. Митрополитъ, отъ лица всѣхъ, произнесъ умиленную молитву къ Господу: «все устрояющему, неисповѣдимымъ своимъ промысломъ, и воздающему намъ не по беззаконіямъ нашимъ, чтобы умудрилъ и наставилъ раба своего, благочестивѣйшаго Самодержца, которымъ утѣшилъ сердца наши, и даровалъ бы ему не пополазновенно проходить великое свое служеніе, показавъ его врагамъ страшна, къ добрымъ милостива, согрѣвая сердце его къ призрѣнію нищихъ, къ пріятію странныхъ, заступленію напастуемыхъ, и подчиненныя ему правительства направляя на путь правды; всѣ же врученныя державъ его народы содержа въ нелицемерной вѣрности и сотворяя его отцемъ, о чадахъ своихъ веселящихся.» Кто выскажетъ всѣ трогательныя прошенія сей вдохновенной сердцемъ молитвы къ Господу, который единъ въдаетъ, то, что мы требуемъ, и подаетъ еще прежде нашихъ прошеній, ибо отъ него, какъ отъ Отца свѣтовъ, истекаетъ намъ всякое благодѣяніе и нисходитъ всякій даръ совершенный!

По окончаніи сей молитвы, Святитель Московскій, еще весь проникнутый таинственнымъ дѣйствіемъ, которое сподобилъ его Господь совершить надъ Царемъ своимъ, произнесъ предъ лицомъ его краткую рѣчь, и рѣчь сія была дополненіемъ его молитвы, ибо, вмѣстѣ съ благожеланіями Царю, заключала въ себѣ и изложеніе царственнаго долга.

«Благословенъ Царь царствующихъ, сказалъ онъ, вѣнчавшій тебя вѣнцемъ отъ камене честна, и, словами псаломными, изобразилъ: какъ праведно вѣнчалъ его Господь, по закону престолона-

слѣдія и потому, что Царь положилъ сердце свое въ руки Божіи, желая таинственнаго освѣщенія Духа Владычняго, и какъ утишилъ Господь вокругъ него бурю браней, чтобы въ мирѣ и не безъ подвига воспріять ввнецъ предковъ. Ради сего внушалъ Святитель новому Царю, радоваться о спасеніи Господнемъ, и приглашалъ къ той же радости Благовѣрную Его Супругу и Божественную Матерь, ибо уже созрѣлъ плодъ Ея чрева и сладокъ для Россіи. И Церковь Православную приглашалъ онъ вознести соборную молитву къ Господу, полагающему печать своего избранія на вождельнаго Первенца ея сыновъ, вѣрнаго и крѣпкаго ея защитника, по слову пророческому о Царяхъ: «будутъ Царіе кормители ея». — И Россіи предстояла радость, въ священной славѣ Царя своего, которому Царскій ввнецъ его былъ только пріятель отъ руки небеснаго Царя, и вождельно помазаніе отъ Святаго.

Когда исповдалъ въ слухъ Державнаго: что слыше мѣры чело-вѣческой потребенъ даръ Царю, для того, чтобы отъ его ввнца, какъ отъ средоточія, проливался на все царство животворный свѣтъ мудрости правительственной; чтобы мановеніемъ его скиптра указывалось вѣрное направленіе подчиненнымъ властямъ, ко благу общественному; чтобы рука Царева крѣпко и все цѣло обнимала его державу; чтобы мечъ его всегда былъ готовъ на защиту правды и, однимъ своимъ появленіемъ, уже поражалъ неправду, а знамя Царское собирало во едино миллионы народа; и наконецъ чтобы труда и дѣвнія Царева доставало для возбужденія ихъ дѣятельности и обеспеченія ихъ покоя. Возвышенно заключилъ онъ всѣ свои благожеланія, о воспріятіи, въ помазаніи видимомъ, невидимой благодати, утѣшительно напоминая: какъ древле надъ Царемъ Давидомъ, послѣ его царскаго помазанія, благодатно носился Духъ Господень, отъ того дня и потомъ.»

Горжественный гимнь великаго Амаросія: «Тебе Бога хвалятъ», опять при громѣ орудій и гулѣ колоколовъ, огласилъ Церковь. Во всемъ облаченіи Царскомъ, съ ввнцемъ и скиптромъ и державою, предстоялъ Императоръ, внимая молитвенно гимну; утѣшительно было смотрѣть на него и видѣть, что превознесенный Богомъ не превознесся духомъ, но что напротивъ въспренній ввнецъ былъ ему во смиреніе, какъ будто не для него, а для насъ, совершалось все великое сего радостнаго утра.

Началась божественная литургія; три Митрополита ее совершали: Новгородскій и Литовскій при первенствѣ Московскаго.

Государь сложилъ съ себя вѣнецъ и смиренно молился на высотѣ своего трона; все его вниманіе и благовѣрной его Супруги, обращено было къ божественной службѣ. На маломъ входѣ подносили святое Евангеліе, для благовѣрнаго цѣлованія; Архіереи и весь освященный клиръ вошли въ алтарь, и литургія продолжалась обычнымъ порядкомъ до времени приобщенія. Когда пѣли причастный стихъ, постланъ былъ багряный бархатъ, отъ ступеней трона до вратъ царскихъ, для Царскаго шествія къ священному миропомазанію. Открылись святые врата; два Архіепископа, Казанскій и Ярославскій, вышли и поднялись на ступени трона, чтобы пригласить Ввѣщенныхъ Супруговъ къ сему священному дѣйствию и къ приобщенію божественныхъ таинъ.

Отложивъ оружіе, но въ вѣнцѣ и порфирѣ, со скиптромъ и державою, спустился Императоръ съ возвышенія трона и приблизился къ вратамъ царскимъ. Предъ алтаремъ отдалъ Онъ, окружившимъ его сановникамъ, вѣнецъ и прочія знаменія своей власти, сохранивъ на себѣ одну лишь порфиру; во вратахъ царскихъ помазалъ его Святитель Московскій, изъ драгоценнаго сосуда Мономахова, священнымъ мѣромъ, на чель и очахъ, на устахъ, побряхъ и усахъ, на персяхъ и рукахъ, возглаголюя по чину таинства: «печать дара Духа Святаго».—Такъ некогда самъ Господь повелѣлъ Пророку своему Самуилу, помазать перваго Царя Израилева, и ему же велѣлъ повторить сіе таинственное дѣйствіе надъ юнымъ Давидомъ, еще пастыремъ стадъ Вифлеемскихъ, отъ коего долженъ былъ произойти самъ Христосъ, т. е. Помазанникъ.

Императрица слѣдовала за Государемъ и сподобилась также таинственной печати дара Духа Святаго, только на чель. Она стала предъ иконою Пречистой Дѣвы, когда Императоръ вошелъ царскими вратами въ алтарь, для приобщенія божественныхъ таинъ, по чину Царскому. Съ теплою вѣрою произнесъ Онъ, у самаго престола, обычную молитву: «вѣрую, Госноди, и исповѣдую, яко ты еси во истину Христосъ, Сынъ Бога живаго.»—Святитель Московскій, положившій печать помазанія духовнаго на чель Царскомъ, сподобилъ его и божественнаго приобщенія, положивъ ему, въ крестообразно сложенные на престолѣ руки, Святое тѣло, и давъ ему вкусить отъ святой чаши.

Трогательно было видѣть, съ какими слезами, во все сіе время, молилась Императрица на колѣняхъ, у чудотворной иконы Божіей Матери, предавая себя вполне ея покрову, истинно Христіанскимъ

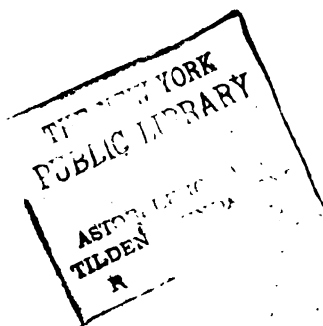
чувствомъ, приступила Она къ приобщенію святыхъ таинъ, въ дверяхъ царскихъ.— Не лѣзя было не молиться, вмѣстѣ съ сими Царственными молитвенниками, которые подавали столь назидательный примѣръ благочестія всемъ своимъ подданнымъ. Послѣ приобщенія, возвратились Они на тронъ, и тутъ прочелъ имъ духовникъ обычныя благодарственныя молитвы. По совершеніи литургіи, возглаголено было торжественное многолѣтіе: «Богомъ въвчаннымъ, превознесеннымъ и святымъ муромъ помазаннымъ.» Митрополитъ поднялся опять на ступени трона, чтобы поднести имъ животоворящій крестъ.

Тогда Августѣйшая Матерь, въ сопровожденіи всего своего Царственного Дома, возвратилась изъ собора прямо въ Царскія палаты, на Красное крыльцо; но иной путь предлежалъ Въвчанной Четвѣ, и сколько благочестія въ этомъ обычаѣ, освященномъ въками! Въ Архангельскомъ, Ей надлежало поклониться гробамъ своихъ предковъ, прежде нежели вступить въ святые сѣни ихъ Грановитой палаты; но, чтобы утѣшить сердце народа, жаждавшего видѣть своего Владыку, не прямо къ собору, но внѣ ограды, вокругъ Ивана Великаго, направлялось шествіе. При выходѣ изъ храма, въ сверныя его врата, Державные Супруги вступили подъ высокую сѣнь, великолѣпно украшенную, которую поддерживали старшіе воинскіе чины.

Кто можетъ описать сіе чудное зрѣлище любви народнои! надобно было видѣть сго, чтобы оцѣнить; надобно было слышать этотъ ревъ, какъ бы гласъ водъ многихъ, взволнованнаго моря народнаго, заглушающій и громъ орудій и гулъ всѣхъ колоколовъ Кремля, чтобы постигнуть, какъ привязано сердце Русскаго, къ своему Царю. Многимъ пришельцамъ, земли и вѣры чуждой, раскрыло глаза то, чему едва могли вѣрить глаза ихъ, ибо такъ можетъ любить и чувствовать только одинъ народъ Русскій, еще въ полномъ смыслѣ народъ Божій и новый Израиль, по чистотѣ своего сердца и пламенной вѣрѣ. Но вдругъ умолкли клики и настала тишина великая,—это былъ краткій мигъ молитвы Царской внутри собора, подъ сѣнію Архангеловъ, надъ мощами Святыхъ и предъ гробами предковъ: Весь свѣтлый Домъ властителей Московскихъ тутъ собранъ, отъ перваго Калиты и до втораго Петра, и между ними два молитвенника, неусыпные стражи сей Царственной усыпальницы;—мученикъ Князь Михаилъ и отрокъ Царевичъ Дмитрій. Къ ихъ священнымъ ракамъ припадали, украшенные ихъ земными

внцами, смиряясь предъ величіемъ ихъ небесныхъ ввнцевъ, и лишь только появились изъ собора, овятъ всвнародными кликами потрясся воздухъ.

Снова все умолкло: уже подъ свнцію третьяго собора, молились благоговнво Ввнчанные молитвенники, предъ иконою Матери Божіей, слывущей Довскою, потому что она сопутствовала ввнзю Довскому, въ день славнаго побовща Мамчева. Въ третій разъ явились Они народу, изъ паперти Благовшченской, и уже не умолкали радостные клики, доколъ Царь и Царица не поднялись по ступенямъ Краснаго крыльца. Съ открытой его площадки, у самаго входа въ святая свни своихъ чертоговъ, Царь Русскій, во всемъ блескв своего величія, со скиптромъ и державою въ рукахъ, ввнчанною главою, поклонился своему народу, и, какъ одинъ человекъ, откликнулся ему весь многонародный Кремль.

52268

FEB 21 1962

